УДК 902(470)
ББК 63.4(23)
Н 55

Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук Л. В. Покровская,
кандидат исторических наук В. К. Сингх (отв. ред. и сост.),
А. М. Степанов, Е. А. Тянина

Рецензенты:
доктор исторических наук Н. Б. Леонова
доктор исторических наук А. Е. Леонтьев
доктор исторических наук А. В. Чернецов

«Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред.–сост. В. К. Сингх. – Москва – Великий Новгород. – 2018. – 248 с.: ил.

Сборник научных статей «Нескончаемое лето», подготовленный к изданию Лабораторией истории и археологии средневекового Новгорода исторического факультета МГУ, посвящен юбилею известного российского археолога, доктора исторических наук, профессора кафедры археологии исторического факультета МГУ Елены Александровны Рыбиной. В книге собраны статьи ведущих археологов, историков, лингвистов, искусствоведов, в которых рассматриваются различные вопросы археологии в широком хронологическом диапазоне от эпохи камня до средневековья. В большинстве статей впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении древней и средневековой археологии и истории.

Сборник рассчитан на историков, археологов, филологов, а также широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым.

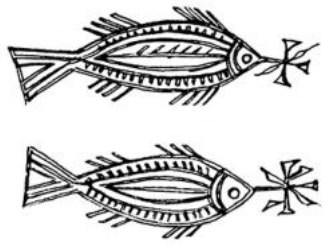
В оформлении обложки использованы изображения с металлической ложки, найденной в Великом Новгороде на Троицком XIV раскопе (первая половина XII в.)

ISBN (?)

© Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Оформление: Новгородский музей-заповедник, 2018

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА
НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

НЕСКОНЧАЕМОЕ ЛЕТО



Сборник статей
в честь Елены Александровны Рыбиной

Москва – Великий Новгород
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие....6
От редколлегии....8
Список научных трудов Е. А. Рыбиной....9
Н. И. Асташова. Находки степного круга из раскопок Смоленска....21
Л. А. Беляев. Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье....23
Е. М. Болдырева. Торговые контакты в провинциальном золотоордынском городе (по материалам городища Самосделка)....26
П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников. Снова о привесках — литых копиях с монет типа «Ярославле сребро» из Новгорода....29
А. А. Гиппиус. «Игра в слова» по правилам древнего Новгорода....33
О. П. Доброва. О некоторых типах бус по материалам Неревского раскопа Новгорода Великого....36
Т. С. Дорофеева. Лунницы Рюрикова городища....40
Г. Е. Дубровин. Об эволюции приема рубки «в обло» в древнерусском срубном строительстве....43
Т. В. Егорова, М. Р. Буйнова. Водоносные колодцы городища «Чайка»....52
Н. В. Ениосова, В. К. Сингх, А. М. Степанов. Сырьевые слитки новгородских ювелиров....62
В. С. Житенев. Возраст палеоантропологических находок из Игнатиевской пещеры....73
В. И. Завьялов. Оправы стеклянных зеркал из Переяславля Рязанского в археологическом контексте....76
С. С. Зозуля, В. К. Сингх. Новые находки подвесок с изображением хищной птицы....79
Е. С. Зубкова, В. К. Сингх. Новые находки головных уборов из раскопок в Новгороде....83
С. Ю. Каинов. Чехол для лезвия топора с Неревского раскопа....87
А. Р. Канторович. Основные вехи биографии археолога Алексея Алексеевича Захарова....90
С. И. Кочкуркина. Естественнонаучные методы в археологических исследованиях средневековой Карелии....98
И. Н. Кузина, О. В. Зеленцова. Янтарный «клад» 2008 года из Печернего города Владимира....105
В. С. Курмановский, Т. Ю. Муренцева, О. Л. Шарганова. Смоленская керамика конца X – первой половины XII вв.: некоторые морфологические и технологические особенности....111
Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIV вв.: новые находки....119
П. Д. Малыгин. Из истории торговли средневекового Торжка....131
Т. С. Матехина. Орнаментированные кожаные изделия с фигурным швом из раскопок в Новгороде (к вопросу о технике кожаной мозаики в средневековье)....135
А. А. Медынцева, Д. Ю. Бадеев, В. Ю. Коваль. Надпись на литейной форме из Булгара....141
Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская. Находки железных заклепок на Рюриковом городище в свете проблем развития судостроения Северной Руси....146
Д. О. Осипов. Составные подошвы из раскопок в Великом Новгороде....151
Б. Б. Овчинникова, Ф. В. Трофимов. О славяно-«чудских» взаимоотношениях в VI–XIII вв.: сферы контактов....156
Т. Д. Панова, С. А. Никитин. Князь Дмитрий Шемяка: убийство, раскрытое спустя пятьсот лет....170
Н. Е. Персов, В. В. Солдатенкова. «...Идучи по тьмаке по берегу...» (археологические и письменные свидетельства о двух усадьбах тверского Затьмачья)....176
Д. А. Петров. Вино в составе даров новгородцев великому князю Ивану III, поднесенных во время походов 1475–1476 и 1478–1479 гг....180
Л. В. Покровская, Е. А. Тянина. Полая птицевидная привеска с Троицкого XV раскопа (находка 2017 года)....186
Т. А. Пушкина. Ножи редкой формы из Гнёздова....189
М. В. Рождественская, Т. В. Рождественская. Три «Софии» (из комментария к трем стихотворениям)....192
Н. В. Рындина, И. Г. Равич. Уникальный меч Майкопской культуры: результаты аналитического исследования....196

А. И. Сакса. Выборг в конце эпохи Средневековья — начале Нового времени....198
Вл. В. Седов, А. В. Андриенко, М. В. Вдовиченко, А. А. Кудрявцев. Бронзовые гвоздики с изображением льва с новгородского Городища....214
Д. С. Сережникова. Западноевропейские перстни из раскопок Великого Новгорода....216
И. А. Стерлигова. Новгородский след в истории древнерусских золотых ряс....219
А. Н. Сорокин. Неизвестные улицы древнего Новгорода (материалы к исследованиям по исторической топографии)....224
К. В. Трубицын. Удила индивидуальных типов из раскопок Великого Новгорода....230
Н. Н. Фараджева. Новгородские берестяные грамоты как источник для изучения средневекового домостроительства....232
Ю. Л. Щапова. Археологическое время: числовое и вербальное моделирование....238
Список сокращений....243
Сведения об авторах....244

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник «Нескончаемое лето» открывает серию изданий Лаборатории истории и археологии средневекового Новгорода, созданной на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 2017 году.

Он посвящен юбилею доктора исторических наук, профессора кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, выдающегося исследователя древностей средневекового Новгорода Елены Александровны Рыбиной.

В книге собраны статьи ведущих историков, археологов, лингвистов, искусствоведов – друзей, учеников и коллег Елены Александровны, – в которых рассматриваются различные вопросы истории и археологии в широком хронологическом диапазоне от эпохи камня до Средневековья. Среди авторов статей сотрудники кафедры археологии МГУ, ученые из научных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Петрозаводска и Твери. Широта проблематики, так или иначе затронутая в статьях сборника, в полной мере соответствует широте интересов юбиляра.

Значительную часть книги составляют публикации и исследования материалов по истории и археологии отечественного Средневековья, преимущественно его древнерусского периода. Две статьи знакомят с древностями золотоордынских городов. Серия исследований посвящена новым археологическим материалам новгородских раскопок. В сборник также вошли исследования, посвященные другим археологическим эпохам. Ряд статей посвящен вопросам историографии, методологии и методике археологических исследований. В большинстве статей впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении древней и средневековой археологии и истории.

Мы сердечно благодарим всех коллег, с готовностью откликнувшихся на наше приглашение принять участие в настоящем издании. Публикация сборника «Нескончаемое лето» – знак нашей любви и уважения к Елене Александровне Рыбиной.

Наша особая признательность адресована Новгородскому музею-заповеднику без постоянной поддержки и любезного содействия которого подготовка и издание данного сборника едва ли были бы возможны.

ПРЕДИСЛОВИЕ

МГУ и НАЭ... Две короткие аббревиатуры, наполненные глубоким смыслом. 50 лет назад Елена Александровна Рыбина закончила Московский государственный университет и стала сотрудником кафедры археологии. А на Новгородскую землю она ступила еще раньше, в 1962 г., когда приехала в Новгород студенткой на практику. С тех пор и по сей день, однажды выбрав судьбу, Елена Александровна никогда ей не изменяла. Она поступила на исторический факультет МГУ по совету своей школьной учительницы Брониславы Михайловны Билак, а после экспедиции в Гнездово окончательно связала свою жизнь с археологией.

«После второго курса была обязательная практика в Новгороде, нас приехало тогда 6 человек... Мы были поражены увиденным и увлеклись новгородской археологией, самим Новгородом, его памятниками и ландшафтами. После практики четверо из нас выбрали темами дипломных работ Новгород, и с тех пор вся наша жизнь была связана с этим городом и с новгородской археологией», – вспоминает она о своем первом приезде в Новгород.

МГУ. В 1972 г. Е. А. Рыбина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Торговые связи Новгорода X–XIV вв. по археологическим материалам», а в 1992 г. — докторскую диссертацию на тему «Западноевропейские связи Новгорода X–XIV вв.» С 1997 г. она — профессор кафедры археологии. В настоящее время Елена Александровна — авторитетный специалист в области средневековой археологии и истории Древней Руси. В результате комплексного изучения источников ею впервые воссоздана целостная картина торговых связей Великого Новгорода в эпоху Средневековья, определено международное значение Великого Новгорода как крупнейшего торгового центра Средневековой Европы. Особое место в ее исследованиях занимает история взаимоотношений Новгорода с Ганзой и история иноземных дворов в Новгороде. Много внимания Е. А. Рыбина уделяет анализу предметов материальной культуры и берестяных грамот для характеристики средневекового общества. Результаты исследований отражены в ее статьях и монографиях. Елена Александровна ведет большую педагогическую работу. Она читает курс лекций по историографии для студентов, специализирующихся на кафедре археологии, спецкурсы по археологии Новгорода и изучению берестяных грамот как исторического источника, принимает участие в организации и проведении археологической практики студентов исторического факультета МГУ в Великом Новгороде. За время работы в МГУ Е. А. Рыбина воспитала многих специалистов-археологов. Сегодня она руководит дипломниками, аспирантами и соискателями кафедры археологии. Под ее руководством защищено шесть кандидатских и одна докторская диссертации. Ученики Елены Александровны успешно работают на историческом факультете МГУ, в Российской академии наук, в Государственном историческом музее и других музеях нашей страны, в ведущих российских вузах и научных издательствах.

НАЭ. В 1962 г. и 1964 г. еще студенткой Е. А. Рыбина принимала участие в работах на Ильинском раскопе. В 1962 г., прежде чем начать археологические исследования, пришлось разбирать каменные фундаменты дома. «Работа по разборке фундаментов была тяжелая, пыльная, на руках появились мозоли...», — вспоминает она. После окончания подготовительных работ раскоп был разбит на четыре участка, одним из которых руководила Елена Александровна. Ее дальнейшая судьба в Новгородской археологической экспедиции неразрывно связана с полевой камеральной лабораторией, которой она руководила с 1965 по 1997 гг. Сейчас Е. А. Рыбина — заместитель начальника Новгородской экспедиции. Она ведет большую работу по обработке археологических коллекций,

созданию научного архива экспедиции, проведению научного семинара по истории и археологии Новгорода. Еще одной важной частью работы Елены Александровны стали первичная обработка и чтение берестяных грамот. Разворачивать грамоты — кропотливый, требующий особого внимания и безграничного терпения, труд. И те тщательность и спокойствие, с которыми она разворачивает грамоты под пристальным вниманием журналистов и филологов, всегда вызывают благоговейный трепет и восхищение. «Я счастлива, что через мои руки прошли сотни берестяных грамот, пусть и найденных другими, — отмечает в одном из интервью Елена Александровна. — Краткие, лаконичные, совершенно замечательные тексты. Древнерусский оригинал и современный перевод — для меня это как высокая поэзия и ее пересказ... Каждая находка — сродни открытию. А ожидание, порыв, эмоции — от обретения. Это как вечная молодость. И поэтому у меня нет иммунитета к новизне».

Способность воспринимать свою работу не как рутину, а как что-то новое и неизведанное — очень важное качество ученого, без которого нельзя проводить научные исследования. И это качество в полной мере свойственно Елене Александровне. Лучше нее самой об этом не скажешь: «Я по-прежнему испытываю восторг от каждой новой грамоты или какого-нибудь деревянного фрагмента, который, может быть, внешне ничем не примечательный, но начнешь его изучать, и он оказывается частью, скажем, древнего музыкального инструмента». Энтузиазм и любовь к Новгороду Е. А. Рыбина воспитывает в своих учениках. Каждый год во время летней археологической практики она проводит занятия со студентами-археологами, организует экскурсии по Новгороду и его окрестностям. И, во многом благодаря ей, археологическая практика в Новгороде становится для студентов незабываемой. Елена Александровна учит студентов настоящей археологической романтике — «романтике научного поиска».

Каждый год лето для археологов — особый этап жизни. Это работа «в поле» на раскопе, кропотливый сбор информации. Потом наступает, по словам Елены Александровны, «долгий период осмысливания найденного». Экспедиции и научные исследования — две части одного целого. Две части одного «нескончаемого лета». В сборнике, посвященном юбилею Елены Александровны Рыбиной, опубликованы статьи ее друзей, учеников и коллег, которые занимаются совершенно разными археологическими памятниками, разными периодами — от каменного века до Средневековья. И всех их объединяет «романтика научного поиска».

Друзья и коллеги

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Е. А. РЫБИНОЙ

1971

Из истории южного импорта в Новгород // Советская археология. 1971. № 1. С. 260–264.

La arqueologia y la antiquos ciudades Rusas (segúm materiales de la expedición arqueológica de Nóvgorod) // Annuario de Estudios Medievalis. T. 7. 1971. P. 727–742.

1972

Из истории ввоза янтаря в Новгород (по материалам раскопок 1951–1970 гг.) // Новое в археологии. Изд-во МГУ. М., 1972. С. 224–228.

1973

Из истории торговли цветными металлами в Новгороде в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1973. № 1. С. 90–96.

Раскопки Готского двора в Новгороде // Советская археология. 1973. № 3. С. 100–107.

1977

Берестяная библиотека // Наука и религия. 1977. № 4. С. 46–50.

Die nowgoroder Birkenrindenurkunden als neue Quelle zur mittelalterlichen Geschichte Russlands // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universitat. Bd. 26, № 2. Greifswald. 1977. S. 97–102.

1978

Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. Изд-во МГУ, М., 1978. 167 с.

Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. Изд-во «Наука». М., 1978. С. 197–226.

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1977 г. Изд-во «Наука». М., 1978. С. 42–45. В соавтор.: Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Миронова В. Г.

Некоторые проблемы развития торговли в средневековом Новгороде (по археологическим материалам) // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. Материалы исторической конференции 28–30 ноября 1978 года. Таллин. 1978. С. 123–134.

Повесть о новгородском посаднике Добрыне // Археографический ежегодник за 1977 год. Изд-во «Наука», М., 1978. С. 79–85.

Рец.: В. Л. Янин. «Я послал тебе бересту...». Изд. 2-е. М., 1975 // Советская археология. 1978. № 1. С. 294–299. В соавтор.: Хорошев А. С.

1979

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1978 г. Изд-во «Наука». М., 1979. С. 45–47. В соавтор.: Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Миронова В. Г., Ершевский Б. Д., Кубло Э. К.

XII a. dailininko dirbtuve // «Mokslas ir gyvenimas». Vilnius. 1979. № 12. P. 22.

1980

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1979 г. Изд-во «Наука». М., 1980. С. 39–42. В соавтор.: Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Миронова В. Г., Ершевский Б. Д.

Ergebnisse archäologischen Forschungen in Nowgorod // «Das Alterthum». 1980. Bd. 26, № 1. S. 41–48.

1981

Западноевропейская система знаков собственности // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 12. Изд-во «Наука». Л., 1981. С. 282–297.

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1980 г. Изд-во «Наука», М., 1981. С. 37–39. В соавтор.: Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Миронова В. Г., Ершевский Б. Д.

Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде // Советская археология. 1981. № 1. С. 298–300.

1982

Новгородский семинар на кафедре археологии // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. Изд-во «Наука». М., 1982. С. 329–335.

Раскопки в Новгороде (к 50-летию работ Новгородской археологической экспедиции) // Известия АН ЭССР. Общественные науки. 1982. № 1. С. 77–88.

Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. Изд-во «Наука». М., 1982. С. 178–239. В соавтор.: Колчин Б. А.

Торговля средневекового Новгорода в исторической литературе // Новгородский исторический сборник. Т. 1. Изд-во «Наука». Л., 1982. С. 165–189.

1983

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1981 г. Изд-во «Наука». М., 1983. С. 43–46. В соавтор.: Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Ершевский Б. Д.

Новые документы о шведском дворе в Новгороде // Археографический ежегодник за 1982 г. Изд-во «Наука». М., 1983. С. 64–68.

Открытие древнего Новгорода // Путешествия в древность. Изд-во МГУ. М., 1983. С. 123–183. В соавтор.: Янин В. Л.

Шведский двор в Новгороде в XVII в. // Русский город. Т. 6. Изд-во МГУ. М., 1983. С. 75–91.

1984

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1982 г. Изд-во «Наука». М., 1984. С. 37–40. В соавтор..: Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Ершевский Б. Д.

Ausländische Höfe in Nowgorod vom 12. bis 17. Jahrhundert // Hansische Studien. Weimar. Bd. 6. S. 111–129.

1985

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1983 г. Изд-во «Наука». М., 1985. С. 39–40. В соавтор: Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С.

1986

Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. Изд-во МГУ. М., 1986. 174 с.

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1984 г. Изд-во «Наука». М., 1986. С. 35–38. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С.

1987

Берестяные грамоты как источник по истории новгородской торговли // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 3. С. 58–66.

Fürst und Stadtgemeinde in Nowgorod // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universitat Bd. 36. Greifswald, 1987. S. 89–92. В соавтор.: Янин В. Л.

Über den Novgoroder Handelsvertrag des ausgehenden 12. Jahrhunderts // Visby-Colloquium des hansischen Geschichtsvereins: 15–18 Iuni 1984. Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Bd. 32. Neue Folge. Köln-Wien, 1987. S. 125–128.

1988

Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1987 года. М., 1988. С. 43–45. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

1989

О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3. Изд-во «Наука». Л., 1989. С. 43–50.

Работы Новгородской экспедиции в 1987–1988 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научной конференции). Вып. 2. Новгород. 1989. С. 3–8. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города. Изд-во МГУ. М., 1989. С. 74–81.

Темы и проблемы Новгородского семинара // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1989. № 4. С. 59–66.

Шахматы в древнем Новгороде // Юный художник. 1989. № 9. С. 26–27.

1990

Работы Новгородской экспедиции в 1989 г. // НиНЗ ИА. (Тезисы научной конференции). Вып. 3. Новгород, 1990. С. 3–7. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

1991

Западноевропейские рукояти ножей из раскопок в Новгороде // Ex Oriente lux. Melanges offerts en hommage an professeur Jean Blankoff a l occasion de ses soixant ans. Vol. 1. Bruxelles. 1991. P. 303–308.

Из истории шахматных фигур // Советская археология. 1991. № 4. С. 86–101.

1992

К атрибуции одной категории кожаных изделий // Городецкие чтения. Материалы научной конференции. Городец. 1992. С. 82–85.

Работы Новгородской экспедиции в 1990 году // НиНЗ ИА. (Тезисы научной конференции). Новгород, 1992. С. 3–8. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

Работы Новгородской экспедиции в 1991 г. // НиНЗ ИА. (Тезисы научной конференции). Вып. 6. Новгород, 1992. С. 3–6. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н., Дубровин Г. Е., Яременко Е. В., Тарабардина О. А.

Recent Finds from excavations in Novgorod // The Archaeology of Novgorod, Russia. The Society for medieval archaeology monograph series. Vol. 13. Lincoln. 1992. P. 160–192.

Trade Links of Novgorod established through archaeological data // The Archaeology of Novgorod, Russia. The Society for medieval archaeology monograph series. Vol. 13. Lincoln. 1992. P. 193–205.

1993

К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // НиНЗ ИА. Вып. 7. Новгород. 1993. С. 153–161.

О работах Новгородской археологической экспедиции в Людином конце (Троицкий раскоп) // НиНЗ ИА Вып. 7. Новгород, 1993. С. 5–14. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

О содержании берестяных грамот с географическими названиями // В кн.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). Изд-во «Наука». М., 1993. С. 344–347.

Vikingernes Russland Novgorod // Roskilde Museum Forlag. 1993. S. 29–69. В соавтор.: Янин В. Л., Носов Е. Н.

1994

Археологические исследования в Людином конце Новгорода в 1993 г. (Троицкий раскоп) // НиНЗ ИА. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 5–8. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции. Новгород. 1994. С. 87–89.

Открытия в Новгороде в 1993 г. // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1994. № 2. С. 40–45.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // Археологические открытия 1993 года. Изд-во «Наука». М., 1994. С. 36–38. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

Церы из раскопок в Новгороде // НиНЗ ИА. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 129–133.

Die Nowgoroder Birkenrindenurkunden als neue Quelle. The Birchringdocuments in Novgorod // Lithuania-Sweden Historic documents from the Lithuanien archives. Visby. 1994. S. 23–25.

Novgorod–Gotlands handelspartner i ost. Lansmuseet Gotlands Fornsal. 1994. 36 s. В соавтор.: Янин В. Л., Носов Е. Н.

Om kontakterne mellen Novgorod og Danmark i middelalderen // Romu. Arsskrift fra Roskilde Museum. Roskilde. 1994. S. 7–12.

1995

Археологические исследования Новгорода Великого: открытия последних лет // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры УрГУ. Екатеринбург, 1995. С. 126–128. В соавтор.: Овчинникова Б. Б.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // Археологические открытия 1995 года. Изд-во «Наука». М., 1995. С. 61–63. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. // НиНЗ ИА. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 5–9. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

1996

К атрибуции одной находки из Зарядья // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. С. 156–158.

О торговых пошлинах и санкциях в средневековом Новгороде // От мытной заставы до современной таможни. Новгород, 1996. С. 7–14.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // Археологические открытия 1995 года. Изд-во «Наука». М., 1996. С. 92–94. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н.

Spiegel aus mittelalterlichen Novgorod // Zwischen Lübek und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. Lüneburg. 1996. S. 131–141.

1997

Гребни, расчески // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. Изд-во «Наука». М., 1997. С. 19–21.

Изделия из бересты // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. Изд-во «Наука». М., 1997. С. 47–48.

Изделия из кожи // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. Изд-во «Наука». М., 1997. С. 46–47.

Шашки, «мельница», шахматы // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. Изд-во «Наука». М., 1997. С. 110–114.
К атрибуции загадочных средневековых крышечек // НиНЗ ИА Вып. 11. Новгород, 1997. С. 87–93.

Новгород в системе балтийских связей // Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 326–333.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1996 г. // НиНЗ ИА. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 5–9. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе // Археологические открытия 1996 года. Изд-во «Наука». М., 1997. С. 70–73. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н.

Middelalderens Novgorod // Skrift... i middelalderens Russland og Trondheim. NTHU. Vitenskapsmuseet. Trondheim, 1997. P. 18–20.

Never brevene fra Novgorod // Skrift... i middelalderens Russland og Trondheim. NTHU. Vitenskapsmuseet. Trondheim, 1997. P. 21–30.

Stand, Aufgaben und Perspektiven der Archäologie in Novgorod // Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum I: Stand, Aufgaben und Perspectiven. Bd. 1. Lübeck. S. 351–362.

1998

Материальный мир средневекового Новгорода // SLOVO: Aux sources de la Russie: Kiev et Novgorod. Paris. T. 20. P. 185–198.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1997 г. // НиНЗ ИА. Вып. 12. Новгород, 1997. С. 5–9. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

Рисунки средневековых новгородцев (по археологическим материалам) // Историческая археология: традиция и перспективы. К 80-летию Д. А. Авдусина. Памятники исторической мысли. М., 1998. С. 15–27.

Bildung im mittelalterlichen Novgorod anhand archäologischer Zeugnisse // Zwischen Christianisierung und Europäsierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropa in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Steiner. 1998. S. 69–90.

Einige Fragen der Beziehungen zwischen Novgorod und die Hanse // Beiträge zur hansischen Kultur-, Verfassungs- und Schiffahrtgeschichte. Hansische Studien. Bd. 10. Weimar. 1998. S. 323–330.

1999

Зеркала в средневековой Руси (проблема атрибуции, публикация оправ с изображениями) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. Русские словари. М., 1999. С. 101–121.

Исследования в Новгороде // Археологические открытия 1997 года. Изд-во «Наука». М., 1999. С. 56–63. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н., Степанов А. М.

К атрибуции так называемых кустодиев из раскопок Окольного города // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков, 1999. С. 42–49.

Новые археологические исследования Людина конца в Новгороде (1995–1998 гг.) // Вестник РГНФ. 1999. № 3. С. 121–132. В соавтор.: Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // НиНЗ ИА. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 5–10. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н.

Trade of Novgorod in the 10th–15th centuries established through archaeological data // Lübecker Kolloquim zur Stadtarchäologie im Hanseraum II: Handel. Bd. 2.Verlag Schmidt-Rümhild. Lübeck. 1999. S. 447–457.

2000

Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий раскоп XII) // НиНЗ ИА. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 5-9. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н.

Великий Новгород — колыбель российского образования. Великий Новгород, 2000. 267 с. В соавтор.: Варенцов В. А., Воронина Т. М., Вязинин И. Н., Гавриков А. Л., и др.

Образование в средневековом Новгороде (по археологическим материалам) Новгородская Русь // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Проблемы истории России. Т. 3. Екатеринбург, 2000. С. 25–44.

Работы Новгородской экспедиции на Троицком раскопе // Археологические открытия 1998 года. Изд-во «Наука». М., 2000. С. 69–72. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н.

2001

Исследования в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий раскоп XII // Археологические открытия 1999 года. Изд-во «Наука». М., 2001. С. 49–51. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н.

Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 2000 г. // НиНЗ ИА. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 5–11. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н.

Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Изд-во НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. 390 с.

Die Funde als Spiegel des Lebens. Alltag im mittelalterlichen Novgorod // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 1. «Wachholtz Verlag». Neumünster. 2001. S. 197–224.

Frühe «Joint – ventures». Die Beziehungen Novgorods im Ostseeraum // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 1. «Wachholtz Verlag». Neumünster. 2001. S. 291–308.

The Birch-Bark Letters: the Domestic Economy of Medieval Novgorod // The British Museum. Occasional Paper. Vol. 141. 2001. P. 127–131.

Vorwort // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 1. «Wachholtz Verlag». Neumünster. 2001. S. 9–11. В соавтор.: Янин В. Л., Носов Е. Н., Мюллер-Вилле М.

2002

Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий XIII и XIV раскопы // НиНЗ ИА. Вып. 16. Великий Новгород, 2002. С. 5–12. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

Вехи минувших столетий // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 3. С. 275–278.

Исследования в Людином конце Великого Новгорода в 2000 г. // Археологические открытия 2001 года. Изд-во «Наука». М., 2002. С. 75–80. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В.

К вопросу о начале письменности на бересте // НиНЗ ИА. Вып. 16. Великий Новгород, 2002. С. 77–82.

«Не лыком шиты». Быт и досуг древних новгородцев // Родина. 2002. № 11–12. С. 138–142.

Раскопки в Людином конце Великого Новгорода в 2001 г. // Археологические открытия 2001 года. Изд-во «Наука». М., 2002. С. 80–83. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

Die hansischen Kaufleute in Novgorod. Ihre Lebensunstände und ihre Beziehungen zu den Einwohnern der Stadt // Vergleichende Ansätze in der Hansischen Geschichtsforschung. Hansische Studien. Bd. 13. Porta Alba Verlag Trier. 2002. S. 237–247.

Früher Handel und westeuropäischen Funde in Novgorod // Novgorod: Markt und Kontor der Hanse. Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte. Neue Folge. Bd. 3. Böhlau Verlag Weimar. Wien. 2002. S. 121–132.

Novgorod im Beziehungsgeflecht des Ostseeraums // Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums. Vorträge der ersten und zweiten Konferenz der Ständigen Konferenz der Historiker des Ostseeraumes (SKHO). Katzow 1996 / Greifswald 1998. Hamburg, 2002. S. 7–18.

2003

Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода: Троицкий XIII и XIV раскопы // НиНЗ ИА. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 9–16. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

Берестяные грамоты о хозяйстве в средневековом Новгороде // От Древней Руси к России современной. Сб. ст. К 70-летию А. Л. Хорошкевич. Изд-во «Наука». М., 2003. С. 198–204.

О купеческом складничестве на Руси (по материалам берестяных грамот) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. Изд-во Индрик. М., 2003. С. 96–101.

Свет мой, зеркальце // Родина. 2003. № 11. Ч. 1. С. 116–119.

Скандинавские предметы из раскопок в Новгороде // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Проблемы культуры и культурного наследия. Материалы Третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). Изд-во «Древлехранилище». М., 2003. С. 58–62.

Materielle Kultur von Novgorod (anhand der archäologischen Ausgrabungen) // Grossmächtiges Nowgorod. Ausstellung 28. September 2003 – 18. Januar 2004. Legat – Verlag Tübingen – Trefoil. Press Moskau. 2003. S. 26–31.

2004

Археология // Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. Изд-во МГУ. М., 2004. С. 460–511. В соавтор.: Янин В. Л., Гвоздовер М. Д., Канторович А. Р., Леонова Н. Б., Полубояринова М. Д., Попова Е. А., Пушкина Т. А., Рындина Н. В., Хорошев А. С., Щапова Ю. Л.

Деревянные оправы стеклянных зеркал из раскопок в Новгороде // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. Изд-во «Наука». М., 2004. С. 324–329.

Исследования в Людином конце Новгорода в 2003 г.: Троицкий XIII и XIV раскопы // НиНЗ ИА. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 5–12. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

Кислов Михаил Никанорович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Изд-во МГУ, РОССПЭН. М., 2004. С. 232–233.

Новгородское вещеведение (наблюдения и размышления) // Новгородские археологические чтения – 2. Великий Новгород, 2004. С. 99–102.

Псков в новгородских берестяных грамотах // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50-го научного семинара. Псков, 2004. С. 214–220.

Раскопки в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Археологические открытия 2003 года. Изд-во «Наука». М., 2004. С. 79–82. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

Янин Валентин Лаврентьевич // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Изд-во МГУ, РОССПЭН. М., 2004. С. 529–531.

2005

Новгородская берестяная почта 2004 г. // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75, № 4. С. 334–337. В соавтор.: Янин В. Л.

Новгородская берестяная почта: Находки 2004 г. // Наука и жизнь. 2005. № 4. С. 60–62. В соавтор.: Янин В. Л.

О «рубеже» в средневековой торговле и конфликте 1188 г. // Russian History- Histoire Russe. Festschrift 2 for Thomas S. Noonan. Vol. 32. California. 2005. P. 455–469.

Работы в Людином конце Великого Новгорода // Археологические открытия 2004 года. Изд-во «Наука». М., 2005. С. 78–81. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 15–22. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

Geschichte und Archaeologie Nowgorods // Nowgorod. Das goldene Zeitalter der Ikonen. Bucerius Kunst Forum. Bd. 8. Hirmer Verlag/ München. 2005. S. 142–149. В соавтор.: Янин В. Л.

History and Archaeology // Sacred Arts and City Life: The Glory of Medieval Novgorod. Palas Editions. Baltimore. 2005. P. 25–33.

2006

Мир вещей средневекового Новгорода (по археологическим находкам) // Вестник НовГУ имени Ярослава Мудрого. Серия «Гуманитарные науки». 2006. № 38. С. 14–19.

Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 5–14. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М.

2007

Археология Новгорода // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 77–81.

Берестяные грамоты // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 93–95. В соавтор.: Янин В. Л.

Ганзейская контора // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 132-133.

Готский двор // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 142.

Кислов Михаил Никанорович // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб. 2007. С. 239–240.

Немецкий двор // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 348.

Новгородская Псалтырь // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 355–356. В соавтор.: Янин В. Л., Зализняк А. А., Поветкин В. И.

Скра // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 438–439.

Торговля Новгорода // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. «Нестор-История». СПб., 2007. С. 456–457.

Великий Новгород // Большая Российская Энциклопедия. Изд-во «Большая Российская Энциклопедия» М., 2007. Т. 5. С. 5–7.
Новгородская археологическая экспедиция // Кафедра археологии: история и современность. Новейшие открытия. М., С. 34–36. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Покровская Л. В., Сорокин А. Н., Тянина Е. А.

Новгородской археологической экспедиции 75 лет. Великий Новгород. 2007. 15 с.

Работы в Людином конце Великого Новгорода // Археологические открытия 2005 года. Изд-во ИА РАН. М., 2007. С. 85–88. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.

Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 5–12. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.

Шахматы в древнем Новгороде // Введенская старина. 2007. № 1 (20). С. 44.

Chess pieces and game boards // Wood Use in medieval Novgorod. Oxbow Books. Oxford. 2007. P. 354–360.

Fishing and hunting // Wood Use in medieval Novgorod. Oxbow Books. Oxford. 2007. P. 124–136.

Mirror frames and wax tablets // Wood Use in medieval Novgorod. Oxbow Books. Oxford. 2007. P. 335–344.

2008

Акция «рубежа» в средневековой торговле Новгорода: реалии источников и их интерпретация // Новгородский исторический сборник. Т. 11. Изд-во «Дмитрий Буланин». СПб., 2008. С. 68–82.

Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода. Международная научно-практическая конференция (Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. // Вестник РГНФ. 2008. № 1. С. 174–180.

Международные связи Новгорода // Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. «Языки славянских культур». М., 2008. С. 359–374.

Новгород и Ганза // Кузык А. Б. Н., Яковец Ю. В. Истоки и вершины восточнославянской цивилизации. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее Т. 4. Институт экономических стратегий. М., 2008. С. 323–339.

От сватовства до свадьбы // «Чело». 2008. № 2. С. 12–14.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2007 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 5–13. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.

Свидетельства о ремесле в новгородских берестяных грамотах // ДЬНЬСЛОВО (Сб. статей к 70-летию Петра Петровича Толочко). Изд-во «Корвінпрес». Київ. С. 167–171.

Термины родства в берестяных грамотах // НиНЗ ИА. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 143–151. В соавтор.: Шарэ Э.

2009

Еще раз о «Сигтунском походе» // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. «Памятники исторической мысли». М., 2009. С. 161–171.

Контакты Новгорода и Риги (по материалам письменных и археологических источников) // The Hansa Town Riga as Mediator between East and West. Proceedings of an international to 70 years of archaeological research in Riga held Riga. Riga. P. 99–105.

Новгород и Ганза. «Рукописные памятники Древней Руси». М., 2009. 319 с.

От сватовства до свадьбы // Родина. 2009. № 9. С. 65–67.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2008 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 27–29. В соавтор.: Янин В. Л., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.

Семья и семейные отношения в средневековой Руси (по материалам берестяных грамот) // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. ООО «ЛеопАрт». Великий Новгород–СПб.–М., 2009. С. 452–460.

2010

Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 годах // Вестник РГНФ. 2010. № 4 (61). С. 115–128. В соавтор.: Янин В. Л., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.

«Житие Новгородской археологической экспедиции. Год 1976-й» // Новгород – наша судьба. Воспоминания участников Новгородской археологической экспедиции 1937–2007 гг. Великий Новгород, 2010. С. 172–183.

Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. Изд-во «Дмитрий Буланин». СПб., 2010. С. 66–78. В соавтор.: Хвощинская Н. В.

Первое лето в Новгороде // Новгород – наша судьба. Воспоминания участников Новгородской археологической экспедиции 1937–2007 гг. Великий Новгород, 2010. С. 69–78.

Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Археологические открытия 2007 года. Изд-во ИА РАН. М., 2010. С. 69–71. В соавтор.: Янин В. Л., Хорошев А. С., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2009 г. (Троицкий 13 и 14 раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 24. Великий Новгород, 2010. С. 5–16. В соавтор.: Янин В. Л., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.

2011

Археологическое изучение Новгорода // Археология на историческом факультете. Программы учебных курсов. Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2011. С. 254–257.

Берестяные грамоты из раскопок 2010 года // НиНЗ ИА. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 30–39. В соавтор.: Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.

Денежные термины в новгородских берестяных грамотах // От палеолита до средневековья. Сб. научных статей. Памяти Г. А. Федорова-Давыдова. М., 2011. С. 108–115. В соавтор.: Янин В. Л.

Историография (история археологической науки) // Археология на историческом факультете. Программы учебных курсов. Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2011. С. 120–137.

Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода. Международная научно-практическая конференция // Новгородские археологические чтения – 3. Великий Новгород, 2011. С. 10–14.

Новгородская археология за 75 лет: основные вехи истории // Новгородские археологические чтения – 3. Великий Новгород, 2011. С. 16–39. В соавтор.: Янин В. Л.

Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Археологические открытия 2008 года. Изд-во ИА РАН. М., 2011. С. 80–82. В соавтор.: Янин В. Л., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.

Работы в Людином конце Новгорода в 2010 г. (Троицкий XIII-Г и XIV раскопы) // НиНЗ ИА Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 21–30. В соавтор.: Янин В. Л., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.

2012

Восемьдесят лет открытий // Русская история. 2012. № 4. С. 52–59. В соавтор.: Трояновский С. В.

Открытия в Новгороде в XXI веке: к 80-летию систематического археологического исследования города // Вестник РГНФ. 2012. № 4 (69). С. 141–154. В соавтор.: Трояновский С. В.

Работы в Людином конце Новгорода в 2011 году (Троицкий XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 26. Великий Новгород, 2012. С. 5–15. В соавтор.: Янин В. Л., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.

Evidence concerning craft production in the birch-bark documents of Novgorod // The archaeology of medieval Novgorod in context: Studies in centre/periphery relations. Archaeology of medieval Novgorod. Vol. 4. Oxbow Books. Oxford. 2012. P. 448–454.

2013

Средневековые стеклянные зеркала. Издательский центр «Аргамак–медиа». М., 2013. 248 с. В соавтор.: Крюгер И.

80 лет систематического археологического исследования Новгорода // Новгородика-2012. У истоков Российской государственности: материалы IV международной научной конференции, 24–26 сентября 2012 г. Великий Новгород, 2013. С. 25–43. В соавтор.: Янин В. Л.

Берестяные грамоты из раскопок 2012 г. // НиНЗ ИА. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 115–118. В соавтор.: Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.

Международные связи // Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Изд. 2-е. «Русскій міръ». М., 2013. С. 381–397.

Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г1) // НиНЗ ИА. Вып. 27. Великий Новгород. 2013. С. 12–19. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К., Тянина Е. А.

2014

Готский двор в Новгороде // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. Ладомир. М., 2014. С. 202–203.

Игры // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. Ладомир. М., 2014. С. 316–318.

Немецкий двор // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. Ладомир. М., 2014. С. 536–537.

Новгородская псалтырь // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. Ладомир. М., 2014. С. 555–556. В соавтор.: Янин В. Л., Зализняк А. А., Поветкин В. И., Гимон Т. В.

Древнерусские города в новгородских берестяных грамотах // Міста давньої Русі. Збірка наукових праць памяти А. В. Кузи. Стародавній світ. Київ, 2014. С. 89–96.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2013 г. (Троицкий XIII – Г, Г–1) // НиНЗ ИА. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 22–32. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К., Тянина Е. А.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2013 г. (Троицкий раскоп XV) // НиНЗ ИА. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 33–39. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К., Тянина Е. А.

Skandinavien Objekts from the Excavations of Novgorod // Vers l'Orient et vers l'Occident. Regards croisés sur les dynamiques et les trasferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Publications du Craham. Histoire Médiévale. Presses universitaires de Caen. 2014. P. 245–256. В соавтор.: Хвощинская Н. В.

2015

Артемий Владимирович Арциховский и новгородская археология // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. Древности Севера. Вологда, 2015. С. 528–537. В соавтор.: Янин В. Л.

Металлические оправы стеклянных зеркал: техника изготовления и химический состав сплавов // Российская археология. 2015. № 4. С. 78–88. В соавтор.: Ениосова Н. В.

Промыслы в средневековом Новгороде (по археологическим материалам) // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2015. № 3. С. 213–229.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г-1 и XV) // НиНЗ ИА. Вып. 29. Великий Новгород. 2015. С. 51–65. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Степанов А. М., Тянина Е. А.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2009–2013 гг. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Археологические открытия 2010–2013 гг. Изд-во ИА РАН. М., 2015. С. 110–114. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К.

Работы на Троицком XV раскопе // Археологические открытия 2010–2013 гг. Изд-во ИА РАН. М., 2015. С. 110–114. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.

2016

Об одной находке оправы стеклянного зеркала // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 690–694.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп-XV) // НиНЗ ИА. Вып. 30. Великий Новгород, 2016. С. 9–14. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.

Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп-XVI) // НиНЗ ИА. Вып. 30. Великий Новгород, 2016. С. 15–23. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.

Работы в Людином конце Великого Новгорода: Троицкие XIII (участки Г и Г-1) и XV раскопы // Археологические открытия 2014 года. Изд-во ИА РАН. М., 2016. С. 70–73. В соавтор.: Янин В. Л., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.

Archäologische Zeugnisse der Beziehungen zwischen Novgorod und der Hanse (nach dem Fundmaterial der Ausgrabungen in Novgorod) // Beiträge zur Geschichte Pommerns, des Ostseeraums und der Hanse. Festschrift für Horst Wernicke zum 65. Geburtstag. Bd. 12. Schriftenreihe der David-Mevius-Gesellschaft. Hamburg, 2016. S. 485–498.

2017

Термин «рубль» в берестяных грамотах // Российский рубль: 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции, Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Изд-во «Любавич». СПб., 2017. С. 15–19. В соавтор.: Янин В. Л.

Топонимы Севера в берестяных грамотах // Путь на Север: истоки. ИД «Арт Волхонка». М., 2017. С. 62–75.

Составитель В. К. Сингх

Н.И. Асташова

Находки степного круга из раскопок Смоленска

Контакты степного мира с Русью достаточно хорошо известны. Традиционно их зона определяется регионом Южной Руси, что хорошо отражено в письменных источниках.

Однако археологическое изучение городов лесной зоны Руси показало присутствие предметов, характерных для кочевников, и там. Они известны в коллекциях Новгорода, Минска, Мстиславля, Владимира и Суздаля. Причем, как правило, это единичные находки, состав которых довольно однороден: костяные пластины от колчана, бляшки наборных поясов и детали узды, отдельные украшения. Сам набор предметов и невысокая частотность их находок позволяют предполагать, что они не были предметами торговли, а, соответственно, должны быть либо связаны с носителями, либо появиться в результате тесного личного контакта древнерусского населения и кочевников.

В Смоленске обнаружено небольшое по численности собрание таких находок, включающих детали вооружения и снаряжения коня, вещи престижного характера и предметы, связанные с денежным обращением. Стратиграфические даты наших находок дают компактные периоды их существования: к рубежу XII–XIII вв. относятся шесть находок, две — к 90-м гг. XIV – началу XV вв., еще два предмета — ко второй трети XV в. Наиболее ранней является костяная резная накладка на колчан (Рис. 1: 1, 2). Она найдена в пластах последней четверти XII в. Ее размеры — 8,5 × 3,4 см. Накладка украшена «глухой» резьбой, располагающейся отдельными горизонтальными поясками — верхний представляет собой последовательное сочетание волнистой линии, криновидного завитка и прямой полосы. Следующий содержит четырехлепестковую розетку, подчеркнутую волнистой линией.

Ниже находился пояс, видимо, центральной части пластины, но он целиком не сохранился. Подобные накладки известны по материалам Минска и Мстиславля[1]. В Минске эта находка обнаружена в слое рубежа XIII–XIV вв., в Мстиславле датируется домонгольским временем. В степи такие накладки происходят из кочевнических погребений золотоордынского времени[2].

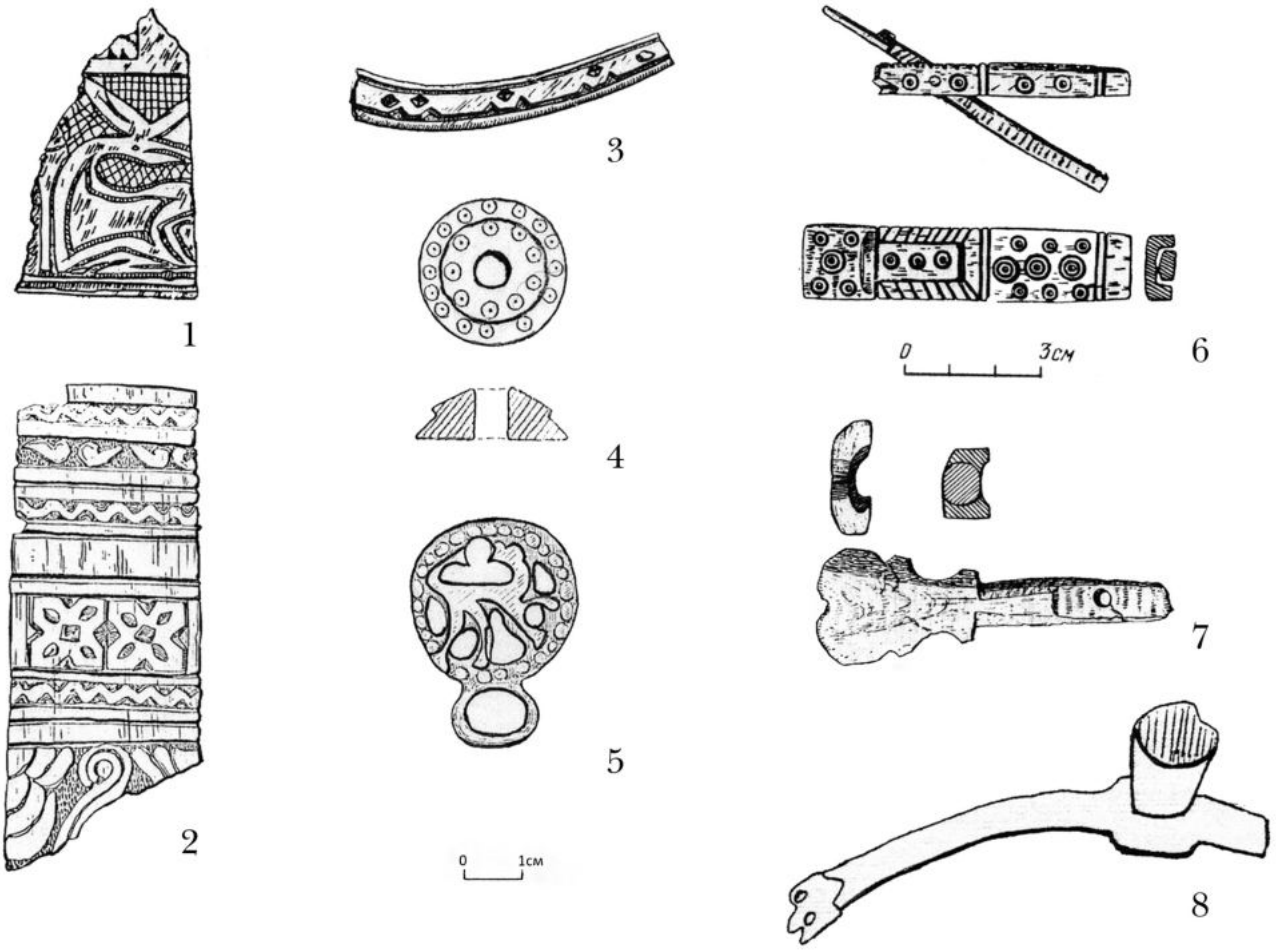


Рис. 1. 1, 2 – накладки на колчан. Кость, резьба.
3 – накладка на лук. Кость, резьба
4 – пуговица дисковидная. Кость, резьба, инкрустация проволокой
5 – бляшка поясная. Цветной металл, литье
6 – рычажные весы. Кость, резьба
7 – фрагмент рычажных весов. Кость
8 – уздечный султан. Железо, ковка

К концу XII – началу XIII вв. относится редкий для нашей территории предмет из черного металла: уздечный султан (Рис. 1: 8). Такого вида уздечные султаны характерны для сибирских древностей[3]. В степях Восточной Европы пока известен только один экземпляр подобного султана, происходящий из разрушенного кургана у с. Мануйловка. К этому комплексу также относятся копье, пять стрел, обломок подпружной пряжки и овальное кресало (ГИМ № 45502, экспозиция зал X, витр. 12). С. А. Плетнева относит этот комплекс к первой группе степных погребений, датирующейся в целом X–XI вв.[4] Однако набор стрел, состоящий из срезней разного типа XI–XIII вв., позднего кресала и султана с конусовидной втулкой (вариант, относящийся к XIII–XIV вв.), не позволяют согласиться со столь ранней датой этого комплекса. Видимо, разумнее отнести его к XIII в. Таким образом, по составу и дате находок, этот комплекс может быть отнесен к половцам, а султан является единственной промежуточной находкой между аскизсскими и смоленским экземплярами.

Началом XIII в. датируются костяная накладка на лук и две костяные пуговицы, инкрустированные медной проволокой (Рис. 1: 3, 4). Такие предметы встречаются и на Руси — города Киев, Новогрудок, Райковецкое городище[5], а также в тюркской среде[6].

Из пластов 90-х гг. XIV – начала XV вв. происходит еще одна пластина для колчана, несомненно, изготовленная степным мастером (Рис. 1: 1). Об этом свидетельствует сюжет изображения — лань, лежащая с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Аналогии ей хорошо известны по материалам степных памятников ордынского времени[7]. В слое второй трети XV в. обнаружены костяные весы для взвешивания монет — один целый экземпляр и фрагмент в виде лопаточки (Рис. 1: 6, 7). Подобные весы известны в ордынских и в русских городах, таких как Азов, Владимир и Суздаль, но имеют там более раннюю датировку XIV в.[8] К этому же слою относится находка поясной литой прорезной бляшки (Рис. 1: 5). Полная аналогия ей есть в материале Укека, но там она не датирована[9]. Попытка автора связать изображение на бляшке с новгородским материалом совершенно неправомочна, поскольку эти вещи выполнены в другой технике, а сюжет имеет отличия, прежде всего в том, что на новгородских вещах, в частности на печатке, на которую ссылается исследователь, изображается хищник, а не копытное животное. И, кроме того, как указывает М. В. Седова, предметы, упомянутые А. Ф. Недашковским, найдены в Новгороде вне слоя и потому не датированы[10].

Как уже указывалось выше, редкость и временная компактность смоленских находок позволяет предполагать их появление в городе вместе с носителями, а не путем торговли. Поэтому постараемся разобраться в событиях, происходивших в эти периоды.

XII век — время становления самостоятельного Смоленского княжества, которое достигло наивысшего своего развития в период княжения внука Мономаха — Ростислава Мстиславича и его сыновей. Этот клан во 2-й половине столетия имел большое влияние на политическую ситуацию Руси. Его представители периодически занимали престижный киевский стол, приглашались в Новгород, на равных соперничали как с Суздальскими, так и с Черниговскими князьями. При этом домен в Смоленской земле оставался за ними. В случае какой-либо неудачи князья всегда возвращались в Смоленск. Следует также заметить, что на территории Смоленской земли в этот период не происходит военных стычек. Однако смоленские воины участвуют в различных походах своих князей. Так, в 1193 г. внук Ростислава Великого Ростислав Рюрикович после победы над половцами объезжает свою родню, и Смоленск его приветствует. Весьма вероятно, что в этом торжестве участвуют и пленники-половцы.

Начало XIII в. уже не было таким благополучным временем. Достаточно вспомнить 1216 г., битву с суздальцами, в которой наряду с новгородскими полками были и смоленские воины[11]. Как указывает летопись, в состав суздальских войск входили жители Мурома и Городца, а также бродники. Последние, так как они жили в степи, несомненно, перенимали вооружение кочевников. Таким образом, накладка на колчан и султан могли появиться в городе непосредственно с владельцами.

XIV в. для истории Смоленска — один из самых «темных» веков. Однако из письменных источников известно, что ситуация в городе была крайне напряженной из-за его положения между двумя сильными противниками — Москвой и Литвой.

В 70-е гг. XIII в. в Смоленске уже присутствуют ордынские чиновники (Смоленские грамоты). А в первой половине XIV в. активизировалось Литовское государство, и при князе Иване Александровиче Смоленск становится вассалом Литвы. Но в 1375 г. складывается союз Москвы, Смоленска и некоторых черниговских княжеств[12], просуществовавший совсем недолго. Уже в 1395 г., после нескольких попыток, литовский князь Витовт «с помощью лишь словес лукавых» завоевывает Смоленск[13]. Москва спокойно отнеслась к этому событию: Василий Дмитриевич в 1396 г. приезжает в город для переговоров с Витовтом, а в 1399 г. его жена Софья Витовтовна с детьми навещает своего отца[14]. Рубеж XIV–XV вв. в Смоленске ознаменован отчаянной борьбой двух партий: сторонников Москвы и Литвы. Заканчивается эта борьба в 1404 г., когда город окончательно и надолго попадает под власть Литвы. Следует заметить, что вторая половина XIII – начало XV вв. характеризуется значительным экономическим упадком города. Некоторое оживление проявляется к середине XV в., когда Смоленск получает значительные торговые льготы от литовских властей. Но обращает на себя внимание тот факт, что цветной металл, поступавший из стран Прибалтики и Скандинавии начиная с середины XIII в., выпадает в количестве 2–3 % от общего числа. Нам уже пришлось высказывать предположение о том, что эта ситуация связана с ордынской данью, так как в Орде в этот период наблюдается активная чеканка монет[15]. Таким образом, находки рычажных весов (Рис. 1: 6, 7) могут быть напрямую связаны с ордынскими чиновниками. Столь поздняя дата находок не должна удивлять — дело в том, что еще в 1502 г. в распоряжении литовского князя Александра Казимировича говорится: дать «волю мещанам от серебщины и от ордынщины и от иных наших поплатков на шесть лет, и нам а тую шесть лет давать не надобе»[16].

[1] *Загорульский Э.М.* Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 222; *Алексеев А.В.* Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии // СА. 1962. № 4. С. 204–206.
[2] *Малиновская Н.В.* Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 132–175. Кат. № 50, 78.
[3] *Асташова Н.И.* Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. № 82. М., 1993. С. 185.
[4] *Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА СССР. № 142. М.1967. С. 153–161.
[5] *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981. С. 115.
[6] *Закирова Н.А.* Косторезное ремесло Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 220–243.
[7] *Малиновская Н.В.* Указ. соч. С. 139.
[8] *Волков И.В.* Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.,1991. С. 177–178; *Родина М.Е.* Международные связи северо-восточной Руси в X–XIVвв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и округи) // Историко-археологические очерки. Владимир, 2004. С. 70.
[9] *Недашковский А.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 34. Рис. 6: 16.
[10] *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XVвв.) М., 1981. С. 139.
[11] *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1983. С. 108.
[12] *Флоря Б.Н.* Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. Формирование государственной территории России. М., 1982. С. 74.
[13] *Егоров В.Л.* Смоленск в средневековой истории России // Новодевичий монастырь в русской культуре. М., 1998. С. 14.
[14] *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 331.
[15] *Асташова Н.И.* Торговые связи средневекового Смоленска // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998. С. 165–166.
[16] *Писарев С.П.* Смоленск и его история. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894. С. 95.

Л.А. Беляев

Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье

В последние годы все чаще публикуются серии средневековых свинцовых пломб, собираемых в торговых городах Московского государства. Согласно подсчетам П.Г. Гайдукова, на 2000 г. их было учтено не менее 300, в основном в Новгороде (остальные в Пскове, Орешке, Смоленске, Твери, в Зауралье и Нижнем Поволжье)[1], но сегодня их уже более 500 (из одного Новгорода – 300)[2]. Гораздо больше стало и точек присутствия (Ростиславль и др.). Наконец, из состава западноевропейских (текстильных) пломб выделились «московские великокняжеские» (ставился вопрос и о существовании восточных, ордынских, пломб, но в данной заметке ориентальный аспект не затрагивается).

Находки последних лет заставляют обратить особое внимание и на коллекции из Москвы. Так, в раскопе II/2007 г. (ИА РАН) на подоле Кремля собраны 6 пломб, определенных П.Г. Гайдуковым как происходящие из г. Тинен, Фландрия. Во многих случаях, однако, находки локализованы лишь топографически, стратиграфическая ситуация туманна, а подход к исследованию сводится к публикации «сводок» (так, лишены аналитического комментария находки в зоне ул. Ильинка, где пломбы типологически очень разнообразны и исчисляются десятками).

Особый интерес представляет серия пломб, собранная на раскопе №7/2015 ИА РАН в Зарядье[3]. Этот небольшой (чуть менее 100 кв.м.) раскоп замечателен тем, что расположен на трассе старой московской дороги (в будущем — Мокринского переулка), в силу чего его основная часть лишена значительных перекопов и сооружений. Находки здесь погружены в слой, наполненный щепой и иной органикой, равномерно. Хотя керамики в слоях довольно мало, уровни сравнительно хорошо датированы благодаря высокому содержанию монет и мелких металлических предметов, чье распределение чрезвычайно показательно. Например, в нижней части слоя, мощностью около метра, монет не встречается вовсе, что указывает на его откладывание до начала активного обращения ордынских, а позже удельных денег. Вещи и монеты хорошо хронологически сочетаются друг с другом, образуя устойчивую шкалу.

Среди находок до 20 (в 1–2 случаях определения под вопросом) свинцовых пломб, которые отчетливо делятся на два типа. Типы выделяются по размеру и происхождению. Мелкие пломбы (диаметр до 1,0 см) с остатками кириллических букв, генетически возводимые к дрогичинскому типу, определяются сейчас в Москве как местные великокняжеские. Крупные (диаметр от 1,5 до 2,0 и более см) представляют обычно класс европейских двойных с перегибом текстильных пломб (их заготовка из двух кружков, соединенных лентой металла, сгибается при пломбировке, и кружки продавливаются пломбиром). Это, а также характерные технологические признаки (следы пломбира и т.п.) позволяют относить к тому или иному типу даже те пломбы, оттиски которых не сохранились или фрагменты которых очень малы.

Важно, что пломбы разных типов собраны на разных уровнях. Уже при археологических работах бросилась в глаза концентрация мелких пломб в нижней части слоев, между отметками, близкими к –280 (самая верхняя –282) и –320 (самая нижняя –356)[4]. В этом слое, толщиной около 50 см, собрано 12 малых пломб из 14 найденных (экстремально нижняя по высоте залегания малая пломба — почти на 30 см ниже (–356), а экстремально высокая (–203) на 80 см выше основной массы; допустимо думать, что это перемещенные экземпляры). Если выделить пик встречаемости, то он придется на слой толщиной всего около 20 см (–296/–318), в котором содержалось 9 пломб (7 безусловно определимых и 2 — со знаком вопроса).

Рис. 1. Пломба свинцовая (аверс и реверс). Поперинге (Фландрия), XV в. Московская археологическая экспедиция ИА РАН. Зарядье, раскоп № 7, 2015, номер по описи 160

Итак, мелкие великокняжеские пломбы составляют около двух третей коллекции и располагаются в нижней части «монетного» слоя, в пределах второй половины XIV – первой четверти XV вв. (не останавливаюсь здесь на аргументах для датирования). Они выделены в Москве сравнительно недавно и мало изучены, но условно считаются великокняжескими (таможенными?) пломбами[5].

Крупных (европейских) пломб найдено не более 6-ти, причем только 2 сохранились полностью (4 — мелкие фрагменты), поэтому столь же четкого стратиграфического выделения не наблюдается. Тем не менее они явно тяготеют к верхней части слоя, располагаясь примерно на 1 м выше «великокняжеских». Две самые крупные (целые) пломбы взяты с отметок –129 (почти прямо под первым настилом дороги) и –145; два мелких фрагмента немного ниже (–168, –206); еще один — в нижней части слоя, на отметке –315 (фрагмент со следами растительного узора, принадлежность неясна). Это типичные текстильные пломбы производителей сукна из Западной Европы. Верхний слой, в котором найдены такие пломбы, отложился в XV – начале XVI в., до постройки деревянного мощения. (Эти даты, разумеется, не соотносимы с хронологией пломб на нижневолжских городищах, если продолжать считать нашествие Тамерлана в конце XIV в. как *terminus ante quem* для их существования.)

Хроно-стратиграфическое разделение мелких «великокняжеских» и крупных текстильных (товарных) европейских пломб в Москве выявлено впервые. Оно очевидно: между уровнями пломб выделяется промежуток слоя более 70 см (–206/–282) толщиной, где пломбы вообще не встречаются (в нем найден только кусочек свинца, возможно, заготовка для малой пломбы). Объяснение для появления такой границы предстоит найти. Национальный нарратив услужливо указывает на общий перерыв в деловой активности в связи с эпидемией и феодальной войной, но возможны и не столь прямолинейные решения. Окончательный разрыв с домонгольской традицией и рождение собственно московской проходит как раз по концу XIV – началу XV в., что ясно выражено в археологических материалах. Можно предположить, что он затронул и формы делопроизводства (опечатывание таможенных разрешений), и обращения денежных субститутов (связок шкурок, с которыми иногда связывают великокняжеские мелкие пломбы).

Говоря о европейских текстильных пломбах Москвы, обращу особое внимание на прекрасно сохранившийся экземпляр с эмблемой «перчатка и посох епископа» (диаметр — 2,75–2,80 см, это самая крупная из известных пломб такого типа), с круговой надписью готическими буквами по кругу, в точечных обводах (верх печати и начало надписи в нашем случае отмечено буквой S (*sigillum* ?), выделенной двумя точками (Рис. 1). Обе стороны несут одинаковое изображение (что характерно для этого типа пломбы), а посох обращен геральдически вправо (так на большинстве известных экземпляров, хотя на московских пломбах встречается и посох в противоположном повороте, что Ван Лаэре и Тростьянский описывают как более поздний признак).

Этот тип хорошо известен в московских коллекциях – достаточно сказать, что уже материалы первых раскопок в Зарядье дали одну пломбу такого типа. М. Г. Рабинович первоначально датировал ее с излишней смелостью, отнеся к XII в., но в монографии уже не повторил этой даты[6]. Сейчас в литературе о Москве обращается более десятка таких пломб, собранных в основном в районе улицы Ильинки (Старый Гостиный двор — 6 экз., Теплые Торговые ряды — 2 экз., собственно улица — 1 экз.). Аналогичные пломбы известны в Нижнем Поволжье, на Селитренном (4 экз. из 39, что не слишком много — пломб таких городов, как Ипр, Дамм, Эр/Ло, в 2–3 раза больше) и Водянском (1 экз. из 3-х) городищах[7]. Но в большой (17 пломб) группе с Центрального Базара на Болгарском городище они не представлены[8]. Такие пломбы встречены и на Северо-Западе, прежде всего в Новгороде, где их зарегистрировано уже более 10 (благодарю П. Г. Гайдукова за сведения из его картотеки; о двух первых находках в Новгороде, с отсылкой к находке из Киевской области в коллекции Н. П. Лихачева)[9], в Прибалтике, особенно в Вильнюсе, где раскопки на площади у Ратуши дали около полусотни разнообразных пломб[10] (коллекция Вильнюсского музея и ранее была исключительно богата пломбами), и вообще Центральной Европе. Эмблему на этих пломбах справедливо соотносят с гербом города Поперинге (иногда имя города даже четко читается, напр., на экземпляре XV в. из Вильнюсского музея: http://www.lnm.lt/en/plombos-en/).

Поперинге — один из чрезвычайно активных «малых» производственных центров в Южной Фландрии. Здесь не место вдаваться в подробности технологии изготовления сукон и торгово-промышленных войн трех старых центров (особенно Ипра) с младшими «пригородами», тесно связанные с темой использования того или иного сырья (испанской шерсти) и новых технологий, позволявших делать «контрафактные» (но вовсе не менее роскошные

и качественные) сукна новыми, более дешевыми, способами. Но нельзя пройти мимо роли Поперинге в поставках сукон в Россию — в нашей литературе о пломбах она до сих пор не отмечена. Конечно, в Московию попадали сукна многих городов Фландрии, Германии, Англии. Но для Поперинге в XV в. есть свидетельства сознательной ориентации именно на восточноевропейский, в том числе непосредственно российский, рынок, где сукна, сотканные в технике Сент-Омер (аббатство Святого Бертина из Сент-Омера — владелец городка Поперинге, откуда и епископский герб), стали в XV в. пользоваться особым спросом.

Суконщики Поперинге, ориентируясь на запрос Ганзы, требовавшей сукон стиля «сент-омер», перешли на эту манеру раньше других (документально — с 1417 г.). Уже в 1458 г. группа ганзейских купцов, базировавшихся в Риге, сообщала в Любек и «контору» Ганзы в Брюгге, что русские теперь покупают очень мало традиционного сукна из Ипра, так как английские ткани дешевле, и только ткань из Поперинге может с ними соперничать (она делалась из испанской шерсти и по более простой технологии, как субститут, даже имитация, «настоящего», валяного, сукна). Примерно так же обстояло дело в Ревеле, где в 1469 г. примерно четвертая часть груза (23,1 %) ганзейского судна, состоявшего из 1 560 штук сукна (шириной 1,40 м, длиной 21,0 м каждая), относилась к продукции Поперинге и, согласно источникам, была закуплена для двора Великого князя Московского. В 1483 г. за Поперинге последовал Оденаарде (Oudenaarde), с которым «контора» в Брюгге заключила соглашение о том, что все ткани, сделанные мастерами-суконщиками из испанской шерсти «по образцу Поперинге», будут продаваться исключительно ганзейцам[11]. Нетрудно понять, почему среди московских находок пломбы Поперинге занимают особое место.

У появления на памятниках текстильных пломб есть еще одна интересная особенность: они концентрируются в определенных зонах. Так, основная часть пломб из Селитреннего происходит с участка в 10 кв. м.; в Болгаре они четко привязаны к точке, занятой базаром. В Новгороде большое их скопление (68 экз.) обнаружено на раскопе Рогатицкий-2, расположенном неподалеку от Немецкого двора[12]. В Москве большинство пломб собрано на Старом Гостином дворе (т. е. большом складе-рынке, караван-сарае) и на прилегающей торговой улице Ильинке. Важно отметить, что и в Зарядье концентрация пломб, видимо, не случайна: раскоп № 7/2015 располагался не просто на трассе Великой улицы, но и у стен таможни — Мытного двора, документально известного с конца XV в., но, вероятно, существовавшего и раньше.

Сказанное в этой краткой заметке показывает серьезную перспективу, открывающуюся перед теми исследователями, кому суждено будет всерьез заняться составлением каталога средневековых свинцовых пломб на территории России, чтением надписей, поиском аналогов (в европейской литературе это направление все еще страдает «антикваризмом») и решением проблем интерпретации (в том числе для «великокняжеских» пломб). И, разумеется, восстановлением общей картины движения товаров между Западом, Востоком и Россией, для воссоздания которой так много делается Еленой Александровной Рыбиной (в частности, и для изучения пломб[13]).

---

[1] См. краткий обзор: *Гайдуков П.Г., Эммерик Х.* Западноевропейская свинцовая товарная пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 213–218.

[2] *Гайдуков П.Г., Олейников О.М.* Новые находки западноевропейских товарных свинцовых пломб в Великом Новгороде // Труды V(XXI) Всероссийского археологического съезда (Барнаул, 5–7.10.2017). В печати.

[3] *Беляев Л.А.* В «Золотом городе»: Зарядье как школа московской археологии // Московское наследие. № 3 (51). М., 2017. С. 28–35; *Он же.* Новый адрес: Зарядье, раскоп № 7/2015 // Там же. С. 36–44.

[4] Отметки даются по полевым замерам, где дневная поверхность начала работ близка — 140, так что, для получения глубины от этой поверхности, из приводимой отметки следует вычесть 140. Глубина до материка от дневной поверхности на раскопе близка 5.00/5.50 м.

[5] См.: *Зайцев В.В.* Находки «великокняжеских» пломб XIV–XV вв. в Москве // Археология Подмосковья. М., 2004. С. 350–351.

[6] *Рабинович М.Г.* О древней Москве. М., 1964. С. 132, рис 63: 8.

[7] *Лебедев В.П., Клоков В.Б.* Западноевропейские свинцовые пломбы с золотоордынских городищ // РА. 2002. № 1. С. 92–100.; *Ван Лаере Р., Тростьянский О.В.* Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. 2012. № 2. С. 144–162.

[8] *Коваль В.Ю.* Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. Вып. 237. М., 2015. С. 211–220.

[9] См.: *Колчин Б.А., Хорошев А.С.* Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С 158.

[10] *Каплунайте И.* Нумизматический и сфрагистический материал Ратушной площади: торговые аспекты Вильнюса XV–XVII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова: материалы 54-го заседания (15–17 апреля 2008 г.). Псков, 2009. С. 425–435.

[11] *Munro J.H.* Spanish Merino wools and the Nouvelles Draperies: an industrial transformation in the late-medieval Low Countries // Economic History Review. Vol. LVIII, 3 n. 3 (august) 2005. P. 431–484. – URL: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/15808/ - особенно с. 459; там же сноски на источники). См. также другие работы этого автора по текстильному производству в Европе, прежде всего: *Munro J.H.* Three centuries of luxury textile consumption in the Low Countries and England. 1330–1570: trends and comparisons of real values of woolen broadcloths (Then and Now) // [Vestergard Pedersen K., Nosch M.-L., eds.] The Medieval Broadcloth: Changing Trends in Fashions, Manufacturing and Consumption. Oxford UK, 2009. P. 1–75. Полная библиография: [Huabg A. L., Jahnke C., eds.] Textiles and the Medieval Economy, Production, Trade and Consumption of Textiles 8th – 16th centuries. In memoriam John Munro (1938–2013). Oxford UK, 2015.

[12] *Гайдуков П.Г., Олейников О.М.* Указ. соч. В печати.

[13] *Рыбина Е.А.* Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде // СА. 1981. № 1. С 298–300; *Rybina E.A.* Trade links of Novgorod established through archaeological data // The archaeology of Novgorod, Russia. Lincoln, 1992. P. 160–192.

Е.М. Болдырева

Торговые контакты в провинциальном золотоордынском городе (по материалам городища Самосделка)

Городские объединения практически на всей территории Золотой Орды возникали на пустом месте и не имели предшествующих традиций оседлости. Золотоордынские города появлялись стихийно, чаще всего как скопление аристократических усадеб, состоящих из кочевников, осевших на землю, и сопровождающих их лиц [1]. Поселения образовывались в большом количестве в первую очередь для выполнения роли административных и военных форпостов на новых территориях. По сведениям В.Л. Егорова, в Золотой Орде насчитывается не менее 110 городов, существовавших в XIII–XIV вв. [2]

Нижнее Поволжье известно своими крупными столичными городами золотоордынской эпохи. Здесь, на берегу р. Ахтуба, находилась столица Золотой Орды — город Сарай. Наряду с городами столичного типа в пространстве поволжских степей возникали и небольшие поселения специального назначения: поселки строителей, временные стоянки, небольшие городки, игравшие роль перевалочных пунктов или переправ в торговых потоках.

О жизни в крупных столичных городах, их архитектуре, планировке, жилищах, коммуникациях, бытовых предметах, украшениях, посуде, культурных связях и торговле известно много. Однако по отношению к мелким поселениям этот вопрос, за редким исключением, почти не рассматривался. Поэтому актуальным и интересным становится вопрос изучения степени вовлеченности небольших городков в культурную жизнь и торговлю государства Золотая Орда и их роль в межгосударственных связях и отношениях.

Городище Самосделка — памятник, о материалах которого пойдет речь, — отличается от других городов Улуса Джучи. Этот город появился задолго до прихода монголов и образования государства Золотая Орда. Располагается он в дельте р. Волга, на одном из островов, образовавшихся в результате разветвления устья р. Волга на множество мелких речек и проток при впадении в Каспийское море. Очертания дельтовых островов, конечно, изменились к настоящему времени, многие реки, ерики и протоки изменили свое направление или просто высохли, но границы городища Самосделка все еще видны по микрорельефу местности, в котором выделяются очертания пересохших рек и возвышенностей (возможно, укреплений), ограничивающих центральную часть города. Таким образом, к настоящему времени Самосделка представляет собой остров, в восточной части окруженный действующим руслом р. Старая Волга, а с севера и северо-востока — пересохшим руслом ерика Воложка. Западная и южная границы видны менее четко, т.к. эта часть была долгое время затоплена водой [3]. Культурный слой городища, превышающий на некоторых участках трехметровую глубину, площадь центральной части, составляющая более 2 кв. км, многокомнатные дома с системой канового отопления, редкая дорогая импортная статусная посуда из Средней Азии и стран Ближнего Востока говорят о высоком статусе и уровне развития города в домонгольское время. Тем не менее городище Самосделка также подверглось монгольскому завоеванию, об этом говорят следы пожара на некоторых его участках, следы заброшенности и запустения некоторых домов домонгольского времени. Последствия этого события не были такими невосполнимыми, как для многих городов Закавказья или Хорезма, захваченных монголами. На городище Самосделка не прослеживается слоя полного запустения, наоборот, после этих событий городская жизнь восстанавливается довольно централизованно. Происходит перепланировка центральной части городища, сносятся остатки заброшенных сооружений, поверхность выравнивается и нивелируется, а на ней строятся уже новые дома [4]. Однако существовал город после этих событий недолго, монетного материала позднее первой трети XIV в. на городище практически нет, а несколько монет 60–70-х гг. связываются исследователями с визитом на развалины или доживанием здесь маленькой группы людей [5]. На эту дату указывают и данные исследований почв, говорящие о резком повышении уровня Каспийского моря в XIV в., который привел к упадку и гибели поселения [6].

Несмотря на короткий отрезок времени существования в раннеордынскую эпоху, город на месте Самосдельского городища активно не только контактировал с золотоордынскими городами, но и был вовлечен в международную торговлю. Об этом говорят результаты исследования поливной керамики, найденной в ходе раскопок на городище Самосделка. Керамика из верхних золотоордынских слоев была подвержена наибольшему разрушению, т.к. поверхностные слои более всего пострадали, как от воздействия воды, так и от антропогенных факторов.

Первая группа посуды, о которой необходимо сказать, — это несколько обломков кувшинов византийского происхождения, датирующихся с конца XIII до первой половины XIV вв. [7] Находки керамики такого типа редки, но распространены на значительной территории. Известные экземпляры представляют собой небольшого размера кувшины на высоком полом поддоне с вертикальной ручкой, которая верхним своим краем крепилась к краю венчика, а нижним — к плечику сосуда. Сосуды украшались гравировкой в виде тонких линий, иногда в сочетании с выемчатой техникой (champleve). Несмотря на единичность находок, ареал их распространения значителен: от Болгарии (Варна и Несебр) до степного Предкавказья и Нижнего Поволжья (Царевское го-

родище). Единичные находки данной керамики есть и в Крыму: в Каффе, в Солхате и Херсонесе, а также в Приазовье (Азаке) и в Константинополе[8].

Вторая группа находок — это блок Закавказской керамики, в количественном отношении она представляет собой выборку, не превышающую двух десятков фрагментов[9], происходящих с верхнего уровня раскопа № 3, где пока исследованы только золотоордынские слои, и из заполнения землянки № 1 раскопа № 1. Сама землянка существовала очень долго, в ней насчитывается не менее VII строительных периодов[10], причем предмонгольский и золотоордынский периоды разграничиваются рухнувшей крышей[11]. Данный тип керамики имеет ряд устойчивых признаков. По морфологическим особенностям это крупные глубокие чаши на массивном дисковидном поддоне с вырезанной внутри него полостью. Венчик отогнут наружу и имеет широкую горизонтальную площадку. В целом такая форма чаш характерна для многих городов Закавказья и без определенных изменений существовала в XII – первой половине XIII столетия почти повсеместно[12]. Горизонтальная поверхность венчиков таких чаш оформлена выгравированными треугольниками, которые поочередно заполнены зеленым, оливковым, цветом и точками коричневого красителя. Такой способ декорирования находит аналогии в материалах Старой Ганджи и других городах Азербайджана в слоях XII – первой половины XIII вв.[13] Самые многочисленные находки чаш данной группы происходят из городища Орен-Кала в Азербайджане. Там они относятся к 6 и 7 группе керамики по классификации А. Л. Якобсона, где период их бытования определяется в пределах XII – первой половины XIII вв.[14] Их обломки были обнаружены в топке одной из гончарных печей, раскопанных в ремесленном квартале городища Орен-Кала[15]. На местное производство поливной керамики в Орен-Кале указывают еще и штампы-клейма на внешней стороне днищ поливных сосудов, оттиснутые по сырой глине. За первые несколько лет исследований клейменых сосудов там обнаружено более сотни, есть и находки самих матриц, при помощи которых оттискивались клейма. Клеймо в виде сетки[16], два сосуда с которым обнаружены в материалах Самосдельского городища, встречается чаще всего именно на керамике из Орен-Калы. Оно входит в группу клейм № 3 по классификации А. Л. Якобсона. Подобные чаши есть и в Болгаре[17], и на городище Сарайчик в Казахстане[18].

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что группа импортной керамики, появившаяся в Закавказье еще в предмонгольское время, продолжала экспортироваться в северном направлении и в начальную эпоху существования государства Золотая Орда.

Чуть большим объемом отличается выборка кашинной посуды золотоордынского времени: из 242 экземпляров кашинных сосудов и их обломков 34 можно с уверенностью относить к золотоордынскому периоду. Согласно принятой в историографии традиции, в зависимости от твердости и плотности частиц в составе кашинного теста выделяется три сорта кашина: твердый, мягкий и рыхлый, и только последний является своеобразным маркером золотоордынской посуды. Такой кашин использовался не только в керамике, изготовлявшейся непосредственно в золотоордынских городах, но и на подконтрольных территориях других стран этого же времени[19]. Рыхлый кашин отличается рассыпчатостью, «сахаристостью» структуры черепка, непокрытая поливой поверхность рассыпается при легком прикосновении и может раствориться при длительном пребывании в воде. Цвет рыхлого кашина в основном серый или белый, но встречается кашин розового или коричнево-красного оттенка. К самому началу ордынского времени может относиться и керамика из мягкого кашина, об этом говорят данные анализа керамики городища Самосделка. Внутри кашинной посуды выделяется две группы находок: с надглазурным и с подглазуным декором. Надглазурный декор представлен сосудами с росписью люстром. Один из видов такой посуды — это сирийские люстры с прозрачной синей глазурью. В Самосделке всего три таких обломка[20]. Керамика с прозрачной синей глазурью и люстром получила большое распространение в XIII–XIV вв. на территории Сирии. Ее производство было налажено в Дамаске и продлилось до конца XIV в., когда Дамаск пострадал от Тимура. На протяжении XIII–XIV вв. данный тип керамики был довольно широко распространен, за что и получил в средневековой Европе название «дамасская керамика» — по знаменитой вазе, украшенной надписями и подписью мастера Юсуфа из Дамаска[21]. Еще шесть обломков принадлежат к иранским люстрам ильханского периода[22]. Тесто данных сосудов грубое и зернистое, сами сосуды имеют толстые стенки, а роспись на них выполнена с меньшей проработкой деталей. Изделия с указанным набором характеристик получили в историографии наименование «ильханских» люстров[23]. Период распространения «ильханских» люстров может варьироваться в промежутке с середины XIII до середины XIV вв.

Люстры, производившиеся в период золотоордынских городов и для них, представлены всего одним фрагментом венчика чаши из рыхлого бежевого кашина, где надглазурная роспись сочетается с подглазурной подцветкой фона синим красителем. Использование рыхлого кашина в сочетании с росписью люстром по белому заглушенному фону характерно для золотоордынского времени[24]. Сочетание этих характеристик, а также факт находки фрагмента при сборах подъемного материала позволяют предполагать датировку более поздним периодом, первой половиной XIV в.

Кроме золотоордынской посуды с надглазурной росписью люстром в материалах городища выделяется еще одна группа находок с подглазурным декором. Она представлена двумя основными видами. Во-первых, это обломки сосудов с прозрачной поливой сине-голубых оттенков, под которой красителем сине-черного цвета нанесен орнамент из крестиков

(стилизованных соцветий) и каплевидных фигурок, напоминающих ныряющих рыбок и др.[25] Такие соцветия и рыбки на синем фоне являются своеобразной визитной карточкой керамических мастерских золотоордынских городов и датируются исследователями серединой – второй половиной XIV в.[26] Однако параллели этому орнаменту есть в ближневосточной люстровой керамике домонгольского времени, кроме того, на территории Сирии известны в большом количестве сосуды с близкой росписью, датирующиеся айюбидским периодом[27].

Второй вид керамики из рыхлого кашина — это посуда с бесцветной поливой и беглой подглазурной росписью черным и синей подцветкой[28]. На одном обломке венчика чаши дополнительно создан рельеф из жидкого кашина. Такая роспись в сочетании с рыхлым кашином, безусловно, говорит о золотоордынском производстве, но аналогии этой росписи тоже можно найти в керамическом производстве айюбидской Сирии, т.к. практически полные аналогии данной керамике прослеживаются в сирийских материалах[29].

Еще один обломок венчика чаши можно отнести к золотоордынскому подражанию в кашине керамики из селадона. Селадоновая посуда привозилась в Золотую Орду на протяжении всего времени ее существования в течение XIII–XIV вв.[30], а подражания селадонам, вероятно, возникли чуть позже, когда в Золотой Орде уже было налажено собственное производство керамики.

Представленные материалы не открывают новых, неизвестных ранее, направлений в сети межгосударственных связей Золотой Орды. Данная работа — это попытка выявить степень вовлеченности мелких городков в внутриордынскую и межгосударственную торговлю, и прекрасные образцы импортной поливной посуды из Византии, Сирии, Ирана и стран Закавказья это наглядно демонстрируют. Вероятно, некоторые импорты, например, византийские кувшины, попадали на городище Самосделка опосредованно, через столичные золотоордынские города, но и этот факт еще раз подтверждает высокую степень контактов между ними. Некоторые импорты из стран Ближнего Востока и Закавказья могли попадать в город на месте Самосделки напрямую, а уже потом переправляться по волжскому пути в Золотую Орду. Этот факт доказывает не только географическое положение городища, его можно считать самым первым остановочным и перевалочным пунктом при выходе из Каспийского моря, но в первую очередь это город с домонгольским слоем, а, следовательно, его торговые связи и контакты, существовавшие еще до прихода монголов, могли продолжить свое существование в золотоордынский период.

---

[1] *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 12.
[2] *Егоров В.Л.* Основные направления развития культуры Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 135. С. 83.
[3] *Зиливинская Э.Д.* Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сборник научных статей. Астрахань, 2011. С. 13.
[4] *Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Сборник научных работ. Донецк, 2003. Т. 3. С. 85.
[5] *Гончаров Е.Ю.* Очерк нумизматики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сборник научных статей. Астрахань, 2011. С. 150.
[6] *Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А.* Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 47.
[7] *Болдырева Е.М.* Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища): дисс... канд. ист. наук. М., 2016. Рис. 12.
[8] *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. С. 199–201. Рис. 104, 1–7.
[9] *Болдырева Е.М.* Указ. соч. Рис. 8.
[10] *Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Указ. соч. С. 100–102.
[11] *Зиливинская Э.Д.* Указ. соч. С. 16–17.
[12] *Якобсон А.Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // МИА СССР. № 67. Средневековые памятники Азербайджана. Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. М.-Л., 1959. Т. I. С. 256.
[13] *Левиатов В.Н.* Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940. Рис. 24.
[14] *Якобсон А.Л.* Указ. соч. Табл. VII, IX, XXVII, рис. 3 а.
[15] *Минкевич-Мустафаева Н.В.* Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956–1958 гг. (Раскоп IV) // МИА СССР. №133. Средневековые памятники Азербайджана. Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. М.-Л., 1965. Т. III. С. 36, рис. 10.
[16] *Левиатов В.Н.* Указ. соч. Рис. 38.
[17] *Полубояринова М.Д.* Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М., 2008. С. 58, 60, вкл. ил. V, 1.
[18] *Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.* Керамика Сарайчика. Алматы, 2008. С. 174.
[19] *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М., 2010. С. 22.
[20] *Болдырева Е.М.* Указ. соч. Рис. 33, 5, 6, 7.
[21] *Коваль В.Ю.* Указ. соч. С. 58; *Caiger-Smith A.* Lustre pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. Boston, London, 1985. P. 55; *Watson O.* Ceramic from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-saban collection. London, 2005. P. 396, cat. R. 1.
[22] *Болдырева Е.М.* Указ. соч. Рис. 34, 1–6.
[23] *Caiger-Smith A.* Ibid. P. 76.
[24] *Булатов Н.М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4. С. 106; *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М., 2010. С. 22.
[25] *Болдырева Е.М.* Указ. соч. Рис. 40
[26] *Коваль В.Ю.* Указ. соч. С. 90.
[27] *Jenkins-Madina M.* Rakka revisited: ceramics of Ayyubid Syria. New York, 2006. P. 84–86, 88–93.
[28] *Болдырева Е.М.* Указ. соч. Рис. 39.
[29] *Jenkins-Madina M.* Ibid. P. 159–161, MMA 44–46.
[30] *Булатов Н.М.* К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. М., 1969. № 2. С. 56–57.

П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников

Снова о привесках — литых копиях с монет типа «Ярославле сребро» из Новгорода

Серебряные монеты («сребреники») с погрудным изображением св. Георгия в плаще, с копьем в правой руке и щитом в левой на одной стороне и княжеским знаком в виде трезубца и круговой легендой «Ярославле сребро» — на другой, относятся к числу редчайших нумизматических памятников Древней Руси. В отличие от других древнейших русских монет (Владимира Святославича и Святополка Ярополчича) эти сребреники сразу же были признаны русской монетой и отнесены к деятельности князя Ярослава Владимировича Мудрого (около 978–1054). Известно 15 таких монет, разделяющихся на два типа: высокохудожественные «большие» сребреники с диаметром 24–26 мм и весом 2,8–3,77 г (8 монет; восходят к трем парам изолированных штемпелей) и «малые» — с диаметром 20–24 мм и весом 1,34–1,57 г, у которых в легенде имеется латинская буква R (7 монет; отчеканены тремя различными штемпелями лицевой стороны при одном штемпеле оборотной стороны). Лишь одна из этих монет происходит с территории Древней Руси (обнаружена в Киеве в конце XVIII в.), все остальные найдены за пределами Руси — в странах Балтийского региона[1].

Монеты «Ярославле сребро» датируют периодом новгородского княжения Ярослава Мудрого (1010–1019). Сребреники большого веса могли появиться в 1014 – начале 1015 г., когда Ярослав отказался отдавать отцу — великому князю киевскому Владимиру Святославичу — 2 000 гривен серебра, собиравшихся до этого ежегодно с новгородцев. Сребреники малого веса могли отчеканить в связи с событиями 1018 г., когда Ярослав, бежав в Новгород после поражения от Святополка Окаянного на Буге, был вынужден произвести наем новой варяжской дружины, для чего новгородцы снова «начаша скотъ събирати»[2]. Считается, что все эти монеты могли быть изготовлены в Новгороде. Анализ металла двух больших и трех малых сребреников показал очень высокую пробу серебра (960–970°)[3].

Большие сребреники отличаются исключительной красотой и изяществом, что неоднократно отмечалось исследователями[4]. Они стали образцом для изготовления в Новгороде особых литых привесок с ушком, служивших нагрудными украшениями в костюме и бывших долгое время популярными среди горожан.

Ко времени составления «Сводного каталога древнейших монет России» было известно девять литых копий: оловянных привесок, а также круглых медных украшений (возможно, матриц) без ушек для привешивания. Их диаметр — 24–27 мм[5]. Прототипом пяти из них И.Г. Спасский и М.П. Сотникова считают монеты штемпелей № 222 «Сводного каталога», трех — монеты штемпелей № 223, одна копия не поддается точному определению. Происхождение привесок, восходящих к № 222: селение Гротреск (Швеция), при раскопках места жертвоприношений (2 экз.)[6]; Унна Сайве в Лапландии (Швеция), при раскопках жертвенника (2 экз.); одна — найдена в Новгороде в 1911 г.[7] Состав металла был определен лишь у одного украшения из Унна Сайве. Оно изготовлено из олова с небольшой примесью меди (95 % и 5 %)[8]. Привеска, не поддающаяся точному определению, найдена в кургане у с. Калетино Санкт-Петербургской губернии при раскопках, она потеряна и к настоящему времени не разыскана. Копий со сребреников Ярослава малого веса пока не известно.

Из трех медных копий без ушек для привешивания, восходящих к штемпелям № 223, точное место находки известно лишь у одной: она выпахана в поле у г. Гальберштадта в 1881–1882 гг. Однако две другие происходят, вероятно, тоже из Германии, поскольку были приобретены у торговцев монетами в Кельне и Ганновере в 1850-е гг.[9] Ни одной подобной находки с тех пор не зафиксировано, что заставляет выделить эти копии в отдельную группу. Они требуют проведения металлографического анализа и специального изучения.

Рассматривая привески из Лапландии, исследователи высказывали разные мнения об их происхождении. Атрибуция этих находок как копий сребреников Ярослава была установлена Т. Арне еще в 1914 г.[10] И. Сернинг, публикуя эти предметы, высказала мнение, что они попали на север из Восточной Европы, и датировала их второй половиной XI в.[11] В.М. Потин привлек привески из Лапландии для определения возможного места изготовления сребреников Ярослава большого веса и высказал осторожное предположение: «Сказать что-либо совершенно бесспорное о происхождении подражаний Ярославлю сребру пока невозможно, но надо думать, что они были изготовлены где-нибудь в новгородских землях, в Приладожье или Карелии»[12]. Н.А. Макаров отметил тождество литой копии из Новгорода и привесок из шведской Лапландии и пришел к выводу, что эти украшения были изготовлены в Новгороде[13].

Археологические работы в Новгороде вскоре подтвердили заключение Н.А. Макарова. В 1991 г. две подобные металлические привески были обнаружены на Федоровском раскопе (Плотницкий конец средневекового Новгорода; руководитель работ Г.Е. Дубровин). Их диаметр — 25 мм. Обе они залегали в перемешанном слое и, к сожалению, лишены стратиграфической датировки. Древнейшие отложения культурного слоя в этой части Новгорода датируются рубежом XI–XII вв.[14]

Федоровские привески отлиты вместе с ушками в двусторонних каменных (?) литейных формах. Преобладающим металлом в сплаве является олово (86–90 %)[15]. Обе копии невозможно отождествить с какой-то известной монетой. Мастер, вероятнее всего, попросту копировал изображения, известные ему по более раним образцам подобных привесок.

Начало изготовления украшений, копирующих монеты Ярослава, следует относить к концу первой четверти XI в. — времени бытования их прототипов. Ремесленное производство этих копий по глиняным формам возможно только при наличии оригинала. Поэтому вряд ли стоит отодвигать его за рамки первой половины XI в. Позже такие предметы могли отливать в каменных формах, используя за образец более ранние привески.

Таблица 1.
Паспортные данные привесок — подражаний монетам с надписью «Ярославле сребро» из Новгорода

№ п/п	Раскоп	Уч.	№ п/о	Кв.	Гл., см	Слой	Датировка	Вес, г	Размер, мм	Рис., Табл.
1	Десятинный IV (Софийская сторона)	10	60	Г-17	-172	навоз, щепа	первая половина XII в.	2,78	диаметр 26 толщина 2	Рис. 1: 1
2	Лукинский II (Торговая сторона)	2	216	Д-8	-192	навоз, щепа	начало XII в. Усадьба «В»	3,14	диаметр 25,5 толщина 1	Рис. 1: 2 Табл. 2; 3
3	Лукинский II (Торговая сторона)	3	199*б*	Б-12	-188	слой с печиной и углем	20-е гг. XII в. Усадьба «Б», внутри сооружения № 1 (сруб 5 × 7 м с печью в центре)	3,32	диаметр 23 толщина 2	Рис. 1: 3
4	Рогатицкий II (Торговая сторона)	1	14	А-1	-600	навоз, щепа	конец XI – начало XII в.	8,82	диаметр 24 толщина 2,5	Рис. 1: 4 Табл. 2

Рис. 1. Привески – литые копии с монет типа «Ярославле сребро» из раскопок в Великом Новгороде в 2010–2014 гг.:
1 – Десятинный IV раскоп (Дес-4/10-60); 2 – Лукинский II раскоп (Лук-2/2-216); 3 – Лукинский II раскоп (Лук-2/3-199б); 4 – Рогатицкий II раскоп (Рог-2014/1-14)

Дальнейшие работы новгородских археологов показали, что подобные украшения бытовали в Новгороде и в XII в. В 2005 г. такая привеска найдена на Троицком XIV раскопе (Людин конец средневекового Новгорода; руководитель работ А. М. Степанов) в слое второй четверти XII в.[16] В 2008 г. еще две подобные находки обнаружены на Десятинном II раскопе (Людин конец средневекового Новгорода; руководитель работ Н. Н. Фараджева). Одна из них залегала в напластованиях конца XI – начала XII в., вторая — в слое второй половины XII в.[17] Несколько таких же украшений зарегистрировано в последние два десятилетия вне раскопок как в самом Новгороде, так и в его окрестностях (преимущественно в Поозерье)[18].

Приводим сведения о четырех новых привесках. Они обнаружены в процессе археологических работ на Десятинном IV (2010) раскопе в Людином конце[19], а также на Лукинском II (2012)[20] и Рогатицком II (2014) раскопах в Плотницком конце средневекового Новгорода. Их диаметр — 23–26 мм (Рис. 1; Таблица 1).

Украшение с Десятинного IV раскопа (Дес-4/10–60) отлито в той же каменной двусторонней литейной форме, что и привеска Федоровского раскопа и такая же находка из Новгородского Поозерья[21]. Нижняя часть ее утрачена в древности (Рис. 1: 1). Обнаружена в слое первой половины XII в. Продукцией той же литейной формы является первая привеска Лукинского II раскопа (Лук-2/2–216) (Рис. 1: 2), которая залегала в слое начала XII в. Вторая находка (Лук-2/3–199*б*) — аналогична привеске Федоровского раскопа и находке из Поозерья (Рис. 1: 3)[22]. Датируется 20-ми гг. XII в.

Заготовка привески (?), обнаруженная на Рогатицком II раскопе, представляет особый интерес. Это литейный брак, сохранивший в месте вливания металла в форму несрезанные литники (Рис. 1: 4). Находка указывает на местное производство и представляет редкий случай, когда время ее изготовления и утилизации совпадают. Она залегала в слое конца XI – начала XII в. Некачественная отливка является возможной причиной отсутствия у предмета соответствующего ушка, поэтому к категории рассматриваемых изделий его можно отнести с определенными оговорками.

При общем единстве композиционной схемы (святой–трезубец) эта находка заметно отличается от рассмотренных выше привесок. На лицевой стороне находится поясное изображение святого с копьем в левой руке и щитом в правой (!), заключенное в два точечных ободка. На оборотной стороне изображен княжеский знак в виде трезубца, по краю просматриваются два точечных ободка. Общий стиль изделия выдает руку неумелого мастера-торевта, из-

Таблица 2.

Химический состав сплава привесок Лукинского II и Рогатицкого II раскопов (метод РФА)

Элемент	Подвески	
	Лук-2/2-216[1]	Рог-2014/1-14
Sn	97,63	95,14
Cu	1,94	3,37
Pb	0,12	0,50
Zn	0,01	0,03
Bi	-	0,07
Ni	-	0,03

[1] Шифр находки означает: раскоп/участок-номер по полевой описи

Таблица 3.

Фазовый химический состав сплава привески Лукинского II раскопа (Лук-2/2-216) по данным микроанализа

Аналитический спектр	Sn	Cu
1	89,4	10,3
2	14,9	84,7
3	13,2	86,3
4	12,4	87,2
5	70,2	29,7

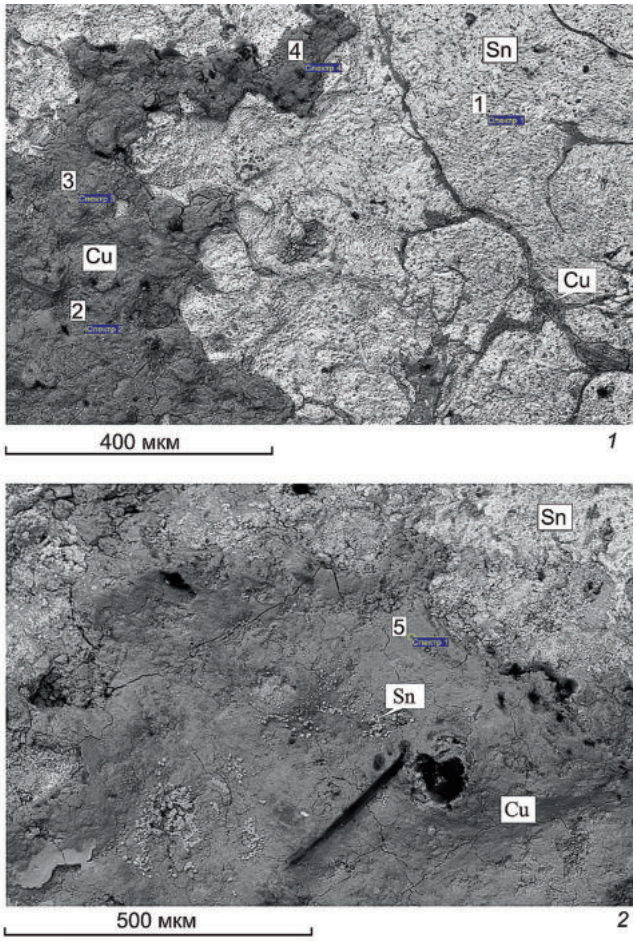


Рис. 2. Микронеоднородность сплава привесок (на примере находки Лук-2/2-216). Электронно-микроскопические изображения в режиме обратно-рассеянных электронов (BSE).
Цифрами обозначены номера аналитических спектров, соответствующие Табл. 3

готовившего крайне грубую форму для этого украшения.

Для двух привесок, обнаруженных на Лукинском II и Рогатицком II раскопах, проведен анализ металла (Таблица 2). Эти украшения отлиты из олова (95–98 %) с примесью меди (2–3 %)[23]. Такие сплавы отличала не только низкая температура плавления, но и высокая пластичность, благодаря которой получались отливки с достаточно четким рельефным изображением. Незначительные примеси свинца (0,1–0,5 %), цинка (0,01–0,03 %), висмута (0,07 %) и никеля (0,03 %) свидетельствуют о том, что эти металлы не вводились в сплав специально. Скорее всего, они входили в состав разнообразного по составу и качеству исходного сырья, которым располагал литейщик. При отсутствии собственных рудных источников ассортимент сырья новгородских литейщиков складывался из вышедших из употребления привозных предметов, металл которых они смешивали произвольно.

Сплав привесок отличается неоднородностью. На микрофотографиях хорошо видны две контрастные фазы: светлая и темная (Рис. 2). Микроанализ этих областей показал[24], что светлые фазы состоят из олова (Sn), темные — сложены преимущественно медью (Cu) (Таблица 3). Тугоплавкая медь ($t_{плавл.}$ = 1083° C) затвердевала первой. По ее границам, обтекая, твердело легкоплавкое олово ($t_{плавл.}$ = 232° C) (Рис. 2: 1).

Ареал распространения рассматриваемых украшений на территории Древней Руси был широк. Аналогичные новгородским привески найдены при археологических раскопках города Ярополч Залесский во Владимирской обл. и в погребении XII в. могильника Нефедьево на Волоке Славенском в Вологодской обл.[25] В последние годы находки подобных украшений зарегистрированы в Вологодской (Белоозеро)[26], Владимирской[27], Смоленской[28], Московской[29], Калужской областях[30], а также в г. Могилеве[31].

Таким образом, недорогие оловянные привески, копирующие сребреники Ярослава, отливались в Новгороде в XI–XII в. и распространялись в Северной Руси, а также в Скандинавии на протяжении долгого времени после исчезновения из обращения самих прототипов. Копии, отлитые в глиняных литейных формах, следует считать наиболее ранними, поскольку для их изготовления были необходимы оригинальные монеты.

Количественное увеличение имитаций монет «Ярославле сребро» за последние годы, установление их широкого географического распространения и длительного использования заставляют вновь вернуться к вопросу о назначении их прототипов. Н. П. Лихачев писал: «„Ярославле сребро“ — метеор. Экземпляры настолько уникальны, что о распространении их как монеты, не может быть и речи» (*Лихачев Н. П.* 1930. С. 178). Со времени написания этих слов прошло почти 90 лет, но их справедливость остается незыблемой. Монеты Ярослава Владимировича и сегодня являются чрезвычайно редкими нумизматическими находками. Последнее издание Корпуса древнейших

русских монет (1995 г.) содержит сведения о более 330 сребрениках. 251 из них принадлежит Владимиру Святославичу, 68 — Святополку Ярополчичу и 13 — Ярославу Владимировичу[32]. В последующие два десятилетия из-за несанкционированных грабительских раскопок в России, Украине и Беларуси количество новых находок древнейших русских монет стремительно возросло. Так, к примеру, к 2006 г. наряду с многочисленными современными подделками было зарегистрировано около 60 подлинных сребреников Владимира и Святополка[33]. Монет же Ярослава к настоящему времени добавилось всего лишь две[34].

В связи с этим возникает вполне резонный вопрос. Почему во второй четверти XI в. как образец для изготовления нагрудных привесок в Новгороде использовали только монеты «Ярославле сребро» — первого типа? Украшений в виде монет Владимира и Святополка ни в Киеве, ни в других местах нет. Не известно также привесок, которые бы копировали сребреники Ярослава второго типа. Монеты вообще редко имитировали, но часто подделывали. В средневековой Руси, как и во всех странах Европы, широко практиковалось изготовление фальшивых монет. Как правило, подделывали наиболее массовые, знакомые и привычные для населения типы денег. Может быть, прав Н. П. Бауер, а вслед за ним и Н. П. Лихачев, предполагавшие, что «Ярославле сребро» — не монета, а особый верительный знак?[35] Тогда становится более объяснимым, почему именно они стали образцом для копирования и изготовления украшений, так полюбившихся новгородцам.

---

[1] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983. С. 96–111, 196–201. № 222–227; *Гайдуков П. Г., Хорошев А. С.* Новые находки привесок — литых копий с монет типа «Ярославле сребро» в Новгороде // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. М., 1996. С. 204–205; *Гайдуков П. Г.* Ярославле сребро // Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 548; *Гайдуков П. Г., Калинин В. А.* Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X вв. М.- Вологда, 2012. С. 426–429.

[2] ПСРЛ. Т. I. М., 2000. Стб. 143.

[3] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 196, 198; *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995. С. 115–120, 212.

[4] «В монетном производстве всей Европы XI в. сребреники Ярослава представляют своего рода феномен по мастерству исполнения монетного штемпеля». См.: *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л., 1970. С. 53; «Красота русских монет с изображением св. Георгия и надписью «ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО» высоко ценилась не только исследователями, но и современниками, о чем свидетельствует использование и самих монет, и их литых медных копий в качестве украшений». См.: *Сотникова М. П.* «Ярославле сребро» в Эрмитаже // СГЭ. 1975. Вып. 40. С. 61.

Из всех исследователей лишь Н. П. Бауер и Н. П. Лихачев, отмечая редкость и исключительно высокое качество этих монет, высказывали сомнение в правильности общепринятой атрибуции. Они считали «Ярославле сребро» скорее княжеским верительным знаком, чем монетой. См.: *Бауер Н. П.* Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // Известия ГАИМК. Т. V. Л., 1927. С. 317. Примеч.; *Он же.* История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. М., 2014. С. 146, 165–166; *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2 (Труды музея палеографии. Т. II.). Л., 1930. С. 178.

[5] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 202–203. № А–В.

[6] Рисунок одной из них впервые опубликован Т. Арне (*Arne T. J.* Le Swède et l'Orient. Upsal, 1914. P. 104. Fig. 62). Н. П. Лихачев воспроизвел рисунок Т. Арне в своей книге (*Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 182. Рис. 167, левый рис.) и полагал, что украшение из Швеции копирует привеску из Новгорода, которую он признавал подлинной монетой Ярослава Владимировича. См. примеч. 7.

[7] У привески отломлена верхняя часть с ушком. В публикациях Н. П. Лихачева (ЛСА. Табл. LIII, *16*; Материалы для истории византийской и русской сфрагистики... С. 175–177. Рис. 166) и А. В. Орешникова (Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 91. № 38. Табл. II, *2*) она ошибочно рассматривалась «как отчеканенная монета, а не копирующее ее литое украшение». См.: *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 202. № А–3.

[8] *Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnalder och medeltid i de svenska lappamarkerna. Stockholm, 1956. S. 126; *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 202. № А–4. В ноябре 1993 г. в Стокгольмском государственном историческом музее привеска визуально осмотрена одним из авторов. Предмет был отлит, по всей вероятности, в глиняную литейную форму, изготовленную по оттискам сребреника № 222.

[9] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 203. № Б–2, Б–3; *Гайдуков П. Г., Калинин В. А.* Указ. соч. С. 430–431. Рис. 22, 7, 8.

[10] *Arne T. J.* Ibid. P. 102, 104. Fig. 62.

[11] *Serning I.* Ibid. S. 68, 126, 149.

[12] *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л, 1968. С. 149.

[13] *Макаров Н. А.* Восточноевропейский импорт XI–XIII вв. на севере Фенноскандии. М., 1989. (Рукопись). Л. 80–81.

[14] *Гайдуков П. Г., Хорошев А. С.* Указ. соч. С. 206–210. Рис. 1, 2; *Гайдуков П. Г., Калинин В. А.* Указ. соч. С. 430–431. Рис. 22, 1, 2.

[15] Состав металла привесок: 1) Cu – 5,66 %, Pb – 2,17 %, Sn – 90,02 %, Sb – 2,15 %; 2) Cu – 11,14 %, Sn – 86,05 %, Sb – 2,81 %. Анализ химического состава металла проведен в ноябре 2000 г. на кафедре геохимии геологического факультета МГУ Р. А. Митояном и Н. В. Ениосовой.

[16] *Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В.* Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // НиНЗ ИА. Вып. 20. Новгород, 2006. С. 10. Привеска залегала в сооружении № 51, наиболее поздняя дендродата которого — 1136 г.

[17] *Фараджева Н. Н.* Археологические исследования на раскопе Десятинный–II в 2008 г. // НиНЗ ИА. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 55. Благодарим Н. Н. Фараджеву за сведения о датировке привесок.

[18] Фотографии четырех привесок опубликованы. См.: *Гайдуков П. Г., Калинин В. А.* Указ. соч. С. 430. Рис. 22, 3–6. Прототипом одной из них является монета штемпелей № 222 «Сводного каталога» (Там же. Рис. 22, 3), две другие отлиты в тех же формах, что и привески Федоровского раскопа (Там же. Рис. 22, 5, 6).

[19] *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. (Десятинный IV раскоп) // НиНЗ ИА. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 43.

[20] *Гайдуков П. Г., Олейников О. М.* Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский 2 раскоп) // НиНЗ ИА. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 24, 27. Рис. 11, 3, 4.

[21] *Гайдуков П. Г., Хорошев А. С.* Указ. соч. С. 208–209. Рис. 1, 2; *Гайдуков П. Г., Калинин В. А.* Указ. соч. С. 430. Рис. 22, 2, 6.

[22] *Гайдуков П. Г., Хорошев А. С.* Указ. соч. С. 207–208. Рис. 1, 1; *Гайдуков П. Г., Калинин В. А.* Указ. соч. С. 430. Рис. 22, 1, 5.

[23] Химический состав подвесок определен методом РФА на рентгенофлуоресцентном спектрометре Axios в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН ведущим специалистом метода А. И. Якушевым.

[24] Микрозондовый анализ проведен на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV, оснащенном энергодисперсионным рентгеновским спектрометром INCA Energy-450 в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН Н. В. Трубкиным.

[25] *Сотникова М.П.* Пополнение Корпуса древнейших русских монет // СГЭ. 1987. Вып. 52. С. 48. Рис. на с. 47; *Макаров Н.А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв.: Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 13. Рис. 1, 25.
[26] Сообщение А.А. Резнева, октябрь 2005 г.
[27] *Зайцев В.В.* О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2. С. 14. № 11, 12. Табл. 3, 11–12.
[28] Сообщение Л.С. Панковой, 04.06.2013 г.
[29] Сообщение А.А. Гончара, 15.11.2010 г.
[30] *Ткаченко А.В., Ткаченко В.А., Федорова Л.И.* О находке в Калужском крае привески — литой копии с монеты типа «Ярославле сребро» // Двенадцатая ВНК. Тез. докл. и сообщ. М., 2004. С. 130–132.
[31] Сообщение И.И. Синчука, 21.10.2017 г.
[32] *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X–XI вв. М., 1995. С. 26–120.
[33] *Моисеенко Н.С., Сотникова М.П.* Новые данные об исследовании древнейших русских монет // Нумизматический сборник [Московского нумизматического общества]. № 13. М., 2006. С. 33; *Гайдуков П.Г., Калинин В.А.* Указ. соч. С. 411.
[34] *Гайдуков П.Г., Калинин В.А.* Указ. соч. С. 427–428.
[35] «Вот почему опять вспоминается давний обычай — «ношаху п[ос]ли печати златы, а гостье сребрени», и напрашиваются предположения по следующей схеме: по смерти отца Ярославу представилась необходимость создать свое «злато» и «сребро», как верительные знаки от своего имени. Такая «печать» и была изготовлена, с наибольшей вероятностью, в Новгороде и мастером, знакомым с византийским искусством» — *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 178.

А.А. Гиппиус

«Игра в слова» по правилам древнего Новгорода [1]

К числу важнейших памятников новгородского резного дерева принадлежит плеть, найденная в 2009 г. на Кремлевском раскопе в слое первой половины XIII в.[2] Рукоять плети, явно имевшей парадный, церемониальный характер, украшена мастерски исполненным плетеным орнаментом, в который вписаны изображения животных и лучника, а также сопровождаемая надписью сцена наказания плетью, — уникальное свидетельство практики публичных телесных наказаний в Древней Руси. В сцене представлены пять фигур: 1) исполнитель наказания («экзекутор»), изображенный с плетью в левой руке; 2) наказуемый, распростертый на земле перед экзекутором; 3) «помощник экзекутора»; 4) представитель власти, наблюдающий за наказанием из окна здания с арочным проемом внизу; 5) человек, выглядывающий из-за угла здания. Поднятой правой рукой экзекутор указывает на прячущегося человека, и к нему же протягивает руки помощник (при том что лицо помощника обращено к экзекутору) (Рис. 1).

Рис. 1. Сцена наказания на рукояти плети, XIII в., резьба по дереву (прорисовка И.В. Мищенко)

Общий смысл сцены и соотношение изображенных лиц интерпретируются предположительно. Далека от однозначности и трактовка надписи, помещенной в рамке у верхнего края композиции. Прочтение ее оказалось непростой задачей. В тексте 13 букв, из которых уверенно идентифицируются следующие: **кѳ--ьртьутосьс**. От буквы после **ѳ** хорошо видна только левая мачта, которая может принадлежать буквам **г**, **и**, **ѵ**, **п**, **р**, **ц** («широкие» буквы **м**, **ю**, **є** не подходят, т. к. их правые элементы были бы видны). Предложенная в публикации трактовка этого текста (которой мы следуем и в данной работе) членит его на слова следующим образом: **кѳ[р](є) ьртє утѳ сь**; или, в нормализованной раннедревнерусской записи: **кѳре ьртє уьтѳ сє.**

Восстанавливаемое *кѳ[р](е)* трактуется нами как звательная форма от известного древнерусским памятникам грецизма *кюръ/киръ* ‘господин’ (греч. κύριος; вариативность передачи греческого υ вполне допускает такую ин-

терпретацию). Реконструируемое *кире брате* — вариант этикетного обращения *господине брате*, засвидетельствованного как книжными, так и бытовыми источниками и представленного, в частности, берестяной грамотой № 531, где данный оборот употреблен трижды: «*брате господине*, попецалоуи о моемо ороудье Коснѧтиноу», «а нынеца, *господине брате*, согадаво со Воелавомо молови емоу», «ты же, *браце господине*, молови емо(у)...». В литературе уже указывалось на возможный греческий источник этой эпистолярной формулы, находящей точное соответствие в папирусах Оксиринха (Κυρίῳ [μου] ἀδελφῷ)[3]; как калька греч. κύριε ἄδελφε обращение выступает и в переводных книжных памятниках. «Гибридный» вариант с грецизмом *кюрь* в качестве первого компонента хорошо вписывается в контекст такого взаимодействия.

Для второй части надписи нами были предложены несколько вариантов интерпретации[4]. Во-первых, надпись может быть понята как одно вопросительное предложение: <Кире-брате, что се?> (‘Господин брат, что это?’). С этим вопросом человек с плетью может обращаться к тому, кто выглядывает из-за здания, намекая, что и он может скоро оказаться в роли наказуемого. *Се* в таком случае относится к плети, а вопрос носит характер иронической угрозы («Братец, знаешь ли, что это [у меня в руке]?). Параллель к этой иронической ремарке может составить известная композиция Спаса-Нередицы, иллюстрирующая притчу о богатом и Лазаре. На ней черт, подавая находящемуся в аду богатому сосуд с огнем, обращается к нему со словами: «Дрооуже богатыи, испѣи горящаго пламени»[5]. Ироничность реплики подчеркивает использование обращения «друже» — в нашем случае ту же функцию выполняет обращение «господин брат», выступающее в особо торжественном грецизированном варианте.

С другой стороны, обращение и вопрос могут быть отделены одно от другого и трактованы как обмен репликами между экзекутором и тем, к кому он обращается:

— Кире брате!

— Что-се?

Се в таком случае — не указательное местоимение, а частица при вопросительном местоимении, выполняющем роль однословной реплики-отклика, аналогичной просторечному *ась*? (происходящему из *а се*). Эта реплику можно понять как произносимую персонажем, выглядывающим из-за угла здания, которого, как очередного «клиента», подзывает экзекутор и за которым готов броситься бежать его помощник. Но это могут быть также слова помощника — если экзекутор обращается к нему. Принять во внимание и такую возможность заставляет следующая параллель, которую в этом случае находит наша надпись.При таком распределении реплик они поразительно напоминают начало диалога халдеев из «Пещного действа» — литургической драмы, разыгрывавшейся в XVI–XVII вв. на соборных «подмостках» Москвы, Новгорода и Вологды:

> «...Халдѣй кличетъ: *товарыщъ*. Другій же халдѣй отвѣщаетъ: *чево*. И первый халдѣй глаголетъ: *Это дѣти царевы*. А другій халдѣй подваиваетъ: *царевы*. Первый же глаголетъ: *нашего царя повелѣнія не слушаютъ*. А другій отвѣщаетъ: *не слушаютъ*. Первый же халдѣй говоритъ: *а златому тѣлу не покланяются*. А другій халдѣй глаголетъ: *не покланяются*. Первый же халдѣй говоритъ: *и мы вкинем их в пещь*. А другаго отвѣтъ: *и начнем их жечь*»[6].

Сходством реплик параллель не исчерпывается: важно, что в обоих случаях ими обмениваются лица, занятые исполнением наказания и действующие в присутствии носителя верховной власти.

Все три рассмотренных толкования объединяет понимание надписи как речи персонажей изображенной сцены. Но возможно и принципиально иное прочтение. Как цельное высказывание вопрос «Кире-брате, что се?» может быть понят и как обращенный к зрителю, разглядывающему рисунок и разгадывающему его смысл — референтом местоимения *се* оказывается тогда уже не плеть на картинке, а сама изображенная сцена или даже вся система изображений. Такое прочтение, впрочем, вполне может сосуществовать с одним из рассмотренных выше. Возможность двойственной интерпретации текста хорошо согласуется с нетривиальным соотношением предмета и изображения, с которым мы имеем дело: в центре композиции, изображенной на плети, находится сама плеть. Это «удвоение» объекта и текста на нем может быть частью игры, к которой «мастер новгородской плети» приглашает зрителя.

Когда изложенная трактовка надписи была представлена на конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» в январе 2013 г., Е.А. Рыбина, выступая в дискуссии по докладу, указала на не замеченное нами обстоятельство, бросающее новый свет на характер текста. А именно, Елена Александровна заметила, что последние две буквы надписи при добавлении к ним ее первых двух букв составляют слово *съкѫ* <сѣку>, как нельзя лучше подходящее к изображенной сцене. Если бы надпись была кольцевой, то, с наложением друг на друга конца последнего и начала первого слова, ее можно было бы прочесть как диалог «экзекутора» с человеком, выглядывающим из-за постройки: «— К*ѫ*ре-бр(а)те! — Чьто? — *Съкѫ*!».

В таком прочтении — заметим, не исключающем приведенные выше, но надстраивающемся над ними как еще один уровень интерпретации — надпись обнаруживает характер словесной игры, вполне отвечающий духу своеобразного полицейского юмора, присутствие которого в тексте и изображении мы уже отмечали. Более того, сам выбор грецизма *куре* вместо обычного *господине* мог быть не в последнюю очередь обусловлен возможностью обыграть звуковой облик этого слова.

Сам же игровой принцип сцепления слов через общие элементы, гаплографической записи «внахлест», при которой один и тот же сегмент используется дважды, обнаруживается и в ряде других некнижных новгородских текстов. Нам уже приходилось отмечать его использование в школьных упражнениях Онфима[7]. Так устроена, в частности, грамота № 207, в которой Н.А. Мещерский опознал обрывки трех молитв из следованной Псалтири. Во фрагменте ѧко|ко же мо ли|че твоє на ра|ба твоєго бо начатое ѧко{ко}же моли... (вероятно, имелась в виду словоформа *молитва* или же *молимъ*) «перерастает» в *лице твое*; при этом слог *ли* использован дважды. В грамоте

Рис. 2. Граффито со словом *боуборо* в южной галерее (Мартирьевской паперти) Софийского собора, втор. пол. XII в. (левая часть, фотография)

№ 331 последовательность *словоплощь* явно представляет собой результат наложения *слово* и *воплощ-* (ср. тот же прием в надписи *Лазаревоскресенье* [*Лазарево воскресенье*] на новгородской иконе «Воскрешение Лазарево» XV в. из Русского музея)[8]. В грамоте № 204 Онфим, написав *якоже*, обрывает начатую фразу и, оттолкнувшись от *же*, выписывает ряд складов на *е*: *бе ве ге де же зе*... В грамоте № 202 (*на Домитрѣ возѧти доложзикѣ*) странное написание словоформы В. мн. *должкѣ* объясняется тем, что между Ж и К Онфим написал буквы, находящиеся между ними в алфавите; таким образом, в подражающую деловой записи фразу оказался инкорпорирован фрагмент азбуки — *долоЖЗИКѣ*.

Еще более яркий пример представляет граффито из Мартирьевской паперти Софийского собора — длинная двухстрочная надпись, сделанная по фресковой штукатурке над левой частью композиции Деисуса 1144 г. (в проеме между лопатками северной стены южной галереи)[9] (Рис. 2). Текст не поддается членению на слова и синтагмы и поначалу производит впечатление полной бессмыслицы:

боу[бо]ротьльлѣ[т]абоу[б]ороroу... ...а-----оубор[о] ...
[б]оуборомольбоуб[о]ровокор(о)[б]оу[ѧко]---------то

При ближайшем рассмотрении в этом словесном хаосе обнаруживается своя логика. Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие в тексте сочетаний согласных — в нем представлены исключительно слоги структуры CV (согласный-гласный). Во-вторых, в надписи пять раз встречается трехсложный комплекс *боу-бо-ро*, обладающий следующей особенностью: его первый и второй слоги объединены общим согласным — *б*, а второй и третий — общим гласным — *о*; таким образом, первый и третий слоги, не имеющие общих букв, оказываются связаны через промежуточное звено, каким является слог *бо*. На последовательность *боу-бо-ро* приходится почти половина всех сохранившихся букв надписи.

В организованном таким образом звуковом потоке вычленяются отдельные, грамматически не связанные друг с другом словоформы. Так, после *боу-бо-ро* в начале второй строки читается *мольбоу*, а далее — *боробо*; при этом последний слог первого слова и первые два второго образуют очередное *боу-бо-ро*. Аналогичным образом из открывающего строку *боу-бо-ро* «вырастает» словоформа *боромо* (Тв. ед. от *боръ* в бытовой орфографии, с отражением отвердения конечного *м*'), которая затем «перетекает» в *мольбоу*. С таким же нахлестом из слова *боробо* возникает последовательность *во коробоу*, а из нее — *боуяко* <боуякъ>, ср. диал. *буяк*, 'племенной бык'[10]. Возникает таким образом цепочка, звенья которой соединяются друг с другом и с «базисным» комплексом *боу-бо-ро* посредством общих элементов:

боу(боро = боро)**(**мо = мо)ль(боу = **боу)(боро** = боро)(во = во) коро(боу = боу)яко...[11].

Такое кумулятивное построение сообщает тексту характер фольклорной зауми или скоморошьего балагурства. Периодически повторяясь, бессмысленное *буборо* создает монотонный звуковой поток, в котором всплывают разрозненные словоформы и словосочетания. Это напоминает известную детскую игру: начнешь произносить подряд *мышка, мышка, мышка*... – и получается *камыш*; *кабан* превращается в «банку», а *чайка* — в *качай*. Переход от одного смысла к другому происходит через состояние бесконечной слоговой ленты, открытой для вариантных интерпретаций. Сходным образом при «закольцовывании» надписи на плети в ней возникает слово *сѣку*[12]. Заметим, что и само слово (или «псевдослово») *буборо* заключает в себе этот кольцевой эффект: в «ленте», которую оно образует при многократном повторении, вычленяются сцепленные между собой словоформы *робу* и *боро* <*боръ*>[13].

Примечательно, что основа *бубор-*, неизвестная диалектным словарям русского языка, отразилась между тем в антропонимии и топонимии средневекового Новгорода. В писцовых книгах Деревской пятины упоминаются крестьянин Степанко Буборов, а также целый ряд Буборковых, среди которых — крестьяне-своеземцы и несколько помещиков, владевших вотчинами в Деревской пятине[14]. Кроме того, в Обонежской пятине существовала деревня Буборино, вошедшая в историю благодаря основанному

в нескольких верстах от нее в конце XVI в. Троицкому Зеленецкому монастырю. Стоящие за этими фамилиями и названием прозвища — Бубор (?), Буборко, Бубора — несомненно, связаны с *буборо* софийской надписи. Но каков характер этой связи? Маловероятно, чтобы источником прозвища послужила сама игра «в буборо». Скорее, следует думать, что звуковой комплекс, составивший фонетический базис этой словесной забавы, мог закрепить за собой какое-то номинативное значение вроде ‘ворчун’, ‘бормотун’, ‘невнятно говорящий человек’.

Игровой принцип сцепления слов через общие элементы, по-видимому, достаточно универсален, свойствен разным культурам и эпохам. Этим может объясняться неожиданная перекличка между рассмотренными древненовгородскими текстами и одним из самых смелых формальных экспериментов современной русской авангардной поэзии. Мы имеем в виду явление «полифоносемантики», представленное в первую очередь открывшим его Александром Горноном. Суть этого направления — в полифонии смыслов, возникающей благодаря совмещению альтернативных вариантов членения потока поэтической речи на слова и морфемы. Так, в строке «(с душой все понятно) — а дальшелестела» совмещаются, накладываясь друг на друга, *даль* и *дальше, шелестела* и *шелест тела*. В. Кислов, из чьей рецензии на книгу стихов А. Горнона взят этот пример, отмечает, что «примитивный аналог приема — японская игра *сиритори* (досл. «тянуть за зад»), в которой игроки должны сказать слово, начинающееся с последней идеограммы (кана) предшествующего слова»[15]. В отличие от «игры в слова» в ее русском варианте единицей сцепления слов в японской игре выступает слог, а не буква, что естественно для языка, в котором отсутствуют закрытые слоги и слова могут заканчиваться только на гласный. Но точно так же был до падения слабых редуцированных устроен и древнерусский язык. Неудивительно поэтому, что правила игры, принятые в древнем Новгороде, отличаясь от современных русских, были сходны с японскими.

---

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

[2] *Родионова М.А., Гиппиус А.А.* Плеть с владычного двора // НиНЗ ИА. Вып 27. Великий Новгород, 2014. С. 152–170; Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / [отв. ред.-сост. М.А. Родионова]. 2017. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 133–142.

[3] *Факкани Р.* Graeco-Novgorodensia. I // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 335.

[4] См.: *Родионова М.А., Гиппиус А.А.* Плеть с владычного двора. С. 159–160.

[5] *Мясоедов В.К.* Фрески Спаса Нередицы. Л., 1925. Табл. XXX.

[6] *Никольский К.* О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 200.

[7] *Гиппиус А.А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 219.

[8] *Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.С.* Живопись Великого Новгорода. XV в. М., 1982. С. 243–244.

[9] *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20—27 августа 2012 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 170—171.

[10] Словарь русских народных говоров. Т. 3. Л., 1968. С. 334.

[11] Элементы подобной цепочки прослеживаются и в первой строке, но с некоторыми сбоями: из первого *боу-бо-ро* здесь «вырастают» (со снятием эффектов бытовой орфографии) Д. ед. <*ротъ*> (или И. ед. *рьте*), *тѣлѣ* и *лѣта*. По видимому, в первой строке писавший еще только нащупывал принцип, более последовательно реализованный во второй.

[12] Альтернативное членение слоговой последовательности, которую представляет надпись на плети, не ограничивается выделением в ней этой словоформы. Как заметила (устно) Е. Щеголькова, второй слог слова *куре* в сочетании с первым слогом слова *брате,* дает слово *ребра*, которое может быть понято как прямой объект при с*ѣку*.

[13] Можно сказать (обыграв случайное созвучие), что перед нами словесный аналог *уробороса* — мифологического змея, кусающего себя за хвост, одного из древнейших символов бесконечности.

[14] Новгородские писцовые книги, изданные Императорскою археографическою комиссиею. Указатель к первым шести томам. Петроград, 1915. С. 9.

[15] *Кислов В.* Рец. на: *Горнон А.* 25-й кадр, или Стихи не о том (полифоносемантика) / Вступ. ст. Б. Шифрина. — СПб.: Контраст, 2014 // Новое литературное обозрение. Вып. 128 (3). М., 2014.

О.П. Доброва

О некоторых типах бус по материалам Неревского раскопа Новгорода Великого

Стеклянные бусы Новгорода Великого впервые стали предметом рассмотрения в статье Ю.Л. Щаповой[1]. В нее вошли материалы Неревского раскопа 1951–1954 гг., насчитывающие около полутора тысяч бус. В основу классификации была положена схема, предложенная и апробированная А.В. Арциховским при систематизации бус вятичей[2]. Однако большое морфологическое разнообразие бус, представленных в Новгороде, потребовало внесения корректив в схему А.В. Арциховского — в частности, разделения бус на одноцветные и декорированные. В результате было выделено 11 типов одноцветных и 5 типов декорированных бус, объединивших наиболее многочисленные бусы в количестве 826 экземпляров. Важнейшим результатом проделанной работы стало соотнесение выделенных типов бус с ярусами Неревского раскопа и, соответственно, их датирование.

Рис. 1. 1, 3 – Навитые 4-гранные и 5-гранные призматические бусы; 2 – из тянутой трубочки призматическая 8-гранная бусина лилового прозрачного стекла; 4 – короткоцилиндрические бусы бесцветного стекла в технике обертывания; 6 – зонные прозрачные бусы цвета морской волны — 4 экз.[26]; 7 – фрагмент биконической бусины[27] зафиксирован в слое первой четверти XI в.; 8 – навитые бусы зеленого непрозрачного стекла — 9 экз.; 9 – прессованные бочонкообразные печеночно-красные и оранжевые непрозрачные бусы (III группа по терминологии З. А. Львовой) — 13 экз.

Позднее, при написании обобщающей работы по стеклу Древней Руси, Ю. Л. Щапова вновь обращалась к новгородской коллекции, более дробно разделив бусы с металлической фольгой и бусы с пластическим декором[3].

Помимо специальных работ, стеклянные бусы рассматривались в обобщающих вещеведческих работах Б. А. Колчина и Ю. М. Лесмана[4]. Б. А. Колчин не ставил задачу систематизировать собранный к 1982 г. новый материал, взяв за основу типы, выделенные Ю. Л. Щаповой на материалах Неревского раскопа. При этом количество бус, составляющих тип, значительно возросло за счет привлечения материалов с других новгородских раскопов. В результате хронология бытования некоторых типов была существенно расширена[5]. Ю. М. Лесман ставил своей целью рассмотреть хронологию бытования новгородских типов вещей по курганным древностям Новгородской земли[6], и типы получили еще более широкую хронологию бытования.

Темой специальной работы Ю. М. Лесмана стала хронология черных глазчатых бус в оплетке, которые по материалам Неревского раскопа он датировал до 1134 г.[7] Следует отметить, что бусы — очень вариативная и в то же время многочисленная категория находок — использовалась Ю. М. Лесманом для методических разработок в области древнерусской хронологии.

Для прояснения вопросов поступления и типологии ранних новгородских бус, бесспорно, важно привлечение материалов из раскопок Рюрикова городища, частично рассмотренных как в итоговых публикациях по памятнику, так и в специальных статьях[8]. Однако в данной статье эти материалы привлекаться не будут.

Работы Ю. Л. Щаповой, В. Б. Ковалевской, З. А. Львовой значительно расширили наши знания о бусах. Очевидно, что при рассмотрении материала необходим всесторонний технологический и морфологический анализ предмета, а вопросы происхождения той или иной вещи или группы вещей невозможно решить без проведения специальных (химических, спектральных, изотопных) анализов. В данной статье мы обращаемся к коллекции Неревского раскопа Новгорода Великого с новыми вопросами, продиктованными результатами систематизации огромного массива бус с не менее известного археологического комплекса — Гнездова. Материалы Новгорода Великого могут прояснить верхние хронологические границы некоторых типов бус, происходящих из протогородских центров на Пути «из варяг в греки», таких как Старая Ладога, Рюриково городище, Гнездово.

В предлагаемой работе будут рассмотрены некоторые типы бус, известные по материалам Гнездова, а также некоторые бусы из Неревского раскопа, не получившие освещения в предшествующих работах по новгородским бусам. Среди рассматриваемых ниже типов будут как достаточно многочисленные серии, так и единичные находки. Мы исходим из того, что охарактеризовать хронологические границы последних позволит дальнейшее постепенное накопление источниковой базы по редким типам бус с четкой культурно-хронологической локализацией.

Выбор материала продиктован необходимостью хронологической характеристики некоторых немногочисленных типов гнездовских бус, хронология которых нуждается в разработке или уточнении. В ссылках указаны

археологические паспорта привлекаемых бус из неревской коллекции, а также их шифр по описям новгородского музея.

Хронология определялась по переводной таблице и уточненной хронологии ярусов Неревского раскопа[9]. При определенной доле условности данной схемы стоит признать, что на данный момент никаких других уточняющих или дополняющих эти материалы работ не предложено.

Навитые 4-гранные и 5-гранные призматические бусы (Рис. 1: 1, 3).

Среди материалов Неревского раскопа известны навитые призматические 4-гранные бусы, изготовленные из печеночно-красного[10] (2 экз.) и желтого непрозрачного (1 экз.) стекла. 5-гранная бусина синего прозрачного стекла[11] зафиксирована в одном экземпляре. Найденные бусы локализуются в рамках 24–20 ярусов, что соответствует второй четверти XI – рубежу XI–XII вв.[12] В материалах Белоозера также известны навитые 4-гранные бусы, но от новгородских находок их отличают цвет стекла и пропорции[13]. В целом, если сравнивать гнездовские и новгородские находки с бусами из Белоозера, можно отметить, что длина ранних бусин более чем в два раза превышает их диаметр. Стекло ранних экземпляров непрозрачное или ярко-синее (кобальтовое) прозрачное, белозерские экземпляры в основном представлены желтыми и зелеными прозрачными экземплярами. В материалах Избрижского некрополя известны 11 экземпляров бус печеночно-красного непрозрачного стекла из пяти погребений, датируемых XI в.[14]

Из тянутой трубочки призматическая 8-гранная бусина лилового прозрачного стекла[15] (Рис. 1: 2). Аналогичные по форме, размерам и технике бусы из синего, зеленого и бесцветного прозрачного стекла встречаются в Гнездове. Три из них (зеленые и бесцветные) зафиксированы в комплексе кургана Ц-198. Вероятнее всего, форма заимствована от бус, изготовлявшихся в этот же период из полудрагоценных камней – сердолика и горного хрусталя. Новгородская находка происходит из 13 яруса — 1220–1240-е гг. По-видимому, находка этой бусины в слое XIII в. демонстрирует исключительно долгое доживание бус этого типа. Подобные случаи фиксировались неоднократно, например, доживание некоторой части рубленого бисера до начала XII в. в Новгороде, а также в погребальных памятниках Московской обл. (Мякининский могильник, курган 1; могильник на территории Дмитровского кремля, погребение 61)[16].

Навитая 14-гранная лимонно-желтого непрозрачного стекла с площадками по сторонам отверстия бусина происходит из 22 яруса, датирующегося 1060–1070-ми гг.[17] В материалах Гнездова известны навитые 14-гранные бусы из синего прозрачного стекла. 14-гранные бусы в технике навивки можно признать нехарактерной для древнерусских материалов формой. Вероятнее всего, бусы этой формы встречаются до начала XII в. Находки синих 14-гранных бус, возможно, связаны по происхождению с подквадратными белоромбическими бусами. Однако подтвердить этот тезис невозможно без анализа стекла этих бус.

Короткоцилиндрические бусы бесцветного стекла в технике обертывания[18] (Рис. 1: 4). Бусина происходит из слоя 25 яруса — первой четверти XI в. На поверхности бусины четко читается сварочный шов. Нам уже приходилось писать о бусах, изготовленных в подобной технике из материалов Гнездова и Новгорода. В целом бусы этой разновидности в небольшом количестве могут встречаться на протяжении всего древнерусского периода.

Навитые зонные бусы печеночно-красного непрозрачного стекла — 7 экз.[19] Непрерывно встречаются с 31 по 28 пласт, что соответствует 26–23 ярусу Неревского раскопа. На этикетке одной из бусин есть пометка: 22–23 ярус. Две другие находки встречены в слое 16 (1170–1180-е гг.) и 13 (1220–1240-е гг.) ярусов. Таким образом, небольшая серия новгородских бус печеночно-красного стекла локализуется в последних десятилетиях X в.

Среди неревской коллекции бус особое внимание стоит уделить навитым зонным и кольцевидным бусам белого и зеленого непрозрачного стекла, прозрачного стекла цвета морской волны, а также так называемым прессованным бусам по терминологии З. А. Львовой. Названные бусы широко представлены в гнездовской коллекции, встречаются среди погребений по обряду ингумации (в частности, в кургане Ц-198 зафиксированы прессованная бочонкообразная оранжевого непрозрачного стекла и навитые зонные зеленые и бело-голубоватые непрозрачные бусы). Рассматривая набор бус из I камерного погребения Старовознесенского некрополя г. Пскова, Я. В. Френкель указал на то, что зонные бусы белого и зеленого непрозрачного и цвета морской волны прозрачного стекла, а также прессованные бусы бытовали на протяжении всей эпохи викингов[20].

Бусина навитая кольцевидная бело-голубоватого непрозрачного стекла[21] происходит из 25 яруса, датирующегося первой четвертью XI в. Отсутствие в Неревской коллекции данного типа бус свидетельствует, на наш взгляд, о раннем периоде их бытования. Белые и бело-голубоватые кольцевидные и зонные бусы представлены в достаточно большом количестве в гнездовской коллекции. Основную их часть составляют кольцевидные бусы, диаметр которых более чем в два раза превышает высоту. Зонные бусы бело-голубого непрозрачного стекла известны по материалам Витебска, где датируются X в.[22], и камерного погребения № 1 Старовознесенского некрополя г. Пскова[23]. Вероятно, к этой группе родственных типов примыкает фрагмент бочкообразной бусины бело-голубоватого непрозрачного стекла (Рис. 1: 5), находка которой датируется по материалам Неревского раскопа 970–980-ми гг.[24] Я. В. Френкель считает их импортом из Скандинавии[25].

Зонные прозрачные бусы цвета морской волны — 4 экз.[26] (Рис. 1: 6). Фрагмент биконической (Рис. 1: 7) бусины[27] зафиксирован в слое первой четверти XI в. Бусы отличаются высоким качеством стекла, патина отсутствует. По цвету стекла они близки к бесцветным с зеленоватым оттенком сосудам. В материалах Неревского раскопа эти бусы встречаются начиная с доярусного слоя и заканчивая 26 ярусом (последние десятилетия X в.).

Достаточно значительной серией представлены *навитые бусы зеленого непрозрачного* стекла — 9 экз.[28] (Рис. 1: 8). При этом стоит отметить их неравномерное распределение в культурном слое Неревского раскопа. Пять экземпляров бус фиксируются начиная с доярусных напластований и до 25 яруса (первая четверть XI в.), далее, на протяжении 4 ярусов, эти бусы не встречаются. В 20–16 ярусах встретилось еще 4 экземпляра бус, что со-

ответствует рубежу XI–XII вв. – 70–80-м гг. XII в. Такое распределение, как кажется, может объясняться по-разному. Во-первых, речь может идти о двух разных производствах — в этом случае после проведения анализов стекла будут заметны отличия в его составе. Во-вторых, мы можем иметь дело с продукцией определенной мастерской, которая по каким-то причинам не поступала в Новгород в период с 24 по 21 ярус включительно (т. е. со второй четверти по конец XI в.). Наконец, не исключено, что разрыва на самом деле нет, и лакуна может быть заполнена материалами из других памятников (раскопов).

Прессованные бочонкообразные печеночно-красные и оранжевые непрозрачные бусы (III группа по терминологии З. А. Львовой) — 13 экз.[29] (Рис. 1: 9). На материалах Земляного городища Старой Ладоги фиксируются начиная с горизонта E_3 и до уровня построек горизонта Д включительно[30]. Помимо Северной Европы, откуда, по мнению З. А. Львовой, данный тип бус поступал в Ладогу, они известны на памятниках Поволховья — городище Любше[31] и Рюриковом городище[32], в материалах Тимеревского селища[33], а также среди материалов могильников у п. Деревяницы и Дрегли (Новгородская обл.) и в Пскове[34]. Новгородские находки в слое Неревского раскопа располагаются неравномерно. Одна из бусин локализуется в доярусном слое. Десять бус распределены с 24 яруса по 18 ярус, что соответствует второй четверти XI – второй четверти XII вв. Одна из них находилась на небольшом гладком проволочном колечке.

В заключение заметим, что представленные хронологические рамки, безусловно, нуждаются в уточнении и дополнении путем привлечения большего количества материала. Кроме того, крайне важным, на наш взгляд, является вопрос о собственно «границах» бытования типа. Как было показано выше, некоторые из интересующих нас типов в материалах Неревского раскопа стратиграфически распределялись неравномерно. Очень удачным примером этого явления может служить рассмотренная Ю. М. Лесманом хронология глазчатых бус с оплеткой[35]. Это возвращает нас к вопросу о методических разработках в области древнерусской и, в частности, новгородской хронологии. Напомним, что в одной из своих работ Ю. М. Лесман назвал некритичным разрыв в три яруса при условии, что далее следует такое количество находок, которое равно величине разрыва[36]. Наконец, перспективным представляется анализ химического состава стекла, который мог бы подтвердить родство призматических синих бус с белоромбическими, а также исследование зонных светло-зеленых непрозрачных бус из раскопок Новгорода и Гнездова.

---

[1] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы Древнего Новгорода // МИА СССР. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. I. С. 164–179.
[2] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930. С. 25–34.
[3] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 82–95.
[4] *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 92–111; *Он же.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177; *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 98–153.
[5] *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. С. 156–177.
[6] *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники... С. 98–153.
[7] *Лесман Ю. М.* К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бусин с глазками в петельках)// Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006. С. 244–252.
[8] *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; *Медведева М. В.* Стеклянные бусы Рюрикова городища конца I тыс. н.э. (предварительный анализ) // НиНЗ ИА. Вып. 13. Новгород. 1999. С. 261–265; *Медведева М. В.* Бусы из раннесредневековых слоев Рюрикова городища (по материалам работ 1998–2000 гг.) // НиНЗ ИА. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 53–59.
[9] *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА СССР. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. I. С. 44–137; МИА СССР. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. II. С. 3–4.
[10] Нерев. -1958 25–1553 № 863 НИАМ 17211 А 64–247, Нерев. -1957 27–903 № 10 НГМ КП 35698 № 1416.
[11] Нерев. -1956 29–1230 № 13 НГМ КП 35698 № 1415.
[12] Там же.
[13] *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. Рис. 287.
[14] *Сафарова И. А.* Бусы Избрижского некрополя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 69, 82, 93.
[15] Нерев. -1959 18-1750 № 1667 НИАМ 17211 А64-424.
[16] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы... С. 173; *Столярова Е. К.* Рубленый бисер: хронология и пути проникновения в северное Подмосковье в домонгольскую эпоху // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В. В. Судакова. Рязань, 2016. С. 125.
[17] Нерев. -1958 27–1562 № 20 НГМ КП 35698 № 1523.
[18] Нерев. -1953 30–231 №658 НГМ КП 35698 № 1028.
[19] Нерев.-1954 28–754 № 456 НГМ КП 35698 № 991; Нерев. -1961 29–2061 № 6 яр. 22–23 НГМ КП 35698 № 992; Нерев. -1954 31–766 № 458 НГМ КП 35698 № 988; Нерев. -1954 21–800 № 457 НГМ КП 35698 № 989; Нерев. -1954 28–754 № 456 НГМ КП 35698 № 991; Нерев. -1961 30–2048 № 8 яр. 25 НГМ КП 35698 № 993; Нерев. -1954 31–815 № 455 № 20 НГМ КП 35698 № 990; Нерев. -1957 18–1352 № 67 НВ 487.
[20] *Френкель Я. В.* Изделия из стекла и янтаря погребения Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. II. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенкого монастыря). СПб., 2016. С. 454.
[21] Нерев.-1953 30-201 № 657 НГМ КП 35698 № 900.
[22] *Бубенько Т. С.* Стеклянные украшения средневекового Витебска (по материалам раскопок нижнего замка) // МАБ. 2001. № 3. С. 155.
[23] *Френкель Я. В.* Изделия из стекла... С. 445–465.
[24] Нерев. -1956 32–1210 № 3 НГМ КП 35698 № 1531.
[25] Френкель Я. В. Некоторые замечания о раннесредневековых бусах молочно-белого стекла скандинавского происхождения // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников седьмого коллоквиума. (Санкт-Петербург, 8–14 апр. 1999 г.). СПб., 2000. С. 94–95.
[26] Нерев. -1953 32-193 № 696 НГМ КП 35698 № 889; Нерев. -1954 33–753 № 277 НГМ КП 35698 № 996; Нерев. -1954 34–754 № 425 НГМ КП 35698 № 1008; Нерев. -1953 31–296 № 681 НГМ КП 35698 № 901.

[27] Нерев. -1954 30–778 № 624 НГМ КП 35698 № 1228.
[28] Нерев. -1953 30–269 № 663 НГМ КП 35698 № 793; Нерев.-1959 21–1706 № 1606 НГМ КП 35698 № 886; Нерев. -1954 22–699 № 424 НГМ КП 35698 № 1009; Нерев. -1955 24–913 № 4 НГМ КП 35698 № 1093; Нерев. -1954 34–754 № 223 НГМ КП 35698 № 1094; Нерев. -1954 яр. 26 кв. 548 № 423 НГМ КП 35698 № 995; Нерев. -1953 31–248 № 796 НГМ КП 35698 №798; Нерев. -1953 25–354 № 377 НГМ КП 35698 № 1007; Нерев. -1953 35–166 № 75 НВ 437.
[29] Печеночно-красные: Нерев. -1957 35–1351 № 3 НГМ КП 33364 А 91–178; Нерев. -1952 24–407 № 10641 НВ 457; Нерев. -1959 25–1774 № 15 НВ 543; Нерев. -1953 2–27 № 230 НГМ КП 35698 № 1443; Нерев. -1959 23-1786 № 7 КП 35698 № 1424; Нерев .-1955 24–915 № 47 КП 35698 № 24; оранжевые Нерев. -1953 25–213 № 367 НГМ КП 35698 № 1428; Нерев. -1956 24–1251 № 3 НГМ КП 35698 № 1430; Нерев. -1958 28–1626 № 3 НГМ КП 35698 № 1433; Нерев. -1955 16–995 № 1 НГМ КП 35698 № 1431; Нерев. -1953 24-324 № 399 НГМ КП 35698 № 1429; Нерев. -1955 28–1013 № 36 НГМ КП 35698 № 1432; Нерев. -1954 29–811 № 3505 яр. 23 НГМ КП 35698 № 1572 на несомкнутом конце.
[30] *Львова З.А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. 1 // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 72–73.
[31] *Львова З.А.* Стеклянные бусы Любши // Краеугольный камень: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1. С. 476–477.
[32] *Медведева М.В.* Стеклянные бусы Рюрикова городища... С. 263.
[33] *Козлова М.* Коллекция бус с Тимеревского поселения с позиции староладожской и новгородской хронологии // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. СПб., 2001. С. 122.
[34] *Френкель Я.В.* Некоторые замечания... С. 94–95.
[35] *Лесман Ю.М.* К хронологии... С. 244–252.
[36] *Лесман Ю.М.* Погребальные памятники... С. 124.

Т.С. Дорофеева

Лунницы Рюрикова городища

Во многих религиях мира культ луны занимал важное место[1]. Полумесяц был одним из древнейших символов, распространенных у индоевропейских народов еще с эпохи бронзы. Появившийся в Азии символ полумесяца получил позднее распространение в античном мире[2]. У большинства земледельческих народов Европы и Азии почитание луны было связано с культом плодородия. В общей системе традиционного мировоззрения луна была символом жизненного цикла от рождения до смерти[3]. В Древней Руси привески в виде полумесяца были в числе довольно распространенных элементов женского убора[4]. По мнению М.В. Седовой, привески, будучи «необходимым атрибутом женского костюма X–XIII вв. ... играли роль не просто украшений, но, в значительной степени, амулетов-оберегов, имевших магический смысл»[5]. Равным образом Е.И. Оятева обращала внимание на то, что в костюме художественно выполненные металлические украшения сами по себе являлись, помимо всего прочего, и амулетами-оберегами[6]. Считалось, что лунницы оберегали женское здоровье.

Впервые типология и периодизация древнерусских лунниц была разработана В.В. Гольмстен[7]. Их символика рассмотрена В.П. Даркевичем[8]. Типологию и периодизацию, предложенную В.В. Гольмстен, дополнили и уточнили А.В. Успенская и М.В. Седова[9]. Эволюция лунничных украшений от первых веков н.э. до развитого средневековья прослежена в работах С.С. Рябцевой и Н.В. Жилиной[10]. Проблеме происхождения и семантики древнерусских лунниц XI–XIII вв. была посвящена работа Н. Хамайко[11].

В корпусе находок Рюрикова городища насчитывается 11 предметов, месяцевидная форма которых отражает почитание луны. К ним относятся: глиняная литейная формочка для отливки лунниц, лунничное височное кольцо, два фрагмента, возможно, бывших частями височных колец или же какого-либо другого украшения, а также семь лунниц-привесок.

Находки из раскопов 1980–1983 и 2006–2010 гг. на центральной площадке Городища.

В 2007 г. при разборке заполнения древнего рва, разделявшего укрепленную и неукрепленные части поселения IX–X вв., в черном слое X в. была найдена глиняная форма с оттисками широкорогой лунницы (НОЭ-07; РГ-723б)[12] и круглой ажурной подвески в стиле Борре (РГ-723а) (Рис. 1: 11). Лунница отпечаталась чуть более отчетливо, чем круглая привеска. Ее ширина — 32–33 мм, высота с ушком — 25 мм, высота без ушка — 20 мм. Контур лунницы декорирован углублениями, которые при отливке должны были воспроизвести зерненый орнамент. Орнаментальную композицию украшения составляют две зигзагообразные линии, выше и ниже которых угадывается цепочка углублений, имитирующая зернь. Оригиналом для привески послужила штампованно-филигранная привеска, а узор соответствует основному линейно-геометрическому характеру декора русских широкорогих лунниц. На оттиске видно, что ушко привески также украшено имитацией зерни. Ажурную подвеску в стиле Борре Н.В. Хвощинская отнесла «к кругу подвесок так называемого Гнездовского типа или подвесок типа Riddarholmen группы В по Й. Каллмеру. Данный тип подвесок был наиболее распространен на территории Восточной Скандинавии и Восточной Европы в период IX–X вв. ... Лунница, оттиснутая на той же глиняной форме, датируется этим же временем, хотя обычно считается, что такие широкорогие лунницы бытовали в XI в.»[13]. Формочка для литья свидетельствует о производстве на самом Городище привесок, передающих в более простой технике форму и орнамент дорогих украшений. Таким образом, ремесленник, которому принадлежала литейная форма, мог выполнять заказы не только для скандинавских женщин, но и для славянок. Формочка была найдена рядом с остатками ремесленного комплекса, сброшенными в ров при его засыпке, в слое, датируемом не позднее третьей четверти X в.[14]

В 2008 г. в предматериковом слое заполнения древнего рва было найдено лунничное височное кольцо с грозь-

Рис. 1. Лунницы Рюрикова Городища: 1 – височное кольцо (НОЭ-08, РГ-1269); 2, 3 – малые круторогие (2 – НОЭ-06, РГ-1035; 3 – НОЭ–2000, РГ п.м.–67); 4 – фрагмент украшения в виде полумесяца (НГМ КП-25402 А26/746); 5–8 – средние (5 – с треугольным выступом в центре, (НГМ КП 38668 А132/81); 6–8 – круторогие (6 – НГМ КП 40234-192 А-165-192; 7 – НГМ КП 25402 А26/310; 8 – НГМ КП 40238); 9 – широкорогая (НГМ КП 25402 А26/70); 10 – трехрогая (НОЭ–2000, РГ п.м.–66); 11 – форма с оттиском (НОЭ-07; РГ-723б)

девидным отростком в центре нижней кромки (НОЭ-08, РГ-1269) (Рис. 1: 1). Кольцо отлито из свинцово-оловянистой бронзы [15]. Украшение очень плохой сохранности и сильно фрагментировано. Ширина кольца — 28 мм, высота с отростком — 29,6 мм, высота без отростка — 20 мм. Контуры декорированы слабовыраженным ложнозерненым орнаментом. Обе плоскости украшения орнаментированы тремя кружками ложной зерни, в центре которых находятся полусферы, имитирующие жемчужины (перлы). У основания утраченной дужки имеются валики. Подобные височные кольца в археологической литературе носят название колец «нитранского типа», которые относят к кругу великоморавских древностей. В материалах Гнездова известны три лунничных височных кольца и фрагмент каменной литейной формочки для отливки похожих украшений [16]. Два кольца такого типа встречены в Усвятах (ур. Юрьевы Горы) [17]. Находки колец «нитранского типа» известны в Среднем Поднепровье (городище Монастырек и поселение Григоровка) и на поселении Дружба (Рыловщина) на окраине Минска [18]. Такие височные кольца, широко распространенные в восточноморавском регионе, относятся ко второй половине IX – первой половине X в., а гнездовские находки — к середине X в. [19] Городищенская находка происходит из культурного слоя под песчаной засыпью, образовавшейся в результате естественного заплывания рва на первом этапе его существования [20]. В. М. Горюнова считает, что «формирование керамического комплекса из предматерикового слоя закончилось не ранее рубежа IX–X вв. или в первые десятилетия X в.» [21]. Этим временем и следует датировать височное кольцо.

В 2006 г. на центральной площадке памятника к юго-востоку от ц. Благовещения была найдена бронзовая литая малая круторогая лунница (НОЭ-06, РГ-1035) (Рис. 1: 2). Ширина привески — 15 мм, высота с ушком — 17 мм, без ушка — 12 мм. Толщина лунницы около ушка — 3 мм, у конца «рожек» — 1 мм. Обе стороны привески декорированы металлической инкрустацией, повторяющей форму полумесяца параллельно контуру привески. Привеска обнаружена при разборке верхней части заполнения рва, засыпанного темно-серым гумусом с разновременными находками. Среди них встречены фрагмент бронзовой нагрудной булавки прибалтийского типа, подвеска-конек «смоленского типа», фрагменты стеклянной посуды восточного происхождения. Все находки датируются в пределах XI–XII вв. [22] К этому же времени, скорее всего, относится и лунница.

В слое мешаного темно-серого гумуса до разбора комплексов на центральном раскопе 1980–1983 гг. в 28 м к югу от ц. Благовещения и в 7–9 м к востоку от края Городищенского холма, выходящего к Волхову, была найдена бронзовая литая средняя лунница с треугольным выступом в центре [23] (НГМ КП 38668 А132/81) (Рис. 1: 5). Ширина — 20 мм, высота — 18 мм, толщина — 2 мм. Визуально плоскость украшения разделена на две части своего рода рельефной дугой, идущей от одного «рога» лунницы до другого. Лунница позолочена, ее контур декорирован насечками, в которых также сохранились следы позолоты. Украшение отлито в односторонней форме, какое-либо крепление отсутствует.

Кроме находок из слоя на Городище привески-лунницы имеются и в коллекции подъемного материала разных лет.

Случайные находки на южном берегу Сиверсова канала.

Фрагмент бронзового литого украшения, от которого сохранилась лишь часть в виде полумесяца (НГМ КП 25402 А 26/746) (Рис. 1: 4). Ширина полумесяца — 11 мм, высота — 8 мм, толщина фрагмента — 1 мм. Контур «лунницы» декорирован имитацией скани, частично сохранилась позолота. Толщина края с имитацией — 2–2,4 мм. Украшение было выполнено в односторонней форме. Резаные края находки допускают предположение, что это был лом, предназначенный для переплавки.

Лунница средняя круторогая литая из свинцово-оловянистого сплава (НГМ КП 25402 А 26/310) (Рис. 1: 7). Ширина привески — 22 мм, высота с ушком – 27 мм, без ушка — 27, толщина — 2,1 мм. Выполнена в двусторонней форме. Литейный брак – при отливке деформировано ушко, а по швам с обеих сторон видно, что части формы сдвинулись. На одной стороне лунницы имеются дугообразные углубления, повторяющие ее конфигурацию, а внешний и внутренний контуры подчеркнуты выпуклой бороздой. Вторая сторона украшена рельефными кружками, имитирующими циркульный орнамент. Похожий декор встречен у лунницы XI–XII вв. из Владимирских курганов[24].

Случайные находки на северном берегу Сиверсова канала.

Лунница средняя широкорогая литая из свинцово-оловянистого сплава (НГМ КП 25402 А 26/70, сборы Н.И. Пахомова, 1974 г.) (Рис. 1: 9). Ширина — 34 мм, высота с ушком — 29 мм, без ушка — 21 мм, толщина — 2,2 мм. Привеска отлита в односторонней форме, полученной с помощью не очень четкого оттиска в глине готового изделия, о чем свидетельствует практически неразличимый декор привески. В центре обозначен треугольный выступ. На концах «рожек» имеются утолщения: возможно, оригинал был украшен тремя «перлами».

Случайная находка на распахиваемом поле городищенского холма восточнее ц. Благовещения.

Лунница средняя круторогая серебряная (960 пробы, чистый вес — 3,07 г)[25], отлита в односторонней форме (НГМ КП 40234-192 А-165-192, сборы Т.С. Дорофеевой, 1986 г.) (Рис. 1: 6). Ширина — 23 мм, высота с ушком — 21 мм, без ушка — 16 мм, толщина — 2 мм. По контуру привеска декорирована орнаментом в виде мелких «перлов». На плоскости украшения рельефной линией изображен полумесяц, внутри которого расположено пять более крупных «перлов». В середине ушка обозначена рельефная полоса, справа и слева от которой находится по одному «перлу». Похожий декор встречен у лунницы XI–XII вв. из Владимирских курганов[26].

Случайные находки без указания точного места.

Лунница средняя круторогая литая из свинцово-оловянистого сплава (НГМ КП 40238; сборы А.Н. Сметанина, 1997 г.) (Рис. 1: 8). Литейная форма была составлена из частей, предназначавшихся для изготовления разных привесок. Для рельефного изображения второй стороны использовалась форма для отливки круглой привески. Ширина лунницы — 24,7 мм, высота с ушком — 27 мм, без ушка — 21 мм. Диаметр круглой привески — 23 мм, высота с ушком — 28 мм, без ушка — 20 мм. Толщина привески — 2 мм. По контуру края лунницы идет своего рода орнаментальная «лента». Небольшие рельефные полоски соединяют ее края, создавая подпрямоугольные углубления. Внутренняя полоска «ленты» образует полумесяц, в центре которого под ушком и на концах «рожек» расположены три небольших «перла». Круглая привеска вдоль контура края также декорирована «лентой» с рельефными полосками, формирующими подпрямоугольные углубления. Параллельно «ленте» идет орнамент из небольших «перлов». В середине привески в рельефных кружках, подражающих циркульному орнаменту, расположены пять «перлов» – один в центре и четыре по краям. Изделие выполнено небрежно и представляет собой литейный брак — видно, что при отливке литейные формы сдвинулись.

Лунница средняя трехрогая бронзовая литая (НОЭ–2000, РГ п.м.–66; сборы А.Н. Сметанина, 2000 г.) (Рис. 1: 10). Ширина — 39 мм, высота с ушком — 38 мм, высота без ушка — 25 мм, толщина — 4 мм. Верхний контур привески декорирован насечками. Отверстие для подвешивания расположено в одной плоскости с привеской, а не перпендикулярно ей. Ушко с обеих сторон до отверстия также украшено насечками. Серповидное очертание привески в сочетании с раздвоенным центральным «рогом» придает ей орнитоморфный вид. Контур лунницы напоминает летящую ласточку. В мифологии ласточка обладает широкой символикой. В народных представлениях славян ласточка относится к числу почитаемых птиц, воплощающих женское начало. Ей свойственна брачная символика, а также присущи функции покровительницы дома и скота. В образе ласточки сочетаются небесное и хтоническое начала. Ежегодное возвращение с приходом весны придает ласточке значение символа новой жизни и воскрешения из мертвых[27]. В христианстве ласточка может восприниматься как образ души, она считается чистой, святой птицей, «одним из воплощений Иисуса Христа»[28].

Лунница круторогая малая бронзовая литая (НОЭ–2000, РГ п.м.–67; сборы А.Н. Сметанина, 2000 г.) (Рис. 1: 3). Ширина — 16 мм, высота с ушком — 17 мм, без ушка — 12 мм, толщина около ушка — 3 мм, у конца «рожков» — 2 мм. Обе стороны привески декорированы углубленной выемкой в виде полумесяца.

Итак, из 11 городищенских находок, воспроизводящих форму полумесяца, только четыре происходят из культурного слоя (две — из заполнения древнего рва: височное кольцо из предматерикового слоя, сформировавшегося в первые десятилетия X в., и глиняная формочка из слоя, датируемого по комплексу керамики временем не позднее третьей четверти X в.[29]; две — из мешанного темно-серого слоя до разборки комплексов), а семь – являются случайными. Две привески-лунницы представляют собой производственный брак. К уникальным предметам относится височное кольцо «нитранского типа», а также глиняная форма для отливки широкорогой лунницы и привески «гнездовского типа».

М.В. Седова отмечала, что на Руси привески в виде полумесяца «получили широкое распространение в X в. и просуществовали вплоть до XIII в.»[30]. К этому времени под влиянием христианства многие языческие традиции исчезают, и обереги начинают утрачивать свою магическую значимость. Функции и назначение многих амулетов были переосмыслены в соответствии с новыми идеологическими взглядами, а лишившиеся своего сакрального содержания предметы со временем стали просто декоративными элементами костюма.

[1] *Иванов В.В.* Лунарные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1992. Т. 2.: К–Я. С. 78–80.
[2] *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001. С. 333, 334.
[3] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 19.
[4] *Даркевич В.П.* Символы небесных светил в орнаменте древней Руси // СА. 1960. № 4. С. 57, 61; *Рябцева С.С.* Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005. С. 112–122.
[5] *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 23.
[6] *Оятева Е.И.* «Дарственные пластины» в художественной металлической пластике Прикамья в I – начале II тысячелетия н. э. // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. Краткие тезисы докладов научной конф., посвящ. 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (Государственный Эрмитаж, 4–5 декабря 1991 г.). СПб., 1991. С. 31.
[7] *Гольмстен В.В.* Лунницы Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III // Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1914.
[8] *Даркевич В.П.* Указ. соч. С. 56–67.
[9] *Успенская А.В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 99–105; *Седова М.В.* Указ. соч. С. 23–28.
[10] *Рябцева С.С.* Указ. соч. С. 21–170; *Жилина Н.В.* Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Stratum plus. 2003–2004. 2005. № 5: Мастера средневековья. С. 21–170.
[11] *Хамайко Н.* Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: проблема происхождения и семантики // Наукові записки з Української історії: збірник наукових статей. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 319–338.
[12] Номера находок приводятся по музейному хранению (НГОМЗ) или полевым описям (НОЭ, РГ). Благодарю Т.Н. Патину за помощь в уточнении номеров музейного хранения.
[13] *Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвощинская Н.В.* Работы на Рюриковом городище в 2007 и 2008 гг. // НиНЗ ИА. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 29.
[14] *Носов Е.Н., Хвощинская Н.В.* Размещение участков ремесленного производства на Городище под Новгородом // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура Руси и сопредельных стран. В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 66–68, рис. 8:1; *Носов Е.Н.* Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2010 году // Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1; *Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. Труды ИИМК РАН. Т. XLIX. СПб., 2017. В печати.
[15] *Дорофеева Т.С.* Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет // *Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.* Указ. соч.
[16] *Ениосова Н.В.* Литейные формы Гнездова // Историческая археология: Традиция и перспективы. М., 1998. С. 69, рис. 2.
[17] *Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). Труды ИИМК РАН. Т. XLIV. СПб., 2015. С. 216, рис. 146, 2; С. 284; С. 455; С. 505, рис. 428, 6.
[18] *Пушкина Т.А.* Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. 1987. Т. III. Вып. 1б. С. 55; *Еремеев. И.И.* Древности Полоцкой земли... С. 456.
[19] Там же. С. 55.
[20] *Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Смирнов А.Н., Дорофеева Т.С.* Раскопки Рюрикова городища в 2010 г. // НиНЗ ИА. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. 25. С. 80–82.
[21] *Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.* Указ. соч.
[22] *Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвощинская Н.В., Юшкова М.А.* Раскопки на Городищенском холме // НиНЗ ИА. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. Рис. 1, *3* на с. 15, С. 22
[23] *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 125, рис. 48, 17; С. 126.
[24] *Спицын А.А.* Владимирские курганы // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 140, рис. 157.
[25] Определение НГОМЗ.
[26] *Спицын А.А.* Указ. соч. С. 140. Рис. 158.
[27] *Гура А.В.* Ласточка // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С. 618–633.
[28] *Топоров В.Н.* Ласточка // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1991. Т. 2. С. 39.
[29] *Носов Е.Н.* Отчет о полевых археологических работах Новгородской областной экспедиции в 2010 году // Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1; *Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.* Указ. соч.
[30] *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 24.

Г.Е. Дубровин

Об эволюции приема рубки «в обло» в древнерусском срубном строительстве *

Древнейшим приемом в русском срубном строительстве является рубка «в *о*бло», которая в археологии традиционно трактуется как способ рубки углов срубов с выпуском (остатком) и с полукруглой (простой) чашкой и пазом (если он есть) в верхней части бревна *нижнего венца* (или, что то же самое, в нижнем бревне) (или, что еще раз то же самое, — просто в верхней части бревна) (Рис. 1)**.

Сейчас этот способ почти не применяется (во всяком случае, для долговременных жилых и хозяйственных построек)[1]. Его прямым «потомком» в рубке с выпуском (остатком) является способ, в этнографии называемый рубка «в *о*хлуп», когда и чашка, и паз располагаются в нижней части бревна *верхнего венца* (Рис. 2), т.е. угол сруба, по сравнению с предыдущей методикой, как бы переворачивается «вверх ногами».

* Благодарю А.В. Попова, В.Ю. Коваля, Т.Д. Панову, Н.Н. Фараджеву, О.А. Тарабардину, Н.И. Асташову, Д.А. Соломатина и П.Б. Козлова, оказавших помощь в подготовке данной статьи.

** Что отличало рубку «в обло» от рубки без выпуска, т.е. «в лапу», которая, впрочем, в гражданских древнерусских постройках не наблюдалась, а о технологии строительства ранних деревянных храмов у нас сведений нет.

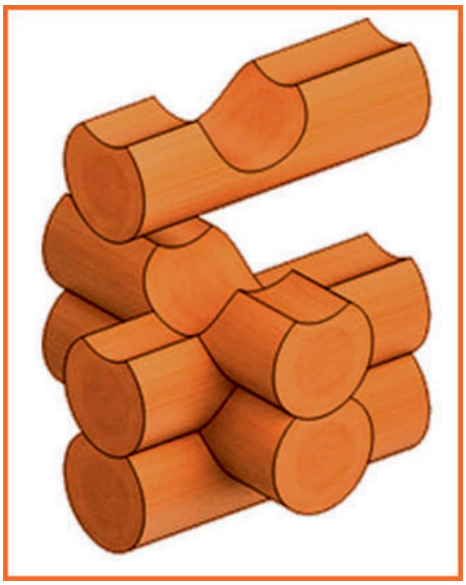


Рис. 1. Традиционная (архаичная) рубка «в обло»: и полукруглая чашка, и паз вырубаются в верхней части /бревна/ нижнего венца («рубка в подкладку», «рубка в простую чашку» /этн./).

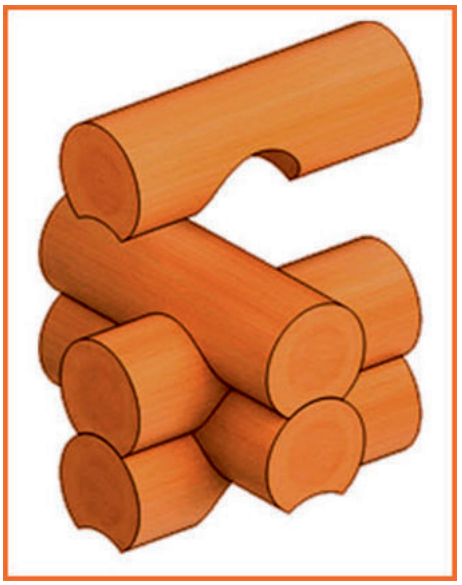


Рис. 2. Рубка «в охлуп» (и чашка, и паз вырубаются в нижней части бревна верхнего венца) («рубка в накладку» /этн./)

Рис. 3. Великий Новгород. Троицкий IV раскоп. 1976 г. Сооружение IV-7. Ярус 6. II четв. XIV в. Фото С. А. Орлова

Рис. 4. Московский кремль. Раскопки в Тайницком саду 2007 г. Сооружение Т1-70 (кон. XIII – руб. XIII/XIVвв.) Фото С. И. Милованова

Рис. 5. Музей-заповедник «Кижи». Лазаревская церковь из Муромского монастыря (кон. XIV в.?) (по А. В. Ополовникову и Г. С. Островскому)

Характерно, что указанный новый способ вместе с другими, появившимися позднее способами рубки с выпуском (остатком), обусловленными в первую очередь изменением и усложнением форм чашки (рубка «с шипом» («потемком»), «в крюк», «в охряпку», «в курдюк» и т. д.), перенял от своего предшественника название «в обло», поскольку выпуск (остаток) стал считаться определяющим признаком. Термин же «в *о*хлуп» остался по преимуществу достоянием этнографии XIX–XX вв.

В то же время, как справедливо отметил А. Ю. Косенков, если исходить из этимологии слова «обло», то получится, что данное название связано не с тем, что рубка углов срубов производилась с выпуском, а, в первую очередь, с полукруглой формой чашки — от слова «облый» — круглый, кругловатый, округлый[2]. Поэтому применяемый сейчас для всякой рубки с выпуском (остатком) термин «в обло» нельзя считать этимологически корректным.

Итак, если поставить в начало эволюционной цепочки традиционную архаичную рубку «в обло» с полукруглой чашкой и пазом в верхней части бревна нижнего венца (с VIII в. и далее), а в конец — рубку с чашкой и пазом в нижней части верхнего венца («в охлуп» и т. п.) (XIX–XX вв.), то будет интересно проследить по имеющемуся в наличии археологическому и этнографическому материалу этапы преобразования архаического способа рубки в современный.

Как уже говорилось выше, способ традиционной рубки «в обло» является довольно древним и, как свидетельствует археологический материал, деревянные срубные постройки, исследованные в древнерусских городах с влажным культурным слоем (Старая Ладога, Новгород, Киев, Торжок, Белое Озеро, Ярославль, Берестье, Минск, Мстиславль, Псков, Москва и т. д.), вплоть до XV в. рубились исключительно по указанной выше схеме углового соединения с чашкой и пазом в нижнем венце[3] (Рис. 1), причем использовалась она и в жилых (Рис. 3, 4), и в храмовых постройках (Лазаревская церковь из Муромского монастыря в Карелии конца XIV в. (?)[4] (Рис. 5, 6); ротондовидные, предположительно, церковные сооружения из Смоленского Мстиславля первой четверти XIV в.[5] и Новгорода 80-х гг. XIII в.[6] (косая врубка без припазовки с выпуском и чашкой в нижнем венце. Рис. 7).

Пазы при таком способе рубки в случае необходимости утепления прокладывались мхом, что подтверждается не только археологическими, но и письменными источниками.

Так, английский мореплаватель К. Адамс, посетивший Россию в 1553–1554 гг., писал: «Дома в Московии строят из еловых бревен. В нижней перекладине вырубают желобок (так!), в который верхнее бревно входит так плотно, что ветер никак не продует, а для большей предосторожности между бревнами кладут слой мха»[7].

Ему вторит его соотечественник Д. Флетчер (80-е – 90-е гг. XVI в.): «Дома их деревянные... построены весьма плотно и тепло из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями. Между бревнами кладут мох (его собирают в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха»[8].

О конопатке мхом писали также А. Олеарий (30-е гг. XVII в.)[9] и А. Мейерберг (60-е гг. XVII в.)[10].

Данная технология оставалась весьма распространенной (но уже не единственной) вплоть до XVI–XVII (XVIII) вв.[11] Следует отметить, что при этом сам термин рубка «в *о*бло» в ранних письменных источниках не встречается.

Рис. 6. Музей-заповедник «Кижи». Лазаревская церковь из Муромского монастыря (кон. XIV в.?) в процессе реставрации (по А. Ополовникову и Г. Островскому)

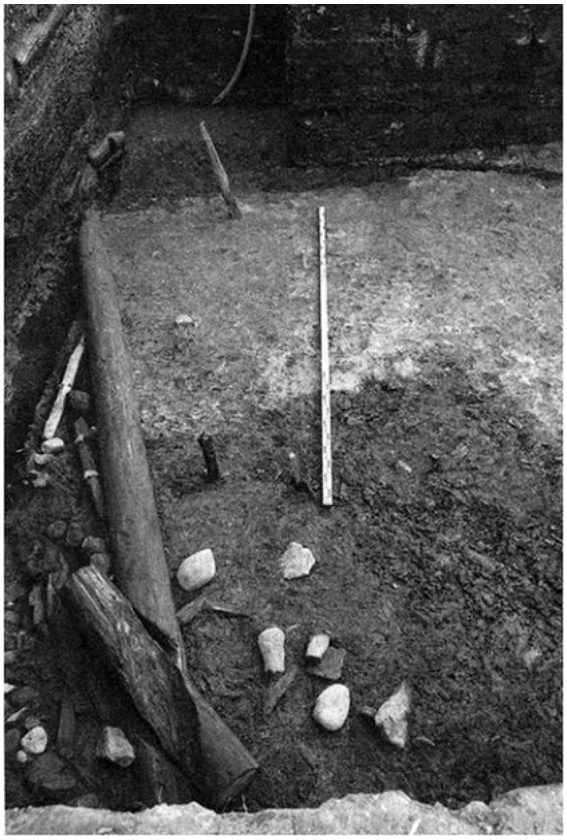


Рис. 7. Великий Новгород. Кремлевский раскоп 2008-1. Сруб с тупыми углами (ок. 1287 г.) (по М. А. Родионовой и В. А. Попову)

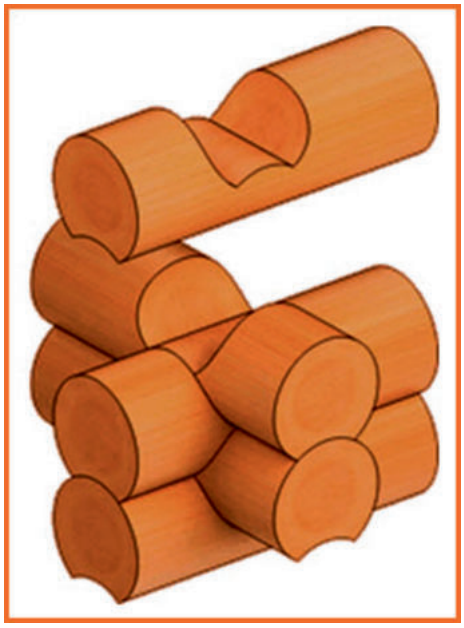


Рис. 8. Чашка «с гребнем» в нижнем венце в сочетании с припазовкой по верхнему венцу

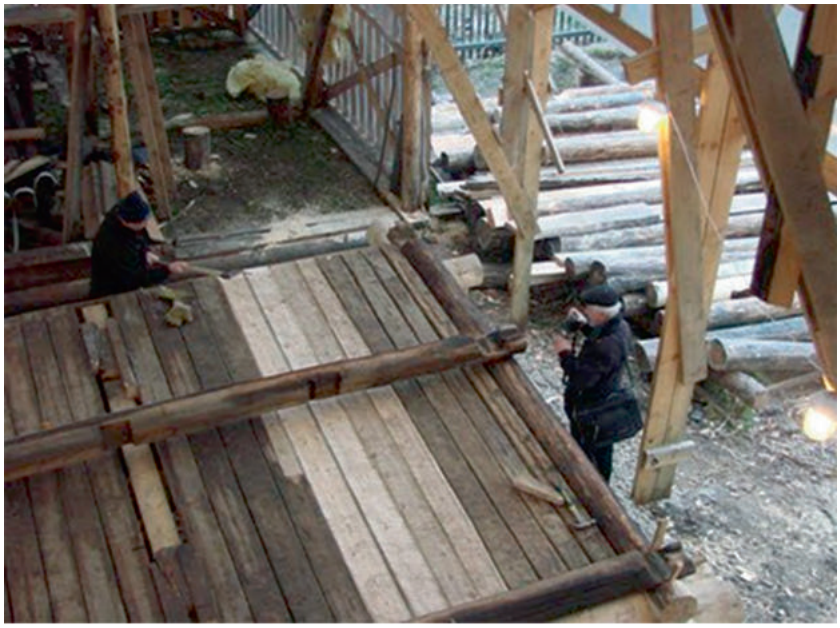


Рис. 9. Кирилло-Белозерский музей-заповедник. Церковь Ризоположения из с. Бородавы (1485 г.) в процессе реставрации. Видны чашки с валиками (гребнями) в нижнем венце (по А. В. Попову и Г. О. Ивановой)

Основным недостатком такого способа рубки в его архаическом варианте, по мнению подавляющего большинства исследователей, является то, что в пазы и чашки, располагавшиеся в нижнем бревне (венце), легко проникала влага, что приводило к ускоренному гниению дерева [12].

Многовековековая устойчивость этой схемы, по мнению П. И. Засурцева, может быть связана с применением мха для прокладки. Исследователь считал, что лишь тогда, когда для этой цели начали применять паклю, стало возможным перевернуть паз и делать его в верхнем бревне (Рис. 2). Мох же удобнее было укладывать, когда паз делался в нижнем бревне, т.к. при этом он (мох) не высыпался (Рис. 1) [13].

Кроме того, как писал Е. А. Ащепков, по мнению опытных плотников, такая схема технологически проще, чем рубка с перевернутой чашкой и пазом в верхнем венце, т. к. при строительстве сруба не надо несколько раз переворачивать бревна в процессе подгонки венца к венцу [14].

Казалось бы, здесь все логично: появляется пакля в виде несыпучей (в отличие от мха) конопатки, после чего можно смело перевернуть паз и чашку, разместив их в нижней части бревна верхнего венца. Вследствие этого процесс гниения дерева замедлится и сруб станет более долговечным. Т. е. здесь напрашивается прямой и простой переход к современным способам рубки («в *о*хлуп» и т. п.).

Однако оказалось, что здесь все не так просто и однозначно.

Скажем, если говорить о попадании влаги как о причине отказа от старой схемы рубки «в обло» с чашкой и пазом в нижнем венце, то, например, Л. Е. Красноречьев, имевший огромный опыт работы с деревянными постройками, отмечал: «Известно, что примерно до XVI в. паз делался в нижнем бревне сверху, начиная с этого времени — в верхнем бревне снизу. Разницы в затрате времени, удобствах и приемах работы по протеске обоих вариантов паза нет. Высказываемое иногда мнение, что в паз, сделанный сверху, может попасть влага, не верно. Стоит понаблюдать и убедиться, что даже при косом дожде нижняя четверть бревна всегда остается сухой. Чем вызвана перемена в пазовке, не берусь объяснить» [15].

Не останавливаясь подробно на дискуссии по поводу возможности скопления влаги в пазах и чашках нижнего венца, тем не менее примем мнение большинства за основу (что влага-таки скапливалась) и попробуем проследить по времени, каким образом для преодоления этого недостатка (если он действительно имел место) происходили перемещения пазов и чашек с нижнего венца на верхний.

Сразу надо подчеркнуть, что оба указанных конструктивных элемента (т. е. паз и чашка), как это ни покажется странным, перемещались в верхний венец независимо друг от друга.

Пазы. По-видимому, именно паз, в отличие от чашки, в первую очередь старались уберечь от попадания влаги, поэтому в процессе перемещения в верхний венец он явно первенствовал.

Итак, паз переместили в верхний венец, оставив при этом чашку в нижнем. Однако если в этом случае делать чашку простой круглой, а припазовку пускать на всю длину бревна, то это спровоцирует появление в месте стыковки над чашкой пустого пространства, где однозначно будет скапливаться влага. Чтобы этого избежать, стали делать чашки сложной формы: т. н. «заоваленные» или чашки с гребнем, повторяющим форму паза (Рис. 8).

Уже в самой ранней достоверно датированной Ризоположенской церкви из села Бородавы (вотчина Ферапонтова монастыря), построенной в 1485 г. [16], мы наблюдаем именно такую технику рубки (Рис. 9) [17].

В новгородском Музее народного деревянного зодчества «Витославлицы» у трех самых древних деревянных церквей дело обстоит следующим образом:

– в церкви Рождества Богородицы из с. Передки (1520-е – 1530-е гг.) зафиксирована припазовка и по нижнему (архаа-

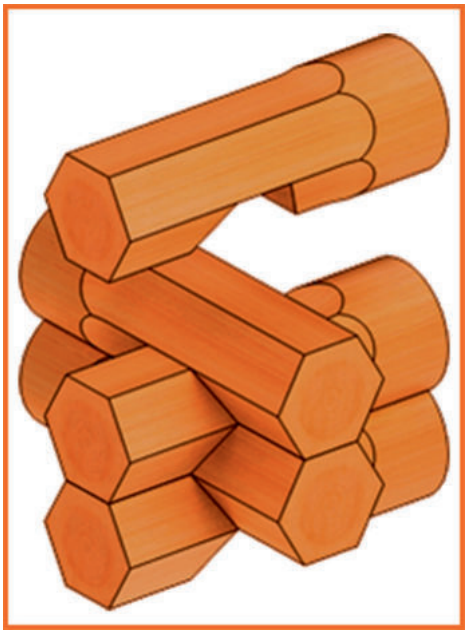


Рис. 10. Рубка «в шведский угол» у финнов и карел (по А.Ю. Косенкову)

ичная рубка «в обло»), и по верхнему венцу, а также сочетание нижней и верхней припазовки («разнопаз»); чашка при этом оставалась в нижнем венце [18];

– в церкви Успения Богородицы из с. Курицко (1595 г.) – припазовка по верхнему венцу, чашка в нижнем венце;

– в церкви Успения Богородицы из д. Никулино (1599 г.) — припазовка по верхнему венцу, чашка в нижнем венце.

Все более поздние срубные постройки из Витославлиц (XVII – нач. XX вв.) строились по единой схеме, сочетающей припазовку по верхнему венцу с чашкой в нижнем венце при активном использовании мха в качестве прокладки между венцами [19].

Таким образом, начиная с конца XV–XVI вв. припазовка по верхнему венцу постепенно становится все более популярной, причем новшество это касается, в первую очередь, церковного строительства, в крестьянских же постройках еще долго сохраняется старый способ рубки «в обло» с припазовкой (и чашкой) по нижнему венцу.

При этом получается, что перемещение паза в нижнюю часть верхнего венца, вопреки гипотезе П.И. Засурцева, вовсе не было прямо связано с тем, что в качестве материала конопатки мох заменила пакля или какой-нибудь другой менее сыпучий, чем мох, материал. Ведь письменные и этнографические источники свидетельствуют о повсеместном использовании мха в русских жилищах в XVI–XX вв.

Однако здесь следует принять во внимание одно важное обстоятельство. Дело в том, что паз в нижней части бревна верхнего венца, как уже говорилось выше, ранее всего прослежен в церковных постройках конца XV–XVI вв.

Жилых сооружений этого времени исследовано крайне мало. В основном же известны остатки построек северных Мангазеи и Пустозерска, относящиеся уже к XVII в. и рубленные по архаической схеме «в обло» с чашкой и пазом в нижнем венце и конопаткой мхом [20].

Что же касается церквей, то все сохранившиеся ранние деревянные церковные постройки являлись «холодными», т.е. неотапливаемыми [21], и конопатка в них не использовалась, хотя припазовка для более плотной укладки венцов существовала [22]. Поэтому можно предположить, что перенос паза в верхний венец для церковных построек, где мох не использовался, а следовательно, и не высыпался из перевернутых пазов в верхнем венце, не был сопряжен с усложнением процесса конопатки, как это можно было ожидать для жилых отапливаемых построек, которые конопатить было необходимо. Отсюда можно допустить и своеобразное первенство церковных сооружений в данном процессе.

Что же касается жилых сооружений, то самые ранние сохранившиеся избы относятся к XVIII–XIX вв. и имеют в основном припазовку по верхнему венцу с мхом, паклей или куделью в качестве конопатки.

Вероятно, уже к XVII в. рубка с чашкой в нижнем венце и пазом в верхнем, по крайней мере, на Северо-Западе, стала весьма распространенной и даже получила наименование рубка «в русский угол», что отчасти было связано с тем, что именно здесь сосуществовали отличающиеся друг от друга традиции срубного строительства, носителями которых были этнически разные группы населения. Например, у карел иногда встречается т.н. «рубка в шведский угол», где края бревен обтесывались под шестигранник, а чаша в верхнем венце имела трапециевидную форму (Рис. 10).

В некоторых случаях способ рубки срубов становился даже определенным показателем самоидентификации

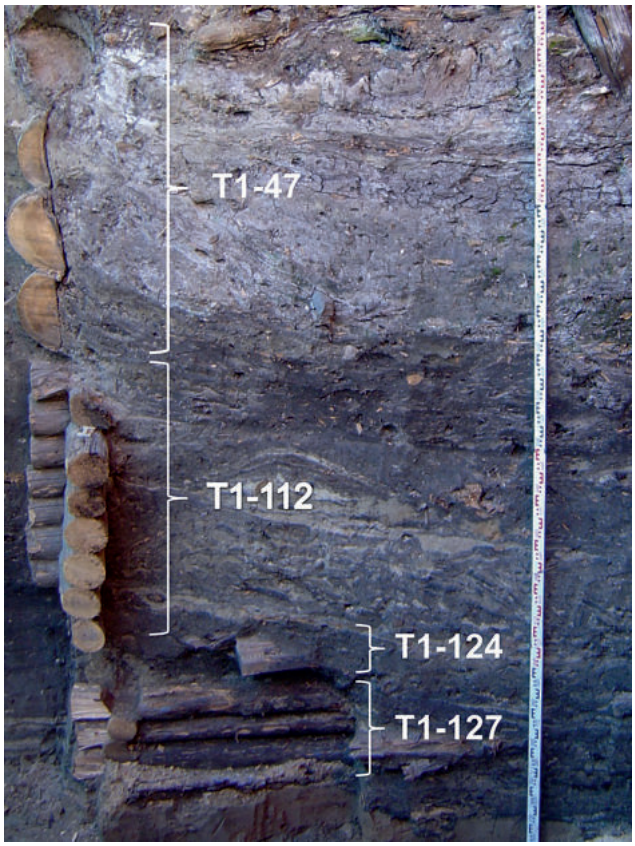


Рис. 11. Московский Кремль. Раскоп 1 в Тайницком саду. «Цепочка» впускных построек: Т1-127→Т1-124→Т1-112→Т1-47 в профиле стенки раскопа

отдельных групп населения, примером чему служат изученные А. Ю. Косенковым часовни карел, переселившихся в середине XVII в. в район г. Тихвина (Климовская волость)[23]. Исследователь обратил внимание на то, что общим признаком всех часовен Климовской волости является рубка их срубов «в обло». Несмотря на широко бытующее название такого углового соединения — «в русский угол», оно в своем каноническом виде — с припазовкой по верхнему венцу — зафиксировано в часовнях карел, в то время как в постройках местных русских выполняется по-разному, в том числе и в архаичном виде — с припазовкой по нижнему венцу.

Относительно бо́льшую устойчивость в карельских часовнях рубки «в русский угол» А. Ю. Косенков объясняет тем, что в Приладожье на племенной территории корелы в зоне русско-шведского пограничья рубка «в обло» или «в русский угол» как одна из характерных особенностей культовых построек, заимствованных местным населением вместе с религией у русских, закономерно могла восприниматься как этно-конфессиональный признак, отличавший православных карел от их соседей — лютеран. Со временем такая рубка, особенно после вынужденной миграции приладожан вглубь России, включая Тихвинский край, могла способствовать их этнической самоидентификации, что, по-видимому, и предопределило ее «канонизацию»[24].

Насколько прижился способ припазовки по верхнему венцу в XIX в., можно судить по таким характерным примерам.

Л. В. Даль в 1877 г. писал об уже упоминавшейся выше Лазаревской церкви Муромского монастыря (XIV в.?): «Главным доказательством ее древности считают тамошние жители рубку ее бревен, в которых паз вынут не в верхнем накладывающемся бревне, а в нижнем; но употребление этого способа случалось мне видеть не более 20 лет тому назад»[25].

А в 1916 г. М. В. Красовский отмечал, ссылаясь на предыдущее известие: «Пазы вдоль бревен выбираются теперь всегда в нижней их части, однако, лет 60 тому назад, встречалась врубка и с обратными пазами, что, по словам академика Л. В. Даля, считалось признаком древности здания, но, по нашему убеждению, такую рубку стен, весьма нелогичную[26], могли применить лишь в силу какого-нибудь недоразумения, или для таких зданий, на долговечность которых почему-либо не рассчитывали»[27].

Впрочем, в 20-е гг. XX в. Д. К. Зеленин, описывая наиболее распространенный способ рубки срубов у славянских народов, помещает и паз, и чашку в нижний венец[28]. Из этого может следовать то, что даже в начале XX в. разные способы размещения припазовки все еще продолжали сосуществовать в России, особенно учитывая многообразие региональных особенностей: Л. В. Даль и М. В. Красовский отдавали предпочтение северным регионам, а Д. К. Зеленин попытался охватить все восточнославянские территории. Но в то же время, по замечанию Т. В. Станюкович, которая написала примечания к главе в книге Д. К. Зеленина, посвященной жилищу, «автор излишне архаизирует технику постройки срубного жилища»[29].

Чашки. Процесс перемещения чашки из нижнего венца в верхний вплоть до полной победы нового способа рубки в XX в. проследить гораздо труднее. Большинство исследователей традиционного русского домостроительства упоминают рубку «в охлуп» с перевернутой чашкой в верхнем венце, но при этом подчеркивают ее непопулярность, связывая это чаще всего со сложностью осуществления данного строительного приема[30]. Однако при этом рубка с чашкой в верхнем венце все-таки получила распространение в Сибири, где ее даже иногда называли опять-таки рубкой «в русский угол», в то время как, например, в Белоруссии, она вообще не прижилась.

На сегодняшний день самое раннее свидетельство существования способа рубки с выпуском и чашкой в верхнем венце было получено в 2007 г. при раскопках в Тайницком саду Московского Кремля. Здесь был обнаружен погреб, стены которого были рублены именно по такой технологии.

Этот погреб (Т1-112) входил в своеобразную «цепочку» впускных построек (Т1-127→Т1-124→**Т1-112**→Т1-47), которые последовательно возводились на одном и том же месте на одной из исследованных на раскопе 1 усадеб в течение XV в. (Рис. 11).

Датировка построек «цепочки» проводилась по керамическим комплексам — методике, разработанной В. Ю. Ковалем и широко используемой в московских памятниках (он, собственно, сам ее и проводил). Использовались и датирующие находки. Точность здесь, конечно, не такая, как по дендрохронологии, но дендрошкала для Москвы пока еще находится на стадии формирования, хотя и начинает подтверждать некоторые даты, полученные по другим методикам.

Вкратце о постройках «цепочки» (Рис. 11).

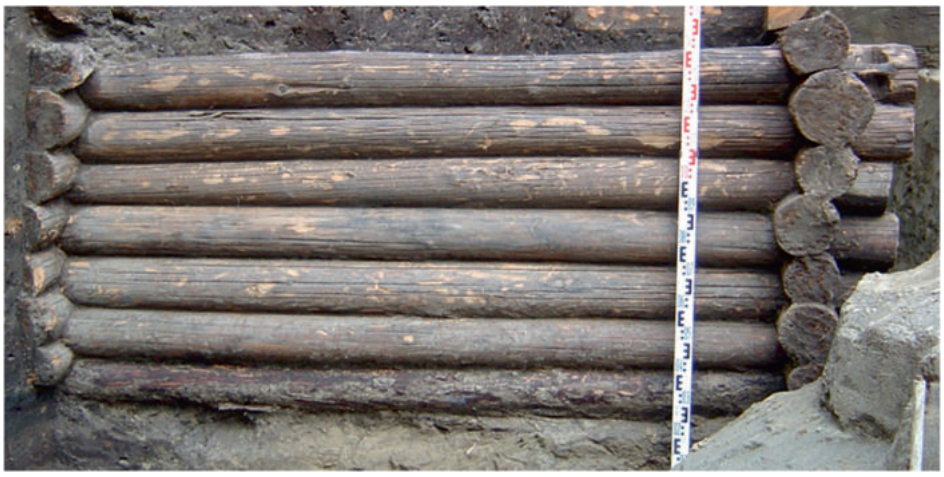


Рис. 12. Московский Кремль. Раскоп 1 в Тайницком саду. Сооружение Т1-112 (сер. XV в.). Перевернутая чашка в верхнем венце. Не исключено, что бревно первого венца было использовано вторично и принадлежало еще предыдущей постройке Т1-124

Рис. 13. Московский Кремль. Раскоп 1 в Тайницком саду. Сооружение Т1-112 (сер. XV в.). Деталь (угол). Перевернутая чашка в верхнем венце

1. Постройка Т1-127. Самая ранняя в «цепочке»: дата по керамике – начало XV в. Постройка представляла собой сруб, рубленный «в обло» (чашка в верхней части бревна нижнего венца) из неошкуренных сосновых бревен диаметром около 15 см. Размеры постройки — не менее 2,8 × не менее 2 м. Стены сохранились на 3 венца (высота — ок. 45 см).

2. Сооружение Т1-124. Вторая постройка «цепочки». Датировка постройки по керамике – I половина – середина XV в. От погреба сохранилось лишь одно неошкуренное сосновое бревно диаметром 22 см и длиной не менее 3,1 м. В верхней стороне бревна прослежена чашка, что свидетельствует о том, что сруб был рублен «в обло» (чашка в верхней части бревна нижнего венца).

3. Сооружение Т1-112 (Рис. 11–13). Третья постройка из «цепочки». Датировка по керамике – середина XV в.[31] Постройка была впущена в яму с размерами не менее 3,1 × не менее 2,4 м. По конструкции она представляла собой рубленный «в обло» (перевернутая чашка в нижней части бревна верхнего венца) из сосновых бревен диаметром ок. 20 см сруб с размерами не менее 2,7 × не менее 2,7 м. Стены прослежены на 7 венцов; высота сохранившейся части постройки составляет ок. 1,15 м. Бревна уложены достаточно плотно, но без припазовочных желобков.

4. Сооружение Т1-47. Последняя по времени постройка из «цепочки». Датировка по керамике – II пол. – конец XV в. Стены постройки составляли мощные дубовые полубревна диаметром до 30 см и толщиной до 20 см, которые в углах не имели врубки, а были стесаны по краям под углом 45° и поставлены встык. Стены сохранились на три венца (высота до 1,1 м).

Еще один погреб, похожий на Т1-112 из Тайницкого сада, был исследован М.Г. Рабиновичем во время строительства Кремлевского Дворца съездов (Рис. 14). Он представлял собой рубленый из крупных сосновых бревен диаметром 28–35 см впускной сруб (по-видимому, ледник), сохранившийся на 10 венцов, причем, как пишет исследователь, «концы бревен рублены „в обло“ чашками вниз, в нижней части бревен сделаны пазы для плотного соединения их с предыдущим венцом». Таким образом, здесь представлена рубка «в охлуп» (и чашка, и паз расположены в нижней стороне верхнего венца) в ее классическом варианте, т.е., в отличие от погреба Т1-112 из Тайницкого сада, с припазовкой. По стратиграфии М.Г. Рабинович

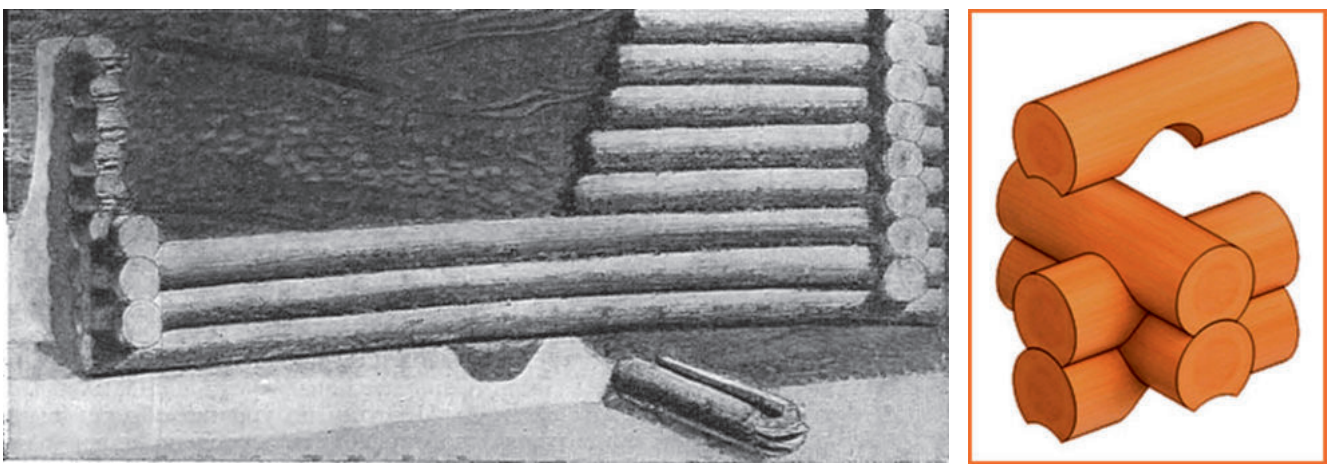


Рис. 14. Московский Кремль. Погреб, исследованный при строительстве КДС (по М.Г. Рабиновичу). Рубка «в охлуп» (и чашка, и паз в верхнем венце). Сер.-II пол. XVI в. (по В.Ю. Ковалю)

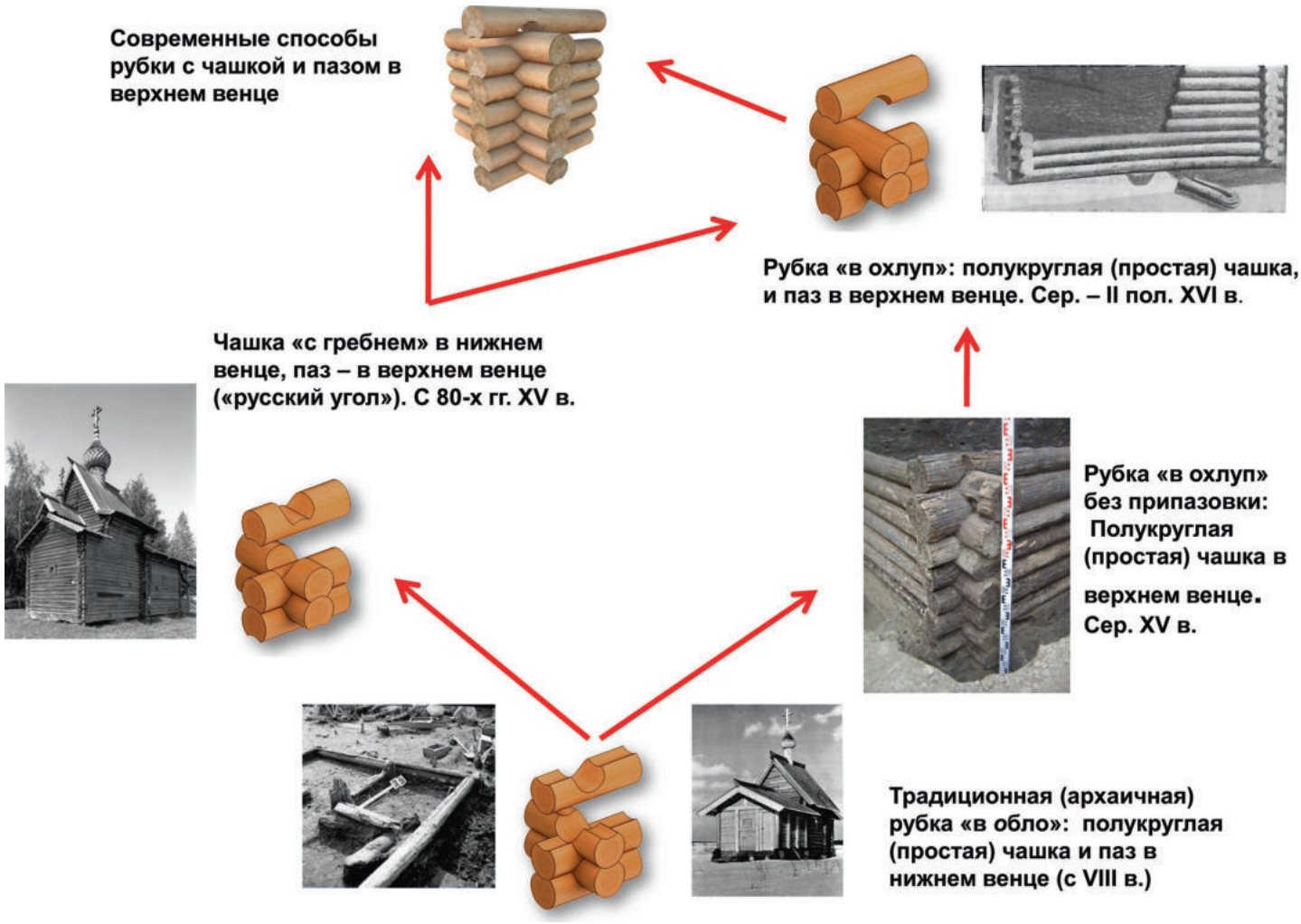


Рис. 15. Схема эволюции рубки «в обло» в средневековом русском деревянном строительстве.

датировал эту постройку концом XIV – началом XV вв., причем, по его мнению, она была разрушена в конце XV – начале XVI вв. в связи с реконструкцией Кремля в целом и княжеского двора в частности[32].

Однако проверка состава керамики[33], взятой из сооружения и приведенной в отчете[34], показала, что керамический комплекс может быть датирован серединой – II половиной XVI в. Так что эта постройка все-таки более поздняя, чем погреб Т1-112 из раскопа 2007 г. в Тайницком саду. Таким образом, на сегодняшний день можно считать погреб Т1-112 с раскопа в Тайницком саду самой ранней (середина XV в.) зафиксированной археологически срубной постройкой, рубленной по новой для того времени методике — с перевернутой чашкой на нижней стороне верхнего венца.

Следует обратить внимание на то, что в обоих случаях представлены впускные постройки, что, казалось бы, может свидетельствовать о том, что именно в погребах впервые появляется новый способ рубки с перевернутой чашкой в верхнем венце, что, возможно, было связано с тем, что именно впускные постройки находились в наиболее неблагоприятном влажностном режиме, что приводило к быстрому загниванию угловых врубок. Однако надо иметь в виду, что изученных наземных деревянных сооружений того времени, т.е. конца XV–XVI вв., совсем немного (впускных гораздо больше), поэтому делать здесь окончательные выводы было бы преждевременно. Тем более что среди исследованных на раскопе в Тайницком саду нескольких десятков погребов конца XV–XVII вв. со срубными стеновыми конструкциями всего один был рублен по-новому, остальные же все рубились по классической архаичной схеме — т.е. «в обло» с чашкой и пазом (если таковой был) на верхней стороне бревна нижнего венца.

Итоговая схема эволюции рубки «в обло» в средневековом русском деревянном строительстве, составленная на основе приведенного выше материала, представлена на Рис. 15.

При этом необходимо подчеркнуть, что выводы настоящего исследования являются предварительными, т.к. нельзя исключить того, что по мере дальнейшего накопления археологического материала и данных этнографии предложенная схема может претерпеть изменения.

[1] Исключением, по наблюдениям А.М. Шепелева, является Горьковская (Нижегородская) область, где при рубке срубов чашку до сих пор, по преимуществу, продолжают вырубать в нижнем бревне (венце). См.: *Шепелев А.М.* Как построить сельский дом. М., Росссельхозиздат. 1986. С. 148.

[2] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 82; *Косенков А.Ю.* К вопросу о систематизации стеновых срубных конструкций в традиционном деревянном зодчестве Русского Севера. – URL: http: //www.rusarch.ru/kosenkov2.htm. Кстати, полукруглая форма чашки сама по себе технологически обуславливала наличие выпусков, т. к. если бы при чашке такой формы выпуски обрубались, то угол сруба был бы весьма непрочен и влагопроницаем.

[3] *Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В.* Жилище // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 139–140, 145; *Носов Е.Н.* Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 10–17; *Засурцев П.И.* Постройки древнего Новгорода // МИА СССР. № 65. М., 1959. С. 264; *Он же.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА СССР. № 123. М. 1963. С. 19; *Борисевич Г.В.* Хоромное зодчество Новгорода //Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 274; *Гупало К. М., Івакін Г.Ю, Сагайдак М.А.* Дослідження Київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Киева. Дослідження і матеріали. Киев. 1979. С. 40. Рис. 2; *Гупало К.Н.* Подол в древнем Киеве. Киев, 1982. С. 38–39; *Сагайдак М.А.* Гражданская архитектура Киева X–XII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010. См.: URL: http://swordmaster.org/2013/11/04/grazhdanskaya-arhitektura-kieva-hhii-vv.html; *Голубева Л.А.* Белозерская экспедиция // КСИА. М., 1960. Вып. 81. С. 81; *Она же.* Белозерская экспедиция 1957 года // КСИА. М., 1960. Вып. 79. С. 40. Рис. 19; *Лысенко П.Ф.* Берестье. Минск, 1985. С. 178. *Он же.* Открытие Берестья. Минск, 1989. С. 74; *Фараджева Н.Н., Энговатова А.В.* Возрождение города // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М., 2012. С. 269; *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси. М., 2006. Кн. 1. С. 130, 211, 218; *Загорульский Э.М.* Древний Минск. Минск, 1963. С. 34–35; *Он же.* Археология Беларуси. Минск, 2001. С. 54; *Рабинович М.Г.* О древней Москве. М.,1964. С. 202. С. 203. Рис. 89. и т.д.

[4] *Ополовников А., Островский Г.* Русь деревянная. Образы русского деревянного зодчества. М., 1981. С. 168, 171–172, 174–175.

[5] *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси. С. 231–241. Рис. 86

[6] *Родионова М.А., Попов В.А.* К вопросу о «круглых» храмах в деревянном культовом зодчестве Древней Руси // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2012. Вып. 26. С. 352–367.

[7] Цит. по: Иностранцы о древней Москве. Москва XVI–XVII веков. М., 1991. С. 42.

[8] О государстве Русском. Сочинение Флетчера. СПб., 1906. С. 18.

[9] *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 150

[10] *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С. 84.

[11] *Рабинович М.Г.* О древней Москве... С. 222–224. Рис. 99 В.; *Овсянников О.В.* Дом и усадьба в сибирском городе XVII века // КСИА. М., 1973. Вып. 136 С. 44; *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2. С. 13; *Ясински М.Э., Овсянников О.В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 111. С. 116–118. Рис. 5 С. 119. Рис. 7. С 120–121. Рис. 9, С. 122–123. Рис. 10, С. 174–175. Рис. 8–9; *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург-Нефтеюганск, 2008. С. 40, 46, 57; Рис. 35, 36, 43, 49, 53; *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 49.

[12] *Красовский Михаил.* Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. СПб., 2002 (первое издание работы вышло в качестве первой части его «Курса истории русской архитектуры» / Петроград, 1916). Прим. на С. 36; *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950. С.62–63; *Он же.* Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953. С. 257; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX вв. М., 1956. С. 68; *Засурцев П.И.* Усадьбы и постройки... С. 19; *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Петрозаводск, 1972. С. 54. – URL: http://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialyi/803.html#note-id3015909; *Мильчик М.И., Ушаков Ю.С.* Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981. С. 16 и т.д.

[13] *Засурцев П.И.* Усадьбы и постройки... С. 19.

[14] *Ашепков Е.* Указ. соч. С. 256–257.

[15] *Красноречьев Л.Е.* Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества. По опыту работ в Новгородской области. СПб., 1999. С. 13. Благодарю В. А. Попова, предоставившего мне эту публикацию.

[16] В настоящее время находится в Кирилло-Белозерском монастыре.

[17] Отчет о проделанных ремонтно-реставрационных работах на памятнике архитектуры XV в. церкви Ризоположения из села Бородава. Кириллов. 2009 – URL: http://www.kirmuseum.ru/info/direction/restoration/detail.php?ID=13911; *Попов А.В., Иванова Г.О.* Отчет о проделанных реставрационных работах на памятнике архитектуры 1485 года «Церковь Ризоположения» из деревни Бородава // ООО «РЦАПО» – URL: http://www.rcapo.ru/arh/index.php?page=kirk&

[18] *Филиппова Л.А.* Церковь Рождества Богородицы из села Передки // XVI. Музей народного деревянного зодчества «Витославлицы» // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области СПб., 2014. С. 347.

[19] Информация о постройках из «Витославлиц» любезно предоставлена Виктором Александровичем Поповым, ведущим архитектором-консультантом МНДЗ «Витославлицы». Автор выражает ему сердечную благодарность.

[20] *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. соч. С. 13; *Ясински М. Э., Овсянников О.В.* Пустозерск... С. 111. Рис. 5. С. 116–118. Рис. 7. С. 119. С. 120–121. Рис. 9. С. 122–123. Рис. 10. С. 174–175 Рис. 8, 9; *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Указ. соч. С. 40, 46, 57. Рис. 35, 36, 43, 49, 53

[21] «Теплые» деревянные церкви прослежены в более поздний период, начиная с XVII в. Они были снабжены печами (иногда даже «черными») и, естественно, конопатились.

[22] По любезному сообщению В. А. Попова.

[23] По А. Ю. Косенову на территории современной Климовской волости (в конце XIX в. – Тарантаевская волость Тихвинского уезда Новгородской губернии) издревле проживало славянское население. Однако с 50-х гг. XVII в. здесь, на землях, сильно опустошенных польско-шведским нашествием и последующей эпидемией оспы, началось массовое расселение карельских крестьян из захваченного шведами Северо-Западного Приладожья.

[24] *Косенков А.Ю.* Часовни климовских карел. – URL: http://www.rusarch.ru/kosenkov4.htm.

[25] Т.е. в 50-е гг. XIX в. *Даль Л. В.* Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии // Зодчий. 1877. № 11, 12. С. 97.

[26] Дождевая вода при таком способе рубки легче проникает в пазы и, следовательно, загнивание бревен должно наступать значительно ранее, нежели при обычном теперь способе устройства пазов (прим. *М. Красовского*)

[27] *Красовский Михаил.* Указ. соч. С. 36.

[28] *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 290.

[29] Там же. С. 460. Прим. к § 111.

[30] *Косенков А.Ю.* К вопросу о систематизации стеновых срубных конструкций в традиционном деревянном зодчестве Русского Севера – URL: http://www.rusarch.ru/kosenkov2.htm.

[31] Следует отметить, что керамика из заполнения сруба, в первую очередь, соответствует тому времени, когда он был засыпан, т. е. концу его функционального существования. Поэтом время сооружения погреба несколько ранее предложенной даты.

[32] *Рабинович М.Г.* О древней Москве. М., 1964. С. 204–205.

[33] Произвел В. Ю. Коваль.

[34] *Панова Т.Д.* Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. М., 1960 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 2004. С. 92–93. Благодарю Татьяну Дмитриевну Панову, любезно предоставившую копию указанного отчета.

Т.В. Егорова, М.Р. Буйнова

Водоносные колодцы городища «Чайка»

«Она, действительно, в высшей степени необходима и для жизни, и для удовольствия, и для повседневного употребления».
Витрувий о воде («Десять книг об архитектуре» (VIII, 0, 4)

Водоносные колодцы наряду с водосборными цистернами — один из главных источников жизнеобеспечения античных поселений. Их сооружали повсеместно и часто находят при раскопках тех или иных памятников. При довольно большом количестве публикаций[1] в отечественной историографии до сих пор практически нет специальных работ, которые были бы посвящены специальному комплексному исследованию колодцев одного поселения. В данной статье будет предпринят системный анализ такого рода сооружений на городище «Чайка». Это стало возможным благодаря хорошей изученности памятника, раскопки которого проводятся Крымской археологической экспедицией МГУ уже более 50 лет[2] и позволяют детально рассматривать различные аспекты его существования. На основе исследования конструкций самих колодцев, методов их строительства, комплексов находок из них и прилегающих синхронных им слоев будет сделана попытка восстановления хронологии появления, бытования и прекращения функционирования этих объектов, объяснения причины местонахождения каждого колодца. Кроме того, мы постараемся отобразить возможные варианты реконструкции структуры водоснабжения на городище в разные хронологические отрезки.

Городище «Чайка» возникло в середине IV в. до н.э. как колония Херсонеса. Его греческие слои разделяются на три основных этапа: крепостной, усадебный и «поздний греческий»[3]. До конца IV в. до н.э. это была небольшая крепость, контролировавшая определенную сельскохозяйственную округу и служившая форпостом Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму в момент становления его дальней хоры. Внутри этого этапа в разных частях городища выделяется два или три периода существенных перестроек (далее в тексте они будут именоваться: первый, второй и третий крепостной периоды). На рубеже IV и III вв. до н.э. крепость перестраивается. На ее месте возводится комплекс греческих усадеб, который, в свою очередь, погибает в пожаре в 70-е гг. III в. до н.э. После этого не позднее конца 60-х гг. III в. до н.э. поселение было частично восстановлено и продолжало существовать как минимум до середины II в. до н.э., когда Херсонес окончательно потерял свою дальнюю хору[4].

Все десять колодцев, обнаруженные на городище, использовались для сбора грунтовых вод, содержащихся в водоносных слоях, сложенных скальной трещиноватой породой. Они были построены в промежуток между 60-ми гг. IV в. до н.э. и серединой III в. до н.э., т.е. в крепостной (60-е гг. – конец IV в. до н.э.), усадебный (рубеж IV–III вв. – 70-е гг. III в. до н.э.) и в начале «позднего греческого» периода (середина III – середина II вв. до н.э.). В более позднее время подобные сооружения на этой территории не возводились. Описание колодцев будет дано в хронологическом порядке. Во избежание разночтений мы предлагаем использовать терминологию, унифицирующую названия некоторых составных частей конструкций.

Шахта — емкость колодца, его «ствол», полое или заполненное водой пространство. Может быть вырыто в грунте и обложено камнем или вырублено в скале, бывает комбинированного строения.

Устье шахты — верхняя часть *шахты* в месте соприкосновения с *горловиной* и/или *обкладкой* колодца.

Обкладка — обрамление *устья шахты* колодца на уровне дневной поверхности, соответствующей времени существования колодца. Почти всегда присутствует в строении объектов.

Горловина — монолитное или составное каменное обрамление *шахты* колодца, возвышающееся над уровнем дневной поверхности времени использования колодца. Не всегда присутствует в строении объектов.

Перекрытие — опциональная часть конструкции, перекрывающая *шахту*. Устанавливалось на *горловину* колодца с целью его консервации. В большинстве случаев состояло из одной плоской каменной плиты. Щели между плитой и *устьем шахты* иногда замазывались глиной и/или забивались мелкими камнями. Возможно как единовременное, так и многоразовое, сезонное использование перекрытия.

Колодец № 1 находился под восточной стеной юго-западной башни крепости[5] (Рис. 1). Его функционирование, очевидно, предшествовало ее постройке, т.к. он был перекрыт подошвой этой стены (Рис. 1, 2). Е.А. Попова и С.А. Коваленко отмечают отсутствие оформления устья шахты. Вероятно, это как раз связано с возведением стены башни над колодцем[6]. Его устье имело округлую форму и диаметр около 0,58 м. Верхняя часть шахты была вырыта в грунте и обложена каменной кладкой. Снизу кладка состояла из больших обработанных блоков, на которые были положены камни меньшего размера, а затем — «постельно» — камни наземной части. Низ шахты был вырублен в скале, имел форму усеченного конуса и достигал 0,85 м в диаметре. Диаметр дна приближался к 1 м. Общая глубина составляла 2,4 м. Верхняя часть шахты была заполнена рыхлой землей, нижняя — суглинком с каменной крошкой. Вероятно, колодец забросали грунтом при выравнивании площадки, в том числе при подтеске скалы для строительства близлежащих помещений и южной оборонительной стены[7].

Керамический материал, послуживший основой для определения времени строительства и функционирования колодца, в частности, фрагменты пепаретской (?) амфоры, хиосской амфоры с колпачковой ножкой и ножка синопской амфоры, подробно проанализирован Е.А. Поповой и С.А. Коваленко[8]. На основании этого анализа исследователи сделали выводы о том, что колодец был наскоро вырыт перед возведением крепости в конце второй

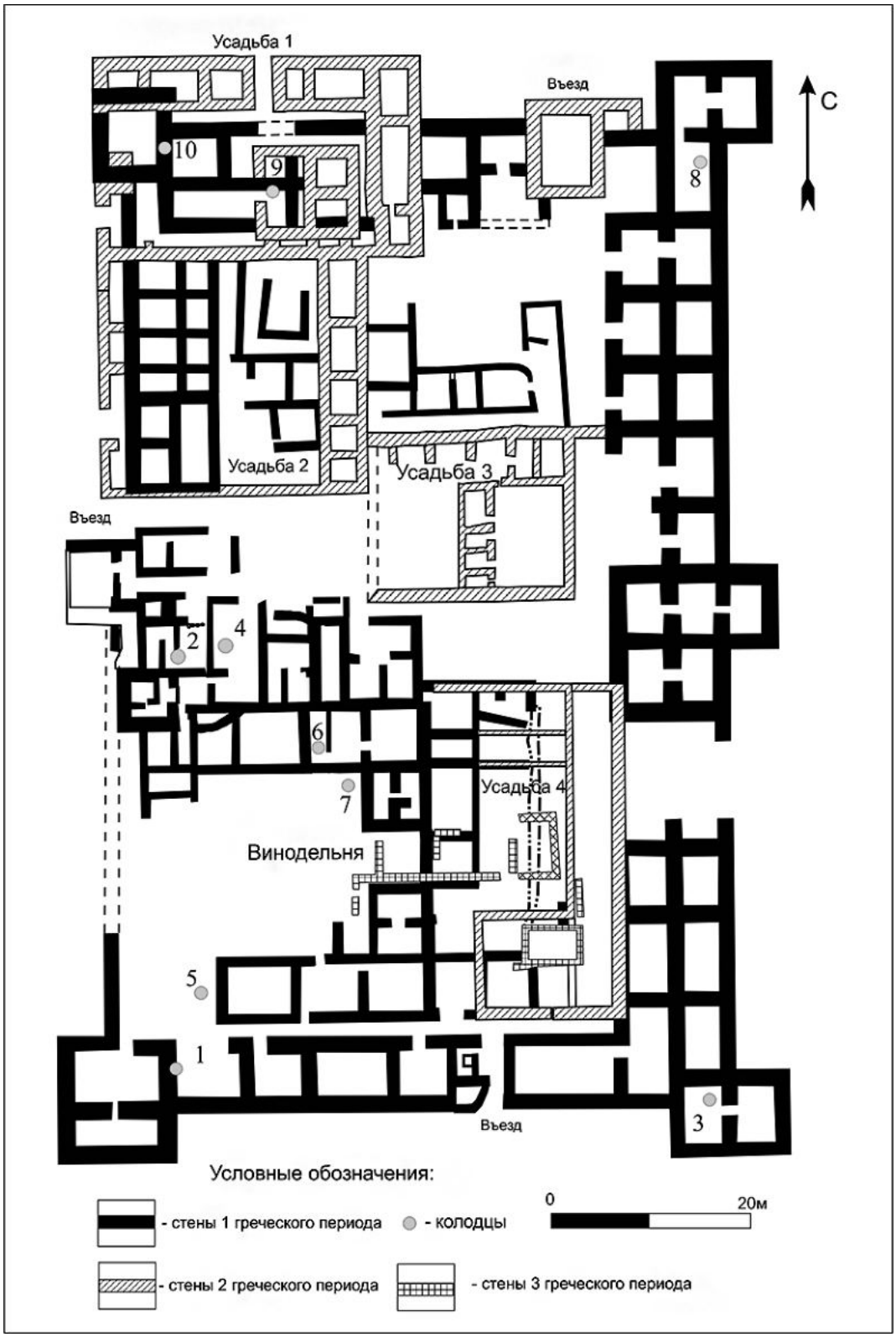


Рис. 1. Общий план городища «Чайка» с указанием мест расположения колодцев

четверти IV в. до н.э. Таким образом, его можно считать колодцем первых поселенцев, оставивших полуземлянку в центре и выборки скалы на юго-востоке поселения[9].

Колодец № 2 располагался на открытой площадке у западного въезда на городище, занятой позже помещением 110[10] (Рис. 1). Перекрытие и горловина не сохранились. Обкладка состояла из нескольких каменных плит, уложенных в один уровень со слоем каменной крошки, которой был вымощен участок вокруг колодца, и имела неправильную подквадратную форму диаметром 0,50–0,55 м (Рис. 3). Верхняя часть шахты была вырыта в грунте и обложена рядами хорошо подтесанных известняковых блоков небольших размеров. Удалось зафиксировать пять таких рядов. Нижняя часть вырублена в скале. Начиная с верха обкладки шахта планомерно расширялась ко дну до диаметра 1,5–1,7 м, напоминая формой усеченный ко-

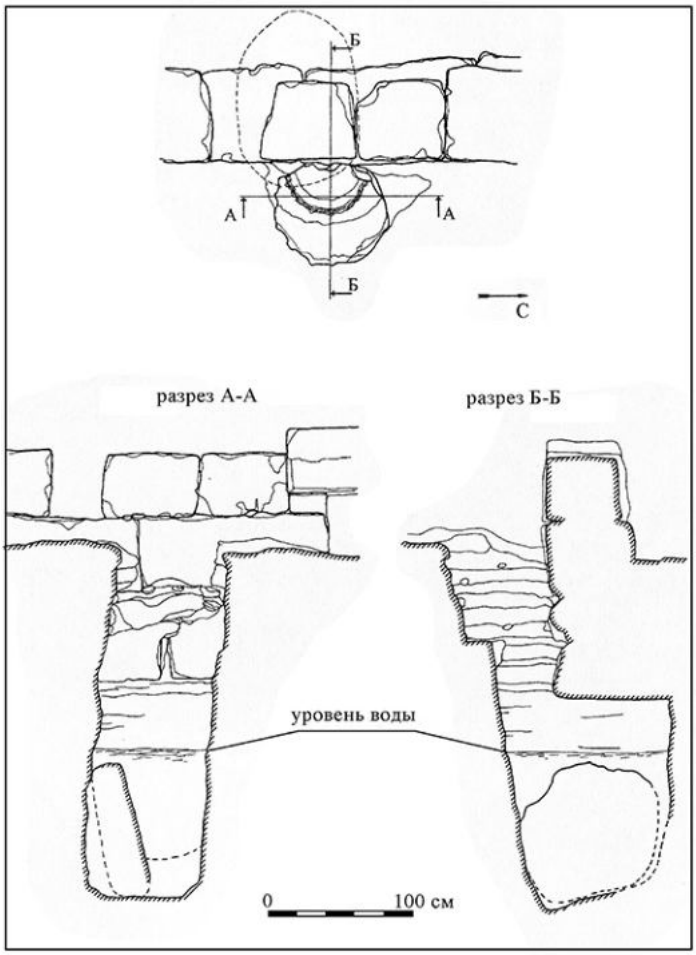


Рис. 2. Колодец № 1. План, разрезы, виды

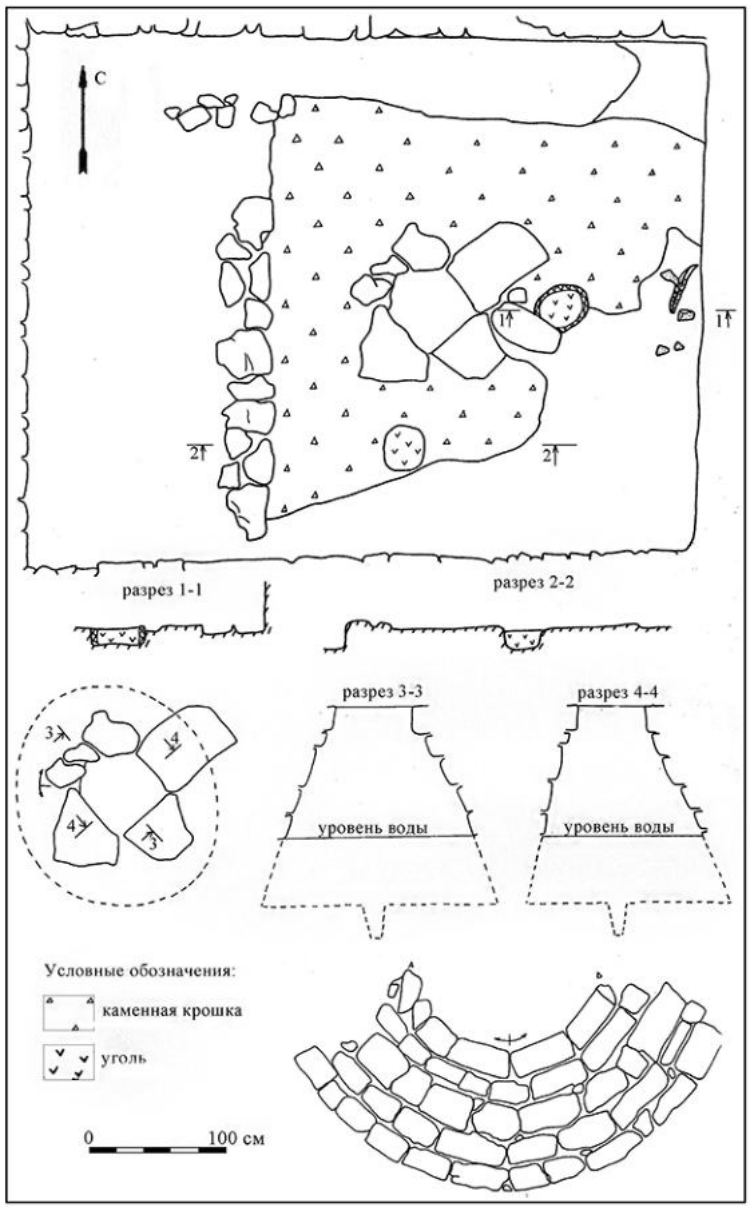


Рис. 3. Колодец № 2. План, разрезы, развертка

нус (Рис. 3). В центре дна располагалась округлая выемка для отстаивания воды диаметром 0,15 м и глубиной 0,25 м. Общая глубина колодца достигала 1,5 м. К востоку и к югу от него в каменной крошке были обнаружены два углубления диаметром 0,30 и 0,40 м, глубиной 0,15 и 0,18 м соответственно, заполненные углем (Рис. 3). На стенках одного из них сохранились следы обожженной глиняной обмазки. Можно предположить, что они служили для фиксации деревянной конструкции типа навеса, которая могла располагаться над колодцем.

Определить время функционирования колодца возможно исключительно по его стратиграфическому расположению, т. к. находки из заполнения (венчики херсонесских лутериев, фрагменты ручек синопских амфор и херсонесских кувшинов, венчики лепных горшков) имеют слишком широкий хронологический диапазон. Начавшаяся в последней четверти IV в. до н. э. застройка площади у западной оборонительной стены во втором крепостном периоде стала основной причиной завершения его использования. Он был засыпан, вымостка перекрыта слоем рушеного сырца, на который был намазан пол помещения 110. Сырцовая перегородка внутри этого помещения перекрыла горловину колодца (Рис. 4: а)[11]. Таким образом, время его бытования можно связать с первым строительным периодом херсонесской крепости на поселении, т. е. с промежутком от 60-х гг. до начала последней четверти IV в. до н. э.

Колодец № 3 был открыт в юго-восточной башне крепости, в северо-восточном углу помещения «Э» (Рис. 1). Перекрытие не обнаружено. Горловина была смещена со своего места. Ее нашли у западной стены того же помещения. А. Н. Карасев и И. В. Яценко полагали, что при разрушении здания горловину решили удалить из помещения, но во время перемещения она лопнула, и ее бросили там, где это произошло. Она была сделана из цельного камня размером 0,52 × 0,58 и 0,52 × 0,40 м, с округлым отверстием диаметром 0,34 м[12]. Нижняя часть шахты была вырублена в скале и имела двусложную форму: цилиндрический верх и квадратный в плане низ. О глубине, размерах шахты и особенностях строения колодца информации в отчетах не сохранилась, равно как и чертежей (только фото — Рис. 4: б). Колодец имел округлую обкладку из грубо

Рис. 4. Колодцы № 2 и 3: а) колодец № 2, вид с северо-востока. б) колодец № 3, вид с востока

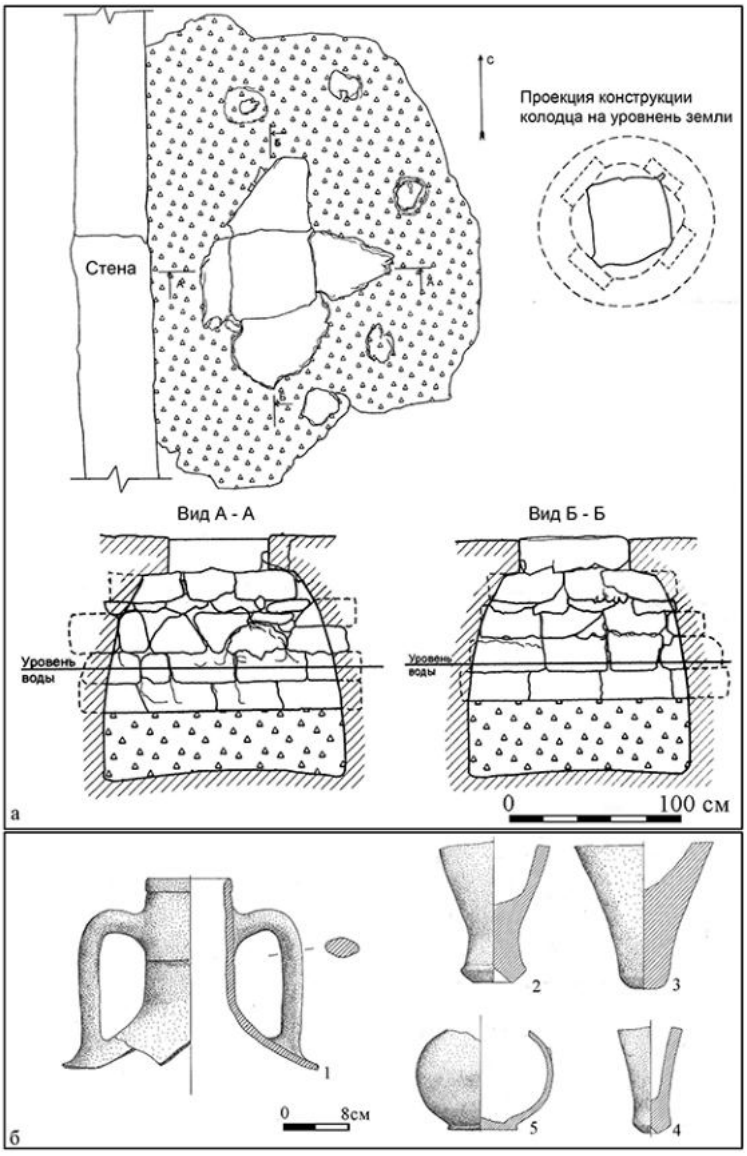


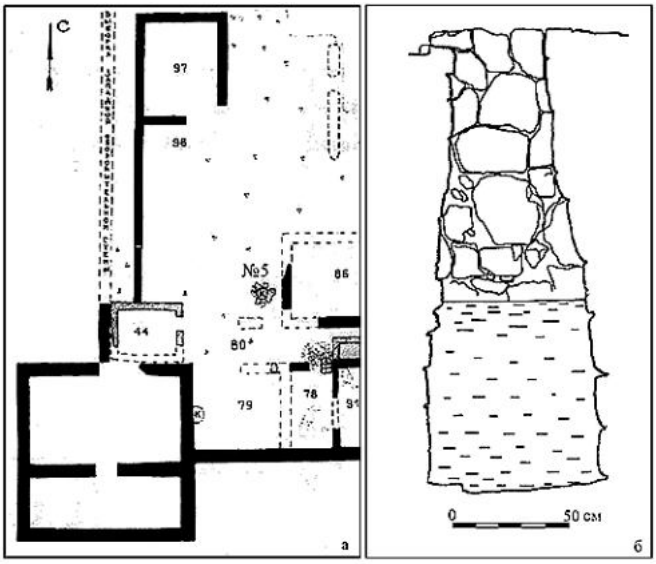
Рис. 5. Колодец № 4: а) план, разрезы, виды; б) находки из колодца: 1 – средиземноморская амфора; 2 – ножка херсонесской амфоры; 3 – ножка синопской амфоры; 4 – ножка фазосской амфоры; 5 – тулово синопского кувшина

обработанных плит, которая, по мнению авторов отчета, могла относиться ко времени его перестройки [13].

Датирующего материала в заполнении не обнаружено. Время сооружения можно предположительно определить только по стратиграфическим данным, сообразно которым колодец был выкопан одновременно или чуть позже возведения юго-восточной башни крепости, т. е. в 60-е гг. IV в. до н. э. Определить верхнюю границу его функционирования не представляется возможным.

Колодец № 4 был обнаружен в помещении 115 недалеко от западного въезда в крепость — так же, как и колодец № 2 (Рис. 1). Помещение 115 имело многоуровневую вымостку [14]. Нижний уровень представлял собой двор, частично вымощенный каменной крошкой, у западной стены которого и располагался колодец (Рис. 5: а). Перекрытие и горловина не сохранились. Обкладка имела квадратную в плане форму со стороной 0,6 м и была сложена из четырех слегка подтесанных подтреугольных камней. Верхняя часть шахты (высотой 0,8 м) выложена подтесанными камнями различных форм, нижняя вырублена в скале. Шахта имела форму усеченного конуса с изломанным верхом (Рис. 5: а). Дно диаметром 1,25 м было слегка выпуклым. Общая глубина колодца составляла 1,47 м. В вымостке вокруг него сохранились ямки, заполненные горелым слоем, видимо, от столбов, поддерживавших навес.

В заполнении было найдено довольно много керамического материала: горло амфоры средиземноморского центра с граффито на стенке (АП); фрагменты херсонесских, фасосских, синопских и гераклейских амфор; фрагменты красноглиняной посуды, в том числе верхняя часть фляги, тулово синопского кувшина, херсонесский лекиф, венчики мисок и лутериев; тулово чернолакового канфара; венчики и донца лепных горшков (Рис. 5б). Интересно, что в колодце оказалось несколько костяных предметов — таких, как игла и ручка бритвы. К сожалению, все эти находки дают только очень широкие временные границы, поэтому при датировании мы опять будем опираться на данные стратиграфии. Колодец был выкопан в то время, когда происходили перестройки второго крепостного периода у западной оборонительной стены, в результате которых был засыпан колодец № 2 в непосредственной близости от этого места. Сам он и вымостка вокруг него были перекрыты слоем, ма-



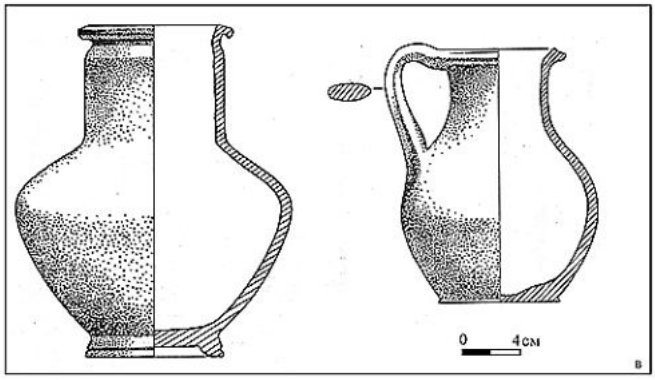
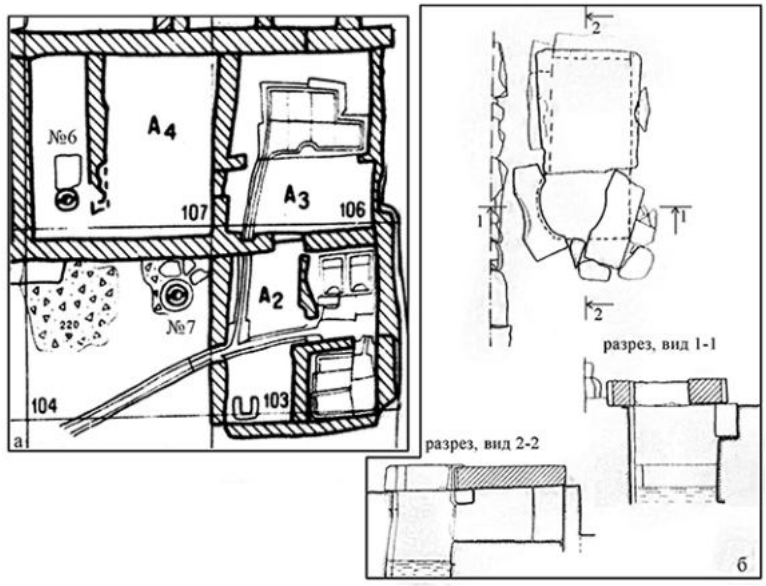


Рис. 6. Колодец № 5: а) план; б) разрез, вид; в) красноглиняные кувшины из колодца № 5 (по: *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам чайкинского городища). М., 2005. Рис. 15)



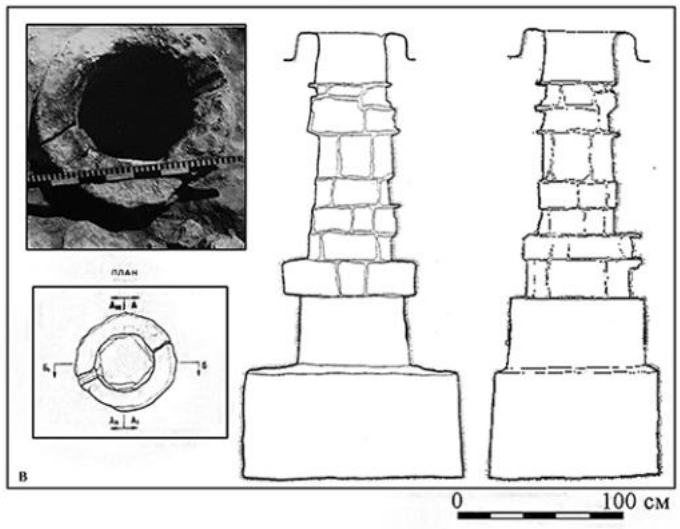


Рис. 7. Колодцы № 6, 7: а) план; б) колодец № 6. План, разрезы верхней части; в) колодец № 7. План, разрезы, виды

териал из которого, в частности клейма астинома Геродота на ручках херсонесских амфор (группа 1В по В.И. Кацу), датируется не позднее первой четверти III в. до н.э.[15] Таким образом, время сооружения колодца должно соотноситься со вторым крепостным периодом и началом усадебного периода (последняя четверть IV – начало III вв. до н.э.).

Колодец № 5 располагался к северу от линий помещений, примыкавших к южной оборонительной стене у западного фаса западной стены помещения 86 (Рис. 1, 6: а)[16]. Перекрытие и горловина колодца не сохранились. Обкладка состояла из плоских подтесанных с внутренней стороны камней неправильной формы (Рис. 6: б). Ее внутренний диаметр — 0,5 м. Стены верхней части шахты колодца были сложены из каменных плит, глубина этой части достигала 1,6 м. Низ шахты вырублен в скале на 0,8 м в глубину. В плане ее форма приближается к кругу, в разрезе — усеченный конус. Диаметр на уровне зеркала воды — 0,8 м, у дна — 0,95 м. Глубина до дна составляет 2,4 м. В скальной части шахты заметны выемки в стенах и закраина на самом дне. Вероятно, они были устроены в рыхлых слоях скалы для лучшего поступления в колодец воды, т.к. именно здесь проходят водоносные слои.

Находки из колодца многочисленны. Преимущественно это керамика. В подавляющем большинстве — фрагменты кувшинов, что обычно для заполнения действующих колодцев (Рис. 6: в). Много изделий из кости и необработанных обломков костей животных (более 390), что в свою очередь более характерно для сбросов в уже не функционирующие колодцы. Датирующий материал представлен двумя фрагментами. Во-первых, это горло херсонесской амфоры с клеймом астинома Агасикла, принадлежащим к хронологической группе 1В и датируемым 300–285 гг. до н.э.[17] Во-вторых, фрагмент верхней части синопской амфоры с клеймом астинома Посидея Гефайстодорова и эмблемой палицы на ручке, принадлежащими к III группе, подгруппе В, датирующейся концом 20-х гг. IV – началом III вв. до н.э.[18] Этот и другой материал[19] позволяют определить время функционирования колодца в пределах четвертой четверти IV в. до н.э. – первой четверти III в. до н.э. и относить его возникновение и бытование к концу крепостного и усадебному периодам.

Колодец № 6 был устроен в северо-западной части винодельни второй половины IV – первой трети III вв. до н.э., в юго-западном углу помещения А4 (Рис. 1, 7: а). На запад-

ный камень горловины и на плиту, установленную рядом с ним, был положен большой камень перекрытия, имевший размеры 0,91 × 0,83 × 0,19 м (Рис. 7: б). Благодаря этому перекрытию, а также завалу плотного сырца над ним, колодец не был заполнен землей. Только со дна было извлечено немного ила и грунта[20]. Горловина колодца состояла из нескольких камней, *in situ* сохранился только западный. Восточный камень горловины был несколько сдвинут на запад и, таким образом, перекрывал часть шахты. Остальные части горловины четко определить не удалось. Обкладка не зафиксирована, возможно, отсутствовала. Строительству колодца предшествовало устройство прямоугольного котлована, вытянутого с севера на юг вдоль западной стены помещения А4, размером (длина–ширина–глубина) 1,65 × 0,9 × 0,51 м. Котлован достигал верхнего твердого слоя скалы. От его центра в скале была прорублена шахта глубиной 1,22 м. Она имела прямоугольную в плане форму со сторонами 0,65 м (или 1,0 — данные отчетов разных лет не совпадают[21]) и 0,5 м и была ориентирована также с севера на юг. Стены верхней ее части (над дном котлована) были выложены прекрасно обработанными плитами (Рис. 7: б). В материковой скале чередовались рыхлые водоносные и твердые слои. Водоносные слои рыхлой скалы были выбраны по всему периметру шахты на 0,2–0,3 м — вероятно, для того чтобы увеличить площадь поступления воды. Дно, прорубленное в нижнем твердом слое скалы, служило отстойником и резервуаром. Общая глубина колодца от западного камня горловины достигает 1,73 м. С севера к колодцу примыкало небольшое углубление, обложенное тщательно обработанными каменными плитами по бокам и снизу. Его размеры: 0,83 × 0,63 × 0,45 м. Сверху его перекрывала каменная плита. Функцию данного сооружения сложно определить. Можно предположить, что это была своеобразная подставка для кувшинов, в которые обычно набирали воду, или водоотливной поддон нестандартной формы.

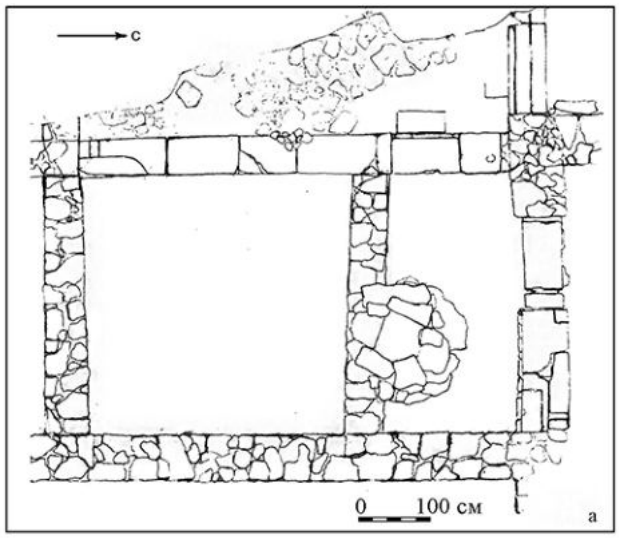
Судя по своему стратиграфическому расположению, колодец был построен вместе с винодельней в конце существования херсонесской крепости[22]. Благодаря своему перекрытию, не позволившему попасть грунту в шахту колодца после прекращения его использования, его можно считать закрытым комплексом, что немаловажно для определения времени его окончательной консервации. Находки из заполнения, в частности, клеймо на ручке херсонесской амфоры с именем астинома Формиона, сына Аполлы (группа 2а, 285–272 гг. до н.э. – по В.И. Кацу)[23], позволяют предположить его продолжительное функционирование вплоть до конца усадебного периода.

Колодец № 7 располагался в другом помещении винодельни и имел несколько иную конструкцию, чем описанный выше (Рис. 1, 7: а). Его устье было заложено большим камнем, как пробкой, щебень и глина закрывали оставшиеся щели, что свидетельствует о сезонной или окончательной консервации колодца[24]. На монолитной каменной горловине круглой формы, внешний диаметр которой составлял 0,75 м, высота — 0,35 м, диаметр отверстия — 0,4 м, с запада зафиксирована выбоина, сделанная, вероятно, специально для более удобного и безопасного подъема сосуда на веревке. Обкладки как таковой не было: ниже горловины сразу начиналась кладка верхней части шахты, которая была выкопана в грунте (глубина — 1,92 м). Стены ее выложены хорошо обработанными камнями, сложенными поочередно в узкие и широкие ряды, образующие уступы, что делало удобным спуск в колодец (Рис. 7: в). Нижняя часть, прямоугольная в плане, вырублена в скале (1,6 м на 1,2 м, глубина — 1,28 м). Общая глубина колодца — 3,55 м. Таким образом, шахта имела двусложную форму: цилиндрический верх и параллелепипедный низ. Колодец был заполнен чистым грунтом, нижняя часть завалена камнями, дно сильно заилено. Наряду с наличием перекрытия камни в заполнении могут дополнительно свидетельствовать о единовременной и окончательной консервации объекта. Грунт мог со временем просочиться в шахту колодца через стенки.

Поскольку в заполнении находок было немного, а вещей с узкой датой не было совсем, предположения о датировке основаны на анализе материала, найденного в слоях, синхронных времени его бытования. Они позволяют соотнести время строительства колодца с перепланировкой винодельческого комплекса на рубеже IV–III вв. до н.э.[25] Очевидно, он был перекрыт в связи с окончанием сельскохозяйственного сезона, после которого винодельня более не функционировала в силу того, что была разрушена вместе с другими усадьбами в конце первой трети III в. до н.э.[26] В отчете за 1978 г. авторами раскопок выдвигается гипотеза о том, что колодец продолжали использовать и после разрушения винодельни[27]. На этом же настаивали Е.Е. Антипина, В.И. Назаров и С.П. Маслов[28]. Они полагали, что колодец функционировал сначала во время бытования винодельни, а затем после ее гибели, когда на этом месте через некоторое время появляется площадка для загона скота, и был окончательно заброшен в конце III – начале II вв. до н.э. Однако стратиграфическое расположение колодца не позволяет с этим согласиться, т.к. во второй половине III – середине II вв. до н.э. уровень дневной поверхности располагался существенно выше уровня горловины колодца, но при этом нет никаких свидетельств того, что его верхняя часть надстраивалась[29].

Колодец № 8 находился в северо-восточной части городища — в помещении «И», прилегающем с юга к северо-восточной башне (Рис. 1). Перекрытие и горловина не были обнаружены. Обкладка оформлена камнями разных размеров. Ее внешние границы имеют округлую в плане форму диаметром около 1,3 м, отверстие в плане приближается к квадрату со стороной 0,6 (или 0,7) м (Рис. 8: а). Верхняя часть шахты диаметром около 1,9 м расширялась книзу, т.е. имела форму усеченного конуса. Информация о глубине колодца и других его параметрах не сохранилась.

Время строительства и функционирования колодца можно определить только по стратиграфии и находкам из синхронных ему слоев помещения «И», которое отличалось большой площадью и перестраивалось несколько раз. Изначально это было помещение, примыкавшее к восточной оборонительной стене и построенное одновременно с ней в 60-х гг. IV в. до н. э. Одна из первых перепланировок связана с возведением перегородки по линии запад–восток, а следующая — с разрушением средней части этой перегородки и устройством на этом месте колодца (Рис. 8: б). При сооружении колодца пол был сильно поднят и заложен ранний дверной проем[30]. Такие



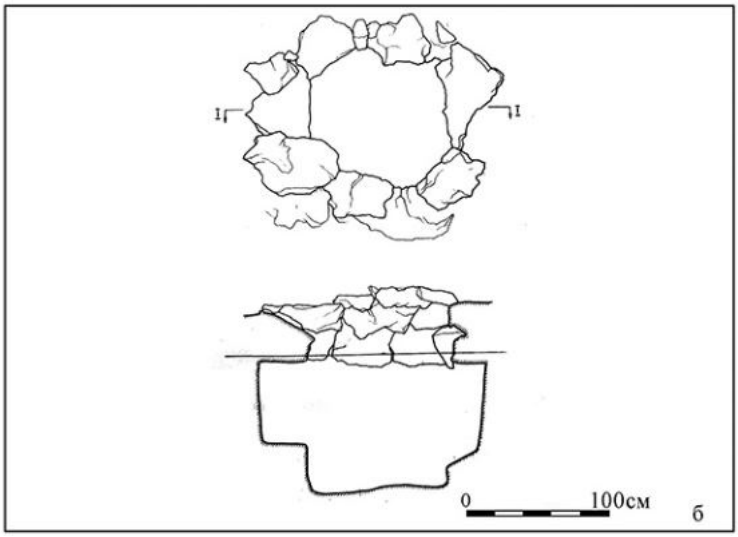


Рис. 8. Колодец № 8: а) план; б) вид с юго-запада
Рис. 9. Колодцы № 9, 10: а) план (по: *Яценко И. В., Турина Т. Н.* Здание III в. до н. э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 86); б) колодец № 9: план

изменения соответствуют общей схеме перестройки помещений первой и второй линий у восточной стены в финале существования крепости[31]. На уровне бытования колодца были найдены материалы конца IV – начала III вв. до н. э.: клеймо на ручке фасосской амфоры магистрата Архенакса с эмблемой колоса в центре[32] и клеймо на ручке херсонесской амфоры астинома Диоскурида хронологической группы 1В (по В. И. Кацу)[33]. Таким образом, строительство колодца можно отнести к концу крепостного — началу усадебного периодов. Дату его консервации определить сложнее. Однако поскольку, поздних материалов в слоях, соотносимых со временем его функционирования, не обнаружено, можно предположить, что он был разрушен не позже конца усадебного периода, т. е. в 70-х гг. III в. до н. э.

Колодец № 9 был открыт на территории усадьбы № 1, известной в литературе как «Здание III в. до н. э.»[34], у входа в башню перед лестницей (Рис. 1; 9). Перекрытие не обнаружено. Выше уровня обкладки был найден фрагмент горловины. Обкладка из рваного камня средних размеров располагалась почти вплотную к входу в башню. Диаметр устья вместе с обкладкой составил 1,6 м, диаметр отверстия — 0,8/0,85 м. Другая информация о форме и особенностях строения колодца в отчетах не сохранилась. Опираясь на визуальный осмотр (на данный момент колодец законсервирован, но не засыпан полностью) и сравнивая его с другими колодцами городища, можно предположить, что верхняя часть шахты была выкопана в грунте, обложена камнем и имела цилиндрическую форму, а нижняя вырублена в скале.

По данным раскопок 1971 г., датирующих находок в заполнении нет. Для того чтобы определить хронологические рамки его бытования, необходимо поставить непростой вопрос о соотношении построек усадьбы и башни, а также башни и колодца. И. В. Яценко и Т. Н. Турина считали, что башня должна была быть вписана в первоначальный проект постройки усадьбы, т. е. быть одновременной ей[35]. При этом колодец, по их мнению, мог быть синхронен времени их строительства, т. к. его горловина могла несколько подниматься над полом и находиться, по крайней мере, на расстоянии 0,5–0,6 м от входа в башню, а это делало возможным проход в помещение. Однако такую интерпретацию строительной последовательности разделяют не все исследователи. Так, Д. Д. Наман предположил, что этот колодец изначально располагался во дворе усадьбы, построенной без башни[36]. Е. А. Попова также полагает, что башня была сооружена позже — во второй

половине III в. до н. э. — и существовала на протяжении всего позднегреческого периода[37]. В пользу ее позднего строительства свидетельствуют и материалы раскопок 2008 г. Тогда в южной стене «Здания III в. до н. э.» был зафиксирован дверной проем, который вел в усадьбу № 2 и был заложен позднее. Он не мог бы функционировать одновременно с башней, закрывавшей подход к нему, но его закладку вполне можно соотнести с ее строительством. Не вполне удачным представляется и расположение колодца, если предположить его синхронное с башней использование, учитывая обширную площадь двора и возможность размещения его в более удобном месте, не ограничивающем перемещения внутри и вокруг построек. Наиболее логичное объяснение подобного расположения — это разновременность их существования. Таким образом, можно сделать вывод, что колодец был построен одновременно с усадьбой на рубеже IV–III вв. до н. э., а его использование прекратилось вместе с возведением башни, одновременно с которой использовался другой колодец (№ 10), устроенный в северо-восточной части усадьбы.

Колодец № 10 был сооружен на площади двора той же усадьбы № 1 в 5,10 м от его западной стены (Рис. 1, 9: а)[38]. Перекрытие отсутствовало, горловина была извлечена из шахты разбитой. Она представляла собой плоскую квадратную в плане плиту со стороной 0,70 м, с круглым отверстием диаметром 0,40 м. Шахта колодца имела сложную форму. Она состояла из трех цилиндрических частей, отличавшихся своими диаметрами, при этом диаметр средней части — наибольший (около 1,70 м), а диаметры верхней и нижней почти равны (0,90 м). Верх был вырыт в грунте на 0,60 м и обложен камнем от самой скалы. Кладка сохранилась на три ряда в высоту (Рис. 10). Предполагалось, что изначальная высота каменной кладки была значительно больше[39]. Очевидно, несохранившиеся ряды сужали диаметр шахты до размеров горловины. Низ был вырублен в скале и имел уступ (ступень) для спуска (для ремонта/очистки?) колодца. Общая глубина колодца составляла 1,60 м. Его окружала площадка с полом из сырцовых плит, и, предположительно, перекрывал навес. Шахта колодца была забита камнями разных размеров, что, скорее всего, говорит о его единовременной консервации. Характер находок в заполнении — в частности, большое количество амфорных стенок, фрагментов пифосов, лепнины, кухонной, столовой красноглиняной и чернолаковой посуды, а также костей животных — свидетельствует о том, что они попали сюда в момент засыпки. Большое число обломков кувшинов может быть связано со временем его использования.

Колодец был пробит через фундамент стены одного из помещений крепости второй половины IV в. до н. э. Комплекс керамики из его заполнения укладывается в достаточно широкие хронологические рамки: III в. до н. э. датируются фрагменты херсонесских амфор, III–II вв. до н. э. — ножка коричневоглиняной амфоры со следом от подставки. Во время расчистки верхнего сохранившегося ряда обкладки были найдены две керкинитидские монеты типа «сидящий скиф — лошадь» 300–290 гг. до н. э.[40] Находка монет именно в кладке могла бы дать более или менее четкую дату постройки колодца. Но, к сожалению, в силу возникших при его выборке сложностей нельзя точно сказать, были ли эти монеты специально

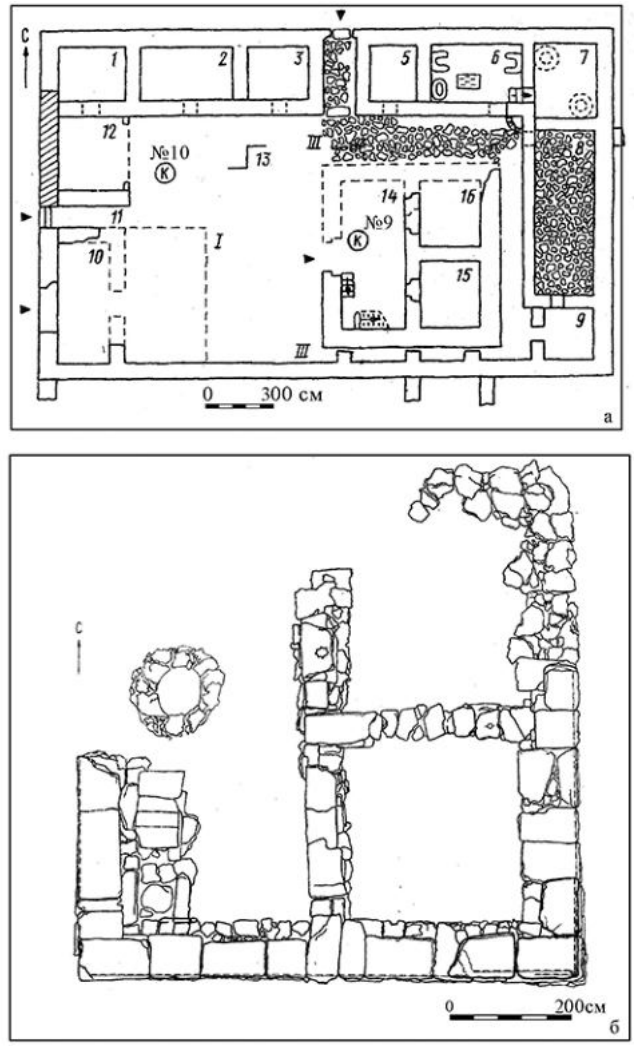


Рис. 10. Колодец № 10: а) вид с востока; б) план, разрез верхней части, вид

положены в кладку при его строительстве или они оказались в ней случайно из заполнения, куда попали позже. Тем не менее с некоторой долей вероятности эти данные могут подтверждать сооружение колодца не ранее первой четверти III в. до н. э.

К поздним материалам относятся клейма на ручках косской и предположительно позднесинопской амфор. Первое оттиснуто на двуствольной ручке: [...]ΚΑΤΑΙΟ. Под легендой помещена палица. Детальная хронология клейм этого центра до сих пор не разработана (авторы выражают благодарность за определение клейм и консультацию по вопросам клеймения косских и позднесинопских амфор научному сотруднику Варшавского университета доктору М. Матере). Ранее косские клейма датировались II–I вв. до н. э.[41] В новейшей литературе их относят к концу II–I вв. до н. э.[42] или только к I в. до н. э.[43] Второе клеймо — точнее, его фрагмент — сохранилось на ручке амфоры неопределенного центра: ΒΑΤΑ[...]. Можно предположить, что это — позднесинопский оттиск с именем фабриканта. Об этих клеймах известно очень мало. Они появились после прекращения практики систематического клеймения синопских амфор около первой четверти II в. до н. э. и спорадически появлялись на протяжении еще 150 лет[44]. Опираясь на эти данные, можно с осторожностью предположить, что коло-

дец мог продолжать функционировать и после того, как на покинутом греками городище во второй половине II в. до н.э. появляется «позднескифское» население, хотя других «искусственных» источников воды на «позднескифском» поселении не зафиксировано. В пользу этого говорит и тот факт, что «Здание III в. до н.э.» активно использовалось новым населением[45]. Однако нельзя исключать возможности попадания позднего материала в результате строительной деятельности поздних скифов рядом с колодцем.

Все колодцы городища конструктивно схожи между собой и аналогичны подобным сооружениям, открытым в Херсонесе и на херсонесской хоре[46]. Сохранившиеся горловины были монолитными или составными, подквадратной или округлой форм, с круглым отверстием диаметром 0,34–0,4 м. Обкладка присутствует в большинстве случаев. Зачастую она выложена из подтесанных или просто плоских каменных плит и имеет неправильный внешний контур. Чаще всего наличие обкладки исключает горловину, только у трех объектов отмечены оба компонента. Верхняя часть шахты всегда выкопана в грунте и обложена камнем, нижняя вырублена в скале. Иногда ко дну вели ступени, сделанные в скале. Вероятнее всего, они прорубались при ремонте или очистке сооружения. Шахты колодцев вне зависимости от времени их строительства имели либо двухчастную составную форму, либо представляли собой усеченный конус. Такая конструкция увеличивала и объем колодца, и площадь водоносных слоев. Единственным исключением является самый поздний колодец со сложной формой шахты, состоявшей из трех цилиндрических частей. В некоторых из них зафиксированы выемки в скальной части шахт или закраины у дна, которые, возможно, были сделаны также в водоносных слоях материка для увеличения объема поступающей воды. Глубины шахт колодцев колеблются от 1,47 до 3,55 м — в зависимости от мест их расположения и уровня водоносного слоя в разных частях поселения, а также от масштабов и интенсивности их использования. Относительно глубокие колодцы (до 2,40 м) зафиксированы на юго-западе городища. К северу их глубина постепенно уменьшается (1,70–1,50 м). Самые глубокие колодцы (до 3,55 м) располагались в винодельне, что, скорее всего, связано с увеличенными масштабами потребления воды на производственные нужды.

На основании изложенного выше материала попробуем определить место каждого колодца в структуре поселения. Самым ранним гидротехническим сооружением, появившимся на памятнике одновременно с полуземлянкой и остатками строений первых поселенцев, был колодец № 1, расположенный на юго-западе городища (Рис. 1). Очевидно, он был устроен группой херсонесских колонистов, обосновавшихся предположительно на центральном и западном участках будущей крепости[47]. Однако уже при ее строительстве он был засыпан и перекрыт восточной стеной юго-западной башни. По каким причинам место для него выбиралось без учета предварительной планировки поселения, сказать сложно. Возможно, это был строительный просчет. Несколько позже — в конце крепостного периода — в 6 м к северу от него был устроен другой колодец (№ 5), просуществовавший до момента разрушения усадеб в 70-х гг. III в. до н.э. Первоначально он должен был обеспечивать водой жилые и хозяйственные помещения у южной оборонительной стены, а также юго-западную часть поселения, а впоследствии — усадьбу № 4, построенную на юго-востоке после разрушения крепости. Колодец располагался непосредственно напротив одного из входов в эту усадьбу (в 25 м от него), на площади, частично вымощенной каменной крошкой[48].

Ранних колодцев, выкопанных одновременно со строительством крепости для обеспечения ее нужд, выявлено два. Первый (№ 2) располагался на открытой мощеной площадке у западного въезда на городище и использовался на протяжении первого крепостного периода, т.е. в третьей четверти IV в. до н. э. (Рис. 1). Судя по остаткам ямок от деревянных столбов вокруг, над ним стоял навес. По-видимому, это был основной общественный колодец, обеспечивавший водой практически весь гарнизон крепости. Второй, дополнительный, источник воды (колодец № 3) размещался в юго-восточной башне. К сожалению, установить продолжительность его использования не удалось. Вероятно, она совпадает со временем существования башни (60-е гг. IV в. – 70-е гг. III в. до н.э.). Такие колодцы, устроенные в помещениях или в башнях, встречаются нечасто, но известны в Северном Причерноморье и, в частности, в Северо-Западном Крыму[49].

После перепланировки участка перед западным въездом во втором крепостном периоде колодец № 2 был засыпан и перекрыт новым зданием внутренней застройки, а в 5 м к западу от него вырыт новый колодец (№ 4) — абсолютно аналогичной формы, с аналогичным навесом и, по-видимому, на раннем этапе со сходным диапазоном водообеспечения. Он существовал значительно дольше — до конца усадебного периода. Очевидно, его функционирование, помимо прочего, было связано с банным комплексом второго крепостного периода, открытого в этой части поселения, т.к. это был ближайший к нему и наиболее доступный синхронный объект водоснабжения. Он не был заброшен и после разрушения крепости, как, впрочем, и все колодцы, построенные на поселении в конце крепостного периода. В итоге он оказался менее чем в 20 м от западной стены усадьбы № 3 с мастерской по производству сырцовых кирпичей[50]. Их соединяла улица с небольшим проходом к колодцу. Поскольку на площади усадьбы других водоносных объектов не обнаружено, можно предположить, что именно его использовали в качестве основного водного источника обитатели этого жилищно-производственного комплекса. В третьем крепостном периоде наряду с этим начал функционировать еще один уже упомянутый выше колодец № 5 в юго-западной части поселения.

Одновременно с ними на территории винодельни существовали колодцы, связанные исключительно с этим производственным комплексом[51]. Один из них (№ 6) снабжал винодельню водой все время ее функционирования, т.е. с последней четверти IV в. до н.э. до конца усадебного периода. Однако помещение, в котором он находился, было изолировано (возможно, не сразу, а после небольшой перепланировки) и имело выход только в соседнюю комнату с каменным тарапаном и стоком[52]. Видимо, именно это послужило причиной сооружения чуть позже (на рубеже IV–III вв. до н.э.) дополнительного колодца во дворе (№ 7) (Рис. 1). Такое расположение более характерно для виноделен Северного Причерноморья[53]. Оба колодца

были законсервированы перед гибелью винодельни. По всей видимости, это было связано с окончанием сезона сбора винограда, после которого винодельня была разрушена вместе с остальными усадьбами городища и больше не восстанавливалась[54]. Разные исследователи в своих работах упоминают о сезонности винодельческого производства[55].

В начале усадебного периода в северо-восточном углу поселения появляется колодец № 8 (Рис. 1). Его устройство в этом месте можно связать с постройками в этой части городища, в частности, с банным комплексом синхронного времени, открытым у его северных ворот[56].

Примерно тогда же, на рубеже IV–III вв. до н.э., на севере поселения возводится усадьба № 1 («Здание III в. до н. э.») с собственным колодцем во дворе (Рис. 1: 9). Предположительно им же могли пользоваться жители соседней усадьбы № 2, пристроенной к южной стене усадьбы № 1, в которой первоначально располагался заложенный впоследствии дверной проем, соединявший обе усадьбы[57]. После внутриусадебных перестроек позднего греческого периода (второй половины III в. до н.э.), сопровождавшихся возведением башни, закрывшей свободный доступ к колодцу, его перенесли северо-западнее, на оставшееся свободным пространство двора (колодец № 10). Это единственный колодец, достоверно относящийся к позднему греческому периоду. Учитывая, что площадь поселения к этому моменту существенно сократилась[58], наличие только одного колодца вполне закономерно. Нельзя полностью исключить возможность его функционирования и в позднескифское время.

Подводя итоги, необходимо отметить, что основными причинами, по которым колодцы выходили из употребления, были перестройки на поселении. Зачастую в непосредственной близости от засыпанных или законсервированных объектов возникали их «дублеры». В IV в. до н.э. на территории крепости одновременно функционировали два общественных колодца и один винодельческий. После строительства здесь усадеб только одна из четырех имела свой источник воды. Обитатели остальных жилищных комплексов использовали преимущественно колодцы, которые по их расположению стоит относить к «общественным». В то же время известно, что в Херсонесе и на его хоре колодцы устраивались главным образом во дворах городских домов и сельских усадеб, т. е. были частными[59]. По свидетельству Е.М. Алексеевой, в Горгиппии вообще «не выявлены колодцы для общественного пользования», но в каждом доме имелся свой[60]. Такое отличие чайкинского поселения можно объяснить тем, что гибель крепости была внезапной, но не разрушила полностью всю инфраструктуру. Даже слои пожаров наблюдаются не на всей ее территории[61]. Поэтому колодцы, выкопанные незадолго до этого момента, хорошо сохранились, не нуждались в перестройке или существенном ремонте, располагались в непосредственной близости от места возведения усадеб, а возможность их использования избавила от необходимости устройства новых.

---

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 170; *Стрежелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического: к истории древнего земледелия в Крыму. Симферополь, 1961. С. 173; *Кругликова И.Т.* Херсонесская усадьба на наделе 10 // КСИА. М., 1983. Вып. 174. С. 43–51; *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 27–32; *Дашевская О.Д., Голенцов А.С.* К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2004. С. 26–41; *Егорова Т.В.* Сельскохозяйственная усадьба в предместье городища «Чайка» // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2004. С. 48–55 и др.

[2] *Попова Е.А., Пежемский Д.В., Беловинцева Н.И.* Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 76–112.

[3] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам чайкинского городища). М., 2005. С. 98.

[4] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки... С. 99–100; *Попова Е.А.* Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н.э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 5–32.

[5] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки... С. 13–14.

[6] Там же. С. 13.

[7] Там же. С. 13–14.

[8] Там же. С. 14.

[9] *Егорова Т.В., Попова Е.А., Беловинцева Н.И.* Исследования на городище Чайка в Евпатории на некрополе у пос. Заозерное в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні. Київ., 2010. С. 97–100; *Егорова Т.В., Попова Е.А., Ланцов С.Б.* Исследования на городище Чайка в Евпатории на некрополе у пос. Заозерное // Археологічні дослідження в Україні. Київ., 2013. С. 63–64; *Егорова Т.В.* Исследования на городище Чайка // Археологічні дослідження в Україні. Київ., 2014. С. 36.

[10] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Отчет о работе Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка в 1998 г. М., 1999. С. 24–29.

[11] Там же. С. 26.

[12] *Карасев А.Н., Яценко И.В.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1964 г. М., 1965. С. 21.

[13] Там же. С. 21.

[14] *Попова Е.А., Егорова Т.В.* Отчет о работе Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка в 2001 г. М., 2002. С. 5–8.

[15] *Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 76.

[16] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Отчет о работе Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка в 1998 г. С. 16; *Попова Е.А.* Отчет о работе Крымской археологической экспедиции МГУ на городище «Чайка» близ Евпатории в 1989 году. М., 1990. С. 60.

[17] *Кац В.И.* Керамические клейма... С. 83.

[18] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2007. Вып. XVII. С. 434.

[19] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки... С. 17.

[20] *Яценко И.В., Внуков С.Ю.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» в районе г. Евпатории в 1979 г. М., 1980. С. 69.

[21] Там же. С. 53; *Яценко И.В., Внуков С.Ю., Рубинштейн И.И.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1980 г. М., 1981. С. 70–71.

[22] *Егорова Т.В.* К вопросу о датировании винодельни на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // От палеолита до средневековья. М., 2011. С. 71–72.

[23] *Кац В.И.* Керамические клейма... С. 76, 114.

[24] *Егорова Т.В.* К вопросу о датировании... С. 73; *Яценко И.В.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» в районе г. Евпатории в 1978 г. М., 1979. С. 25–26.

[25] *Егорова Т.В.* К вопросу о датировании... С. 72–73.
[26] Там же. С. 74.
[27] *Яценко И.В.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» в районе г. Евпатории в 1978 г. М., 1979. С. 25–30.
[28] *Антипина Е.Е., Назаров В.И., Маслов С.П.* Насекомые из колодца на винодельне поселения «Чайка» // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 155.
[29] *Егорова Т.В.* Комплекс помещений позднего греческого периода (второй пол. III – первой пол. II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка» // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, 2012. С. 46–54.
[30] *Карасев А.Н.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. М., 1964. С. 12.
[31] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки... С. 21–22.
[32] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 416.
[33] *Кац В.И.* Керамические клейма... С. 93.
[34] *Яценко И.В.* Отчет о работе Крымской экспедиции МГУ в 1970 г. на городище у санатория «Чайка» в предместье Евпатории. М., 1971. С. 32; *Яценко И.В., Турина Т.Н.* Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 82–154.
[35] Там же. С. 109–110.
[36] *Наман Д.Д.* Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. С.13–14.
[37] *Попова Е.А.* Греческое поселение... С. 25–27; *Попова Е.А.* О составе населения Северо-Западного Крыма в IV в. до н.э. – I . н.э. по материалам городища Чайка // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. № 1. С. 27.
[38] *Яценко И.В., Турина Т.Н.* Указ. соч. С. 82.
[39] *Яценко И.В., Внуков С.Ю., Рубинштейн И.И.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1980 г. М., 1981. С. 135.
[40] *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 115.
[41] *Шелов Д.В.* Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н. э. М., 1975. С. 132.
[42] *Palaczyk M., Schönenberger E.* Amphorenstempel. Grabungen 1964–2001 / Eretria. Athens; Basel: Gollion, 2003. Vol. XII. P. 222.
[43] *Papuci-Władyka E.A.* Research Report on Hellenistic Pottery: Cos // Studies in Ancient art and Civilization. Amphoras. Vol. 8. Krakov: Uniwersytet Jagielloński, 1997. P. 52.
[44] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 271; *Федосеев Н.Ф.* Синопское клеймо Афастия // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1.
[45] *Яценко И.В., Турина Т.Н.* Указ. соч. С. 82.
[46] *Стрежелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического: к истории древнего земледелия в Крыму. Симферополь, 1961. С. 173; *Круглико-ва И.Т.* Херсонесская усадьба на наделе 10 // КСИА. М., 1983. Вып. 174. С. 46 и др.
[47] *Егорова Т.В., Попова Е.А., Беловинцева Н.И.* Исследования на городище Чайка в Евпатории на некрополе у пос. Заозерное в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні. Київ, 2010. С. 97; *Егорова Т.В., Попова Е.А., Ланцов С.Б.* Указ. соч. С. 63–64; *Егорова Т.В.* Исследования на городище Чайка // Археологічні дослідження в Україні. Київ, 2014. С. 36; *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Отчет о работе Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка в 1998 г. М. 1999. С. 25, 26.
[48] *Егорова Т.В.* Новая раннеэллинистическая усадьба на городище «Чайка» и ее место в структуре поселения // Stratum plus. 2014. № 3. С. 306.
[49] *Дашевская О.Д., Голенцов А.С.* Указ. соч. С. 27–32; *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома // Античные государства Северного Причерноморья. Градостроительство и архитектура. М., 1984. С. 206.
[50] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки... С. 63–77.
[51] *Егорова Т.В.* К вопросу о датировании... С. 74.
[52] Там же. С. 72; Яценко И. В. Винодельня на поселении «Чайка» // КСИА АН СССР. 1983. Вып. 184. С. 18–25.
[53] *Винокуров Н.И.* Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья / Боспорские исследования. Suppl. 3. Симферополь, Керчь, 2007. Вып. XVII. С. 158, 176.
[54] *Егорова Т.В.* К вопросу о датировании... С. 74.
[55] *Винокуров Н.И.* Указ. соч. С. 195, 196; *Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С. 28, 29.
[56] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки... С. 25.
[57] Там же. С. 32.
[58] *Попова Е.А.* Греческое поселение... С. 28.
[59] *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 104.
[60] *Алексеева Е.М.* Указ. соч. С. 96, 97, 109.
[61] *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки... С. 100; *Егорова Т.В.* Новая раннеэллинистическая усадьба... С. 321, 322.

Н.В. Ениосова, В.К. Сингх, А.М. Степанов

Сырьевые слитки новгородских ювелиров

На протяжении нескольких столетий Новгород играл исключительную роль в русско-европейской торговле цветными металлами, обеспечивая сырьем не только ювелиров северной столицы Руси, но и мастеров других регионов, в первую очередь Северо-Запада. Динамику поступления металлов в Новгород отражает насыщенность культурного слоя находками из медных, легкоплавких и драгоценных металлов. Анализ хронологических закономерностей распределения украшений, бытовых предметов и необработанного сырья на Неревском, Михайловском, Боярном и Троицком раскопах мы находим в работах Е.А. Рыбиной. Она проследила постепенное увеличение количества изделий и сырьевых продуктов с X по XIII столетие, зафиксировала пик роста импорта цветных металлов в XIII в. и нисходящую тенденцию вплоть до XV в. Сопоставление археологических данных с относительно редкими свидетельствами письменных источников, предпринятое исследовательницей, позволяет сделать вывод об основных поставщиках ювелирного сырья в Новгород — готландских и ганзейских купцах[1]. О торговле цветными металлами — оловом, свинцом и медью — между Новгородом и Суздалем идет речь в берестяной грамоте № 439 (1190–1200 гг.), но в целом этот вид источников ограничивается упоминанием серебра как средства платежа[2]. Технология изготовления украшений нашла отражение в единственном письме XII в. (берестяная грамота № 1083).

Ювелирное ремесло средневекового Новгорода реконструируется на основе анализа продукции местных мастеров и многочисленных находок производственного характера, обнаруженных на территории усадеб и построек. Это инструменты, полуфабрикаты, заготовки и отходы, бракованные и незаконченные вещи [3]. Производственный лом и вышедшие из употребления изделия подвергались вторичной обработке и играли значительную роль в обеспечении мастерских сырьем для литья и пластической деформации. По сведениям письменных источников, металлы привозили отдельными кусками, продававшимися на вес, в виде различных обрезков, упакованных в бочки, в виде проволоки, котлов и других изделий, вышедших из употребления [4].

На современном уровне исследований выявлены основные тенденции использования цветных и драгоценных металлов в средневековых производственных центрах Восточной, Центральной и Северной Европы. Используя сравнение набора сплавов, характерных для разных регионов, удалось установить, что Новгород и другие памятники Северо-Запада Руси принадлежали к обширной зоне распространения латуней, включающей также Скандинавию и Прибалтику. Письменные свидетельства вместе с археологическими данными о средневековом горном деле и металлургии Европы и мусульманского Востока позволяют проследить вероятные пути поступления сырья в новгородские мастерские [5]. Однако лишь в очень редких случаях мы можем судить об источнике как первичном пункте добычи руды и выплавки металла, имеющем географическую привязку.

В эпоху Средневековья сырьевые слитки ювелиров и литейные формы для их изготовления получили распространение на обширной территории — от Прикамья до Британских островов. Самые ранние латунные слитки, относящиеся к V–VII вв., были обнаружены в погребениях «литейщиц» азелинской культуры в междуречье Волги, Ветлуги и Вятки, а также на селище Щербеть в Нижнем Прикамье [6]. В другой части Европы литейные формы из глины и песчаника для изготовления слитков найдены в северо-западной Шотландии и Ирландии на памятниках V–VIII вв. [7] Ювелирные слитки и формы для их производства VIII–XI столетий встречены практически на всех торгово-ремесленных поселениях и в кладах эпохи викингов Балтийского региона [8]. На территории Древней Руси «производственные» слитки северного происхождения IX–X вв. известны в слое таких поселений, как Старая Ладога, Тимерево, Гнездово, Рюриково, Сарское и Супрутское городища. Вес самых маленьких целых экземпляров не превышает 5 г, самые большие весят не более 200 г [9]. Драгоценные металлы в виде слитков — один из самых известных способов создания средства обмена, платежа, хранения, транспортировки и тезаврации богатства. Несмотря на более низкую стоимость, бруски из медных и легкоплавких сплавов также встречаются в кладах. Например, самый крупный из трех кладов IX–X вв., известных на территории Латвии, содержал около 100 латунных слитков-брусков [10]. О значительных запасах металла свидетельствует клад X в. из Финляндии, содержащий 1718 латунных слитков [11]. Десять медно-цинковых брусков весом от 82 до 182 г. происходят из Алпатьевского клада второй половины IX в. (Окско-Донское междуречье) [12]. Клад свинцово-оловянных слитков второй половины IX в. был обнаружен на городище Выжегша в Волго-Клязьминском междуречье [13]. Свинцовые, оловянные, медные и бронзовые слитки известны в женских погребениях поволжских финнов IX–X вв. [14] Глиняные и каменные изложницы для отливки латунных слитков-прутков происходят из производственных комплексов X–XI вв., исследованных на городищах Рождественское и Анюшкар в Пермском Предуралье [15].

Находки слитков в кладах в некоторых случаях дают возможность привязать металл к рудному источнику в определенном регионе. Стандартная форма, размеры и химический состав указывают, что они произведены в одно время и в одном месте. Пятнадцать одинаковых слитков-брусков и их фрагментов весом от 40 до 366 г из клада X – первой половины XI в., найденного в Лондоне, имеют в составе около 20 % цинка, а также примеси мышьяка и свинца, перешедшие в сплав из медной и цинковой руды. Свинцово-изотопный анализ металла показал, что «свежий» бинарный высокоцинковый сплав лондонских слитков получен из руды полиметаллического Раммельсбергского месторождения в Гарце [16].

Судя по находкам слитков в производственных комплексах городищ и сельских поселений, кладах и погребениях эпохи формирования древнерусского государства, эти предметы выполняли несколько функций. Прежде всего, они были производственным сырьем и служили средством хранения металла, предназначенного для дальнейшего использования. В ювелирной мастерской металл, оставшийся в тиглях, и лом изделий, вышедших из употребления — главные источники для создания запасов различных порций сырья в виде слитков. Драгоценные металлы и сплавы на основе меди заливали в формы из камня и глины; слитки из легкоплавких металлов можно было получать еще и в металлических или деревянных изложницах. Вероятно, массивные слитки, длина которых превышала 20–25 см, отливали в опоку или формовочную землю, а также в канавки, вырытые в полу производственных построек [17]. В трактате Теофила начала XII в. есть описание получения малых порций латуни из меди и цинковой руды — каламина в плавильных сосудах. О производстве слитков он пишет так: «вылей металл из тигля в небольшое углубление, сделанное в полу» [18]. Теофил упоминает также о железных изложницах — *ferri infusorii* для получения длинных, круглых или квадратных слитков из золота, серебра или меди. Перед заливкой металла их нагревали и покрывали изнутри расплавленным воском [19].

С технологической точки зрения для перемещения металла на близкие и дальние расстояния не было необходимости в стандартизации ювелирных слитков по форме и весу. Тем не менее в мастерских, выпускавших слитки из свежего или вторичного металла, добивались их визуального сходства. Для этого требовались изложницы с углублениями одинаковой формы и размеров. В случае использования лома производили его сортировку по цвету и ковкости. Несмотря на вариации веса, такие слитки было удобно использовать в торгово-обменных операциях наряду с проволокой, монетами и вышедшими из употребления вещами [20]. И, наконец, слитки из благородных

металлов вместе с серебряными монетами и украшениями использовались в качестве стандартного эквивалента ценности и были неотъемлемой частью «весовой» экономики эпохи викингов [21].

Производственные слитки из раскопок Новгорода — это целые и фрагментированные экземпляры различной формы, размеров и веса. Все они имеют привязку к квадратам, пластам и ярусам и стратиграфическую датировку. Единичные находки сырьевых слитков известны на Славенском (раскоп на ул. Кировской), Тихвинском, Дубошине, Ильинском, Готском и Посольском раскопах. Однако самые большие коллекции происходят с Неревского и Троицкого раскопов.

Первое детальное описание находок с Неревского раскопа, включающее анализ химического состава металла и металлографию, предприняла Н. В. Рындина в статье, посвященной технологии производства новгородских ювелиров. Она исследовала 6 слитков XI–XV вв. Три из них отлиты из «чистой» меди: самый ранний относится к XI в. и весит чуть более 360 г; слиток конца XI – начала XII в. весит 41 г; вес слитка XV в. превышает 500 г. Все три экземпляра имеют форму брусков треугольного сечения с гладкими гранями и вогнутым «брюшком» [22]. Судя по литой структуре металла, слитки получены методом свободного литья в открытые полости — поверхности, образованные на открытых участках формы, имеют усадочные раковины и множественные газовые поры. Металл боковых граней показывает деформированную структуру, свидетельствующую об интенсивной обработке после изъятия из формы для получения ровных поверхностей и улучшения «товарного» вида.

Длинный массивный брусок трехгранного сечения весом более 360 г найден в слое 70-80-х гг. XII в. [23] С учетом его длины, составляющей почти 40 см, и дефектов на поверхности всех граней, металл заливали в опоку, формовочную землю или канавку в полу мастерской. По элементному составу слиток принадлежит к группе свинцовых латуней (Zn – 12–15 %; Pb – 4 %). Двойные и свинцовые латуни доминировали в новгородской металлообработке X–XII вв., их доля составляет около 70 % выборки. Основываясь на сходстве химического состава и морфологических признаков этого слитка с экземплярами из Скандинавии эпохи викингов, Н. В. Рындина осторожно предположила, что он импортирован из Северной Европы. Однако назвать этот металл скандинавским в прямом смысле этого слова нельзя. Высокое содержание никеля в сплаве (0,5 %) не характерно для металла, выплавляемого из руды шведского месторождения Фалун — основного источника медной руды в средневековой Скандинавии. Более вероятный источник меди в этом образце — блеклые руды Центральной Германии. Латуни с X в. производили в районе Динанта на территории Бельгии, а также в вестфальских городах Аахен и Дортмунд, используя медь из Гарца и собственную цинковую руду — каламин [24]. Медно-цинковые сплавы поступали в Новгород при посредничестве готландских торговцев до конца XII в.

В слоях XIII в. найден обрубленный слиток трапециевидного сечения из многокомпонентной латуни (Zn – 10 %; Sn – 6 %; Pb – 8–10 %). На его верхней грани есть поперечные насечки, нанесенные зубилом — разметка перед разрубкой на мелкие порции металла или проверка его твердости и ковкости. Доля изделий и сырьевых продуктов из такого металла в материалах Неревского раскопа составляет всего 0,4 %, напротив, выборка по материалам Людина конца включает значительное число образцов этой группы [25].

Полностью сохранившийся слиток XI в. из высокопробного серебра длиной около 8 см весит около 43,5 г, имеет квадратное сечение и скругленные концы. Он относится к редким находкам из драгоценных металлов, доля которых в выборке Неревского раскопа составляет всего 0,6 % [26].

В работе А. А. Коновалова, посвященной химическому составу металла средневекового Новгорода, приводятся данные о 35 слитках с Неревского раскопа [27]. На основе стратиграфических данных, приведенных автором, можно заключить, что их хронологическое распределение отражает общую тенденцию к увеличению числа находок из цветных металлов с X по XIII вв. [28] На XIII столетие приходится максимум, а в материалах XV в. зафиксирован единственный экземпляр (Рис. 1).

В Неревской выборке доминируют слитки из «чистой» меди, сумма примесей в этом металле не превышает 1–2 %. Пять слитков относятся к меди, загрязненной свинцом или свинцовой бронзе (Cu-Pb). Латунные, бронзовые, се-

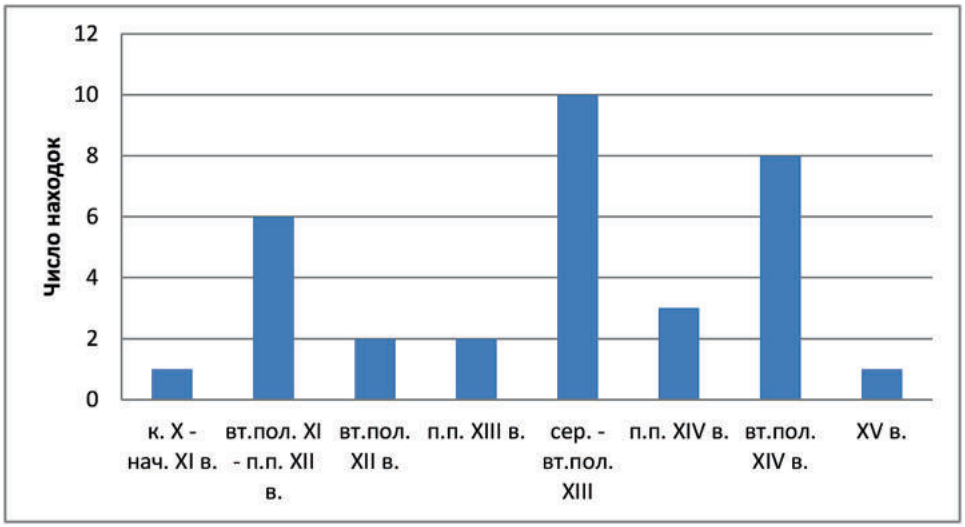


Рис.1. Хронологическое распределение слитков на Неревском раскопе

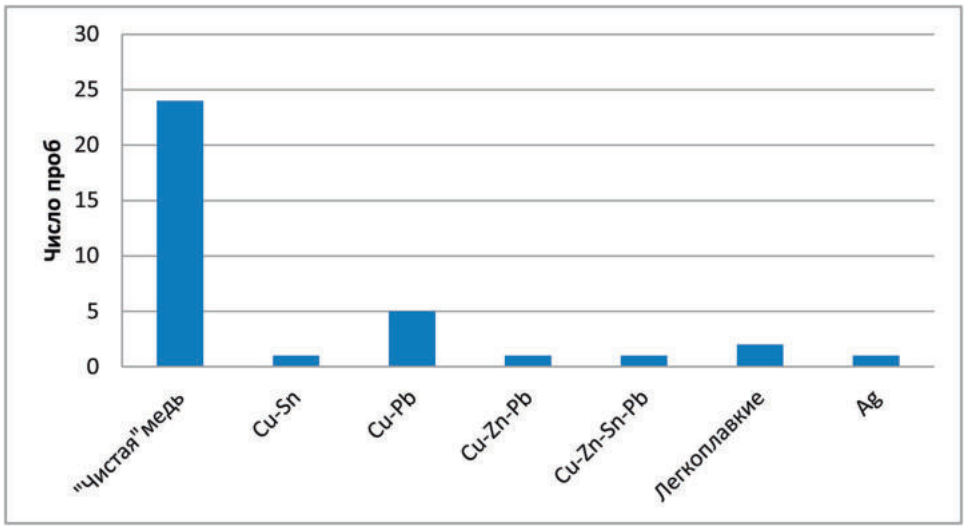


Рис. 2. Распределение слитков Неревского раскопа по типам сплавов

ребряные и свинцовые слитки представлены единичными образцами (Рис. 2).

В 2005 г. на северной окраине Неревского конца на Козмодемьянском-II раскопе обнаружен комплекс находок, связанных с ювелирным производством[29]. Помимо украшений из медных и свинцово-оловянных сплавов на территории усадьбы, прилегающей к Холопьей улице, найдены фрагменты проволоки и пластин, сосуды, куски, слитки, выплески и шлак из цветных металлов. Инструменты ювелиров представлены фрагментами тиглей, приспособлениями для взвешивания и напильником. Находки происходят из слоя светло-серого суглинка — так называемого слоя запустения начала – третьей четверти XIII в., который характеризуется полным отсутствием остатков застройки. Среди находок из этого слоя мощностью 15–20 см особый интерес вызывают пять плоско-выпуклых предметов в форме треугольника с округлым основанием (Рис. 3: 1–5). Визуально они имеют мало различий и похожи на матрицы для тиснения, но среди древнерусских украшений нет морфологически сопоставимых изделий. Кроме того, плоская сторона этих находок покрыта крупными порами и газовыми раковинами, образовавшимися при литье в открытую форму, отдельные дефекты есть и на лицевой стороне, что мешало бы их использованию в ка-

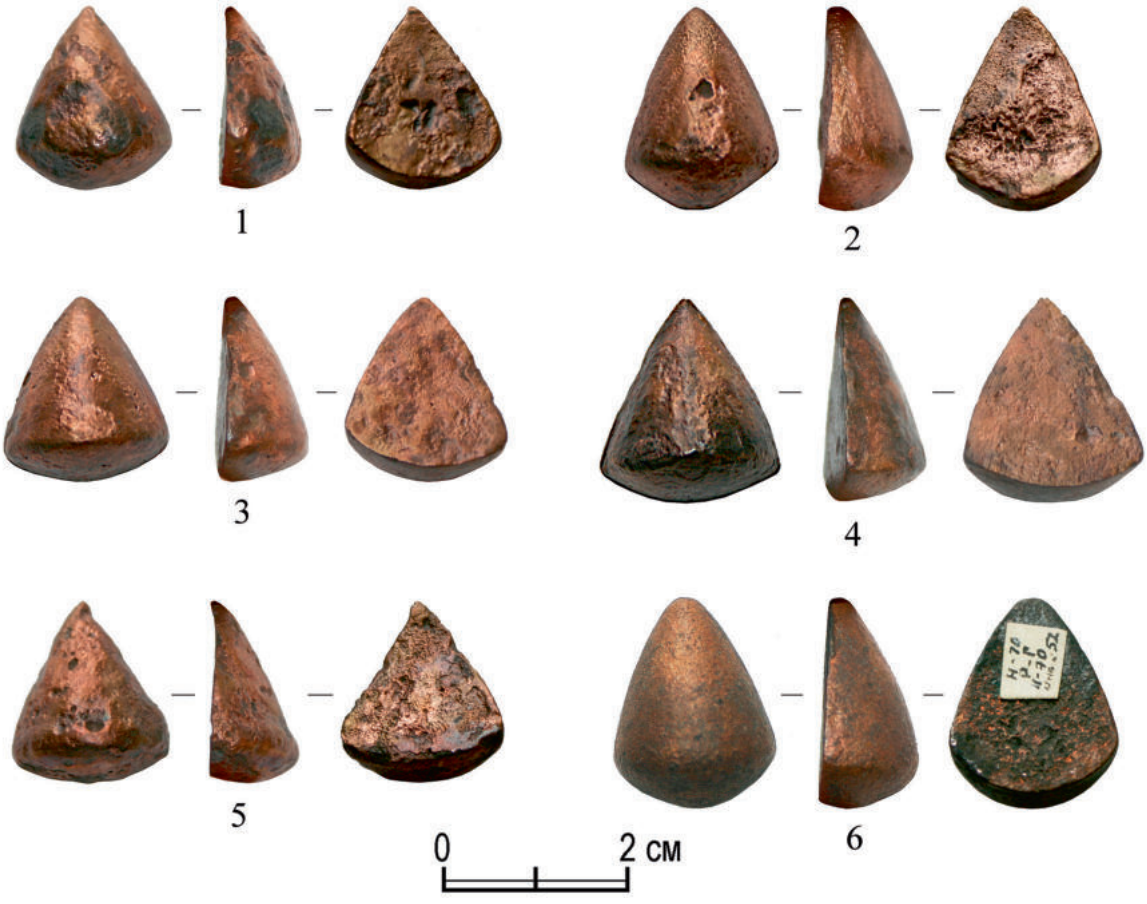


Рис. 3. Слитки в форме треугольника с округлым основанием. 1–5 – Козмодемьянский-II раскоп; 6 – Готский раскоп

Таблица 1. Химический состав металла слитков с Козмодемьянского-II раскопа

Слитки (стратиграфические данные, размеры, вес)	**Cu**	**Sn**	**Pb**	**Zn**	**Ag**	**Sb**
12-19-124; 2,2 × 1,99 × 1,0 см; 13,9 г	**82.45**	**7.57**	**9.41**	_	**0.07**	**0.5**
13-22-10; 2,0 × 1,7 × 0,9 см; 9,6 г	**93.56**	**0.68**	**4.02**	**1.44**		**0.29**
13-9-19; 2,0 × 1,8 × 0,9 см; 10,8 г	**92.01**	**4.51**	**2.63**	_	**0.58**	**0.27**
13-11-156; 2,0 × 1,7 × 0,9 см; 8,8 г	**96.1**	**1.53**	**1.73**	_	**0.34**	**0.31**
14-2-18; 2,2 × 1,6 × 0,9 см; 11,7 г	**91.13**	**0.54**	**6.37**	_	**1.78**	**0.18**

честве подкладных выпуклых штампов — инструментов с гладкой и плотной поверхностью. Учитывая способ изготовления и литейные дефекты, характерные для слитков, стандартную форму, близкие показатели размера и веса, а также производственный контекст пяти находок, можно предположить, что треугольные предметы с Козмодемьянского-II раскопа являются слитками. По составу металла три из них относятся к свинцово-оловянным бронзам, один – свинцовая латунь с низким содержанием цинка, еще один слиток помимо меди и свинца имеет в составе около 2 % серебра (Таблица 1).

Несмотря на разницу в составе и концентрации легирующих компонентов, они не отличаются по цвету. Вероятно, мастер, изготовивший эти слитки, использовал лом изделий, похожих по цвету и ковкости. Высокое содержание свинца в образцах не мешало использованию маленьких слитков для литья и холодной ковки. Горячая ковка такого металла невозможна без образования трещин красноломкости. Отсутствие аналогий в древнерусском и западноевропейском материале не дает возможности судить о месте производства слитков. В этой связи весьма заманчиво выглядит находка идентичного предмета на Готском раскопе (Рис. 3: 6). Нельзя исключать, что среди товаров, привезенных готландскими купцами, были миниатюрные бронзовые слитки.

Если сравнить данные по химическому составу неревских слитков с диаграммой, отражающей набор сплавов в целом, становится очевидным, что латунное и бронзовое сырье поступало в мастерские Неревского конца преимущественно в виде лома вышедших из употребления изделий или полуфабрикатов — проволоки и пластин. Слитки из этих сплавов встречаются редко. Доля благородных металлов несущественна в обеих выборках (Рис. 4). Следует также заметить, что среди находок из свинцово-оловянных сплавов, исследованных А. А. Коноваловым, оказалось только 2 пробы металла слитков, в действительности их около 10. Это небольшие по размерам бруски, отлитые в каменные, деревянные или земляные изложницы. Учитывая универсальную форму и несложный способ изготовления, определить место их производства — поблизости от рудного источника или в новгородской мастерской — невозможно. Таким образом, среди сырьевых продуктов, имеющих специфическую форму, чаще всего встречаются «чистая» и «грязная» медь. Медные слитки Неревского раскопа представлены преимущественно обрубленными кусками пористого металла разного размера, но среди них есть четыре фрагмента, позволяющие определить, что это части массивных овальных слитков-лепешек с вертикальным бортиком по краю (Рис. 5). Три из них происходят из 22 яруса и датируются второй половиной XI в. В составе металла слитков помимо меди содержится от 1,6 до 3,79 % свинца. По формальным признакам такой металл можно назвать сплавом — свинцовой бронзой, но, по сути, он не получен искусственно путем добавления свинца в медь, а является результатом выплавки из определенных видов руды. Четвертый обломок овального слитка обнаружен в слое второй половины XIV в. и отличается особой чистотой металла, содержание меди в нем составляет 99,7 % (Рис. 5: 2).

На Троицком раскопе найдено 17 сырьевых слитков – вдвое меньше, чем на Неревском. Их хронологическое рас-

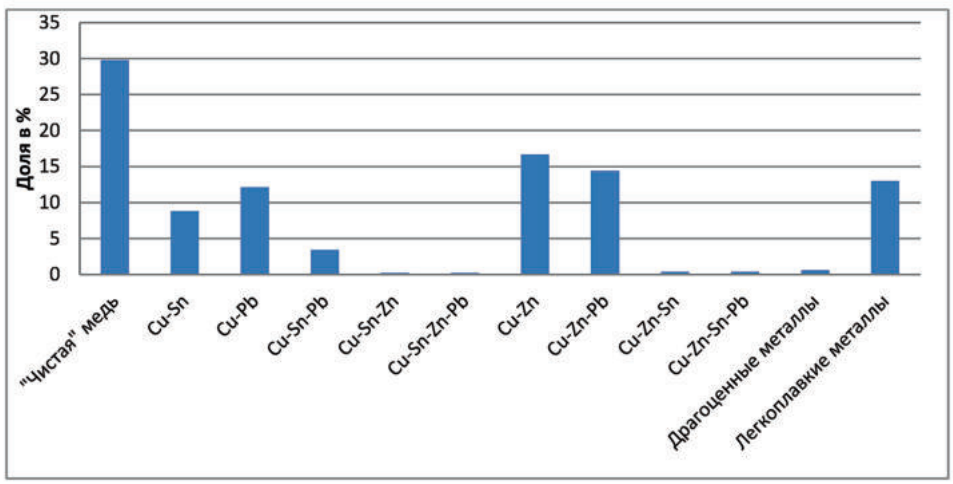


Рис. 4. Распределение проб изделий с Неревского раскопа по типам сплавов

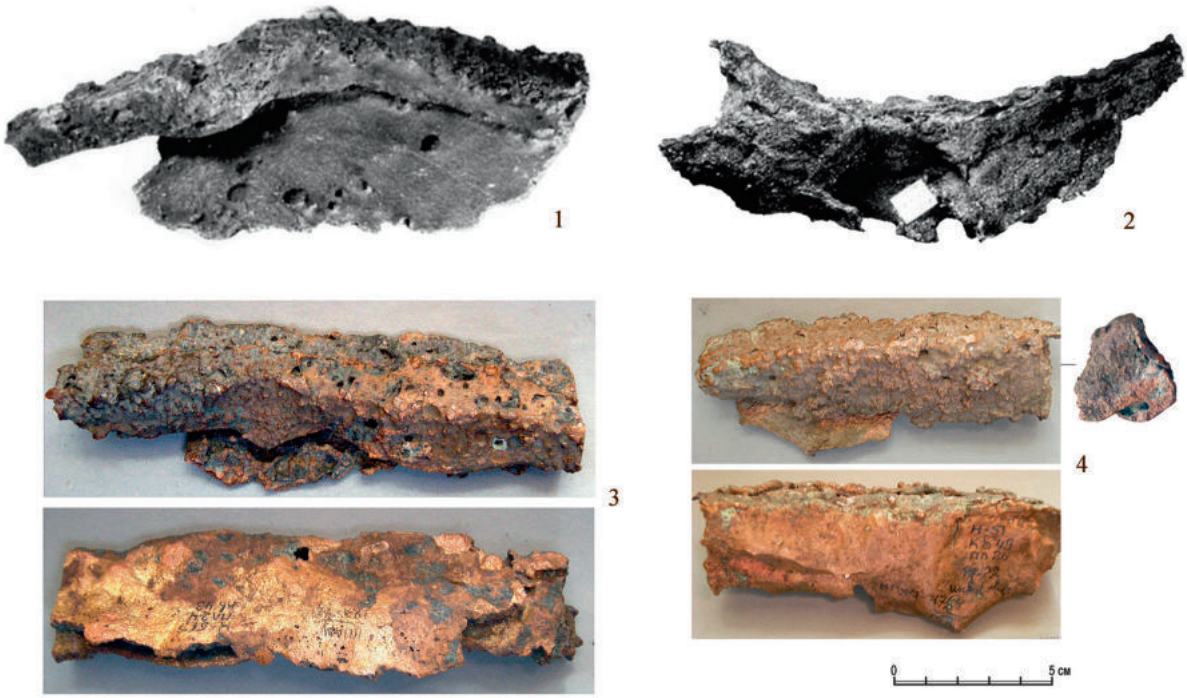


Рис. 5. Фрагменты слитков-лепешек с бортиком по краю с Неревского раскопа (химический состав металла в %): 1 – 22-26-500 (Cu – 98,14; Ag – 0,03; Bi – 0,03; As – 0,2; Sb – 0,16; Ni – 0,015); 2 – 7-8-1073/1083 (Cu – 99,69; Pb – 1,6; Ag – 0,02; Bi – 0,015; As – 0,03; Sb – 0,16; Ni – 0,025); 3 – 22-26-49 (Cu – 96,33; Pb – 3,44; Ag – 0,13; Sb – 0,1); 4 – 22-24-43 (Cu – 96,21; Pb – 3,79)

пределение отличается от общей новгородской картины — большая часть находок приходится на вторую половину XII в. (Рис. 6).

Существенное расхождение данных связано с тем, что практически все слитки этого периода происходят из комплекса усадьбы «А»: во второй половине XII в. на этой территории процветало ювелирное производство. Здесь обнаружены инструменты для литья и пластической деформации, отходы, сырьевые продукты, полуфабрикаты и заготовки изделий. Большая часть находок производственного характера связана с деятельностью открытой на этой усадьбе художественной мастерской новгородского священника и художника Олисея Петровича Гречина, которая начинает функционировать на рубеже 80–90-х гг. XII в., переживает пожар 1194 г. и разрушается во время пожара 1209 г., просуществовав около 20 лет[30].

Среди слитков с усадьбы «А» преобладают экземпляры из сплава свинца и олова, «грязная» медь, олово и серебро представлены единичными образцами (Рис. 7).

Серебряный слиток в виде бруска весом около 196 г, возможно, использовался как платежное средство. Однако производственный контекст находки не исключает его связи с ювелирным ремеслом: в этом комплексе обнаружены многочисленные фрагменты тиглей с остатками золота и серебра и другие свидетельства обработки драгоценных металлов[31]. Слитки из легкоплавких металлов имеют форму брусков треугольного сечения и округлых палочек разной длины. Есть среди них и более массивные экземпляры

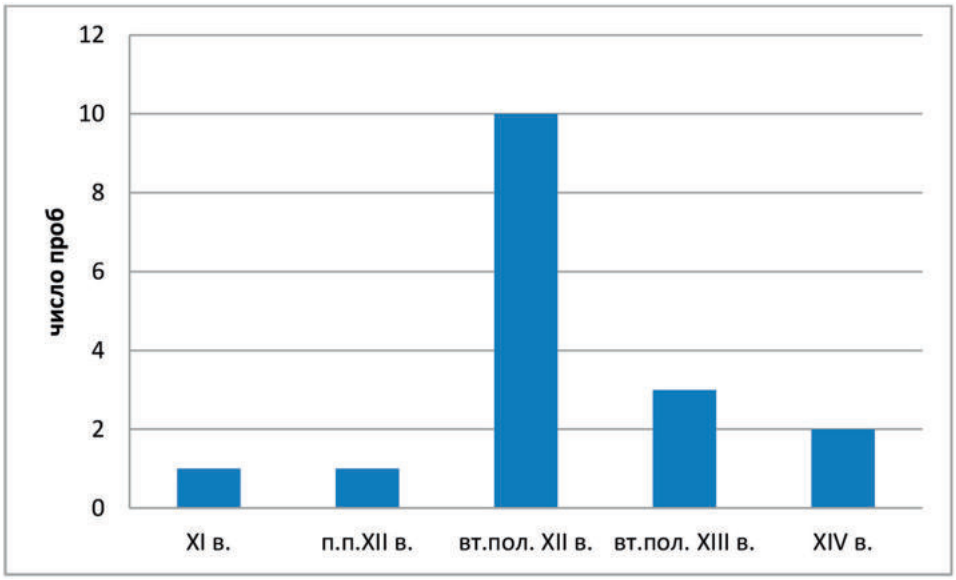


Рис. 6. Хронологическое распределение слитков на Троицком раскопе

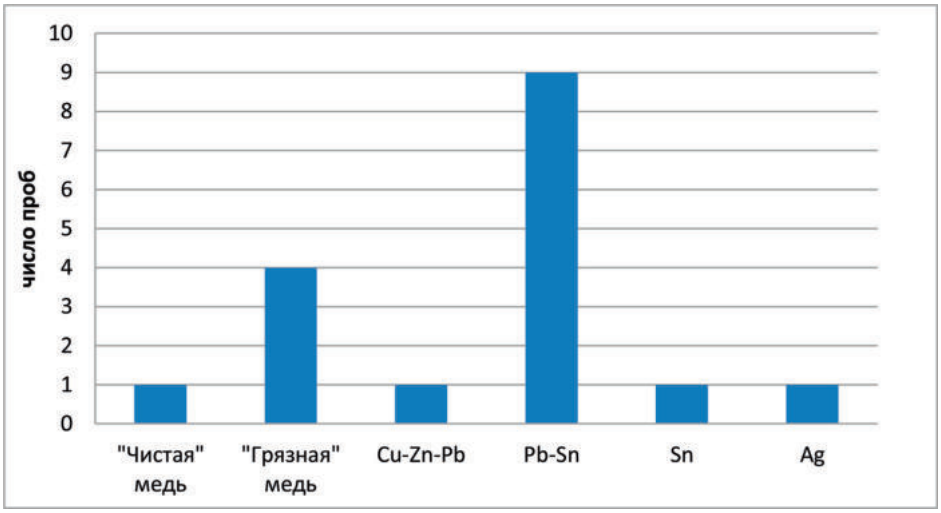


Рис. 7. Распределение слитков Троицкого раскопа по типам сплавов

Рис. 8. Легкоплавкие слитки с Троицкого раскопа. 1 – 16-254-35 (Cu – 2,02; Sn – 42,1; Pb – 55,8); 2 – 18-243-2 (Cu – 1,77; Pb – 98,23)

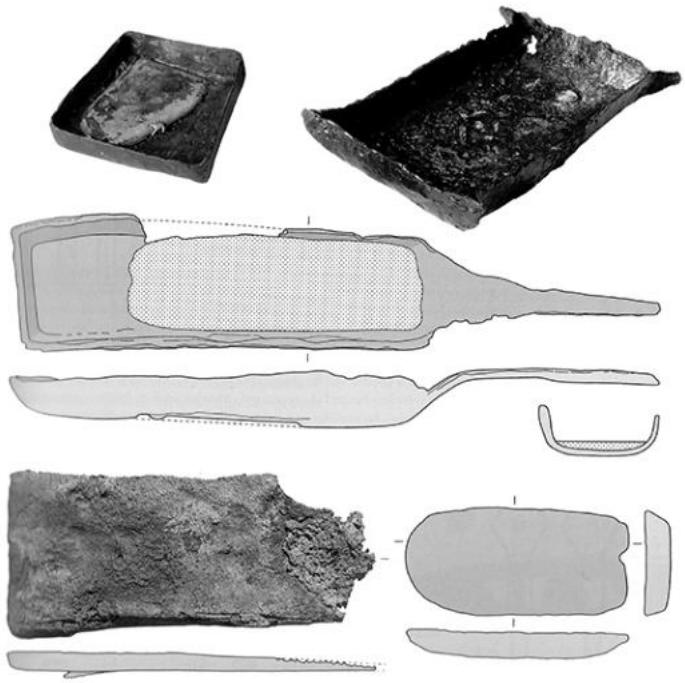


Рис. 9. Железная прямоугольная изложница для производства легкоплавких слитков с отогнутым бортиком (по: *Schietzel K.* Spurensuche Haithabu, Dokumentation und Chronik 1963–2013. Neumünster/Hamburg, 2014. P. 417)

прямоугольной формы, у одной из таких находок тонкий бортик по периметру. Он образовался в результате усадки металла, остывавшего в железной изложнице, известной нам по описанию Теофила (Рис. 8: 1, 2). Прямоугольная железная изложница с «лепешкой» застывшего свинца/олова внутри происходит из раскопок Хедебю в Северной Германии (Рис. 9)[32].

При сравнении гистограмм распределения слитков и изделий Троицкого и Неревского раскопов очевидна разница в наборе сплавов. Среди троицких слитков всего один образец из «чистой» меди, группа медных изделий насчитывает менее 10 предметов. «Грязная» медь/свинцовая бронза представлена в обеих выборках в практически одинаковых пропорциях. «Грязную» и «чистую» медь в мастерских Людина конца использовали для изготовления украшений, церковной утвари, сосудов и других изделий[33].

Таким образом, троицкие сырьевые слитки не отражают разнообразия сплавов, зафиксированного в общей выборке (Рис. 10). Например, наиболее популярные в X–XII вв. латунные сплавы представлены единственным экземпляром (Cu-Zn-Pb) второй половины XI в. с усадьбы «Д». Он был обрублен и изогнут в процессе использования (Рис. 11). «Спинка» слитка выпуклая округлая, на «брюшке» — глубокая усадочная раковина и другие признаки литья в открытую форму, характерные для североевропейской производственной традиции.

Фрагмент массивного обрубленного и прокованного слитка из «чистой» меди обнаружен на усадьбе «А» в слое второй половины XIV в. (Рис. 12). К этому же периоду от-

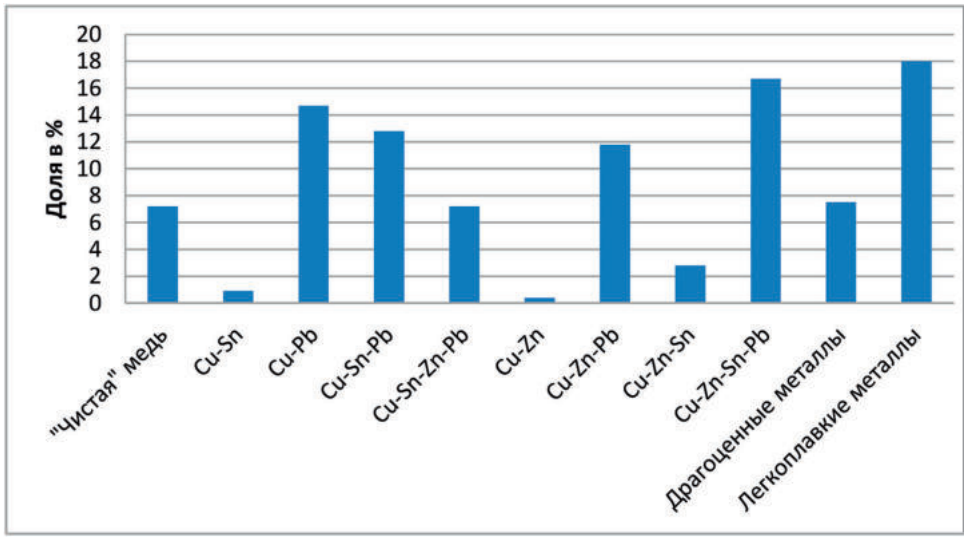


Рис. 10. Распределение проб изделий с Троицкого раскопа по типам сплавов

Рис. 11. Изогнутый латунный слиток с усадьбы «Д» Троицкого раскопа, 21-165-227 (Cu – 84,82; Sn – 0,06; Pb – 4,04; Ag – 0,08; As – 0,28; Sb – 0,31)

Рис. 12. Обрубленный и прокованный слиток с усадьбы «А» Троицкого раскопа, 5-103-32 (Cu – 98,99; Pb – 0,7; Ag – 0,31)

Рис. 13. Фрагмент слитка-лепешки с бортиком по краю с усадьбы «Е» Троицкого раскопа, 6-580-62 (Cu – 94,03; Pb – 5,48; As – 0,15; Sb – 0,34)

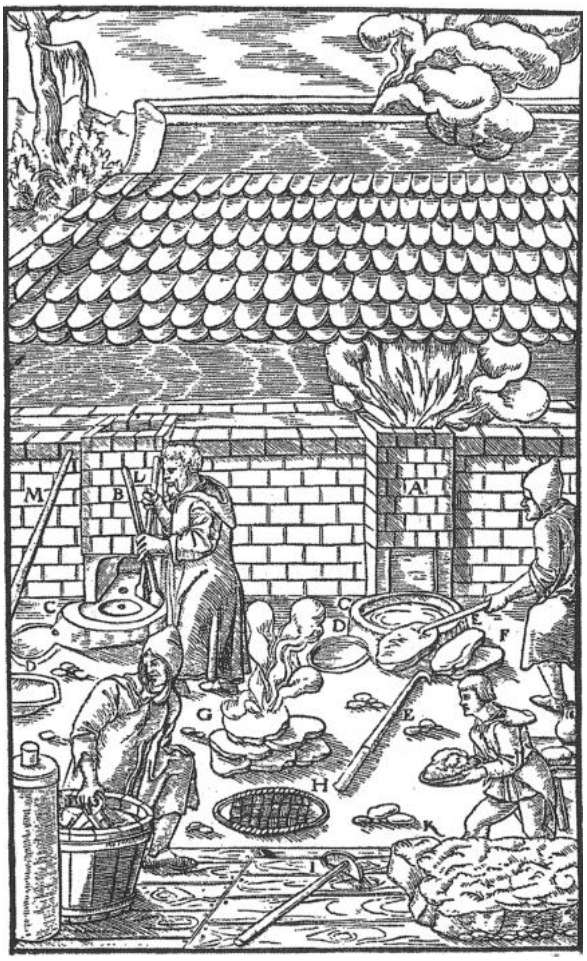


Рис. 14. Гравюра из трактата Г. Агриколы, изображающая процесс получения слитков в предгорновых ямах (по: *Agricola G.* De Re Metalica. Book IX. P. 385)

Рис. 15. Доска Аннабергского алтаря с изображением печи с предгорновым резервуаром (по: *Buschmann W.* Der Annaberger Bergaltar – Vonden Bergleuten und ihrem Maler Hans Hesse. Berlin, 1982)

Рис. 16. Слитки черновой меди из раскопа на набережной Александра Невского в Новгороде (по: *Гайдуков П.Г., Олейников О.М.* К вопросу об источниках сырья на новгородском рынке цветных металлов в XV веке // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2014. Вып. 28. С. 263–266. Рис. 1: 1–3)

носится бортик овального слитка-лепешки с усадьбы «Е» (Рис. 13). В отличие от синхронного неревского экземпляра, в его металле содержится более 5 % свинца и довольно значительные примеси мышьяка и сурьмы.

Оценивая информацию о слитках с Неревского и Троицкого раскопов, в целом можно заключить, что найденные там слитки-бруски и слитки-палочки из меди, латуни, свинцово-оловянных сплавов и серебра являлись продуктами многократных переплавок металла. Вероятно, часть из них, например, латунные экземпляры XI–XII вв., попали в Новгород благодаря торговле с Готландом или Прибалтикой. Однако основная масса медно-цинковых сплавов, преобладающих в новгородской цветной металлообработке до конца XII в., поступала в виде лома и проволоки. В более позднем источнике — сочинении Иоганна Кильбургера конца XVII в., посвященном русской торговле, — сообщается, что лом цветных металлов принимали на вес и измеряли различными емкостями: бочками, ларями, коробами. Желтую медь — латунь — привозили только в изделиях[34].

Местные мастера могли загружать вторичное сырье в тигли или подвергать его механической обработке, ничего не добавляя. В то же время, в зависимости от технологических задач и необходимости экономить более ценное сырье, они разбавляли лом «чистыми» медью, оловом или свинцом. Известно, что на всех европейских рынках металлов свинец стоил дешевле, чем более редкое олово,

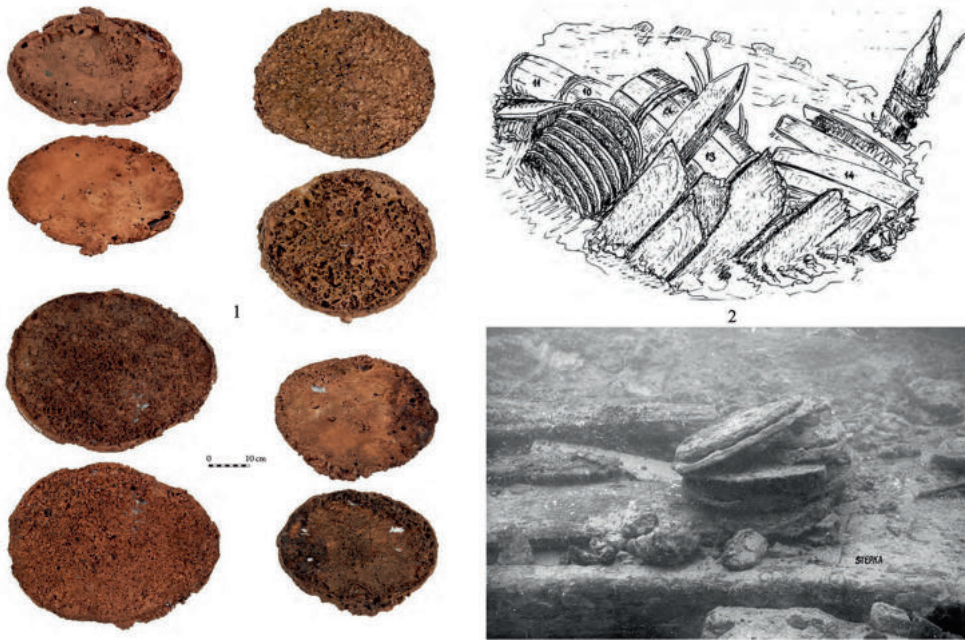


Рис. 17. Груз «Медного» корабля из Гданьска: 1 – медные слитки; 2 – расположение слитков стопками среди других грузов на корабле

а медно-цинковые сплавы и бронзы ценились выше, чем «грязная» или «чистая» медь[35]. Таким образом, использовать слитки из перемешанного лома для определения рудных источников металла даже с помощью свинцово-изотопного метода невозможно.

Хорошие перспективы для определения происхождения сырья открывают слитки, полученные при непосредственной выплавке металла из руды. До недавнего времени они были представлены небольшими фрагментами в материалах Неревского и Троицкого раскопов. О целых экземплярах весом от 2 до 18 кг известно по находкам из Германии, Норвегии, Швеции и Латвии XI–XVI вв.[36] Процесс выплавки меди из руды подробно описан в трактате Георгия Агриколы «О горном деле и металлургии», изданном впервые на латыни в 1556 г.[37] Массивные овальные или округлые медные слитки с бортиком — «ковриги» — получали в предгорновых резервуарах, имеющих форму углубленной чаши, утрамбованной песком. Яма располагалась под выпускным отверстием, в процессе выплавки металла оно было запечатано пробкой из глины, смешанной с угольной пылью. Агрикола пишет, что предгорновая яма могла соединяться с более мелким резервуаром, расположенным ниже. Туда попадал более чистый металл, освобожденный от шлаков. Плавка продолжалась «три дня и три ночи», каждый плавильщик работал по 12 часов подряд. В предгорновой яме всегда поддерживалась высокая температура, а выходное отверстие было закрыто лишь короткое время. Плавильщик вскрывал его ломом, и расплавленная черновая медь стекала в яму. Благодаря бортику остывший металл в виде слитков было легче перемещать с помощью клещей. Изображения печей с выпускными резервуарами, застывающим металлом и готовыми слитками-«ковригами» есть на гравюрах, иллюстрирующих трактат Агриколы (Рис. 14), а также на одной из досок «Алтаря горняков» 1521 г. из церкви в саксонском городе Аннаберге (Рис. 15)[38].

В дальнейшем черновая медь, загрязненная рудными примесями, могла подвергаться рафинировке, очистка металла заключалась в удалении шлаков посредством добавления флюсов и многократных переплавок (7–8 раз), но на рынки металлов поступали и неочищенные слитки. Из слоя XV в., исследованного в припортовой зоне на Торговой стороне в Новгороде (раскоп на набережной Александра Невского), происходят два целых (12 и около 18 кг) и один обломок черновой меди (Рис. 16) с высоким содержанием никеля (от 1,32 до 14,5 %), мышьяка (от 0,46 до 5,66 %), сурьмы (от 0,51 до 2,14 %) и свинца (1–7 %). По данным свинцово-изотопного анализа их происхождение можно связывать с колчеданными и полиметаллическими восточно-альпийскими месторождениями[39]. В этой горнорудной области в XV в. тонны меди добывали ежегодно в Тироле (месторождения Швац-Брикслегг и Кицбюэль), а также в Миттерберге в районе Зальцбурга, где сосредоточены наиболее крупные проявления медного оруднения Восточных Альп. Медно-никелево-кобальтовые руды Миттерберга разрабатывались с перерывами с эпохи бронзы. Достоверно известно о добыче здесь руды и выплавке металла в XIV–XV столетиях[40].

В XIV–XV вв. заметную роль в европейской торговле металлами играла венгерская медь. Ее добывали в Словацких Татрах в районах Банска Бистрица, Банска Штявница и Кремница. С XIII в. добыча руды, выплавка и сбыт металла этого региона находились под контролем венгерской короны[41]. С начала XIV в. интенсивно разрабатывались медные и полиметаллические руды Нижней Силезии[42].

Слитки меди из Восточных Альп, Западных Карпат и Нижней Силезии поступали на самый большой в Центральной Европе рынок металла в Кракове. С XIV в. Краков — один из четырнадцати наиболее могущественных Ганзейских городов, получивший название «Kupferhaus», отражающее его роль в крупномасштабной транзитной торговле металлами от Фландрии до побережья Черного моря. На Рыночной площади Кракова во время раскопок 2005–2006 гг. открыты торговые и производственные помещения Большой Весовой палаты, известной по многочисленным письменным документам. Весовая палата име-

ла торговые привилегии, устанавливала правила, вводила и контролировала налоги, гарантировала качество продаваемого металла и его вес. Среди сооружений Весовой палаты обнаружены плавильни и склады металла, в числе находок есть целые и фрагментированные овальные слитки-лепешки черновой меди, в составе которой зафиксированы высокие концентрации мышьяка, сурьмы и свинца [43].

Из Кракова металл доставляли в Торунь, там загружали слитки на речные корабли и по Висле доставляли в Гданьский порт, откуда они попадали на рынки стран, торговавших с Ганзейским союзом. Масштаб торговли медью и другими металлами становится понятным при знакомстве с материалами раскопок так называемого «Медного» корабля, который затонул у побережья Гданьска в начале XV столетия. Исследованное в 1969–1975 гг. 15-метровое клинкерное судно перевозило дубовые доски, бочки со смолой, воск, железную руду и полуфабрикаты, а также овальные слитки-лепешки — 226 слитков весом более 1361 кг. «Ковриги» рафинированной меди весом около 6 кг каждая были сложены одна на другую и располагались на корабле стопками в разных помещениях среди других товаров (Рис. 17: 1, 2). Вероятно, эти грузы, включая металл, принадлежали разным торговцам [44].

Не исключено, что в XIV–XV вв. медь из месторождений Центральной Европы попадала в Новгород через Краков и Гданьск. В пользу этого предположения свидетельствует и находка четверти (вес 151,3 кг) огромной чушки свинца, найденной на Ильинском раскопе в слое XIV в. Вес целого слитка превышал 600 кг. Плоско-выпуклая форма находки указывает, что он получен в углубленной предгорновой яме после выпуска металла из плавильной печи. На плоской поверхности слитка обнаружены клейма польского короля Казимира Великого, время правления которого (1333–1370 гг.) хорошо согласуется со стратиграфической датой находки [45]. Судя по примесям, зафиксированным в металле слитка (As, Sb), свинец был выплавлен из богатых полиметаллических руд Силезско-Краковского региона, самые крупные месторождения разрабатывались с XIII в. поблизости от Кракова — в Бытоме, Славкове и Олькуше.

Слитки свинца разного размера и формы были найдены во время раскопок Большой Весовой палаты в Кракове. Среди них отсутствуют экземпляры стандартных размеров и веса, т. к. эти параметры варьировали в зависимости от формы и глубины выпускного резервуара. На некоторых массивных кусках свинца есть отметки, обозначающие вес или знак владельца. Известно, что большие слитки весом в несколько центнеров закупали в Кракове оптом, а затем торговцы делили их на половины, четверти (secatio plumbi) и более мелкие порции, самое мелкое дробление называлось «порубить на бигос». Из Кракова через Торунь польский свинец попадал в ганзейские порты Гданьск и Любек. Известно, что свинцовые слитки брали на корабли не только как товар, но и в качестве балласта [46]. Свинец из Польши находил применение не только в новгородских мастерских для изготовления дешевых украшений, бытовых предметов или очистки серебра в процессе купеляции. Значительное увеличение ввоза свинца в XIV–XV вв. вызвано необходимостью использовать металл для покрытия церквей.

Медные, латунные, серебряные и свинцово-оловянные слитки являются ценным источником информации о путях поступления металла в ювелирные мастерские Новгорода. Результаты их исследования дают дополнительные аргументы для выводов и наблюдений о динамике изменений в источниках сырья на протяжении нескольких столетий и расширяют наши представления о торговых связях города. Смешение металла из различных источников не дает возможности разделить сырье, использованное новгородскими ювелирами в готовом виде, и собственные рецепты мастеров, добавляющих в тигли компоненты сплава в определенных пропорциях. Тем не менее сырьевые слитки являются наиболее перспективным материалом для реконструкции цепочки операций от разработки руды до производства и распространения металла. Анализ морфологических особенностей слитков и их химического состава дает надежные основания для суждений о средневековых рынках металлов и торговых связях, дополняя и уточняя письменные свидетельства.

---

[1] *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 231–237.
[2] Там же. С. 229, 231.
[3] *Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров // МИА СССР. № 117. М., 1963. С. 206–207.
[4] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. С. 312.
[5] *Коновалов А.А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XVвв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М., 2008.
[6] *Голубева Л.А.* Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4. С. 76–79.
[7] *Craddock P.T.* Metalworking techniques //«The work of Angels» Masterpieces of Celtic Metalwork, 6th – 9th centuries AD. London, 1989.
[8] *Sindbæk S.M.* Ruter og rutinisering: Vikingetidens fjernhandel i Nordeuropa. København, 2005. S. 52–69.
[9] *Давидан О.И.* Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21. С. 65; *Кирпичников А.Н., Ениосова Н.В.* Литейные формы для слитков из Старой Ладоги // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 294–295.
[10] *Дайга Й.В.* К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. 1960. № 3. С. 91.
[11] *Salmo H.* Det första fyndet av brontackor i Finland. Helsingfors, 1953. S. 10–12.
[12] *Мурашева В.В.* «Книга путей и стран» (Алпатьевский клад) // Славяне и иные языци... К юбилею Н.Г. Недошивиной. Труды ГИМ. М., 2014. Вып. 198. С. 122–123.
[13] *Леонтьев А.Е.* Археология мери. М., 1996. С. 206–210.
[14] *Голубева Л.А.* Указ. соч. С. 79–82.
[15] *Белавин А.М.* Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 145.
[16] *Bayley J., Cotton J., Rehren T. & Pernicka E.* Saxon brass bar ingot cache from Kingsway, London // Hidden Histories and Records of Antiquity' Essays on Saxon and Medieval London for John Clark, Curator Emeritus, Museum of London. London: LAMAS (Special Paper 17). P. 121–128.
[17] *Bayley J.* Non-ferrous Metalworking from Coppergate // The Archaeology of York. The Small Finds. 17/7. London. 1992. P. 781.
[18] *Hawthorne J.G.& Smith C.S.* Theophilus. On Divers Arts. Chicago, 1979. P. 144.
[19] Ibid. P. 93.
[20] *Кирпичников А.Н., Ениосова Н.В.* Указ. соч. С. 295.

[21] *Hårdh B.* Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study. Stockholm, 1996. P. 142.
[22] *Рындина Н.В.* Указ. соч. С. 206.
[23] Там же. С. 207, рис. 2:1.
[24] *Forshell H.* The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992. P. 27; *Rehren T.* «The same... but different»: A juxtaposition of Roman and Medieval brass making in Central Europe // Metals in Antiquity. BAR International Series 792. Oxford, 1999. P. 254.
[25] *Енисова Н.В., Митоян Р.А., Сингх В.К.* Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли (в печати).
[26] Там же.
[27] Включая 6 слитков, опубликованных Н.В. Рындиной.
[28] *Коновалов А.А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Указ. соч. С. 47, 48.
[29] *Степанов А.М., Петров М.И., Тарабардина О.А., Покровская Л.В.* Исследования на Козмодемьянском II раскопе в Новгороде // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2006. Вып. 20. С. 16–27.
[30] *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 114–135.
[31] Там же. С. 114–115; *Енисова Н.В., Ререн Т.* Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения-3. Великий Новгород, 2011. С. 250–251.
[32] *Schietzel K.* Spurensuche Haithabu, Dokumentation und Chronik 1963–2013. Neumünster/Hamburg, 2014. P. 417.
[33] *Енисова Н.В., Митоян Р.А., Сингх В.К.* Указ. соч.
[34] *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 312.
[35] *Dungworth D., Egan G.* Copper, Tin and Lead Alloys in Early Post-Medieval London // Proceedings of the 33rd Intern. Symposium on Archaeometry, 22–26 April 2002. Amsterdam, 2005. P. 323; *Бакс К.* Богатства земных недр. М., 1986. С. 128.
[36] *Svarane D.* Krósainú metàla darinújumui zejmateriĝli Latvijà 10.–12. Gs. // Arheologija un Etnogràfija. XVII. Riga, 1996. S. 105–107; *Forshell H.* The inception of copper mining in Falun // Arkeologiska Forskning labaratoriet. Stockholms Universitet. 1992. P. 73–83; *Rehren T.* 'Kupfervom Tor zur Welt' // Kissipenny und Manilla: Geld und Handel im alten Afrika. Duisburg, 1995. S. 59–64.
[37] *Hoover H.C., Hoover L.H.* Introduction // Georgius Agricola. De Re Metallica. NY., 1950. P. XVII.
[38] *Agricola G.* De Re Metalica. Book IX. P. 385; *Buschmann W.* Der Annaberger Bergaltar – Von den Bergleuten und ihrem Maler Hans Hesse. Berlin, 1982.
[39] *Гайдуков П.Г., Олейников О.М.* К вопросу об источниках сырья на новгородском рынке цветных металлов в XV веке // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2014. Вып. 28. С. 263–266.
[40] *Хольцер Х.* Австрия // Минеральные месторождения Европы. Центральная Европа. М., 1988. С. 42–44.
[41] *Поуба З., Илавский Я.* Минеральные месторождения Чехословацких Карпат // Минеральные месторождения Европы. Центральная Европа. М., 1988. С. 219–220.
[42] *Осика Р.* Польша // Минеральные месторождения Европы. Центральная Европа. М., 1988. С. 110–112.
[43] *Garbacz-Klempka A., Rzadkosz S.* Metallurgy in Middle Ages. Raw materials, tools and facilities in source materials and metallographic research // ZBORNÍK PREDNÁŠOK z medzinárodnej konferencie Argenti fodina. Banska Štiavnica, 2014. P. 99–105.
[44] *Ossowski W.* The Copper's Ship cargo // The Copper Ship. A Medieval Shipwreck and its cargo. Gdańsk, 1914. P. 241–246.
[45] *Янин В.Л.* Находка польского свинца в Новгороде // СА. 1966. № 2. С. 324.
[46] *Molenda D.* Polski ołów na rynkach Europy Środkowej w XIII–XVII wieku. Warszawa, 2001. P. 21–44.

В.С. Житенев

Возраст палеоантропологических находок из Игнатиевской пещеры

Игнатиевская пещера расположена в Катав-Ивановском районе Челябинской области, на правом берегу р. Сим, в 8 км от д. Серпиевка.

Вход в пещеру — арочной формы (высота — 12 м, ширина — 12 м), находится на высоте 12 м над уровнем р. Сим, в горе Ямазы-Таш. Склон (40–50°) от реки к пещере до 2005 г. представлял собой «обнажение известняка, частично перекрытое рыхлыми отложениями, — результат выноса из пещеры» [1]. Однако во время очень мощного весеннего паводка 2005 г. эти отложения были практически полностью смыты.

Общая длина ходов Игнатиевской пещеры составляет, по последним данным, 801 м (личн. сообщ. И.Ю. Бодунова, С.М. Баранова, 2016 г.). Пещера — коридорного типа, относится к этажным карстовым полостям, являясь системой галерей и залов на двух гипсометрических уровнях, разработанных «по тектоническим трещинам на северо-запад и восток», «последнее направление представлено короткими соединительными ходами между параллельными галереями, образующими замкнутые кольцовки. В дальней части пещеры — круто уходящий наверх широкий лаз, разработанный по межпластовой трещине. Характер отложений говорит о близости этого участка к поверхности. В остальной части пещера горизонтальная» [2].

Впервые в научной литературе Игнатиевская пещера была описана академиком П.С. Палласом, который посетил в 1770 г. оба яруса, составил их описание, а также обнаружил антропологические материалы [3]. Первый пункт их сосредоточения располагался в т.н. Правом гроте — северо-восточном ответвлении на границе Входного грота и Входного коридора, откуда начинается Боковой коридор, ведущий в Большой зал. «Сажени за полпяты от стены имеется в правую сторону ... проулок саженей двух ширины, но с начала так низок, что ползти в его надобно. Но три сажени от главнаго ходу он разширяется в пространную палату, коея большей поперечник от С.З. к Ю.В. более пяти сажен, ширины от 3 до 4 ½ сажен, а вышины более сажени. К С.З. продолжается сия палата умаляющимся углом, который обращаясь к западу делает кривизну к низу и кончится глубокою яминою, пред которою лежит большой кабан (т.е. глыба — *В.Ж.*), и где мы нашли не только различных зверей кости, но и человеческие, в том числе маленькой головной череп» [4].

Следующий пункт, где, по данным П. С. Палласа, были обнаружены антропологические материалы, находится в Южном коридоре (откуда лазы ведут в Дальний зал). «И угол сего зала продолжается далее на лево к Югу ведущим ходом, который с начала три, после две сажени, а наконец становится только несколько аршин шириною; за девять сажен с половиною кончится оный ямою и в глубь идущим скатом, где мы также опять нашли детские и звериные кости» [5].

Первое комплексное изучение Игнатиевской пещеры, включавшее и археологические исследования, провел в 1913 г. С. И. Руденко [6]. С целью изучения рыхлых отложений во Входном гроте была заложена траншея (1,5 на 7,1 м), где в двух слоях были обнаружены культурные остатки, среди которых преобладали фрагменты керамики, датируемые эпохами от бронзы до средневековья. Изделий из камня найдено не было. На поверхности Низкого коридора и прилегающих участках был собран значительный вещевой и антропологический материал. Фрагменты глиняных сосудов, железный наконечник стрелы и поделка из кости датируются временем не ранее эпохи бронзы.

«В начале главнаго коридора встречаются барсучьи норы, а в них кости различных животных. Кроме того, много костей встречается в конце грота и в начале пещеры, а, главным образом, в боковых ответвлениях, часть которых мы и собрали... Кроме того, в глубине грота и в начале пещеры (у п. 4–8) (на границе Низкого перехода и начала Основного коридора — *В. Ж.*), а также у восточнаго ответвления, отходящаго от п. 2-го (Правый грот — *В. Ж.*), мною были найдены обломки черепа, нижняя челюсть, крестец и некоторыя другия человеческия кости, принадлежащия взрослым субъектам (двум индивидам) и подростку (лет 10–11)» [7]. Среди материалов из раскопок С. И. Руденко во Входном гроте антропологических останков зафиксировано не было. Примечательно, что никаких упоминаний о красочных пигментах также нет.

В 1951 г. разведочные работы во Входном гроте Игнатиевской пещеры проводила М. А. Бадер [8]. В 1960–1961 гг. во Входном гроте Игнатиевской пещеры возобновились исследования под руководством О. Н. Бадера [9]. В раскопе у северной стены Входного грота были найдены антропологические останки: «фрагмент человеческого черепа (затылочная кость с прилегающими частями теменных), а в другое время еще и обломки локтевой кости человека, лучевой кости, еще один обломок локтевой и фаланга. Кости человека залегали на глубине от 0,30 см до 0,80 см. По мнению Э. А. Вангенгейм, они явно голоценовые (две кости найдены на глубине не свыше 30 см), но более глубокие находки могут указывать на более ранний, плейстоценовый возраст. Г. Ф. Дебец, ознакомившийся с остатками черепа в 1962 г., определил его принадлежность к виду Homo sapiens и, отметив его массивность и ярко выраженный рельеф, считал, что эти черты свойственны в большей мере верхнепалеолитическим, чем более поздним черепам. Вопрос о возрасте черепа остается открытым» [10].

В 1980 г. экспедицией под руководством В. Т. Петрина в Игнатиевской пещере была зафиксирована настенная живопись [11], а сами работы продолжались с 1980 по 1986 гг. Исследования проводились в нескольких направлениях: раскопки и сбор подъемного материала, изучение настенных изображений и отдельно интерьера пещеры. В результате археологических работ на площади пяти раскопов обнаружены культурные остатки, относящиеся к разным эпохам. Важной составляющей работ стало привлечение представителей естественнонаучных специальностей для проведения комплексного анализа полученных в ходе исследований материалов.

Антропологические останки были найдены в Низком переходе во время работ по сборам археологического материала с поверхности пола пещеры. В. Т. Петрин уточняет, что череп ребенка 6–7 лет, обнаруженный на уровне 1 горизонта IV раскопа (Низкий переход), «лежал на боку, теменная и лицевая части очень разрушены, зубы сохранились лишь частично, нижняя челюсть отсутствует» [12]. Следует отметить, что «внутри черепа в заполнившей его почве находились также два фрагмента диафизов длинных костей, не поддающихся определению. Один из них имеет рубленый след. Фрагменты могли принадлежать взрослому человеку» [13]. Кроме того, на том же квадрате и горизонте, где был найден череп, зафиксированы и другие антропологические останки, в том числе «фрагмент верхней челюсти взрослого человека», «причем на месте корня правого скулового отростка имеется рубленый след. Создается впечатление, что фрагмент верхней челюсти был вырублен из черепа» [14].

В Низком переходе было обнаружено 163 фрагмента керамики [15]. Подавляющее большинство керамики из Низкого перехода относится к межовской культуре бронзового века. В целом «керамический комплекс Игнатиевской пещеры включает в себя керамику пяти типов: чераскульско-межовского, гафурийского, кушнаренковского, сылвинского и русского» [16]. Развал русской керамики обнаружен в Дальнем зале, где, по свидетельству С. И. Руденко, находились «развалины избушки. Говорят, что здесь жили келейники или, как их называют на Урале, „труженики“, — люди, бежавшие от преследования местных властей» [17].

Обобщая известные данные по находкам антропологических материалов в Игнатиевской пещере, В. Т. Петрин пишет: «Кости человека были сосредоточены в Низком переходе и на примыкающих к нему участках Входного грота и Основного коридора. Кстати, в этой же зоне в 1968 г. юные спелеологи г. Свердловска нашли почти полный скелет человека» [18].

В 2014 г. опубликованы результаты прямого радиоуглеродного датирования антропологических материалов из раскопок В. Т. Петрина [19]. «Для установления возможной связи антропологических находок с археологическим материалом проведено прямое C^{14}-датирование кости из раскопа IV и черепа, обнаруженного на поверхности в Низком переходе, методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS)» [20]. Получена только дата по детскому черепу: 3200 ± 45 л. н. (AA 90657) (1510–1430 гг. до н. э.) [21].

Следует отметить, что красочные пигменты при исследовании рыхлых отложений Игнатиевской пещеры экспедицией В. Т. Петрина были зафиксированы только в верхнепалеолитическом слое зоны святилища — Большом зале, на стенах которого расположено большинство изображений красного цвета [22].

Таблица 1.
Результаты AMS C^{14}-датирования палеоантропологического материала из Игнатиевской пещеры

Адрес образца	Материал	Лаб. индекс и номер	C^{14} дата, л. н. (BP)	календарный возраст, (гг. до н. э.)	pMC (%)	$\delta^{13}C$ (‰)	Источник
Игнатиевская пещера, Низкий переход	кость человека, детский череп	AA 90657	3200 ± 45	1510–1430 гг. до н. э.	42,0	–21,0	Нохрина и др., 2014. С. 63
Игнатиевская пещера, Большой зал	кость человека, фрагмент детского черепа	AAR-24196	3152 ± 34	68,2 % вероятность 1494–1399 гг. до н. э. 95,4 % вероятность 1501–1308 гг. до н. э.	67,54	–28,0	представленная работа

С 2009 г. полевые археологические исследования в Игнатиевской пещере проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ имени М. В. Ломоносова.

До 2016 г., когда был перекрыт основной поток несанкционированных посещений неорганизованными группами туристов, неприятным, но, к сожалению, постоянным фактом были следы незаконных раскопок в пещере[23]. В выкидах встречались как кости животных, так и людей. В 2014 г. в одной из таких ям в Большом зале был обнаружен фрагмент черепа человека. По определению с. н. с. НИИ и Музея антропологии МГУ к. б. н. Д. В. Пежемского, находка представляет собой «фрагмент затылочной кости человека (*os occipitale*) — верхняя часть правой половины чешуи (область верхней затылочной ямки), которая разломилась несколько правее сагиттальной линии, так как наружный бугор и внутренний выступ не представлены на фрагменте, и чуть ниже верхней выйной линии; хорошо видна борозда поперечного синуса и сложная компликация небольшого участка затылочного шва. Судя по толщине кости и особенностям наружной поверхности, фрагмент принадлежит черепу ребенка возраста первого детства — старше 3-х лет, но вряд ли старше 7–8 лет». Фрагмент черепа был оставлен «копателями» в небольшой ямке, вскрывшей первый литологический гумусированный горизонт, время накопления которого соответствует голоценовой эпохе. Никаких иных культурных остатков — фрагментов керамики, предметов каменной индустрии, древесных углей, охры и т. д. — рядом зафиксировано не было.

По фрагменту этого черепа в Центре AMS радиоуглеродного датирования Института физики и астрономии Орхусского университета (Дания) методом ускорительной масс-спектрометрии была получена дата: 3152 ± 34 л. н. (AAR-24196). Наиболее вероятным календарным возрастом (68,2 %) является интервал 1494–1399 гг. до н. э., с вероятностью 95,4 % интервал расположен между 1501 и 1308 гг. до н. э.

Очень близкие результаты (полученные в разных лабораториях) прямого датирования палеоантропологических материалов из разных отделов Игнатиевской пещеры позволяют сделать предварительный вывод об археологически синхронном попадании костных останков людей в рыхлые отложения подземной полости (Таблица 1). Керамический комплекс чераскульско-межовского типа, о наличии которого сообщает А. Ф. Шорин[24], в целом соотносится с полученными датировками.

Таким образом, антропологические останки голоценового возраста в большинстве своем сосредоточены во входных отделах Игнатиевской пещеры. За одним исключением — «детские кости», о которых сообщает П. С. Паллас, были найдены в Южном коридоре Большого зала. В некоторых случаях, возможно, рыхлые отложения входных отделов пещеры в большей степени подверглись биогенным нарушениям, в результате чего на поверхности оказывалось большее количество антропологических останков. Кроме того, степень изученности входных отделов по масштабам проведенных работ значительнее, нежели внутренних частей пещеры. Открытие фрагмента черепа ребенка увеличивает известную площадь распространения палеоантропологических материалов на памятнике.

В свете дискуссии о возрасте настенных изображений Игнатиевской пещеры важными представляются наблюдения об отсутствии даже малейших крупинок красного пигмента в контексте с голоценовыми палеоантропологическими находками.

Известные аналогии в регионе (включая Капову пещеру), имеющиеся в Игнатиевской пещере археологические материалы и первые данные радиоуглеродного датирования позволяют подтвердить ранее высказанное мнение[25] о бытовании (распространении) в среднем и позднем бронзовом веке (во второй половине II тыс. до н. э.) горно-лесной зоны Южного Урала специфического погребального обряда в пещерах, связанного, по всей видимости, в т. ч. и с носителями чераскульской и межовской археологических культур.

В заключение выражаю глубокую признательность Э. Виллерслеву и А. Маргаряну (Копенгагенский университет, Музей естественной истории Дании) за помощь в проведении датирования. И глубокую благодарность за многолетнюю помощь и поддержку приношу Л. Л. Пядышевой (Серпиевский государственный природный комплексный заказник, ОГУ «Особо охраняемые природные территории Челябинской области»).

[1] *Петрин В. Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. С. 14.
[2] *Лобанов Ю. Е., Щепетов В. О., Илюхин В. В., Максимович Г. А., Костарев В. П.* Пещеры Урала. М., 1971. С. 43
[3] *Житенев В. С.* Антропологические материалы из южно-уральских памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Х. А. Амирханова. М., 2011. С. 462–472.
[4] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2, кн. 1: 1770 г. СПб., 1786. С. 53.
[5] Там же. С. 56.
[6] *Руденко С. И.* Лаклинская и Игнатиева пещеры Южного Урала // Труды Общества землеведения при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1914. Т. 3. С. 1–15.

[7] Там же. С. 13.
[8] *Бадер О.Н.* Следы палеолита в пещере Ямазы-таш (Игнатиевской) на Южном Урале // Первобытная археология — поиски, находки. Киев, 1980. С. 63–70.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 69.
[11] *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище...
[12] Там же. С. 97.
[13] *Чикишева Т.А.* Антропологические остатки из Игнатиевской пещеры. Приложение № 10 // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище... С. 197.
[14] Там же. С. 198.
[15] *Шорин А.Ф.* Археологические материалы позднего времени (бронзовый век — средневековье) из Игнатиевской пещеры. Приложение № 11 // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище... С. 198–201.
[16] Там же. С. 198.
[17] *Руденко С.И.* Лаклинская и Игнатиева пещеры... С. 12.
[18] *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище... С. 104.
[19] *Нохрина Т.И., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л.* Новые данные по Низкому переходу из Игнатиевской пещеры на Южном Урале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 261–263.
[20] Там же. С. 263.
[21] Там же.
[22] *Житенев В.С.* Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры и археологический контекст красочных пигментов верхнепалеолитических памятников горно-лесной зоны Южного Урала // Исторический журнал: научные исследования. № 6. 2016. С. 792–799.
[23] *Андреев В.М.* Социально-культурный фактор состояния сохранности памятника археологии «Игнатиевская пещера, эпоха палеолита» — итоги мониторинга 2015 г. // Природное и культурное наследие Урала. Материалы VII региональной научно-практической конференции (Челябинск, 2 июня 2016 г.). Челябинск, 2016. С. 12–22; *Житенев В.С., Солдатова Т.Е., Червяцова О.Я.* Мониторинг состояния археологического ансамбля Игнатиевской пещеры в 2009–2012 гг. // Археологические вести. № 20. 2014. С. 364–367; *Широков В.Н.* О современном состоянии Игнатиевской пещеры // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Материалы международной конференции. Кемерово, 2016. С. 280–284.
[24] *Шорин А.Ф.* Археологические материалы... С. 198.
[25] *Житенев В.С.* Антропологические материалы...; *Житенев В.С.* Археологический контекст открытия палеоантропологических материалов в пачке голоценовых напластований Каповой пещеры // Вестник МГУ. Серия 23. № 2. 2014. С. 114–121.

В.И. Завьялов

Оправы стеклянных зеркал из Переяславля Рязанского в археологическом контексте [1]

Елене Александровне Рыбиной принадлежит заслуга атрибуции и введения в научный оборот новой категории артефактов из городов древней Руси — бронзовых и деревянных оправ стеклянных зеркал [2]. Она же и О.А. Фатюнина опубликовали металлические и деревянные оправы стеклянных зеркал, найденные на Житном раскопе в Кремле Переяславля Рязанского (совр. Рязань) [3].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть оправы зеркал из коллекции Житного раскопа в комплексе сопутствующих им находок [4].

Среди оправ стеклянных зеркал наиболее распространены были предметы, вырезанные из дерева. По мнению И. Крюгер, «дерево, несомненно, было самым подходящим материалом для зеркальных оправ» [5].

При раскопках на Житном раскопе в Кремле Переяславля Рязанского найдено 11 деревянных оправ стеклянных зеркал. По типам они относятся к складным (1 экз.), рамочным круглым (6 экз.) и рамочным восьмиугольным (4 экз.).

Диаметр оправ — от 8,5 до 11,5 см. В центре имеется отверстие, либо небольшое, как будто сделанное шилом, либо прорезанное, диаметром около 0,5 см. Отличительной чертой всех предметов является бортик шириной 2–2,4 см, проходящий по периметру круга. Одна оправа, вырезанная из ели (15-32-320), по бортику имеет растительный орнамент черного цвета, выполненный в технике аппликации (Рис. 1: 2). Оправы происходят из напластований XVI (8 экз.) и XV вв. (2 экз.). Отмечу, что именно на XVI в. приходится большинство рамочных оправ, представленных в сводке Е.А. Рыбиной [7].

Материалом для шести оправ послужила древесина пихты, и, по всей видимости, они являются предметами импорта [8]. Древесина пихты мягкая, обладает равномерной желтовато-белой окраской. Кроме того, она имеет красивый белый, иногда с желтым оттенком цвет. Она лишена смоляных ходов и, следовательно, не имеет запаха. По анатомическому строению древесина пихты сходна с елью [9], в связи с чем именно ель использовалась наряду с пихтой при изготовлении рамочных зеркал. Из ели, которая обладает легкой, мягкой и умеренно усыхающей древесиной, вырезаны два предмета.

Фрагмент складной оправы (19-22-8) [6] датируется второй половиной XV – началом XVI в. Она представляет из себя диск диаметром 5,6 см с невысоким (0,5–0,6 см) бортиком, слегка отклоненным наружу по периметру (Рис. 1: 1). Оправа происходит из сооружения № 16. Постройка, сохранившаяся на один венец, представляла сруб, рубленный в обло с остатком из дубовых неошкуренных бревен. Состав находок из этого сооружения, хотя многочислен и разнообразен (здесь представлены ножи, глиняная и деревянная посуда, фрагменты кожаной обуви), не позволяет однозначно охарактеризовать статус и занятия его обитателей.

Рис. 1. Оправы стеклянных зеркал Житного раскопа

Большинство найденных на раскопе оправ связано с сооружением № 12, датируемым серединой XVI в., а три предмета (в том числе и оправа с инкрустацией) найдены непосредственно в этой постройке.

Сооружение № 12 расположено в восточной части раскопа. Оно состояло из сруба, рубленного в обло с остатком, и огороженного дощатым забором двора. Судя по значительной примеси навоза в слое внутри огороженного участка, двор использовался как хлев для скота.

Вещевой комплекс сооружения № 12 включает более 70 индивидуальных находок. Здесь найдено пять глиняных грузил вытянутой сигарообразной и шарообразной формы. Два грузила имели чернолощеную поверхность. С рыболовством связан и небольшой поплавок из сосновой коры дисковидной формы с отверстием в центре. С рассматриваемой постройкой связана находка целой серии сельскохозяйственных орудий. Непосредственно в срубе найден фрагмент серпа и три косы.

Наряду с оправами зеркал к предметам женского обихода относится самшитовый двусторонний гребень прямоугольной формы, линзовидный в сечении.

Из украшений в сооружении № 12 найдено две серьги и височное кольцо. Серьга в виде знака вопроса с хрустальной каплевидной бусиной. Особенностью этого украшения является то, что бусина почти вплотную подходит к дужке. Сверху она фиксируется металлическим шариком. Другая серьга сохранилась плохо. По всей видимости, она имела стеклянную бусину. Височное кольцо представляет

тип перстнеобразных колец, наиболее широко бытовавших на Руси в домонгольское время.

Продолговатая хрустальная бусина из постройки является производственным браком: отчетливо видно, что каналы, просверленные с двух сторон, не совпали.

К предметам роскоши следует отнести три фрагмента (из шести найденных на раскопе) селадоновых сосудов.

Из бытовых предметов импортного происхождения следует отметить нож с накладной рукоятью из самшита. Рукоятка крепилась к пластинчатому черенку ножа при помощи заклепок в виде бронзовых трубочек.

Из сооружения № 12 происходит уникальный предмет — футляр для восковой печати, вырезанный из сосновой коры. Футляр имеет ковшеобразную форму с плоским дном. В овальной части вырезано углубление с неровным дном. Овальная часть плавно переходит в подпрямоугольное оглавие, в котором по высоте предмета прорезано округлое сквозное отверстие. В верхнем торце оглавия проточен паз для пропускания шнура. Узкие пазы проходят от верхнего торца к отверстию с лицевой и тыльной сторон [10].

У западной стены постройки найден фрагмент железной цепи с бронзовым цеперазделителем в форме четырехконечного креста. По форме крест похож на нательные кресты домонгольского времени [11]. Звенья цепи S-овидной формы, округлые в сечении, с концами, загнутыми в одной плоскости. Концы звеньев соединяются со стержнем. Аналогию цеперазделителю в форме креста можно видеть в цепях лампадки или лампы-кадильницы из братской могилы жертв Батыева нашествия в Ярополче Залесском [12].

С сооружением № 12 связан целый комплекс детских игрушек. Они представлены фрагментами цилиндрических погремушек, целой свистулькой-уточкой, фрагментами зооморфных фигурок, деревянными волчками и лодочкой, вырезанной из сосновой коры. Свистулька в форме уточки имеет небольшое тулово с вытянутой вверх головкой и задней (хвост) свистковой частью. В хвосте имеется отверстие, а по бокам — еще два (лады), с помощью которых можно моделировать звук.

Судя по представленному комплексу находок, можно заключить, что среди занятий мужчин, проживавших в сооружении № 12, была рыбная ловля (грузила, поплавки) и сельское хозяйство (косы, серп). В то же время из постройки происходит целый ряд престижных вещей: селадоновая посуда, цепь с бронзовым цеперазделителем, самшитовый гребень и нож с самшитовой рукоятью, футляр для восковой печати, оправа зеркала с инкрустацией. Сюда же следует отнести и оправы рамочных зеркал, вырезанных из пихты. В этой связи уместно напомнить наблюдение Е. А. Рыбиной о том, что в Новгороде оправы зеркал встречены «главным образом на богатых боярских и купеческих усадьбах» [13]. Таким образом, есть все основания оценивать статус жителей усадьбы, на которой располагалось сооружение № 12, более высоким, нежели простые рыболовы и земледельцы.

Один фрагмент рамочной оправы происходит из сооружения № 15, датируемого второй половиной XV – началом XVI в. [14] По всей видимости, оправа была восьмигранная с круглой выемкой под зеркало (Рис. 1: 3). Края обработаны на скос. В центре оправы отверстие для центрирования. При разборке этой же постройки найден фрагмент металлической оправы с ажурной накладкой: три ряда гофрированной проволоки, обрамленных с обеих сторон гофрированной проволокой (Рис. 1: 11). К сожалению, комплекс находок из этой постройки хотя и многочислен (более 80 артефактов), но не дает возможности говорить о статусе ее обитателей.

Одна оправа происходит из сооружения № 18 середины XV в. Дерево постройки сохранилось в виде полос тлена. Примерные размеры сооружения — 5 × 5 м. Происходящая из сооружения № 18 оправа круглая, вырезана из пихты. Отмечу, что в комплексе индивидуальных находок из этого сооружения, также как в комплексе находок сооружения № 12, присутствуют импорты: керамика из золотоордынских центров, нож с клеймом из трех точек, образующих треугольник. В литературе неоднократно отмечалось, что наличие клейма является веским аргументом в пользу западноевропейского происхождения предмета [15].

И, наконец, самая ранняя деревянная оправа обнаружена при переборке слоя из южной траншеи (23–25 пласты). Находка представляет фрагмент восьмиугольной рамочной оправы (Рис. 1: 7). По сопутствующим ей пластам, где она была найдена, может датироваться второй половиной XIV в.

Кроме уже упомянутой ажурной накладки оправы зеркала из сооружения № 15, на Житном раскопе найдены еще три фрагмента металлических оправ. Однако эти артефакты не связаны с какими-либо комплексами. Фрагмент бронзовой складной оправы стеклянного зеркала был найден при зачистке 12 пласта, который датируется второй половиной XVI в. [16] Центральная часть предмета не сохранилась. С внешней стороны по периметру оправы проходит ряд ложной филиграни, затем расположен бордюр с растительным орнаментом (Рис. 1: 9). По новгородским материалам подобные оправы датируются XIV–XV вв. [17] Находка из Переяславля Рязанского позволяет расширить хронологические рамки бытования этого типа оправ.

Фрагмент ажурной накладки был найден при зачистке 13 пласта в западной части раскопа. По слою артефакт может быть датирован второй половиной XVI в. Накладка состояла из двух поясов: внутренний представлен рядом проволочных колечек, внешний образован гофрированной проволокой (Рис. 1: 12).

Небольшой фрагмент металлической оправы с изображением птицы (Рис. 1: 10) найден при переборке осыпавшихся слоев северной стенки раскопа. Этот экземпляр может быть датирован временем не ранее конца XV в. (на эти слои пришлось осыпание стенки). Артефакт подробно рассмотрен в работах Е. А. Рыбиной и О. А. Фатюниной [18].

В заключение можно подчеркнуть, что в ходе исследований Житного раскопа получена значительная коллекция (десять деревянных и четыре металлических) оправ стеклянных зеркал. Представлены различные типы этой категории артефактов: круглые и восьмигранные деревянные оправы, металлические складные оправы и ажурные накладки. Удалось расширить хронологические границы бытования металлических складных оправ. Получены дополнительные аргументы в пользу предположения Е. А. Рыбиной о распространении зеркал в среде привилегированного населения.

Приложение 1. Оправы стеклянных зеркал из коллекции Житного раскопа

№ п/п	тип оправы	материал	пласт	квадрат	дата	номер рисунка
1.	Рамочная круглая	пихта	14	15	вторая пол. XVI в.	-
2.	Рамочная круглая	пихта	14	21	вторая пол. XVI в.	4
3.	Рамочная круглая с орнаментом	ель	15	32	вторая пол. XVI в.	2
4.	Рамочная круглая	пихта	15	32	вторая пол. XVI в.	6
5.	Рамочная круглая	пихта	16	24	первая пол. XVI в.	-
6.	Рамочная восьмиугольная	пихта	16	18	первая пол. XVI в.	5
7.	Рамочная восьмиугольная	ель	18	23	первая пол. XVI в.	3
8.	Рамочная восьмиугольная	дерево	19	32	вторая пол. XV – первая пол. XVI в.	8
9.	Рамочная круглая	пихта	22	33	вторая пол. XV в.	-
10.	Рамочная восьмиугольная	дерево	23–25	южная траншея	первая пол. XV в.	7
11.	Складная	дерево	19	22	вторая пол. XV – первая пол. XVI в.	1
12.	С изображением птицы	оловянно-свинцовый сплав	осыпь		не ранее конца XV в.	10
13.	С орнаментом	цветной металл	12	восточный участок	вторая пол. XVI в.	9
14.	Ажурная накладка	цветной металл	13	западный участок	вторая пол. XVI в.	12
15.	Ажурная накладка	цветной металл	19	29	вторая пол. XV – первая пол. XVI в.	11

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-ОГОН, грант № 15-01-00153.
[2] *Рыбина Е.А.* К атрибуции одной находки из Зарядья // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. С. 156–158; *Она же.* К атрибуции загадочных средневековых крышечек // НиНЗ ИА. Вып. 11. Новгород. 1997. С. 87–93; *Она же.* Зеркала в средневековой Руси (проблема атрибуции оправ с изображениями) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 101–121.
[3] *Крюгер И., Рыбина Е.А.* Средневековые стеклянные зеркала. М., 2013; *Фатюнина О.А.* Изделия из цветных металлов Житного раскопа Переяславля Рязанского (2004–2011) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань, 2013. С. 189–225.
[4] *Завьялов В.И.* Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2004–2006 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань, 2011. С. 53–86; *Завьялов В.И.* Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2007–2009 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань, 2013. С. 20–69; *Завьялов В.И., Судаков В.В.* Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья. Вып. 13. М., 2017. С. 69–87.
[5] *Крюгер И., Рыбина Е.А.* Указ. соч. С. 82.
[6] Трехсоставной паспорт находки означает: пласт — квадрат — полевой номер.
[7] Там же. С. 219.
[8] *Соловьева Л.Н.* Краткий обзор находок из дерева по материалам Житного раскопа в Переяславле Рязанском (2006–2011 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань, 2013. С. 143.
[9] *Крылов Г.В., Марадудин И.И., Михеев Н.И., Козакова Н.Ф.* Пихта. М., 1986. С. 183.
[10] *Завьялов В.И.* Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2007–2009 гг.). С. 40.
[11] *Седова М.В.* Ювелирные изделия Новгорода Великого (X–XV вв.). М., 1981. С. 51.
[12] *Седова М.В.* Ярополч Залесский. М., 1978. С. 122–123.
[13] *Крюгер И., Рыбина Е.А.* Указ. соч. С. 222.
[14] *Завьялов В.И., Судаков В.В.* Указ. соч. С. 85.
[15] *Беленькая Д.А., Розанова Л.С.* Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 18–25; *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007. С. 152–153.
[16] *Завьялов В.И., Судаков В.В.* Указ. соч. С. 85.
[17] *Рыбина Е.А.* Зеркала в средневековой Руси. С. 117.
[18] *Крюгер И., Рыбина Е.А.* Указ. соч. С. 185; *Фатюнина О.А.* Указ соч. С. 192–193.

С.С. Зозуля, В.К. Сингх

Новые находки подвесок с изображением хищной птицы

Находка бракованной отливки с изображением хищной птицы в «геральдической» позе в Гнездово (раскоп П-8, 2008 г.) заставила обратиться к изучению этой категории предметов[1]. Уже тогда, кроме украшений из Смоленского Поднепровья и Новгорода (Неревский раскоп, 1951 г.), в поле зрения попали несколько находок, происходящих, предположительно, из Новгорода (?) и Белоозера (?)[2] (Рис. 1: 1–4).

За прошедшие несколько лет количество подобных подвесок значительно увеличилось. В Старой Руссе (Пятницкий I раскоп, 2012 г.) и Новгороде (раскоп Троицкий XIII, 2013 г.) были сделаны новые находки[3]. Несколь-

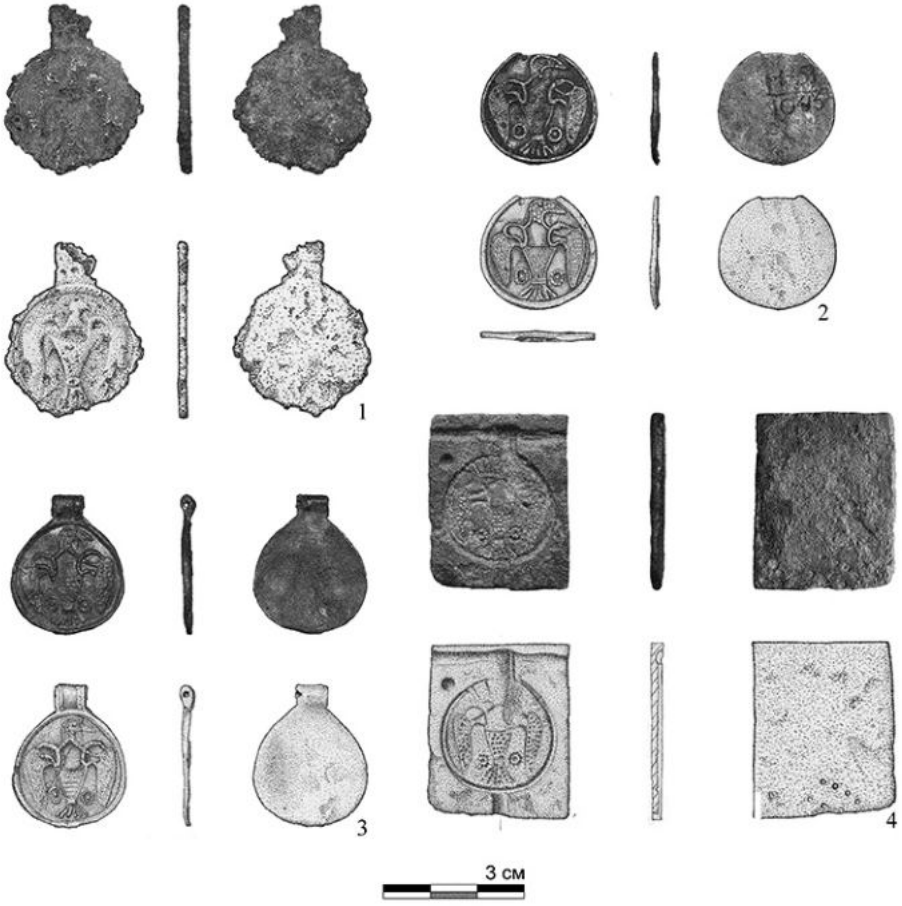


Рис. 1. Подвески (1–3) и литейная форма (4).
1 – Гнездово;
2 – Новгород (Неревский раскоп, 1951 г.);
3 – Новгород (?);
4 – Белоозеро (?). 1–3 олово;
4 – оловянно-свинцовая бронза.
Здесь и далее рисунки А. С. Дементьевой

Рис. 2. Подвески: 1 – Новгород (Троицкий XIII раскоп, 2013): а / до реставрации, б / после реставрации);
2 – Сосновка;
3 – Старая Русса;
4: 1 – олово, воск, 2, 3 – олово

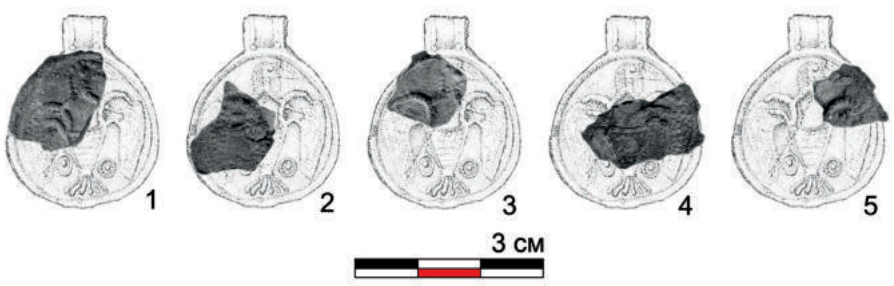


Рис. 3. Подвески из раскопок П. М. Еременко в Сурожском уезде Черниговской области в 1890–1891 гг.: 1–5 – олово

Рис. 4. Подвески из грабительских раскопок (дано по: Коршун, 2013. С. 89). 1 – Украина, Черкасская область (?): 2 – Украина, Черниговская область (?); 3 – Украина, Волынская область, Луцкий район (?). 1–5 – олово (?)

ко находок оказались не опубликованными (с. Сосновка, раскоп I, 2006 г.)[4] или не выявленными в коллекциях[5]. Таким образом, в настоящий момент общее количество подвесок, хранящихся в музейных собраниях, увеличилось до девяти (Рис. 1: 1–3).

Довольно подробно рассмотрев в предыдущей публикации мотивы птицы в Древнерусском, Скандинавском и Византийском искусстве, обсудив прототип этого вида украшений, хронологию и ареал распространения, остановимся в этой публикации на введении в научный оборот новых находок, существенно дополняющих наши представления, прежде всего, об их количестве.

В 2013 г. в процессе исследования напластований Троицкого XIII раскопа в Новгороде на территории усадьбы «Ж», известной концентрацией берестяных грамот, в слоях середины XI в. была обнаружена деформированная подвеска с изображением хищной птицы (Н-2013, ТР-XIII-Г1, пл. 13, кв. 1841, № 7) (Рис. 2: 1). Внутри согнутой подвески был обнаружен фрагмент воска. Ушко для подвешивания отсутствует, внутри окружности украшения заметны непроливы. Создается впечатление, что бракованная отливка была согнута и отложена мастером в сторону для дальнейшей переплавки, затем потеряна. Авторы публикации предполагали и другой вариант: воск мог предназначаться для оттиска, для отливки подобного изделия по восковой модели[6].

Находка из Сосновки 2006 г. была сделана на участке «Д» раскопа I селища Сосновка в непотревоженном культурном слое, имеющем широкую дату X–XII вв., над ямой 50, датированной, по мнению автора раскопок, первой половиной XI в. (Рис. 2: 2). Ушко для подвешивания отсутствует, сама находка фрагментирована[7].

Подвеска из Старой Руссы обнаружена в древнейших культурных напластованиях города на Пятницком-I раскопе (усадьбы А, участок А, пл. 28, кв. 50) (Рис. 2: 3). Ушко сохранилось фрагментарно. Авторы раскопок относят находку к XI в.[8] Концентрация находок подвесок с птицей в Новгороде (2+1 (?) и его округе не может не обратить на себя внимание.

Фрагменты не менее 3-х подвесок[9] происходят из раскопок П. М. Еременко 1890–1891 гг. в Сурожском уезде Черниговской области (Рис. 3)[10]. Уточнить могильник и остальной инвентарь захоронения по существующим публикациям не представляется возможным[11]. Встречается лишь упоминание о том, что в одном из могильников найдены «обычного типа брактеаты из белого металла, довольно большие, но всегда плохой сохранности; рисунок на них в виде рунических букв, *одноглавого орла* (курсив наш — *С.З., В.С.)* и знаков в виде букв»[12]. Важно, что в данном случае мы, вероятно, сталкиваемся с единственным случаем, когда в одном ожерелье встречено несколько подвесок. Кроме того, это единственные украшения исследуемого типа, происходящие из захоронения, а не культурного напластований средневековых поселений.

В процессе подготовки публикации в поле зрения авторов попало издание, в котором оказались собраны и опубликованы материалы, происходящие из незаконных раскопок и хранящиеся в частных коллекциях. Очевидно, что часть предметов интересующего нас типа (или близкие к нему) являются подделкой, например, экземпляр, выполненный из золота. Пять подвесок и их фрагментов, с большой долей вероятности, являются оригинальными изделиями (L-5 – L-9 по нумерации автора). Для трех экземпляров указан регион находки: Украина (Черкасская область, Черниговская область, Луцкий район Волынской области)[13] (Рис. 4).

Не менее четырех экземпляров подвесок и еще одна изложница для их отливки, также происходящие из несанкционированных сборов, появлялись на антикварных аукционах. Обстоятельства их находки и последующая судьба не известны. По сопровождающему предметы описанию, находки происходят с территории Украины[14] (Рис. 5).

Все подвески сближает диаметр, материал и особенности иконографии. Качество отливки у всех находок разное, в частности, есть различия в оформлении перьев хвоста, двух декоративных окружностей по обе его стороны, участка перехода от туловища к хвосту. Однако на всех подвесках есть элемент, определенно ведущий их к одному прототипу — не симметрично выполненные переходы от туловища птицы к крыльям. Видимо, многократное копирование привело к утрате части декора, имитирующего рубчатую проволоку, а подправка форм — к мелким несовпадениям готовых изделий.

География распространения находок на данном этапе включает Белоозеро (?), Новгород, Старую Руссу, Сосновку, Гнездово, территорию Украины (?). Свидетельства

Рис. 5. Подвески (1–4) и литейная форма (5) из грабительских раскопок, опубликованные на антикварных аукционах. Украина (?).
1–4 – олово (?), 5 – бронза (?)
Без масштаба

местного производства подвесок очевидны для Белоозера (?), Гнездова и Новгорода. Можно ожидать появление надежно документированных официальными раскопками свидетельств производства таких подвесок на территории Украины в самое ближайшее время.

Хронологически находки относятся ко второй половине X–XI вв. Возможно, гнездовский экземпляр относится к наиболее ранним, основное распространение такие украшения получают в XI в.

Подвески из свинцово-оловянистого сплава с изображением хищной птицы в «геральдической» позе, определенно копирующие более дорогие серебряные украшения, имели довольно долгий период бытования и широкий охват распространения, включающий главные пункты Древней Руси на юге и севере. Предполагаемый общий прототип и его многочисленные копии свидетельствуют об общих вкусах населения столь удаленных регионов и довольно быстрому распространению моды. Количество найденных подвесок уже не позволяет относить их к категории уникальных предметов Древнерусского искусства.

---

[1] *Ениосова Н.В., Зозуля С.С.* Подвеска с изображением хищной птицы из Гнездова // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой. Труды ГИМ. Вып. 189. М., 2012. С. 138–148.

[2] В настоящий момент предметы переданы в фонды Белозерского областного краеведческого музея. Цифры и географические названия, снабженные знаком вопроса, выражают неуверенность авторов о происхождении находки из указанного микрорегиона.

[3] *Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П.* Исследование древнейших культурных напластований на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе // НиНЗ ИА. Вып. 28. Великий Новгород, 2013. С. 80–89. Рис. 2:3; *Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Степанов А.М., Сингх В.К., Тянина Е.А.* Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2013 г. (Троицкий XIII-Г, Г-1) // НиНЗ ИА, Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 22–32. Рис. 7: 1а, 1б.

[4] Приносим благодарность автору раскопок В.Ю. Ковалю за возможность работы с неопубликованным материалом, предоставление изображения, ценные комментарии и содействие в работе.

[5] *Коваль В.Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2007. Ф. Р-1. № 27265. Т. 1.; Т. 2. Альбом иллюстраций к отчету. Ф. Р-1. № 27266. Ил. 367. Табл. 61. № 15; ГИМ 32884. Оп. В 695/9.

[6] *Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Степанов А.М., Сингх В.К., Тянина Е.А.* Указ. соч. С. 30.

[7] *Коваль В.Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2007. Ф. Р-1. № 27265. Т. 1.; Т. 2. Альбом иллюстраций к отчету. Ф. Р-1. № 27266. Ил. 367. Табл. 61. № 15.

[8] *Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П.* Исследование древнейших культурных напластований на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе. С. 88–89. Рис. 2, 3.

[9] Не менее трех раз на пяти обломках украшений выявлен фигурно оформленный участок перехода от тела к правому крылу птицы, следовательно найдено было не менее 3-х экземпляров подвесок (Рис. 3, 1–3).

[10] Для большей наглядности фрагменты подвесок из раскопок П.М. Еременко наложены на прорисовку целой подвески.

[11] *Спицын А.А.* Курганы, раскопанные П.М. Еременком в Суражском уезде // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 84–95; *Он же.* Вещи из раскопок П.М. Еременка в курганах Новозыбковского и Суражского уездов // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1-2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 95–102.

[12] *Спицын А.А.* Вещи из раскопок П.М. Еременка в курганах Новозыбковского и Суражского уездов. С. 98.

[13] *Коршун В.Е.* Языческие привески Древней Руси X–XIV вв. Вып. III. Привески с зооморфными изображениями. М., 2013. С. 89, 142–143.

[14] В поле зрения авторов и коллег, любезно сообщавших о новых находках, опубликованных на кладоискательских форумах, попало значительно больше предметов. Для части подвесок возникают серьезные сомнения в подлинности. Сбор изображений всех подвесок с птицами не входил в задачи исследования. Стоит напомнить, что 1 изложница, предположительно из Белоозера (?), уже была известна (Рис. 1: 4).

Е. С. Зубкова, В. К. Сингх

Новые находки головных уборов из раскопок в Новгороде

Интерес к древнерусскому костюму в целом и к отдельным его элементам, в частности, головным уборам, не угасает среди отечественных исследователей уже не одно столетие. А в настоящее время в связи с активным развитием клубов исторической реконструкции вопросы о том, как одевались наши предки, интересуют не только профессиональных историков, но и многих любителей истории. Однако, несмотря на многочисленные исследования, посвященные древнерусскому костюму, вопрос о формах и материалах, используемых для изготовления мужских головных уборов для простых горожан в средневековье, остается по-прежнему не вполне ясным. Археологические материалы для однозначных выводов довольно скудны. Поэтому каждая новая находка является весомым вкладом в копилку уже известных фактов. Данная статья не претендует на полноценное исследование о мужских головных уборах средневековой Руси. Здесь, с учетом сожалений исследователей, что «мужские головные уборы почти неизвестны»[1], преследуется цель введения в научный оборот результатов археологических работ в одном из старейших древнерусских городов — Новгороде, где в 2015 и 2017 гг. при работах на Троицком XVI и Дубошином II раскопах* обнаружены войлочные шапки, довольно хорошей сохранности.

Первые историки костюма собирали сведения о древнерусской одежде в основном по изображениям на фресках, книжных миниатюрах, иконах и предметах прикладного искусства. Использовались упоминания о костюме в письменных источниках. По преимуществу это записки иностранных путешественников и послов.

По сохранившимся изображениям на фресках, древних иконах и книжных миниатюрах начиная с XI в. можно судить и о формах древнерусских головных уборов, которые, впрочем, не отличались особым многообразием. Они довольно просты — с остроконечной или полусферической тульей большей или меньшей высоты, с околышем из меха или другого материала (Рис. 1). Многие исследователи не без основания считали такие шапки исключительно элементом княжеского костюма. А. В. Арциховский, изучая памятники изобразительного искусства, заметил, что «появляются они (*шапки)* в рисунках именно там, где речь идет о князе; больше никто на этих рисунках не носит таких шапок. Неизвестно, были ли эти головные уборы так обязательны для князей в жизни, но в условном феодальном искусстве они являются важнейшими княжескими регалиями, притом чисто русскими»[2]. Того же мнения придерживался и М. Г. Рабинович в своих исследованиях древнерусского костюма: «Хорошо известны по многочисленным изображениям древнерусские княжеские шапки — этот важнейший признак феодала-сюзерена. Форма их полусферическая, тулья из яркой материи с меховой (по всей видимости, собольей) опушкой»[3]. Однако следует заметить: в том, что «больше никто на этих рисунках не носит таких шапок» отражаются, иерархические представления средневековой Руси, которые требовали от художника «всех остальных», кроме князя и его окружения, изображать без головных уборов. Поэтому фрески и книжные миниатюры не дают исчерпывающих сведений о головных уборах представителей других сословий, кроме княжеского (впрочем, стоит заметить, что на миниатюрах Радзивиловской летописи зачастую можно увидеть не одного человека в шапке, а целый ряд голов в одинаковых головных уборах на задних планах изображений). Также нельзя с уверенностью утверждать, что иконописец отображал тот или иной элемент костюма в связи с его реальным существованием в быту в период создания иконы, а не в соответствии с уже сложившейся иконописной традицией. Здесь возникает естественный вопрос: а как выглядели реальные не княжеские, не парадные — повседневные головные уборы?

Судя по письменным и изобразительным источникам позднего средневековья, головные уборы конусовидной или полусферической формы с околышем дожили до XVI в. и не являлись уже характерным элементом

Рис. 1. Головные уборы на древних иконах и книжных миниатюрах: 1 – Изборник Изяслава. 1073 г.; 2 – икона Святые Борис и Глеб. XIV в.; 3 – миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

* Выражаем авторам Дубошина II раскопа — руководителю Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника О. А. Тарабардиной и старшему научному сотруднику М. И. Петрову — признательность и благодарность за предоставленную возможность использовать новейшие материалы.

Рис. 2. Зарисовки из записок иностранцев о Руси: 1, 2 – Адам Олеарий. Гравюры с изображением головных уборов из «Описания путешествия в Московию...», 1719 г.; 3, 4 – Сигизмунд Герберштейн. Гравюры из «Записок о Московитских делах», 1549 г.

Рис. 3. Войлочная шапка с Троицкого XVI раскопа (2-1997-№ 41)

костюма только высших сословий. Например, у Адама Олеария в «Описании путешествия в Московию через Персию и обратно» отмечается, что «у простых горожан летом шапки из белого войлока, а зимою из сукна, подбитые мехом...»[4]. Среди зарисовок, сделанных Олеарием во время путешествия, а также и на рисунках Сигизмунда Герберштейна к «Запискам о Московитских делах» шапки, по форме похожие на головные уборы с изображений из Изборника Изяслава 1073 г., древних икон и миниатюр Радзивилловской летописи, можно увидеть на изображениях представителей не только знатных сословий (Рис. 1, 2). Мало того, письменные и изобразительные источники свидетельствуют о том, что в позднее средневековье на Руси существует довольно большое разнообразие форм головных уборов, некоторые из которых могли носить только представители высших сословий, тогда как у простых граждан по-прежнему остается в ходу шапка с конусовидной или полусферической тульей с околышем.

Как уже отмечалось выше, изобразительные источники не могут дать исчерпывающей информации относительно русских головных уборов. Приводимые ниже сведения о новых находках в Новгороде, возможно, в значительной степени облегчат решение многих вопросов, касающихся древнерусских головных уборов.

Находка, сделанная на Троицком XVI раскопе в 2015 г., довольно хорошей сохранности, представляет собой валяный из шерсти головной убор полусферической (несколько вытянутой) формы, высотой 23–24 см. Толщина войлока — 3 мм (Рис. 3). Длина по окружности нижнего края составляет около 60 см, диаметр по макушке — 8 см. На расстоянии 4–5 см от нижнего (на сохранившихся участках) края на тулье имеется явный залом, по всей вероятности, от постоянно отвернутого вверх края, который образовывал околыш и обеспечивал плотное облегание головы. Однако с уверенностью говорить об околыше нет оснований, поскольку на момент извлечения головного убора из слоя нижний край не был отвернут кверху. Возможно, что по нижнему краю пришивался или крепился съемный околыш из меха.

Шапка была обнаружена между двумя срубами XVI–6 и XVI–7, относящимися ко второму строительному ярусу, датируемому второй половиной XIV в. Сооружения, одно из которых, возможно, жилое, а второе хозяйственное, находились на территории усадьбы, располагавшейся на перекрестке средневековых Пробойной и Редятиной улиц Людина конца[5]. Комплекс находок, относящихся к данному ярусу усадебной застройки, в целом свидетельствует о высоком статусе владельцев усадьбы.

Еще три шапки найдены при археологических работах в сентябре 2017 г. на Дубошином II раскопе в Славенском конце Торговой стороны (Рис. 4), являются полными аналогиями «троицкой»: изготовлены из войлока, толщина которого колеблется на отдельных участках (в зависимости от сохранности) от 3 до 4 мм. Высота шапки № 1 — лучшей сохранности (Рис. 4: 1) — 24–25 см, длина окружности по нижнему краю — 60–63 см, диаметр макушки — 8 см. У шапки № 2 с Дубошина раскопа (Рис. 4: 2) высота и длина окружности по нижнему краю точно не

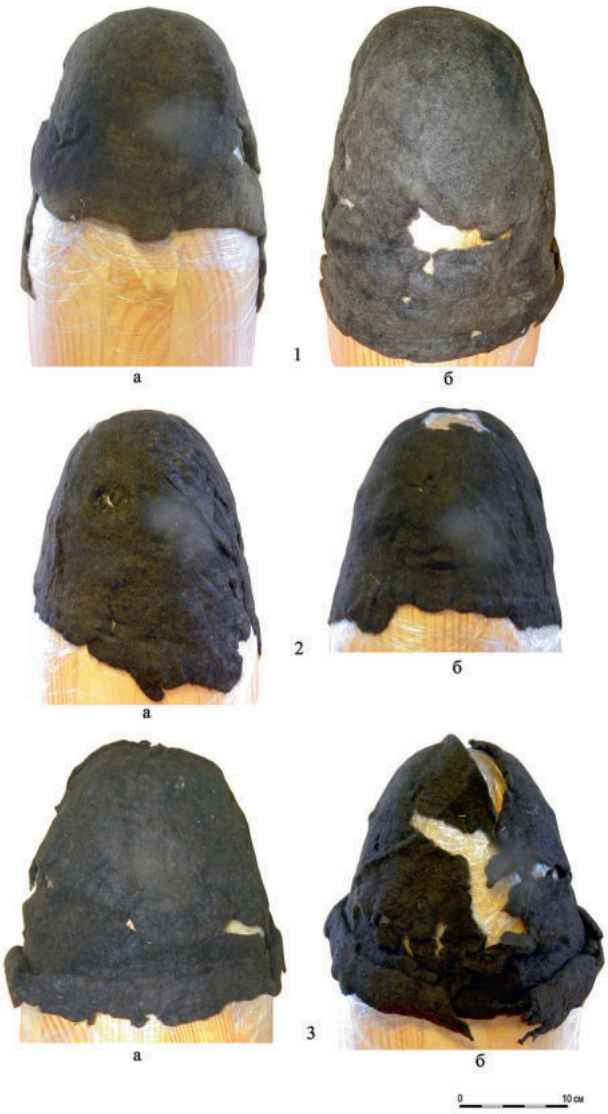


Рис. 4. Войлочные шапки с Дубошина II раскопа: 1 – Дуб-2-35-3 (сев. транш.) № 51; 2 – Дуб-2-31-40-№ 4; 3 – Дуб-2-30-13-№ 14

Рис. 5. – Войлочные шапки из раскопок в Неревском конце Великого Новгорода: 1 – 1959 г. котлован на ул. Дмитриевской (Великой), НГМ КП 18573/66 (А-36/66); 2 – депаспортизована, хранится в ГИМ; 3 – 1959 г. Нер. XXX – 7-1997-№ 15 (НГМ КП 17607/148)

определяются из-за худшей сохранности, но диаметр макушки составляет, как и у описанных выше, 8 см. Шапка № 3 (Рис. 4: 3), в отличие от описанных выше «троицкой» и двух с Дубошина раскопа, сохранила отворот-околыш по тулье. Ее высота при отвернутом нижнем крае — 18–20 см, диаметр по макушке — примерно 8 см. Отворот — двойной: нижний край на ширину около 6–7 см отвернут на тулью, а затем обратно вниз. Таким образом, ширина околыша составляет около 3–3,5 см. Длина окружности по нижнему краю — 60–62 см.

Предварительная датировка слоев, из которых происходят дубошинские находки, — середина XIV в. Археологический контекст и комплекс находок в целом, сопутствовавших находке головных уборов, не позволяют на данном этапе с уверенностью судить о социальном статусе хозяев шапок.

За предшествующую 85-летнюю историю археологического изучения Новгорода было найдено три шапки (Рис. 5). Все они обнаружены при археологических работах в Неревском конце, изготовлены из войлока, имеют полусферическую форму. Первые две шапки условно датируются XII в.: одна найдена при подготовке котлована под фундамент здания универмага на ул. Дмитриевской (Великой) в 1962 г. (Рис. 5: 1), вторая — при раскопках на одном из Неревских раскопов (Рис. 5: 2), но, к сожалению, депаспортизована. Третий головной убор найден во время исследований усадьбы «И 1» на Неревском XXX раскопе (Рис. 5: 3). Шапка — полусферической формы, высота (при отвернутом на тулью нижнем крае) — 12,5 см. Нижний край отогнут кверху на тулью, образуя околыш шириной 6,3 см на задней части шапки и около 3 см над лобной частью. Длина окружности по нижнему краю составляет около 70 см. На верхней части тульи (поперек макушки) имеется замятина. О ее происхождении трудно судить: отражает ли она модную тенденцию времени, сделана рукой хозяина или образовалась под тяжестью иного предмета за время пребывания в культурном слое? Во всяком случае, на шапках из крепости Орешек и из раскопок в Берестье — точных аналогиях описываемой — таких замятин нет. Изготовлена шапка из войлока толщиной 2–3 мм. Головной убор был найден между двумя жилыми срубами усадьбы «И1», расположенной юго-западнее перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. По мнению П. И. Засурцева, она принадлежала представителям боярского рода. Слои, в которых была обнаружена шапка, датируются второй половиной XIV в. В это время на территории усадьбы су-

Рис. 6. Войлочная шапка из раскопок в крепости Орешек. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Фонд археологии О-68/1296

Рис. 7. Деревянные фигурки домовых из раскопок в Новгороде (X–XII вв.)

ществуют три жилых постройки, обитателями которых, судя по небольшим размерам, являлись люди, зависимые от хозяев усадьбы [6].

Аналогичный новгородским головной убор обнаружен в 1968 г. при исследовании посада крепости Орешек А. Н. Кирпичниковым. Войлочная шапка с полусферической тульей и отвернутым на тулью краем была найдена в бревнах развала постройки XIV – конца XV вв. [7] Высота — 21 см, нижний край два раза загнут на тулью, образуя околыш шириной около 6 см. Длина шапки по окружности нижнего края составляет 58–60 см, толщина войлока — 3,5 мм (Рис. 6) *. Еще одна шапка найдена в Берестье в 1974 г. при исследовании культурного слоя XIII–XIV вв. Она «изготовлена из тонкого войлока, имеет конический верх и завернутый край, прилегающий к тулье. По форме она напоминает более поздние белорусские шапки-магерки, а также — головные уборы с миниатюр Радзивиловской летописи» [8]. Есть сведения и еще об одной войлочной шапке из раскопок средневековой Старой Руссы. На фотографии, размещенной в электронной базе данных археологических находок «Древности Новгородской земли» [9], шапка представлена в том виде, в котором, вероятно, была извлечена из слоя — в сплющенном состоянии. Однако по аналогии с новгородскими новыми находками можно предположить, что данный головной убор также имел полусферическую форму тульи. Авторы Пятницкого раскопа в Старой Руссе, где была обнаружена шапка, датируют ее второй половиной XIV в.

Имеющийся археологический материал объединяют, прежде всего, одинаковые условия находок — в средневековых слоях при исследовании участков жилых кварталов древнерусских городов. Все находки укладываются в период XIII–XV вв., имеют одинаковую полусферическую форму и изготовлены из одинакового материала — войлока. На основании этого можно предположить, что головные уборы, похожие по форме на княжеские шапки с фресок и книжных миниатюр, не являлись элементом только княжеского костюма, по крайней мере, уже с XIV в. Археология же по-прежнему оставляет открытым вопрос о головных уборах (не княжеских) в более раннее время. И здесь по-прежнему приходится опираться на источники изобразительного характера. Косвенным свидетельством того, что полусферические или конические шапки были распространены среди всех слоев населения, могут быть деревянные резные фигурки человечков (Рис. 7), самая ранняя из которых датируется X в. Б. А. Колчин рассматривал их как духов-покровителей семьи, поскольку такие «вещи в подавляющем большинстве найдены внутри развалов жилых домов или надворных построек» [10]. На всех известных новгородских фигурках домовых можно увидеть головной убор — островерхую или полусферическую шапку. Если принять во внимание мнение некоторых исследователей древних славянских культов, что домовой у наших предков — это не просто дух и покровитель семьи, но к тому же и «двойник хозяина дома... Он даже ходит в хозяйской одежде...» [11], то вполне можно предположить, что, вырезая «портрет хозяина дома» (как называли почтительно домовых), мастер изображал его в таком головном уборе (как правило, весь остальной костюм на фигурках практически не проработан), какой носили мужчины — обитатели жилища. Подобная же шапка изображена на музыканте с фрески Софийского собора в Киеве (Рис. 8).

По всей вероятности, в более раннее время форма головного убора не являлась признаком сословной принадлежности. В качестве такового являлся материал для изготовления и украшение шапки. Цвета головных уборов с книжных миниатюр (по преимуществу красные, синие или зеленые) — символ дорогих импортных материй, доступных только для людей княжеского происхождения.

* Авторы выражают сердечную признательность хранителю фондов археологии Государственного музея истории Санкт-Петербурга Л. Г. Стариковой, благодаря которой удалось увидеть шапку из Орешка воочию, подержать в руках и сделать необходимые замеры.

Менее состоятельные граждане могли использовать более доступные материалы для изготовления головных уборов. Одним из таких являлся войлок. Широкое распространение изделия из войлока получили в Северной и Центральной Европе во II – начале I тыс. до н. э. Однако сфера применения войлока у европейцев в раннее средневековье была более узкой, чем у азиатских народов. Из собственно войлока по преимуществу в Европе изготовляли обивки для лодок, седельные покрывала, головные уборы и тому подобные вещи. Славянское население, в том числе и на территории России, практиковало европейскую традицию[12]. На территории древней Руси самые ранние находки из войлока происходят из Старой Ладоги и датируются VIII в.[13] По мнению В. П. Левашовой, войлок широко использовался как материал для различных изделий, в том числе «из войлока валяли мужские шапки — обычный головной убор крестьян, имевший коническую верхушку»[14].

Думается, что новые находки в Новгороде дают более четкие представления о форме и материале мужских головных уборов и степени их распространенности среди различных слоев населения. Простая форма, недорогой материал, имеющий к тому же ряд преимуществ перед тканым текстилем (войлок хорошо держит форму, износоустойчивый, водонепроницаемый), могут свидетельствовать в пользу того, что валяные шапки были довольно широко распространены именно среди простых слоев населения Руси.

Рис. 8. «Музыканты и скоморохи». Фреска в южной башне Софийского собора в Киеве, середина XI в.

[1] *Сабурова М. А.* Древнерусский костюм // Археология. Древняя Русь. Быт и Культура. М., 1997. С. 95.
[2] *Арциховский А. В.* Одежда // История культуры древней Руси. Домонгольский период. Ч. I. Материальная культура. М.-Л., 1948. С. 248.
[3] *Рабинович М. Г.* Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Европы. М. 1986. С. 46–47.
[4] *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию через Персию и обратно. СПб., 1906.
[5] *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.* Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп–XVI) // НиНЗ ИА. Вып. 30. Великий Новгород, 2016. С. 15–23.
[6] *Засурцев П. И.* Жилища древнего Новгорода // МИА СССР. № 123. М., 1963. С. 143, 144.
[7] *Кирпичников А. Н., Сапков В. М.* Крепость Орешек. Л., 1979. С. 29.
[8] *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск, 1985. С. 374.
[9] Древности Новгородской земли: электронная база данных археологических находок [Электронный ресурс] // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. — URL: http://www.novsu.ru/archeology.
[10] *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. Е1-55. М., 1971. С. 40.
[11] *Криничная Н. А.* Русская мифология. М., 2004. С. 199.
[12] *Царева Е. Г.* Войлоки Евразии // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник МАЭ. СПб., 2006. Т. 52. С. 256, 257.
[13] *Давидан О. И.* Ткани Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 22. Л., 1981. С. 110–113.
[14] *Левашова В. П.* Обработка кожи, войлока и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 54.

С. Ю. Каинов

Чехол для лезвия топора с Неревского раскопа

Найденный на Троцком раскопе в 2015 г. деревянный чехол для топора казался для материальной культуры новгородцев уникальным предметом, возможно, появившимся в Новгороде в результате североевропейского влияния и не имевшим какого-либо развития[1]. Тем более неожиданно было при обработке старых коллекций, происходящих с Неревского раскопа, обнаружить предмет, морфологические особенности которого не оставляют сомнения в его функциональной принадлежности (Рис. 1)[2]. Перед нами жесткий чехол, который надевался на лезвие топора и служил для предохранения владельца от ранений, которые могут возникнуть при ношении топора подвешенным к поясу или за поясом.

Чехол найден в 1952 г. в ходе работ на Неревском раскопе при изучении комплекса усадьбы «В»[3], в квадрате № 458, граничащем с Великой улицей. Находка относится к 10 пласту, который, согласно хронологической шкале Б. А. Колчина[4], соответствует слоям конца XIV – первым десятилетиям XV вв.[5]

Предмет представляет собой относительно широкую, немного изогнутую пластину. Сохранность материала позволяет сделать предположение, что в качестве сырья для изготовления вещи была выбрана кость крупного рогатого скота. После обработки и нанесения орнамента ее поверхность была тщательно заполирована. Длина предмета — 12,4 см, ширина — 2,4 см, толщина — 12 мм. На вогнутой

Рис. 1. Чехол на лезвие топора. Фото С. Ю. Каинова, рисунок Х. В. Штейгер

Рис. 2. Макрофото следов использования инструментов при нанесении орнамента на чехле

торцевой стороне нанесен паз клиновидного сечения глубиной 17 мм в центральной части предмета. Ширина паза по внешнему краю — 6 мм.

Чехол имеет следы износа и повреждения, выраженные в частичном сломе одного края и утрате бокового отверстия, что, однако, не помешало продолжить функциональное использование предмета.

На обеих плоскостях изделия расположены орнаментальные панели, в которые вписаны два ряда параллельных линий ленточного растительного орнамента. Они состоят из сомкнутых S-овидных фигур в горизонтальной развертке, оканчивающихся раздвоениями, которые имитируют растительный побег. Фигурная композиция выполнена при помощи резца, точки внутри завитков S-овидных фигур были сначала нанесены заостренным инструментом в качестве разметки, затем уже расширены при помощи резца, о чем свидетельствуют микроследы внутри отверстий (Рис. 2). На боковых сторонах, в пространстве между орнаментированной поверхностью и краями предмета, нанесены отверстия с внутренним диаметром сквозного канала, равным 4 мм, а внешним — 8–9 мм. Одно из боковых отверстий было частично утрачено в результате повреждения предмета. Для продолжения использования чехла ближе к внешнему краю было проделано дополнительное отверстие (внутренний диаметр сквозного канала — 4 мм, внешний — 6 мм). В результате ремонтных действий была уничтожена часть орнамента.

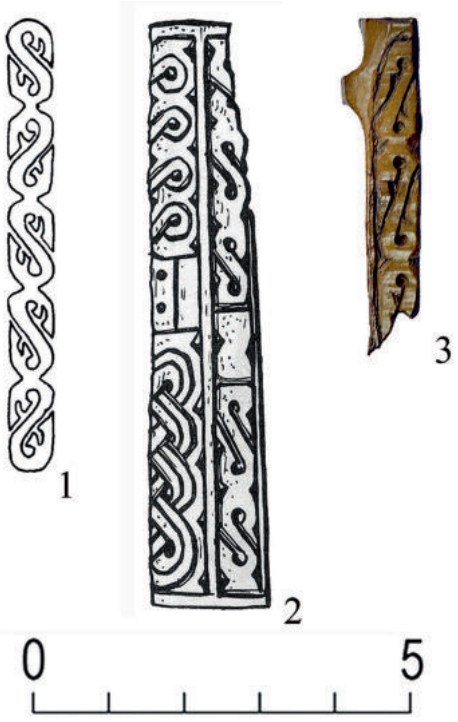
При помощи микроскопа[6] на поверхности чехла с Неревского раскопа были выявлены пятна выраженного зеленого цвета. Анализ состава красителя не проводился, однако на основе исследования использования красителей для орнаментации изделий из костных тканей в средневековом Новгороде, предпринятого Л. И. Смирновой (при участии А. Мидлтона)[7], можно предположить, что в состав красящего вещества входили окислы меди. Равномерное однотонное окрашивание являлось дополнительным художественным украшением резных изделий из кости и рога. Прекрасная сохранность костных тканей в новгородском культурном слое позволяет обнаружить следы пигментов даже при визуальном изучении.

Аналогичные по форме изделия найдены в Хедебю и Шлезвиге (Рис. 3: 1–2). Все они, как и чехол с Неревского раскопа, относятся к типу I по типологии, предложенной Ф. Вестфалом на основании анализа предметов, найденных в Хедебю. Чехлы этого типа отличаются способом крепления на лезвие топора, которое входит в паз, расположенный на одной из длинных торцевых сторон[8]. Для чехлов типа II характерны трапециевидная форма и крепление на одной из боковых сторон лезвия топора[9].

До недавнего времени были известны 22 находки чехлов для топоров (Германия — 15, Норвегия — 2, Ирландия — 2, Швеция — 2, Россия — 1)[10]. Почти все они изготовлены из дерева разных пород — ивы, тиса, дуба, ели, бука, ясеня, можжевельника. И только один чехол, найденный в Сигтуне, сделан из рога лося (Рис. 3: 3). Причем все деревянные чехлы по археологическому контексту датируются X – началом XII вв., в то время как находка из Сигтуны имеет широкую датировку (конец X – середина XIV вв.), что представляет интерес в связи со стратиграфической датой новгородской находки с Неревского раскопа — конец XIV – начало XV в., которая на фоне остального материала выглядит слишком поздней.

Но такая датировка чехла находит подтверждение при обращении к его орнаментации. Широко распространенный мотив вьющейся лозы, которая образует переплетенные круги с разделяющимися отростками, лежит в основе большинства древнерусских орнаментов. Однако фигу-

Рис. 3. Чехлы на лезвие топора: 1 – Хедебю; 2 – Шлезвиг; 3 – Сигтуна. Фото чехла из Сигтуны Anders Söderberg



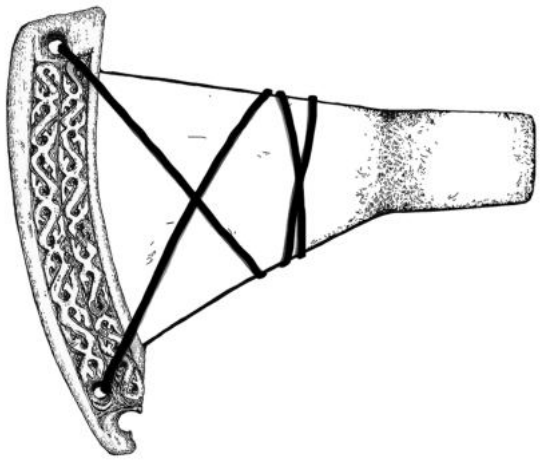


Рис. 5. Реконструкция способа ношения чехла на лезвии топора. Рисунок Х. В. Штейгер

Рис. 4. 1 – растительный S-овидный орнамент; примеры использования S-овидного орнамента: 2 – фрагмент накладки с Нутного раскопа; 3 – фрагмент чехла для шила с Неревского раскопа

ры, нанесенные на чехол для топора, имеют геометрические пропорции, которые зрительно упрощают визуальное восприятие орнамента (Рис. 4: 1). Такая стилизация может быть связана как с квалификацией мастера, так и со сложившейся традицией. В пользу второго предположения говорит то, что подобный рельефный орнамент встречается и на других новгородских резных изделиях на протяжении длительного периода времени. Например, аналогичные изображения S-овидных фигур присутствуют на обломке рогового чехла шила, происходящего также с Неревского раскопа и датирующегося началом XII в.[11] (Рис. 4: 3). Другим предметом, содержащим подобную орнаментальную композицию, является костяная накладка с Нутного раскопа[12], хронологическая локализация которой — конец XIV – начало XV вв. — совпадает с датировкой чехла с Неревского раскопа[13] (Рис. 4: 2). То есть новгородский материал, по крайней мере, в период с XII по XIV вв., демонстрирует традицию орнаментации костяных и роговых изделий с помощью рельефного орнамента в виде S-овидных фигур в горизонтальной развертке, что позволяет не исключать местное изготовление чехла для топора с Неревского раскопа.

Поздняя — относительно основного количества аналогичных предметов — дата чехла с Неревского раскопа свидетельствует о сохранении традиции использования жестких чехлов[14] на лезвия топоров вплоть до XV в., что, возможно, подтверждается и «широкой» датировкой чехла из Сигтуны (Рис. 5)[15].

[1] *Каинов С.Ю., Сингх В.К.* Деревянный чехол для топора с Троицкого раскопа // НиНЗ ИА. Вып. 30. Великий Новгород, 2016. С. 196–203. Благодарю Х.В. Штейгер за помощь в написании данной статьи.
[2] Место хранения – Исторический музей, Отдел археологических памятников. Оп. В 1965/2490.
[3] Пл. 10 кв. 458, № 2354.
[4] *Колчин Б.А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА СССР. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. II. С. 131. Рис. 51.
[5] 10 пласт включал в себя верхнюю часть строительного яруса 5 и нижнюю – яруса 6. В целом ярусы 5–6 датируются 1394–1340-ми гг. XV в. См.: *Колчин Б.А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. С. 137.
[6] Использовался стереомикроскоп Carl Zeiss Stemi 2000C.
[7] *Смирнова Л.И.* К вопросу об использовании пигментов и красителей для украшения изделий из костных тканей (по материалам раскопок в Новгороде) // НиНЗ ИА. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 111–127.
[8] *Каинов С.Ю., Сингх В.К.* Деревянный чехол для топора с Троицкого раскопа. С. 199. Рис. 3.
[9] Там же. Рис. 4.
[10] *Vlasaty T.* Axe sheaths // URL: http://sagy.vikingove.cz/wp-content/uploads/2015/12/sheaths.pdf
[11] Н-54, пл. 25, кв. 631, № 1332. Место хранения – Исторический музей, Отдел археологических памятников. Оп. В 1965/956; *Колчин Б.А.* Указ. соч. С. 131. Рис. 51.
[12] *Гайдуков П.Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1991. С. 16–17. Рис. 73, *5*.
[13] Находка соотносится с 5/6 строительными ярусами, которые датируются 1390–1420 гг. Там же. Табл. IV.
[14] Насколько позволяет судить имеющийся материал, в более позднее время наряду с жесткими чехлами, крепящимися на лезвия топоров, применяются мягкие кожаные футляры, полностью закрывающие металлический насад топора и имеющие приспособления для подвеса.
[15] При создании графической реконструкции за основу взят топор XIV–XV вв., найденный при раскопках в церкви Параскевы Пятницы. См.: *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА СССР. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. II. Рис. 5, 3.

А.Р. Канторович

Основные вехи биографии археолога Алексея Алексеевича Захарова

Научные интересы профессора Елены Александровны Рыбиной в первую очередь связаны с археологией Великого Новгорода и в целом с проблемами средневековой истории Руси и Западной Европы. Однако в сфере внимания исследовательницы находится и история археологической науки, которой посвящены ряд статей нашего уважаемого юбиляра[1], а также лекции в рамках специальной дисциплины, в течение многих лет читаемые Еленой Александровной студентам кафедры археологии.

Данная публикация посвящена именно этой стороне научно-преподавательской деятельности Елены Александровны. В статье представлены основные вехи биографии и научной деятельности Алексея Алексеевича Захарова (1884–1937) — крупного и разностороннего археолога и историка, проработавшего в Московском университете 25 лет (вплоть до своего ареста и высылки в Алма-Ату), имевшего прямое отношение к формированию системы археологического образования в МГУ. Это замечательный и, увы, во многом забытый ученый, погибший в годы сталинских репрессий.

Имя А.А. Захарова редко встречается в историографии отечественной науки и в биобиблиографии ее представителей. В советские годы о личной судьбе А.А. Захарова сообщалось в публикациях исключительно за пределами СССР. Так, в 1936 г. крупнейший финский археолог А.М. Тальгрен (многолетний корреспондент А.А. Захарова, редактор серии *«Eurasia septentrionalis antiqua»*, постоянным автором которой был Алексей Алексеевич[2]) в кратком мартирологе репрессированных советских археологов сообщил об «отстранении» своего коллеги, с которым он не смог встретиться во время своей очередной поездки 1935 г. в СССР, состоявшейся после 7-летнего перерыва[3]. На тот момент А.А. Захаров был еще жив и находился в ссылке в Казахстане, о чем было хорошо известно за границей. В частности, осенью 1935 г. знаменитый британский скифолог и антиковед Э.Х. Миннз, с которым до этого А.А. Захаров состоял в длительной и дружественной переписке, в одном из своих посланий М.И. Ростовцеву сообщал о том, что А.А. Захаров сослан в Алма-Ату[4].

Спустя два десятилетия после сообщения А.М. Тальгрена творческая деятельность и жизнь А.А. Захарова (включая факт его высылки в Алма-Ату) были вкратце охарактеризованы в заграничном обзоре по истории советской археологии, вышедшем из-под пера М.А. Миллера[5].

В нашей стране о А.А. Захарове как о подвергшемся репрессиям ученом впервые рассказал А.А. Формозов (в 1990-х гг.) в контексте своих многочисленных работ по истории отечественной археологии[6]. Собранные им сведения были лапидарны и предварительны, в силу отсутствия на тот момент достоверной информации о времени и обстоятельствах ареста, ссылки и гибели А.А. Захарова. В частности, А.А. Формозов, ориентируясь на terminus ante quem публикаций А.А. Захарова, предположил, что его арест (равно как и арест его «подельников», известных археологов А.С. Башкирова и И.Н. Бороздина) состоялся в самом начале 1930-х гг. и был частью более широкой кампании по разгрому РАНИОН. А.А. Формозов тогда же отметил, что о жизни этих ученых непосредственно после их высылки в Казахстан, в особенности о судьбе А.А. Захарова, известно крайне мало.

Вскоре после публикаций А.А. Формозова, в конце 1990-х гг. А.Ю. Ватлин, германист, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, занимающийся также изучением сталинских репрессий, обнаружил в ГАРФ никому из ученых ранее не известное следственное дело 1935 г. по обвинению А.С. Башкирова, И.Н. Бороздина и А.А. Захарова в «контрреволюционной деятельности»[7]. Не будучи археологом, А.Ю. Ватлин привлек к изучению этого важного источника автора данной статьи. Открытие этого следственного дела, его анализ дали

нам возможность уточнить весьма существенные детали предшествующей жизни и деятельности Алексея Степановича Башкирова, Ильи Николаевича Бороздина и Алексея Алексеевича Захарова (в частности, поскольку подследственные должны были на допросах излагать свою биографию). Также прояснились обстоятельства ареста данных ученых в 1935 г. в Москве, следствия и суда над ними и их высылки в Казахстан. Материалы дела нашли отражение в соответствующей совместной статье А.Ю. Ватлина и А.Р. Канторовича, опубликованной в 2001 г.[8]

Практически одновременно с данной публикацией в Воронеже из печати вышла замечательная книга «Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина», написанная вдовой И.Н. Бороздина — коллеги и «подельника» А.А. Захарова — преподавателем Воронежского государственного университета, филологом Полиной Андреевной Бороздиной[9]. Эта работа содержит подробную биографию И.Н. Бороздина и существенно пополняет наши знания в отношении А.А. Захарова. В книге были впервые обнародованы сведения из казахстанского следственного дела 1937 г. (ранее не известного ученым), по которому проходили И.Н. Бороздин и А.А. Захаров[10]. Эти материалы позволили нам, в частности, окончательно определить дату и прояснить обстоятельства гибели А.А. Захарова, расстрелянного в 1937 г.[11]

С учетом этих новых данных в 2004 г. в монографии А.А. Формозова была представлена более обширная характеристика жизни и творчества А.А. Захарова; в исследовании нашла отражение и публикация А.Ю. Ватлиным и А.Р. Канторовичем следственного дела 1935 г., в том числе не вошедшие в эту статью (в силу понятных ограничений ее объема и задач) копии и выписки из некоторых документов дела, предоставленные мною А.А. Формозову по его просьбе[12].

Несмотря на эти публикации, биография и яркое научное наследие А.А. Захарова по-прежнему весьма недостаточно отражены в историографии отечественной археологической науки. Он остается значительно менее известным научной общественности, нежели проходившие с ним по одному делу А.С. Башкиров и И.Н. Бороздин, обстоятельства жизни и творчества которых в той или иной мере нашли отражение в ряде книг и статей, включая некрологи и уже упомянутое исследование П.А. Бороздиной.

В данной публикации я хочу подробнее остановиться на основных этапах биографии и научного творчества А.А. Захарова, для чего обращаюсь к материалам единого архива Алексея Алексеевича Захарова и его жены Софьи Павловны Григоровой-Захаровой (1896–1972), сформированного Софьей Павловной в 1963–1964 гг. и переданного ею в ОПИ ГИМ[13]. Также в статье задействован ряд материалов следственного дела 1935 г., не отраженных в нашей совместной с А.Ю. Ватлиным публикации 2001 г.

Алексей Алексеевич Захаров родился 8 октября 1884 г. в Москве в семье Алексея Петровича Захарова и Александры Васильевны Захаровой, урожденной Прокофьевой, дочери титулярного советника. В семье, кроме Алексея Алексеевича, было еще двое детей — Александра (1887 г. р.) и Александр (1889 г. р.)[14]. Как свидетельствует Формулярный список о службе Алексея Петровича Захарова, он начал свое трудовое поприще в 1846 г. младшим чертежником в Межевом корпусе, окончив школу межевых топографов; затем в течение многих лет он трудился в качестве военного топографа (в частности, принял участие в составлении карты горного Алтайского округа), постоянно повышался по службе, а в 1865 г. был переведен в Петровскую Земледельческую и Лесную академию в качестве профессора по кафедре геодезии[15]. На момент рождения Алексея Алексеевича его отец был уже действительным статским советником, ординарным профессором Петровской академии[16]. Впоследствии А.П. Захаров будет назначен и.о. директора Петровской академии и получит звание Заслуженного профессора этой Академии[17]; в 1895 г. он станет чиновником особых поручений V класса при Министерстве государственных имуществ. За свой усердный труд Алексей Петрович неоднократно награждался, в частности, орденами Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени[18]. В 1899 г. А.П. Захаров скончался, состоя на службе[19].

Его сын Алексей Алексеевич учился во 2-й Московской гимназии, которую окончил в 1905 г. с золотой медалью, получив по всем предметам отличные оценки, что следует из выданного ему 31 мая 1905 г. аттестата[20]. Затем он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, по окончании которого в 1910 г. стал сотрудником Московского университета, где проработал до 1935 г.

О работе А.А. Захарова в Московском университете мы, в частности, узнаем из сохранившегося в его архиве черновика письма, адресованного им в октябре 1935 г. (перед высылкой в Алма-Ату) наркому просвещения А.С. Бубнову. Алексей Алексеевич назвал это послание «Докладная записка наркому просвещения А.С. Бубнову от профессора МГУ Алексея Алексеевича Захарова, едущего в ссылку в Алма-Ату»[21]. Здесь, в частности, сказано: «В конце октября 1935 г. исполняется 25 лет моей научной работы в МГУ, сперва как оставленного при Университете, потом как приват-доцента, а после Революции как профессора на историко-филологическом факультете, на Ф<акультете> О<бщественных> Н<аук> и на ряде сменявших его факультетов вплоть до закрытия при МГУ Факультета Истории и Философии <... >. Затем после закрытия я состоял действительным членом Гос. Музея Антропологии при МГУ»[22].

А.А. Формозов указывает, что в молодости А.А. Захаров «как-то был связан и с Харьковским <университетом>. Напечатал там несколько статей, в частности в сборнике в честь В.П. Бузескула <...>, бывал в странах Западной Европы. До революции публиковал свои исследования в „Журнале Министерства народного просвещения“, „Гермесе“ и др.»[23].

Однако предполагаемые А.А. Формозовым заграничные поездки А.А. Захарова не находят подтверждений в материалах его архива. Напротив, в одном из последних писем из казахстанской ссылки (от 19.10.1937) Алексей Алексеевич напишет своей жене С.П. Григоровой-Захаровой, что до Первой мировой войны он мечтал прожить «три года за границей: в Греции, Египте, Палестине, Сирии, Лувре, Брит.<анском> Музее. Написал бы и напечатал ряд книг и вел бы от Рус.<ского> Арх.<еологического>

Инст.<титута> раскопки на Крите. Проклятая война все сорвала»[24].

Кроме Московского университета, А.А. Захаров до революции преподавал в Московском археологическом институте. Содержащаяся в следственном деле 1935 г. «Анкета арестованного» сообщает о том, что с 1914 по 1929 гг. Алексей Алексеевич работал также в Российском историческом музее — Государственном историческом музее, где был до 1922 г. и. о. заведующего, а с 1922 г. — заведующим Отделом греко-римской и скифо-сарматской археологии[25]. Впрочем, как следует из расчетной книжки А.А. Захарова, заведенной в 1924 г., он был принят на должность зав. отделением греко-римской и скифо-сарматской археологии 1 октября 1924 г.[26] Он принял участие в первом археологическом сборнике ГИМ, вышедшем в 1926 г.

Но 17 сентября 1929 г. А.А. Захаров был уволен из ГИМ в ходе знаменитой «чистки», начавшейся в июне 1929 г. как масштабное очищение госаппарата от «классово-чуждых элементов» и охватившей затем музеи, вузы и научно-исследовательские институты[27]. В дневнике А.В. Орешникова имеется следующая запись: «17 сентября 1929 г. из музея уволены <...> Захаров, Городцов, атмосфера в музее такая, будто покойник в доме»[28].

Также Алексей Алексеевич после революции работал в Московском отделении ГАИМК, влившемся в 1927 г. в РАНИОН. В РАНИОН А.А. Захаров входил в секцию археологии. Но и оттуда он был уволен — в 1930 или 1931 г., скорее всего, за солидарность с Ю.В. Готье и другими учеными, арестованными в рамках сфабрикованного «Академического дела» 1929–1931 гг.[29] Как следует из материалов следственного дела 1935 г., «при аресте профессора Готье Захаров открыто выступал в Институте археологии и искусствознания РАНИОНа с заявлением, что арест Готье есть акт насилия диктатуры пролетариата над наукой. Это выступление было зафиксировано в протоколе заседания и предшествовало демонстративному уходу Захарова из РАНИОНа»[30]. В дневниках А.В. Орешникова имеется следующая запись: «11 октября 1930 г. передавали мне, что А.А. Захарова исключили из секции научных работников и, кажется, удалили из РАНИОНА за резкие слова»[31].

Еще ранее, в конце 1920-х гг. А.А. Захаров публично отказался присоединиться к проходившей в РАНИОН масштабной кампании одобрения приговора по знаменитому «Шахтинскому делу» — одному из первых «показательных процессов», сфабрикованных по прямому указанию Политбюро[32].

Одновременно с увольнением из РАНИОН Алексей Алексеевич лишился и возможности преподавать на археологическом отделении МГУ, поскольку в 1931 г. факультеты, готовившие специалистов исторического профиля в Московском и Ленинградском университетах, были ликвидированы, и, соответственно, археологическое отделение в МГУ было закрыто (ср. вышеприведенные сведения из «Докладной записки» А.А. Захарова А.С. Бубнову). Впоследствии А. А. Захаров выступал за восстановление археологического отделения в МГУ, что в контексте следственного дела 1935 г. пытались вменить ему в вину, поскольку он-де стремился там снова «начать свою контрреволюционную работу»[33]. Эта идея Алексея Алексеевича была осуществлена лишь тогда, когда его уже не было в живых: в 1939 г. А.В. Арциховским на историческом факультет МГУ была основана кафедра археологии.

Потеряв преподавательскую работу, А.А. Захаров тем не менее остался в системе 1-го МГУ. Его новым и последним местом работы (до ареста и ссылки в Казахстан) стал Музей Антропологии МГУ, где, как видно из материалов следственного дела 1935 г. («Анкета арестованного»), он был заведующим библиотекой, «профессором — действительным членом»[34] (ср. вышеприведенные сведения из «Докладной записки» А.А. Захарова А.С. Бубнову). Здесь в 1931 г., принимая приезжего эстонского ученого Эрика Лайда, Алексей Алексеевич позволил себе излишне вольные высказывания, что вызвало его «проработку» на «экстренном собрании коллектива» Музея Антропологии МГУ 19.10.1931 (о чем свидетельствует копия протокола данного заседания, хранящаяся в следственном деле 1935 г.)[35] и едва не привело к очередному увольнению. Впоследствии, в 1935 г., это событие отразилось в характеристике, представленной руководством Музея Антропологии МГУ по запросу следственных органов, где упоминался данный инцидент и, в частности, указывалось, что «Захаров идеологически чуждый человек, идеалист, неспособный освоить материалистическое мировоззрение»; вместе с тем руководство Музея не могло не признать, что А.А. Захаров — «крупный специалист по античному миру и древнему Ближнему Востоку <...>, любящий свое дело и преданный ему специалист»[36].

Анализ научной деятельности А.А. Захарова позволяет полностью согласиться с позитивной частью его характеристики Музеем Антропологии МГУ. Это был широко образованный и разносторонний ученый, оставивший после себя около 50 публикаций. Печатные труды А.А. Захарова охватывают широчайший спектр направлений — востоковедение, антиковедение, кавказоведение, скифологию и медиевистику. Не будучи полевым археологом (из-за слабого здоровья), он работал на археологическом материале, посещая музеи, анализируя важнейшие памятники и коллекции, в числе которых были: древности хеттов и минойской культуры, античные геммы, скифская коллекция Зарецкого, материалы раскопок Берельских курганов В.В. Радловым и раскопок Е.И. Козубского в Дагестане, Збручский идол и др.

Вот перечень наиболее значительных публикаций А.А. Захарова (в хронологическом порядке):

Троны богов в древности и их параллель в современном фольклоре // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Май. С. 178–195;

Гомер. М.: Практические знания, 1918;

Очерк Эгейского мира. М., 1918;

Хеттский вопрос // Новый Восток. 1922. № 1. С. 251–258;

Новейшие раскопки в Месопотамии // Новый Восток. 1923. № 4. С. 507–508;

Хетты и хеттская культура. М.-Л., 1924 (совместно с Ж. Контено);

Эгейский мир в свете новейших исследований // Страны, века и народы. Пг.: Сабашниковы, 1924;

Крит и Египет: (Новейшие раскопки А. Эванса) // Новый Восток. 1925. № 7. С. 382–383;

Antiquities of Katanda (Altai) // Journal of the Royal

Anthropological Institute of Great Britain and England. 1925. Vol. 55. Pt. 1. P. 37–58;

Новейшие раскопки в Западной Индии // Новый Восток. 1926. № 13/14. С. 458–460; Ancient Wood and Bone Work from the Altai // The Antiquaries Journal. L., 1926. Vol. 6, № 4. P. 410–415;

Раскопки в Палестине в Бетшане // Новый Восток. С. 460–461;

Керамика Богаз-Кея и аналогичная ей керамика Закавказья и Крыма // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 55–56;

Хеттская Керамика из Богазкея и некоторые закавказские параллели. Баку: Изд-во общества изучения и обследования Азербайджана. 1927. № 5.;

Геммы и античные перстни Гос. Исторического музея // Труды Секции археологии РАНИОН. Т. 3. М., 1928. С. 104–146;

Геммы гос. Исторического музея. М.: Гос. Исторический музей, 1928;

Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Несколько археологических параллелей. М, 1928; Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. Радлова в 1865 г. // Известия Российской академии истории материальной культуры. Л., 1921–1925. Т. 1–4. С. 71–106; Малоазиатские печати из собрания Н. П. Лихачева // Труды Секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 224–226;

Хеттская надпись из Богазкея и некоторые Закавказские параллели // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1928. № 5. С. 144–153;

Some Caucasian Seals // Annals of Archaeology and Anthropology. University of Liverpool, 1928. Vol. 14. № 3/4. P. 55–56;

Materials on the Archaeology of Syberia: (Dr. V.V. Radlov's Excavations in the Berel Steppe) // Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1928. T. 3. P. 132–140;

Contributions to Caucasian Archaeology: A large barrow in Daghestan // Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1930. T. 5. P. 183–216;

Schadel aus Steinkistengraben im Kurgan von Temir-Chan-Sura // Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1930. T. 5. P. 217–219 (в соавтор.: Sergejev V. V.);

Material for the Corpus Sigillorum Asiae Anterioris antiqua. // Archiv orientalni. Prague, 1931. T. 3. P. 508–512;

Contributions to the Archaeology of Daghestan: Kozubki's Excavations in Northern Daghestan. // Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1931. T. 6. P. 159–170;

Etudes sur l'archeologie de l'Asie Mineure et du Caucase: I-III // Revue Hittite et Asiatique. P., 1930–1931. № 1. P. 111–136; 1931–1932. № 2. P. 164–181

I. A. Zaretsky's Exavations in the government of Kharkov. Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1932. T. 7. P. 59–81;

The Statue of Zbrucz. Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1934. T. 9. P. 336–348; Materials for the Corpus Sigillorum Asiae Minoris antiqua: 2. Sassanian portrait-seals. // Archiv orientalni. Prague, 1933. T. 5. P. 270–272;

Quelques antiquites peu connues et inedits de l'Asie Anterieure // Archiv orientalni. Prague, 1935. T. 7. P. 35–36.

Кроме того, в 1930-е гг. Захаров занимался изучением могильников Жанэ I, II и III на Кубани (в его архиве хранятся чертежи и фотографии погребений, кромлехов и дольменов из Жанэ[37]), а также Частыми курганами из раскопок ВУАК (в архиве хранятся чертежи погребений, рисунки (сделанные С. П. Григоровой) и фотографии вещей, а также письма С. Н. Замятнина, предоставившего данный материал для изучения А. А. Захарову[38]). Эти материалы не были доведены А. А. Захаровым до публикации в связи с арестом и высылкой.

Суммируя материалы архива и данные по публикациям А. А. Захарова, можно прийти к выводу, что пик его научного творчества и научной активности приходится на 1920-е гг. К этому времени относится и основная масса опубликованных работ Алексея Алексеевича, и бóльшая часть его переписки с многочисленными коллегами, среди которых крупнейшие археологи, историки, искусствоведы, относившиеся к нему с неизменным уважением и высоко ценившие его компетентность и эрудированность[39].

В 1920-х гг. А. А. Захаров активно участвует в научной жизни страны, часто выезжает в научные командировки. В 1922 г. он выступил на съезде российских египтологов в Москве[40]. Из его дневников мы узнаем, что 15 июля 1927 г. А. А. Захаров выехал из Москвы во Владиславовку, далее 17 июля в Керчь, где работал в Керченском музее при содействии Ю. Ю. Марти, поднимался на Митридат и т. д.; в Москву он вернулся 9 августа[41].

Затем 7 сентября 1927 г. А. А. Захаров выехал в 10-дневную командировку в Херсонес, т. е. в Севастополь, где 11 сентября стал свидетелем знаменитого Крымского землетрясения[42].

В 1928 г. Алексей Алексеевич совершает поездку на Кавказ (тем самым невольно разминувшись с А. М. Тальгреном, приехавшим в том году в СССР и в числе прочего намеревавшимся встретиться с А. А. Захаровым). 11 июля А. А. Захаров приезжает во Владикавказ[43], где работает в Музее Осетии, изучает и зарисовывает вещи[44], посещает Цейское ущелье, Армхи, святилища в Бразы-кау, Дзивгис, Даргавс, Верхний Кобан и др.[45], позднее Эльхотово, Змейку и др.[46] Затем Алексей Алексеевич приехал в Тифлис, где с 30 июля несколько дней работал в местном музее, вел зарисовки[47]; затем он возвратился во Владикавказ, а позднее, 24 августа — в Москву[48].

Еще одна поездка А. А. Захарова во Владикавказ состоялась, очевидно, летом 1930 г. — в архиве А. А. Захарова в ОПИ ГИМ имеется карандашный портрет Алексея Алексеевича, очевидно, созданный во Владикавказе 24 июля 1930 г. художником Аслан-Гиреем Хоховым. На портрете внизу стоит дата 24.07.1930 и написано: «Глубокоуважаемому проф. А. А. Захарову в память о Владикавказе. Аслан-Гирей»[49] (Рис. 1).

Несколько слов о личных обстоятельствах А. А. Захарова (их подробное освещение не входило в задачи данной статьи), необходимых для понимания того психологического фона, на котором проходила научная работа Алексея Алексеевича.

А. А. Захаров был дважды женат. В 1922 г. он женился на Гале Александровне Захаровой[50]. Но этот брак был недолгим в связи с горестным событием: Галя Александровна умерла родами 10 марта 1926 г., дав жизнь сыну Алексея Алексеевича Андрею Алексеевичу Захарову. Эта трагедия отражена в дневнике А. А. Захарова[51] и в сочувственных письмах его друзей[52], а также в дневнике А. В. Орешникова[53].

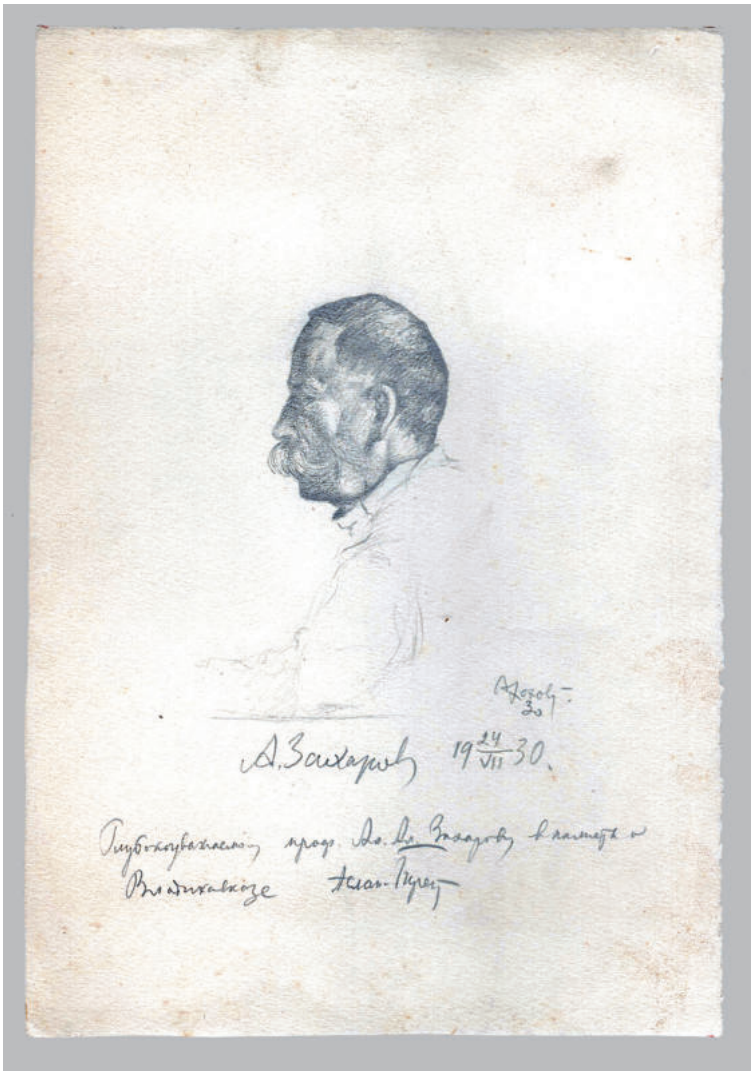


Рис. 2. Фото А. А. Захарова из следственного дела 1935 г. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 21128. Л. 401

Рис. 1. Карандашный портрет А. А. Захарова, выполненный 24.07.1930 г. художником Аслан-Гиреем Хоховым. ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 12. Л. 169

После кончины жены Алексей Алексеевич находился в состоянии глубокой депрессии, в основе которой были и личные переживания, и неприятие современной ему ситуации в стране. В его дневнике от 1 мая 1926 г. (в тот год это была Страстная суббота) появляется следующая запись: «Все равно мне здесь делать нечего: наукой заниматься нельзя, да и ничего в конечном счете это не дает; „общественными“ делами я заниматься не хочу, ибо всегда ненавидел „общественность“, как помеху личности. Идеал современный не мой идеал: я, как К. Леонтьев или В. В. Розанов, люблю Россию Кремля, царя, попов, помещиков и крепостных крестьян. А раз ее нет, нет у меня и родины»[54].

Мрачная настроенность была свойственна А. А. Захарову и в начале 1930-х гг., о чем косвенно свидетельствует переписка Э. Х. Миннза с М. И. Ростовцевым: так, в письме от 23. 12. 1931 Э. Х. Миннз замечает: «Захаров мне часто пишет, а каждое письмо делает впечатление, что, может быть, это последнее. По характеру и обстоятельствам он стал так одинок, что в один прекрасный день возьмет и покончит с собою»[55].

Тем не менее и в это тяжелое для него время А. А. Захаров находит в себе силы для продолжения интенсивной научной деятельности и совершает ряд научно-исследовательских поездок, о которых было сказано выше.

В начале 1930-х гг. наступает определенный «просвет» в личной жизни Алексея Алексеевича: летом 1931 г. он женится на своей давней знакомой С. П. Григоровой[56], с которой он находился в постоянной переписке, начавшейся не позднее, чем в 1922 г. В конце 1930 г. их переписка, дотоле дружеская, перерастает в переписку близких людей[57]. Этот брак продлился до конца жизни А. А. Захарова.

С. П. Григорова-Захарова (1896–1972) была младшей сестрой известного антропософа Бориса Павловича Григорова (1883–1945) — экономиста, гаранта московского отделения русского Антропософского общества. Софья Павловна в 1914 г. окончила Московскую частную женскую гимназию и в 1915 г. поступила на Московские высшие женские курсы (в будущем — 2-й МГУ), на историко-философский факультет, который окончила в 1921 г. С 1919 г. она была сотрудником ГИМ, первоначально работала в Археологическом отделе, а в 1922 г. перешла в Отдел России XVIII века[58]. В 1954 г. С. П. Григорова-Захарова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Торговля железом Голицыных во 2-й половине XVIII века и ее экономические условия». Именно Софье Павловне мы обязаны бережным сохранением архива Алексея Алексеевича, включая рукописи его неизданных работ.

Жизненная ситуация Алексея Алексеевича резко ухудшается в 1934–1935 гг. 25 января 1934 г. его в первый раз

арестовывают. Эта дата указана в вышеупомянутой «Докладной записке наркому просвещения А. С. Бубнову от профессора МГУ Алексея Алексеевича Захарова, едущего в ссылку в Алма-Ату»[59]. Ученый обвиняется по ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР («контрреволюционная деятельность»). Он находился в тюрьме более двух месяцев до 2 апреля 1934 г. и был осужден Особым совещанием на условную высылку в «Северный край» на 2 года[60].

Во второй раз Алексей Алексеевич был арестован 14 февраля 1935 г. (как уже было сказано, по одному делу с А. С. Башкировым и И. Н. Бороздиным); обвинялся по ст. 58–10, ч. 1 и 58–11 УК РСФСР[61]. Как было отмечено в нашей публикации данного дела, очевидно, что арест А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина и А. А. Захарова стал одним из мероприятий идеологической чистки, ликвидации системы высшего гуманитарного образования, репрессирования краеведов, музейных и институтских работников в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.[62] Кроме того, как следует из материалов следственного дела 1935 г., дополнительным компрометирующим показателем в глазах следователей стал тот факт, что некогда все трое работали в системе «идейно сомнительной» РАНИОН и были знакомы с ленинградскими и московскими учеными, проходившими по знаменитому «Академическому делу» 1929–1931 гг., сфабрикованному органами ОГПУ в Ленинграде.

На следствии А. А. Захаров вел себя чрезвычайно мужественно и не признал ни одного предъявляемого ему обвинения в участии в «контрреволюционной националистической группе», отказался называть имена каких-либо знакомых ему «националистов» и в то же время абсолютно не скрывал своего критического отношения к репрессивной политике властей (в том числе к репрессиям против научных работников), к методам ведения следствия, к марксистско-ленинской идеологии и т. д., что зафиксировано в материалах допросов[63].

Я не буду обращаться к соответствующим фрагментам следственного дела, поскольку они были достаточно подробно представлены в нашей статье с А. Ю. Ватлиным[64]. Отмечу только одно крайне характерное для А. А. Захарова заявление: «Я являюсь сторонником действительно демократических свобод, т. к. думаю, что истина выясняется при столкновении и критике самых разнообразных мнений. Этого нет в Советском Союзе, и я был против этого. Марксистско-ленинское учение я считал подлежащим критике»[65].

Кроме того, следует вернуться к определенному фрагменту дела 1935 г., опубликованному в нашей статье с А. Ю. Ватлиным, поскольку недавнее изучение архива А. А. Захарова проливает свет на один из сюжетов следствия. На своем последнем допросе, состоявшемся 28 мая (предварительно в этот же день Алексей Алексеевич выдержал сначала две очные ставки со своими «подельниками», на которых решительно отверг обвинения в контрреволюционной деятельности), он заявил:

«Следствие я считаю волынкой, дерганьем нервов, и что обвиняемый не показывай, вопрос о нем уже предрешен. Так я сужу по примерам из камеры Бутырского изолятора. Всех высылают, хотя я считаю, что многие не имеют никакой вины и не заслуживают наказаний <...> Я считаю себя человеком законченным и далее к научной работе не способным. Органы Советской власти заставить работать меня не смогут, они могут меня уничтожить, но работать я не буду. Я считаю, что в настоящее время идет самый настоящий террор против научных работников, и давать показания нахожу излишним, поскольку мне абсолютно не верят»[66].

Комментируя через несколько месяцев (осенью 1935 г.) в своей «Докладной записке» наркому просвещения А. С. Бубнову этот эпизод, А. А. Захаров укажет, каким образом в протоколе допроса появилась фраза об «отказе работать» и каким на самом деле был его диалог со следователем:

«Эта тирада составлена следователем Аленцевым из такого разговора:

Я — „Арестовывая меня и держа в тюрьме, вы делаете меня неспособным к дальнейшей научной работе, которая требует непрерывности, и как раз теперь я заканчиваю ряд работ, которые необходимы для студентов-историков“. —

Он — „Мы принудим вас работать“.

Я — „Говоря о принудительном труде в СССР, вы становитесь на точку зрения заграничных империялистов (так в тексте — *А. К.*) и смыкаетесь с английскими твердолобыми. 4-х месячное заключение в переполненной до 97 человек камере дает такую физическую и психическую травму, что поправиться после ее будет едва ли возможно, и этим вы делаете меня в научном смысле человеком конченным (так в тексте — *А. К.*), а больного человека никакая власть и не будет заставлять работать»[67].

Как уже отмечалось в нашей совместной с А. Ю. Ватлиным статье, начатый 29 июля 1935 г. в спецколлегии Московского городского суда судебный процесс над А. С. Башкировым, И. Н. Бороздиным и А. А. Захаровым по обвинению в «контрреволюционной деятельности» из-за недостатка доказательной базы был 9 августа «отложен», а дело направлено прокуратурой на Особое совещание НКВД, которое 14 сентября без суда и без указания на какую-либо статью Уголовного кодекса предписало сослать всех трех обвиняемых (так и не выпущенных на свободу) на три года в Казахстан «за контрреволюционную деятельность»[68]. В 1955 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР полностью реабилитировала всех троих по этому обвинению[69].

Сообщение М. А. Миллера о том, что А. А. Захаров был отправлен в Алма-Ату в инвалидном кресле[70], представляется вполне правдоподобным, учитывая его слабое здоровье, которое, как мы видели из его диалога со следователем, было еще более подорвано тяжелейшими условиями содержания в тюрьме. Об этом говорят также иные материалы, содержащиеся в деле 1935 г., а именно: анкета арестованного, обращение С. П. Григоровой-Захаровой в спецколлегию Мосгорсуда с просьбой о его медицинском освидетельствовании и личное обращение А. А. Захарова к прокурору[71].

В пределах Алма-Аты А. А. Захаров пользовался относительной свободой, жил в общежитии Дома Советов и продолжал работать, как следует из его писем жене; вероятно, состояние его здоровья несколько улучшилось[72]. В архиве А. А. Захарова мы находим рукопись неопубликованного исследования по истории археологических исследований в Казахстане; видимо, каким-то образом этот манускрипт был прислан С. П. Григоровой-Захаровой[73].

Алексей Алексеевич, находясь в ссылке, старался поддерживать связь с коллегами: он, в частности, пишет С. П. Григоровой-Захаровой: «Напиши, сколько оттисков прислал Грозный, сколько Феттих, и что они пишут в письмах <...>. Что пишет Ганчар, Minns и др.»[74].

Однако вскоре, здесь же в ссылке, Алексей Алексеевич был арестован в третий и последний раз. Это произошло в ноябре 1937 г. Его последнее письмо жене с обратным адресом «Алма-Ата, Дом Советов, 181» датируется 3–4.11 (так!) 1937 г.[75] Далее в конце данной папки фонда имеется карандашная записка, очевидно, сделанная С. П. Григоровой-Захаровой: «А. А. Захаров в начале ноября 1937 г. был арестован в Алма-Ате»[76].

По данным П. А. Бороздиной, в ночь с 17 на 18 ноября 1937 г., т. е. непосредственно вслед за А. А. Захаровым, был арестован находившийся вместе с ним в ссылке И. Н. Бороздин, который был приговорен к 10 годам ИТЛ, о чем ему сообщили 5 декабря 1937 г., когда отправляли по этапу; при этом на следствии от него безуспешно добивались компрометации А. А. Захарова[77]. Эту информацию подтверждает внутриведомственная переписка, содержащаяся в материалах изученного нами следственного дела 1935 г., но относящаяся к более позднему времени: здесь сказано, что И. Н. Бороздин был повторно осужден 1 декабря 1937 г. тройкой Управления НКВД Алма-Атинской области[78].

Основываясь на материалах вышеупомянутого казахстанского следственного дела 1937 г., П. А. Бороздина указывает, что в тот же день, 1 декабря 1937 г., А. А. Захаров был осужден тройкой УНКВД по Алма-Атинской области к высшей мере наказания и расстрелян[79].

Очевидно, данный приговор был вскоре приведен в исполнение, поскольку материалы изученного нами следственного дела 1935 г., не давая никаких сведений о А. А. Захарове после его высылки в Казахстан, все же содержат постановление Верховного Суда от 1955 г. о реабилитации А. А. Захарова по обвинениям 1935 г., причем уведомление о реабилитации было вручено его сыну, как видно из соответствующей расписки, содержащейся в деле[80], тогда как А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин получили эти уведомления лично, как обычно и делалось в случае, если реабилитируемый был жив к этому моменту.

Так оборвался жизненный и творческий путь Алексея Алексеевича Захарова. Думается, что научное наследие этого чрезвычайно компетентного и разностороннего ученого, преподавателя, внесшего значительный вклад в систему археологического образования в Московском университете, мужественного человека, стойкого в своих убеждениях, заслуживает пристального внимания историографов отечественной археологии.

---

[1] *Рыбина Е. А.* Раскопки в Новгороде (к 50-летию работ Новгородской археологической экспедиции) // Известия АН СССР. Общественные науки. 1982. № 1. С. 77–88; *Она же*. «Житие Новгородской археологической экспедиции. Год 1976-й» // Новгород — наша судьба. Воспоминания участников Новгородской археологической экспедиции 1937–2007 гг. Великий Новгород, 2010. С. 172–183; *Рыбина Е. А., Трояновский С. В.* Восемьдесят лет открытий // Русская история. 2012. № 4. С. 52–59; *Они же*. Открытия в Новгороде в XXI веке: к 80-летию систематического археологического исследования города // Вестник РГНФ. 2012. № 4; *Рыбина Е. А., Янин В. Л.* 80 лет систематического археологического исследования Новгорода // Новгородика-2012. У истоков Российской государственности: материалы IV междунар. науч. конф. 24–26 сентября 2012 г. Великий Новгород, 2013. С. 25–43: *Рыбина Е. А., Янин В. Л.* Артемий Владимирович Арциховский и новгородская археология // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Древности Севера. Вологда, 2015. С. 528–537.

[2] А. А. Захаров не прекратил своего участия в издании «Eurasia septentrionalis antiqua» и после того, как в 1931 г. А. М. Тальгрен и его детище подверглись резкой политической критике в советской археологической печати (см.: *Скифский роман*. Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 501–502).

[3] *Tallgren A. M.* Archaeological studies in Soviet Russia // ESA. X. 1936. Helsinki. P. 149; ср.: *Формозов А. А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 43–46. Предыдущие поездки А. М. Тальгрена в Советский Союз пришлись на 1924, 1925 и 1928 гг. (благодарю С. В. Кузьминых за информацию о хронологии поездок А. М. Тальгрена в СССР).

[4] Скифский роман. С. 319.

[5] *Miller M. A.* Archaeology in the USSR. London–New-York, 1956. P. 56, 60, 89, 100, 101.

[6] *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 47. *Он же*. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. № 3. 1998. С. 197–198. Ср. также краткие сведения о работе А. А. Захарова в ГИМ и его увольнении оттуда в 1929 г. в кн.: И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997. С. 116, 268.

[7] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128.

[8] *Ватлин А. Ю., Канторович А. Р.* Из истории отечественной археологической науки (Несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. 2001. № 3. С. 124–132.

[9] *Бороздина П. А.* «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000.

[10] Там же. С. 108–112. Реквизиты данного следственного дела, по данным П. А. Бороздиной.Там же. С. 168: ЦА Министерства государственной безопасности СССР. Архивное следственное дело № 451314. Общий следственный фонд 3377 е-55.

[11] *Бороздина П. А.* «Думой века измерил...». С. 108–112. До обнаружения следственного дела 1935 г. и выхода книги П. А. Бороздиной в качестве даты смерти А. А. Захарова в биографической литературе считался 1947 г. См.: И за строкой воспоминаний большая жизнь... С. 268; Скифский роман. С. 326; *Г. М. Бонгард-Левин.* Четыре письма Б. Н. Гракова к Э. Х. Миннзу // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 38, прим. 5.

[12] *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004. С. 227–244.

[13] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Сердечно благодарю И. В. Белозерову, Н. И. Демирову, О. А. Сиротину и других сотрудников Отдела письменных источников ГИМ, оказавших мне большую помощь в изучении материалов архива А. А. Захарова и С. П. Григоровой-Захаровой.

[14] ОПИ ГИМ. Ф. 453.Д. 25. Л. 24.

[15] Там же. Л. 23 об., 24.

[16] Там же. Л. 25 об, 26.

[17] Там же. Л. 24 об, 25, 25 об, 26.

[18] Там же. Л. 23 об.

[19] Там же. Л. 25 об., 26.

[20] Там же. Д. 11. Л. 54–54 об.

[21] Там же. Д. 55. Л. 19.

[22] Там же. Л. 19-1–19-1 об.
[23] *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма... С. 237.
[24] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 66. Л. 23.
[25] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 22, 67. Ср.: Городцов В.А. Дневники: 1928–1944. В 2 кн. М., 2015. Т. 2. С. 624–625.
[26] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 11. Л. 67.
[27] И за строкой воспоминаний большая жизнь... С. 116, 268.
[28] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. В 2 кн. Кн. 2: 1925–1933. М., 2010–2011. С. 382.
[29] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 58.
[30] Там же. Л. 211.
[31] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. С. 458.
[32] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 58.
[33] Там же. Л. 97.
[34] Там же. Л. 22.
[35] Там же. Л. 216, 216 об, 217, 217 об. См. подробное освещение этого собрания в книге: *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма... С. 239.
[36] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 215, 215 об.
[37] ОПИ ГИМ. Ф. 453.Д. 12. Л. 62–89.
[38] Там же. Л. 25–47, 90–106.
[39] В фонде А.А. Захарова и С.П. Григоровой-Захаровой ОПИ ГИМ хранятся, в частности, письма Алексею Алексеевичу от: И.Н. Бороздина, В.В. Бунака, О.С. Вальдгауэра, М.И. Вязьмитиной, Ф. Ганчара, В.В. Гольмстен, В.А. Городцова, Б.Н. Гракова, К.Д. Гриневича, Б. Грозного, П.П. Ефименко, С.А. Жебелева, С.Н. Замятнина, А.А. Иессена, Е.А. Косминского, Н.П. Лихачева, А.А. Мансурова, И.И. Мещанинова, А.И. Некрасова, П. Пеллио, М.Н. Покровского, Е.М. Придика, П.Д. Рау, М.В. Сабашникова, А. Сальмони, А.А. Спицына, А.А. Струве, В.Ф. Смолина, И.Л. Снегирева, А.М. Тальгрена, С.С. Теплоухова, И.И. Толстого, К.В. Тревер, Б.А. Тураева, П.С. Уваровой, Б.В. Фармаковского, Н. Феттиха, М.Е. Фосс, И.Г. Франк-Каменецкого, В.Н. Харузиной, Н.Л. Эрнста, А. Эванса и др. ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 1–6, 8.
[40] *Городцов В.А.* Дневники. Т. 2. С. 532.
[41] ОПИ ГИМ. Ф. 453.Д. 12. Л. 128–137 об.
[42] Там же. Л. 139 об., 140. Ср.: Алексей Васильевич Орешников. Кн. 2: 1925–1933. С. 218.
[43] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 12. Л. 144.
[44] Там же. Л. 144 об. –146.
[45] Там же. Л. 146–148.
[46] Там же. Л. 149.
[47] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 12. Л. 151а–153.
[48] Там же. Л. 158 об.
[49] Там же. Л. 169.
[50] О дате женитьбы можно судить из поздравительного письма, направленного А.А. Захарову С.П. Григоровой. ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 54 Л. 1.
[51] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 12. Л. 123об–127 об.
[52] Там же. Ед. хр. 2. Л. 131.
[53] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. В 2 кн. Кн. 2: 1925–1933. М., 2010–2011. С. 97–98.
[54] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 12. Л. 126. Справедливости ради надо сказать, что такое неприятие действительности было присуще Алексею Алексеевичу и ранее. В его дневнике за 1924 г. 22 января, на следующий день после смерти В.И. Ленина он отмечает: «Старая Русь умерла и забыта. Только преданье былое хранят. Но я люблю эту старую Русь. Для меня она жива вечно, а сам я проживу не так долго: нечем жить». ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 11. Л. 114.
[55] Скифский роман. С. 318.
[56] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. В 2 кн. Кн. 2: 1925–1933. М., 2010–2011. С. 498, 499. С этим браком А.А. Захарова, в частности, поздравил Э.Х. Миннз в своем письме от 20.07.1931. ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 8. Л. 307.
[57] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 54. Л. 30–39.
[58] См.: Curriculum vitae С.П. Григоровой от 23.09.1924. ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 62. Л. 30. Сердечно благодарю И.В. Белозерову за предоставленный материал.
[59] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 55. Л. 19–1 об.
[60] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 21, 22 об, 126 об.
[61] Ср. исследование П.А. Бороздиной; к сожалению, в этой работе инвертирована последовательность арестов А.С. Башкирова и И.Н. Бороздина, причем А.С. Башкиров назван учеником И.Н. Бороздина, что не соответствует действительности (*Бороздина П.А.* «Думой века измерил...». С. 108–109).
[62] *Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 43–57.
[63] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 148, 160, 162, 166 об, 168, 349.
[64] *Ватлин А.Ю., Канторович А.Р.* Из истории отечественной археологической науки (Несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. 2001. № 3. С. 126–127.
[65] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 162.
[66] Там же. Л. 160.
[67] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 55. Л. 23, 23 об, 24.
[68] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 381, 391–393.
[69] Там же. Л. 401–402.
[70] *Миллер М.А.* Археология в СССР. Мюнхен, 1954. С. 82, 84.
[71] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 23, 343, 349.
[72] См., в частности, письмо от 24.10.1935 (ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 55. Л. 48–51).
[73] ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 12 а. Л. 1–243.
[74] Там же. Ед. хр. 55. Л. 51.
[75] Там же. Ед. хр. 66. Л. 43–47.
[76] Там же.
[77] *Бороздина П.А.* «Думой века измерил...» С. 111–112.
[78] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 396.
[79] *Бороздина П.А.* «Думой века измерил...» С. 109.
[80] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П21128. Л. 405.

С. И. Кочкуркина

Естественнонаучные методы в археологических исследованиях средневековой Карелии

Археологические памятники средневековой Карелии представлены могильниками, курганами, укрепленными (городища) и неукрепленными (селища) поселениями, кладами монет и вещей, жертвенными камнями, датирующимися периодом от VI в. (одиночная могила) до XV столетия включительно. Комплексный подход к изучению древностей с использованием достижений смежных гуманитарных дисциплин позволил выделить три историко-культурных ареала: Северо-Западное Приладожье, заселенное древними карелами, восточное побережье Ладоги и северное побережье Онежского озера – предками вепсов, выходцами из Юго-Восточного Приладожья; бассейн Онежского озера и Белого моря в X–XI вв. – промысловиками (охота, рыболовство, выплавка железа в примитивных горнах), этническая принадлежность которых остается неопределенной (Рис. 1).

При изучении материальной культуры применение методов естественнонаучных дисциплин значительно расширило источниковую базу и привело к более глубокому пониманию средневековой материальной культуры. Так, в конце 70-х гг. минувшего столетия при анализе керамического материала древнекарельского городища Тиверск в лаборатории Института археологии АН СССР (ныне РАН) был применен петрографический анализ. Выяснилось, что образцы одной группы посуды имели тонкочешуйчатую пластинчатую бурую глиняную массу и сильную примесь сильнослюдистого биотитового гранита, добавленную в глиняное тесто в качестве отощителя. Образцы другой группы отличались от первой алевритовой кварцевой примесью при использовании того же отощителя, т. е. примесью служили материалы, встречающиеся в природе повсеместно[1]. С накоплением коллекций стало ясно, что археологической классификации керамического материала недостаточно. Изучение средневековой керамики с применением прогрессивных геохимических методов в лаборатории Института геологии Карельского научного центра РАН позволило определить состав глиняного теста, источники сырья, место изготовления. Так, например, метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS) оказался результативным при изучении составов формовочных масс лепной керамики и глинистого сырья. Выяснилось, что помимо гончарных сосудов, сделанных из местных глин, имеются привозные изделия. В то же время исследователи обращают внимание на ограниченность метода, т. к. это объясняется сходством глин в границах изучаемой территории[2].

Остеологический материал с городищ Тиверск и Паасо из-за особенностей культурного слоя, не сохраняющего органику, — незначительный и к тому же плохой сохранности. Из сожженных костей городища Паасо определены кости коровы, овцы или козы, птиц (точнее не определимы), бобра, свиньи, собаки. Единичными экземплярами представлены кости лисицы, ягненка, куницы и окуня. Н. К. Верещагин отмечал ярко выраженную низкорослость домашних животных[3]. Видимо, коров держали не столько ради молока, сколько для получения навоза и дальнейшего удобрения почвы, как об этом свидетельствуют этнографические наблюдения.

В те же далекие годы началось исследование предметов железоделательного производства. Кузнечные изделия средневековой Карелии представлены находками из городищ Тиверск и Паасо (Северо-Западное Приладожье), курганов р. Ояти и селищ юго-восточной Карелии. Металлографический анализ осуществлен Л. С. Хомутовой (Розановой) и В. И. Завьяловым (Лаборатория естественнонаучных методов Института археологии РАН).

В богатейших коллекциях Тиверска и Паасо имеются многочисленные орудия труда, ремесленный инструментарий, оружие, домашняя утварь. Для выяснения технологических схем, применяемых при изготовлении ножей жителями Тиверска, микроскопическому исследованию было подвергнуто 20 изделий[4]. Большинство из них идентично древнерусским, бытовавшим на территории Древней Руси еще в эпоху раннего Средневековья (IX–XIV вв.). В результате микроскопического исследования установлено шесть схем изготовления клинков ножей. Целиком из стали с разным содержанием и распределением углерода сделано пять ножей (25 %); среди них два — с хорошо сохранившимися лезвиями, откованы из малоуглеродистой стали, содержащей 0,1–0,4 % углерода, а три — из нескольких полос стали. На всех орудиях наблюдается типичная для закаленной стали структура мартенсита — крупноигольчатая, твердостью 275–295 кг/кв. мм. Такая невысокая твердость мартенсита говорит о том, что на изготовление ножей пошли стальные заготовки с небольшим количеством углерода, а крупноигольчатость свидетельствует о высоком нагреве изделий перед закалкой — примерно до 1000 ^{0}C.

Технологическая схема вварного стального лезвия в железную основу клинка представлена на 5 экз. (25 %). Ножи этой технологической группы отличаются стабильностью типа: длина клинка — 8 см, ширина — 1,5 см, длина черешка — 4,5–5 см. На вварные полосы пошла сталь с различным содержанием углерода: от малоуглеродистой, скорее всего, сырцовой, до высокоуглеродистой, специально цементированной. Сварочные швы четкие, тонкие, чистые. Термическая обработка зафиксирована на двух образцах.

Технология трехслойного пакета обнаружена на 4 экз. (20 %). Напомним, что классическая схема трехслойного пакета — это сочетание тонкой стальной полосы, проходящей в середине многослойного клинка с выходом на лезвие, и наваренных по бокам от нее полос железа. Наблюдаемое на всех четырех исследованных ножах бессистемное расположение железных и стальной полос позволяет рассматривать применение в данном случае «псевдопакета». Так, на одном образце вместо железной полосы используется высокоуглеродистая, на другом ближе к спинке находилась наиболее углеродистая часть, а на острие — железо, высокоуглеродистая стальная полоса третьего образца

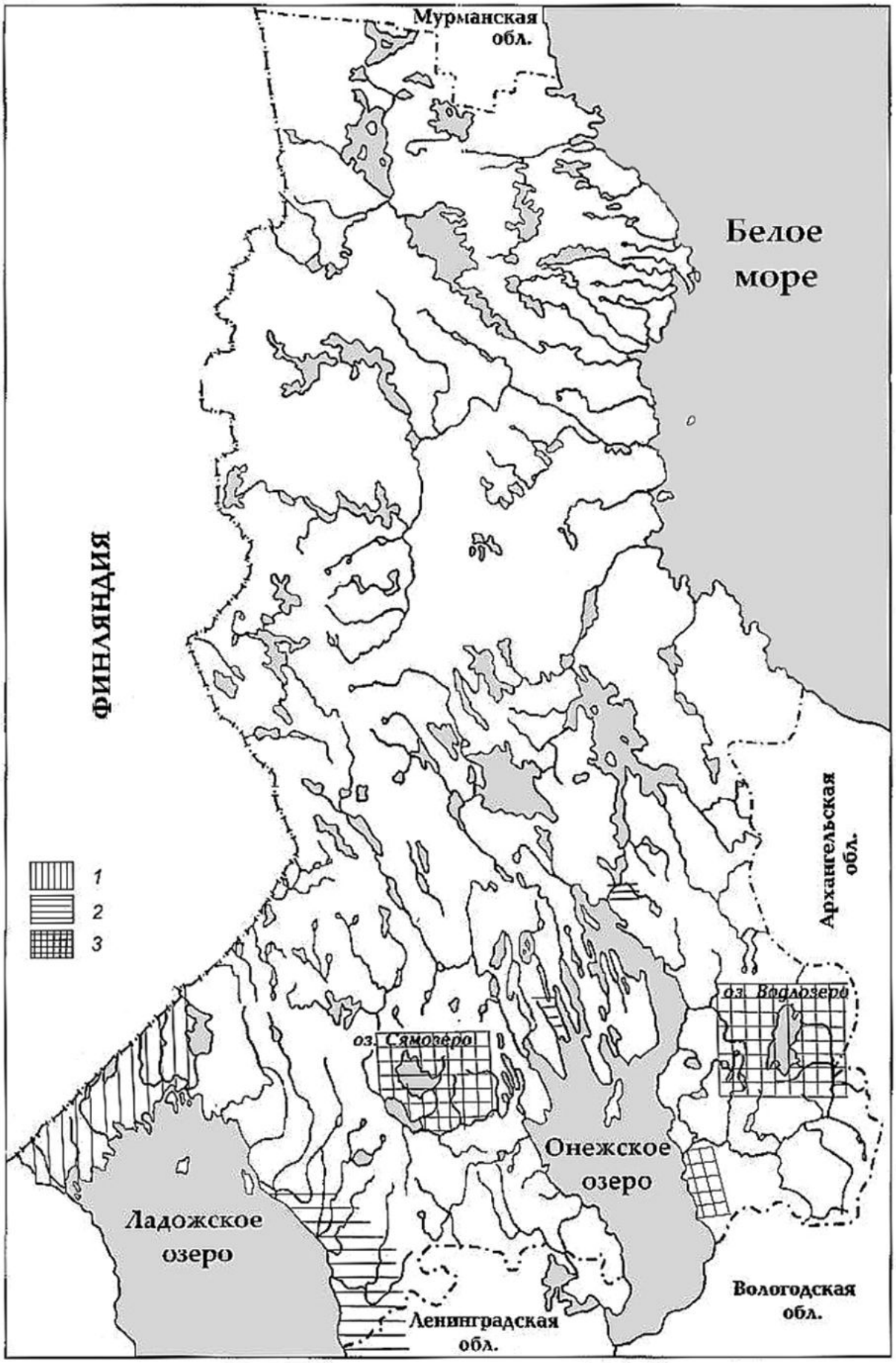


Рис. 1. Археологические памятники средневековой Карелии: 1 – городища, могильники, клады, случайные находки; 2 – курганы; 3 – селища

оказалась приварена на месте железной, а у четвертого три полосы были стальными. Все ножи находились в закаленном состоянии. Качество же ковки и сварки невысокое: металл сильно загрязнен шлаковыми включениями, сварочные швы расплывчатые, четкость границ между структурными составляющими отсутствует.

Технология торцовой наварки стального лезвия прослежена на 3 экз. (15 %). Ножи этой группы отличаются более широким лезвием, чем предыдущие. Термически обработан один нож. Ввиду того что содержание углерода в двух других ножах не превышало 0,2 %, установить, подвергались ли они закалке, не удалось. Как известно, сталь, содержащая до 0,4 % углерода, термическую обработку не воспринимает.

Технология косой наварки встречена на 2 экз. (10 %). Причем на одном образце обнаружено применение двух технологических схем: вначале на железную основу была V-образно наварена стальная полоса, судя по твердости мартенсита (383 кг/кв. мм), из среднеуглеродистой стали, затем к ней приварили узкую пластину из высокоуглеродистой стали. Твердость после закалки — 464 кг/кв. мм.

Один нож демонстрирует технологию поверхностной цементации изделия (5 %) с последующей закалкой в холодной воде. Микротвердость закаленного слоя — 514 кг/кв. мм. Следует отметить, что по виду этот нож сильно отличается от остальных исследованных образцов: он крупнее, длина лезвия — 9 см, ширина — 2 см, черешок заканчивается петлей для крепления (в таблицу не включен).

Таким образом, технологические схемы изготовления ножей полностью соответствуют общерусским IX–XIV вв. Л. С. Хомутова отметила лишь несколько специфических черт, характерных для исследованных орудий. Во-первых, отсутствует технология цельножелезного клинка, которая довольно часто встречается на разных памятниках Древней Руси. Во-вторых, технология трехслойного пакета проявляется только в виде «псевдопакета»[5]. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что ножи, изготовленные в такой схеме, несомненно, были продукцией местных кузнецов, которые подражали образцам, распространенным на Руси в IX–XI вв.

У 23 исследованных ножей городища Паасо (Рис. 2) выявлены четыре структурные схемы. Самую многочисленную группу (12 экз.) составляют ножи, откованные в схеме трехслойного пакета (52,1 %). Как правило, сварка проведена качественно, при правильном температурном режиме и с использованием флюсов, о чем свидетельствуют тонкие и четкие сварочные швы. В подавляющем большинстве это технология классического трехслойного пакета. Однако есть два ножа, откованные в схеме трехслойного пакета, но с перепутанными полосами: стальная наварена сбоку, где должна быть железная, а на месте стальной расположена железная. Термическая обработка сохранилась у 10 экз. Структуру закаленной стали составляют мелкоигольчатый мартенсит и мартенсит с троостит, свидетельствующие о применении мягкой закалочной среды. Микротвердость — 420 кг/кв. мм.

Довольно представительная группа ножей (8 экз.), выполненных в технологии вварки стального лезвия в железную основу клинка (35 %). Кузнецам не всегда удавалось провести сварку хорошо: попадаются широкие сварочные швы, местами загрязненные шлаковыми включениями. Термическая обработка обнаружена у пяти образцов. Структура закаленной стали – мартенсит с четкими иглами. Микротвердость 574 кг/кв. мм.

Технология косой боковой наварки стального лезвия на железную основу отмечена дважды (8,6 %). Оба ножа закалены на мартенсит.

Для одного экземпляра характерна технология торцовой наварки стального лезвия на железную основу с последующей теплообработкой в мягкой закалочной среде (4,3 %).

Таким образом, технологические приемы изготовления клинков ножей из Паасо базируются на сочетании железной основы и стального лезвия (100 %). У примерно 80 % орудий лезвия термообработанные, выдержанные в резкой или мягкой закалочной среде. В итоге получались изделия, обладающие твердой рабочей частью и мягкой, вязкой основой.

По мнению Л. С. Хомутовой, тиверские кузнецы по отношению к ремесленникам из Паасо были менее квалифицированными. Это проявилось в неправильном применении ими сложной пакетной технологии (изготовление «псевдопакета»), ошибочном подборе материала, некачественной кузнечной сварке, использовании большого количества цельностальных изделий. Можно добавить, что Паасо моложе Тиверска как минимум на 100 лет, что естественным образом отразилось и на технологическом уровне изготовления ножей.

Сварочная техника древнекарельских мастеров достигала высокого уровня — сварочные швы подавляющего большинства изделий имеют чистое и тонкое строение без шлаковых включений.

Показателем степени развитости кузнечного дела служит применение такой важной операции, как термическая обработка. Результаты микроскопического исследования позволяют говорить о широком освоении термообработки (около 75 %). Структура большинства термически обработанных изделий свидетельствует о том, что тепловая обработка происходила при допустимых нормами температурах (750–800 °C). Одно из доказательств этого — мелкоигольчатая структура мартенсита. Лишь в некоторых случаях можно говорить о температуре выше нормы.

При изготовлении изделий из черного металла древнекарельские мастера широко применяли разнообразные ковочные работы: вытяжку, рубку, обрезку, пробивку отверстий, изгиб, скручивание. Все перечисленные операции могли происходить только с металлом, находящимся в пластическом (горячем) состоянии.

Знали мастера и такой сложный технологический прием, как паяние, который необходим при изготовлении ряда изделий и в первую очередь замков. При паянии между частями вводится более легкоплавкий металл, проникающий при нагревании в соприкасающиеся детали и приводящий к прочному соединению. Различаются два вида припоев: мягкие, плавящиеся при температуре ниже 300 °C, и твердые — с высокой температурой плавления — выше 700 ° C.

Сравнение достижений кузнецов Корельской земли в железообрабатывающем ремесле с опубликованными данными о производстве в других древнерусских поселках обнаруживает высокий уровень технических знаний

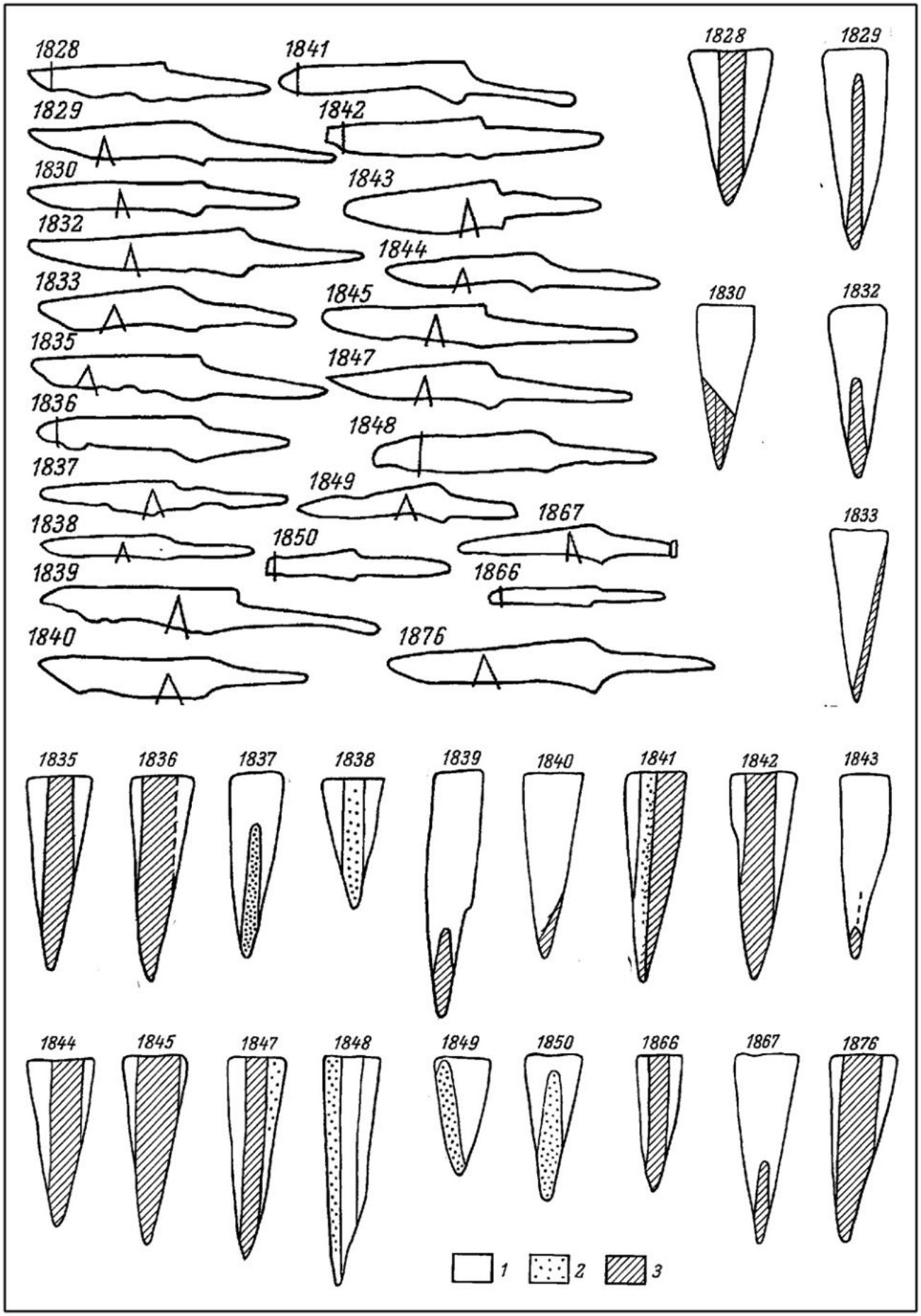


Рис. 2. Городище Паасо. Технологические схемы ножей: 1 – железо; 2 – сталь; 3 – термическая обработка

местных ремесленников. В своей практике они применяли следующие технологические приемы: горячую ковку, кузнечную сварку, термическую обработку, горновую пайку, обмеднение, художественную кузнечную ковку, инкрустацию. Наибольшее распространение получили технологические схемы, датируемые, по новгородской хронологии, X–XII вв. Именно в этот период изделия характеризуются высоким мастерством исполнения кузнечных работ. По опыту и мастерству, объему технических знаний, набору технологических приемов и операций древнекарельских кузнецов в этот период можно поставить в один ряд с ремесленниками крупнейших древнерусских центров — Старой Ладоги, Новгорода, Гнездова. Это дает право говорить о тесных контактах корелы с Северо-Западной Русью.

Металлографическому исследованию подвергнуты 13 ножей из раскопок Линевского на р. Ояти (1947–1949 гг.). Л.С. Хомутова[6] отметила, что по примененным технологиям кузнечные изделия из курганов не отличаются от аналогичных древнерусских изделий X–XIII вв. «На ножах, например, зафиксировано применение пяти технологических схем. Шесть ножей из комплексов X–XI вв. представляют наиболее технически сложную и трудоемкую по исполнению, но и наиболее целесообразную технологию многослойного (трехслойного) клинка. Изготовление подобных изделий заключает в себе такой объем профессиональных знаний, умения и мастерства, что оно под силу только высококвалифицированному кузнецу. Все трехслойные ножи свидетельствуют о том, что техника многослойной сварки была отработана в совершенстве. Об этом свидетельствуют тонкие, чистые сварочные швы без признаков ошлакования и расслоения. При подборе материала кузнец ошибся лишь однажды, вставив в середину вместо стальной полосы железную, а по краям наварил полосы из высокоуглеродистой стали.

Известно, что технология многослойного клинка существовала в новгородском кузнечном ремесле в X–XI вв., а в самом начале XII в. была заменена техникой вварного стального лезвия, просуществовавшей до конца XII в.[7] В исследованной коллекции с применением вварной технологии изготовлены три ножа. Основным технологическим приемом в кузнечном ремесле Древней Руси с конца XII по XIV вв. становится наварка стального лезвия на железную основу изделия. Среди изученных нами ножей в такой технике изготовлены два ножа. Массивная стальная наварная полоса, занимавшая ⅔ и ⅓ сечения клинка, по наблюдениям Б.А. Колчина[8], характерная для ножей XII – первой половины XIII вв., к концу XIII в. становится все меньше и меньше, пока стальное острие не наваривалось тонкой узкой пластинкой на одну из сторон клинка. В исследованной коллекции зафиксирован один нож с применением техники этой, так называемой, косой наварки стального лезвия». Л.С. Хомутова отмечала высокий уровень кузнецов Юго-Восточного Приладожья, не уступавших по мастерству городским ремесленниками северо-западной Руси[9]. Нужно также отметить, что по технологии изготовления ножей удалось уточнить датировку пяти курганов.

Эпоха Средневековья бассейна Онежского озера и Белого моря зафиксирована в виде изолированных комплексов или отдельных находок на поселениях, представленных культурными слоями и предметами разных эпох: мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного веков. Вне этих археологических объектов более или менее долговременных средневековых поселений нет. Причина видится в том, что древних поселенцев и поселенцев рубежа I–II тысячелетия н.э. объединял охотничье-рыболовецкий хозяйственный уклад, исключавший занятия земледелием, поэтому и селились они в сходных топографических условиях. В какой-то степени датировку этих памятников смогли уточнить металлографические характеристики железных ножей.

Железоделательное производство, базирующееся на запасах местной руды Карелии, сыграло немаловажную роль в жизни населения. В процессе археологических раскопок найдены не только железные орудия труда и промыслов, но и три разных по конструкции и времени использования горна. Так, первый тип примитивных одноразовых горнов выявлен на памятниках Илекса V и Пичево (два); второй — горны в виде небольших ящиков из каменных плит многократного использования (средние размеры их — 0,4 × 0,6 × 0,3 м) — на Кудоме XI (семь) и Кудоме X (четыре — из них три датируются эпохой железа); третий тип, сложенный из глины и камней (1,2–0,7 × 0,6–0,5 м), выявлен на поселениях с керамикой — Муромское VII, Илекса IV, Суна VI[10]. Обнаруженные остатки горна на Суне VI, сделанного из глины, по мнению А.М. Спиридонова, сравнимы с горнами восточноевропейских памятников[11].

Металлографическому анализу были подвергнуты 19 ножей[12], в результате которого выявлены изделия, выполненные по технологии трехслойного пакета, торцовой наварки, а также цельножелезные и цельностальные изделия. Сделаны содержательные выводы относительно состояния железоделательного ремесла в бассейне Онежского озера.

В итоге металлографического изучения ножей археологических памятников средневековой Карелии следует отметить, что кузнечная продукция Паасо, приладожских курганов и Тиверска, с некоторыми оговорками, довольно высокого качества. Кузнецами была успешно, с некоторыми ошибками, усвоена передовая технология. Средний уровень развития, за несколькими исключениями, железоделательного ремесла жителей бассейна Онежского озера объясняется, по-видимому, подвижным образом жизни, местным производством кричного железа, отсутствием прочных связей с городскими центрами северной Руси.

Меднолитейное дело в древнекарельских землях развивалось в русле передовых традиций. В конце 1960-х – начале 1970 гг. А.А. Коновалов, исследуя химический состав изделий из цветного металла Великого Новгорода, привлек для аналитического сравнения сплавов материалы Восточной Европы, в том числе и курганов Приладожья[13]. Им установлено, что 69 приладожских изделий сделаны из пяти типов сплавов. Из «чистой» меди и свинцово-оловянной бронзы выполнено незначительное число изделий. Большинство же предметов сделано из латуни, томпака (52,2 %) и многокомпонентного сплава (43,3 %). Оба этих сплава характерны для Новгорода, Швеции, Латвии и других синхронных памятников[14].

Впервые результаты спектрального анализа химического состава металла 55 находок из археологических раско-

Рис. 3. Изделия из цветного металла: 1–3 – шумящие привески; 4 – зооморфная подвеска; 5–17 – кольцевидные застежки; 18–19 – спиральки; 20 – перстень; 21–22 – иглы от застежек; 23–24 – решетчатые подвески, 25–26 – колоколовидные привески

пок на городищах Тиверск и Паасо были осуществлены в 1980-е гг.[15] Несмотря на то, что Э. С. Васильева использовала качественный метод оценки концентрации химических элементов, эти данные позволили определить набор цветных металлов и сплавов, характерных для карельских памятников, и высказать суждения относительно источников поступления ювелирного сырья на эту территорию.

Спустя почти тридцать лет в практику археологических исследований вошли более совершенные методы определения химического состава древних металлов и сплавов. С их помощью можно получить информацию о количественном содержании элементов без отбора проб и ущерба для сохранности изучаемых объектов. Для изучения химического состава привлечено 76 находок с древнекарельских городищ (Рис. 3). Исследование осуществлено сотрудником кафедры археологии МГУ Н. В. Ениосовой[16].

Анализ показал, что из свинцовых латуней (сплав меди, цинка, свинца) изготовлены изделия, датирующиеся X–XII вв. Многочисленна группа украшений из оловянно-свинцовых бронз: овально-выпуклые фибулы, цепедержатели, рукояти ножей и т. д. Они были серебристо-серого цвета и производили впечатление серебряных.

Характерные примеси – серебро, мышьяк, сурьма — свидетельствуют о происхождении сырья из месторождений, обнаруженных на территории Германии. Изделия из свинцовых латуней хрупкие, поэтому их нельзя было подвергать даже простым кузнечным операциям из-за опасности повреждения.

Серебро представлено тремя пробами. Круглая фибула с гравированным орнаментом выполнена из двухкомпонентного высокопробного драгоценного металла (Рис. 3: 13). Менее высокая проба обнаружена у серебра, использованного для изготовления длинной иглы подковообразной фибулы (Рис. 3: 21) и круглой застежки, у которой половина дуги ложновитая (Рис. 3: 15). Серебряный прут из Тиверска был исследован Э.С. Васильевой. Помимо меди и свинца в металле этого предмета есть цинк и олово. Различные комбинации легирующих компонентов в серебре, как правило, свидетельствуют о том, что к драгоценному металлу добавлялись в виде лома бронзовые, медные или латунные изделия, а так же свинец в чистом виде.

Разнообразие карельских сплавов объясняется, прежде всего, многократной переплавкой изделий и сырьевых продуктов, поступавших из различных источников. Карельская выборка имеет много общих черт с новгородской и в целом вписывается в картину распространения ювелирного сырья на Северо-Западе в X–XV вв. Однако состав цветного металла Карелии отражает специфическую ситуацию этого региона, вовлеченного в торговые и политические контакты как с Новгородом, так и с Западом [17].

Впервые С.И. Кочкуркиной и О.В. Орфинской был предпринят анализ остатков текстиля из приладожских курганов [18]. В курганах обнаружены фрагменты шелковых, шерстяных и льняных тканей, золотных лент, шерстяной и полушерстяной тесьмы, а также нити из шерсти и шелка, которые использовались для шитья и декорирования текстиля. Для определения структуры тканей и природы текстильных волокон использовались методы оптической микроскопии; качественный и количественный состав золотных нитей выявлен путем микрорентгеноспектрального анализа О.Б. Лантратовой в Научном центре волоконной оптики РАН. Выяснилось, что «металл изготовлен из серебра с примесью золота и меди и позолочен с лицевой стороны металлической полоски нити» [19].

Однако следует отметить слабую источниковую базу сохранившегося текстиля: только из 11 курганов удалось получить остатки шерстяных, льняных, шелковых тканей, меха, кожи и бересты. Это произошло и по причине невнимательности исследователей при раскопках памятников, некоторого пренебрежения к этому виду источника, а также отсутствия на тот период разработанной методики изучения такого хрупкого материала. Вне всякого сомнения, остатки текстиля присутствовали в каждом погребении, поскольку умерших хоронили в парадной, не будничной, одежде.

В кургане северной челмужской группы обнаружен один из ранних, известных на Руси фрагментов вязаного на спицах изделия. В более поздних городских слоях Северо-Запада России найдены вязаные носки, чулки, туфли, рукавицы. Высказано предположение, что умение вязания на спицах финно-угры, так же как и русские, восприняли непосредственно от арабов [20]. Об употреблении в быту меховой одежды свидетельствуют остатки сшитого из меха изделия.

Шерстяной текстиль представлен грубыми тканями с нитками неравномерной толщины и тонкими кустарными сукнами со следами начеса. Сырьем служила шерсть от груборунной овцы местной породы, большую часть года содержавшейся на подножном корме. Изготовленные на ткацком стане материалы имели полотняное, простое саржевое и саржевое «в елочку» переплетение. Несмотря на некоторую близость к текстилю синхронных памятников Северо-Запада и Волго-Окского междуречья, шерстяные ткани из курганов Приладожья свидетельствуют о самобытном уровне ткачества [21]. Безусловно, импортными изделиями были шелковые ткани, золотные ленты, свидетельствующие, как и многие ювелирные изделия, не только о высоком уровне благосостояния оятского населения, но и о его бережливости — кусочки шелковых тканей использовались для украшения одежды до полного их износа [22].

Итак, очевидно, что дальнейшее использование методов естественнонаучных дисциплин существенно пополнит информационный блок и создаст новые возможности для детальной характеристики материальной культуры средневековой Карелии.

---

[1] *Кочкуркина С.И.* Древняя корела. Л., 1982. С. 127.
[2] *Сумманен И.М., Светов С.А.* ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 1(162). 2017. С. 18–26.
[3] *Верещагин Н.К.* Видовой состав остеологического материала с городищ Тиверск и Паасо // Древняя корела. Л., 1982. С. 208.
[4] *Хомутова Л.С.* Технологическая характеристика кузнечных изделий из городищ Тиверск и Паасо по результатам металлографического анализа // Древняя корела. Л., 1982. С. 188–208.
[5] *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА СССР. № 65. М.-Л., 1959. С. 184.
[6] *Хомутова Л.С.* Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 207–217.
[7] *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло... С. 50–52.
[8] Там же. С. 181.
[9] *Хомутова Л.С.* Металлографическое исследование... С. 207–10 *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М.* Поселения эпохи средневековья в Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 131.
[10] *Косменко М.Г., Манюхин И.С.* Древняя металлургия и металлообработка в охотничье-рыболовецких культурах эпохи железа и раннего средневековья в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 16–22.
[11] *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М.* Поселения эпохи средневековья в Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 131.
[12] *Завьялов В.И.* Археометаллографическое исследование железных ножей из памятников бассейна Онежского озера // Археология средневековой Карелии. Петрозаводск, 2017. С. 139–145.
[13] *Коновалов А.А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв.// Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М. 2008. С. 7–106.
[14] Там же. С. 25.
[15] *Васильева Э.С.* Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Паасо // Древняя корела. Л., 1982. С. 185–188.

[16] *Ениосова Н.В.* Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной корелы // Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010. С. 248–262.
[17] *Ениосова Н.В., Кочкуркина С.И.* Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Труды Карельского Научного Центра РАН, 2010. № 4. С. 24–33.
[18] *Кочкуркина С.И. Орфинская О.В.* Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск. 2014.
[19] *Лантратова О.Б.* Исследование технологии изготовления золотных нитей в вышивке и тканой ленте // Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск, 2014. С. 74–78.
[20] *Крыласова Н.Б.* К вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России // III Северный археологический конгресс. Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2010. С. 260–261.
[21] *Давидан О.И.* Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья // Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 316–336.
[22] *Кочкуркина С.И., Орфинская О.В.* Указ. соч. С. 56–57.

И.Н. Кузина, О.В. Зеленцова

Янтарный «клад» 2008 года из Печернего города Владимира

В 2008 г. в историческом центре Владимира, квартале 13 по современному административному делению, экспедиция Института археологии РАН обнаружила исключительный по размерам «клад» янтаря — весом немногим более 200 кг (Рис. 1). Находки янтаря-сырца и изделий из него не являются редкостью на памятниках Древней Руси. Они встречаются не только в крупных городских центрах, таких как Киев, Новгород, Суздаль, Смоленск, Рязань, Муром, Белоозеро, но и на сельских памятниках. Крупные клады янтаря (до 16 кг) известны в городах Волжской Болгарии. Исследование находок янтарных изделий, остатков мастерских по обработке янтаря в Киеве, Новгороде, в городах Волжской Болгарии на протяжении уже нескольких десятилетий ставит перед археологами ряд проблем, важнейшими из которых являются вопросы происхождения, путей поступления на Русь, объемы импорта и потребления янтаря. Особенно остро стоит вопрос о его происхождении. Не останавливаясь подробно на историографии вопроса, в общих чертах можно сказать, что три главные на сегодняшний день точки зрения расходятся в вопросе о балтийском или украинском происхождении янтаря, основных периодах поступления на Русь необработанного сырья или же изделий из него[1]. Эти точки зрения основаны на анализе археологических материалов и письменных источников. Владимирская находка открыла для решения существующих вопросов дополнительные возможности.

Археологический контекст

В топографическом отношении район, где была совершена находка, расположен в северо-западной части Печернего города — центре оборонительного комплекса древнего Владимира, на раскопе по ул. Подбельского, 5, 7, — в одном квартале от Соборной площади (Рис. 2)[2].

Яма с янтарем была выявлена на дне котлована под фундаментом снесенного дома XIX в. Сохранилась только ее нижняя часть глубиной около 1,5 м. Судя по отметкам материка в профиле котлована, первоначально глубина ямы составляла почти 3 м. Ее размеры в плане — 8 × 6 м. Яма являлась подполом наземной постройки, функционировавшей достаточно долгое время — в ней зафиксиро-

Рис. 1. Янтарь из раскопок 2008 г. в экспозиции Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника

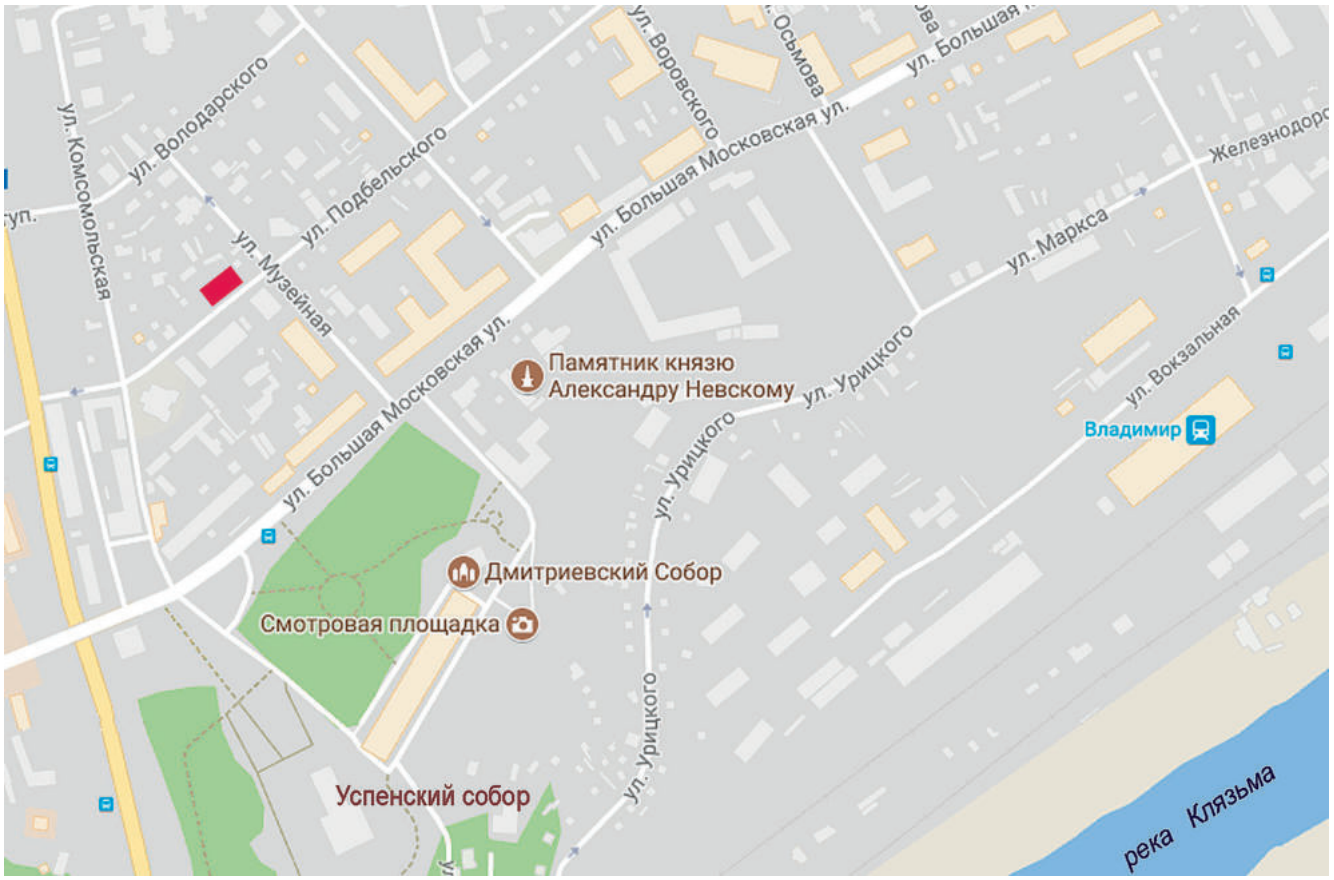


Рис. 2. Раскоп 2008 г., где был найден склад янтаря, на карте современного Владимира. Место раскопок (ул. Подбельского, 7) отмечено красным прямоугольником

Рис. 3. Скопления янтаря в яме 102 — подполе древнерусской постройки. 1 – общий вид скопления после начала разбора; 2 – С. И. Милованов за разбором скопления янтаря

вано два строительных периода. Конструкция последнего погибла в большом пожаре. О пожаре свидетельствует характер заполнения: завалы из горелых бревен, досок, следы полностью сгоревшей деревянной утвари, железных дверных и сундучных засовов и т.п. Обгоревшие стены подпола, сохранившиеся по всему периметру *in situ,* были сделаны из горизонтально положенного горбыля шириной 25–30 см.

Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что заполнение ямы произошло одномоментно, в результате разрушения стен, перекрытий, обрушений прокаленного грунта. Особенно хорошо это прослеживается в северо-восточной части подпола, буквально до самого дна заваленной бревнами и досками. Картину рухнувших при пожаре перегородок дополняет рассыпанное здесь обгоревшее зерно.

В ходе разрушений оказался погребенным под завалами пожара и хранившийся в подполе янтарь (Рис. 3). Его скопление фиксировалось на площади 6 кв. м слоем мощностью от 5 см в центральной части подпола и вдоль стен и до 24 см в южном углу (Рис. 4: 4). Общий вес найденного янтаря составил чуть более 200 кг. В скоплении расчищено три отдельных прямоугольных дощатых короба из древесины сосновых пород (Рис. 4: 1–3). Ширина дощечек короба — 6–7 см, толщина менее сантиметра. Один короб находился немного в стороне от основного скопления, его

Рис. 4. Остатки дощатых коробов из склада (1–3) и скопление янтаря в разрезе (4):
1 – короб № 1;
2 – короб № 2;
3 – короб № 3 с остатками черной застывшей массы расплавленного янтаря;
4 – скопление янтаря в южном углу подпола

размеры — 50 × 70 см, рядом собрано 1,11 кг янтаря. Размеры второго — 70 × 40 см, с ним удалось связать 13,7 кг. Короб № 3 имел ширину 30 см, а в длину сохранился только на 30 см, вес соотнесенного с ним янтаря — 2,9 кг. Дно коробов выстлано соломой, в одном случае прослежена перевязывающая короб веревка.

Анализ планиграфии янтаря и его сохранность позволяют предположить, что короба стояли на деревянных полках (полах?) вдоль юго-западной и юго-восточной стен подпола, о чем говорят расплавленные и спекшиеся в результате воздействия высоких температур нижние слои скопления, местами образующие монолиты смолы, в то время как верхняя его часть имеет лучшую сохранность.

Весь янтарь из скопления оказался сырцом, т.е. необработанным янтарем. Интересно, что за три года раскопок в квартале 13 при вскрытии слоя сплошными площадями не было найдено ни одного изделия из янтаря, кроме крошечного фрагмента, похожего на часть украшения. На соседних усадьбах также найдены небольшие (7 и 9 экз.) скопления необработанных кусков и более 30 разрозненных, также необработанных экземпляров по всей площади исследуемого участка. При этом из раскопок во Владимире и его округе известны отдельные предметы из янтаря, но их количество не превышает обычное число подобных находок на других древнерусских памятниках[3].

Примечательна находка больших фрагментов бронзового котла в подполе с янтарем и небольшого фрагмента каменного котла в непосредственной близости от него (Рис. 5: 1). Первый можно интерпретировать как обычное сырье для ювелирного ремесла, но вместе с редчайшим для древнерусских памятников каменным котлом они словно иллюстрируют сообщение Бируни о способах изменения цвета янтаря перед последующей продажей[4]. Один из трех известных сегодня на территории Руси фрагментов каменных котлов найден на усадьбе второй половины XII – начала XIII в. в Старой Рязани[5]. Интересно, что на той же рязанской усадьбе обнаружено большое количество мелких кусков янтаря и фрагментов амфор. Эти обстоятельства позволили предположить, что на усадьбе работал ремесленник, специализировавшийся на производстве лаков и красок, или художник[6]. И каменный котел, скорее всего, был приобретен специально для производственных нужд.

Таким образом, правомерен вывод о торговом характере склада янтаря, найденного в подполе древнерусской усадьбы в Печернем городе Владимира.

Датирование склада янтаря

Комплексному датированию древнерусских объектов, открытых раскопками в квартале 13, определению верхней и нижней границ их функционирования посвящена специальная публикация[7]. По археологическому материалу все постройки на этом исследованном участке города датируются в целом второй половиной XII – первой половиной XIII в., что не противоречит радиоуглеродным датам, полученным на участке раскопок.

В связи с янтарем важно определение верхней границы, т.е. даты пожара, в котором погибла постройка, где он хранился. Очевидно, что в данном случае нужно рассматривать датировку и других открытых на раскопе древнерусских построек — почти все они носят следы большого пожара, а сам факт, что янтарь впоследствии остался невостребованным, в то время как обитателям соседних усадеб было известно о нем, говорит об одновременной гибели этой части города и его жителей. Пожар был связан с военным конфликтом – среди остатков жилого дома одной из усадеб найдены наконечники железных стрел.

Уточнение даты пожара наталкивается на известные трудности. Плохая сохранность предметов из металла и

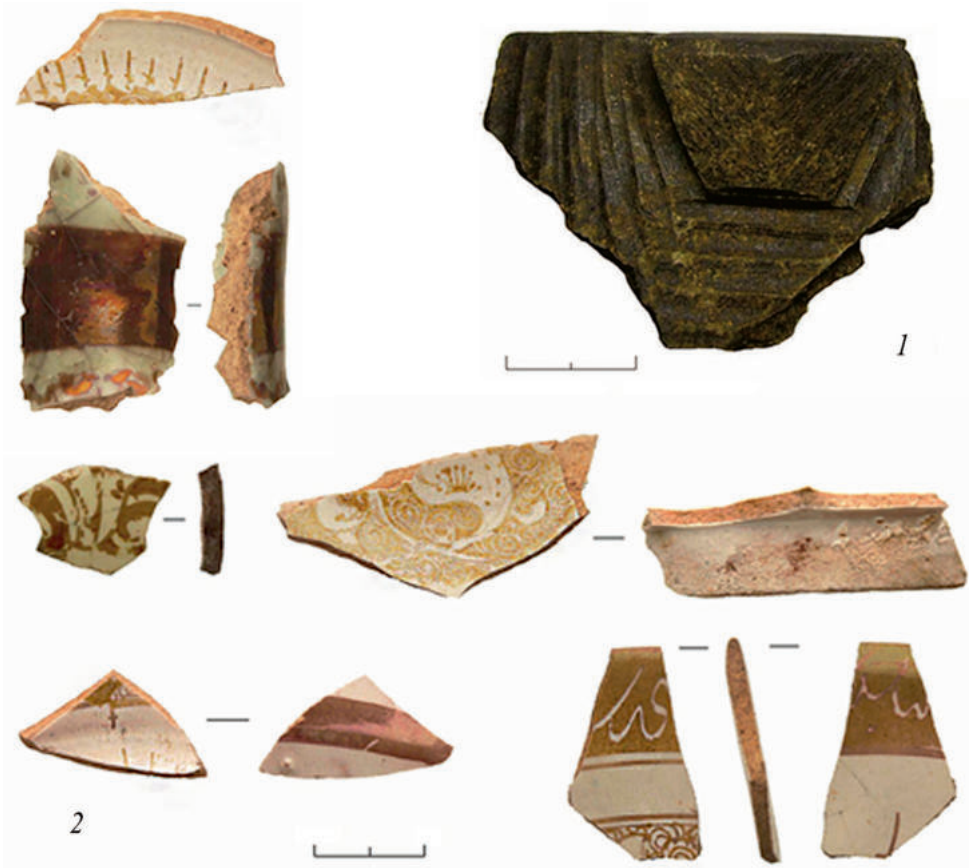


Рис. 5. Находки из раскопок 2008 г.:
1 – фрагмент каменного котла;
2 – фрагменты иранских люстровых сосудов

стекла в культурном слое этой части города, что уже не раз отмечалось в публикациях, не позволяет привлечь их к уточнению датировок. Многочисленные фрагменты амфор указывают в качестве верхней границы в целом на первую половину XIII в.[8] Несколько сужают ее – до первых четырех десятилетий XIII в. – фрагменты иранских сосудов с люстровой росписью (Рис. 5: 2)[9]. 1240 гг. ограничивается производство в Киеве стеклянных сосудов с кольцевыми поддонами, фрагменты которых также найдены во время раскопок в Печернем городе. Импортные стеклянные сосуды с росписью эмалями и золотом могли появиться здесь, вероятно, не ранее 1230-х гг.[10] И если согласиться с предположением, что железные чесноки, один из которых обнаружен в котловане соседней постройки, появились на Руси только с монгольским нашествием, то все вместе факты указывают на пожар в феврале 1238 г., когда город был разрушен войсками Батыя.

Морфологическое описание янтаря[11]

Для понимания характеристики обнаруженного скопления и решения вопроса о его происхождении большое значение имеет морфология янтаря.

Поверхность кусков янтаря, целых и расколотых, из владимирского клада чистая, без остатков материнской породы, покрыта природной коркой, куски окатанны. По

Рис. 6. Куски янтаря с измененным из-за теплового воздействия цветом и внутренней структурой. Фото К. Квятковской

Рис. 7. Конгломерат из склеенных расплавленным янтарем кусков. Фото К. Квятковской

определению К. Квятковской [12], местами читаются отдельные следы срезания корки в древности, что делалось с целью определения качества янтаря — наличия включений грязи, а также цвета и прозрачности. Это означает, что качеству найденного во Владимире янтаря уделялось особое внимание.

Большая часть янтаря из скопления подверглась температурному воздействию от 100 до 500 °С без прямого контакта с огнем (Рис. 6). По сохранности в нем выделяются несколько групп:

– янтарь, не подвергшийся тепловому воздействию во время пожара и сохранивший все первоначальные свойства;

– янтарь, испытавший незначительное тепловое воздействие, повлекшее частичное изменение цвета и внутренней структуры;

– янтарь, подвергшийся высоким температурам, изменившим его первоначальные свойства, в том числе расплавленный до жидкого состояния, а затем застывший в виде черного однородного слоя.

Кроме того, куски различной степени сохранности оказались склеенными расплавленным янтарем в конгломераты разного размера (Рис. 7).

Среди сохранивших первоначальный вид кусков зафиксированы все известные геологам формы поверхностных и внутриствольных скоплений смолы: многослойные сталактиты и натеки-сосульки, надствольные натеки, комки, капли, внутрикоровые образования и пр. (Рис. 8, 9).

Цвет варьируется от бледно-желтого до темно-красного, почти черного, что обуславливается степенью окисления ископаемой смолы. Есть экземпляры белого цвета — так называемый костяной янтарь. Преобладает прозрачный, но прозрачность может изменяться даже в пределах одного куска. Необходимо помнить, что температурное воздействие изменило в той или иной степени цвет и прозрачность большей части янтаря.

По размеру преобладают крупные (4–12 см) и средние (2–4 см) куски. Крупные составляют по весу более 25 % от всей массы (более 53 кг), спекшиеся конгломераты — 18 кг.

Интересно, что спекшиеся конгломераты, по наблюдениям В.В. Черненко, сложены в подавляющем большинстве кусками среднего размера, это позволяет сделать вывод о сортировке материала в коробах по размеру.

Проблема происхождения

Янтарем часто называют любые ископаемые смолы различных растений. Исследователи сегодня определяют около 100 их разновидностей, встречающихся во многих уголках Земли. Однако в науке янтарем называется только один вид окаменевшей смолы — сукцинит, отличающийся по своим физико-химическим свойствам от остальных янтареподобных смол [13], что делает его незаменимым в различных отраслях, в том числе в ювелирном деле. Среди главных отличий — высокое, более 3 %, содержание янтарной кислоты. Месторождения сукцинита с древности известны на балтийском побережье и в среднем течении Днепра. Образовавшийся из смолы хвойных растений балтийский и днепровский янтарь, по мнению исследователей, имеет некоторые отличия, как по морфологическим признакам, так и по химическому составу [14].

Основным методом, позволяющим определить разновидность смолы и процессы, которым она была подвержена, является адсорбционная спектроскопия в инфракрасном излучении (IRS) [15]. В лаборатории Института органической химии РАН (Москва, аналитик Е. Д. Лубус) и лаборатории технологических процессов Варшавского политехнического института (аналитик Б. Космовская-Церанович) [16] проанализировано 79 образцов из владимирского «клада». В результате IRS-анализа получены кривые, характерные именно для сукцинита. Однако для балтийского, украинского и белорусского янтаря-сукцинита ИК-спектры, как правило, одинаковы и не могут служить основанием для установления места добычи. Поэтому были проведены дополнительные анализы для определения элементов-примесей, различия в процентном содержании которых обусловлены особенностями залегания и формирования сукцинита в различных регионах. Анализ показал однородный состав элементов-примесей. Особенно важно содержание серы в образцах — до 0,5 %, что соответствует балтийскому янтарю [17]. В днепровском янтаре этот показатель должен быть выше [18].

Рис. 8. Природные формы янтаря из скопления во Владимире. Фото К. Квятковской

Рис. 9. Природные формы янтаря из скопления во Владимире. Фото В. В. Черненко

Таким образом, проведенные комплексные исследования показывают, что янтарь, найденный в 2008 г. во Владимире, является сукцинитом балтийского происхождения.

Однако точку в исследованиях ставить рано: существует мнение, что, например, в Киеве встречается янтарь местного, днепровского, происхождения [19]. К тому же, благодаря владимирской находке, можно охарактеризовать ситуацию с импортом янтаря только накануне монголо-татарского нашествия. Можно ли экстраполировать полученные выводы на более ранние периоды, вопрос остается открытым.

Нельзя не сказать и о других проблемах определения происхождения сукцинита. Геологические условия формирования, от которых зависят физико-химические

свойства сукцинита, — процесс, до конца не изученный, поэтому интерпретация получаемых результатов лабораторных исследований может быть не столь однозначной. Например, исследователи приводят примеры идентичного состава образцов, происходящих из прибалтийских, украинских и белорусских залежей [20]. Однако в случае с владимирской находкой в пользу балтийского происхождения дополнительными аргументами служат морфологические признаки, а также отсутствие следов материнской породы на поверхности янтаря, степень окатанности и большой процент крупных кусков в составе «клада».

Заключение

1. Впервые найденное значительное количество янтаря на древнерусском памятнике дает представление об объемах торговли янтарем на Руси в домонгольское время.

2. Морфологический анализ говорит о высокой товарной характеристике янтарного склада. Обстоятельства находки позволяют точно интерпретировать его назначение. Вне всякого сомнения, он носит не ремесленный характер — этот янтарь не предназначался для обработки на месте, его готовили к перепродаже. Но качество кусков, их размер с большой долей вероятности указывают на его продажу именно ювелирам.

3. Место находки указывает на важную роль Владимира в международной торговле, торговых связях между Востоком и Западом.

Янтарь и сопровождающие его находки предметов далекого импорта: медный и каменные котлы, иранский люстр, сирийские стеклянные сосуды, краснолощеная болгарская керамика, хрустальные и сердоликовые бусы, — все вместе красноречиво говорит о постоянной вовлеченности русских купцов в широкие международные контакты и, скорее всего, личное участие в далеких путешествиях.

4. Балтийское происхождение янтаря из Владимира позволяет утверждать, что накануне монгольского нашествия из Прибалтики в значительных объемах привозили на Русь именно янтарь-сырец.

5. Впервые в мировой практике найден повторно захороненный и подвергшийся различному температурному воздействию янтарь в количествах, позволяющих исследователям разных специальностей изучать происходящие в этих условиях с янтарем процессы.

---

[1] Подробно см.: *Розенфельдт Р.Л.* Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 197–208; *Зоценко В.Н.* О происхождении и использовании янтаря в Киеве (X – первая половина XIII в.) // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985. С. 137–142; *Рыбина Е.А.* Из истории ввоза янтаря в Новгород // Новое в археологии. М., 1972. С. 40–44.

[2] *Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И.* Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.-СПб., 2011. С. 111–121.

[3] *Родина М.Е.* Международные связи Северо-Восточной Руси. Владимир, 2004; Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир, 2013. С.70.

[4] *Ал-Бируни Абу Райхан.* Собрание сведений для познания драгоценностей. Минералогия. Л., 1963. С. 198.

[5] *Милованов С.И.* Новые находки каменных котлов на территории древней Руси // КСИА. Вып. 228. М., 2013. С. 83–87.

[6] *Завьялов В.И.* Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 99.

[7] *Зеленцова О.В., Кузина И.Н.* Опыт радиоуглеродного датирования археологических комплексов из раскопок в Печернем городе Владимира // Археология Владимиро-Суздальской Руси. Вып. 5. М., 2015. С. 32–41.

[8] *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси (IX–XVII века). М., 2010. С. 157–162.

[9] Там же. С. 190

[10] *Кузина И.Н.* Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 году // РА. 2015. № 4. С. 149–157.

[11] Морфологическое описание и исследование химического состава найденного во Владимире янтаря проведено сотрудницей Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН, канд. геолого-минералогических наук В.В. Черненко в рамках проекта РФФИ № 10-06-00567-а.

[12] К. Квятковская (Музей Земли ПАН, Варшава) — руководитель с польской стороны межакадемического проекта «Янтарный путь и торговые связи Центральной и Восточной Европы в древности и Средневековье».

[13] *Богдасаров М.А.* Проблема образования янтаря и других ископаемых смол // Геолого-мінералогічний вісник. Минск, № 2 (16). С. 18.

[14] *Космовская-Церанович Б.* Янтарь в Польше и мире. Калининград, 2014. С. 10–13, 23, 24.

[15] Там же. С. 28, 29.

[16] Профессор Барбара Космовская-Церанович, геолог, выдающийся исследователь янтаря (Музей Земли, Варшава), на всем протяжении нашей работы оказывала неоценимую помощь и внимание, за что весь наш коллектив ей искренне признателен.

[17] *Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И., Черненко В.В.* Янтарь из раскопок в древнейшей части Владимира-на-Клязьме // Добыча и обработка янтаря на Самбии. Тезисы докладов международного симпозиума, Калининград, 12–14 мая 2010 г. Калининград, 2010. С. 150–152; *Inna N. Kuzina, Olga V. Zelentsova, Katarzyna Kwiatkowska.* Experience in determining the origin of refossil amber from the excavations in Rusian towns // 41st International Symposium on Archaeometry — ISA2016. May 15–21, 2016, Kalamata, Greece. Conference Programme and Abstract Book. Kalamata, 2016. P. 372–373.

[18] Для всех лабораторных исследований при отборе образцов и интерпретации результатов учитывались цвет, прозрачность и степень температурного воздействия.

[19] *Колтовой Н.А., Мацуй В.М.* Флуоресцентные методы исследования янтаря // Від смоли хвойних до бурштину. Ідентифікація викопних смол: зб. матеріалів наукового семінару, 17 травня 2012, м. Київ, 2012. С. 27; *Хамайко Н.В., Колтовой М.О., Журухина О.Ю.* Бурштин з археологічних розкопок Київського Подолу 2008 р. // Там же. С. 58, 60.

[20] *Богдасаров М.А., Шульга А.В.* Элементный химический состав янтарей и янтареподобных смол Евразии // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 5. Хімія. Біялогія. Навукі аб Зямлі. Брэст, 2010. № 1. С. 5–12.

В. С. Курмановский, Т. Ю. Муренцева, О. Л. Шарганова

Смоленская керамика конца X – первой половины XII вв.: некоторые морфологические и технологические особенности

Одной из важнейших задач средневековой археологии Смоленской земли, позволяющих в том числе приблизиться к решению круга проблем, связанных с датировкой возникновения древнейшего Смоленска и соотношения между собой Смоленска и Гнездова, является выявление и изучение древностей XI в., в том числе массового керамического материала. Проблемы хронологии керамики данного периода стали весьма злободневны в связи с определенной активизацией археологических исследований в Смоленске в последнее десятилетие.

Керамика, основной период бытования которой датируется XI в., представляет собой отдельный феномен, достаточно отличный как от раннекруговой керамики Гнездова, так и от «классической» древнерусской керамики Смоленска XII – начала XIII вв. Одним из малоизученных вопросов, связанных с бытованием подобной керамики, является ее внутренняя хронология. Керамика данного периода была достаточно подробно рассмотрена в статье Е. В. Каменецкой, посвященной определению верхней даты Гнездовского поселения. Исследовательница рассмотрела «позднюю» керамическую посуду Центрального городища и селища, ее аналогии в курганах Гнездовского могильника, строительных ярусах раскопов на ул. Соболева в Смоленске, материалах других памятников Смоленской земли и сопредельных территорий, определила хронологию бытования основных форм подобной керамики. При этом одним из главных итогов работы оказалось выявление на Центральном городище (и, возможно, на некоторых участках селища) «классической» древнерусской керамики (выделенной автором в качестве варианта 5 типа 3), появление которой датируется Е. В. Каменецкой рубежом XI–XII вв., в то время как на основной части селища присутствуют исключительно формы, характерные для конца X–XI вв. На основе этого исследовательница определяет верхнюю дату Центрального городища началом XIII в., в то время как приостановление существования основной части селища относится примерно к середине XI в.[1]

В ходе проведения настоящей работы был просмотрен ряд комплексов керамического материала Смоленска, Гнездова и их окрестностей, содержащих керамику, датируемую в целом второй половиной X – серединой XII вв., в том числе ряд коллекций из археологических раскопок и разведок последних десятилетий, неизвестных к моменту выхода работ Е. В. Каменецкой. Это материалы раскопа П-2 в пойменной части Гнездовского поселения, где в основании культурного слоя был обнаружен образец дерева, давший дендродату 1002 г., совпавшую с полученной из него же радиоуглеродной датой[2], ряда других работ на Центральном городище и селище (раскопы ЦГ-XXIV, ВС-10, ЦС-VI, VIII, IX)[3] (работы Д. А. Авдусина, Т. А. Пушкиной); материалы шурфов на Ольшанском городище С. А. Авдусиной 2009 г.[4]; раскопа ОАО «Столичное археологическое бюро» 2013 г. в г. Смоленске по адресу ул. Большая Краснофлотская, д. 1-35; шурфа № 4 2014 г. экспедиции ИА РАН под руководством Н. А. Кренке близ устья р. Смядыни, где в слое аллювия был обнаружен комплекс из 3 горшков, предположительно датируемый началом XI в.; шурфа № 1 2015 г. по адресу наб. М. Горького, 24 на р. Малой Рачевке, где была выявлена яма со следами ювелирного производства и вещевыми находками, датируемыми XI в., шурфов и раскопа 2014–2016 гг. на ул. Малая Школьная на террасе Соборной горы[6]. Привлечен также материал курганного могильника Туринщина (по данным публикаций Е. А. Шмидта). Информация о керамике нижних ярусов раскопов на ул. Соболева в Смоленске почерпнута из работ Е. В. Каменецкой.

Потенциально датирующими для керамики конца X – первой половины XII вв., на наш взгляд, выступают такие признаки, как конструктивная схема венчика, конкретная форма венчика в рамках конструктивной схемы, состав формовочной массы, толщина стенки и орнаментация.

Технологические особенности керамики XI в. изучались О. Л. Шаргановой. Была исследована серия образцов из раскопа ОАО «Столичное археологическое бюро» на ул. Большая Краснофлотская (23 образца) (Рис. 3) и шурфа ИА РАН на наб. М. Горького в Смоленске (47 обр.) (Рис. 4) (Табл. 1–2). В качестве сравнительного материала привлекались образцы керамики XI–XIII вв. с Центрального городища Гнездова (коллекция 1953 г.), а также материалы Гнездовского комплекса основного периода его существования, изученные О. Л. Шаргановой в ее диссертационном исследовании.

Исследование технологических особенностей керамики дало следующие результаты. Преобладающей оказывается традиция отбора неожелезненных слабозапесоченных глин, она зафиксирована по 74 % сосудов из одного и 87 % из другого раскопа. Редко встречаются сосуды из слабоожелезненных глин, средне- и сильнозапесоченных. Среднезапесоченная слабоожелезненная глина на одном раскопе зафиксирована по 9 % сосудов, на другом — по 11 %. Использование сильнозапесоченных глин прослежено только в материалах раскопа на ул. Большая Краснофлотская. Это 2 сосуда из слабоожелезненной и 1 сосуд из ожелезненной глины. По одному сосуду из каждого раскопа были изготовлены из неожелезненной сильнозапесоченной глины, предположительно, каолина.

Среди рецептов формовочных масс преобладает один — Г+Д+О. По такому рецепту изготовлены 87 % сосудов из одного раскопа и 94 % из другого. Дресва почти во всех сосудах не превышает 2 мм. Только в единичных сосудах из шурфа встречается более крупная (до 3 мм) или более мелкая (не более 1 мм) дресва. Концентрация ее также очень однообразна: 1: 3 и 1: 3–1: 4.

Традиция использования песка в качестве минеральной примеси прослеживается по единичным сосудам. Однако можно отметить, что она зафиксирована и в несмешанном, и в смешанном с доминирующей традицией виде. Рецепт Г+О зафиксирован по одному сосуду из каждого раскопа. Характерно, что оба сосуда изготовлены из глины одной разновидности — неожелезненной сильнозапесоченной.

Таблица. 1.
Ранние серии керамики из Смоленска (ул. Большая Краснолфотская, 1–3; Наб. М. Горького, 24). Разновидности глин

	Неожелезненные		Слабоожелезненные		Ожелезненная	Всего
	Слабо-запесоченная Глина 6	Сильно-запесоченная (каолин?) Глина 6б	Средне-запесоченная Глина 3а	Сильно-запесоченная Глина 4а	Сильно-запесоченная Глина 4	
Ул. Б. Краснофлотская	17 74 %	1 4 %	2 9 %	2 9 %	1 4 %	23 100 %
Наб. М. Горького	41 87 %	1 2 %	5 11 %	–	–	47 100 %
Всего	58 83 %	2 3 %	7 10 %	2 3 %	1 1 %	70 100 %

Таблица. 2.
Ранние серии керамики из Смоленска (ул. Б. Краснофлотская, 1–3; Наб. М. Горького, 24). Рецепты формовочных масс

	Г+Д+О	Г+П+О	Г+П?+О	Г+Д+П+О	Г+О	Всего
Ул. Б. Краснофлотская	20 87 %	–	2 9 %	–	1 4 %	23 100 %
Наб. М. Горького	44 94 %	1 2 %	–	1 2 %	1 2 %	47 100 %
Всего	64 91 %	1 1 %	2 3 %	1 1 %	2 3 %	70 100 %

Проведенный анализ показал высокую степень технологического единообразия керамики, характерной для XI в. В абсолютном большинстве она изготовлена из одинаковой неожелезненной слабозапесоченной глины, связанной, вероятно, с одним месторождением (о чем свидетельствует характерная естественная примесь разновидности бурого железняка, представленная мягкими темно-малиновыми включениями, часто имеющими вытянутую цилиндрическую форму); с искусственной добавкой дресвы среднего размера (обычно до 2 мм) в довольно большой концентрации (1 : 3 и чуть меньше).

Такая керамика присутствует и в материалах Гнездова, составляя здесь от 4,9 (курганы) до 13,9 % (пойменная часть поселения)[7]. Кроме того, встречены немногочисленные фрагменты керамики, изготовленные из глины без искусственных минеральных добавок с примесью органики, также известной в материалах Гнездовского комплекса и связываемой со «среднеднепровской» керамической традицией[8].

Анализ морфологии керамики предполагал выделение в рассматриваемом материале конструктивных схем венчиков (в основном в соответствии с методикой, предложенной В. Ю. Ковалем)[9]. По данному признаку керамика разделилась на четыре основных группы, из которых наиболее часто встречаются три (Рис. 1). Первую из них составили «простые» отогнутые и изогнутые венчики, типичные для раннекруговых сосудов Гнездовского комплекса. Внутри данной группы выделилось 7 основных вариантов: венчики без деформации края (1); со срезанным краем (2), со срезанным фигурно краем (с ложбинкой по срезу) (3), со срезанным краем с выступами (микроваликами) по краям среза (4); с расширенным фигурно срезанным краем, ориентированным горизонтально (5); с оттянутым наружу либо наружу и внутрь краем среза, ориентированным с небольшим наклоном вниз (6); с наплывом-валиком на внешней стороне, обработанным двумя приблизительно перпендикулярными срезами либо одним срезом, перпендикулярным устью (7). Наиболее распространенной формой оказываются простейшие срезанные венчики (вариант 2).

Вторую группу представляют сложнопрофилированные изогнутые венчики с оттянутым вверх краем. Выделились четыре основных варианта: венчики без деформации края (8); с краем, обработанным двумя приблизительно перпендикулярными срезами (9); с приостренным (мысовидным) завершением (10); с одним срезом, перпендикулярным устью (11). Наиболее распространенной формой оказываются венчики с дважды срезанным краем (вариант 9). Форма завершения венчика у сосудов, относимых к данному варианту, может быть достаточно разнообразна, однако выделяются наиболее часто повторяющиеся подварианты — с наклонным подпрямоугольным завершением (1); с трапециевидным завершением с оттянутым вверх внутренним углом (2); с горизонтальным верхним срезом, завершение часто имеет вид вертикального прямоугольника (3). Кроме того, в качестве формы «а» для всех вариантов и подвариантов выделяются формы с намеченным заворотом чернового края внутрь, демонстрирующие черты переходности к более поздним т. н. «общерусским» венчикам, типичным для XII – начала XIII вв. (Рис. 2).

В диссертационном исследовании Е. В. Каменецкой сосуды с венчиками, соответствующими выделенному здесь подварианту 1 типа 9, соответствуют типу А1 развитой круговой керамики[10], встреченному как в курганах и на поселении Гнездова, так и в городских слоях Смоленска начала XII в.[11] Подвариант 2 соответствует варианту 2 типа А8 раннекруговой керамики, отмеченному в курганах и на поселении Гнездова и датируемому второй половиной X в.[12]

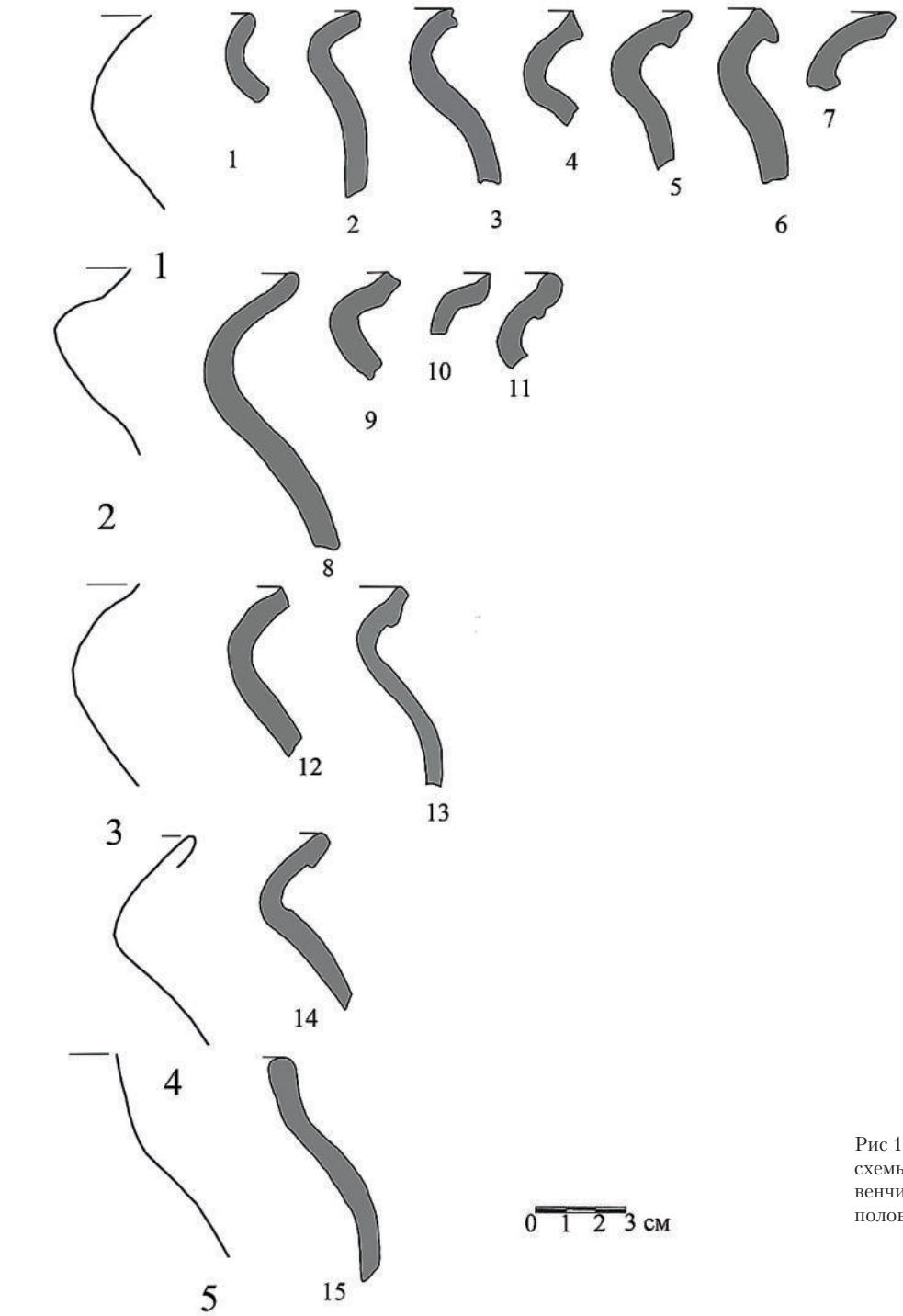


Рис 1. Основные конструктивные схемы, варианты и подварианты форм венчиков смоленской керамики второй половины X – первой половины XII вв.

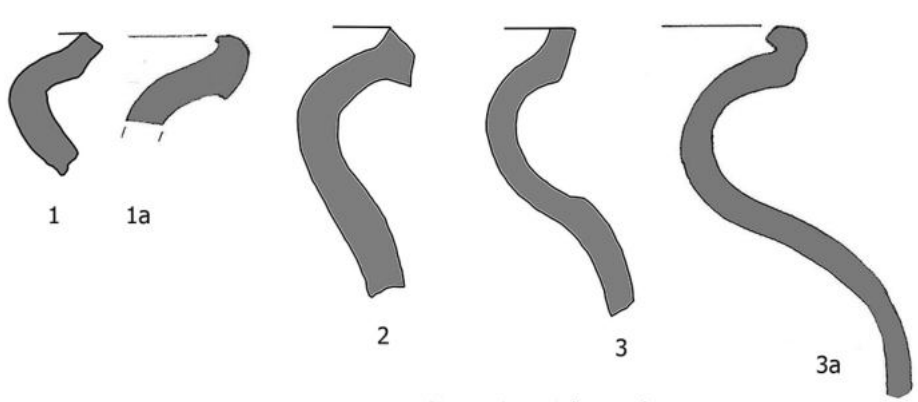


Рис. 2. Основные подварианты венчиков варианта 9

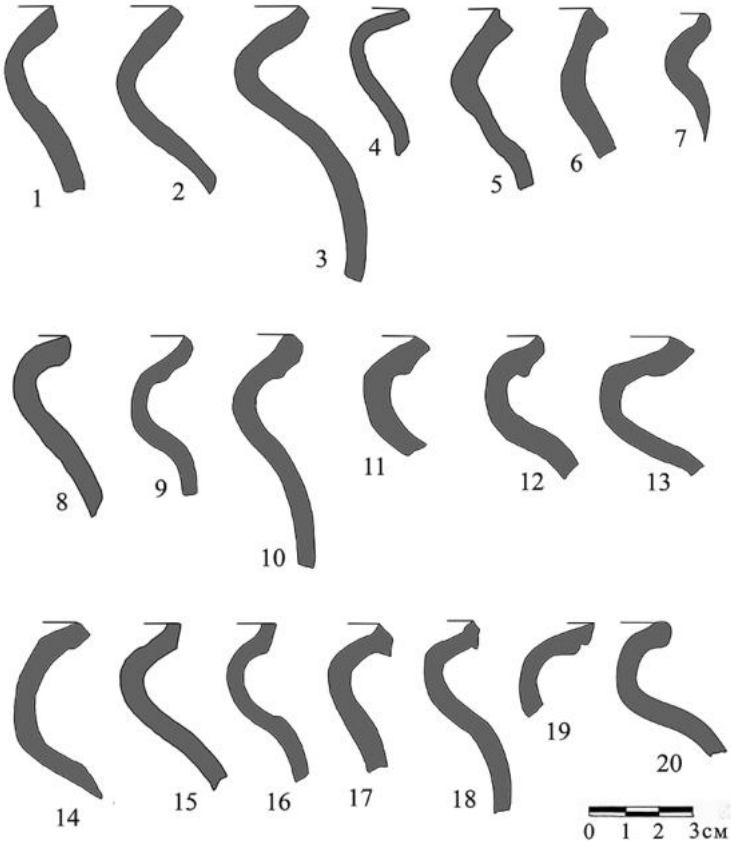


Рис. 3. Смоленск. Ул. Большая Краснофлотская, д. 1–3. Работы ОАО «Столичное археологическое бюро» 2013 г. Керамика архаичного облика

Подвариант 3 соответствует типу А4 развитых круговых горшков[13]. В кургане в Гнездово, по данным Е.В. Каменецкой, такой сосуд встречен всего один раз[14]. По данным исследовательницы, подобные сосуды присутствуют на поселении в Гнездово, а в Смоленске хорошо представлены в культурном слое вплоть до третьей четверти XII в.[15]

Третью группу образовали сосуды «переходных» форм, характеризующиеся в целом «простой» формой венчика, однако с намеченным смещением края венчика вверх, проявляющимся в наличии на внутренней стороне последнего вогнутости. Они представлены двумя основными вариантами: со срезанным краем с микроваликом на внутренней стороне (12) и с дважды приблизительно перпендикулярно срезанным краем (13). Последняя форма венчиков в статье Е. В. Каменецкой выделена в качестве варианта 2 типа 3. В курганах Гнездовского могильника, по данным автора, такие горшки единичны, в материалах раскопа на ул. Соболева в Смоленске они встречены не были. Исследовательница датирует подобную керамику рубежом X–XI вв.[16]

Процентное соотношение сосудов описанных групп в комплексах конца X – первой половины XII вв. оказывается различным. Материалы раскопа П-2 в Гнездово можно считать достаточно надежно датируемым комплексом начала – первой половины XI в. Коллекция раскопа П-2 1999 г. (446 индивидуальных форм венчиков) демонстрирует резкое преобладание сосудов 1 группы (52,9 %), на втором месте оказывается группа 2 (18,2 %); с небольшим отрывом идут сосуды переходных форм (15,0 %). Очень близкую картину дает распределение форм венчиков из раскопов ЦС-8 (328 венчиков) и ЦС-10 (35 венчиков) на участках Центрального Гнездовского селища со слабо стратифицированным слоем.

Обращает на себя внимание также распределение подвариантов наиболее распространенной формы сложнопрофилированных «пост-гнездовских» венчиков — варианта 9, представленной 50 экз. (Табл. 5). Наиболее многочисленными среди них оказываются формы с наклонным подпрямоугольным завершением (подвариант 1) — 21 экз. На втором месте с очень небольшим отрывом (19 экз.) оказываются сосуды с трапециевидным завершением с оттянутым вверх внутренним углом (подвариант 2). Подвариант 1а (с намеченным заворотом чернового края внутрь) представлен всего 2 венчиками. Подвариант 3 отсутствует. Близкую картину — преобладание подварианта 1, довольно многочисленный подвариант 2 и фактическое отсутствие подварианта 3 — дало рассмотрение венчиков сосудов варианта 9 с других объектов Гнездовского селища.

Керамика из ямы 1 шурфа № 1 на наб. Горького, благодаря присутствующим вещевым находкам, может быть рассмотрена как условно закрытый комплекс второй половины XI в. Следует отметить, что в заполнении ямы присутствует определенное количество более поздней керамики (в основном, домонгольской XII – первой половины XIII вв.), вероятно, попавшей из более позднего слоя. В выборку из ямы 1 вошло 49 венчиков (без «поздних», а также мисок и других слабопрофилированных сосудов). Абсолютно преобладающими (почти 90 %) оказываются сосуды группы 2 (Табл. 3). Среди сосудов варианта 9 (37 экз.) наиболее многочислен, так же как и в раскопе П-2, подвариант 1 (11 экз.). Многочисленными оказываются подварианты 3 и 3а (по 8 экз.). Подвариант 2 представлен всего 1 экз., подвариант 1а — 3 экз. В целом в сравнении с рассмотренной керамикой из Гнездова образцы из шурфа на наб. Горького отличаются более тонкими стен-

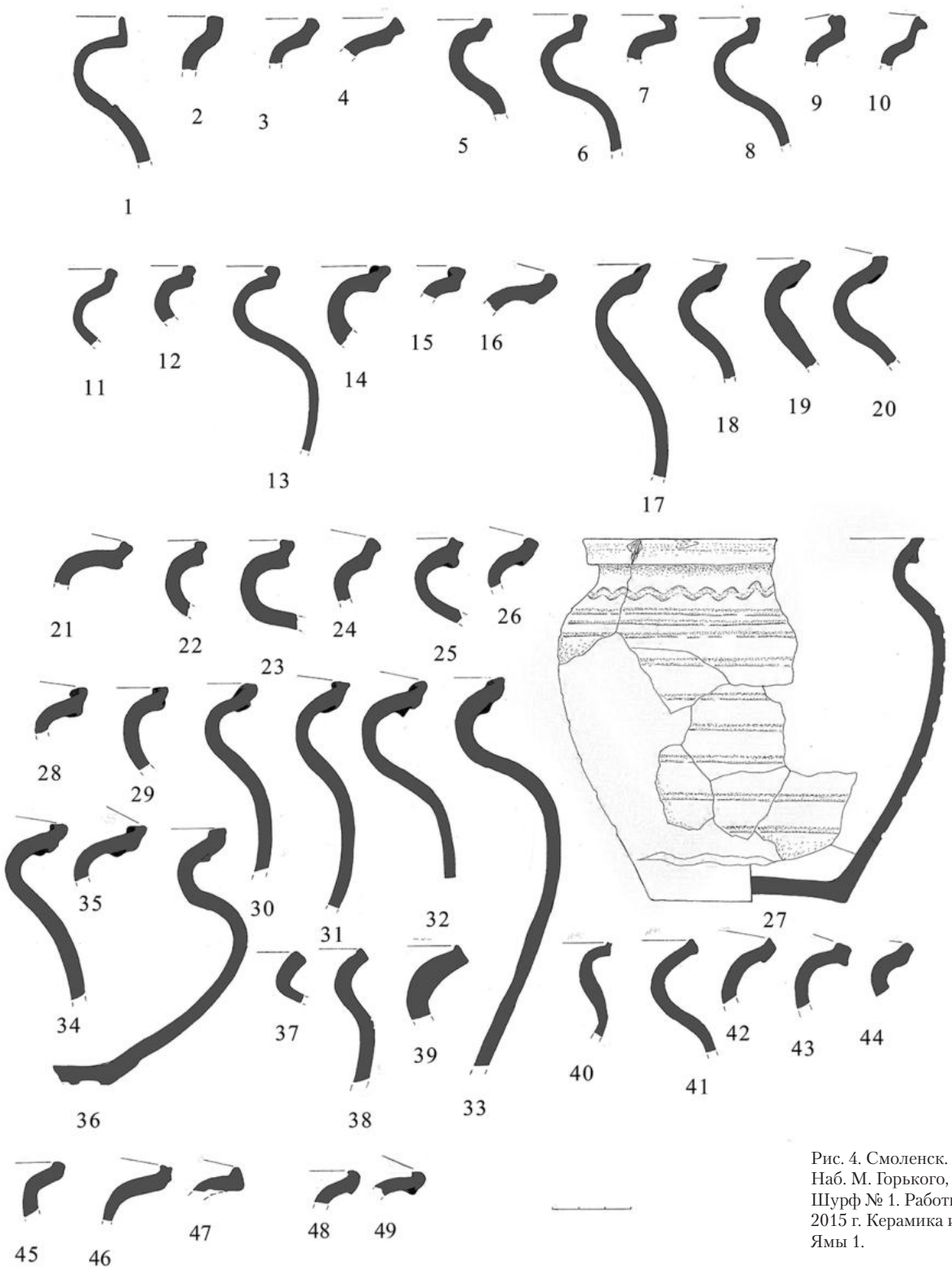


Рис. 4. Смоленск.
Наб. М. Горького, 24.
Шурф № 1. Работы Н. А. Кренке 2015 г. Керамика из заполнения Ямы 1.

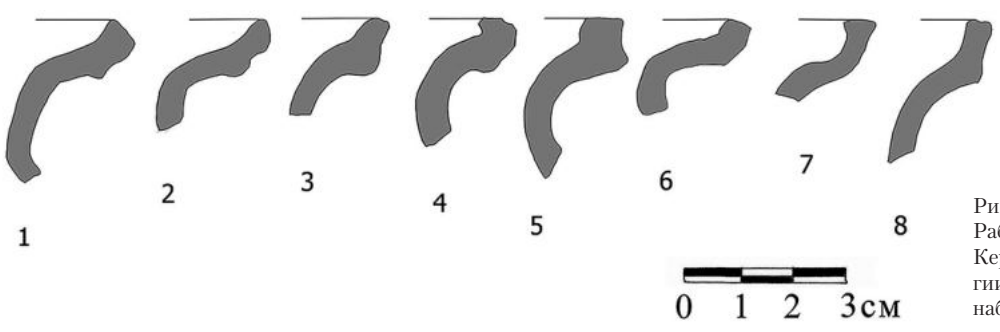


Рис. 5. Ольшанское городище. Работы С. А. Авдусиной 2009 г. Керамика, находящая аналогии в материалах шурфа на наб. М. Горького в Смоленске

Таблица. 3.
Ранние серии круговой керамики из Смоленска и материалы раскопа П-2 1999 г. в Гнездово. Соотношение конструктивных схем венчиков групп 1–3

Группа	1	2	3
П-2, 1999 г. (446 экз.)	236 52,9 %	81 18,2 %	67 15,0 %
Ул. Большая Краснофлотская, 1–3, 2013 (20 экз.)	6 30 %	10 50 %	3 15 %
Наб. М. Горького, 24, Ш. 1. Яма 1, 2015 г. (49 экз.)	3 6,1 %	44 89,8 %	2 4,1 %
ул. Малая Школьная (сборная серия) (33 экз.)	12 36,4 %	11 33,3 %	8 24,2 %

Таблица. 4.
Ранние серии круговой керамики из Смоленска и материалы раскопа П-2 1999 г. в Гнездово. Распределение вариантов форм венчиков

Вариант	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Ул. Большая Краснофлотская, 1–3, 2013 г (20 экз.)	–	2 10 %	–	2 10 %	–	–	2 10 %	–	7 35 %	1 5 %	2 10 %	–	3 15 %	1 5 %
Наб. М. Горького, 24, Ш. 1. Яма 1, 2015 г. (49 экз.)	–	1 2,0 %	–	1 2,0 %	–	–	1 2,0 %	2 4,1 %	37 75,5 %	1 2,0 %	4 8,2 %	2 4,1 %	–	–
Ул. Малая Школьная, 2014–2016 гг. (33 экз.)	1 3,0 %	3 9,1 %	1 3,0 %	1 3,0%	3 9,1 %	–	3 12,1 %	–	10 27,3 %	–	1 3,0 %	5 18,2 %	3 6,1 %	2 6,1 %
П-2 1999 г. (446 экз.)	10 2,2 %	114 25,5 %	46 10,3 %	15 3,4 %	30 6,7 %	21 4,7 %	27 6,1 %	18 4,0 %	52 11,7 %	7 1,6 %	4 0,9 %	43 9,6 %	24 5,4 %	17 3,8 %

Таблица 5.
Соотношение подвариантов венчиков варианта 9 в материалах раскопа П-2 1999 г. и Ямы 1 в шурфе на Наб. М. Горького, 24

Подвариант	1	1а	2	3	3а	Прочие формы	Всего, экз.
П-2 1999 г.	21 42 %	2 4 %	19 38 %	–	–	8 16 %	50 100 %
Наб. М. Горького, 24, Ш. 1. Яма 1, 2015 г.	11 29,7 %	3 8,1 %	1 2,7 %	8 21,6 %	8 21,6 %	5 13,5 %	37 100 %

ками и более резкими перегибами профиля, совпадения конкретных форм довольно немногочислены. Керамика, очень близкая по форме к обнаруженной в шурфе на наб. М. Горького, присутствует, однако, в материале шурфов С. А. Авдусиной на Ольшанском городище (Рис. 4).

Комплексы Гнездова и, в частности, раскопа П-2 и наб. М. Горького могут быть сопоставлены с другими ранними сериями керамики Смоленска и его окрестностей. Это в первую очередь серии из раскопа ОАО «Столичное археологическое бюро» между домами 1 и 3 на ул. Большая Краснофлотская в Смоленске (образцы керамики достаточно архаичного облика здесь были обнаружены в переотложенном виде в культурном слое и в заполнении материковых ям), а также шурфов и раскопов ИА РАН (работы Н. А. Кренке) на ул. Малая Школьная, у д. 7а и 20а. В последних круговая керамика архаичного облика была обнаружена в нижних горизонтах культурного слоя, частично вместе с более поздней домонгольской либо лепной керамикой. Таким образом, обе серии являются сборными.

Соотношение конструктивных схем и вариантов форм венчика демонстрирует в целом промежуточное положение обеих серий между комплексами П-2 (и Центрального Гнездовского поселения в целом) и наб. М. Горького (Табл. 3–4). Процент сложнопрофилированных форм в сравнении с последним объектом существенно ниже, а простых и промежуточных – выше. Особенно сближается с гнездовским материалом серия керамики с ул. Малая Школьная. В то же время чистоту комплексов нарушает сборный характер серий, в них присутствуют как «ранние» формы, находящие аналогии в Гнездово, так и «поздние», близкие к материалам наб. М. Горького. В тех же слоях и объектах в ряде случаев присутствует и более поздняя керамика. Небольшие размеры серий также ставят ограничения корректности выводов.

Очень небольшую, но стратиграфически надежную серию керамики составляет комплекс из трех сосудов, обнаруженный в слое древнего аллювия в шурфе ИА РАН 2014 г. на Смядыни (работы Н. А. Кренке)[17]. Один из сосудов принадлежит к группе 1 (вариант 2) и находит прямые аналогии в раннекруговой керамике Гнездова. Два других сосуда принадлежат соответственно к вариантам 9 (подвариант 1) и 11 группы 2.

Материалы курганного могильника Туринщина в ближайших окрестностях Смоленска, опубликованные Е. А. Шмидтом и датированные автором последней четвертью XI – серединой XII вв., демонстрируют преобладание т. н. «общерусских» форм с завернутым внутрь черновым краем и скругленной конфигурацией венчика, однако хорошо представлены также сосуды подварианта 3 варианта 9[18] Сосуществование этих двух форм керамики, по данным Е. В. Каменецкой, характеризовало также слои первой половины – середины XII в. в раскопе УС-XI в Смоленске[19].

Таким образом, в распоряжении исследователя на данный момент имеются достаточно резко отличные друг от друга комплексы керамики, датируемые в пределах XI в., такие как раскоп П-2 в Гнездово и материалы шурфов на наб. М. Горького в Смоленске. Данные комплексы могут быть обозначены как «полярные», характеризующие начало – первую половину XI в. и вторую половину — конец столетия соответственно. Ряд известных на данный момент серий наиболее ранней круговой керамики из Смоленска имеет определенно промежуточный характер между данными «полярными» комплексами, в большей или меньшей степени сближаясь с одним из них. Сравнительный анализ материалов шурфа на наб. Горького и керамики Центрального Гнездовского поселения (в частности, раскопа П-2) при сопоставлении с материалами других памятников Смоленска и окрестностей позволяет выделить среди описанных форм керамики, преимущественно характерных для XI в., варианты «ранние», «поздние», формы с широкой датировкой и построить ее относительную хронологию.

Потенциально датирующими признаками выступают соотношение сосудов «простых» и сложнопрофилированных форм, а также совпадение конкретных форм сосудов с материалами из центральной части Гнездовского комплекса (включая П-2) и, соответственно, с формами из работ на наб. М. Горького.

К числу «поздних» форм, характеризующих комплексы второй половины XI – первой половины XII вв. могут быть отнесены, как уже было отмечено Е. В. Каменецкой, венчики с горизонтальным верхним срезом и завершением подпрямоугольных очертаний (подвариант 3 варианта 9). К «поздним» могут быть также отнесены венчики с оттянутым вверх и завернутым внутрь черновым краем (подварианты 1а и 3а варианта 9). При этом следует отметить, что в наиболее поздних комплексах, уходящих в XII в. (Туринщина, раскоп на ул. Соболева в Смоленске), такие венчики не отмечены. Изучение коллекций, происходящих с Центрального Гнездовского поселения, показало, что подобные «поздние» формы керамики там фактически отсутствуют.

«Ранними» предположительно можно назвать формы сосудов, присутствующие на Центральном Гнездовском поселении и отсутствующие либо малочисленные в шурфе на наб. М. Горького и в других поздних комплексах. Это, в частности, сосуды с «простой» формой венчика, либо переходных форм от «простых» к сложнопрофилированным, отнесенные нами к группам 1 и 3. К «ранним» можно отнести также варианты сосудов с выделенной шейкой и оттянутым дважды срезанным краем, представленные единичными экземплярами на наб. М. Горького, зато обильно присутствующие в Гнездово. Это, в частности, сосуды с наклонным трапециевидным завершением с оттянутым вверх внутренним краем (подвариант 2 варианта 9). Сосуды «ранней» хронологической группы обнаруживаются в Смоленске в материалах раскопа по адресу ул. Большая Краснофлотская 1-3, раскопа и шурфов на ул. Малая Школьная и в шурфе на Смядыни.

Третью группу сосудов составляют горшки с широкой датировкой. Они достоверно появляются уже в X в., существуют весь XI в. и продолжают встречаться, хотя и в небольшом количестве, в первой половине XII в. Это сосуды с наклоненным под острым углом наружу завершением подпрямоугольных очертаний, выделенные в качестве подварианта 1 варианта 9.

Наиболее ранние известные на данный момент серии круговой керамики из Смоленска достаточно близки к ма-

териалам раскопа П-2 (и Гнездовского поселения вообще) и могут быть предположительно датированы в пределах первой половины – середины XI в. Следует, однако, отметить, что четкие критерии, позволяющие отличить керамику первой половины XI и второй половины – конца X вв., на данный момент не выявлены. Равным образом не вполне четко можно различить комплексы второй половины – конца XI и начала – первой половины XII вв.

Проведенная работа в целом подтверждает и отчасти развивает выводы, сделанные в работах Е. В. Каменецкой, в частности, вывод о прекращении существования основной части Гнездовского поселения после середины XI в. Кроме того, получены новые данные к характеристике некоторых археологических памятников. В частности, поселение в Гнездове, скорее всего, не уменьшилось в размерах до Центрального городища, а полностью прекратило свое существование, а вновь поселение на городище возникает около середины XII в. На Ольшанском городище прослежен фактически неизвестный до недавнего времени материал второй половины XI в. Одним из наиболее существенных итогов проведенной работы оказалось также обнаружение на территории исторического г. Смоленска керамического материала, предположительно датируемого первой половиной – серединой XI в., не известного здесь ранее.

---

[1] *Каменецкая Е.В.* О верхней дате Гнездовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Вопросы истории СССР. Вып. 6. М., 1977. С. 3–13.

[2] *Мурашева В.В., Авдусина С.А.* Исследование притеррасного участка пойменной части гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 12–13.

[3] Приносим глубокую благодарность Т. А. Пушкиной за возможность ознакомиться с материалом и помощь в работе.

[4] Приносим глубокую благодарность Т. А. Пушкиной за возможность ознакомиться с материалом и помощь в работе.

[5] Приносим глубокую благодарность К. В. Воронину, Е. А. Львовой и Л. А. Рукавишниковой за возможность ознакомиться с материалом и помощь в работе.

[6] Приносим глубокую благодарность Н. А. Кренке, И. Н. Ершову и В. А. Раевой за возможность ознакомиться с материалом и помощь в работе.

[7] *Шарганова О. Л., Курмановский В. С.* О технологии изготовления ранней круговой керамики Смоленска // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 698.

[8] Там же. С. 701.

[9] *Коваль В.Ю.* Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII вв.) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 10. М., 2014. С. 489–571.

[10] *Каменецкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: дисс... канд. ист. наук. М., 1977. С. 59, табл. 24.

[11] *Каменецкая Е. В.* О верхней дате Гнездовского поселения... С. 8.

[12] *Каменецкая Е. В.* Керамика IX–XIII вв... С. 45–46, 49, табл. 19.

[13] Там же. С. 60, табл. 24.

[14] *Каменецкая Е.В.* О верхней дате Гнездовского поселения... С. 9.

[15] *Каменецкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв... Табл. 34, 53.

[16] *Каменецкая Е.В.* О верхней дате Гнездовского поселения... С. 8.

[17] *Ершов И.Н., Кренке Н.А., Кулькова М.А., Олейников О.М., Сыроватко Н.А.* К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.–Вологда, 2015.С. 79, рис. 1: 1–3.

[18] *Шмидт Е.А.* Курганы у д. Туринщина в Смоленском районе // Смоленские древности. Вып. 1. Курганные могильники XI–XII вв. Смоленск, 2001. Табл. IX–X, XXX.

[19] *Каменецкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв... Табл. 53.

Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева

Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIV вв.: новые находки*

Изучение христианской металлопластики домонгольской Руси стало в последнее десятилетие одним из заметных и активно развивающихся направлений в исследовании материальной культуры и религиозной практики русского средневековья. Рост внимания к этой группе древностей подпитывается быстрым накоплением новых материалов, скорость которого значительно увеличилась после появления металлодетекторов на археологических раскопках и в руках копателей-нелегалов. Пополнение коллекций существенно изменило наши представления об общем объеме христианской металлопластики, производившейся на Руси в домонгольский период и находившейся в обиходе средневекового населения. Многие типы крестов и энколпионов, которые ранее были известны в единичных экземплярах, представлены теперь большими сериями находок, документирующими их массовое производство. Значительно пополнились и коллекции металлических подвесок-образков.

Увеличение количества материала во многом меняет подходы к его изучению и введению в научный оборот. На сайтах нелегальных копателей и в изданиях, публикующих коллекции из грабительских раскопок и сборов, помещены сведения о многочисленных находках крестов и образков, происхождение которых неизвестно или не документировано, подлинность части этих находок не верифицирована. С другой стороны, учет находок, полученных из археологических раскопок и сборов на территории средневековой Руси, оказывается все более сложной задачей с ростом масштабов полевых изысканий. Большая часть новых находок христианских древностей не имеет привязки к археологическим комплексам и стратифицированным напластованиям, поэтому возможность для определения хронологических позиций этих вещей ограничена. Новгородские коллекции, собранные за многие десятилетия планомерного изучения стратифицированных культурных отложений с постройками и усадьбами, датированными дендрохронологическим методом, остаются в этой ситуации основным репером для хронологической атрибуции металлопластики и важнейшим материалом для сравнительного изучения христианских древностей, происходящих из различных областей Руси.

В настоящей статье публикуются металлические подвески-образки, собранные на средневековых селищах Суздальского Ополья в 2004–2017 гг. в ходе работ Суздальской экспедиции Института археологии РАН. Значение этих безыскусных изделий древнерусских литейщиков в контексте изучения христианской культуры средневековой Руси остается недооцененным: это одна из древнейших групп серийно изготавливавшихся предметов, несущих образы Христа, Богоматери и святых. Хотя обычай ношения металлических подвесок-образков пришел на Русь из Византии, а иконография и художественные особенности изображений следуют византийской традиции, древнерусские образки не копируют византийскую металлопластику, и, в отличие от многих типов древнерусских нательных крестов XII–XIII вв., не имеют точных аналогий в византийском литье. Коллекция, собранная Суздальской экспедицией ИА РАН, включает 19 предметов, происходящих с 16 средневековых поселений. Она заслуживает внимания как одна из наиболее представительных серий христианской металлопластики, полученных в последние годы при изучении компактного средневекового региона в результате легитимных полевых работ.

Дополнительный интерес к новым находкам образков в Суздальской земле придает то обстоятельство, что начало целенаправленного изучения данной категории древностей было связано с археологическими находками из этой области Руси. Первая специальная публикация на эту тему — статья М.В. Седовой, посвященная подвескам с изображением Успения и Богоматери Одигитрии, которые были атрибутированы исследовательницей как предметы, производившиеся на территории Северо-Восточной Руси и получившие здесь наиболее широкое распространение[1]. В последующих публикациях М.В. Седова отметила, что Северо-Восточная Русь выделяется среди других регионов Древней Руси высокой концентрацией металлических образков второй половины XI – начала XIII вв. В других областях Руси находки подобных предметов единичны[2]. Металлические образки, хранящиеся в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (15 предметов), недавно еще раз рассмотрены Н.А. Кокориной[3].

Публикуемые материалы происходят из культурного слоя селищ и найдены в результате сбора подъемного материала на поверхности с использованием металлодетектора или в ходе раскопок. Они обнаружены вне закрытых комплексов, однако все находки имеют точные пространственные координаты. Хронологические рамки памятников, на которых собраны предметы, определены с учетом общей совокупности находок-хрониндикаторов и керамики. Находки обнаружены на поселениях, разбросанных по обширной территории Ополья от низовий Нерли на юго-востоке до междуречья Селекши и Гзы на северо-западной границе опольских земель. Часть их происходит с поселений, составлявших ближайшую округу Суздаля (Черниж 2, Михали 3, Вишенки 3, Спасское Городище 7), другие найдены на селищах, маркирующих окраины Ополья (Добрынское 1, Григорово 2, Скомово 2; Рис. 1). Большинство предметов принадлежит к уже известным типам, неоднократно описанным исследователями культового литья. 15 образков изготовлены из бронзы, 3 из серебра и один из легкоплавкого сплава. Обратимся к детальному их рассмотрению.

Круглые иконки

Образки с погрудным изображением двух святых (Рис. 2: 1–3). В коллекции представлено 3 экземпляра бронзовых иконок, происходящие с селищ Павловское 2, Михали 3 и Кубаево 7. Диаметр подвесок составляет 22–24 мм, они снабжены простыми петельчатыми ушка-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-04129.

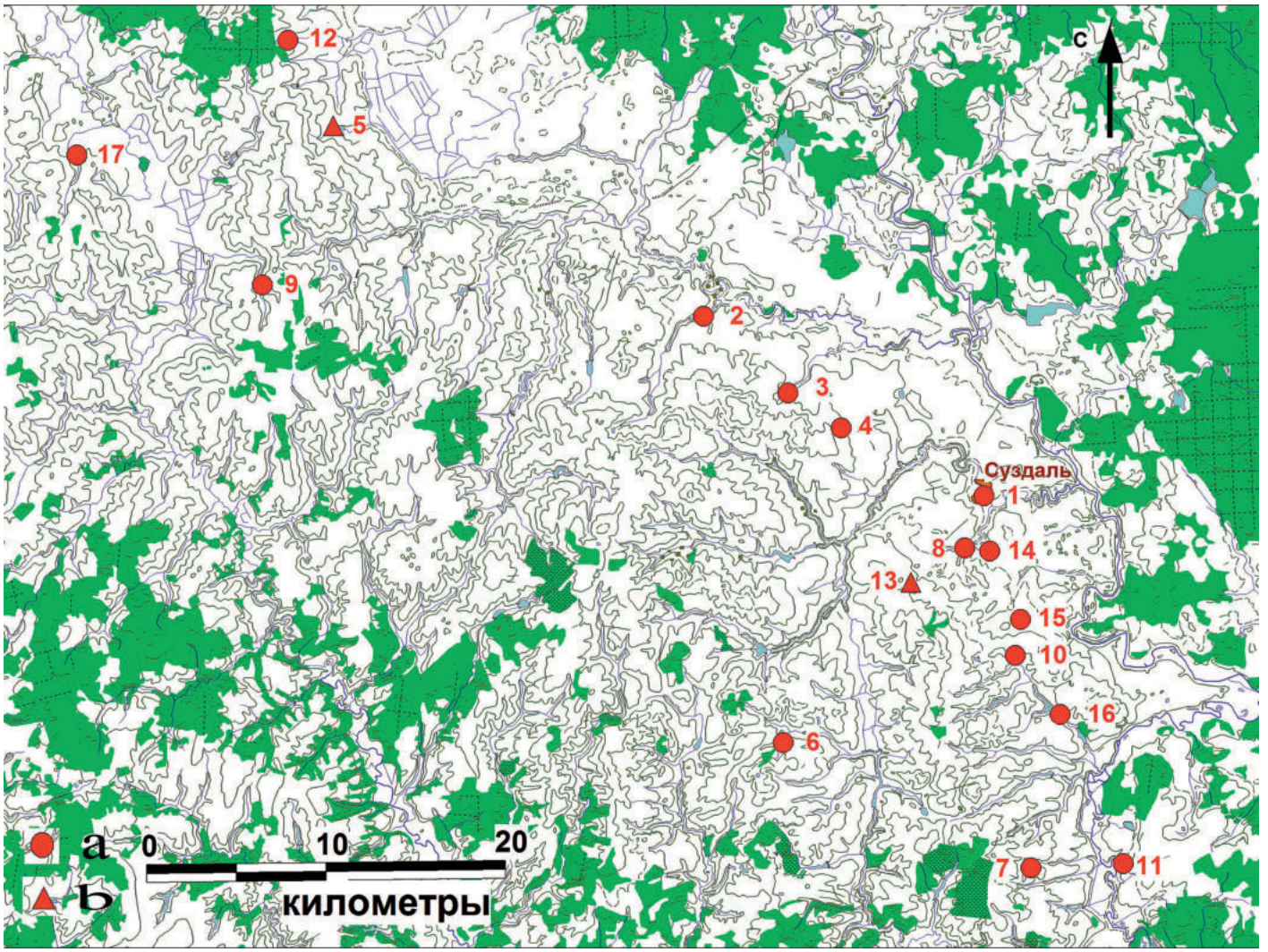


Рис. 1. Находки металлических подвесок-иконок в Суздальском Ополье: 1 – Суздаль; 2 – Большое Давыдовское 2; 3 – Кистыш 3; 4 – Вишенки 3; 5 – Скомово 2; 6 – Раславское 1; 7 – Суворотское 8; 8 – Черниж 2; 9 – Кубаево 2; 10 – Павловское 2; 11 – Добрынское 1; 12 – Григорово 2; 13 – Гнездилово 9; 14 – Михали 3, 15 – Спасское городище 7; 16 – Улово 1; 17 – Сорогужино 2. а – поселения с находками иконок XII – первой пол. XIII вв.; а, б – поселения с находками иконок второй пол. XIII–XIV вв.

ми высотой 7 мм (у подвески с селища Павловское 3 оно обломано). Все три экземпляра сделаны литьем по оттиску. На подвесках изображены погрудные фигуры двух Святых анфас в складчатых одеждах. Их лица без нимбов — округлые, молодые, безбородые, у левого кудрявые волосы, правый с вьющимися волосами. На иконке из Павловского 2 хорошо просматриваются хитоны с тонко прочерченными складками и правые руки святых, показанные в благословляющем жесте. Края подвесок украшены выпуклым двойным рубчатым бордюром. Полное совпадение размеров и всех деталей рисунка на подвесках позволяет полагать использование единой первоначальной матрицы. Наиболее приближена к исходной матрице подвеска из Павловского 2, на которой в высоком рельефе четко видны мелкие прорезные детали, сделанные на модели. Другие экземпляры более плоские и имеют стертые изображения без прорисовки деталей. Оборотные стороны всех подвесок гладкие.

М.В. Седовой в 1997 г. было учтено 13 круглых образков с изображением парных святых, происходящих из Суздаля, Новгорода, Старой Рязани, курганных и грунтовых могильников Костромского и Ивановского Поволжья, Мещеры и Белозерья, а также из курганов в Псковской области, из Прикамья и из собрания Львовского музея[4]. За прошедшее время в научный оборот были введены новые находки из могильников и поселений на Белозерье (Нефедьево 1, из Белозерья (Нижнее Селище 1)[5] и Ярославского Поволжья (Введенское)[6]. Пять таких подвесок, происходящих, по версии издателей, из Тверской, Ивановской и Рязанской областей и с территории Украины, опубликованы в каталогах грабительских находок, находящихся в частных коллекциях[7]. Новгородские и белозерские находки были предположительно атрибутированы как изображения Петра и Павла[8], при этом М.В. Седова отметила, что окончательное определение затруднено из-за плохого качества отливок. В.В. Праздников высказал мнение, что парные святые на подобных образках с равной долей вероятности могут быть идентифицированы как Козьма и Дамиан или Флор и Лавр[9]. М.В. Седова полагала, что прототипами для этих образков могли быть изображения Петра и Павла на актовых печатях[10]. А.К. Станюкович указал в качестве прототипа печати с изображением Козьмы и Дамиана[11]. Вновь найденные образки из Павловского и Кубаева, на которых отчетливо видно, что святые безбородые,

Рис. 2. Металлические иконки из Суздальского Ополья: 1–3 – иконки с изображением двух святых; 4, 6 – образки с изображением св. Дмитрия Солунского; 5 – образок с изображением святого всадника; 7 – образок с изображением святого воина и святителя. 1 — Павловское 2; 2 — Кубаево 7; 3 — Михали 3; 4 — Григорово 2; 5 — Михали 3, 6 — Добрынское 1; 7 — Григорово 2. 1–5 — бронза, 6–7 — серебро

заставляют отказаться от идентификации их как первоапостолов: очевидно, это Козьма и Дамиан. Для определения хронологических позиций образков этого типа важны находки из Неревского раскопа в Новгороде (20 ярус, 1116–1134 гг.) и из погребальных комплексов XII вв. в могильнике Нефедьево [12].

М. В. Седова отметила локализацию основной массы образков с изображением парных святых на территории Владимиро-Суздальской земли [13], с Северо-Восточной Русью связано и большинство новых находок.

Образки с изображением святого Дмитрия Солунского (Рис. 2: 4, 6). В коллекции представлено 2 экземпляра:

целый образок диаметром 19,5 мм с гладким петельчатым ушком высотой 7 мм найден на селище Григорово 2; фрагмент иконки, составляющий примерно нижнюю треть тулова, обнаружен на селище Добрынское 1. Иконка из Григорово 2 сделана по оттиску готового предмета. Выпуклый рисунок сильно сглажен, детали изображения неясны, что свидетельствует о многократном тиражировании. Святой изображен в рост анфас, с нимбом, в короткополой одежде, правая рука поднята вверх и держит копье, левая опирается на щит овальной формы. На щите видны 6 выпуклых жемчужин. Край иконки оконтурен узким рельефным рубчатым валиком. Оборот подвески плоский.

Серебряный образок с селища Добрынское 1 имеет четкий рельеф, однако на имеющемся фрагменте видны лишь левая рука святого, край одежды и щит с такими же 6 выпуклыми жемчужинами. Слева от фигуры колончатая надпись «ДИМИТРИ» с зеркальным начертанием букв. По краю подвески имеется выпуклый гладкий бортик. Оборот иконки гладкий. Тонкость пластины и четкость рельефа позволяют предположить, что изделие изготовлено оттиском на матрице.

Круглые иконки с изображениями святых воинов в рост известны по находкам в кургане 9 в могильнике у с. Кнутиха на р. Уводь (современная Ивановская обл.)[14], из могильника Шитовичи 6 на Верхней Волге[15] и на Троицком раскопе в Новгороде. Образки из Кнутихи и Шитовичей весьма близки суздальским подвескам, при этом надписи на них отсутствуют. Новгородская подвеска имеет более крупные размеры (диаметр 36 мм) и иное оформление. Это двусторонний образок, на оборотной стороне которого помещено изображение Архангела. Стоит отметить, что в могильнике Кнутиха подвеска найдена в кургане в ожерелье вместе со стеклянными бусами. В каталоге пластики из частных собраний представлены изображения шести круглых подвесок с изображением святого воина в рост того же иконографического вида: на двух из этих образков находились колончатые надписи «ФЕО» и «ГЕОРГИОС». Два образка изданы как находки с территории Украины, для третьего место находки указано как Черниговская область[16]. Для хронологической атрибуции подвесок этого типа существенна находка из Кнутихи: комплекс кургана датирован автором раскопок второй половиной XII – началом XIII вв.[17] Новгородская подвеска со святым воином найдена в культурном слое второй половины XII в. (сообщение Л. В. Покровской).

Надписи на круглых образках с фигурой святого воина указывают, что почти идентичные изображения принадлежат св. Дмитрию, св. Федору Стратилату и св. Георгию. Композиция иконок, иконография изображений, присутствие колончатых надписей определенно указывают на связь этих образков с печатями, послужившими для них образцами. Подвеска с колончатой надписью «ДИМИТРИ» в зеркальном начертании, происходящая с селища Добрынское 1, выделяется среди всех остальных высоким качеством исполнения. В своде древнерусских печатей присутствуют моливдовулы, имеющие сходные изображения св. Дмитрия и надписи, хотя и отличающиеся деталями (в частности, отсутствием жемчужин на щите[18]). Одна из подобных булл найдена в Суздальском Ополье, в северной его части[19].

Установить связь образка из Добрынского с конкретным типом булл позволяет находка из Владимира, происходящая с территории, где предположительно локализуется княжеский двор: свинцовая пластина с оттисками печати с изображениями Архангела Гавриила и зеркальным св. Дмитрия Солунского с надписью «ОАГОС ДИМИТР» — также в зеркальном начертании. Этот тип моливдовула идентифицируется как печать князя Святослава (Гавриила) Всеволодовича (Дмитриевича), одного из сыновей Всеволода Большое Гнездо. М. Е. Родина, опубликовавшая эту необычную находку, полагает, что свинцовая пластина использовалась для пробы матрицы печати и была выброшена после того, как выяснилось, что матрица изготовлена с ошибкой[20]. В сфрагистических материалах известны и печати Святослава Всеволодовича, на которых изображение св. Дмитрия представлено без ошибки (с копьем в правой руке и левой рукой, опирающейся на щит, а колончатая надпись — зеркальная), одна из них найдена во Владимире на том же участке, что и пластина с оттисками[21]. Очевидно, что мастер, изготовивший матрицу для подвески-образка из Добрынского, воспроизводил зеркальную надпись на печати Святослава или матрицу печати, повторяя ошибку резчика, работавшего во Владимире. М. Е. Родина полагает, что изготовление матрицы должно быть отнесено к самому началу 1200-х гг., когда малолетний Святослав был посажен отцом на княжение в Новгород. Эти соображения существенны для хронологической атрибуции подвесок образков из Добрынского и Григорова.

Образок с изображением святого всадника (Рис. 2: 5). Один бронзовый экземпляр диаметром 20 мм найден на селище Михали 3. Подвеска снабжена простым петельчатым ушком высотой 4 мм, которое перетерлось в результате ношения. В центре иконки изображена выпуклая рельефная фигура едущего влево всадника с нимбом, одетого в кафтан с развевающимся плащом, с копьем в левой руке, острие которого обращено вверх. Контур подвески обрамлен двойным выпуклым гладким бордюром, оборот плоский. Подвеска изготовлена литьем по оттиску готового изделия, фигуры всадника и лошади несколько стерты.

Круглые подвески с изображением святого всадника образуют многочисленную группу в древнерусской металлопластике домонгольского времени, на большинстве этих подвесок помещено изображение всадника — змееборца, который атрибутируется как св. Георгий[22]. Основанием для идентификации святого на подвесках некоторых типов являются надписи[23], но для большей части — иконография. М. В. Седовой были собраны данные о находках иконок с изображением св. Георгия на территории Ростово-Суздальской земли[24], но в этом своде нет подвесок с изображением воина с копьем, обращенного влево, аналогичных образку с селища Михали 3.

Свод круглых подвесок с изображением конного Георгия, включающий образки со святым всадником с поднятым копьем, обращенным влево, с развевающимся плащом, был составлен Дж. Жулковской[25]. Польской исследовательницей учтены 32 находки подобных образков (группа 2 по классификации Дж. Жулковской), происходящих с современных территорий Украины (18 экз.),

России (10 экз.) и Польши (1 экз.)[26]. К этой сводке можно добавить лишь две новые находки, обнаруженные в погребении древнерусского могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону и в культурном слое Смоленска[27], и две из грабительских сборов из Житомирской и Владимирской областей[28]. Большинство находок происходит с территории Южной Руси. В северо-западных областях Руси они неизвестны. Во Владимирской области ранее была зафиксирована лишь одна подвески этой группы[29]. Три подвески (самая многочисленная серия) найдены далеко на северо-востоке, на Печоре, среди приношений на святилище на р. Гнилке[30], на территориях, находившихся в XII–XIII вв. в данической зависимости от Руси.

Строгих оснований для идентификации всадника на иконках этого типа как святого Георгия нет, т. к. в византийской и древнерусской иконографии хорошо известны конные изображения других святых воинов, в том числе Федора Стратилата, Федора Тирона и Дмитрия Солунского[31]. Дж. Жулковска датирует подвески второй группы XI (XII)–XIII вв.[32] Все находки, археологический контекст которых документирован, происходят из комплексов и культурных напластований, время формирования которых не ранее второй половины XII в.[33]

М. В. Седова высказала мнение, что изображение святого всадника на круглых образках восходит к древнерусской сфрагистике, указав в качестве прототипа печать с конным изображением св. Георгия, найденную в Суздале (тип 212 по В. Л. Янину)[34]. Против этого может указывать как редкость изображения конных воинов на древнерусских и византийских печатях[35], так и характер изображений и крупные размеры образков наиболее распространенных типов (вариант 1 по В. Соболеву; группа 1 по Дж. Жулковской)[36]. Однако для подвесок с изображением всадника с поднятым копьем, обращенного влево, связь со сфрагистикой подтверждается как особенностями иконографии и стилистики, так и размерами щитка и характером оформления бордюра.

Двусторонний образок с изображениями святого воина и святителя (Рис. 2: 7). Один серебряный экземпляр обнаружен на селище Григорово 2. Подвеска диаметром 20 мм имеет простое петельчатое ушко высотой 4 мм. Иконка отлита по резной восковой модели: это не оттиск, хотя и заметны следы потертости в результате ношения. На обеих плоскостях ее тулова представлены выпуклые поясные фигуры святых, вырезанные грубовато, без изящества, по краю узкий рельефный гладкий валик.

На одной стороне подвески выполнено изображение святого воина с небольшой бородой и кудрявой головой с копьем в правой руке, вокруг головы нимб. Справа от фигуры плохо различимые знаки, слева читается буква «Г» (?) — часть колончатой надписи «Георгий» (?). На другой стороне — поясное изображение святого в омофоре, вокруг головы нимб, правая рука в благословляющем жесте, слева — Евангелие.

Сводка образков с поясным изображением святого воина с копьем в правой руке, происходящих с территории Древней Руси, была составлена М. В. Седовой[37]. Основываясь на иконографии, исследовательница идентифицирует святого как Георгия. М. В. Седовой учтены сведения о 40 круглых образках с подобным изображением, 29 из них происходят из северорусских областей, основная масса — с территории Северо-Восточной Руси[38]. В эту сводку вошли подвески, различающиеся по своим размерам, высоте рельефа, деталям изображения и оформлению рельефного валика, в который заключены изображения. В последние годы коллекция подвесок с поясным изображением св. воина с копьем пополнилась находками Мининского археологического комплекса на Кубенском озере (3 экз.), которые отличаются от основной массы меньшими размерами (их диаметр составляет 17 мм)[39], а также находками из грабительских сборов[40]. Семь подвесок с поясным изображением святого воина с копьем или мечом изданы в своде металлопластики из грабительских раскопок как находки с территории Украины (Ровенская, Житомирская и Черниговская области), из Брянской области и из Переславского района Ярославской области. На некоторых из этих подвесок отчетливо читаются части надписи: буквы «ГЕ» и «Г». Одна из подвесок — двусторонняя, имеющая на обороте изображение святителя, идентифицированного издателем как св. Николай. В статье 2016 г. Дж. Жулковской приведены сведения о 58 таких образках с территории Восточной Европы (группа 3)[41].

М. В. Седова считала, что появление круглых подвесок с поясным изображением Георгия следует относить ко времени не позднее второй половины XI в.[42], однако основная масса находок, происходящих из закрытых комплексов и стратифицированных культурных напластований (находки из Ярополча, могильника Минино, Гочевского могильника, курганов Костромского и Кинешемского Поволжья), датируется XII – началом XIII вв.

Образок с изображением святого Николая (Рис. 3: 1). Один серебряный экземпляр найден в сборах на селище Раславское 1. Размеры щитка составляют 15 × 16 мм. Иконка сделана литьем по оттиску верхней части створки обломанного энколпиона. Створка была оттиснута вместе с граненым оглавием, составлявшим отдельную часть энколпиона, в котором на готовом изделии было сделано отверстие. На обороте иконки видны остатки полости энколпиона. На торце образка и на ушке четко просматривается литейный шов. На лицевой стороне иконки в центре помещено поясное изображение святителя в омофоре, правая рука в благословляющем жесте, слева — Евангелие, вокруг головы нимб. По сторонам — колончатая надпись, буквы справа от фигуры святого расплылись и не читаются, слева хорошо различимы буквы «**НИ**» — Никола. Оригиналом для оттиска послужил, вероятно, энколпион группы VII по А. А. Песковой, представленной большим количеством находок. На лицевой стороне энколпионов этой группы помещалось изображение Богоматери, в медальонах на ветвях — погрудные изображения святых, в том числе святителя Николая[43]. Несмотря на свою необычность и несерийность, по композиции, иконографии и стилистике образок вписывается в группу круглых иконок с погрудным изображением святого, распространенную в XII–XIII вв., эта датировка хорошо согласуется с датировкой основной массы энколпионов группы VII.

Образок с изображением Богоматери Одигитрии (Рис. 3: 2). Один бронзовый экземпляр обнаружен на селище Вишенки 3. Диаметр подвески, изготовленной по оттиску готового предмета, составляет 21 мм. Она снабже-

на простым петельчатым ушком высотой 5 мм. В центре помещено выпуклое поясное изображение Богоматери с младенцем на левой руке. Справа от головы Богоматери — выпуклость неясных очертаний, соответствующая расположению части монограммы «МР ΘУ». Вдоль края имеется выпуклый гладкий бортик, второй такой же располагается в 2 мм к центру. Нечеткое рельефное изображение получено в результате многократного оттиска. Оборотная сторона подвески гладкая.

Аналогичные образки, отличающиеся более высоким качеством отливки, с ясно видимыми нимбами и монограммой, находились в собраниях Б. И. и В. Н. Ханенко [44] и Одесского нумизматического музея [45]. Подвеска из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко происходит из Витичева. Шесть подобных образков изданы в каталогах грабительских находок. По сведениям издателей, два из них происходят из Киевской области, два — из Суздальского Ополья (Гаврилово-Посадский район Ивановской области) [46]. На Белоозере обнаружены три сходных иконки, на которых изображение Богоматери повернуто вправо. Это отливки низкого качества с нечеткими изображениями [47].

Весьма вероятно, что прототипом для подобных образков служили актовые печати с изображением Богоматери. География немногочисленных находок указывает на их связь с Южной и Северо-Восточной Русью.

Подвески с изображением Успения Богоматери (Рис. 3: 3, 4). В коллекции представлены два бронзовых экземпляра, происходящие с селища Улово 1 и пахотного слоя поселения Большое Давыдовское 2. Находка из Большого Давыдовского 2 уже введена в научный оборот [48]. Диаметр иконок составляет 21 × 22 мм, массивное подпрямоугольное ушко высотой 6 мм сохранилось только на подвеске из Улово 1. Предметы изготовлены литьем по оттиску, при этом экземпляр из Улово 1 более качественный: фигуры выполнены в высоком рельефе, подвеска обрамлена высоким рубчатым валиком. Оборот иконки гладкий. Возможно, модель для ее изготовления была отлита в каменной форме. Экземпляр из Большого Давыдовского 2 получен в результате многократного тиражирования: изображения на нем очень размыты, видны большие усадочные полости от некачественного литья. В центр лицевых сторон иконок помещено рельефное изображение Успения Богоматери: тело Богоматери на смертном ложе повернуто головой вправо, вокруг шесть фигур апостолов. На оборотной стороне иконки с селища Большое Давыдовское 2 имеется плохо читаемое изображение стоящей фигуры святого с младенцем на руках.

Круглые подвески с изображением Успения получили широкую известность в средневековой археологии благодаря исследованиям М. В. Седовой, составившей свод этих образков, убедительно обосновавшей их связь с византийскими печатями с изображением Успения и высказавшей предположение о производстве их в Суздале [49]. Ей было сделано важное наблюдение о присутствии среди образков двусторонних, с изображением Успения и стоящей фигуры Богоматери (подвески из Галича и Ярополча), отличающихся несколько большими размерами и более высоким качеством отливки. Очевидно, формы для отливки этих образков были скопированы с печатей, имеющих идентичное сочетание изображений. Подвески с гладкой оборотной стороной имеют более сглаженный рельеф изображения Успения, указывающий на многократные переливы с оригинала. Исследовательницей было учтено 22 экземпляра подвесок с Успением, происходящих из 12 памятников (происхождение 3-х находок осталось неустановленным). Приуроченность 11 находок к территории Владимиро-Суздальской земли стала убедительным аргументом в пользу атрибуции их как продукции ремесленников, работавших на этой территории. М. В. Седова определила найденную в Суздале печать с изображением Успения и стоящей фигуры Богоматери как моливдовул епископа Ефрема, упомянутого в летописи как жертвователя сел в суздальский монастырь св. Дмитрия [50]. Находка на Белоозере хорошо сохранившегося экземпляра печати с Успением, на обороте которой помещено изображение стоящей фигуры с младенцем с надписью «ОГИА АНА» [51], ставит под сомнение атрибуцию ее как Богоматери, скорее, на печатях, послуживших образцами для изготовления подвесок, находилось изображение св. Анны с младенцем Марией [52].

К настоящему времени количество известных иконок с Успением значительно увеличилось и составляет 39 экз. С учетом новых находок составленный М. В. Седовой свод может быть дополнен подвесками, найденными в культурном слое первой трети XIII в. в г. Владимире [53], на селище Степаново 2 в Дмитровском районе Московской обл. [54] и в Борском районе Нижегородской области (выставка в музее-усадьбе Рукавишниковых). 9 подобных подвесок опубликованы в сводах металлопластики из грабительских раскопок, из них 2 экз. определены как находки из Среднего Поднепровья и 2 экз. из Переславского и Ростовского районов Ярославской области [55]. Три из этих образков отличаются высоким качеством отливки и имеют надписи, одна из которых хорошо читается как «ОАГИА АНА». По версии издателя, эта находка происходит из Житомирской области. В этом случае следует признать, что подвески, в которых можно видеть первоначальные отливки, изготовленные как прямые копии печатей, происходят из Поднепровья [56]. Очевидно, содержательное обсуждение вопроса о месте первоначального производства подвесок с Успением станет возможно после новых надежно паспортизированных находок двусторонних образков с надписью, полученных путем легитимных полевых работ. Находки с селищ Улово 1 и Большое Давыдовское 2 подтверждают наблюдение М. В. Седовой о том, что основным ареалом этих подвесок были земли Северо-Восточной Руси.

Подвеска с изображением Богоматери Знамение (Рис. 3: 5). Один бронзовый экземпляр диаметром 24 мм происходит из пахотного слоя селища Кистыш 3. Довольно толстая пластинка с гладкой тыльной стороной имеет граненое ушко высотой 5 мм. На лицевой стороне пластины прямо по металлу оттиснуто погрудное изображение Богоматери Знамение с младенцем в медальоне, получившееся врезным. Оттиск, вероятно, вышел не совсем удачным, и его доработали прямо на изделии (пальцы, нимб Богоматери).

Круглые подвески с поясным изображением Богоматери с воздетыми руками с младенцем на груди, изображенным «прямолично», широко представлены в древ-

Рис. 3. Металлические иконки из Суздальского Ополья:
1 – образок с изображением св. Николая;
2 – образок с изображением Богоматери Одигитрии;
3, 4 – образки с изображением Успения Богоматери;
5 – образок с изображением Богоматери Знамение;
6, 7 – иконки с изображением Богоматери Одигитрии; 1 – Раславское 1, 2 – Вишенки 3, 3 – Большое Давыдовское 2, 4 – Улово 1, 5 – Кистыш 3, 6 – Спасское городище 7, 7 – Черниж 2. 1 – серебро, 2–7 – бронза

нерусской металлопластике и сфрагистике XII–XIII вв. А.Ю. Кононович рассмотрены иконки с изображением Богоматери Воплощение, отличающиеся от иконографии Знамения отсутствием медальона, в котором находится младенец. В сводке А.Ю. Кононович учтено 12 таких образков, большая часть которых происходит с территории Южной Руси, одна подвеска найдена в Ростове Великом[57]. Аналогии изображениям Богоматери Воплощения на подвесках исследовательница находит в древнерусской сфрагистике, полагая, что, как и во многих других случаях, прототипом подвесок могли быть актовые печати с изображением Богоматери с воздетыми руками. Круглые образки с изображением Богоматери Знамение в единичных находках известны в курганных могильниках Северо-Запада (3 экз.)[58]. 11 круглых подвесок с изображениями Богоматери Знамение и Богоматери Воплощение, различающихся по размерам, особенностям изображения и качеством отливки, представлены в публикации грабительских находок, хранящихся в частных коллекциях. 9 из них атрибутированы как находки из Южной Руси, одна находка связывается с Нижегородской областью[59]. 4 иконки (№ 49–52) очень близки рассматриваемому нами экземпляру, но все они имеют выпуклые изображения, вероятно, подобный экземпляр и был использован для оттиска на иконке из Кистыша 3. Иконки датируются XII–XIII вв., хотя граненое ушко находки из Кистыша 3 может указывать и на более позднюю дату.

Прямоугольные иконки

Подвески с изображением Богоматери Одигитрии (Рис. 3: 6, 7). Два бронзовых экземпляра подвесок найдены на селище Спасское городище 7, Черниж 2. На Спасском городище 7 обнаружена целая покрытая полудой подвеска размерами 20,5 × 22 мм с простым петельчатым ушком высотой 7 мм. В Чернижe 2 найдена только верхняя часть шириной 20 мм с перетертым простым петельчатым ушком высотой 7 мм. Обороты подвесок гладкие. На лицевых сторонах подвесок сделано поясное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем на левой руке, головы Богоматери и младенца помещены в соединяющиеся нимбы. Нимбы показаны бордюром из выпуклых овальных жемчужин. Иконки обрамлены выпуклыми рубчатыми валиками. Носы и глаза у Богоматери и младенца преувеличенно крупные. На иконке из Спасского городища видны складчатые одежды Богоматери.

Сводка прямоугольных иконок с изображением Богоматери Одигитрии была составлена в 1974 г. М.В. Седовой, выделившей две серии образков этого типа, происходящие из двух различных литейных форм. Одна из этих серий объединяет иконки, имеющие на обороте изображения процветшего креста, другая — иконки с гладкой оборотной стороной[60]. В дальнейшем эта сводка, включавшая 17 образков из 10 пунктов, пополнялась новыми находками, среди которых подвески из Новгорода (слой 70–80-х гг. XII в.), Владимира, могильника Нефедьево на Волоке Славенском, с поселения Введенское под Ярославлем, из Усть-Шексны и с селища Василево на р. Уводи[61]. 17 таких подвесок изданы как новые находки из грабительских раскопок, находящиеся в частных коллекциях, одна из них атрибутирована как находка из Суздальской земли (Гаврилово-Посадский район Ивановской области) и одна — из Ярославской обл., 6 — как находки из Южной Руси[62]. Для определения хронологической позиции этих предметов важны находки из могильника Нефедьево (погребальный комплекс середины – второй половины XII в.) и из Ярополча (слой XII в.)[63].

Несмотря на появление новых экземпляров, происходящих, если можно верить их издателям, с территории Южной Руси, заключение М.В. Седовой о связи этих предметов преимущественно с Северо-Восточной Русью представляется в целом справедливым.

Двусторонняя иконка с изображением Богоматери Воплощение и святого Николая (Рис. 4: 1). Один бронзовый экземпляр обнаружен на селище Скомово 2. Высота иконки составляет 19 мм, ширина — 17 мм, ушко отломано. Изделие получено литьем в каменную форму, схематичный рисунок выполнен в невысоком рельефе. На лицевой стороне иконки помещено поясное изображение Богоматери Воплощение с младенцем, вокруг головы Богоматери нимб. По контуру иконки сделана рамка шириной 3 мм, украшенная геометрическим орнаментом. В верхней части рамки просматриваются расплывшиеся нечитаемые буквы — монограмма «МР ΘУ»(?). На оборотной стороне помещено поясное изображение святителя в омофоре, вокруг головы нимб. По контуру также дана рамка шириной 3 мм с геометрическим орнаментом. В верхней части рамки имеется надпись, выполненная низким рельефом с расплывшимися буквами, читаются четыре буквы «ИКОЛ».

Двусторонние прямоугольные образки с рамками характерны для металлоплпастики послемонгольского времени. По своим стилистическим особенностям образок из Скомова близок иконкам второй половины XIII–XV вв. Широкая рамка с геометрическим орнаментом воспроизводит резной декор на рамках каменных образков и на металлических окладах иконок этого времени[64]. Основная масса керамики и бытовых вещей, собранных при обследовании селища Скомово 2, принадлежит к типам, распространенным в XII – первой половине XIII вв., однако в коллекции представлены также типы, период бытования которых заходит во вторую половину XIII в.

Иконка с полукруглым завершением с погрудным изображением святого (Рис. 4: 2). Один экземпляр, изготовленный из легкоплавкого сплава, найден на селище Гнездилово 9. Верхняя часть образка (арочка) отломана. Ширина изделия составляет 14,5 мм. Предмет отлит в каменной форме. В центре щитка представлено схематичное изображение бородатого святого, вокруг головы нимб. Изображение дано невысоким рельефом и помещено в двойную рельефную гладкую рамку шириной 2 мм.

Тонкие небольшие образки с полукруглым завершением известны с XII–XIII вв., но получили широкое распространение в XIV – начале XV вв. Два из них обнаружены в слоях 70–80-х гг. XII в. в Новгороде. Целые образки не имеют ушек и, по мнению М.В. Седовой, крепились на основу[65]. Два образка подобной формы с погрудным изображением святого (св. Николай (?) опубликованы в своде грабительских находок из частных коллекций[66].

Центральная часть складня с арочным завершением с изображением Иисуса Христа и двух святых (Рис. 4: 3). Один экземпляр бронзового складня найден на селище Кистыш 3. Ширина складня равна 43,5 мм, высота сохранившегося фрагмента составляет 42 мм, по сторонам — два

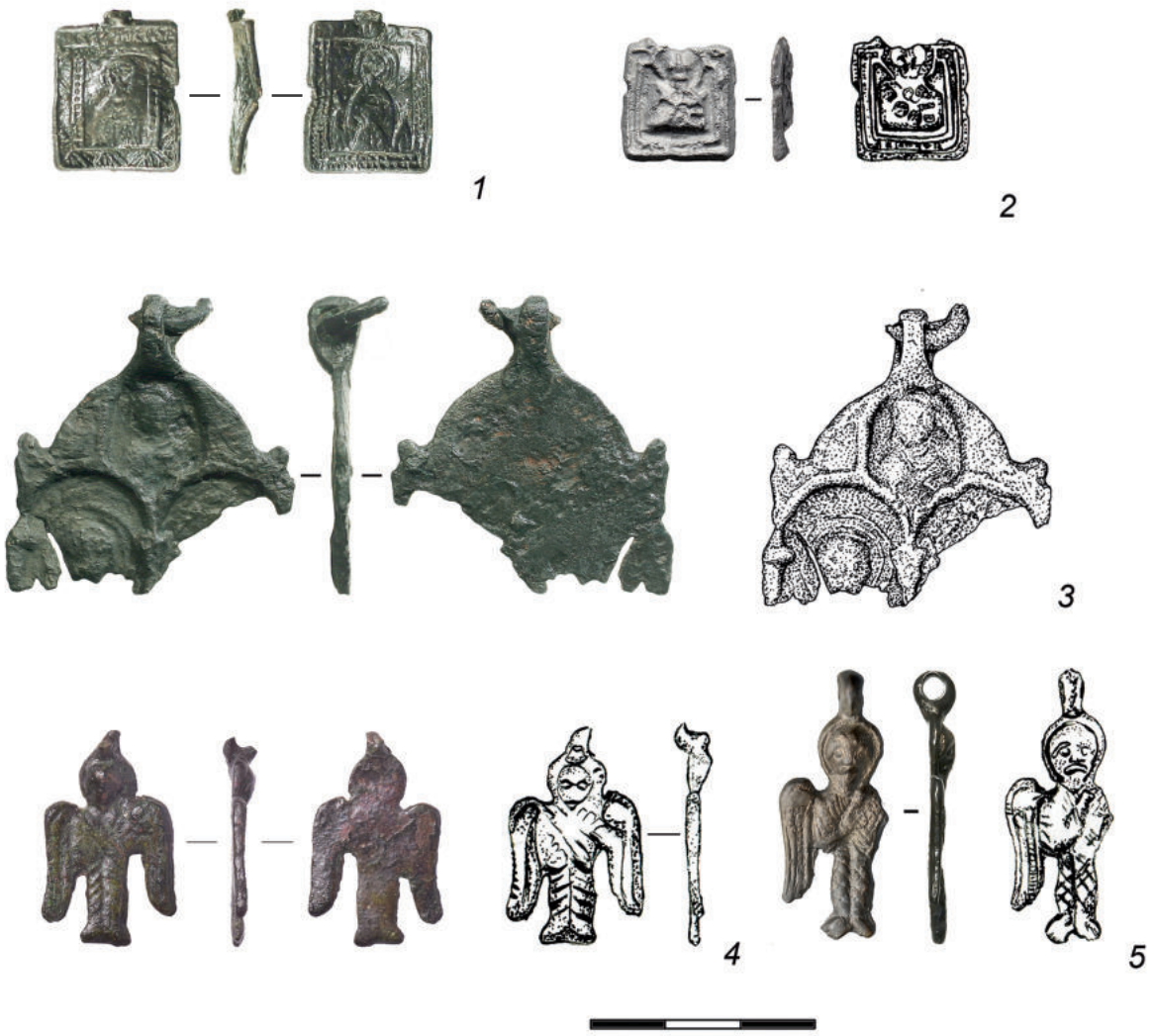


Рис. 4. Металлические иконки из Суздальского Ополья: 1 – иконка с изображением Богоматери Воплощение и св. Николая; 2 – иконка с погрудным изображением святого; 3 – центральная часть складня с изображением Иисуса Христа и двух святых; подвески с изображением Архангела; 4, 5 – подвески в виде фигуры Архангела. 1 – Скомово 2, 2 – Гнездилово 9, 3 – Кистыш 3, 4 – Сорогужино 2, Суворотское 8. 1, 3–5 – бронза, 2 – легкоплавкий сплав

выступа для крепления боковых створок. В верхней части сделано простое петельчатое ушко высотой 7 мм, в которое продет фрагмент бронзового колечка. Оборот плоский. На лицевой поверхности изображены три арочки, в которые помещены выпуклые поясные фигуры святых (на фрагменте сохранились две из них). В верхней части представлено погрудное изображение Христа, в левой нижней арочке — голова святого воина с небольшой бородой в нимбе и острие копья справа от нее. Святые находились между колоннами с капителями, на которые опирались арки. Фигуры даны невысоким рельефом, иконка имеет плохую сохранность (предмет побывал в огне), рисунки видны нечетко.

Иконки со святыми, изображения которых помещены под арки с колоннами, редки в древнерусской металлопластике. Сходные складни происходят из раскопок Бородинского городища в Смоленской земле и из Серенска, но в левой нижней нише иконки из Серенска представлено женское изображение[67], очевидно, образки различаются по составу святых. При первой публикации складня мы указали, что образок из Кистыша не относится к массовым типам древнерусского литья, а прием помещения святых под арки между колоннами с капителями характерен для византийской каменной и металлической пластики и книжной миниатюры[68]. Очевидно, иконка воспроизводит византийские прототипы.

Подвески в виде фигуры Архангела (Рис. 4: 4, 5). Два экземпляра бронзовых подвесок найдены на селищах Сорогужино 2 и Суворотское 8. Подвески представляют схематичное изображение фигур Архангелов (?) в рост с распростертыми крыльями. Их размеры составляют 25 × 17 мм (Сорогужино 2) и 29 х ? (отломано левое крыло). Подвески снабжены петельчатыми ушками. У подвески из Сорогужино 2 оно обломано, у экземпляра из Суворотского 8 оно имеет продольное ребро и высоту 6 мм. Экземпляр из Суворотского 8 отлит в каменной форме с плоской крышкой, из Сорогужино 2 сделан по оттиску (низкий рельеф, плохо просматриваются детали изображения). Оборотные стороны гладкие. Архангелы изображены в складчатых одеяниях, с руками, сложенными на груди, круглые лица окружены нимбами, крылья показаны с перистой разделкой.

Подвески в виде фигур Архангелов представлены в средневековой металлопластике несколькими типами,

которые до недавнего времени рассматривались обособленно[69]. Общий свод этих предметов, включающий около 30 находок, был составлен А. А. Остапенко. Он выделил схематичные упрощенные фигурки с крестовидной перевязью на груди, подобные подвескам из Сорогужино 2 и Суворотского 8 (всего им учтено 5 экз. подобных подвесок), в отдельный тип (тип 4)[70]. Н. Г. Недошивина указала на две такие подвески из раскопок А. С. Уварова у с. Веска в Суздальском Ополье и из Суздаля, и две — из курганов Костромского Поволжья и Подмосковья[71]. За последние десятилетия появились новые находки, происходящие из Владимира, Суздаля, Новгорода и Черниговской области[72]. 6 таких подвесок изданы в каталогах металлопластики из грабительских раскопок как предметы, происходящие из Суздальского района, Владимирской, Рязанской и Черниговской областей[73].

При первой публикации миниатюрной подвески в виде крылатой фигуры ангела из костромских курганов Д. Н. Анучин высказал мнение о связи ее с культовым литьем Прикамья и Приуралья, в котором широко представлены фигуры парящих птиц[74], однако появление в поле зрения исследователей более качественных отливок, на которых хорошо просматриваются детали изображения, и общее пространственное распределение находок заставило отказаться от этого предположения. Очевидно, что миниатюрные подвески в виде крылатых фигур представляют собой упрощенный вариант подвесок, изображающих Архангела в диаконских одеждах, держащего в руках мерило и зерцало. Прототипы этих подвесок представлены в византийской металлопластике[75], изображения Архангелов близки изображениям на печатях, в том числе на печатях Святослава (Гавриила) Всеволодовича (Дмитриевича), обнаруженных в Новгороде и Владимире[76]. Подвески в виде фигур Архангелов имеют очень широкое географическое распространение, однако большинство фигурок типа 4 по классификации А. А. Остапенко происходит с территории Северо-Восточной Руси. Появление новых находок подтверждает мнение о связи их с ростово-суздальскими землями.

Заключение

Новые находки подвесок-иконок из Суздальского Ополья, представляющие одну из областных серий христианской металлопластики XII–XIV вв., существенны для прояснения различных аспектов производства, распространения и использования в религиозном обиходе этой категории предметов христианского культа.

Металлические подвески иконки составляют чуть более 12 % от всей совокупности христианских древностей XI–XIV вв., собранной экспедицией на селищах. Их количество существенно уступает числу нательных крестов и энколпионов. Выясняется, что эти далекие от художественного совершенства и простые для производства и тиражирования предметы имели сравнительное широкое (хотя и не массовое) распространение в среде жителей центра Суздальской земли, при этом концентрация их на селищах не ниже, а возможно, и выше, чем в городах. Анализ пространственного распределения новых находок показывает, что подвески-образки находились в обиходе обитателей поселений разных размеров и разного статуса, живших и в больших селах (Кубаево 7, Суворотское 8, Улово 1, Григорево 2 , Сорогужино 2), и на малодворных поселениях (Черниж 2, Вишенки 6, Михали 3, Скомово 2, Гнездилово 9), в ближайшей округе Суздаля и на значительном удалении от городов. Типологическое разнообразие подвесок-образков невелико, большинство вновь найденных экземпляров принадлежит к хорошо известным серийным типам, однако в коллекции есть и предметы индивидуального штучного изготовления.

М. В. Седова отметила, что подвески-иконки с погрудным изображением святого Георгия были в обиходе с конца XI по начало XIII вв., и время их бытования не выходит за рамки домонгольского периода[77]. XII – началом XIII вв. были датированы ею и другие типы подвесок-образков: круглые с изображением Успения и парных святых и квадратные с изображением Богоматери Одигитрии[78]. Вновь найденные экземпляры этих серий не дают возможности для уточнения хронологии, но в целом хорошо согласуются с ранее предложенными датировками. Они найдены на селищах, в материалах которых доминируют хроноиндикаторы XII – первой половины XIII вв. В публикуемой коллекции подвесок-образков есть лишь две (три?) иконки, которые по аналогиям и стилистическим особенностям могут быть датированы второй половиной XIII–XIV вв.

Наблюдения о связи изображений на круглых подвесках-иконках XII–XIII вв. с византийской и древнерусской сфрагистикой широко вошли в историографию, новые находки из Суздальского Ополья, в особенности обломок образка с колончатой зеркальной надписью «ДИМИТРИ», дают этим наблюдениям дополнительные подкрепления. С учетом новых данных можно считать, что воспроизведение изображений на печатях, служивших образцами для металлических образков, представляло собой не единичные случаи, а широко принятую практику. Большинство рассмотренных в работе находок представляют многочисленные устойчивые серии предметов: полностью совпадают их размеры и мельчайшие детали изображений. Образки достаточно хорошего качества, исследованные при увеличении, позволяют полагать, что непосредственный оттиск печатей для получения форм образков не применялся: рисунки на образках выполнены в высоком рельефе, идущие по краю бортики нарезаны рубчатым орнаментом, а не характерными для печатей жемчужинами, — все это свидетельствует об использовании восковых моделей для создания иконок. В некоторых сериях, например в прямоугольных иконках с Богоматерью Одигитрией, возможно, применялись каменные формы. Вместе с тем близость стилистики изображений на печатях и образках очевидна. Вероятно, первые модели для образков и матрицы для печатей были изготовлены в одних стенах.

Стоит отметить, что подвески-образки, в отличие от печатей, нельзя считать вещами, предназначавшимися для элиты древнерусского общества: характер самих предметов и контекст некоторых находок указывают на распространение их в более демократичной среде, об этом же свидетельствует и многократность тиражирования популярных образцов.

М. В. Седовой было сделано наблюдение о том, что Северо-Восточная Русь выделяется среди других древнерусских земель значительно большим обилием подвесок-ико-

нок домонгольского времени и большим разнообразием их типов[79]. Хотя представить полную картину пространственного распространения образков различных типов в настоящее время затруднительно, публикации последних лет и новейшие находки в целом подкрепляют это наблюдение. География новых находок дает дополнительные аргументы в пользу того, что бытование иконок с изображением парных святых, Успения, Богоматери Одигитрии, св. Георгия и схематичных фигурок Архангела связано преимущественно с Северо-Восточной Русью. В то же время нет убедительных оснований считать, что иконография этих образков сложилась на северо-востоке и первоначальное их производство было организовано в городах Ростово-Суздальской земли. Новые находки подвесок с изображением Успения, в том числе экземпляра с изображением св. Анны на обороте, и иконок с изображением Богоматери Одигитрии на Юге Руси могут указывать на то, что именно южнорусские подвески послужили изначальными образцами для тиражирования иконок на Северо-Востоке. Среди круглых образков, найденных на территории Северо-Восточной Руси, представлены иконки с изображением святого всадника, повернутого влево, с копьем, происхождение которых определенно связано с Южной Русью. В целом же география находок отдельных типов металлопластики XII – первой половины XIII вв. свидетельствует о широком пространственном бытовании этих предметов, отражавших устойчивые культурные связи Севера и Юга и воспринимавшихся, вероятно, как одно из выражений их культурного единства.

---

[1] *Седова М.В.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974. С. 191–193.
[2] *Седова М.В.* Нательные иконки с изображением святого Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI–XIII вв.) // Г.К. Вагнер — ученый, художник, человек. М., 2006. С. 241–242.
[3] *Кокорина Н.А.* Древнерусские литые иконки из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016. С. 138–143.
[4] *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 201–202.
[5] *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 117; *Кудряшов А.В.* Исследование поселения и могильника Нижнее Селище 1, 3 в бассейне Андозера // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция. Сб. статей. Ярославль, 2014. С. 91–92. Рис. 1, 6.
[6] *Праздников В.В.* Предметы христианского культа на поселении Введенское в Ярославской области // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2001. Т. II. С.173–174. Рис 1, 13.
[7] *Станюкович А.К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М., 2011. № 235–238; *Чудновец А.А.* Каталог средневековой мелкой пластики. М., 2006. С. 124, № 1.
[8] *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 62; *Макаров Н.А.* Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 73.
[9] *Праздников В.В.* Предметы христианского культа... С. 173.
[10] *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. № 208; *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 62.
[11] *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. № 66а; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // НиНЗ ИА. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. № 333. Рис. 19.
[12] *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин... С. 128, 154.
[13] *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках . С. 201.
[14] *Уткин А.В.* Курганный могильник близ деревни Кнутихи на р. Уводь // КСИА. Вып. 205. М. 1991. С. 98. Рис. 2, 2.
[15] *Олейников О.М.* Отчет о раскопках селища Шитовичи 6 и курганной группы Шитовичи 1 Калининской обл. Вышневолоцкого р-на в 1989 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 13638.
[16] *Станюкович А.К.* Указ. соч. № 120–126.
[17] *Уткин А.В.* Указ. соч. С. 97–99.
[18] *Янин В.Л.* Актовые печати... № 196, 199, 200, 201; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати... № 199.
[19] *Makarov N.* Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus'// Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements. Praha, 2013. P. 371–386.
[20] *Родина М.Е.* Атрибуция редких находок из раскопок 2004 г. на княжьем дворе во Владимире // КСИА. Вып. 221. М., 2007. С. 145–150.
[21] *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати... С. 139, № 196; *Родина М.Е.* Указ. соч. С. 148–149.
[22] *Седова М.В.* Нательные иконки... С. 241–251; *Соболев В.Ю.* Иконки-привески с конным изображением Святого Георгия // В камне и бронзе. Сб. статей в честь Анны Песковой. СПб., 2016. С. 537–544; *Чуракова А.Ю.* Подвеска-иконка «Чудо св. Георгия о змие» с городища близ Шепетовки // В камне и бронзе. Сб. статей в честь Анны Песковой. СПб., 2016. С. 611–614; *Żółkowska J.* Przyczynek do badań nad wczesnośredniowiecznymi zawieszkami z wizerunkami przypisywanymi św. Jerzemu. Znaleziska z obszaru Polski // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego.T. XXXVII. Rzeszów, 2016. S. 247–278; *Żółkowska J.* Disc pendants with St. George's image from the Early Mediaeval period in Poland // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Kraków–Leipzig–Rzeszów –Warszawa, 2012. P. 193–202.
[23] *Чуракова А.Ю.* Указ. соч. С. 611–612.
[24] *Седова М.В.* Нательные иконки... С. 241–251.
[25] *Żółkowska J.* Przyczynek do badań... S. 247–278.
[26] Сводка этих образков с Древнерусской территории выполнена А.Ю. Чураковой. Чуракова (Кононович) А.Ю. Привески-образки с изображением святого всадника на территории Древнерусского государства // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31. М.: ИА РАН, 2016. С. 367–374.
[27] *Зоц Е.П.* Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М., 2017. С. 63; *Олейников О.М.* Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на улице Ленина, 15 в Смоленске 2004 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь, 2014. С. 10.
[28] *Нечитайло В.В.* Каталог христианьских нагрудних виробів мистецтва періоду Київської Русі (X – перша пол. XIII ст.). Київ. 2000. № 572; *Чудновец А.А.* Каталог средневековой мелкой пластики. М., 2006. С. 124, № 4 (Владимирская обл.).
[29] *Żółkowska J.* Przyczynek do badań... S. 266, 267.
[30] *Ясински М., Овсянников О.В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 69, 73, рис. 16.
[31] *Степаненко В.П.* Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000. С. 106–117.

[32] *Żółkowska J.* Przyczynek do badań... S. 270.
[33] *Зоц Е.П.* Указ. соч. С. 67; *Соболев В.Ю.* Указ. соч. С. 543.
[34] *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках. Рис. 22, 3; *Янин В.Л.* Актовые печати... С. 208. № 212.
[35] *Степаненко В.П.* Указ. соч. С. 108–110.
[36] *Соболев В.Ю.* Указ. соч. С. 537–544.
[37] *Седова М.В.* Нательные иконки... С. 241–251.
[38] Там же. С. 242–244.
[39] *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2005. Рис. 38; *Зайцева И.Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. М., 2008. Т. 2. С. 64–65.
[40] *Нечитайло В.В.* Указ. соч. № 577, 579. *Станюкович А. К.* Указ. соч. № 130–135.
[41] *Żółkowska J.* Przyczynek do badań... S. 268–271.
[42] Ее поддерживает и Дж. Жуковска (Op.cit. S. 270, 271).
[43] *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003. С. 193–195, табл. 117–141.
[44] *Ханенко Б.И. и В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899. Табл. VI. С. 17, № 78.
[45] *Алексеев В.П., Лобода П.Г.* Одесский музей нумизматики. Каталог собрания. Т. IV. Мелкая пластика Киевской Руси X–XIII вв. Одесса, 2005. № 160.
[46] *Станюкович А.К.* Указ. соч. №№ 57–61; *Нечитайло В.В.* Указ. соч. № 595.
[47] *Захаров С.Д.* Указ. соч. Рис. 38. Один образок происходит из Херсонеса. Наследие византийского Херсона. Севастополь–Остин. 2011. С. 499, № 148.
[48] *Макаров Н.А., Красникова А.М.* Христианские древности Суздальских селищ: новые находки // КСИА, 221. М., 2007; *Зайцева И.Е.* Указ. соч. С. 30–47.
[49] *Седова М.В.* Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. К 80-летию академика Б.А. Рыбакова. М., 1988. С. 272–279.
[50] *Седова М.В.* Сложение местной иконографии... С. 276; *Она же.* Суздаль... С. 197–220.
[51] *Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Древнерусские вислые печати зарегистрированные в 2005 г. // НиНЗ ИА. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 92. № 347 в.
[52] *Аврам Г.* О сфрагистических источниках некоторых древнерусских иконок-привесок // Родная старина. 2008. № 4. С. 26–27.
[53] *Кокорина Н.А.* Древнерусские литые иконки из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016. С. 142–143.
[54] *Сарачева Т.Г.* Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново 2 в Подмосковье // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009. С. 209–210.
[55] *Станюкович А.К.* Указ. соч. № 251–257; *Нечитайло В.В.* Указ. соч. С. 124. № 3.
[56] *Станюкович А.К.* Указ. соч. С. 176.
[57] *Кононович А.Ю.* Подвески-образки с изображением Богоматери Воплощение // Записки ИИМК РАН. Вып. 12. СПб., 2015. С. 210–222.
[58] *Мусин А.Е.* Указ. соч. С. 188.
[59] *Станюкович А.К.* Указ. соч. № 45–55.
[60] *Седова М.В.* О двух типах привесок-иконок... С. 191–192.
[61] *Олейников О.М.* Новые находки новгородских иконок, изготовленные из металла и камня // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь, 2015. С. 123; *Кокорина Н.А.* Указ. соч. С. 139; *Макаров Н.А.* Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990; *Праздников В.В.* Указ. соч. С.173–175, рис. 1, 15; *Глазов В.П.* Отчет о работах во Владимире в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р -1. № 20925.
[62] *Станюкович А.К.* Указ. соч. № 68–77. *Нечитайло В.В.* Указ. соч. № 597–599; *Чудновец А.А.* Указ. соч. С. 125. № 7–10.
[63] *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин... С. 128; *Седова М.В.* О двух типах привесок-иконок... С. 191.
[64] *Гнутова С.В., Зотова Е.Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье из собрания XI – начала XX века из собрания центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2000. С. 53.
[65] *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 62–63.
[66] *Станюкович А.К.* Указ. соч. № 192, 193.
[67] *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй пол. XI–XIII в. М., 2011. С. 254, 257. Рис. 131, 14.
[68] *Макаров Н.А., Красникова А.М.* Указ. соч. С. 67.
[69] *Недошивина Н.Г.* Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // РА. №2. 1996. С. 201–204.
[70] *Ostapenko A.* Miniature Figures of Archangels in Medieval Eastern Europe // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Ed. Maciej Salamon, Marcin Woloszyn, Alexander Musin, Perica Spehac. Krakow-Leipzig-Rzeszow-Warszawa, 2012. Leipzig, 2013 P. 491–502.
[71] *Недошивина Н.Г.* Указ. соч. № 2. С. 203.
[72] *Ostapenko A.* Ibid. P. 495; *Жарнов Ю.Э.* Отчет о раскопках в историческом ядре г. Владимира // Архив ИА РАН. Р -1. № 21077–21079.
[73] *Станюкович А.К.* Указ. соч. № 358–361. *Нечитайло В.В.* Указ. соч. № 46.
[74] *Анучин Д.Н.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний. М., 1899. Т. III. С. 35.
[75] *Залесская В.Н.* Бронзовая подвеска из Эски-Кермена (о новом иконографическом типе Христа-вестника) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 45–47; *Макаров Н.А.* Север и Юг Древней Руси в X– первой половине XIII вв.: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 5–10.
[76] *Янин В.Л.* Актовые печати... С. 122; *Родина М. Е.* Указ. соч. С. 145–149, рис. 2.
[77] *Седова М.В.* Нательные иконки... С. 246.
[78] Там же; *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках. С. 198–202.
[79] *Седова М.В.* Нательные иконки... С. 241.

П.Д. Малыгин

Из истории торговли средневекового Торжка

О месте и роли торговли в хозяйстве средневекового Торжка говорит уже само название города (Новый Торг — Торжок).

В середине XIX в. И.Д. Беляев[1] и М.П. Погодин[2] отмечали, что Торжок был основан как торговая колония новгородцев в землях финно-угров. По мнению А.И. Никитского, «вся торговая деятельность новгородской земли сосредотачивалась в некоторых пунктах — Русе, Торжке и Великом Новгороде. Новый Торг был важнейшим пунктом на юго-восточном пути. В нем скапливалось обыкновенно и Новгородское и собственно Торжковское купечество, а о количестве его можно заключить из того, что князь Ярослав захватил в нем в 1215 г. больше 2000 новгородцев, по преимуществу, без сомнения купцов»[3]. М.Н. Тихомиров в своем исследовании о древнерусских городах писал: «Торжок, или Новый Торг свое название получил от торга, ярмарки (торжка), образовавшегося на Тверце, на пути из Новгорода к Волге. По всей видимости, это был пункт, где новгородские купцы встречались с купцами из Владимиро-Суздальской Руси, и это значение Торжок сохранил даже после возникновения Твери. Путь по Мсте и Тверце... быстро прибрел большое значение по сравнению с менее удобными дорогами от Ильменя к верхнему течению Волги»[4]. А.М. Сахаров, исследовавший русские города XIV–XV вв., считал, что развитие Торжка определялось в первую очередь его исключительным значением в торговле между Залесской землей и Новгородом. По его мнению, город был «крупнейшим торговым центром»[5]. Таким образом, практически все исследователи, так или иначе касавшиеся истории средневекового Торжка, отмечали его важное торговое значение.

Картографирование кладов куфических монет и денариев на территории Верхней Волги выявляет важную особенность района Торжка. Здесь, в ближайшей округе города, до настоящего времени не встречено ни одного клада данных монет; куфические монеты и денарии происходят лишь из двух курганных групп, расположенных в районе Торжка: Савинские Горки и Михаил Архангел. Данное обстоятельство как будто должно свидетельствовать о позднем включении р. Тверцы в систему основных торговых путей Северо-Запада. Но этому выводу противоречит датировка культурных напластований Торжка и находки ранних импортных изделий. Сходная ситуация отмечается в древнем Белоозере, где также неизвестны клады восточных монет, хотя они же зафиксированы с IX в. на Шексне и Мологе[6].

Подобная ситуация на участке течения Западной Двины от Герцике до Полоцка В.А. Булкиным объясняется эффективностью контроля продвижения по важному торговому пути, организованного русскими князьями[7]. Лакуна в находках восточных и западноевропейских монет, охватывающая бассейн р. Тверцы, в то время как на Волге с юга и Шлине, Мсте и Мологе с севера подобные находки широко известны, возможно, объясняется теми же причинами.

В письменных источниках, касающихся событий XII–XV вв., часто упоминаются купцы («гости») и разнообразные товары в Торжке. Перечислим основные упоминания:

1178 г. «... взяша городъ, мужы повязаша, а жены и дети на щитъ и товаръ взяша, а городъ пожгоша весь...»[8].

1181 г. «... взя градъ... и вся Новотръжские боаре, и воеводы и велможи и купци, и з женами и з детми ихъ, веде с собою въ Володимерь»[9].

1215 г. «... а новгородце съзва на поле за Тържькъ... вьси мужи и гостьбници, изымавъ я вся... а товары ихъ раздая и коне; а бяше всех новгородьць более 2000...»[10].

1218 г. «Приде князь Мьстиславъ на Тържекъ и поимавъ товаръ многъ, и пусти и ...»[11].

1225 г. «... иде князь Михаилъ къ Гюргю, поимя с собою мужи новгородьскыя, правитъ товаровъ, что поималъ на Тържьку и по своеи волости»[12]. «.... придоша Литва, повоеваша около Търожку ... и гость биша многъ...»[13].

1316 г. поиде князь Михаило с Татары к Торжку ... ту убиша... и купець добрыхъ много, а иных новгородцевъ и новоторжьцев богъ весть...»[14].

1372 г. «... съвокоупишася и единишася Новоторжци ... а что гостеи Тферичь торговцевъ, техъ поимаша и побиша и пограбиша, а лодьи ихъ с товаромъ, а то взяша...»[15].

С 1372–1375 гг. связаны две жалованные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича новоторжским торговцам Евсевке и Микуле с детьми[16]. Первая грамота дает ряд льгот жителю Торжка Евсевке, переселяющемуся в вотчину великого князя, в Кострому. Он освобождается от дани, яма и всех торговых пошлин, взамен которых должен ежегодно уплачивать в княжескую казну оброк в размере 5 куниц. Вторая грамота предоставляет судебный и податной иммунитет новоторжцу Микуле с детьми. Цель этих грамот — привлечь на московскую сторону торгово-ремесленное население Торжка[17].

1445 г. «... князь тферьскыи Борисъ, приславъ своихъ воевод на Торжокъ, ... товара московьского и новгородчкого и новоторьского сорок павосковъ свезе въ Тферь, а иныя павоскы потопиша в реце с товаром...»[18].

Начало активной торговли Новгорода зерном с Суздальским Опольем и Поволжьем связывается нами с перерывом в использовании днепровского пути в конце XI в. в результате экономической блокады Новгорода[19]. Причины этой экономической блокады детально исследованы Е.А. Рыбиной[20]. Она видит их прежде всего в политических событиях: возникновение посадничества в Новгороде (1080-е гг.), первое изгнание из Новгорода князя Давида Святославича (середина 90-х гг. XI в.), попытка вмешательства Киева в новгородские порядки (1102 г.)[21]. Ниже мы приводим пространную цитату из исследования Е.А. Рыбиной, т.к. ее рассуждения для вопроса торговли средневекового Торжка имеют принципиальное значение. «...Случались неурожайные годы, и городу (Новгороду) не хватало собственных хлебных запасов. В таких случаях новгородцы были вынуждены ввозить хлеб из других областей. В Новгородской летописи постоянно отмечают случаи больших неурожаев, сообщается о ценах на хлеб, о состоянии торговых путей, по которым он доставляется. Новгород снабжался хлебом из южных и восточных обла-

стей Русской земли. Прекрасной иллюстрацией зависимости Новгорода от хлебного ввоза в голодные годы может служить берестяная грамота № 424. Один из новгородцев, Георгий, отправившийся на юг, сообщает своим родителям в Новгород, чтобы они шли к нему в Смоленск или же в Киев, потому что там „дешев ти хлеб“. Грамота относится к рубежу XI–XII вв., времени, когда сведения о голодных годах в Новгороде встречаются на страницах летописи особенно часто... странно, на первый взгляд, что дешевый хлеб из Смоленска и Киева почему-то не везут в Новгород, где, воспользовавшись затруднениями с хлебом, можно было бы продать этот продукт по высокой цене. По всей вероятности, здесь мы сталкиваемся с торговой блокадой Новгорода. Для рубежа XI–XII вв., которым датируется рассматриваемая грамота... характерно резкое сокращение объема южного импорта в Новгород, что объясняется ухудшением взаимоотношений Новгорода и Киева и связанной с ним торговой блокадой. Именно поэтому дешевый хлеб из Смоленска и Киева в это время не поступал в Новгород» [22].

Анализ хронологического распределения продуктов южного (идущего по Днепровскому пути) импорта в культурном слое Новгорода, произведенный Е. А. Рыбиной, был подвергнут критике В. Н. Смирновым [23]. Он сомневается в точности графиков полигонов распределения амфор, скорлупы грецких орехов и изделий из самшита в культурном слое Новгорода, а закономерности в распределении овручских шиферных пряслиц считает несущественными. Нам представляется, что критика В. Н. Смирнова недостаточно обоснована. Полигоны распределения шиферных пряслиц и фрагментов амфор в культурном слое Нижнего городища Торжка подтверждают выводы Е. А. Рыбиной. Шиферные пряслица появляются в слое XI в., максимальное их количество — в слое второй половины XI в. В конце XI в. они исчезают, вновь появляются и достигают «второго максимума» в начале XII в. В слоях середины XIII – начала XIV вв. встречаются уже сланцевые или известняковые пряслица. Таким образом, блокада днепровского пути конца XI в. находит отражение и в материалах Торжка.

Археологические раскопки на посадах Торжка позволяют сделать вывод об активном заселении этих районов как раз с начала XII в., что, вполне возможно, объясняется коренными изменениями в торговом значении города с началом активных экономических связей Новгорода и Суздаля как реакции на Днепровскую блокаду [24]. Письменные источники свидетельствуют, что с XII в. основным источником закупок зерна для Новгорода становится Северо-Восточная Русь. С XII в. чрезвычайно эффективным оружием против Новгорода со стороны княжеской власти становятся торговые блокады на пути Новгород — Северо-Восточная Русь. По месту организации блокады могут быть разделены на 3 типа:

1-й тип — блокады в Торжке;

2-й тип — блокады в Твери;

3-й тип — блокады непосредственно в Северо-Восточной Руси, вне Торжка и Твери.

Блокады 1-го типа

1178 г. «...И зая Всеволодъ гость новъгородьскыи и показаша новгородъци путь Яропълку, и тъгда Всеволодъ изгонив Новыи търгъ и възя» [25].

1215 г. «...зая князъ вършь на Търожку не пусти въ город (Новгород) ни воза... а пути от Новагорода все засекоша и реку Тьхверцю...» [26].

О предупреждении хлебной блокады в Торжке свидетельствуют события 1282 г.: «И прииха Смен Михаилович (новгородский посадник) в Торжокъ и седе засадою в Торжку, не дадущие внити в Торжокъ наместъникомъ Дмитриевым, а обилье все попровади, в Новъгород в лодъяхъ, а в Новегороде бяше хлебъ дорогъ» [27].

1445 г. «Феодальная война в Северо-Восточной Руси затрудняла, а временами вовсе прерывала торговые связи с Поволжьем, откуда Новгород обычно получал значительную долю потребляющегося хлеба, и сильно обостряла продовольственные трудности. В 6952 г. тверской князь Борис захватил ряд новгородских волостей, а зимою 6953 г. взял и Торжок и тем самым вовсе пресек торговые сношения Новгорода с Поволжьем. Продолжавшееся „размирье“ с немцами тоже затрудняло получение хлеба извне. Вероятно, не случайно летописец пометил запись о хлебной дороговизне и других бедствиях непосредственно вслед за сообщениями о захвате Борисом Торжка и о неудавшейся попытке договориться с немцами» [28].

Помимо явных хлебных блокад 1-го типа, анализ источников позволяет говорить о подобных блокадах в периоды уходов князей из Новгорода в Торжок и захватов Торжка князьями (1139, 1147, 1167, 1158, 1181, 1196, 1209, 1218, 1224, 1230 гг.). Причем прослеживается следующая закономерность. Всем перечисленным событиям, связанным, по нашему мнению, с организацией хлебной блокады Новгорода, как правило, предшествуют неурожайные годы в Новгородской земле. Таким образом, поводом для организации хлебных блокад в Торжке служили неурожаи в Новгородской земле и политическая ситуация в Новгороде, чем пользовались многие князья, претендовавшие на новгородский стол.

О технике организации хлебной блокады свидетельствуют события 1215 г., когда в Торжке Ярослав Всеволодович «зая... вьршь (т. е. хлеб)... не пусти в город (Новгород) ни воза... а пути от Новагорода все засекоша и реку Тьхверцю» [29]. О том, как «засекалась» река, свидетельствует источник конца XV в.: «...татари... поидоша переимати их (вятчан) и поимавше суды, и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити» [30].

Блокады 2-го типа

Их применяли тверские князья в периоды новгородско-тверских конфликтов начиная с начала XIV в.

1312 г. «Затратися князь Михаило к Новугороду и наместникы своя выведе, не пустя обилья в Новъгород... И иде владыка Давыдъ во Тферь весне, в роспутье, и доконча мир; князъ ворота отвори, а наместники своя присла в Новъгородъ» [31].

В новгородско-тверских докончаниях предупреждению хлебных блокад посвящены специальные статьи.

ГВНП. № 13 (1318 г.) «А гости всякому гостити без рубежа; а ворота ти отворити, а хлебъ ти пустити, и всякыи ти гость пустити в Новъгород; а силою ти гостя въ Тферь не переимати» [32].

ДДГ. № 9 (1376 г.) « А гостем и торговцем Новаграда Великого, и Торжку, и с пригородеи дати ти путь чист без рубежа сквозе Тферъ и Тферъскии волости» [33].

ГВНП. № 20 (1446 г.) «А посломъ новгорочкымъ, и новгородцемъ, и новоторжцемъ ездити сквозе князя великого отцину Бориса Олександровичя, путь чистъ, бес покости» [34].

О проблемах, которые возникали у новоторжских купцов и торговцев, одних из главных поставщиков зерна из Поволжья в Новгород, свидетельствует тверская берестяная грамота № 2, датируемая концом XIII – началом XIV вв.: « Поклоно от Григории ко матьри. Буди къ мне на борозе во Тържеко, сопрятавоши свои статоко поеди в Торжько. Аже застанеше мене ти я тьбе везу, или мене не застанешь во Торжеку, ти ты ту мене жеди, а язо по тебе буду само. А цто даше провоза язо во момо до Торжеку. Уведаи пущаю ли роже новогороцами безо пакости, ти ты пришли на борзе, ти я само еду» [35]. Нам представляется, что Григорий — это новоторжский купец. Он не тверич — «пакости» имеют место явно в Твери; он не новгородец — особо отмечено, что рожь предназначается новгородцам; наконец, «ко мне... в Торжок». Мать Григория, очевидно, выступает в качестве его торгового агента в Твери. «Пакости», упоминаемые в грамоте, — весьма характерный термин, когда речь идет о торговых конфликтах [36].

Блокады 3-го типа

Блокады этого типа применялись владимиро-суздальскими князьями в XII–XIII вв.

1136 г. «Новгородци не стерпяче безо князя седити, ни жито к ними не идяще ни откуду же» [37].

В 1196 г. Всеволод после ухода Ярослава Владимировича в Торжок захватывает торговцев в Залесской земле: «...новгородцовъ изъизыма... за Волочком (в другом варианте — Волоком) и по всеи земли своеи, держаше у себя, не пусти ихъ в Новъгород» [38].

ГВНП. № 3 (1268 г.) «...и про купче новгородъскые, что въ Костроме и по инымъ городомъ, то, исправивъ, пусти въ Новъгородъ съ товаромъ» [39].

Наиболее тяжелыми для Новгорода в экономическом отношении были блокады 1-го типа, поскольку Новоторжская волость, с достаточно плодородными землями, могла сама быть поставщиком хлеба в Новгород. Кроме того, не всегда неурожаи касались юго-восточных районов Новгородской земли. Так, в 1215 г. «поби мразъ обилье по волости, а на Търожку все чело бысть» [40]. Торжок был и местом сосредоточения запасов местного и привозного зерна. В новгородской берестяной грамоте № 999 второй четверти – середины XII в. упомянуты новоторжские жито, рожь и пшеница, доставляемые в Новгород в «котлах» [41].

В письменных источниках имеется два свидетельства о торговле новоторжских купцов за пределами Русских земель. Первое относится к 1188 г. и помещено в Новгородской первой летописи. Перевод этой статьи сделан А. А. Зализняком: «В том же году варяги, готландские немцы, конфисковали товар у новгородцев за вину Хоружка и новоторжцев» [42]. Комментируя эту летописную статью, Е. А. Рыбина отмечает: «Из летописного рассказа 1188 г. следует, что новгородский купец Хоруг и новоторжские купцы (жители Нового Торга, входящего в состав Новгородской земли) в чем-то провинились перед немецкими купцами на Готланде, которые ввиду их отсутствия конфисковали товар у других новгородских купцов, прибывших на Готланд. Несправедливая конфискация новгородских товаров там вызвала ответные меры новгородцев, отправивших варягов, находившихся в Новгороде весной 1189 г. „без мира“ и без сопровождающего, а своих купцов не пустивших за море. Таким образом, торговые поездки между Новгородом и Готландом были прерваны [43].

Второе свидетельство относится к 1441 г. и проанализировано В. Л. Яниным и А. А. Зализняком. «Что касается заморских торговых дел новоторжских купцов и отношения к ним новгородских властей, то здесь интересна грамота Новгорода Колывани с требованием рассмотреть дело купца Петра, ладья которого была разграблена (1441 г., ГВНП № 71). Немецкий перевод грамоты (современный ей) имеет помету Peter Novitorssz breff — „грамота Петра Новоторжца“; в самой же грамоте находим такие выражения: „нашъ брате новгородечь Петре“; „мы своего брата новгородца Петра не мечеть“... Таким образом, во внешнеполитической переписке новоторжец именуется просто новгородцем...» [44].

Можно предполагать, что в обоих случаях речь идет о торговле воском. «Торговля русским воском составляла одну из основ процветания Ганзы. Ганзейское купечество экспортировало русский воск на рынки Северной Европы, где он пользовался широким спросом» [45]. Огромное количество воска требовалось прежде всего для западноевропейских храмов [46].

Особое внимание обращает на себя тот факт, что в грамоте 1441 г. в русском документе Петр назван новгородским купцом, а в современном ему немецком переводе фигурирует «грамота Петра Новоторжца».

Новоторжские купцы неоднократно упомянуты в источниках.

1181 г. «и вся Новотрьжскиа боаре, и воеводы, и велможи и купци... веде с собою в Володимерь» [47].

1375 г. «А что товаръ поиманъ у новъгородьскыхъ купець и у новторскыхъ из людеи рубежомъ новторского взятъя, тотъ товаръ князю Михаилу подавати новгородьскымъ купцамъ и новторскымъ все чисто по человоанию; а имъ взяти свои товаръ, человавъ» [48]. 1446 г. «... гостя... новоторжкого во Тферь не переимати» [49].

Новоторжские гости фигурируют и в «Рукописании» князя Всеволода XIII в.

В грамоте 1441 г. мы явно сталкиваемся с фактом монополии Новгорода на зарубежную торговлю. Еще И. Д. Беляев отмечал, что «между боярами и купцами не было никакого различия, все они одинаково считались Новогородскими боярами и купцами» [50]. Н. И. Костомаров также заметил, что «мы и встречаем купцов, называемых новгородцами, но которые проживали в Торжке и в Русе» [51].

Одним из требований Новгорода к великим князьям в договорных грамотах было условие торговать с иностранцами лишь через посредничество Новгорода: «А въ Немецьскомъ дворе тобе торговати нашею братиею; а двора ти не затворяти; а приставов ти не приставливати» [52]; «А хто приедетъ с великого князя товаромъ, торговати имъ с новгородчи в Немечкомъ дворе» [53]. Своеобразным проявлением торговой монополии Новгорода является и сообщение Новгородской первой летописи о сооружении в 1364 г. каменного собора Спаса в Торжке. Несомненно, в планах по сооружению этого храма принимали участие не только новгородские, но и новоторжские купцы. Одна-

ко летопись отмечает, что собор строится «замышлением богобоязнивых купець новгородчкых»[54]. Этим подчеркивается, что в Торжке находится лишь филиал новгородской корпорации купцов-вощников, видимо, непосредственно торгующих с Ганзой.

Таким образом, в новгородский период своей истории Торжок был центром, где тесно переплетались между собой экономика (прежде всего торговля хлебом и воском) и политика (организация хлебных блокад Новгорода князьями, претендовавшими на новгородский стол).

---

[1] *Беляев И.Д.* Рассказы из Русской истории. М., 1861. Кн. 1. С. 120.
[2] *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о Русской истории. М., 1846. Т. 1. С. 152.
[3] *Никитский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892. С. 89.
[4] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956. С. 385–386.
[5] *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 125–126
[6] *Дубов И.В.* Новые источники по истории древней Руси. Л., 1990. С. 64.
[7] *Булкин В.А.* Герцике и Кукенойс. (К постановке проблемы) // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 133.
[8] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 386.
[9] Там же. Т. 10. СПб., 1885. С. 8.
[10] НПЛ. С. 55, 254.
[11] Там же. С. 57, 258.
[12] Там же. С. 64, 268.
[13] Там же. С. 64, 269.
[14] Там же. Л. С. 95, 336.
[15] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 298.
[16] Акты социально- экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 193. № 178; 259–260, № 238.
[17] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 117–118.
[18] НПЛ. С. 426.
[19] *Колчин Б.А., Янин В.Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 125.
[20] *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978. С. 47, 93–94; *Она же.* Из истории южного импорта в Новгород // СА. 1971. № 1. С. 260–264.
[21] *Рыбина Е.А.* Археологические очерки... С. 47.
[22] Там же. С. 93–94.
[23] *Смирнов В.Н.* К вопросу о «торговой блокаде» Новгорода на рубеже XI–XII вв. По поводу статьи Е.А. Рыбиной «Из истории южного импорта в Новгород» (СА. 1971. № 1. С. 260–264) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвузовский сб. Л., 1982. С. 178 и след.
[24] *Малыгин П.Д.* Берестяные грамоты древнего Торжка (из раскопок 1985 и 1999–2001 гг.) / Труды Новоторжской археологической экспедиции. Т. 1. Тверь, 2011. С. 19, 21.
[25] НПЛ. С. 36, 225.
[26] Там же. С. 54, 253–254, 446.
[27] Там же. С. 325.
[28] *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 306.
[29] НПЛ. С. 54.
[30] Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 398.
[31] НПЛ. С. 94, 335
[32] ГВНП. № 13. С. 26.
[33] ДДГ. № 9. С. 27.
[34] ГВНП. № 20. С. 38.
[35] *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 576.
[36] «Гости гостити бес пакости изъ всеи Немьцыной земле... по Неве в Новгородъ» (Договор 1323 г. со Швецией. ГВНП. № 38. С. 68); «А посломъ новгорочкымъ, и новгородцемъ, и новоторжцемъ ездити сквозе князя великого отцину Бориса Олександровичя, путь чистъ, бес пакости» (1446 г. ГВНП. № 20. С. 38); « А гостем нашим всего нашего великого княженья гостити и торговати в твоеи вотчине, в твоеи державе, доброволно, без зацепок и без пакости» (ДДГ. № 52. С. 157. Докончание Василия II с суздальским князем Иваном 1448 г.).
[37] ПСРЛ. Т. 1. С. 309.
[38] *Петров А.В.* Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Л., 1988. С. 37–38; *Фроянов И.Я.* Об отношениях Новгорода с князем Всеволодом и народных волнениях 1209 г. // Там же. С. 55.
[39] ГВНП. № 3. С. 13.
[40] НПЛ. С. 54, 253.
[41] *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.) Т. XII. М., 2015. С. 97–99.
[42] *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.) М.,1986. С. 174.
[43] *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 28–29.
[44] *Янин В.Л. Зализняк А.А.* Указ. соч. С. 173–174.
[45] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 154.
[46] Хождение на Флорентийский собор // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 482.
[47] ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 8.
[48] ГВНП. № 18. С. 34.
[49] ГВНП. № 20. С. 38.
[50] *Беляев И.* Указ. соч. Кн. С. 15.
[51] *Костомаров Н.И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 3. С. 254.
[52] ГВНП. № 3, 6, 7, 9–10, 14, 15, 19, 22, 26.
[53] ГВНП. № 70. С. 115.
[54] НПЛ. С. 369.

Т. С. Матехина

Орнаментированные кожаные изделия с фигурным швом из раскопок в Новгороде (к вопросу о технике кожаной мозаики в средневековье)

На рассматриваемых кожаных изделиях орнамент образован линией шва, который соединяет встык края фигурных деталей, фигурных частей одной детали или края фигурного разреза на ней. Эти техники называют кожаной мозаикой и швом с втачным кантом (вставкой). Они во многом сходны, и различить их по следам на фрагментарной археологической коже не всегда легко.

Обе техники изначально функциональны. Так, составление предметов из кусочков, свойственное мозаике, связано также с экономным кроем и созданием сложных объемных форм, а вставка между соединяемыми краями деталей делает шов более плотным и прочным. Швы со вставками использовали также при ремонте разрезов и разрывов. В данном же случае речь идет об использовании кожаной мозаики и швов с кантом в декоративных целях, в частности, для орнаментирования предметов.

У всех новгородских образцов[1] со следами этих декоративных техник в качестве лицевой стороны использована внешняя (мерейная) поверхность кожи, а фигурные соединения встык были выполнены с изнаночной стороны (бахтармы). У большинства изделий, особенно XI–XII вв., эти швы простые выворотные: шов проходил вдоль краев, которые оставались на изнаночной стороне. У двух находок второй четверти XIII – начала XIV вв. края мозаики соединены тачным швом: края швов находятся на изнаночной стороне, но отверстия шва выходят в срез кожи.

Найденные в Новгороде фрагменты мозаичных кожаных изделий (детали сумок, обуви и мяч) объединяются в две хронологические группы. Раннюю группу составляют предметы XI–XII вв. Более позднюю — изделия из слоев начиная со второй трети XIII в.

Серию новгородских мозаичных находок XI–XII вв. представляют собой фрагменты очень характерных изделий — по-видимому, сумок. Сохранившиеся детали в основном относятся к стенкам этих сумок. В расправленном виде они были полуовальными. В настоящее время из-за усадки кожи их высота — 12,5–16 см и ширина — 9–18 см. Первоначально они были несколько больше.

У двух стенок (Таб. 1. № 2, 16, 20; Рис. 1: 1; 2: 2, 3) осталась верхняя часть, которую стягивали с помощью продольных прорезей и собирали парными складками. В закрытом виде такие сумки имели трапециевидную или грушевидную форму. У одной сумки (Таб. 1. № 11; Рис. 2: 1) сохранились удлиненные сложенные пополам детали, которые пришивали с боков для придания изделию объема. По верхнему краю этой же сумки есть следы шва, видимо, от обшивки. У остальных сумок верхний край не обработан или не сохранился. Стоит отметить, что у двух сумок (Таб. 1. № 2, 17; Рис. 1: 1, 4) с Ильинского и Троицкого раскопов с обоих боков при переходе к округлому дну сделаны характерные небольшие дуговидные разрезы — они или связаны с мозаичным декором, или предназначались для пришивания боковин, дна, окантовки. Каким было дно мозаичных сумок, пока не понятно. У нескольких сумок (Таб. 1. № 18, 19, 23; Рис. 1: 5–7) сохранились фрагменты со швами, которые свидетельствуют о том, что детали их мозаичного набора были сшиты из кусочков.

Орнамент на сумках создан из дуг с использованием мотивов трехлепесткового побега, креста и «бегущей волны». Он развивается вверх и в стороны от нижнего края. На большинстве сумок (Таб. 1. № 2, 3, 5, 11, 17, 20, 23; Рис. 1: 1–4, 7; 2: 1, 2) можно реконструировать трехчастные разветвленные древовидные композиции, которые отличаются степенью детализации и сложности исполнения. Несмотря на близкое сходство орнамента на нескольких сумках, одинаковых изделий нет.

Можно выделить два варианта такого орнамента: с фигурной вставкой (возможно, сшитые друг с другом части одной фигурно разрезанной детали) и с линейным орнаментом (скорее всего, шов с втачным кантом вдоль фигурного разреза).

Большое количество фрагментов с фигурным мозаичным орнаментом (в общей сложности, вероятно, от 5–6 сумок и других изделий) происходит с Троицкого раскопа из слоев XI – первой половины XII вв. с усадьбы Е и примыкающих к ней территорий усадеб Ж, С и У. Сумка (Таб. 1. № 23; Рис. 1: 7) состоит из 10 фрагментов, возможно, включая еще один фрагмент (Таб. 1. № 24; Рис. 1: 8). Все эти кусочки относятся к стенкам сумки, которые отличаются по орнаменту. Это могли быть детали или разных сумок, или одной сумки, у которой две, а возможно, и три детали были украшены разными орнаментами. В отверстиях швов сохранились остатки крученых нитей. Четыре обрезка (Таб. 1. № 19; Рис. 1: 6), судя по контуру сохранившихся краев со следами основных швов, скорее всего, тоже можно считать фрагментами мозаичной сумки.

В то же время два обрезка деталей с зубчатым и с фигурно-скобчатым краями из слоев XI в. усадьбы «З» Троицкого раскопа, возможно, были фрагментами края обувных голенищ (Таб. 1. № 12, 13; Рис. 2: 6; 3: 3). Подобное наблюдается у мягких сапог со сложной выкройкой и декоративными швами не позднее XI–XII вв. из могильника № 7 у с. Хасаут близ Кисловодска (Рис. 4: 3)[2].

Единичные находки мозаичных сумок встречены в первых строительных горизонтах Михайловского (Таб. 1. № 3; Рис. 1: 2; первая половина XI в.)[3] и Ильинского раскопов (Таб. 1. № 2; Рис. 1: 1; вторая треть XI в.)[4], а также в слое второй половины XII в. усадьбы «И» Неревского раскопа (Таб. 1. № 5; Рис. 1: 3). Важно отметить, что у находки с Михайловского раскопа сохранились фрагменты обеих фигурных стыкующихся частей стенки сумки. Фрагменты этой находки аналогичны по орнаменту, но относятся к двум или даже трем орнаментированным деталям. Можно обратить внимание на то, что сумки с фигурным мозаичным орнаментом в древности были обрезаны. Обычно это объясняется экономным использованием кожаных изделий как вторичного сырья, но не исключены и другие причины намеренной порчи.

Изделия с линейным мозаичным орнаментом, включающие значительно упрощенные и уменьшенные вари-

Таблица 1.

Обозначения раскопов: Дуб – Дубошин, Ил –Ильинский, Мих – Михайловский, Нерев – Неревский, Тр – Троицкий

№ п.п.	Рис.	Название	год	Раскоп пл.-кв. №пол./инв.	Усадьба	Датировка	Место хранения
1	3:7	Головок обувных 5 фр.	1978	Дуб 26-10 №84		1256–1275	НГОМЗ КП 28081/А58–625
2	1:1	Сумки фр.		Ил 30-246 №45	Е	2-я треть XI в.	НГОМЗ КП 17788/А98–44
3	1:2	Сумки 5 фр.	1970	Мих 37-42 №24		1014–1059	НГОМЗ НВ 19551/ Пр. кА 15–158
4	2:7	Мяч	1952	Нерев яр.14 18-280	ул. Великая	30–60-е гг. XIII в.	ГИМ. Оп. 1965–2464, инв. № 3009
5	1:3	Сумки фр.	1956	Нерев 26-1229	И	не позднее 70-х гг. XII в.	
6	3:4	Деталь фигурная	1956	Нерев 17-1251	К (у Великой ул.)	80-е – 90-е гг. XIII в.	ГИМ. Оп. 1965 № 395 инв. №100497
7	3:5	Головка обувная	1975	Тр III вост. транш. №828 (?)	(рядом с ус. Б)		НГОМЗ КП 26517/А42–403
8	3:9	Головка обувная	1979	Тр V 7-346 (перекоп ?) №672/4	Г (у Черницыной ул.)	2-я треть XIII (?) в.	НГОМЗ КП 30975/А70–376
9	3:1	Головка обувная	1983	Тр VI 23-328 №10	Г	втор. треть XI в.	НГОМЗ НВ 20309/ Пр. кА100-301
10	3:6	Голенища (?) 2 фр.	1984	Тр VIII 4-646 №76 и 4-763 №36	И и З	60-е гг. XIII – 1-я пол. XIV в.	НГОМЗ КП 34499–982, 983
11	2:1	Сумки 8 фр.	1984	Тр VIII 16-742 №48	З	XI (?) – 1-я пол. XII в.	НГОМЗ КП 36697/А109–2401
12	2:6	Голенища (?) фр.	1984	Тр VIII 14-698	З	XI (?) – 1-я пол. XII в.	НГОМЗ КП 36697/А109–3078
13	3:3	Голенища (?) фр.	1986	Тр VII 21-497 №16	З (рядом с Е)	XI в.	НГОМЗ НВ 22081/ Пр.к А109–337
14	3:2	Голенища (?) дет.	1992	Тр IX 10-877 №5	О (угол с К и М)	кон. XI – 1-я треть XII в.	НГОМЗ КП 41204/А167–755
15	2:5	Сумки (?) дет.	1993	Тр IX 11-932 №72	М	2-я четв. XI – нач. XII в.	НГОМЗ КП 40530/А144–525
16	2:3	Сумки 2 дет.	1994	Тр IX 14-872 №88	М	1-я пол. XI в.	НГОМЗ НВ 23079/ Пр.кА169–349
17		Верх туфли фр.	1994	Тр-IX, яр.20-21, №15	Черницына ул.	2-я пол. XI в.	
18	1:4	Сумки 4 фр.	1999	Тр XII 16-1373 п№72 (3 фр.) и п№128	Е	3-я четв. XI в.	НГОМЗ НВ 22384/ Пр.кА 194–1375, 1381
19	1:5	Сумки фр.	1999	Тр XII 14-1372 п№62	Е	посл. четв. XI – 1-я четв. XII в.	
20	1:6	Сумки (?) 4 фр.	1999	Тр XII 18-1443 п№21, 17-1530 п№113, 17-1433 п№113 (2 фр.)	Е	1-я пол. XI в.	НГОМЗ НВ22384/ Пр.кА 194-1369, 1380, 1382
21	2:2	Сумки дет.	1999	Тр XII 18-1386 п№129	Е	1-я треть XI в.	НГОМЗ НВ 22384/ Пр.кА 194–1365
22	2:4	Сумки (?) 2 дет.	1999	Тр XII 13-1552 п№157 (2 дет.)	Е/С	1-я четв. XII в.	НГОМЗ НВ 22384/ Пр.кА 194–1374
23	3:8	Голенища (?) фр.	1999	Тр XII 18-1544 №111	С (рядом с Е)	1-я полов. XI в.	НГОМЗ НВ 22384/ Пр.кА 194–1373
24	1:7	Сумки 10 фр.	2006	Тр XIII 13-1667 №62	У (рядом с Е)	2-я пол. XI– 1-я пол. XII в.	НГОМЗ КП 46395/А211–328
25	1:8	Сумки (?) фр.	2006	Тр XIV 12-1695 №131	У	кон. XI – 1-я четв. XII в.	НГОМЗ КП 46395/А211–139
26		Детали с зубчатым краем фр.	2009	Тр XIII 17-1621 №3 (гл. 308)	Ж	сер. X–XI в.	

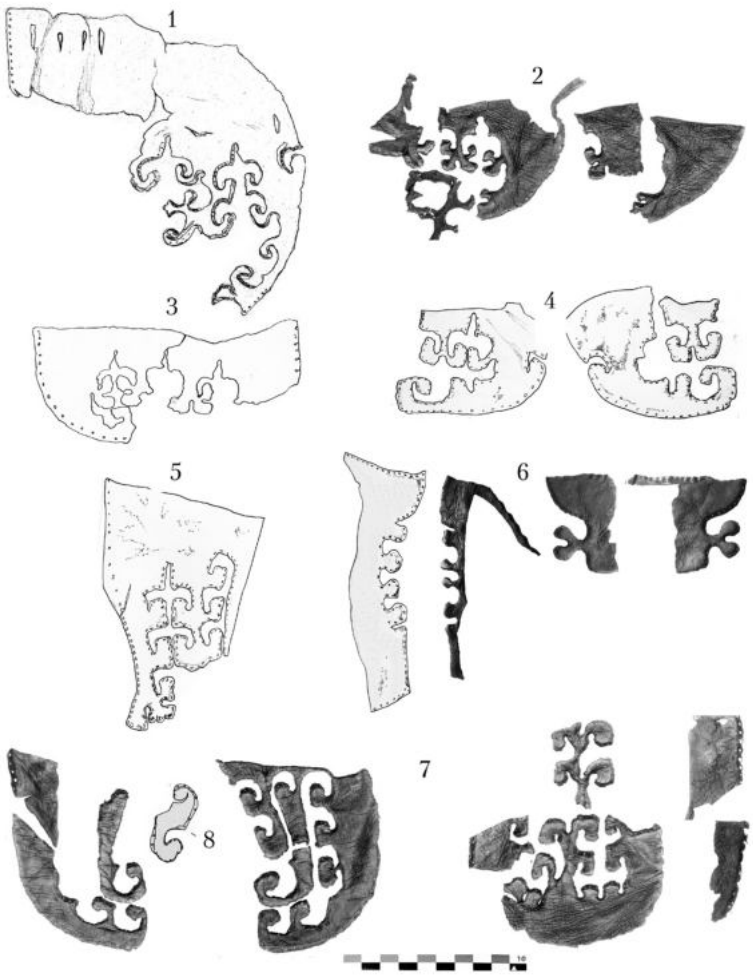


Рис. 1. Сумки, кожа: 1 – Ил 30–246 № 45, НГОМЗ КП 17788 / А98–44;
2 – Мих 37–42 № 24, НГОМЗ НВ 19551 / Пр. кА 15–158;
3 – Нерев 26–1229;
4 – Тр XII 16–1373 п № 72, 128, НГОМЗ НВ 22384 / Пр. кА 194–1375, 1381;
5 – Тр XII 14–1372 п № 62; 6 – Тр XII 18-1443 п № 21, 17–1530 п № 113, 17–1433 п № 113, НГОМЗ НВ 22384 / Пр.кА 194–1369,1380, 1382;
7 – Тр XIII 13–1667 № 62 НГОМЗ КП 46395 / А211–328;
8 – Тр XIV 12–1695 № 131, НГОМЗ КП 46395/А211–139. Рисунки и фото автора

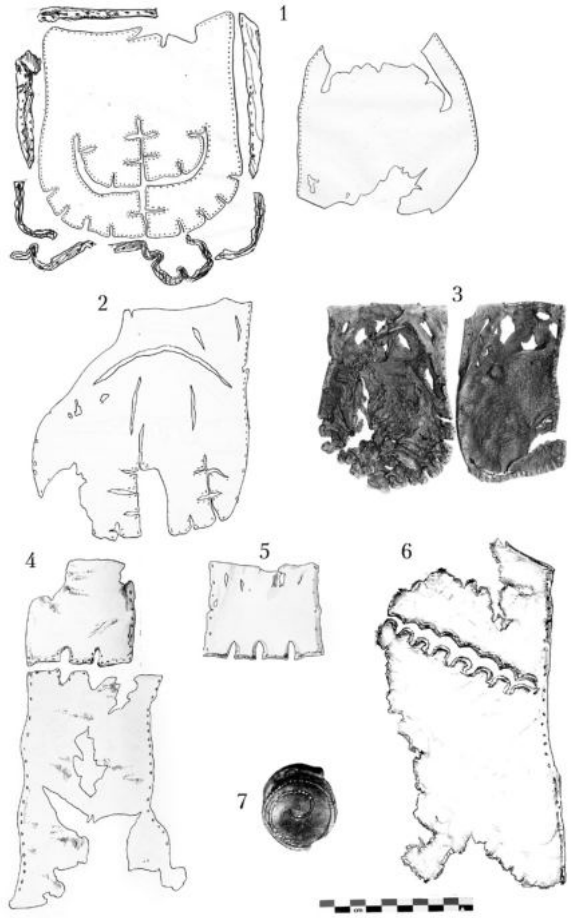


Рис. 2. Предметы, кожа: 1 – сумка, Тр VIII 16–742 № 48, НГОМЗ КП 36697 / А 109–2401;
2 – сумка, Тр XII 18–1386 п № 129, НГОМЗ НВ 22384 / Пр. кА 194–1365;
3 – сумка Тр IX 14–872 № 88, НГОМЗ НВ 23079 / Пр. кА 169–349;
4 – Тр XII 13–1552 п № 157, НГОМЗ НВ 22384 / Пр.кА 194–1374;
5 – сумка (?), Н–1993 Тр IX 11–932 № 72, НГОМЗ КП 40530 / А 144–525;
6 – голенище сапога (?), Тр VIII 14–698, НГОМЗ КП 36697 / А 109–3078;
7 – мяч, кожа, металл, Нерев яр. 14 18–280, ГИМ. Оп. 1965–2464, инв. № 3009. 1–6 – рисунки и фото автора, 7 – рис. А. В. Арциховского

анты рассмотренных выше кожаных сумок, а также детали обуви, происходят только с усадеб Черницыной улицы Троицкого раскопа, тоже из слоев XI – второй трети XII вв. К сумкам уверенно можно отнести три находки (Таб. 1. № 11, 16, 20; Рис. 2: 1–3). У двух из них сохранились обе стенки, из которых орнаментирована только лицевая. Необходимо отметить, что у сумки (Таб. 1. № 11; Рис. 2: 1) есть также кант — вставка в декоративный шов из сложенной пополам полоски кожи. Для сумок этого варианта характерен фестончатый (зубчатый) нижний край, который, видимо, тоже был оформлен швом с кантом. Еще одна находка с прорезями для стягивания и следами швов мозаичного декора может быть верхом сумки (Таб. 1. № 15; Рис. 2: 5). Ее напоминают еще две стыкующиеся детали (Таб. I. № 21; Рис. 2: 4).

Зубчатые мозаичные края были и у деталей мягкой обуви. Об этом свидетельствует головка (Таб. 1. № 9; Рис. 3: 1) из слоя XI в. с Троицкого раскопа. Судя по форме и следам потертостей, края этой головки сшивались, образуя переднюю часть подошвы. К деталям голенищ могут относиться находки с соседних усадеб из слоев XI–XII вв.: одна — с зубчатым краем, другая — с фестончатым (скобчатым) декоративным швом, но не по краю, а на внутреннем поле (Таб. 1. № 12, 14; Рис. 2: 6; 3: 2).

Как уже отмечено, преобладающая часть находок мозаичных сумок и несколько деталей обуви происходит с Троицкого раскопа Людина конца Новгорода. Большинство этих кожаных фрагментов связано с усадьбой «Е» и граничащими с ней усадьбами, в том числе через улицу Черницыну. Необходимо подчеркнуть, что усадьба «Е» в третьей четверти XI – первой четверти XII вв. имела общественно-административный характер. На нее свозились и подвергались контролю и распределению государственные доходы, собираемые на податных территориях Новгородского государства[5].

Также из слоев второй половины XI в. с мостовой Черницыной ул. (Троицкий раскоп)[6] происходит очень ред-

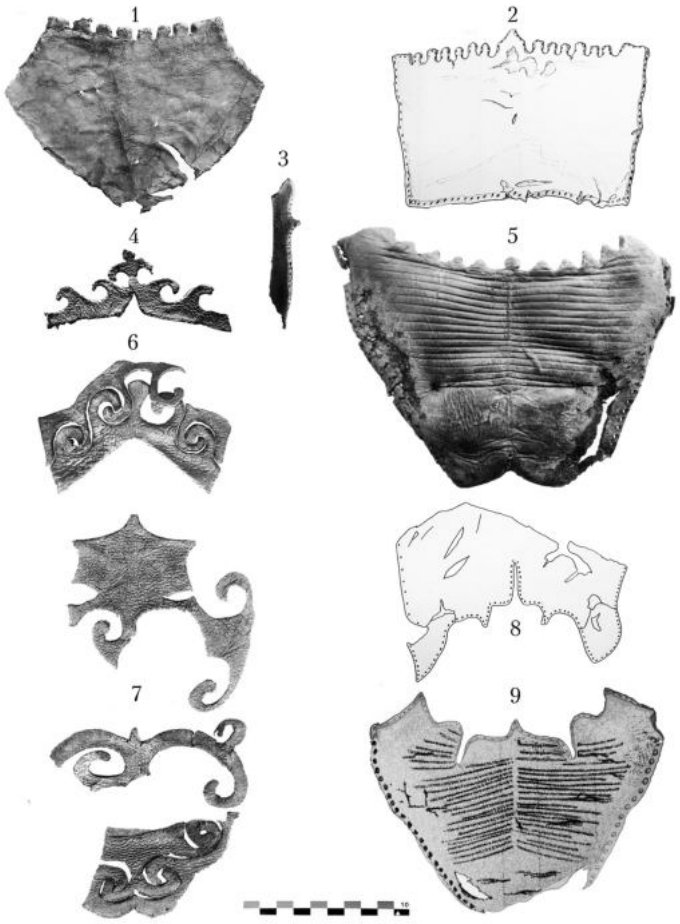


Рис. 3. Детали обуви, кожа: 1 – Тр VI 23–328 № 10, НГОМЗ НВ 20309 / Пр.кА 100–301;
2 – Тр IX 10–877 № 5, НГОМЗ КП 41204 / А 167–755;
3 – Тр VII 21–497 № 16, НГОМЗ НВ 22081 / Пр.к А109–337;
4 – Нерев 17–1251, ГИМ. Оп. 1965 № 395, инв. № 100497;
5 – Тр III вост. транш. № 828 (?), НГОМЗ КП 26517 / А42–403;
6 – Тр VIII 4–646 № 76, 4–763 № 6, НГОМЗ КП 34499–982, 983;
7 – Дуб 26–10 № 84, НГОМЗ КП 28081 / А58–625;
8 – Тр XII 18–1544 № 111, НГОМЗ НВ 22384 / Пр.кА 194–1373;
9 – Тр V 7–346 (перекоп ?) № 672 / 4, НГОМЗ КП 30975 / А 70–376.
Рисунки и фото автора

кая находка — верх обуви с мозаичным двойным завитком сбоку (Таб. I. № 17). Похожий разрезной завиток встречается на обуви времени викингов. Особенно известна находка из слоев IX в. Земляного городища Старой Ладоги, по определению Е. И. Оятевой, женский башмак типа III, у верхней части которого с наружной стороны сделан разрез в виде двойного завитка. К этой основной части башмака прикреплялась отдельно выкроенная деталь (в форме прямоугольной трапеции), охватывающая подъем ноги спереди и орнаментированная полосками коротких нарезок[7]. Башмак зашнуровывался с внутренней стороны стопы. В Государственном Эрмитаже хранятся две находки этого типа. Башмак (Рис. 4: 1) датируется 750–760-ми гг. Вторая находка, по предположению хранителей, является вшивной вставкой-подкладкой башмака и происходит из слоя 840–865-х гг.[8] Вырезанный в ней двойной завиток аналогичен декоративному разрезу на верхе ботинка эпохи викингов из Хедебю в Ютландии (Рис. 4: 2)[9]. Во всех трех случаях по разрезу завитка заметны следы простого выворотного шва. У староладожского ботинка на передней вставке по периметру и в средней части сохранились ровные ряды мелких сквозных прорезей, по три ряда. Часть подобной детали найдена и в Новгороде, также на усадьбе «Е» Троицкого раскопа в слое XI в.[10] Это прямоугольный треугольник, по двум сторонам которого сделаны два ровных ряда прорезей и заметны следы продержки через эти прорези.

К кожаным предметам более поздней группы относится мяч[11], найденный на Неревском раскопе на улице Великой в слое второй трети XIII в. (Таб. 1. № 4; Рис. 2: 7). Он шарообразный, и его обычная в основе выкройка состоит из прямоугольника и двух кругов с декоративным швом. На обеих круглых деталях сделаны спиралевидные разрезы, в которые вшита кожаная полоска-кант. Местами на канте сохранились фрагменты узкой тонкой металлической ленты серебристого цвета, которая была навита по всей длине кожаной полоски или использовалась также в качестве сшивного материала. Аналогии такому мячу мне не известны, хотя в Новгороде мячи с кожаными прокладками в швах встречаются довольно часто, а на нескольких разнообразных кожаных изделиях сохранился шов металлической лентой. В этой связи вспоминаются и кожаные изделия скифов Горного Алтая из второго Пазырыкского кургана VI в. до н. э. — парадные женские мягкие полусапожки с узором из нашитой сухожильной нити, обернутой полоской узкой оловянной фольги[12].

Несколько находок из слоев второй половины XIII – начала XIV вв. можно отнести к деталям мозаичной обуви, видимо, мягкой конструкции (Таб. 1. № 1, 6, 10; Рис. 3: 4, 6, 7). Это фрагмент голенища (?) с усадьбы «К» Неревского раскопа, известной письмами Онфима, фрагмент голенища (?) с Троицкого раскопа и фрагменты головок с Дубошина раскопа. Фигурные соединения на двух последних, в отличие от остальных изделий, выполнены тачным швом (с проколом в срез кожи). Такое отличие, видимо, связано с большей толщиной кожи и с другими технологическими традициями. Мозаичный орнамент на обуви этого времени отличается от орнамента на более ранних сумках. На обувных деталях использован т. н. «роговой» орнамент с мотивом двойного завитка и «бегущей волны».

Две головки с фигурным верхним краем с Троицкого раскопа относятся к обуви жесткой конструкции. У одной головки (Таб. 1. № 8; Рис. 3: 9) из слоев не ранее второй трети XIII в. верхний край фигурно-скобчатый трехчастный, и он довольно точно соответствует очертаниям рассмотренной выше детали (Таб. 1. № 22; Рис. 3: 8). Верхний край второй головки слегка дуговидный и вырезан 13-ю зубцами: средний зубец крупнее и округлый, а остальные, по шесть с обеих сторон, — треугольные. У этой находки стратиграфической даты нет. На основании подошвы с потайным швом данный образец модели обуви жесткой конструкции датируют не ранее XVI в.[13], хотя линованные обувные головки встречены в новгородских слоях, частности, на Троицком раскопе, и в более раннее время. То, что края этих двух линованных головок и края деталей из слоев XI–XII вв. оформлены похожим образом, можно объяснить или перемешанным культурным слоем, или тем, что все это время сохранялась традиция выполнения соответствующих вариантов мозаичного декора.

Стоит отметить, что эти детали напоминают рассмотренные выше более ранние новгородские фрагменты (Таб. 1. № 9, 14; Рис. 3: 1, 2). В результате раскопок в Казанском кремле в 1994–2005 гг. слоев ханского времени середины XV – первой пол. XVI вв. найдены головки и голенища сапог мягкой конструкции — ичетыг (ичигов) — с фигурно скобчатым краем (Рис. 4: 3, 4), который отдаленно напоминает новгородские находки [14].

Интересно сравнить кожаные изделия, орнаментированные в технике кожаной мозаики, с другими близкими по технике и по орнаменту образцами предметов.

В Новгороде в слоях XI в. находки из кожи немногочисленны, орнаментированные кожаные изделия также редки. В XII–XIII вв. количество предметов из кожи значительно увеличивается, и не менее половины их орнаментировано. Для найденных в Новгороде декорированных кожаных изделий этого периода обычны продержка, вышивка, линейное тиснение в виде ромбической сетки, фигурный контур, аппликация, реже встречаются использование металлических деталей и плетение.

Находки из слоев начиная со второй половины XIII в. свидетельствуют, что облик кожаных изделий Новгорода, а также их декор меняются. Вышеперечисленные декоративные техники используются иначе. Получают распространение разнообразные виды тиснения. Встречаются предметы, украшенные с применением прорезной техники, гравировки, формования и росписи.

Стоит особо отметить, что многие из рассмотренных новгородских мозаичных кожаных изделий условно-неопределенно называются аппликациями. Если быть точнее, то аппликацию должны были накладывать и наклеивать, нашивать или крепить заклепками. У фигурных кожаных деталей, которые нашивали, остаются следы накладного шва: простого шва вдоль края, шва через край или наружного тачного шва (с отверстиями на срезе кожи, если использован шов на надрезе основной детали). В отличие от аппликаций, все новгородские орнаментированные мозаичные изделия были сшиты с изнаночной стороны, простым выворотным или тачным швом. В общей сложности образцы мозаичного орнамента на фоне остальных декорированных кожаных находок Новгорода весьма немногочисленны.

Что касается орнамента мозаичных кожаных изделий, то аналогий мячу найти не удалось. Орнамент рассмотренных сумок напоминает композиции с древом жизни на ювелирных изделиях [15]. В то же время криновидный / «роговой» орнамент и орнамент в виде «бегущей волны» характерен для обуви, где его чаще выполняли вышивкой, в том числе металлической лентой, и аппликацией.

За пределами Новгорода средневековые кожаные изделия с мозаичным декором известны по упомянутым выше единичным археологическим находкам. Остальные образцы относятся к предметам декоративно-прикладного искусства и этнографии, и они позднее новгородских археологических находок.

В Отделе хранения и изучения вещественных памятников НГОМЗ находится пара сапог из кожи зеленого цвета на высоком скошенном каблуке, поступивших как случайная находка (Рис. 4: 7) [16]. В их декоре использована, в частности, мозаичная техника. Верх голенищ спереди украшен спускающимися вниз короткими стрелками,

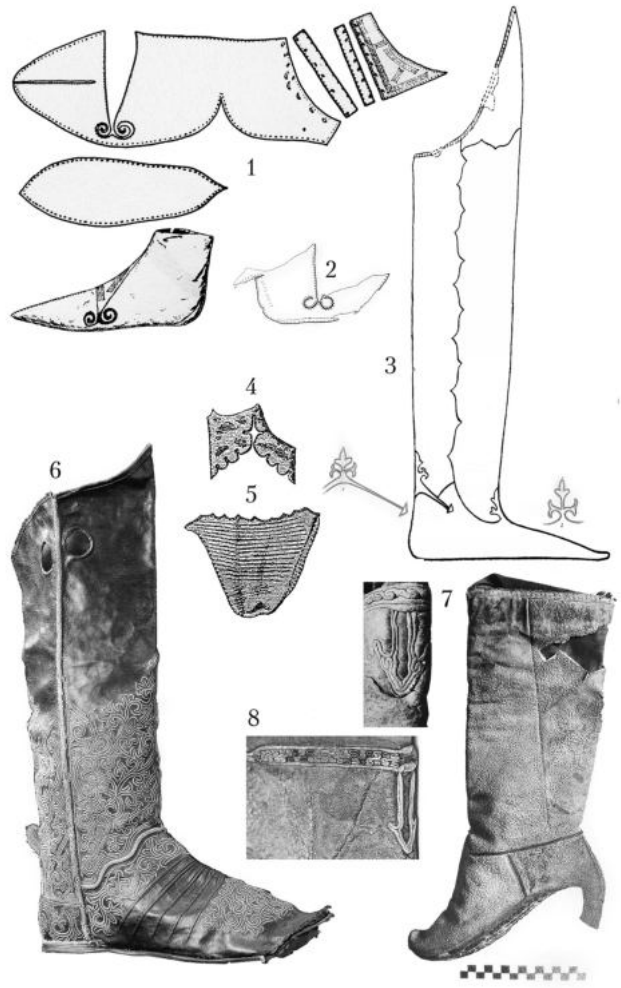


Рис. 4. 1. Обувь, кожа: 1 – Старая Ладога 1959 г. гор. Е–3, ГЭ. Оп. 84–329, рис. Е. И. Оятевой;
2 – Хедебю (Haithabu), рис. W. Groenman-van Waateringe;
3 – Хасаут, могильник № 7, рис. А. П. Рунича;
4, 5 – Казань, Кремль, рис. Р. Р. Валиева;
6 – Стокгольм, Livrustkammaren, LRK 7127 (5787: 96), фото с сайта музея;
7 – НГОМЗ КП 7628 и 7629, фото Д. О. Осипова;
8 – сектор тканей Оружейной палаты Музеев Московского Кремля. Оп. 10, фото Д. О. Осипова

которые выполнены по сквозному разрезу декоративным швом с кантом – вставкой из сложенной пополам кожаной полоски. Важно отметить, что кант в шве проложен не в один ряд, а вшит зигзагообразно сложенным. Д. О. Осипов подробно проанализировал и переатрибутировал этот музейный предмет как сапоги из шагреневой кожи (саура), которые принадлежат к парадной узбекской всаднической обуви, изготовленной не ранее второй половины XVIII в. в одном из городов Туркестана [17]. В числе аналогий он указывает, в частности, сапоги XIX в. из сектора тканей Оружейной палаты Музеев Московского Кремля [18], у которых вставка в верхней части голенища выполнена из канта зеленого и желтоватого цветов (Рис. 4: 8).

В Стокгольме в музее Livrustkammaren Королевского дворца хранится сапог второй половины XVI в. (Рис. 4: 5) [19]. У этого сапога головку и голенище соединяет фигурный слабо волнистый шов. Края шва находятся снаружи, косые стежки шва, плотно перекрещиваясь «елочкой», создают впечатление тесьмы. На основании сходства

этого сапога с сапогами на гравюре З. фон Герберштейна 1549 г. Ю. Сванн предполагает, что хранящийся в Стокгольме сапог был не столько татарского, сколько русского происхождения [20].

Мозаичный декор кожаных изделий развит у тюркоязычных народов и особенно богато — у татар. Это многодетальные и обычно разноцветные композиции, выполненные разнообразными отделочными швами. Л. И. Саттарова прослеживает корни яркого проявления мозаичной техники, известного как «татарский» или «казанский узорный шов», или «казанский шов в тачку», указывая в качестве ее предшественников сохранившиеся изделия XVI, XIX, XX вв. [21] Среди них образцы мозаичных кожаных изделий, в частности: ичиги 1830-х гг. из музея с. Дубъязы Татарстана, из собрания Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), середины XIX в. из собрания краеведческого музея г. Касимов, османские сапоги XVII в. из музея г. Мюнстер, Германия, турецкие сапоги из Берлинского музея, сумка из султанского собрания Топкапы-сарай в Стамбуле, которые напоминают новгородские археологические находки [22].

В этой связи предметы из культурного слоя Новгорода очень важны как звено, связывающее ранние археологические образцы кожаных изделий с мозаичным орнаментом и поздний этнографический материал.

С другой стороны, немногочисленные и фрагментарные археологические находки дают возможность реконструировать изделия, которые бытовали в Новгороде, во многом предположительно. В то же время этнографический материал заставляется задуматься:

– был ли мозаичный орнамент на новгородских изделиях однотонным или разноцветным;

– как укладывалась кожаная вставка-кант в шве, в один ряд или зигзагообразно;

– какой соединительный материал и какого цвета использовали для фигурных швов, соединяющих края мозаичных деталей;

– каким образом выполняли эти швы, были они дополнительно отделочными?

Пока можно отметить, что первоначальный цвет новгородских мозаичных кожаных находок неизвестен, и даже в тех редких случаях, когда сохранились стыкующиеся детали орнамента, различия в их цвете не наблюдается. Сшивной материал на рассмотренных новгородских изделиях практически не сохранился. Хочется надеяться, что рассмотренные фрагментарные находки помогут выявить другие образцы мозаичного декора в археологическом материале Новгорода и других мест и расширить представление о декоративно-прикладном искусстве средневековья.

---

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность руководству Новгородской археологической экспедиции, и Новгородского музея-заповедника и Государственного Исторического музея за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал, сотрудникам фонда «Археология» НГОМЗ, отдела археологических памятников НАЭ, ГИМ, ИА РАН за помощь в работе с архивными и вещественными материалами.

[2] *Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178. Рис. 6.

[3] *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 135–173.

[4] *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 57–116.

[5] *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI. С. 4–5.

[6] Пользуюсь случаем выразить благодарность специалисту по УМР кафедры археологии МГУ Е. А. Тяниной за помощь в поиске этого предмета.

[7] *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 7. Л., 1965. С. 42–59. Рис. I, III; *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекций Государственного Эрмитажа). Вып. 9. СПб., 1995. С. 156–167. Рис. 4, III.

[8] Оп. 84–329 (1959 г. гор. Е-3, ЗГ 1170 (?) и Оп. 2988-364 (1947 г. гор. Е-2). Пользуюсь случаем выразить благодарность ст. н. с. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Б. С. Короткевичу за помощь в работе с этими предметами.

[9] *Groenman-van Waateringe W.*, 1984. Die Lederfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 21. Neumünster, 1984. Taf. 6: 5.

[10] Н-1986 Тр. VIII 19-601 № 22 НВ 22081/Пр.кА109-431.

[11] *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // МИА СССР. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. 1. Рис. 21: 3; *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА СССР. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. II. С. 216. Рис. 9: 2.

[12] *Руденко С. И.* Гороноалтайские находки и скифы // Итоги и проблемы современной науки. М.-Л., 1952. С. 101–103. Рис. 47, 49.

[13] *Осипов. Д. О.* Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование): дисс. ... док. ист. наук. М., 2012. Ил. 63. С. 184.

[14] *Валиев Р. Р.* Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. 2009. № 1. С. 112. Рис. 6: 6, 13.

[15] *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С. 14–24.

[16] НГОМЗ КП 7628 и 7629.

[17] *Осипов Д. О.* Сапог зеленой шагрени // Родина. 2011. № 5. С. 134–136; *Осипов. Д. О.* Кожевенно-сапожное ремесло... Ил. 66, 67а.

[18] Оп. 10.

[19] LRK 7127 (5787: 96). Swann. Op. cit. F. 103.

[20] Swann J. History of footwear in Norway, Sweden and Finland: prehistory to 1950. Stockholm, 2001. P. 94–96.

[21] *Саттарова Л. И.* Казанская узорная кожа. М., 2004; *Она же.* «Татарский шов» в османском кожевенном производстве / The 'Tatar Seam' used in Leathercrafts of the Ottoman Palace // Традиции художественной обработки кожи в тюркоязычных странах. Материалы научного симпозиума. Елабуга, 2012. С. 42–51.

[22] *Саттарова Л. И.* Казанская узорная кожа. С. 27. Рис. 34, 60, 64.

А. А. Медынцева, Д. Ю. Бадеев, В. Ю. Коваль

Надпись на литейной форме из Булгара

В 2016 г. при раскопках, проводившихся Институтом археологии РАН на Болгарском городище на раскопе CXCII, расположенном непосредственно рядом с остатками центрального городского базара[1], был собран набор из 64 целых и фрагментированных створок литейных форм. Формы были изготовлены из различных материалов — местного белого камня (известняка, мергеля), уральских сланцевых пород и обломков среднеазиатских талькохлоритовых котлов. Они являлись частями двух- и четырехстворчатых форм, причем многие имели резные углубления для отливки вещей с обеих сторон. Набор изделий, предназначенных для отливки в эти формы, включал щитковые перстни, бусинные височные кольца, пластинчатые браслеты, игольник, различные привески и медальоны, грузики грибовидной формы, пуговицы, бусы, ременные бляхи, навершие головного убора. Находки происходили из культурного слоя золотоордынской эпохи (3 экз.) и заполнения четырех погребов, три из которых (датировавшихся 1360–1370-ми гг.) содержали 46 створок, а один, более поздний (его заполнение относилось к 1370–1380-м гг.), — 15 створок. На многих створках встречены различные граффити в виде кругов, линий, зигзагов, решеток, орнаментальных завитков и иных изображений. Некоторые створки составляли комплекты, полностью подходившие друг к другу. Именно к такой группе принадлежали 2 створки единой формы, предназначенной для отливки щиткового перстня, на которых находились едва заметные надписи. Обе створки формочки выточены из черного плотного сланца с мельчайшими искристыми вкраплениями (Рис. 1). Номера этих находок по полевой описи — 958 и 1119. Обе находки происходили из ямы 83, представлявшей собой остатки погреба с деревянной обшивкой, сгоревшего вместе с некогда находившимся над ним жилым домом в 1360–1370-х гг., т. е. одновременно с гибелью центрального базара Болгара.

Надписи прочерчены очень неглубоко и состоят из мелких букв, поэтому трудны для прочтения и фотографирования. Они находятся на боковых сторонах обеих створок и на внешней плоской стороне одной из них. Надпись на внешней стороне створки начинается слева от отверстия для вставки металлического стержня, причем эта строка расположена перпендикулярно четырем другим строкам надписи. Последние размещались рядом с двумя сквозными отверстиями для свинцовых штифтов, которыми соединялись обе створки формы, а коррозия свинца привела к тому, что две верхние горизонтальные строки оказались повреждены налипшими свинцовыми окислами. Поэтому они плохо читаются (их начало и окончание закрыты окислами), остальные знаки надписи в третьей и четвертой строках достаточно четко различимы. Надписи выполнены буквами кириллического алфавита, о чем свидетельствуют специфические кириллические буквы **Ш, Ь, Ъ, Ѧ, ъı,** но язык надписи — не древнерусский. В данном случае ясно, что мы имеем дело с передачей буквами кириллицы тюркоязычной надписи, вероятно, выполненной на языке тюрки, послужившем основой для многих современных тюркских языков. Формы с надписями найдены впервые в ходе раскопок в центре Болгара — первой столицы Волжской Булгарии, ставшей после монгольского завоевания одним из крупнейших городов Золотой Орды. Как до завоевания, так и позднее его основное население состояло из тюркоязычных булгар и постоянно пополнялось тюркоязычными народами из обширных областей Золотой Орды, Средней Азии и Кавказа[2]. Уместно напомнить, что непосредственно перед завоеванием в Булгарии нашла убежище часть кипчаков (половцев), кочевья которых в домонгольское время находились близко к землям Волжской Булгарии. Как полагают исследователи, к XIV в. основным языком Золотой Орды стал тюркский язык кипчакского типа[3]. Поэтому можно предположить, что рассматриваемая кириллическая надпись выполнена на одном из тюркских наречий.

Расшифровку надписей целесообразно начать с наиболее сохранившихся знаков на боковых поверхностях формы, где отчетливо читаются кириллические знаки двух слов (по одному на каждой створке), составляющие одну надпись.

КѰЛѦ(Б)ъı ЧѦРЛѦКЪ

Первое слово сохранилось в живом татарском языке в форме *калып* и означает «форма, изложница для отливки

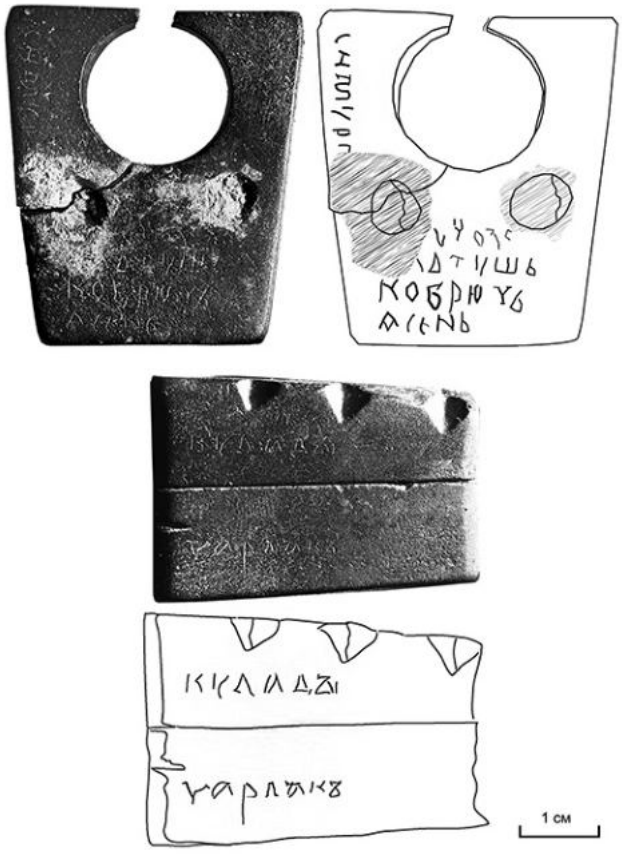


Рис. 1. Литейная форма из Болгара с надписями: боковой вид комплекта и внешняя поверхность одной из половинок. Место хранения — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Фото А. А. Медынцевой.

расплавленного металла»[4]. Известно оно и в современном болгарском языке в виде *калъп*, тоже означающем «форма, образец, колодка»[5]. В качестве особенностей написания следует отметить обозначение знаком **Ѵ** (кириллической ижицы) современного звука **ѧ,** что представляет интерес для исторической фонологии древнетюркских языков. Известно, что одной из трудностей восстановления древнетюркских фонетических и графических систем является отсутствие данных о фонетическом значении отдельных звуков: с одной стороны — наличие одного знака для нескольких фонем, с другой — использование нескольких знаков для одной фонемы, иногда в пределах одного письменного памятника. К тому же сложная фонетика древнетюркских языков существенно различается территориально[6].

Под сомнением остается начертание **Б** — вместо него, на первый взгляд, читается **Д**. Но левая засечка у нижней черты этой буквы скорее случайна, а верхняя горизонтальная черта предполагаемой буквы **Б** могла просто не сохраниться. Ясное значение слова, подтвержденного живыми тюркскими языками (в современный болгарский оно, вероятно, проникло также из тюркского), и назначение предмета (литейная форма) не оставляют сомнения в переводе слова, а возможная замена согласного Б на Д, если это не вопрос сохранности буквы, должно быть прокомментировано палеотюркологами.

Второе слово также получает объяснение из современного татарского языка, где есть глагол *чарлау* в значении *точить*, причем указано одновременно и второе его значение — *точка, заточка,* и производное — *чарлаучы* — точильщик[7]. Таким образом, если учесть, что надпись прочерчена на створке каменной формы, ее можно понять как подпись мастера-камнереза, выточившего эту форму. Такие подписи мастеров как очень редкое явление известны и в древнерусском материале. Среди сотен находок литейных форм до сих пор были опубликованы лишь несколько подписанных мастерами (кстати, столь же редко встречаются подписи к изображениям святых на культовых предметах, отливаемых в форме). Это известные подписи на формочках Максима из ювелирной мастерской, погибшей во время разгрома Киева монголами в 1240 г., и две с тем же именем из слоев пожарища Серенска, уничтоженного монголами двумя годами раньше[8]. Судя по притяжательной форме имени надписи Максима, скорее всего, они начертаны не резчиком, а ювелиром-литейщиком, пометившим свою собственность. В последние десятилетия к ним добавилась надпись владельца (?) на формочке XIII в. из Новгорода с рисунком воина и подписью *Данила,* которую издатели объясняют как подпись мастера-литейщика[9]. На формах из Болгара надпись определенно оставлена мастером-камнерезом и может быть понята как «выточил форму» или «форма точильщика».

Это прочтение дает ключ к расшифровке более пространной, но, к сожалению, поврежденной в средней части надписи на лицевой стороне одной из створок формы (той, на боковой стороне которой помещено слово *чарлакъ*). Лучше всего сохранились две последние строчки, где ясно читаются слова

КО(В)РЮЧЬ ѦСЕНЬ

Последнее слово вполне ясно — это половецкое (кипчакское) имя, неоднократно засвидетельствованное письменными источниками. По древнерусским летописям известен половецкий хан Ясень-Осень-Асень[10]. В Дунайской Болгарии кочевые племена половцев-куманов возглавили восстание под предводительством двух братьев — Асена и Петра, которые основали династию Асеновцев (конец XII – середина XIII вв.)[11]. Таким образом, такое имя исторически засвидетельствовано, и его прочтение сомнений не вызывает. Слово *коврючь* (возможное прочтение *кобрючь,* что не меняет его смысла), скорее всего, означает принадлежность к аилу (патриархальная семья, род, курень, в русских летописях — *чадь*) — большесемейному коллективу, называвшемуся по имени основателя рода, включающего и родственников, и зависимых людей. Такие семейные коллективы входили в более крупные этнические образования, например, союзы черных клобуков, берендеев и других, неоднократно упоминаемых на страницах русских летописей. Известны союзы турпеев, каевичей, располагавшиеся в XII в. на черниговско-переяславском пограничье и находившиеся в вассальных отношениях с черниговскими князьями, и другие, производные от имен собственных. И в летописях, и в «Слове о полку Игореве» встречаются наименования других «племен» — могутов, татранов, шельбиров, ревугов и ольберов[12]. Наибольшее созвучие со словом *коврючь* имеет название большого племенного образования коуев или, как их называют древнерусские летописи, ковуев. Связать интересующее нас слово с этим названием аила-рода мешает наличие вставной буквы **Р**. По типу древнерусских образований *Коврючь* должно представлять посессив (т.е. притяжательную форму) от основы личного имени Коврют либо Коврюй с притяжательным суффиксом *–ичь,* употреблявшимся как для обозначения отчества, так и этнической (племенной) принадлежности (например, *кривичи, вятичи*).

Можно предположить, что точильщик формы носил имя Ясень и происходил из аила Коврюев. К сожалению, среди упоминавшихся источников это «племя», аил или малое этническое образование неизвестно, хотя слово *ковьръ* неоднократно встречается в Повести временных лет, при этом исследователи предполагают, что само оно заимствовано из тюркско-булгарского языка, где оно означало «кошма, шерстяная подстилка»[13]. Но среди упоминаемых в древнерусских и куманских словарях личных имен подобное имя не встречено, хотя вполне можно допускать, что оно существовало в других тюркских языках. Следовательно, мы можем заключить, что надпись сообщает, что формочку выточил Ясень из рода Коврюев.

Далее нужно обратиться к началу надписи. Как уже говорилось, начинается она со строки, расположенной перпендикулярно четырем другим строкам (две из которых, конечные, прочитаны выше). В этой отдельной строке надписи в начале ее читается слово **СИМѴР(Г)**. От последнего знака просматривается только вертикальная черта. Далее текст продолжается в четырехстрочной горизонтальной надписи, но первые две ее строки повреждены свинцовыми окислами от соединительных штифтов. Первое слово надписи читается отчетливо — это известное имя мифического персонажа, широко известного в ираноязычном (от скифов и алан до Ирана) мире. В иранской мифологии Сенмурв (Симург) — крылатая собака с двумя

лапами и когтями, вестник между небесным и земным мирами, покровитель посевов и растительности, имеющий две сущности — доброжелательную и демоническую [14]. На Руси тоже было известно божество, пришедшее из тюркоязычного мира, называемое в русской транскрипции *Семаргъ, Симарьгл, Съмарьгл*. Его идол находился между идолами Стрибога и Макоши в языческом пантеоне, воздвигнутым в центре Киева возле теремного дворца во время попытки объединяющей языческой реформы, предпринятой князем Владимиром Святославичем незадолго до принятия христианства, около 980 г. [15] Б. А. Рыбаков считал это божество родственным иранскому Сэнмурву (Симарглу), который на Руси позднее превратился в древнерусское подземное божество по имени Переплут — бог семян и корней [16]. Его изображение в виде крылатого пса или грифона широко известно и в восточном, и в древнерусском прикладном искусстве.

Известно, что у каждого половецкого (и торческого) племенного образования был свой родовой покровитель (тотем) — животное или птица. Например, покровителем известной орды Бурчевичей был волк, что следует из самого названия от тюркского bÖri — «волк» [17]. Можно предположить, что именно с имени родового тотема начинается надпись мастера, называющего затем свое родовое происхождение и отдельно свое занятие и собственность — выточенную им формочку. Но такому предположению противоречит слишком значимое положение в ряду мифологических существ Симаргла (Сенмурва) среди как тюркоязычных, так и славянских народов для тотема мастера-камнереза из неизвестного рода Коврючей. К тому же исконное население Болгара с X в. исповедовало ислам, а Русь была христианизирована в конце этого же века. Среди населения Золотой Орды с начала XIV в. господствующей религией тоже стал ислам. Это, конечно, не исключает сохранения языческих воззрений среди ее разноплеменного населения и возможности сохранения родовых тотемов, особенно родового имени, передававшегося от поколения к поколению. Но слишком уж знатным должен был быть мастер-резчик, чтобы вести свой род от покровителя иранских Сасанидов (хотя имя Асень/Ясень в летописях отмечено как имя хана). Поэтому начальное слово, хотя оно и полностью совпадает по написанию с именем мифического существа древних тюрков и славян, должно объясняться все же как-то иначе. В половецкой лексике наряду с semirgÜk (семург — мифическая птица) зафиксировано semÜrgÜk — название обычной певчей птицы [18]. Кириллическая графика не позволяет различить эти два слова. Возможно, в надписи имеется в виду простая певчая птица (хотя оба слова генетически связаны). Эта интерпретация представляется наиболее вероятной, поскольку еще на одной створке литейной формы из рассматриваемого комплекса (и даже из того же самого погреба) имеются целых 2 граффити с изображениями птиц (Рис. 2: 1, 2). Эти рисунки нанесены на разные стороны одной и той же створки, вероятно, одним и тем же инструментом. Примитивные рисунки изображают птиц неизвестного, но схожего типа — с небольшой треугольной головкой, короткой шеей и двумя короткими лапами. На первом из них птица стоит, сложив крылья, на коротких ножках-палочках с растопыренными пальцами, раздвоенный хвост изображен двумя линиями. На втором изображена похожая птица с поднятым крылом и двумя лапами (очертания второй лапы едва просматриваются), хвост, насколько можно судить по рисунку, тоже раздвоенный, но посередине дополнен короткой линией.

В то же время необходимо обозначить и еще одно возможное объяснение присутствия на форме имени Симурга. Может быть, мы имеем дело с производным от глагола *semri* — жиреть, полнеть. В древнерусской лексике, слово **жиръ** означало богатство, довольство, а глагол *жировати* — жить, пребывать в довольстве, благополучии [19]. Возможно, первое слово надписи *Семур(г?)* являлось пожеланием жить в довольстве: *живи в довольстве ... коврючь Ясень*. Далее на боковых сторонах формы было дополнено тем же почерком: *выточил (вытовчиший) формочку*. Таким образом, можно реконструировать надпись как владельческую благопожелательную. Прямых аналогий этой надписи не известно. Но в славянском материале можно привести некоторые смысловые параллели. Например, на обломке амфоры из Киева конца XI в. частично сохранилась надпись, в реконструкции звучащая: *(Благдат)неша плона* [т. е. полная] *корчага си(я)* [20]. Другая благопожелательная надпись с датой 6439/931 г. найдена в Преславе (Болгария). Она тоже фрагментарна, и смысл ее открывается в реконструкции, которая в русском переводе звучит так: «Пиючи с корчаги Алцегу жить сто лет» [21].

От двух последующих строк, поврежденных окислами, сохранились лишь неясные знаки первой строки, во второй сначала читаются два знака: наклонная черта и знак в виде треугольника, возможно, остатки кириллической буквы **Б**, далее просматриваются четыре буквы **ТҰШЬ**, из них три последние читаются вполне уверенно. Об их осмыслении говорить довольно трудно, но в контексте понимания всех надписей на литейной форме (и на внешней, и на боковых сторонах), возможно, это остатки слова, сохранившегося в современном татарском *таш — камень, каменный* [22], записанного кириллицей с **Ь** на конце слова. Отметим, что в этой надписи кириллическая ижица используется для передачи звука, близкого к **А** (см. выше слово *кулабы*). Возможно, это упоминание профессии «каменосечца», но дефектность надписи оставляет много сомнений в правильности реконструкции, не позволяя буквально восстановить текст.

Остается также проблематичным происхождение Асеня. Как уже говорилось, это имя — ханского, царского рода, что оставляет некоторую возможность и истолкования слова *Симур(г)* как тотема — покровителя этого рода, выходцы из которого спустя много десятилетий, возможно, столетий, в условиях Золотой Орды стали заниматься ремесленной деятельностью. Это тоже вполне вероятно, так как в Волжской Булгарии и в Золотой Орде ремесленники, особенно ювелиры, камнетесы, традиционно занимали довольно высокое социальное положение. По археологическим раскопкам XIV в. известны и крупные ремесленные объединения по производству керамики [23]. Вероятно, именно к такой большой ремесленной мастерской Болгара принадлежали и каменные формы для литья украшений, среди которых была обнаружена надписанная мастером-камнерезом. Поэтому не исключена вероятность происхождения этого мастера из знатного рода. Но

Рис. 2. Граффити на литейной форме из Болгара. Место хранения — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Фото В. Ю. Коваля.

обнаружение на одной из формочек (Рис. 2) двух изображений обычной птички, не имеющей сходства с классическими изображениями крылатого пса — Сенмурва, заставляет в качестве наиболее вероятного предположения выбрать версию, по которой в надписи упоминается певчая птичка, бывшая, возможно, тотемом рода Коврючей. Вероятно, мастера этого производственного объединения принадлежали к этому аилу, при этом грамотный мастер, обозначая свое изделие, оставил пространную благопожелательную (?) надпись, где указаны тотем, род занятий, аил и имя, а на боковых сторонах — указание на авторство изготовления. Второй мастер, возможно, неграмотный, отметил формочку изображениями птички-тотема, другие мастера — орнаментами или рисунками. На одной из формочек, помимо орнамента, в один ряд, напоминая надпись, расположены знаки, имеющие сходство с тюркскими руноподобными знаками собственности.

Форма найдена в комплексе с достаточно узкой археологической датировкой в пределах 1360–1370-х гг. Следует специально обратить внимание на то, что эта и большинство других литейных форм рассматриваемого набора собраны в заполнении погреба, засыпанного после того, как постройка сгорела в пожаре. Значит, формы не хранились в этом погребе, а были перемещены со своих мест в ходе засыпки котлована после пожара. Однако можно предположить, что мастерская, в которой они использовались, размещалась в непосредственной близости от места их обнаружения, возможно, на территории той же самой усадьбы. Таким образом, дата формирования комплекса (засыпки погреба) могла быть несколько более поздней, чем время функционирования мастерской, однако этот временной разрыв не мог быть слишком велик. Скорее всего, мастерская работала накануне гибели усадьбы в пожаре, т. е. в 1350–1360-х гг.

Палеографическая датировка также очень важна, хотя она затруднена редкостью подобных надписей. В качестве архаических (для XIV в.) написаний можно отметить **И** и **Ю** с горизонтальными перекладинами, **N** в виде латинской, петли **Ь** и **Ъ**, занимающие половину буквы (за исключением **ъı**, где петля сильно увеличена. Но датирующими здесь являются начертания **Ч** в виде «палочки с расщепом», довольно глубокой, но еще симметричной, что является в рукописях признаком XIII в. Более значимы для палеографических наблюдений **Ꙗ** с изогнутой правой частью и **Ꙛ**, далеко выходящее в нижнее межстрочное пространство и треугольной петлей во всю строку. В берестяных грамотах такая форма **Ꙛ** появляется приблизительно на рубеже XIII–XIV вв. и характерна для всего XIV в. и начала XV в. (такие же хронологические границы показывает **Ꙗ**)[24]. Таким образом, палеографические особенности не противоречат стратиграфической дате.

Как уже говорилось, надписи на литейных формах – чрезвычайно редкое явление на Руси, а среди материалов Болгара периода Золотой Орды они обнаружены впервые. Обычно надписи на формах объясняются как подписи мастеров-ювелиров (владельцев). Надпись на форме из Болгара при любом варианте прочтения недвусмысленно говорит, что она оставлена камнерезом. Возможно, уже в это время профессии камнерезов и ювелиров-литейщиков разделились, и уже как отдельные профессии существовали ремесленники — резчики формочек, которыми пользовались мастера-ювелиры. В условиях концентрации ремесленников в некоторых центрах Золотой Орды были созданы условия для большей специализации ремесла. Тесные связи с соседними древнерусскими княжествами существовали и в домонгольское время. Русь не только воевала с Волжской Булгарией и степью, но и торговала, вступала в родственные и военные союзы, залогом которых часто являлись династические браки. Такие устойчивые племенные объединения как берендеи и черные клобуки, называясь «своими погаными», представляли заслон между Русью и «диким полем»; степные воины — конники и лучники — входили в дружины русских князей, часто меняя своих сюзеренов. Часть из них уже в XI–XII вв. приняла крещение. Многие степняки жили постоянно среди русского населения, перенимая не только обычаи и религию, но и грамоту. Редкими следами такого культурного обмена являлись надписи на кириллице. Свидетельством же знакомства мастеров-литейщиков Болгара с христианством является граффито в виде креста с криновидными концами (Рис. 2: 3).

Помимо новонайденной формочки из Болгара, известны еще лишь две кириллическо-тюркские надписи. Древнейшая из них, датированная при издании XII в., происходит из киевского Софийского собора. Граффити № 159 было опубликовано С. А. Высоцким и прочитано частично (русские слова) как поминальная запись по случаю смерти беловежского «попина», исходя из древнерусского язы-

ка, как и большинство граффити этого собора. Издателем она была названа загадочной, возможно, магической, хотя С. А. Высоцкий справедливо допускал, что ее содержание, по упоминанию Белой Вежи, может иметь отношение к хазарскому либо половецкому языку[25]. О. И. Прицаком она была прочитана как тюркско-славянская билингва, а по определенным фонетическим особенностям соотнесена с языком черных клобуков[26]. Помимо этой надписи-билингвы известна еще одна кириллическая надпись на татарском языке, найденная при археологических раскопках в Полоцке[27]. Каменная плоская табличка была найдена в слоях XIII–XVI вв., на ней прочерчен перечень числительных от одного до десяти. По палеографическим признакам Б. А. Рыбаков датировал надпись XIV–XV вв. и соотнес ее с татарским населением Великого княжества Литовского, поселенного здесь Витовтом в 1397–1398 гг.

Этими двумя надписями на кириллице исчерпывались до сих пор сведения о русско-тюркских контактах в области письма. Взаимные контакты между Русью, степью и Волжской Булгарией существовали на протяжении X – первой половины XIII вв. и позднее, в золотоордынское время. В монографии М. Д. Полубояриновой приведены археологические свидетельства о контактах в различных областях деятельности: строительстве, различных ремесленных производствах, в том числе ювелирном деле, торговле как на территории всей Волжской Булгарии, позже Золотой Орды, так и обширного пространства древнерусских княжеств[28]. Ею сделаны важные археологически документированные выводы о том, что в течение нескольких веков какое-то количество русских постоянно жило в Волжской Булгарии, а булгар — в русских городах. Особенно важным является наблюдение, что в Болгаре (мусульманском городе) присутствовало большое количество христиан, вероятно, существовал и православный храм в конце XII – начале XIII вв. В этих условиях вполне вероятно, что местному населению стала известна и кириллица. От этого времени до нас дошли, помимо рядовых предметов, изделия, говорящие о высоком имущественном положении их владельцев — дорогие высокохудожественные серебряные украшения, стеклянные сосуды, тонкой резьбы шиферная иконка. Находки золотоордынского времени менее значимы количественно и качественно. В XIV в. из числа русских появляется многочисленный ремесленный люд, владеющий недорогими вещами, в том числе и христианскими реликвиями[29]. Проникновение кириллической грамоты в тюркоязычную среду теоретически было возможно на любой территории как в булгарское, так и золотоордынское время. Но реминисценции с родовыми наименованиями степных кочевников, имя Ясень, как и использование кириллической графики вместо арабской, скорее говорят о традиции степных контактов. Ответ на конкретном происхождении автора кириллической тюркоязычной надписи может дать выявление диалектных особенностей, которое могут произвести только специалисты-тюркологи.

Но уже сейчас ясно, что фонд источников, по которым можно судить об использовании кириллицы в тюркской среде и о живом разговорном языке, который использовало население Золотой Орды, о его диалектических особенностях, пополнился новой важной находкой. Кроме того, новая надпись дает сведения не только о разговорном языке Булгара в золотоордынское время, но и о живучести тюрко-русских контактов, сохраняющих письменную кириллическую традицию на протяжении веков.

---

[1] *Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. М., 2015. С. 188–199, 329, 330.
[2] *Халиков А. Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 129–131.
[3] Там же. С. 124.
[4] Татарско-русский словарь. М., 1966. С. 218.
[5] *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1975. С. 947.
[6] Древнетюркский словарь. Под ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969. С. XIII–XIV.
[7] Татарско-русский словарь. С. 631.
[8] *Медынцева А. А.* О литейных формочках с именем Максима // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 378–383; *Она же.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. С. 71–73.
[9] *Рыбина Е. А.* Рисунки средневековых новгородцев // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 37–38; *Дубровин Г. Е.* Плотницкий конец средневекового Новгорода. М., 2016. С. 309.
[10] ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1962. Л. 76, 97об.
[11] *Златарский В.* История на Българската държава през средните векове. София, 1972. Т. 2. С. 430–480.
[12] *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 81–82.
[13] *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 76–77.
[14] *Тревер К. В.* Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937.
[15] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. С. 95.
[16] *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут // СА. № 4. 1967. С. 91–116.
[17] *Плетнева С. А.* Указ. соч. С. 102.
[18] Древнетюркский словарь. С. 495.
[19] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 113.
[20] *Рыбаков Б. А.* Надпись киевского гончара XI в. // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 134–138.
[21] *Popkonstantinov K., Kronsteiner O.* Altbulgarische Inschriften // Die Slawishen sprachen. Bd. 36. Salzburg-Wien, 1994. P. 205.
[22] Татарско-русский словарь. С. 523.
[23] *Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М.* Керамическая мастерская Селитренского городища // Сокровища сарматских вождей и древние города. М., 1989. С. 133–248.
[24] *Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 гг. М., 2000. Т. X.Табл. 18, 21. С. 182–185, 189.
[25] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 63–67.
[26] *Прицак О. И.* Тюрско-славянское двуязычное граффити XI столетия из собора св. Софии в Киеве // Вопросы языкознания. Вып. 2. М., 1988. С. 49–61.
[27] *Штыхов Г. В.* Письмена на камне из Полоцка // СА. 1963. № 4. С. 246–248; *Рыбаков Б. А.* Татарская кириллическая надпись из Полоцка // СА. 1963. № 4. С. 248–249.
[28] *Полубоярinова М. Д.* Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М., 1993.
[29] Там же. С. 67, 119–120.

Е.Н. Носов, Н.В. Хвощинская

Находки железных заклепок на Рюриковом городище в свете проблем развития судостроения Северной Руси

В научном творчестве Елены Александровны Рыбиной значительная роль всегда принадлежала изучению многосторонних международных торгово-экономических и культурных связей древнего Новгорода с его соседями, прежде всего, западноевропейскими. Именно поэтому, получив приглашение участвовать в сборнике, мы решили предложить статью о ладейных заклепках, казалось бы, невзрачных находках с раннесредневековых памятников, но имеющих огромное значение для определения того как, с кем, на чем и когда осуществлялись разнообразные международные контакты. Основой работы стал анализ многочисленных ладейных заклепок, встреченных на маленьком участке при раскопках Рюрикова городища в последние годы.

В погребениях и на поселениях X–XI вв. на территории лесной зоны Восточной Европы, как и во всем регионе Балтики, часто встречаются небольшие железные предметы, нередко покрытые толстым слоем коррозии, получившие у археологов общее определение «ладейные заклепки». Они представляют собой короткий гвоздевидный стержень со шляпкой, с противоположной стороны которого надета четырехугольная шайба, а сам конец расплющен. Заклепки чаще всего не привлекают специального внимания исследователей как предметы достаточно массовые и бытовые, но тем не менее на них постоянно ссылаются для подкрепления различных общих выводов.

Заклепки получили определение «ладейных», поскольку их широко использовали при строительстве судов в регионе Балтики скандинавы (датчане, норвежцы, шведы). На своих верфях они, как правило, применяли заклепки на клинкерных судах для связи между поясами обшивки и шпангоутами[1]. Отличительной чертой погребальной обрядности северных германцев в средневековье были захоронения в ладьях. Для территории Скандинавии классическая работа по данному вопросу принадлежит М. Мюллер-Вилле[2]. Он полагал, что уверенно говорить о наличии ладьи в погребении можно, если зафиксировано более 100 заклепок, и предполагать ее присутствие, если найдено не менее 50 экземпляров. Такие захоронения не были характерны для балтов, славян и финнов. Именно поэтому находки во время раскопок погребений в ладьях на территории Восточной Европы исследователи обычно признают скандинавскими, тем более наличие заклепок во многих захоронениях сопровождается порой и другими элементами северной материальной культуры (украшения, оружие, амулеты и т.д.).

А. Стальсберг в статье 1998 г. в таблице «Находки с ладейными заклепками и ладьями эпохи викингов на территории Древней Руси» учла шесть погребальных памятников с 26 комплексами. Все они расположены в области Северной Руси (Карлуха, Усть-Рыбежна, Ильинский Погост, Плакун, Гнездово и Большое Тимерево)[3]. Оценивая выводы М. Мюллер-Вилле, А. Стальсберг полагала, что приводимые им цифры по количеству заклепок весьма условны: «заклепки могли быть утрачены на пути от погребального костра к месту погребения; не все заклепки найдены или в погребении имеется только часть лодки; ладья построена без или с немногими заклепками (последние годы выяснилось, что выдолбленные и сшитые челны более распространены, чем предполагалось)»[4]. В своей таблице А. Стальсберг учитывает даже погребения с единичными заклепками. При этом она согласна, что использование заклепок на территории Руси является северной традицией.

Здесь возникает вопрос о том, все ли заклепки, находимые в погребениях и на поселениях Древней Руси, являются, во-первых, ладейными, а во-вторых, свидетельствуют об этническом скандинавском компоненте. Конечно, заклепки широко использовались в судостроении, но этим их возможные сферы применения не ограничивались. Анализ материалов по погребальным памятникам Скандинавии показывает, что нередко умерших, прежде всего женщин, хоронили в кузовах небольших повозок размерами 1 × 2 м и глубиной 0,45 м (например, Бирка № 1131 — Швеция, Фюркат/Fyrkat – Дания)[5]. Всего на территории Дании и Северной Германии А.-С. Граслунд упоминает еще о 14 захоронениях подобного типа, из которых 11 женских. Все они датируются X в. Кроме того, в качестве гробовищ служили большие сундуки и одиночные сани[6]. Использование саней и повозок для захоронений женщин не случайно, так как в жизни именно женщины передвигались преимущественно на санях и в повозках, в то время как мужчины предпочитали верховую езду на лошади. Все названные деревянные вместилища для умершего делались с применением заклепок.

Среди погребального инвентаря зафиксированы также сундуки, окованные с помощью заклепок (Бирка № 834)[7]. Известно захоронение, где сундук был помещен в ладью (Валсгерде № 7/Valsgärde)[8]. В исключительных случаях заклепки использовались для крепления погребальных колод (могильник Рога Хорстат/Råga Hörstad – Южная Швеция). Скандинавские исследователи подчеркивают в связи со сказанным, что скоплениям заклепок, происходящим из погребений, совершенных по обряду кремации, трудно дать однозначное объяснение в связи с широким спектром их применения[9].

Показательная картина разнообразного использования заклепок зафиксирована нами при исследовании финского могильника XI–XII вв. Залахтовье. Заклепки были найдены в девяти погребениях, датируемых первой половиной XI в.: в семи захоронениях по обряду кремации и в двух – по обряду ингумации. В трупосожжениях они, как правило, встречались числом от одной до четырех среди кальцинированных костей и точное назначение их определить сложно. Однако в одном случае 10 заклепок были обнаружены на дне ямы, примыкавшей к деревоземляному сооружению № 135 (длина целых экземпляров — от 0,5 см до 3 см, стержень одной — 5 см), возможно, сюда при

погребальном ритуале была поставлена шкатулка (сундучок) с какими-то предметами из органических материалов. В другом случае (курган № 202) функция заклепок вполне очевидна — с их помощью был прикреплен железный умбон к несохранившейся деревянной части щита, которым была прикрыта погребальная ямка. В грунтовом захоронении девочки по обряду ингумации (№ 103) в ногах, в одном скоплении находилось около 30 заклепок длиной от 1 до 3 см. Среди них встречены две полукруглые скобочки (ручки?), которые также крепились заклепками. Скорее всего, в ногах у девочки был поставлен ларчик, а может быть, и не один, с вещами, сопровождающими умершую в загробный мир. Еще в одном погребении по обряду ингумации (курган № 229) четыре заклепки располагались по краям, по-видимому, от скрепленного ими гробовища. Как правило, залахтовские заклепки имели небольшие размеры и тонкие стержни обычно подчетырехугольного сечения. В случае с рассматриваемым могильником, мы, бесспорно, встречаемся с традицией разнообразного использования заклепок местным населением вне контекста судостроения [10].

В свое время Б. А. Колчин, рассматривая технику изготовления заклепок, отмечал, что кроме кораблестроения ими крепились «скобы и умбоны к деревянным древнерусским щитам, на заклепках ставили железную оковку на деревянные лари» [11], что, собственно, и подтвердили наши наблюдения. Таким образом, спектр применения заклепок был достаточно широк. Обобщая сказанное, можно подчеркнуть, что само по себе наличие отдельных заклепок в погребениях — отнюдь еще не обязательное свидетельство использования в погребальном обряде ладьи, лодки или их частей.

Важным вопросом является выяснение характера применения заклепок в судостроении и их непосредственной связи исключительно со скандинавскими мастерами или же только со скандинавской традицией? В специальной литературе, посвященной судостроению на Балтике, утвердилось достаточно определенное мнение, что западные славяне, в отличие от скандинавов, хотя также строили ладьи с обшивкой в клинкер, но предпочитали скреплять доски обшивки судов нагелями (круглыми деревянными стержнями) [12]. Для оценки зарождения и магистрального развития этих двух традиций в судостроении это, скорее всего, справедливо, но насколько жестко подобное «этническое деление» на уровне заклепок и нагелей было фактором реальной жизни в эпоху викингов?

Имеется масса примеров, когда вещи, впервые появившиеся у одних групп населения, как и новейшие технологии, буквально через одно-два поколения воспринимались соседями, порой в иноэтничных регионах, как «свои» и становились всеобщими, теряя свое значение в качестве этнических маркеров (односторонние наборные гребни, ножи, сделанные в технике трехслойного пакета, гончарный круг, подковообразные фибулы, шумящие подвески и др.). Определенный этнический адрес был только начальным. Использование заклепок при строительстве судов относится к числу таковых.

Я. Билль в специальном исследовании о средневековом кораблестроении отделял железные заклепки скандинавские с круглым сечением центрального стержня от балтских и славянских с подчетырехугольным сечением, тем самым признавая, что заклепки являлись универсальным средством крепежа у разных народов. Анализируя заклепки из курганов № 6, 8, 9, 11 в скандинавском могильнике в урочище Плакун в Старой Ладоге, Я. Билль пришел к выводу, что они по типу ближе к балтским и славянским [13]. Если «Я. Билль прав, то плакунские ладьи, — отмечала А. Стальсберг, — построены в Восточной Европе; следовательно, скандинавы не принесли свои лодки через Балтийское море» [14]. Правда исследовательница сразу оговорилась, что «надо относиться осторожно к заключениям Я. Билля, поскольку А. Э. Кристинсен нашел ладейные заклепки эпохи викингов с четырехугольными стержнями в Средней Норвегии» [15].

В связи с этим возникает следующий вопрос: плавали ли скандинавы по рекам Восточной Европе только на клинкерных судах, обшивка которых крепилась исключительно заклепками, или у них были и суда, сделанные с применением иной техники? Известный российский специалист по средневековому судостроению П. Е. Сорокин пришел к выводу, что для древнерусского судового дела можно констатировать существование нескольких конструктивно-технологических типов судов: 1 — килевые суда с дощатой клинкерной обшивкой; 2 — плоскодонные суда с прямыми бортами и с дощатой обшивкой встык; 3 — простые однодревки и суда, созданные на их основе с дощатыми бортами; 4 — однодревки, расширенные в результате термической обработки, и суда, построенные на их базе с дощатыми бортами; 5 — комбинированные суда с использованием носовых и кормовых блоков с дощатой обшивкой [16].

Килевидные суда с дощатой клинкерной обшивкой, соединенной железными заклепками, как считает П. Е. Сорокин, соглашаясь с взглядами многих европейских исследователей, «принадлежат скандинавской судостроительной традиции. Их детали, датируемые преимущественно VIII–XII вв., известны из ряда городских центров (Ладога, Рюриково городище, Новгород, Гнездово, Псков, Белоозеро, Полоцк), где в это время имелось скандинавское население или посещавшиеся скандинавами. Происходят они также из могильников (Юго-Восточного Приладожья, Плакун в Старой Ладоге, Гнездовского, Михайловского и Шестовицкого), где обнаружены скандинавские погребения. Это свидетельствует о том, что скандинавские суда использовались в бассейнах Днепра и Волги» [17].

С большей частью выводов П. Е. Сорокина можно согласиться, но обращает внимание, что в его схеме «конструктивно-технологических типов судов» на Руси не оказалось места «килевым судам с дощатой клинкерной обшивкой», у которых доски скреплялись бы деревянными нагелями. Справедливости ради надо сказать, что в обобщающей статье автора на Рисунке 4 — «Способы соединения досок средневековых судов» — как один из вариантов указан способ «в клинкер с помощью деревянных нагелей (западнославянская традиция)» [18]. Мы полагаем, что в общую схему «типов судов» по П. Е. Сорокину необходимо внести это важное уточнение.

На Балтике во второй половине IX–X вв. были распространены две технологии строительства судов с клинкерной обшивкой — с использованием железных заклепок

(скандинавская) и с применением нагелей (западнославянская). Однако, как подчеркивал Й. Херрман, «суда обитателей Балтики вполне сопоставимы по конструкции и технике» [19]. Он, обобщая сведения о торговле на Балтике, выделял три основные экономические зоны региона, торговые и культурные связи внутри которых были достаточно стабильными. В «восточнобалтийскую зону» он включал Среднюю Швецию, о. Готланд, Аландские острова, побережье Финского залива (с выходом на Ладожское озеро и речные системы Русской равнины) [20]. До древней Ладоги доходили даже большие морские суда викингов, и здесь происходила перегрузка товаров.

П. Е. Сорокин присоединился к мнению В. А. Брима и Е. А. Рыдзевской о «разнотипности судов, ходивших из Балтики до нижнего течения Волхова и далее по рекам Восточной Европы» [21]. «До X в., — пишет П. Е. Сорокин, — килевые клинкерные суда средних размеров поднимались вверх по Волхову. Начиная же с этого столетия, движение по этой реке осуществлялось преимущественно на малых килевых судах (типа ладей 1 — 3 из Гокстада), однодревных и больших плоскодонных судах» [22].

Доказательств использования скандинавами в Восточной Европе судов с обшивкой, скрепленной нагелями, в погребениях мы просто найти не можем, т. к., и доски, и нагели, если были, полностью сгорали на погребальных кострах или истлевали в захоронениях бесследно, в отличие от железных заклепок. Но существуют иные наблюдения. Для этого обратимся к анализу досок от разобранных судов как вторичных сырьевых строительных материалов на поселениях, прежде всего в древней Ладоге — ключевом пункте, где кончались навыки морского балтийского судоходства и начинался путь по мелководным рекам Восточной Европы с волоками и порогами.

Доски в раннем средневековье были достаточно дорогим строительным материалом, изготовление которого было весьма трудоемким и требовало высокого мастерства. В это время были известны только колотые доски, получаемые путем расщепления бревен с помощью клиньев на отдельные полосы длиной по несколько метров. Наиболее подходящим материалом являлись хвойные породы, сосна и ель, имевшие прямые стволы и волокнистую древесину (корабельный лес). О. Крумлин-Педерсен, один из ведущих специалистов по средневековому североевропейскому судостроению, рассматривая корабельные находки в Дании, отмечал, что процветание северной судостроительной активности в XI, XII и XIII столетиях основывалось «на использовании колотых досок, имевших огромную прочность, но добывать которые, хорошего качества и больших размеров, было трудно. Корпусная система представляла собой комплекс и зависела от доступности отборного строевого леса» [23]. Переход к кораблям с большей грузоподъемностью отражался во вторичном использовании колотых досок. Доски от судов, находясь постоянно во влажной среде и будучи пропитаны смолами, долгое время не гнили, сохраняя хорошее состояние, и вполне годились для различного вторичного использования при строительных работах и изготовлении более мелких предметов, в том числе, как мы покажем далее, необходимых и для погребального ритуала. Употреблялись доски от судов различных типов.

О широком вторичном использовании корабельных досок в домостроительстве Ладоги достаточно ясно свидетельствуют материалы раскопок Е. А. Рябинина. В горизонте E_1 (конец IX в.) была расчищена большая срубная конструкция размерами 7,45 × 10,4 м, общей площадью 77,5 кв. м. В ее центре была открыта платформа для очага (печи) размерами 1,3 × 3 м. Жилой сруб окружала крытая галерея с наборными стенами между вертикальными столбами. Длинные стороны галереи имели размеры 16,65 м и 17,3 м. При строительстве широко использовались корабельные доски, многие из которых имели отверстия для нагелей. О типах судов судить сложно, но при строительстве, как полагает автор раскопок, использованы детали от разобранного морского судна [24]. К дому, также отмечает Е. А. Рябинин, «была приложена неразобранная целиком часть судна, состоящая из досок, прикрепленных нагелями к поперечному брусу длиной 3,3 м» [25]. По мнению Е. А. Рябинина, данный дом «может быть сопоставлен с крупными постройками северных торговце-русов, которых видел и описал багдадский путешественник Ибн-Фадлан, побывавший на берегах Волги в 921–922 гг.» [26].

В 2007 г. уже при раскопках Ладоги А. Н. Кирпичниковым был открыт еще один «большой дом» [27]. Его центральная отапливаемая часть площадью 104 кв. м (8 × 13 м) имела каркасно-столбовую конструкцию. Вместе с дополнительной галереей размеры дома составляли 170 кв. м. В западной части постройки в центре находился открытый очаг размером 1,2 × 3,6 м, сложенный из крупных известняковых плит. Вплотную к нему обнаружены остатки настила пола из корабельных досок во вторичном использовании шириной 20–25 см. Некоторые из них имели отверстия для нагелей. А. Н. Кирпичников, как и Е. А. Рябинин, интерпретировал сооружение как «общежитие купцов–русов». Его предварительная дата — вторая четверть X в.

Оба дома, скорее всего, были построены скандинавскими мастерами с частичным применением североевропейской, так называемой «рамочной» строительной технологии, и, видимо, действительно были местами проживания скандинавов, а часть использованных при их строительстве корабельных досок были ранее скреплены нагелями. Это в определенной степени доказывает, что в распоряжении скандинавов были разные типы судов, в том числе относимые в европейской археологии к западнославянскому типу. Кто бы их ни строил изначально, такие суда вполне отвечали требованиям современников и были востребованы.

Данное мнение может быть подкреплено еще одним фактом, связанным уже с погребальным обрядом. Напротив ладожского поселения, на правом берегу Волхова в урочище Плакун, находился известный скандинавский могильник, содержавший восемь захоронений с заклепками. Рядом с ним на той же нижней террасе реки в 1971–1973 гг. была раскопана сопкообразная насыпь высотой 6,2 м [28]. В ее основании найдены кремированные останки высокого мужчины в возрасте 23–35 лет, помещенные в плетеную корзину. Среди пережженных костей встречены кусочки фризского гребня. При захоронении зафиксировано семь деревянных носилок, оставленных на одном уровне участниками погребального ритуала после его завершения. Для двух носилок были использованы корабельные доски опять же с отверстиями для нагелей [29].

Захоронение датируется в пределах IX в. Помимо еще двух безынвентарных погребений по обряду кремации, на вершине сопковидной насыпи было открыто захоронение мужчины, но уже по обряду ингумации сопровождающееся двумя конями. Погребенный был положен либо на настил из корабельных досок, либо на часть борта ладьи, корпус которой был скреплен железными заклепками[30]. Оба захоронения принадлежали, скорее всего, воинам-варягам, как собственно скандинавским был и весь плакунский могильник. Говоря о традиции использования носилок в погребальном обряде, следует указать, что носилки, аналогичные плакунским, были обнаружены среди погребального инвентаря в знаменитом Озебергском корабле IX в. на юге Норвегии[31]. По этнографическим материалам известно об использовании носилок в погребальных ритуалах у некоторых финно-угорских народов[32].

Таким образом, ладожские находки показывают, что на объектах, явно связанных со скандинавами (дома, захоронения), использовались корабельные доски от клинкерных судов с разной техникой крепления обшивки — и железными заклепками, и деревянными нагелями. Думаем, что и в реальной жизни скандинавы могли плавать на таких судах.

Принимая во внимание все сказанное, обратимся к рассмотрению уникального случая обнаружения на Рюриковом городище массового скопления железных заклепок на небольшой площади раскопа 2005–2010 гг. В эти годы нами был исследован восточный внешний склон рва, который окружал раннюю часть Городища. Его глубина превышала 4 м от древней дневной поверхности, а ширина достигала 27–28 м. Ров шел по линии северо–северо-запад — юго–юго-восток. При исследовании по его склону был зафиксирован интенсивно черный культурный слой мощностью от 0,20 до 0,70 м.

Как показали многолетние исследования, судя по характеру залегания данного слоя — единым пластом по склону, он был сброшен одноактно при выравнивании площадки Городища восточнее рва. Ко дну рва черный слой расслаивался и выклинивался. Ассортимент находок в нем позволяет сделать однозначное заключение, что за пределами городищенских укреплений с внешней стороны рва находилась производственная зона. Не случайно в 2006 г. на краю рва впервые на памятнике был найден ремесленный комплекс, связанный с бронзолитейным производством, а также остатки печи. Стратиграфически, а также по характеру находок и керамики черный культурный слой может быть датирован временем не позднее третьей четверти X в., а попавшие в него предметы суммарно относятся ко второй половине IX – X вв. при невозможности более детальных разграничений[33].

Большинство находок на рассматриваемом участке связаны с ремесленным производством: железные крицы, шлаки, пережженные камни и прокаленные куски глины от печей и горнов. Здесь встречено более 100 фрагментов тиглей, причем преобладали тигли средних размеров и миниатюрные. Для некоторых удалось восстановить полные формы. Внутри на стенках отдельных экземпляров тиглей сохранились остатки бронзы, капельки серебра и даже золота. Здесь же встречен моток золотой проволоки, свидетельствующий об изготовлении престижных вещей. К редким находкам относится глиняная формочка для отливки круглой подвески и лунницы. В черном слое наблюдалось скопление ремесленных инструментов (66 экз.), связанных прежде всего с бронзолитейным производством. Преобладали имевшие разные размеры зубильца и зубила, встречены также 11 шильев и ювелирные клещи.

Особое место в необычной количественной концентрации находок в черном слое занимают железные заклепки. По нашим данным, при разборке непосредственно черного культурного слоя зафиксировано 109 целых и 125 фрагментов заклепок (всего 234). Причем они были в основном сосредоточены на площади 188 кв. м (на отдельных квадратах встречалось от 20 до 50 экземпляров). Приведенные данные ярко контрастируют на фоне общей статистики для всех верхних раскопов центральной части Городища (1980–1989 гг. и 2005–2010 гг.), где на площади в 1338 кв. м в темно-сером перемешанном культурном слое было встречено только 99 разрозненных заклепок, причем больше половины в обломках[34].

По подсчетам Б. А. Колчина, на всем Неревском раскопе Новгорода обнаружено только 35 железных заклепок, в основном, в слоях X–XII вв.[35] По данным Г. Е. Дубровина на 2000 г. в Новгороде было найдено всего 50 заклепок на 15 раскопах, включая Неревский раскоп и семь Троицких, где имелись материалы X в. и последующего времени[36]. Изученная площадь в десятки раз превышает исследованную на Рюриковом городище.

Обращает на себя внимание многообразие в размерах городищенских заклепок. Наибольшая группа их имела средние размеры и могла скреплять доски толщиной 2–3 см, единичные экземпляры — соединяли две доски толщиной свыше 3 см, но 20 % от всех целых заклепок не могли использоваться для крепежа досок обшивки корабля, шпангоутов и других крупных деталей, т. к. ими можно было только соединить элементы толщиной по 1 см, а иногда и меньше. Кроме того, имеется группа заклепок с тонкими стержнями до 0,5 см. В одном случае была найдена железная планка с двумя заклепками, которая могла скреплять деревянные детали около 1 см толщиной.

Стержни городищенских заклепок в основном были округлые в сечении, но в некоторых случаях на них оставались грани. Технология изготовления гвоздей и заклепок была достаточно простой и подробно описана Б. А. Колчиным[37]. Форму стержню придавали после нагрева прута во время ковки. Вспоминая о существующей дискуссии в скандинавской литературе, обозначенной, прежде всего, Я. Биллем, заметим, что, на наш взгляд, она во многом надуманна. Сечение стержня зависело от тщательности его проковки кузнецом, а не от этнической принадлежности мастера. Получение округлой формы требовало дополнительного выравнивания, т. е. несколько бóльших производственных усилий. Круглую форму было легче придать более толстым стержням, а на тонких почти всегда оставались более резкие грани. Отметим, что заклепки вставлялись в просверленные круглые отверстия, и целесообразно их было делать именно круглыми, чтобы не оставалось зазоров. Мелкие и тонкие заклепки могли вбиваться, как гвозди, которые, как правило, имели четырехугольное сечение, без большой угрозы появления продольно-волокнистых трещин и расщепления дерева.

Возникает вопрос, почему на данном участке среди множества предметов, связанных с ремесленным производством, прежде всего с бронзолитейным, оказалось так много заклепок. Исследованная площадка за рвом, несомненно, относилась к ремесленной зоне поселения в центральной части Городища, возвышавшейся более чем на 10 м над уровнем Волхова в летнюю межень, и находилась более чем в сотне метров от кромки древней береговой линии. Поскольку все целые заклепки были проклепаны, то попали они сюда вместе с деревянными деталями, которые соединяли. Судя по размерам, бóльшая часть заклепок, очевидно, могла скреплять судовые детали. Однако сами суда, безусловно, разбирались около берега. Их владельцы вряд ли позволяли себе тащить «списанные» суда за сотни метров для утилизации. У берега отбирали доски и дерево хорошей сохранности и пригодное для дальнейшего вторичного использования при строительстве и изготовлении тех или иных бытовых предметов. В производственную зону приносили, конечно, не только доски с заклепками, но и доски, скреплявшиеся нагелями, и доски вообще без крепления. Здесь, видимо, собирались части разных деревянных предметов, вышедших из употребления, а не только снятые с ладей. На наш взгляд, данный участок с огромной концентрацией заклепок можно назвать на современный манер «складской базой» материала на ремесленной площадке Городища.

Рюриково городище второй половины IX–X вв. характеризуется ярким набором предметов скандинавской культуры (мужские и женские украшения, предметы культа, элементы вооружения и конского снаряжения и т. д.). Имеются убедительные свидетельства того, что часть изделий в североевропейских традициях изготовлялась тут же на Городище. Все это позволяет заключить, что скандинавское население поселения, во многом связанное с нахождением здесь княжеской дружины, семей воинов, обслуживающего их персонала (ремесленников и др.), а также лично не свободных, зависимых людей, составляло достаточно внушительную часть обитателей. Таким образом, зафиксированное нами в заполнении рва многочисленное число заклепок вполне вписывается в существующую на рубеже I–II тыс. н. э. историческую ситуацию на берегах р. Волхова с ее североевропейской вуалью.

Сравнивая заклепки Новгорода и Городища, Г. Е. Дубровин обратил внимание на то, что новгородские экземпляры отличаются от городищенских по определенным параметрам, в частности — диаметру ножки. Большинство заклепок Рюрикова городища соответствуют размерному диапазону скандинавских изделий, а вот в Новгороде в эти размерные рамки попадают только 30 %. Исследователь сделал вывод, «что суда, представленные материалом с Рюрикова городища, были ближе к известным скандинавским аналогам, нежели плавсредства, зафиксированные непосредственно в Новгороде» [38]. Здесь можно отметить, что между новгородскими и городищенскими изделиями существует и определенное хронологическое неравенство. Заклепки с Городища все же датируются в рамках второй половины IX–X вв., а новгородские находки имеют разброс от X до первой половины XIV в. Г. Е. Дубровин выделяет в Новгороде вторую хронологическую группу заклепок — 90-е гг. XII – первая половина XIV вв. [39] Появление в Новгороде второй поздней группы заклепок — само по себе явление примечательное, тем более что одновременно в XIII–XIV вв. заклепки распространяются и в Пскове. Это свидетельствует лишь о том, что однажды пришедшая из Скандинавии традиция была воспринята на местной почве и могла возобновляться уже независимо от внешних импульсов. П. Е. Сорокин подчеркивал, что живучесть использования заклепок в Пскове, «видимо, связана с географическим положением Пскова, поддерживавшего прямые контакты с Балтийским регионом» [40].

В заключение можно коротко сформулировать некоторые общие выводы: 1 — в конце I тыс. н. э. в низовья Волхова к древней Ладоге заходили разные типы судов, плававших в акватории Балтийского моря, сделанные с использованием железных заклепок (скандинавская техника строительства) и деревянных нагелей (западнославянская техника). Команды судов, несомненно, включали скандинавов и, вероятно, славян; 2 — клинкерные суда, начиная от средних размеров и кончая более мелкими, успешно поднимались по Волхову вплоть до Новгорода (скандинавского Хольмгарда), где Рюриково городище как древнейший центр в истоке реки служило в IX–X вв. главным пунктом их концентрации, ремонта, переоснащения и в случае необходимости полной разборки, т. е. утилизации. Колотые корабельные доски имели широкое вторичное применение; 3 — при этом находки разрозненных заклепок в захоронениях, а тем более на поселениях, не могут рассматриваться как устойчивый признак наличия в погребениях ладей или их частей и быть неоспоримым доказательством присутствия скандинавов, поскольку само по себе употребление заклепок как способа скрепления дерева многообразно и не носило этнического характера; 4 — в археологических материалах каждый случай находки заклепок должен рассматриваться индивидуально в контексте культурной особенности того или иного древнего памятника и даже конкретного объекта.

---

[1] *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 92.
[2] *Müller-Wille M.* Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte // Offa. Band 25/26. N 68/69. Neumünster, 1970.
[3] *Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина. М., 1998. С. 278, 279. В настоящее время погребений с заклепками на территории Руси известно больше, чем зафиксировала А. Стальсберг, но составление и издание их полного каталога не входит в задачу данной статьи.
[4] Там же. С. 278.
[5] *Gräslund A.-S.* The Burial Customs. A study of the graves on Björkö // Birka IV. Stockholm, 1980. P. 24; *Price N. S.* The Viking Way. Religion, and War in Late Iron Age Scandinavia. Uppsala. 2002. P. 149–153.
[6] *Gräslund A.-S.* Idid. P. 24, 25.
[7] *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Text. Stockholm, 1943. S. 307; *Price. N. S.* Ibid. P. 135–139.
[8] *Gräslund A.-S.* Ibid. P. 24.
[9] Ibid. P. 25

[10] *Хвощинская Н.В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004. С. 190, 191, 196, 199, 201, 204, 219; табл. XVII, *5*; XIX, *26–28*; XXXIII, *13–24*; XL, *16*; XLII, *9–13*; CI, *1720*.
[11] *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). МИА СССР № 32. М., 1953. С. 126.
[12] *Херрман Й.* Указ. соч. С. 92.
[13] *Bill J.* Iron Nails in Iron Age and Medieval Shipbuilding. Crossroads in Ancient Shipbuilding. ISBSA 6. Oxbow Monographs 40. 1994. P. 60.
[14] *Стальсберг А.* Указ. соч. С. 279.
[15] Там же. С 279.
[16] *Сорокин П.Е.* Судостроительная традиция Древней Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5. С. 102–103.
[17] Там же. С. 104.
[18] Там же. С. 105.
[19] *Херрман Й.* Указ. соч. С. 92.
[20] Там же. С. 99.
[21] *Сорокин П.Е.* Экспериментальное судостроение и проблемы изучения средневекового судоходства на Северо-Западе Руси // НиНЗ ИА. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 201.
[22] Там же. С. 202.
[23] *Крумлин-Педерсен О.* Средневековые грузовые суда в свете корабельных находок в датских водах // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Тезисы докладов советско-датского симпозиума. Ленинград, ноябрь 1989 г. Л., 1989. С. 48.
[24] *Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования Л., 1985. С. 46.
[25] Там же. С. 46.
[26] Там же. С. 47.
[27] *Кирпичников А.Н.* Археологические исследования в Старой Ладоге в 2007 г. (Краткие итоги) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб., 2008. С. 10–11.
[28] *Носов Е.Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования Л., 1985. С. 147–155.
[29] Там же. С. 149.
[30] Там же. С. 151–154.
[31] Osebergfundet. Oslo, 1928. Bind II. Fig. 148 (Ed. A. W. Brøgger, H. Schetelig).
[32] *Рихтер Е.В.* Некоторые особенности погребального обряда сету // СЭ. № 2. 1979. С. 225, 226, 228.
[33] *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 53. Судя по наблюдениям над стратиграфией рва на другом его участке, на северном берегу Сиверсова канала, первая хлебная печь в заброшенном уже рву была построена в конце IX в. (спилы от нижнего яруса опечка датируются денрохронологически 889, 896 и 897 гг.), но к этому времени ров успел заплыть и отложившийся ниже печи слой достигал толщины 1 м.
[34] Специальная работа по фиксации и классификации заклепок Рюрикова городища была проведена сотрудником нашей экспедиции В.Л. Полигаевым. По его подсчетам 2005–2010 гг. всего было найдено 266 экземпляров заклепок, из которых полностью сохранились 127.
[35] *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА СССР. № 65. М., 1959. С. 113
[36] *Дубровин Г.Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М., 2000. С. 34.
[37] *Колчин Б.А.* Черная металлургия... С. 124–126.
[38] *Дубровин Г.Е.* Указ. соч. С. 36.
[39] Там же. С. 36.
[40] *Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб., 1997. С. 97.

Д.О. Осипов

Составные подошвы из раскопок в Великом Новгороде

Кожаные изделия западноевропейского производства вплоть до периода Московской Руси (в западной периодизации — раннего Нового времени) попадали на Русь в относительно небольшом количестве[1]. Лишь Великий Новгород с его «распахнутыми настежь дверьми»[2] составляет исключение. Однако, в отличие от других категорий археологических находок, найденная в Новгороде обувь иностранного производства не является импортом. Ее присутствие в культурном слое вызвано долговременным пребыванием в городе иностранных визитеров. Необходимости ввоза кожаных изделий не было, поскольку новгородская кожа находила сбыт не только в пределах Московского государства, но и активно вывозилась за границу, чему способствовало высокое качество сырья в сочетании с его относительной дешевизной[3].

Местоположение подошв. В данной статье рассматривается необычная обувь с составными подошвами, зафиксированными на Троицком IX раскопе (Рис. 1, 2). Подавляющее большинство кожаной обуви, происходящей с этого раскопа, представлено обычным для Новгорода набором: однотипными деталями туфель и сапог мягкой конструкции, а также фрагментами простых и ажурных поршней. Значительное количество обувных деталей составляют мягкие однослойные подошвы со следами износа. Форма обуви, орнаментальные мотивы и приемы раскроя соответствуют новгородскому слою конца XII–XIII вв., что соответствует второму этапу развития кожевенно-сапожного ремесла[4].

На фоне стандартизованной продукции новгородских сапожников ярко выделяются необычные для Новгорода обувные детали, обнаруженные в заполнении 3 и 4 пласта (ярус 13). В отличие от других подошв они состоят из нескольких кусочков, подкроенных друг к другу встык (Рис. 5). Всего в коллекции насчитывается пять составных подошв, происходящих с территории усадьбы «К» Людина конца. На остальной территории средневекового Новгорода подобная обувь не обнаружена. Локальное скопление составных подошв зафиксировано в пределах 13 стратиграфического яруса. Четыре из пяти подошв залегают в заполнении сруба № 110 (кв. 878, 902, 916, 927).

Рис. 1. План Великого Новгорода с расположением раскопов

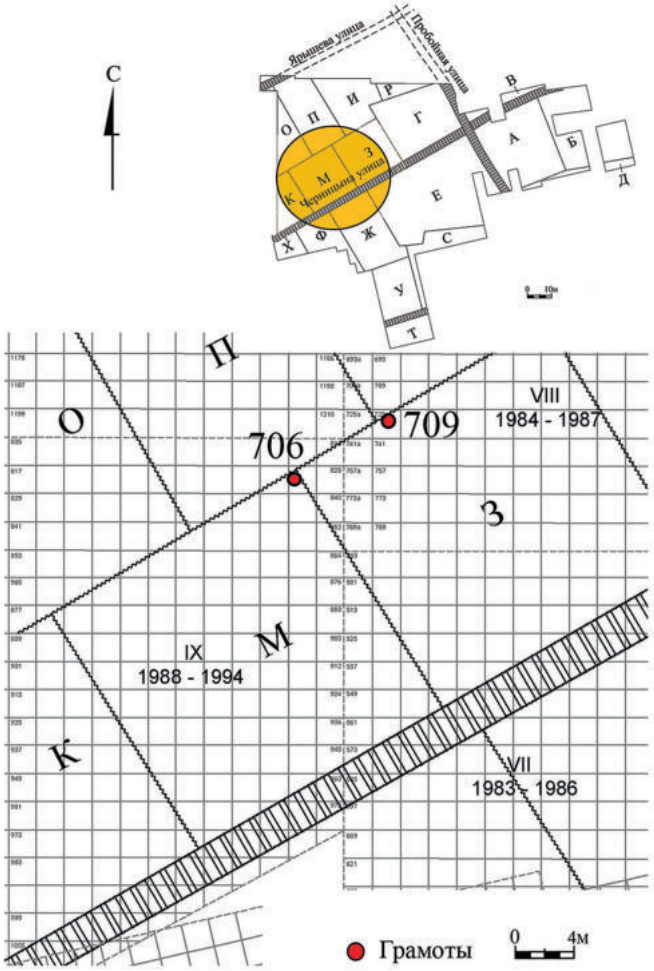


Рис. 2. Троицкий раскоп. Границы усадеб

Еще одна прослежена в кв. 847, в заполнении частокольной канавки, разделяющей усадьбы «П» и «М» (Рис. 3). Предварительная датировка ярусов 13–14 определена в пределах второй половины XII – первого десятилетия XIII вв.[5] Согласно выводам исследователей, занимающихся уточнением датировки и синхронизацией ярусов Троицкого раскопа, культурный слой в кв. 916, 927 связан со срубом № 110 яруса 13–14, датированного исследователями в пределах 60-х гг. XII – начала XIII вв.[6] (Рис. 3). Так же датируется слой в квадрате № 847, где найдена еще одна составная подошва.

Форма подошв. Все пять подошв составлены из нескольких частей, однако какая-либо закономерность в расположении или форме сшитых кусочков отсутствует. Так, у подошвы, зафиксированной в кв. 927, носочная и пяточная части разделены по продольной оси (Рис. 5: 3). Носочная часть подошвы из кв. 916 разделена на две половины поперечными швами, а задняя часть сшита из четырех кусочков: две симметричные детали на перейме[7] и две полукруглые половины на пятке, разделенные по продольной оси (Рис. 4: 1). Подошвы, обнаруженные в кв. 878 и 902, состоят из четырех кусочков, сшитых продольным и поперечными швами (Рис. 5: 2, 4).

Части подошв подкроены встык при помощи тачного шва. Тип кроя составных частей и характер швов указывают на то, что составная форма подошв образована не в процессе их ремонта, а при изготовлении обуви.

Функциональное назначение обуви с составными подошвами исследователи объясняют по-разному. В качестве основной причины европейские археологи называют экономию сырья, однако высказывались и другие версии. В частности, польский археолог Анна Богумита Ковальска предположила, что такие подошвы, обладавшие повышенной гибкостью, могли изготавливаться с лечебно-профилактическими целями[8]. Для проверки этой версии мы обратились за консультацией к московским специалистам-ортопедам, которым были показаны фотографии и рисунки найденных в Великом Новгороде составных подошв. По их мнению, такая форма подошв не могла оказывать какого-либо лечебного воздействия на стопу, поэтому относить такие модели к специальной обуви необоснованно. Они же обратили внимание на отсутствие какой-либо системы в количестве и форме скроенных кусочков.

Ужесточение требований к экономии сырья в странах Европы связано с введением в уставы гильдий новых стандартов, строго регулирующих производственный процесс и качество продукции[9]. Русские ремесленники, занимавшиеся изготовлением обуви и других изделий из кожи, также старались минимизировать потери при раскрое кожи. Об этом свидетельствуют форма обрезков, включая «негативы» подошв, широко распространенная практика вторичного использования деталей, особенно сапожных голенищ, а также свидетельства письменных источников. В частности, упоминание «мер сапожных» (специальных шаблонов): «*аще на потребу возьмет кожю или усние, и не соблюдая режет и не прилагаеть меры сапожные, сухо да ясть*»[10].

Однако обуви с многосоставными подошвами в русских средневековых городах никогда не существовало. У определенной части мягких туфель древнерусского вре-

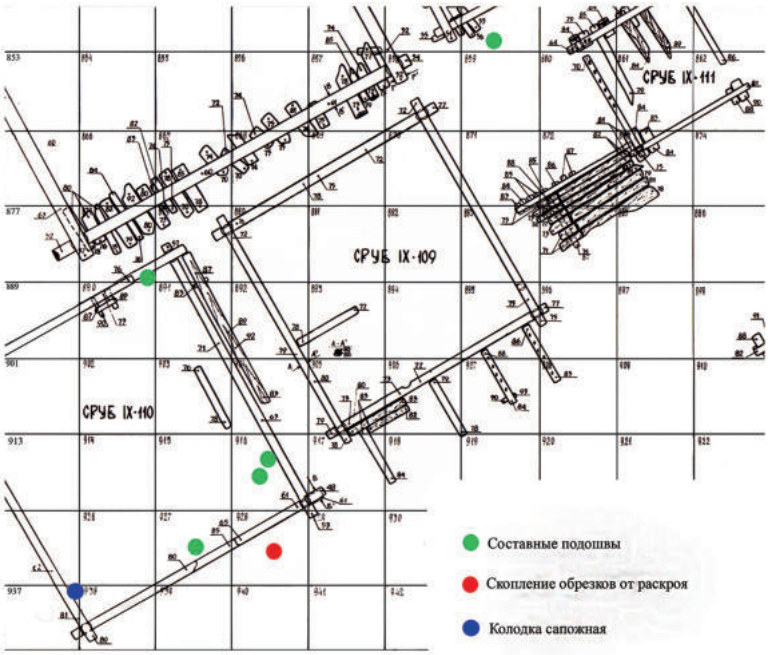


Рис. 3. Раскоп Троицкий IX. Ярус 13

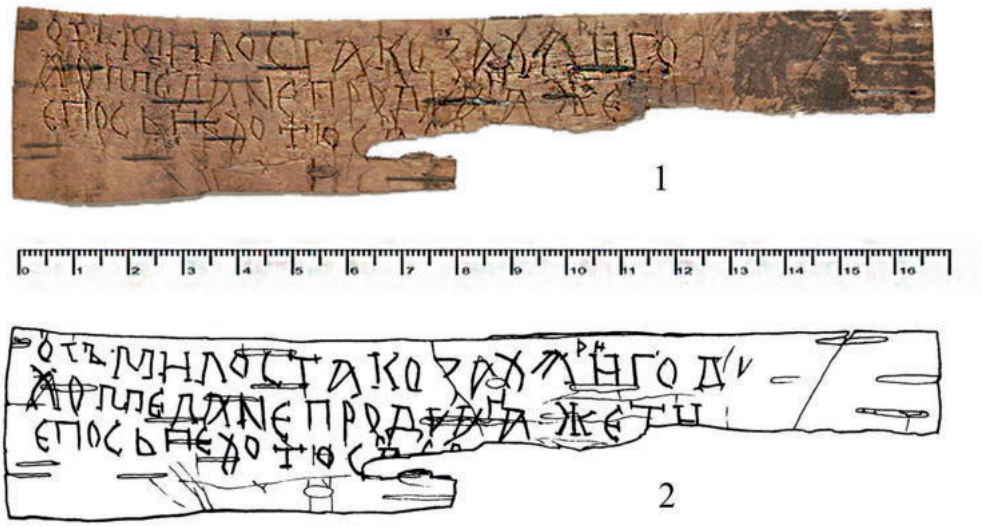


Рис. 4. Грамота № 709. Стратиграфическая дата 1240–1260 гг.:
1 – фото,
2 – прорись

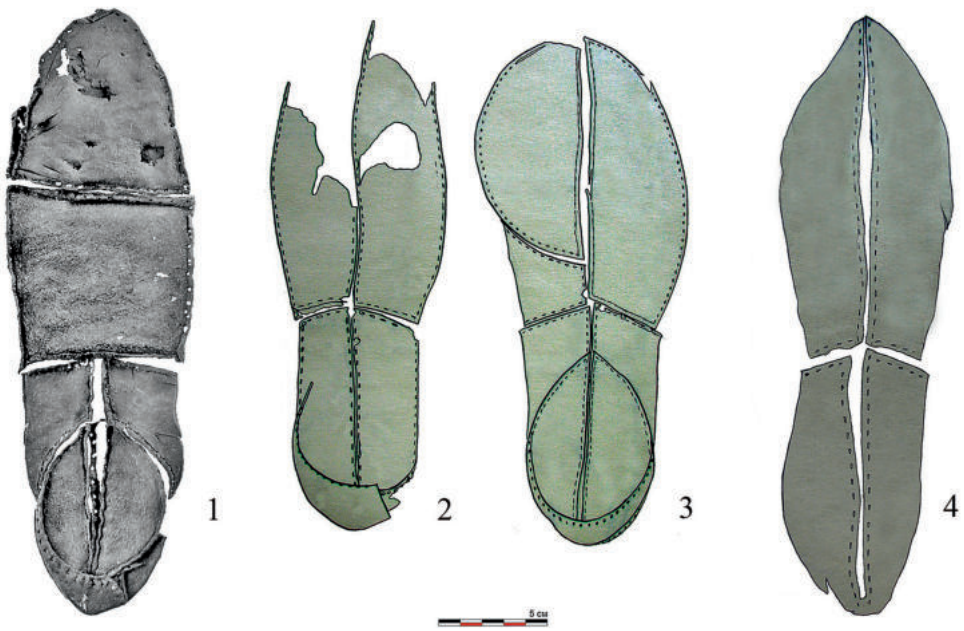


Рис. 5. Составные подошвы. Раскоп Троицкий IX:
1 – кв. 916;
2 – кв. 878;
3 – кв. 927;
4 – кв. 902

мени подошвы набирались из нескольких тонких пластин, наложенных одна поверх другой. Такая обувь была более теплой, ремонтопригодной, а следовательно, износоустойчивой. Практика ее изготовления существовала на Руси вплоть до рубежа XIII–XIV вв., когда русские кожевники освоили выделку толстых кож взрослых особей крупного рогатого скота. Это стало возможным после проникновения новых технических навыков обработки кожевенного сырья из стран Востока, которое исследователи связывают с включением Руси в состав улуса Джучи[11]. С этого времени непосредственно перед дублением шкуры стали выдерживать в забродившем мучном растворе (киселе), что способствовало распушению коллагенов. В результате киселевания дубильный раствор не образовывал корку на поверхности кожи, а равномерно проникал по всей толще кожевенного листа[12]. Освоение нового способа обработки шкур взрослых особей крупного рогатого скота (яловки, бычины) сделало возможным получение более толстых и прочных однослойных подошв, в результате чего практика изготовления наборных подошв сошла на нет.

Аналогии. Среди отечественных моделей найденные нами подошвы отдаленно напоминают обувь, имевшую продольный шов по оси подошвы, бытовавшую в древнерусских городах Твери, Старой Руссе, Великом Новгороде в XII–XIV вв. Отдельно выкроенных подошв такие туфли не имели, поскольку края верха у них подгибались вниз и сшивались тачным швом. А.В. Курбатов, впервые выделивший такую обувь в коллекциях Твери, называет ее домашней[13], однако функциональное назначение таких туфель на сегодняшний день остается дискуссионным[14].

Прямые аналогии обуви с составными подошвами, найденными на усадьбе «К» Троицкого IX раскопа, известны в городских коллекциях северо-западной Европы. В Колобжеге и Щецине в середине XIII в. их доля достигает 10 %[15].

Причины появления европейской обуви на городской усадьбе. Датировав составные подошвы и найдя им аналогии в коллекциях европейских городов, следует понять, каким образом европейская обувь могла оказаться на новгородской усадьбе Людина конца в напластованиях конца XII – начала XIII вв. Как известно, в исследуемый период в Великом Новгороде процветает балтийская торговля, в которой все большее значение играет Любек[16]. Однако строго регламентированное положение европейских «гостей» ограничивало их проживание территорией Готского и Немецкого дворов, расположенных на Торговой стороне города в непосредственной близости от княжеской резиденции[17]. В связи с этим закономерно, что основная часть найденной в Новгороде европейской обуви происходит с Кировского (Суворовского) и Готского раскопов[18].

Для объяснения факта появления инокультурной обуви на усадьбе «К» целесообразно провести комплексные исследования, включающие анализ археологического контекста и письменных источников.

Берестяные грамоты. К последним принадлежит группа документов, именуемых «живой лексикой средневековья», к которой неоднократно обращались и исследователи кожевенного ремесла. В частности, о сырьевой базе кожевников дают представление грамоты № 133 и 622 (вторая половина XIV – начало XV вв.) и № 153, 266/275, 384 (XII–XIV вв.), где упомянуты шкуры нерпы, лося и оленя[19]. Для понимания эволюции термина «сафьян» важны грамоты № 261–264, где перечисляются предметы из списка свадебных даров (единый документ, стратиграфическая дата — 70–90-е гг. XIV в.), найденные на усадьбе «Е» Неревского раскопа[20].

На интересующем нас участке Троицкого IX раскопа найдено несколько берестяных грамот, включая знаменитую № 734 (1140–1160 гг.), содержащую текст заговора против лихорадки с именем Сихаила[21]. Для нас в данном случае наибольший интерес представляют грамоты № 706 и 709 (стратиграфическая дата — 1240–1260 гг.), являющиеся дубликатом одного документа (Рис. 4). Грамоты, найденные в нескольких метрах друг от друга по линии границы усадеб, выходивших на Черницыну и Ярышеву улицы (Рис. 2), содержат текст письма Милоста к Захарии с указанием не продавать хмель. По мнению А.А. Зализняка, имя Милостъ образовано с помощью суффикса –ост(ъ), очень редкого для восточно-славянской зоны, но широко представленного в древне-польских именах, например: Milost, Mirost, Jarost, Radost, Witost и др.[22]

Случайна ли связь берестяного письма, содержащего упоминание имени Милост, имевшего польские корни, с деталями европейской обуви, распространенной в том числе и в Померании? Для ответа на этот вопрос целесообразно, помимо берестяных грамот, рассмотреть исторические сведения и археологический контекст.

Несмотря на наличие судных грамот, сборников торговых уставов, церковных уставов, закреплявших правовое положение иностранцев на территории Новгородской и Псковской республик, многие области правовых отношений с ними остаются неизвестными[23].

Закономерно, что в составе купеческих групп были люди различного достатка. Обувь, собранная из обрезков, скорее всего, принадлежала тем, кто занимал нижние ступени в своей иерархии. Она плохо защищала ноги от сырости и уличной грязи. В Новгороде Великом, известном повышенной влажностью грунта, так же как в большинстве средневековых городов Западной Европы, улицы не отличались чистотой.

В европейских городах стремление передвигаться по городским улицам, сохраняя обувь максимально сухой и чистой, приводит к распространению т.н. предохранительной (защитной) обуви. Ее появление восходит к традициям древнего Рима. Деревянные колодки с ременными петлями для удержания на ноге археологи находят в римских военных лагерях: Селбурге, Зугмантеле и Малом Фельдберге и других[24]. В документах позднесредневековой Англии отмечены различные формы предохранительной обуви — *patterns* (патины), *galoshes* (галоши) и *clogs* (башмаки на деревянной подошве). Последние крепились на ноге одним или парой ремней поверх стопы.

На картинах европейских художников такая обувь появляется со второй половины XIV в., хотя широкого распространения она достигает лишь ко второй половине XV в.[25]

Защитная обувь активно использовалась и в Польше. В частности, в Гданьске, в Старом городе и Центральном Замке на острове Гранари были найдены почти 12 сотен фрагментов защитной обуви, включая деревянные и кожаные *патины*[26]. Для практичности большинство дере-

вянных колодок опиралось снизу на две ходули (*stilts*) или «каблучки».

В Великом Новгороде подобная обувь не известна, хотя нельзя исключать, что она еще не выделена в археологическом материале. На сегодняшний день единственный экземпляр деревянной подошвы (платформы) найден при раскопках на Космодемьянской набережной в Москве в слое XVIII в.[27]

Археологические находки. К пониманию причины появления составных подошв приближает анализ археологического контекста данной усадьбы. Согласно материалам отчета, в темно-коричневом слое с большим содержанием органики и щепы зафиксировано большое количество обрезков от раскроя обувных деталей[28]. В кв. 928, в пласте 4, у южной стенки сруба 110 скопление обрезков превышает 5000 единиц[29]. На этом же участке зафиксированы шилья, оселки, ножи и сапожная колодка[30]. Четыре из пяти рассматриваемых нами составных подошв также найдены в заполнении сруба № 110. Пятая подошва залегала в частокольной канавке на границе с усадьбой «П».

Скопление ремесленных отходов в сочетании с сапожными инструментами указывает на то, что во второй половине XII – начале XIII в. на усадьбе «К», выходившей на Черницыну улицу, работала сапожная мастерская. В этот же период аналогичные мастерские существовали и на других расположенных рядом усадьбах Людина конца: Е, Ж, З, Г, также выходивших на Черницыну улицу. Массовые скопления их отходов были зафиксированы на Троицких VII и VIII раскопах[31]. Обилие мастерских, изготавливающих и ремонтирующих кожаную обувь, вызвано ее быстрым износом. В этой связи стоит привести наблюдения известного французского историка Робера Фоссье, отмечавшего, что парижские сапожники — одни из самых многочисленных городских ремесленников — первыми получают статуты. Такое внимание городских властей к представителям этой профессии было вызвано постоянной нуждой в кожаной обуви, которая полностью снашивалась в среднем в течение трех месяцев[32]. По статистике, приведенной советскими обувщиками-технологами в 60-е гг. XX в., износ кожаной обуви и прежде всего подошв составлял порядка 200 дней[33]. Очевидно, что более мягкая и тонкая средневековая обувь изнашивалась значительно быстрее.

Судя по описанию обрезков и обилию вторично использованных деталей, работавшие на усадьбах «К» сапожники занимались не только пошивом новой обуви, но и ремонтом старой, ставя дотачки и заплаты на изношенные участки. Практика сочетания пошива и ремонта обуви была широко распространена как в Великом Новгороде, так и в других древнерусских городах[34]. Анализ археологического контекста позволил установить, что сапожные мастерские, существовавшие на перечисленных выше усадьбах в XII – начале XIII вв., закончили свое существование после пожара 1207 г., связанного с восстанием против посадника Дмитра Мирошкинича, в ходе которого комплекс усадеб, принадлежащих Мирошкиничам, был разграблен и сожжен, а имущество владельцев поделено между восставшими[35].

Исходя из вышесказанного, наиболее вероятным объяснением наличия подошв инокультурной обуви на усадьбе «К» Людина конца является обращение иностранного купца к новгородскому сапожнику с целью ремонта обуви путем замены старых подошв на более практичные — цельнокроеные, лучше приспособленные для уличной грязи. Следы износа лучше всего видны на одной из составных подошв (Рис. 5: 2). Нельзя исключать, что иностранец не случайно выбрал мастерскую, расположенную именно на этой усадьбе. Помня о находке грамот № 706 и 709, можно предположить, что проживавший здесь человек мог иметь какие-то связи с Европой или просто понимать иностранный язык.

Дальнейшее развитие вещеведения, следствием которого является атрибуция или верификация уже имеющихся находок, позволяет нам лучше представить уровень развития ремесла, а также реконструировать многообразие бытовых и торговых отношений.

---

[1] *Курбатов А. В.* «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей // Stratum plus. 2011. № 5. С. 194.
[2] *Киселев Б.* Слово о Новгороде // Литературная учеба. 1984. № 4. С. 11.
[3] *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Петроград, 1918. С. 292, 293; *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.-Л., 1951. С. 95.
[4] *Осипов Д. О.* Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование): дисс... док. ист. наук. М., 2012. С. 156–178.
[5] *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н.* Отчет о работе Новгородской археологической экспедиции за 1991 г. Архив ИА РАН. Р–I № 16459. С. 15.
[6] Автор выражает благодарность П. Г. Гайдукову, Н. Н. Фараджевой и О. А. Тарабардиной за помощь в уточнении датировки культурных напластований, в которых залегают интересующие нас предметы.
[7] Перейма (геленок) – сужение подошвы в области свода стопы.
[8] *Ковальска А. Б.* Средневековое производство обуви в регионе Балтийского моря в IX–XV вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 46.
[9] *Kowalska A. B.* Uwagi na temat wytwórczości szewskiej w Wolinie i Szczecinie w VIII–X wieku // Świat Słowian wczesnego średniowiecza Szczecin; Wrocław. Instytut Archeologii Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2006. S. 197–209.
[10] Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков / Сост. Ф. Буслаевым. М., 1861. С. 389.
[11] *Поварнин Г. Г.* Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912. С. 228.
[12] Там же. С. 147.
[13] *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб., 2004. С. 47, 48.
[14] *Осипов Д. О.* К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» (по материалам Троицкого раскопа Великого Новгорода) // Вестник НовГУ. 2011. № 63. С. 51–54.
[15] *Kowalska A. B.* Wytwórczość skórzana w późnośredniowiecznej Dzielnicy Chyżyńskiej w Szczecinie. Szczecin: Muzeum Narodowew Szczeciniei Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2013. S. 35–36; *Wywrot-Wyszkowska B.* Skórnictwo w lokacyjnym Kołobrzegu. XIII–XV wiek. Szczecin: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2008. S. 29–30.

[16] *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 36–40.
[17] Там же. С. 19.
[18] *Осипов Д.О.* Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. С. 193–195.
[19] *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958–1961 гг. М., 1963. С. 84–86; *Янин В.Л. Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 150.
[20] *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 510–511.
[21] *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок. М., 2004. С. 348.
[22] *Taszycki W.* Najdawniejsze Polskie imiona osobowe. Kraków, 1925. S. 57.
[23] *Назаренко Н.И.* Правовое положение иностранцев в отечественном законодательстве XI – первой половины XVII вв.: автореф. дисс... канд. юр. наук. М., 2004. С. 14–15.
[24] *Busch Anna-Lisa.* Die römer zeitlichen Schuh – und Lederfunde der Kastelle Saalburg, Zugmantel und Kleiner Feldberg // Saalburg – Jahrbuch. Bd. XXII. Berlin. 1965. Taf. 30.
[25] *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001. P. 78–79.
[26] *Курбатов А.В.* Изучение древнего кожевенного ремесла сегодня: опыт консолидации специалистов // АВ. Вып. 19. СПб., 2013. С. 246–254.
[27] *Осипов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв. (по материалам охранных археологических раскопок). Тула, 2006. С. 71, рис. 285.
[28] *Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н.* Отчет о работе Новгородской археологической экспедиции за 1990 г. Архив ИА РАН. Р–I. № 15199. С. 13; *Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н.* Отчет о работе Новгородской археологической экспедиции за 1991 г. Архив ИА РАН. Р–I № 16459. С. 15.
[29] Там же. С. 43.
[30] Там же. С. 30.
[31] *Осипов Д.О.* Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. С. 147–148.
[32] *Фоссье Р.* Люди средневековья. СПб., 2010. С. 76.
[33] *Зыбин Ю.П.* Конструирование изделий из кожи. М., 1963. С. 119.
[34] *Осипов Д.О.* Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. С. 146; *Рабинович М.Г.* О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964. С. 102.
[35] Великий Новгород. Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 128.

Б.Б. Овчинникова, Ф.В. Трофимов

О славяно-«чудских» взаимоотношениях в VI–XIII вв.: сферы контактов

Возникшее в IX в. Древнерусское государство объединило в своих границах ряд северных территорий, занятых финно-угорскими (чудскими) группировками. Следствием дальнейшего расширения славяно-русских земель (преимущественно Новгородской и Владимиро-Суздальской) явилось вовлечение новых «чудских» племен в орбиту древнерусской культуры и государственности. Заметим, что еще в начале I тыс. н.э. Северо-Западный регион Руси представлял собой зону активного взаимодействия трех основных групп населения — эстов (летописной чуди), родственной им води и продвинувшихся сюда с юга славян[1]. Первые две составляли древний финно-угорский этнический массив, который поначалу не был единым. Исследователи выделяют в нем две крупные ветви, граница между которыми проходила с севера на юг, от Ладожского озера примерно по линии Волхов–Ловать, иногда смещаясь несколько восточнее или западнее[2].

Что же касается существовавшей границы между территориями расселения балтских и финно-угорских племен, то она может быть определена, опираясь на данные гидронимии. В настоящее время финно-угорская гидронимия обнаружена во всех регионах северо-западной России, включая также почти всю территорию Тверской области. Ее южная граница проходит немного севернее Смоленской области, далее по северу Белоруссии и реке Даугаве в Латвии. Также было доказано присутствие древней финно-угорской гидронимии на северо-западе Белоруссии — в бассейне Западной Двины[3]. Вместе с тем северная граница древней балтийской гидронимии протянулась по линии Рига – Великие Луки – Тверь, а южная — по р. Припять[4]. Таким образом, две данные гидронимические зоны накладываются одна на другую, создавая переходный пояс.

В первых веках нашей эры этническая граница между двумя основными этнокультурными зонами северо-запада Русской равнины: финно-угорской — на севере и балтийской — на юге, — не только обладала свойствами этноконтактной зоны, но и была подвижной. До прихода славян на территорию Русской равнины балты оттеснили финно-угров несколько к северу (или же ассимилировали проживающие по соседству финно-угорские группировки)[5] (Рис. 1). Граница между отмеченными двумя этнокультурными зонами начала нашей эры превратилась в последующем в основной этнографический рубеж северо-запада Русской равнины, «проявляясь» в границах почти всех последующих этнокультурных образований. Тем не менее ареал балтского расселения в тот период *не позволял осуществляться прямым славяно-финно-угорским контактам*[6]. Ситуация изменилась в середине I тыс. н.э. В этот период происходят значительные природно-климатические изменения на территории Средней Европы, совпавшие с масштабными миграционными процессами во всей Европе. Следствием подобных событий стала миграция славянских племен с территории Повисленья на восток.

Исходя из анализа существующих источников, большинство исследователей, рассматривая миграцию славян на территорию северо-восточной Европы, склонны разделять ее на несколько волн, различных по времени проникновения, особенностям акклиматизации на ней и последствиям, которые они оказали на дальнейшую этно-

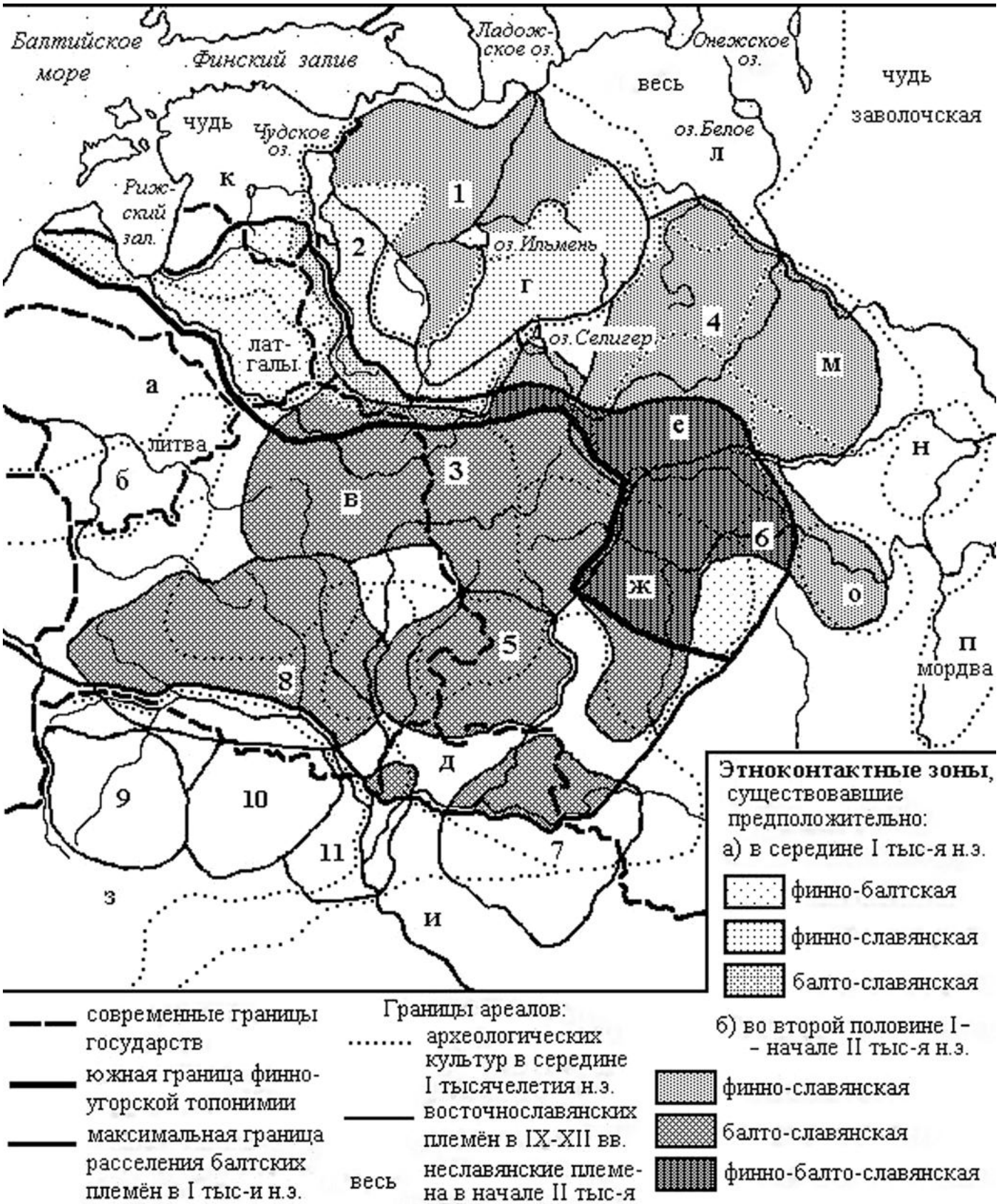


Рис. 1. Карта расположения этноконтактных зон Северо-Западной Руси. Середина I тыс. н. э. – нач. II тыс. н. э. По: *Манаков А. Г.* Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002

политическую ситуацию в этом регионе. Опуская рассмотрение волн славянской миграции, представленные весьма подробно в работах В. В. Седова, Г. С. Лебедева и др.[7], остановимся лишь на вопросе расселения ильменских словен к низовьям реки Волхов. Этот процесс являлся наиболее важным для становления русской государственности в ходе славянской миграции на северо-запад, проходившей в течение VIII в. Естественно, это расселение не было одновременным. Оно, как и всякое другое мирное расселение этнически чуждой общности в среде коренного населения, происходило постепенно, поэтапно, на протяжении всего VIII в. На каждом этапе этого процесса словене вступали в определенные отношения с местным аборигенным населением, характер которых зависел от степени удаленности от их первоначальной племенной территории. Как известно, область Ильменского Поозерья тогда для местного «чудского» населения не представляла большого интереса, жизнь там была неблагоприятной для них. Это объясняет довольно низкую плотность населенности данной области. Однако севернее ее, у низовьев Волхова, она была выше, и по течению Волхова от истока и до устья плотность увеличивалась. Необходимо заметить, что проникновение словен, проходившее в непосредственной близости от побережья Волхова, осуществлялось гораздо интенсивнее и быстрее и завершилось уже к середине VIII в.[8] Возможно, этот район был наиболее благоприятным для расселения пришельцев. Не случайно принято считать, что «чрезвычайно выгодное географическое положение в месте, где сходились обширные системы рек лесной зоны и имелись плодородные почвы», определило роль Поозерья и истока Волхова к IX в. как центра славянского расселения[9].

В IX–X вв. в различных регионах восточного славянства появляются ранние города-поселения особого типа[10], которые были очень пестрыми в этническом отношении. Например, в Новгороде население складывалось из словен ильменских, кривичей, вятичей, радимичей и финских племен с окраин Новгородской земли. В числе жителей Изборска были псковские и смоленские кривичи, словене из Приильменья, радимичи[11]. Такой же характер «точечных этноконтактных зон» имели и другие древнерусские города. Так, в Старой Ладоге проживали и словене ильменские, и кривичи, и чудь, и балты, и варяги[12]. В XII в., когда Новгородская земля стала самостоятельной единицей Древней Руси, в летописях стали называть три ее главных центра — Новгород, Псков и Ладога. Если Новгород был центром словен, Псков — кривичей, то Ладога выступала в качестве центра славяно-финского населения нижнего Волхова и юго-восточного Приладожья. Прежние племенные названия были заменены территориальными: новгородцы, ладожане и псковичи[13].

В XII–XIII вв. основу населения Приильменья и Псковщины уже составляли славяне, но в северных областях расширяющейся Новгородской земли еще преобладало финноязычное население. В это время только началась инфильтрация славянского компонента в район юго-восточного Приладожья, заселенного «чудью».

Но, прежде чем говорить о взаимодействии славян с местным населением, обратимся к вопросу о «загадочной чуди», народу, который стал ближайшим соседом славян. Известно, что этот народ упоминается в средневековых письменных источниках, и в первую очередь в летописях, среди иноязычных данников Руси: *чудь*, весь, водь, ижора, корела, меря, мурома, мещера.

Впервые к проблеме о происхождении загадочного народа «чудь» обратились ученые в XVIII в. Изучение сведений о нем началось с выяснения этнической принадлежности. Однако отсутствие методологической базы, наработанных письменных и масштабных археологических источников по исследуемой проблеме порой вынуждало первопроходцев делать чисто умозрительные заключения по этому вопросу. В связи с этим авторитетные исследователи, такие как Г. Ф. Миллер, А. В. Шлецер, М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, Г. З. Байер и др., выдвигали различные, зачастую противоположные гипотезы происхождения и этнической принадлежности «чуди». В частности, Г. Ф. Миллер в «Речи о происхождении народа Российского» сообщал, что «чудь» знаменует на русском языке «вообще первобытных жителей: ибо ежели вы на берегах Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрепление, могилу, древнее здание, спросите у жителей: кто соорудил их? То они вам ответствуют: Чудь, народ, который обитал здесь прежде русских»[14]. Что касается Г. З. Байера, то он отождествлял чудь и скифов[15] и т. д.

Интерес к чуди, возникнув в исторических трудах XVIII в., в результате дальнейшего активного накопления материала и изучения источников вылился во множество работ, затрагивающих различные области как «чудской» проблемы, так проблемы их взаимодействия со славянами. Многозначность термина «чудь», с одной стороны, упоминаемого в западноевропейских сочинениях и древнейших источниках русской истории, таких как Первоначальная летопись, а с другой — сохранившегося в народных преданиях, также вызывала множество мнений и у историков XIX в. Одни утверждали, что «нынешние финские обитатели русского севера суть прямые потомки древней «чуди»[16], другие скептически отвергали это положение, ссылаясь на его преждевременность «при современном запасе сведений по антропологии финнов нынешних и прежних»[17]. Третьи видели в названии «чудь» обобщение всех чуждых по происхождению и языку русским[18].

Заметим, до сих пор вопросы о восприятии славянами их соседей в образе загадочного чудского населения, территории обитания отдельных группировок «чуди», выявление характерных особенностей их материальной культуры, а также взаимоотношений друг с другом остаются дискуссионными, вызывая порой разногласия, а значит, продолжают составлять одну из актуальных проблем современной истории. Сегодня их решение происходит на основе комплексного привлечения материалов топонимики, лингвистики, антропологии, этнографии, археологии и, конечно же, письменных источников. Заключенная в них информация, прекрасно дополняя материалы археологических и топонимических исследований, дает возможность более полно описать «чудские земли» и непосредственно их обитателей во взаимодействии со славянами. Основными работами, на наш взгляд, в настоящее время являются исследования отечественных историков и археологов: В. В. Седова, Е. А. Рябинина, Р. А. Агеевой, Н. В. Хвощинской, В. Я. Конецкого и др.[19] Современные точки зрения можно резюмировать следующим обра-

зом — в древнерусской традиции этноним «чудь» употреблялся в двух значениях: *широком,* обозначающем либо все западно-финские племена, либо вообще «все неславянское население Северо-Восточной Европы»[20]; и *в узком,* — в значении эстов.[21] Последнее все чаще обращает на себя внимание, когда «чудь» выступает в тождестве с «эстами». Именно здесь, прежде чем приступить к освещению вопросов, раскрывающих судьбу исчезнувшего народа под названием «чудь» и его взаимоотношений с ближним соседом — славянами, попытаемся обратиться к этнониму «эст» и определиться *с соотношением этнонимов «чудь» и «эсты»,* встречающихся в источниках.

Принимая точку зрения о том, что этнонимы «чудь» и «эсты», употребляемые в средневековых письменных источниках начала II тыс. н.э. и в более позднее время, относятся к предкам современных эстонцев — эстам[22], не нужно забывать того, что для более раннего времени такое тождество понятий совсем не было характерным. Слово «эст», «эсты», впрочем, как и «чудь», — не самоназвание финно-угорских племен Восточной Прибалтики. Именно так называли последних их соседи, германцы и славяне[23] (латыши называют эстонцев igauni, по древней южно-эстонской земле Уганди; финны — virolaiset, по северной земле Вирумаа). Термин «эст» — германского происхождения, в переводе означает «восточный». Этим понятием германцы обозначали негерманские племена (в основном, племена балтов[24]), заселявшие побережье Балтийского моря «к востоку от устья Вислы вплоть до Финского залива»[25]. В I тыс. н.э. происходит постепенное сужение этого понятия, что было обусловлено рядом внешних факторов. В конце IV–V вв. в Европе, в частности, на землях, населенных славянскими племенами, произошли серьезные природно-климатические, этнокультурные и миграционные потрясения. Сильное похолодание в V–VI вв. вызвало ряд сопутствующих природных катаклизмов. Особенно губительным образом это отозвалось на хозяйственно-экономической отрасли славянских племен, базирующейся на пашенном земледелии[26]. Но главное — это «Великое переселение народов», приведшее к полной перекройке этнической карты Евразии того времени. Произошло смешение племен различного этнического происхождения и культурных традиций. Для Восточной Прибалтики наиболее значительным был процесс оттеснения балтов славянами-переселенцами, которые в свою очередь привели к оттеснению прибалтийских финно-угров на более северные территории, примерно соответствующие границам современной Эстонии и части северо-западной Новгородчины. Многовековая, «не менее пяти-семи веков»[27], стабильная этнокультурная ситуация, характеризующаяся соседством балтских, финно-угорских и славянских племен, была нарушена. Если раньше «балтийские народы у верховьев Днепра распространялись так далеко на восток, что образованный ими клин лишал славян возможности войти в соседство с прибалтийско-финским племенем»[28], то теперь происходила активная инфильтрация славян в балтский этнокультурный массив[29]. В этих условиях происходит сразу несколько очень интересных явлений: с одной стороны, скандинавы начинают обозначать термином «эсты» именно племена восточно-прибалтийских финнов как своих ближайших соседей на востоке[30], с другой, остальные германские племена по традиции именуют «эстами» балтские племена (пруссов, сембов и куршей). В дальнейшем с процессом накопления знаний название «эсты» все больше закреплялось за прибалтийскими финнами. В чем, несомненно, значительную роль сыграла скандинавская традиция, опирающаяся на мнения средневековых авторов. Это достаточно наглядно иллюстрируется сообщениями письменных источников: Русские летописи называют эстонцев «чудью» и их страну «Чудской землей», выделяя иногда отдельные эстонские группировки (например, сосолов). В свою очередь этимология собственно имени «эстии», по мнению Н. В. Хвощинской, все же не ясна. «Сообщения об „эстиях“, приводимые в сочинениях Тацита (конец I в. н.э.), а затем Иордана (середина VI в. н.э.), весьма туманны, и не могут быть безоговорочно соотнесены с реальными эстами, населяющими территорию Эстонии. В них эстиями могли называться либо западно-балтские племена, либо это было обобщающее имя прибалтийских народов (Ф. А. Браун, Х. Моора, А. С. Бобович). Эсты в сообщении Вульфстана (IX в.) ассоциируются с пруссами»[31]. Саксон Грамматик на место эстов ставил куршей и сембов. Изменение значения произошло, видимо, в X в., что, как представляется, связано с развитием скандинавской письменности, в которой под эстами с давних пор понимали только «чудь».

И все же учитывая сообщения, имеющиеся у Тацита, Кассиодора, Иордана, Эйнхарда, Вульфстана, Адама Бременского[32], а также в русских летописях и скандинавских источниках, ряд исследователей предлагают следующий вывод: понятие «эсты» на протяжении I тыс. н.э. постепенно сужается и конкретизируется, последовательно обозначая все меньшие по составу племенные группы балтов и финно-угров, а в конце концов остаются только племена прибалтийских финнов — предков нынешних эстонцев.

Что же касается проблемы, связанной с «чудью», то она сложна и многообразна. В историографии предложено множество этимологических объяснений этому слову, а в топонимике, наряду с древним пластом наименований финского происхождения, имеется немало вторичных, связанных с собственным именем Чудим[33]. Исследователями выдвигается две точки зрения на проблему происхождения данного этнонима: первая — слово «чудь» берет начало в славянской языковой среде. Одним из первых такое мнение высказал В. И. Даль в своей словарной статье «Чудо»[34]. Этот этноним, зафиксированный в памятнике в латинизированной форме, подразумевает под собой племя или группу племен, которые произвели на славян-пришельцев вполне определенное впечатление, которое и зафиксировано в их названии. Местные жители показались славянам странными, необычными, чуждыми[35]. Однако такая расшифровка этого термина не бесспорна. Ряд исследователей сомневается в славянском происхождении этого этнонима[36] и выводит этимологию слова «чудь» из общегерманского *þjod* через готское *þjuda* (народ)[37]. В доказательство своего утверждения они указывают на то, что, во-первых, Иордан мог ошибочно принять это слово за особый этноним, в силу того, что «приведенные этнические названия звучали, несомненно, чуждо для автора»[38], во-вторых, этноним «чудь» впоследствии упоминается только в древнерусских источниках, в-третьих, нет достоверных данных о

том, что этот этноним являлся самоназванием или принятым у соседних народов именем некогда существовавшего племени [39]. Как мы видим, и сегодня исследователи не могут прийти к определенному решению по этой проблеме, в частности, А. И. Попов считает, что «все эти сближения и этимологии лишены доказательств» [40]. Тем не менее большинство ученых, занимающихся схожими проблемами, признает достоверность сведений Иордана об этнополитической ситуации в Северо-Восточной Европе в то время. А значит, можно либо связывать появление этнонима «чудь» непосредственно со славянской миграцией, либо говорить о его принадлежности к германским языковым корням. Однако несомненным является тот факт, что этот термин с определенного времени (VI в. н.э.) уже бытовал в славянской языковой среде.

В дальнейшем, с расселением славян, данный этноним начинает существовать в двух «измерениях»: *конкретно-историческом,* подразумевая группу финно-угорских племен (в более узком значении — эстов); *и легендарно-мифологическом,* характерном для народного сознания. В последнем «чудь» обозначает некий загадочный народ, который славяне, а также народы, контактирующие с ними в процессе расселения, наделяли весьма своеобразными признаками. И чем дальше шло расселение славян на восток, тем больше предания о «чуди» обрастали фантастическими деталями: специфическими особенностями внешнего облика — мохнатостью, красной или черной кожей, белыми глазами, нестандартными размерам тела (карлики либо великаны), странным поведением (самоубийство, самопогребение, сыроядение) [41]. Согласно преданиям, именно такой народ, именуемый «чудью», был зафиксирован на огромной территории от Русского Севера до Алтая.

На наш взгляд, в связи с этим ценными и плодотворными в изучении этой проблемы явились попытки, предпринятые с позиций языкознания. Исследования в области сравнительного языкознания и общей истории еще с XIX в. породили в исторической науке несколько гипотез о происхождении народов, заселяющих Русский Север. Признание получили как финская теория происхождения этих народов, так и угорская (алтайская) теория происхождения финского племени, особенно хорошо разработанная в трудах известного финнолога М. А. Кастрена. В своей работе «Замечания о заволочской чуди» [42] автор, отождествляя древних обитателей Русского Севера с биармами, пришел к выводу об их корельских корнях [43]. О «Чудских племенах в России» и «О чудских копях» писал и профессор Эйхвальд [44]. Весьма интересные исследования в этой области по вопросу о «чуди» принадлежат и академику А. И. Шегрену [45]. Угорскую теорию происхождения ряда чудских народов разрабатывал Д. Европеус. По его теории, большинство древних насельников Русского Севера, а также средней России до Оки населяли угорские народы, к которым он причислял, в частности, летописную весь, мерю и мурому [46]. Сегодня, если говорить об угорских народах вообще, согласно достижениям в языкознании, то, как отмечал А. К. Матвеев, угры появились в Приуралье в течении I тыс. н.э. в результате вторичной миграции, проходившей с востока, из Западной Сибири на запад. Согласно проведенным исследованиям, А. К. Матвеев подчеркивал, что этногенез угров — долгий процесс, и ядро формирования их как этноса находилось в Зауралье, в Западной Сибири [47]. Однако следует отличать финно-угров от угров.

С XIX в. также идет активное накопление и систематизация *археологического* материала. В этом направлении изучение финно-угорского компонента получило отражение в работах Н. Е. Бранденбурга, В. Я. Толмачева, А. Е. и Ф. А. Теплоуховых, А. А. Спицына, Й. Р. Аспелина, А. Хакманна, А. М. Тальгрена, А. С. Уварова и др. Так, исследования Н. Е. Бранденбурга стали новой вехой в изучении археологических памятников Северо-Запада России. Его работы касались особенностей погребальной обрядности местного населения данного региона. Именно Н. Е. Бранденбургу принадлежит первая попытка в разработке методики выявления этнической принадлежности раннесредневековых памятников на Северо-Западе Руси. Так называемый «синтетический» метод исследователя заключался в выделении характерных признаков в серии погребальных памятников, ограниченной во времени и пространстве. Сведения же о последних предполагалось извлечь из письменных источников. К сожалению, работа Н. Е. Бранденбурга была практически не замечена исследователями, и в историко-археологическом изучении наступил тридцатилетний период так называемых «спицынских интерпретаций», теоретико-методологическая основа которых была чрезвычайно близка «синтетическому» методу Н. Е. Брандербурга [48].

Сборы А. А. Спицына привели к формированию достоверной фактологической базы археологических источников древнейшего периода истории Руси. Немалый вклад внес исследователь и в проблему археологического изучения «чуди». Но не следует забывать, что этому предшествовала кропотливая работа археологов на Урале, т. к. основу «спицынского собрания» составили коллекции «чудских образков», или «чудских идолов», А. Е. и Ф. А. Теплоуховых, В. Я. Толмачева и др. (Рис. 2, 3). Напомним, что в 80-е гг. XIX в. А. Е. Теплоухов начал научную обработку собранных им материалов с западных предгорий Урала в бассейне р. Камы, пытаясь выяснить, к какой этнической группе принадлежит этот народ. В частности, он писал, что жителями нынешних уездов Пермской губернии — Соликамского, Оханского, отчасти Пермского и Кунгурского — «были, вероятно, финны, т.к. все притоки Камы носят финские названия. Финны и теперь живут в небольшой долине Яйвы в Соликамском уезде под названием пермяков. К северу и западу находятся другие родственные племена под названием зырян и вотяков — в Вологодской и Вятской губерниях. Старинное исчезнувшее финское племя, которое прежде населяло вышеназванные уезды на Урале, было известно под общим названием «Чудь» [49]. А. Е. Теплоухов отмечал, что племя не было вытеснено русскими при освоении края. По его мнению, русские пришли сюда на уже поросшие лесом *чудские* городки (селища). Одним из исследованных А. Е. Теплоуховым городков «чуди» является селище близ с. Кудымкорское. Систематически пополняя коллекцию отца, Ф. А. Теплоухов с 1892 г. начал обработку имеющихся материалов. В 1894 г. состоялась его лекция на тему «Пермская чудь и ее культурная обстановка». К 1899 г. Ф. А. Теплоухов завершил большое исследование, оставшееся неопубликованным, — «Период древнейших

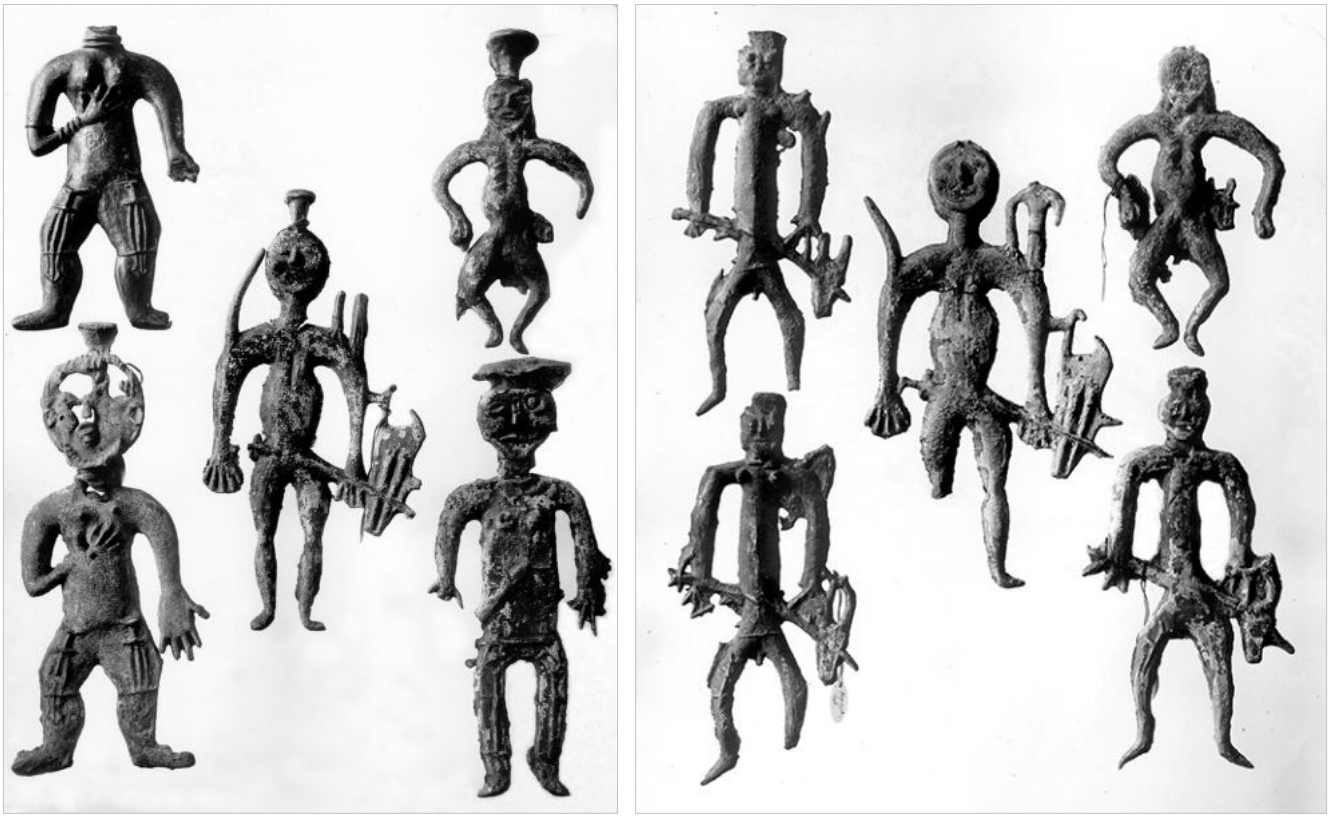


Рис. 2, 3. Клад из медных «чудских идолов». Деревня Большая Кызыловка, б. Екатеринбургский уезд, б. Пермская губерния. Найден в 1905 г. и доставлен В. Я. Толмачевым в 1911 г. Хранится в ГЭ. Фото И. Ф. Чистякова. 1912 г. Фотоархив ИИМК РАН, СПб.

костищ». До настоящего времени это единственная работа, содержащая описание памятников типа «костищ» и всех найденных на них вещах. В результате своих работ Ф. А. Теплоухов определяет костища уже как древнейшие жертвенные места *прикамской чуди*, расселяя их в западной половине Пермской губернии[50]. Основным и важным итогом работы Теплоуховых является коллекция *«чудских древностей»*, иногда называемая «коллекцией Теплоуховых». Ф. А. Теплоухов проделал огромную работу по подготовке атласа, вышедшего в 1902 г. с предисловием А. А. Спицына[51]. Именно эта работа А. А. Спицына повлияла на многие построения последующих исследователей.

Археологические материалы и сегодня продолжают являться бесценным источником информации по истории и культуре финно-угорских народов, и «чуди»-эстов в частности. В этом плане в современной археологии нельзя не отметить фундаментальную работу Н. В. Хвощинской, посвященную изучению археологических древностей Северо-Запада Новгородской земли. В процессе исследования она выделила в материальной культуре этноопределяющие признаки, характеризующие вклад трех основных групп населения Северо-Запада Северной Руси — эстов (летописной чуди), родственной им води и славян — в ее сложение[52]. В своей работе она убедительно показала, что характер взаимоотношений многоэтничного населения региона является одним из ярких примеров отражения процессов, происходивших на периферии древнерусского мира.

Говоря о вкладе археологии в данную проблему, хотелось бы обратить внимание еще на один факт. Благодаря археологическим исследованиям стало возможным *картографическое* распределение погребальных сооружений как славянских племен, так и «чуди». Сегодня картографический анализ различных категорий древностей и особенностей погребального обряда позволяет установить территорию некоторых летописных чудских группировок в конце I – начале II тыс. н. э. В исследованиях последних десятилетий сделаны заметные усилия в более дробном изучении чудских летописных группировок. Вместо огромных и аморфных в культурном отношении объединений выявляются более компактные группы, входившие в состав племенных союзов, но значительно отличающиеся друг от друга. Примером этого может служить один из крупных районов расселения восточных финно-угров, обозначенных Е. А. Рябининым, — территория Волго-Окского междуречья. Здесь выделяется несколько регионов с чудскими древностями[53]. В целом картографирование чудских курганов фиксирует ту ситуацию, которая сложилась в землях Северной Руси в ходе славянской колонизации. Ряд финно-угорских племен, заселявших, в частности, южные районы Новгородско-Псковской земли, уже был почти полностью ассимилирован и утратил свои этнические особенности. Активно проходивший в северных областях Руси процесс культурного взаимодействия отразился, как уже отмечалось выше, и в археологическом материале[54].

Если в X–XI вв. для ряда этнокультурных областей можно выделить характерные, свойственные только данному району, типы чудских древностей (например, в памятниках владимирской мери, приладожской чуди), то уже в XI в. начинается качественно новый процесс, особенно усилившийся в XII–XIII вв.: большинство финно-угорских древностей этого позднего периода теряет

свою племенную «окраску» и распространяется на широких территориях. Примером могут служить известные шумящие коньковые подвески.

Ассимиляционный процесс, развернувшийся в северных землях Руси, имел длительный, затяжной характер. Но археологически он прослеживается в основном лишь до XIV в. В последующий период исчезает ведущий источник для изучения рассматриваемой проблемы — многочисленные курганные захоронения. Лишь на северо-западных окраинах Новгородской земли курганно-жальничный обряд доживает до более позднего времени (XV–XVII вв.). О продолжающемся славяно-финском взаимодействии в эпоху средневековья сообщают письменные источники, фиксирующие поселения «чуди» и в Новгородской земле, и в Белозерско-Пошехонском крае, и в окрестностях Галича Мерского и Чухломы (Костромская область), и на Архангельском Севере и в Мещерской низменности. Таким образом, даже в XIV–XVII вв. на некоторых территориях, издавна освоенных русским населением, потомки древних финно-угорских племен сохраняли свой язык и свою культуру.

Так, привлечение различного вида источников (данных языкознания, археологии, письменных памятников) к изучению настоящей проблемы позволяет конкретизировать наши знания об исторических судьбах «иных языцей», заселявших северные области Руси, и проследить механизм взаимодействия «чуди» со славянским миром в различных сферах их контактов: политических, экономических, культурных, религиозных.

Политические отношения славян и чуди на протяжении VI–XIII вв. характеризовались большой активностью. *До X в.* они развивались в форме межплеменного взаимодействия, совместного участия в организации и функционировании торговых путей, противостоянии общей внешней опасности в лице скандинавских викингов. Письменные, в первую очередь летописные, источники свидетельствуют о совместном участии славян и чуди в важнейших политических событиях того времени. В IX в. и славяне, и чудь в равной степени оказались данниками варягов. Этот факт фиксируется в летописи (ПВЛ) под 6367 (859) г.[55] Даннический гнет со стороны скандинавов стал фактором консолидации разных в этническом отношении племен. Совместные их действия привели к изгнанию варягов и прекращению уплаты дани[56]. Однако, как это часто бывает, утрата внешнего консолидирующего фактора привела к раздорам внутри межэтнического союза и межплеменной борьбе[57]. Между тем, славянская и чудская знать не была заинтересована в подобных столкновениях. Для того, чтобы эффективно использовать торговые пути, активно функционирующие в этот период (главным образом, волжско-балтийский торговый путь, затем и путь «из варяг в греки»), была необходима стабильная этнополитическая ситуация на всем их протяжении. Славянская, чудская и балтская знать нашла сбалансированный и перспективный выход из межплеменной распри и международного кризиса[58], использовав надплеменные, по наблюдению В. Т. Пашуто, нейтральные в отношении племенного сепаратизма силы, прежде всего в общих интересах социальной верхушки северной конфедерации славянских и финских племен[59]. Кроме того, призвание Рюрика из западной Балтики позволило создать эффективный военно-политический противовес набегам викингов и стабилизировать ситуацию в масштабах всего Балтийского моря[60]. Подобный союз славянских и чудских племен для обеспечения нормального функционирования торгового пути является, как считают исследователи, показателем достаточно высокого уровня социально-экономического и политического развития этих племен[61]. Тем не менее переоценивать равенство сторон в подобном союзе не следует — славянский компонент играл решающую и абсолютно доминирующую роль во всех областях жизни древнерусского общества[62].

Завершением догосударственного этапа политического взаимодействия славян и «чуди» стал поход войска северорусского князя Олега, состоящего из ополчений словен, кривичей, чуди, мери, веси и варягов, на Любеч и Киев в 882 г., который знаменовал окончательное объединение Верхней Руси и Русской Земли Среднего Поднепровья в единое Древнерусское государство[63].

Со времени образования Древней Руси характер их изменился. *Период X – XIII вв.* был начальным периодом славянско-чудского взаимодействия при наличии политических, этнических и конфессиональных границ (христианство на Руси, язычество у чуди). Часть чуди, оказавшаяся на территории древнерусского государства, а затем Новгородской республики, начала воспринимать элементы материальной культуры соседей — новгородских словен и псковских кривичей. Начиная с XI в. и в течение XII в. Новгород выстраивает даннические отношения с чудью (эстами). В результате ряда успешных походов значительная часть материковой Эстонии оказалась под влиянием древнерусского государства. Процесс ассимиляции чудских племен протекал сравнительно медленно, поэтому в данный период можно говорить скорее об анклаве чуди на русской территории.

Политическое взаимодействие славян и «чуди» в данный период проходило по двум направлениям: *внутриполитическое*, под которым подразумевается совокупность этносоциальных и культурных процессов, идущих в среде формирующейся древнерусской народности, важнейшую роль в образовании которой сыграли чудские и восточно-славянские племена; и *внешнеполитическое*, обусловленное естественным стремлением любого государства (в нашем случае Древней Руси) включить в сферу своего политического влияния как можно больше соседних племен.

Несмотря на то, что большинство чудских племен сразу с возникновением Древней Руси как государства было вовлечено в его политическую орбиту, собственно «чудь» — группа восточно-прибалтийских племен эстов, «присядащих к морю Варяжску», — занимала особое положение. Это выражалось, прежде всего, в признании главенства Киевского и Новгородского князей и уплаты дани. Сравнительная отдаленность от важнейших торговых путей городских центров с их полиэтничным населением, незаселенность побережья Восточной Прибалтики славянскими племенами, невозможность ведения пашенного земледелия на данной территории — все это привело в конечном счете к тому, что эсты не были под прямым политическим влиянием империи Рюриковичей. Вовлечение их в свою политическую орбиту стало важнейшей задачей для всех новгородских, а впоследствии и псковских

князей. Политическая граница между древнерусским государством и чудью-эстами, прошедшая несколько западнее этнической границы[64], образовалась при Святославе к 972 г. В дальнейшем она стала очень стабильной, просуществовав с небольшими изменениями вплоть до начала Северной войны (1700 г.). Однако в рассматриваемый период она была довольно подвижной, что связано в первую очередь с активной политикой древнерусских князей в этом направлении. В конце X – начале XI вв. границы древнерусского государства временно отодвинулись далеко на запад. По древним источникам известно, что варяги и русские из Новгорода и Изборска собирали дань среди эстонских племен, которые временами вынуждены были платить дань также датчанам[65]. Непосредственный сбор дани находился в руках местной знати, которая неоднократно привлекалась на службу князьями Древней Руси[66]. Владимир Великий, а затем Ярослав Владимирович брали дань со всей «лифляндской чуди»[67].

В политической истории Древней Руси X–XIII вв. есть факты как военного сотрудничества с эстами, так и военных конфликтов с ними. Так, к первому можно отнести участие эстов в военном походе Олега на Константинополь[68]. В договоре Олега с греками 907 г. упоминаются дружинники, имена которых звучат совершенно по-эстонски[69]. В 980 г. эсты участвовали в военном походе Владимира против Полоцка[70], а в 988 г. — в походе против печенегов[71]. Имеются сведения и о вооруженных столкновениях между русскими и эстами в X–XI вв. Так, в 997 г. киевский князь вынужден был организовать военный поход против эстов, которых он заставил снова платить дань[72]. В течение XI–XII вв. русские князья неоднократно пытались покорить эстонские племена. Продолжительный период ожесточенной борьбы княжеских партий в Новгороде дал возможность эстонским племенам восстановить свою политическую независимость. В 60-х и 70-х гг. XII в. Новгород и Псков были вынуждены придерживаться оборонительной политики по отношению к эстам. Эстонские племена несколько раз (например, в 1176 г.[73]) опустошали окрестности Пскова и другие новгородские владения. В 1179 г. князь Мстислав Ростиславович, собрав 20-тысячное войско, завоевал Эстонию вплоть до моря[74], но его целью было лишь отомстить эстам за обиды, нанесенные Новгороду и Пскову[75]. По-видимому, подобный же характер имели военные походы князя Ярослава Владимировича 1190[76], 1191[77], 1192[78] гг. С 90-х гг. XII в. до 1210 г. все племена, населявшие территорию Эстонии, временно освободились от платежа дани Пскову и Новгороду.

Автор «Хроники Ливонии» с удивлением отмечает своеобразные черты русской политики в Прибалтике. По его словам, русские князья отнюдь не стремились к тому, чтобы насильственным крещением закрепить свое господство над местными племенами, окончательно уничтожая их политическую самостоятельность, а требовали от них лишь «покорности в смысле уплаты податей и денег»[79]. Вероятно, в Прибалтике в начале XIII в. уплата дани была не особенно тяжелой формой зависимости от победителя; в некоторых случаях дело ограничивалось изъявлением покорности и уплатой своего рода символической дани. Местом же остановки князя или сборщиков дани в Древней Руси, как известно, являлись «погосты»[80]. Погосты были распространены и во владениях Пскова и Новгорода, а также в землях Смоленского и Суздальского княжеств. Известно, что в XII в. новгородские князья ежегодно весной и осенью ездили на полюдье. Судя по известным отношениям Пскова к латышам Талавы (начало XII в.), иногда сбор дани с зависимых племен Прибалтики происходил и при помощи вооруженного отряда даньщиков. Из-за отсутствия источников нет возможности определить различные статьи и повинности, входившие в состав дани, уплачиваемой натурой. По-видимому, одной из главных статей дани были меха. На основании разрозненных данных, встречающихся в летописях, можно лишь догадываться, что дань, уплачиваемая деньгами или серебром, была распространенным явлением. Так, например, в середине XI в. одно из эстонских племен обязывалось ежегодно платить по 2 тыс. гривен. Завоеватели в XIII в. находили у эстов большие запасы серебра. Очевидно, запасы серебра в Эстонии накапливались не только в результате морских набегов, но имели своим источником также торговлю.

Не менее значимым фактором взаимодействия славян и «чуди» являлись и *торгово-экономические* отношения, которые во многом определялись функционированием торговых путей, существующих в то время на территории севера Восточной Европы. Наиболее важными, как уже отмечалось, были важнейшие водные «балтийско-волжский» путь, проходивший по Волхову, и путь «из варяг в греки», которые расходились на Волгу и на Днепр именно в истоке Волхова[81]. Существовали и другие пути, в частности, торговый путь из Пскова — вдоль юго-восточных границ Эстонии, направляясь через землю подвластных Пскову латышей (Талава) к рекам Гауя (лифляндская Аа) или к Западной Двине[82]. Вполне естественным было стремление Новгорода и Пскова обеспечить себе более прямой водный и сухопутный путь через Юрьев, владение которым в течение XI–XII вв. было главной целью организуемых ими военных походов против эстов. Заморская торговля всегда занимала видное место в хозяйственной жизни Новгорода и Пскова, поэтому они использовали свое политическое и военное влияние или господство в Эстонии, в первую очередь для того, чтобы обеспечить себе наиболее благоприятные условия в торговых сношениях с Готландом, Данией и Любеком[83]. К псковским владениям в свое время относились опорные пункты «в землях летголы и чуди, по всему вероятию незначительные и поддерживаемые собственно для того, чтобы иметь влияние на соседей, вести с ними торговлю и при случае собирать с них дань»[84].

Ошибочно было бы думать, что только русские купцы посещали Эстонию. По всей вероятности, еще в большем количестве посещали эсты Новгород и Псков. В Новгороде существовало наряду с другими чудинцевское купеческое товарищество, упоминаемое в «Рижской долговой книге» 1295 г.[85] Также имелась Чудинцева улица и Чудинцовские ворота, расположенные по соседству с Прусской улицей, а возникновение Неревского конца в Новгороде связывают с поселенцами из района р. Наровы. В новгородских и псковских источниках Чудинов или Чудов — постоянно встречающееся имя, притом среди самых различных слоев общества. Многие из высших административных и военных должностных лиц в Новгороде и других городах но-

сили это имя. Так, например, под 1072 г. известен Чудин в Вышгороде при князе Изяславе[86].

К началу XIII в. коренным образом изменилось направление торговых путей в Европе. После взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г. восточные товары направлялись по Средиземному морю в Италию и Южную Францию. Ярмарки Шампани и города Италии и Фландрии стали торговыми центрами, в которых товары из Азии обменивались на изделия европейских ремесленников. Они же стали снабжать промышленными изделиями Скандинавию и другие страны, расположенные в бассейне Балтийского моря. Торговля на Балтийском море с каждым годом все больше ориентировалась на Западную Европу, а прежние экономические связи со странами Азии ослабевали или вовсе прекращались. Великий водный путь из варяг в греки после взятия Константинополя в 1204 г. «на юге уперся в коммерческий тупик». Однако Новгород нисколько не пострадал от изменения торговых путей. Наоборот, в экономическом и политическом отношениях именно Новгород с XIII в. унаследовал «старейшинство во всей Русской земле».

Коренным образом изменилась также международная обстановка на Балтийском море, что в свою очередь не могло не оказать влияние на славяно-чудские отношения в конце XII–XIII вв. Город Висби на Готланде стал крупнейшим торговым центром на Балтийском море. Однако ключи от выхода из Балтийского моря на запад находились в руках Дании, вследствие чего датчане могли рассчитывать на первое место в торговле с прибалтийскими странами. Но Дания оставалась чисто земледельческой страной, которая свои собственные потребности в промышленных изделиях могла удовлетворять лишь ввозом из Западной Европы. В Германии же, благодаря росту городов и расцвету ремесла, были созданы все экономические предпосылки к торговому и политическому преобладанию на Балтийском море. Ко второй половине XII в. обострилось датско-немецкое соперничество: началась конкуренция с существовавшей до этого факторией готландских купцов, патроном которых считался св. Олаф. По мнению Е. А. Рыбиной, строительством в Новгороде особого Немецкого двора с церковью св. Петра в 1192 г. и заключением договора 1191–1192 гг. начинается новый период в торговых связях Новгорода на западном направлении. Ведущее положение стала занимать не община купцов Готланада, а община немецких купцов. К концу XII в. вся западная торговля Новгорода проходит под эгидой немецких купцов, монополизирующих торговлю в балтийском регионе[87].

Если говорить об эстах, то данная этногруппа, оказавшаяся некогда на окраине славянского расселения, действительно сумела сохранить свои самобытные этнические черты практически до XIII в., когда началось массированное наступление скандинавских и германских феодалов на их земли.

В XIII в. на юге современной Эстонии началась экспансия Ордена меченосцев, а на севере — датчан. К 1227 г. земли эстонских племен были включены в состав Ордена. В 1237 г. Орден меченосцев был ликвидирован, а его земли вошли в состав Тевтонского ордена, став филиалом последнего под именем «Ливонский орден». Эсты были обращены в католичество. В городах Эстонии стали оседать группы немецких переселенцев[88].

История русско-эстонских политических отношений начиная с XIII в. не совпадает с распространенным представлением о международных отношениях, в которых участвуют самостоятельные государства. Эсты рано потеряли свою политическую независимость и в продолжение 700 лет находились под властью иноземных завоевателей, но, несмотря на эти неблагоприятные исторические условия, на протяжении всего тысячелетнего периода, доступного изучению, беспрерывно продолжалось культурное взаимодействие и сотрудничество между народами Прибалтики и их восточным соседом — русским народом.

Продолжительные хозяйственные, политические и культурные связи русских и эстов (прибалтийской чуди) не могли не отразиться в языках обоих народов. Независимо от происхождения, встречающиеся в эстонском и русском языках общие термины являются живыми свидетелями отдельных этапов *русско-эстонских культурных отношений* в средние века.

В эстонском и русском языках встречаются общие слова, относящиеся к торговле и обмену: «kost» (в современном значении — гостинец, подарок) по своему происхождению родственно русскому слову «гость»; «turg», «turu» (рынок, базар, торг), «pud», «put» (пуд), «teng» (деньга), «rubl» (рубль), «sool» (соль), «vaha» (воск), «lodi» (лодка, баржа) и другие слова являются прямыми заимствованиями из русского языка или возникли у обоих народов одновременно в одинаковых исторических условиях[89]. Предметы украшения, включая дорогие раскрашенные ткани, были распространенными объектами средневековой торговли: «prees» — пряжка; «vaap» — краска — окраска — с древнерусским «вап» — краски, предназначенные для окрашивания домашних тканей; эстонское «sinine» с русским «синий» и т. д. Из области социальных и политических категорий можно отметить эстонское слово «raja» (граница, предел) и русское «край»; «ige» — иго; «vabadus» — свобода; «voli» (воля, право) — воля; «pobul» — русское «бобыль» и т. д.

Хотя мы можем лишь более или менее приблизительно установить время происхождения или заимствования отдельных слов, общих или родственных в эстонском и русском языках, но нет никакого сомнения, что экономическое и культурное взаимодействие русских и эстов не прекратилось даже после того, как Эстония оказалась под властью датчан, ливонских рыцарей или шведских завоевателей. Например, эстонское «kuht» (кофта), «jupka» (юбка), «jaam» (станция), от русского «ям», «arsi», «arsin» (аршин), «kabak» (кабак), «parisnik» (барышник), «aken», «akna» (окно) и ряд других слов, несомненно, происходят от русских слов, получивших распространение сравнительно поздно (XIV–XVII вв.)[90].

Задолго до прихода крестоносцев и распространения католичества эстонские племена восприняли от русских слова, относящиеся к христианскому культу и церковным обрядам: «rist» от русского «крест», «papp» — «поп», «ristima» — «крестить», «pagan» (язычник) от русского «поган», эстонское «raamat» (книга, священное писание) от русского «грамота», эстонское «nädal» от русского «неделя», эстонское «räästool» от русского «престол» (в церкви)[91].

Религиозное мировоззрение — это еще одна страница во взаимодействии славян и эстов-«чуди». *Языческие представления* древних эстов и славян всегда вызывали определенный интерес у исследователей. Известно, что в Новгородской Руси даже в XVI в. среди русского населения были распространены некоторые реликты «чудского» язычества, весьма глубоко укорененные в сознании местного населения[92]. Подобное явление вызывало сильную обеспокоенность русской православной церкви, в результате чего высшие ее иерархи неоднократно отправляли послания в данные земли, в которых подобная языческая практика осуждалась[93], однако по большей части положение оставалось прежним. В этой связи будет весьма интересно выяснить особенности «чудского» язычества так, как это отразили источники VI–XIII вв.

С привлечением, на наш взгляд, основных сочинений, попытаемся раскрыть данный вопрос: ими являются сочинение Адама Бременского (конец XI в.) «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (Magister Adam Bremensis «Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum»), «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского («Heinrici Chronica Livonae» — первая половина XIII в.) и эстонский эпос Калевипоэг (Kalevipoeg). Большей информацией по интересующему нас вопросу обладают два последних произведения: работа Генриха Латвийского, непосредственного участника и очевидца покорения Эстонии, в которой он описал некоторые моменты языческих обрядов и представлений эстов, и эстонский народный эпос «Сын Калева», собранный в XIX в. на основе традиционных эстонских преданий, песен и сказок.

Однако в сочинении Адама Бременского, относящегося к более раннему периоду, достаточно кратко, но очень ярко описаны некоторые языческие представления эстов, о которых автор услышал и воспринял: «Кроме того, нам говорили, что в означенном море (Балтийском — *Б.О., Ф.Т.*) есть еще много других островов, среди которых и крупный остров Эстланд, не уступающий по величине предыдущему (Курланду — *Б.О., Ф.Т.*). Его жители совершенно не знакомы с Богом христиан, они поклоняются крылатым драконам, которым даже приносят в жертву живых людей, приобретая их у купцов; да проверяют весьма тщательно, чтобы на теле у жертвы не было ни единого пятнышка, а иначе, по их словам, драконы ее отвергнут...»[94]. Итак, Адам фиксирует три основных факта, связанных с религиозной традицией эстов: во-первых, они «не знакомы с Богом христиан», следовательно, являются язычниками; во-вторых, «поклоняются *крылатым драконам*»; в-третьих, своим богам (драконам) приносят людские жертвы, тщательно проверяя тела жертв на чистоту, незапятнанность. Степень исторической достоверности подобного сообщения реальности оценить достаточно трудно. Не вызывает сомнения только языческий характер «чудской» религии, то, что эсты — язычники, было известно всем средневековым авторам, которые всегда акцентировали на этом внимание, осуждая подобное явление. Вопрос о поклонении эстов драконам — достаточно спорный. Есть некоторые факты, подтверждающие возможность подобных верований. Змеиные мотивы в религиозных традициях народов Прибалтики и Эстонии весьма сильны: в эстонских археологических материалах большое место занимают предметы со змеиным орнаментом[95], подобные сообщения подтверждаются более поздними сведениями о Восточной Прибалтике — Генрих Латвийский писал, что некоторые горы в Прибалтике кишели «змеями и червями», по нечистоплотности населения[96].

Древнерусские летописи под 1071 г. помещают любопытное сообщение о посещении одним новгородцем Чудской земли и общении его с одним кудесником, который так описал ему своих богов: «бози наши живут въ бездънахъ; суть же образомъ черни и крилатЂ, хвосты имуще; въсходят же и под небо, слушающе ваших богъ: ваши бо бозЂ на небесЂ суть; и аще кто умрет от ваших людии, то возносимъ есть на небо; аще ли от наших людии умираеть, то носимъ есть нашим богомъ въ бездну»[97]. Проблема принесения эстами человеческих жертв до сих пор остается под вопросом.

Сообщения средневековых авторов — Адама Бременского и Генриха Латвийского вроде бы подтверждают существование подобной традиции, однако не все исследователи с этим согласны[98]. Известия Генриха о культе и верованиях по большей части — свидетельства очевидца, по-своему трактующего встреченные им явления духовной жизни эстов. Ценность же этих свидетельств Генриха в том, что он первый достаточно детально сообщил о духовном мире прибалтийской «чуди»; сообщения его в ряде случаев подтверждаются данными археологии и этнографии, находят аналогии в соседнем балтийском и славянском мире[99]. У Генриха Латвийского мы встречаем сведения о том, что в целях умилостивить высшие силы эсты приносили в жертву своих домашних животных: «убивали быков и скот в жертву своим богам, чтобы снискать их милость; но при этом убиваемые животные падали все на левую сторону, что означало гнев богов и дурное предзнаменование»[100]. Если Генрих Латвийский и говорит о человеческих жертвоприношениях, осуществляемых эстами, то жертвами всегда выступают представители церкви: «В числе последних было четырнадцать человек, из которых одни были зажарены живыми, других обнажили, сняв одежду, сделали им мечом на спине знак креста и удавили, причислив этим, мы надеемся, к сообществу мучеников на небе»[101]. Так что скорее можно расценивать это явление как политический акт мести, нежели религиозную традицию. Во всех достоверных случаях религиозных жертв у Генриха эсты жертвуют все-таки домашний скот.

В данном источнике содержатся сообщения о том, что Верховным божеством эстов был Тар (Тарапита[102]), судя по словам Генриха, он родился в Виронии и впоследствии обитал на о. Сааремаа, став верховным богом эзельцев. Наряду с Тарапитой существуют и другие — прочие боги[103]. Таким образом, видно, что у эстов того времени существовал политеизм.

Кроме поклонения богам среди «чудского» населения было очень распространено *обожествление рощ*, о чем свидетельствует Генрих Латвийский: «Обрадовалось войско христианское, стало кричать и молиться богу. Кричали и осажденные, обращаясь к своему Тарапите. Одни призывали священный лес, другие Иисуса...»[104]; «...и гнались за ними (эстами — *Б.О., Ф.Т.*) тевтоны из деревни в поле вплоть до рощи и этот их священный лес обагрили кровью многих убитых»[105]. Также Устав Владимира упоминает

о тех, кто «молится в рощениях»[106]. Поклонение языческих народов священным рощам и деревьям общеизвестно[107]. Такие же рощи, называемые луд, были и у удмуртов. «Описание земель» в анонимном географическом трактате XIII в. также упоминает о поклонении прибалтийских народов рощам: «...за богов почитали особые рощи. Усердно следовали гаданиям. А мертвых с конями, оружием и лучшими платьями сжигали, веря, что смогут всем этим и прочим, что сжигается, пользоваться в будущей жизни»[108]. Генрих Латвийский несколько раз описывал, как эсты скрывались в рощах и лесах от преследователей, что, возможно, также связано с их верой в некие сверхъестественные качества данных мест: «...там, в самой густой чаще язычники устроили род защитного оцепления, срубив повсюду кругом большие деревья, чтобы спастись самим и спасти имущество, если придет войско. Когда христианское войско было уже близко, они храбро вышли навстречу, и, пользуясь трудностью дороги, долго оборонялись, но, наконец, не имея сил противостоять множеству, повернули тыл и бросились в лес»[109].

Погребальный обряд эстов не так подробно прописан у Генриха, как бы нам того хотелось, он упоминает об этом только то, что: «эсты, потеряв столько убитыми, и не думали догонять лэттов, много дней печали собирали трупы убитых лэттами и сжигали их в огне, справляя похороны по своему обычаю с плачем и пирами»[110]; «тела своих покойников, погребенные на кладбищах, вырыли из могил и сожгли по старому языческому обычаю; мылись сами, мыли и выметали вениками замки, стараясь таким образом совершенно уничтожить таинство крещения во всех своих владениях»[111]. Таким образом, похоронный обряд эстов во многом походил на обряд, описанный у Вульфстана: тела покойников сжигались, справлялась тризна, с «плачами и пирами».

«Чудские» племена, как и большинство языческих народов Северной и Восточной Европы, не имели священного писания — вся религиозная традиция передавалась устно. В XIX в. ее запечатлел эстонский эпос «Калевипоег». Г. Трусман пришел к выводу, что их языческая религия не знала борьбы между добром и злом. Эст не был стеснен в обычной жизни постоянным вмешательством сверхъестественных сил в его верования, и потому они носили оптимистический характер[112].

Если говорить о других особенностях язычества у эстов, то нужно отметить, что в Эстонии использовались руны, для составления календарей (их продолжали использовать еще в конце XVIII в. — календарь из Хинумаа датируется 1796 г.)[113]. Четверг у эстов почитался священным днем. Языческий календарь делил год на четыре части следующими главными праздниками: Куннипаев (День Плуга, 14 апреля, эквивалентный скандинавскому Дню лета), Каруспаев (День медведя, 13 июля), Коллетамисепаев (День увядания, 14 октября, эквивалентный скандинавскому Дню зимы), и Корьюсеп (День собраний, 14 января, позже скандинавский Праздник середины зимы)[114].

К XIII в., как известно, все чаще в источниках встречаются описания проникновения *христианства* на территорию эстов. Этому способствовало, вероятно, и то, что к XII в. на территории Латвии, на берегу Даугавы, возникли два зависимых от Полоцка княжества — Герцикское (Ерсикское) и Кокнесское[115], где православие прочно укоренилось среди местного населения и церкви посещались не только торговыми людьми и дружинниками князей, но и местным населением. По-видимому, это обстоятельство значительно способствовало распространению православия на юге Эстонии и севере Латвии среди эстов и латышей. Папа Климент III в своей булле к Бременскому архиепископу прямо говорит, что епископство Икскюльское (Икскюль расположен на Двине, в 25 км от Риги) образовано на территории Руси[116]. Генрих Латвийский упоминает, что в 1210 г. русские крестили некоторых эстов в Отепя и обещали прислать священников для крещения остальных, но обещания не выполнили. Позднее эстонцы приняли католических священников из Риги, которые их крестили[117]. Это сообщение согласуется с упоминаниями русских летописей под 6720 г. о походе князя Мстислава Мстиславовича[118] на «чюдь рекомую торму» и взятием дани: «В лѣто 6720 [1212]... Ходи Мьстиславъ на Чюдь, рекомую Торму, с новгородци и много полониша, а скота бещисла приведе. Потом же, на зиму, иде князь Мьстиславъ с новгородци на чюдьскыи город, рекомыи МедвѢжию голову, села их потрати; и приидоша под город, и поклонишася Чюдь князю, и дань на них взя; и приидоша вси здрави»[119].

Русские князья, налагая дань на прибалтийские племена, не затрагивали их религиозной и внутренней политической жизни, не принуждали в вопросах веры. Православие не распространялось насильно, к нему присоединялись только те местные жители, которые сами изъявляли желание принять христианскую веру, и такие случаи были не редки. К примеру, известно, что уже в первой половине XII в. в Новгородской и Псковской епархиях существовали правила, какими следовало руководствоваться при оглашении новокрещеных эстов. Так, в ответах епископа Новгородского Нифонта на вопросы Кирика предписывается начать оглашение чудина наравне с болгарином за 40 дней до крещения[120]. Следовательно, уже во времена епископа Нифонта (1130–1156) среди эстов были случаи обращения в православие. Православие как вероисповедание, вероятно, было ближе эстам, чем католичество[121]. Языческие верования славян не так уж сильно отличались от верований чуди, как было показано выше. Это, несомненно, способствовало пониманию и восприятию православного вероучения при крещении. При общении с русскими христианами языческие племена Прибалтии проникались интересом к новой вере. Можно с большой долей справедливости утверждать, как считал Г. Трусман, «что значительная часть туземцев края гораздо лучше была знакома с христианством в форме православия, чем в форме католицизма»[122]. Впоследствии было достоверно установлено, что первым христианским вероисповеданием, которое стало распространяться в Прибалтике, было православие. Первые элементы христианства, как и многие другие черты у эстов (чуди), перенимаются от русских. Это отражается в заимствовании эстонским языком из русского связанных с христианством слов, как, например, «rist» — крест, «ristima» — крестить, «papp» — поп, «nädal» (название семидневной недели) и др. Калькой русских слов являются наименования некоторых дней недели (вторник, четверг), слово «raamat» (книга) — заимствова-

ние славянского слова «грамота» через русских монахов и священников, ведь своей письменности у эстонцев тогда еще не было. Следует отметить, что во многих погребениях XII–XIII вв. нередко находят металлические нательные крестики, изготовленные в русских городах [123]; красноречив и тот факт, что «на могиле около Пюхтиц найден каменный новгородский крест XII–XIII вв.» [124] Достаточно многочисленны также свидетельства Генриха Латвийского о православии местных жителей до прихода немцев, отмеченные выше. Нет данных о том, что кто-нибудь из русских князей насильно навязывал христианство местному населению, «русские князья придерживались присущей православию терпимости» и, довольствуясь получением согласно договорам причитающейся дани, оставляли местному населению свободу выбора вероисповедания. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» особенно подчеркивал, что Ярослав Мудрый, собирая дань с жителей Эстонии, не хотел насильно обращать в христианство эстов, и это расценивалось историком как «благоразумие достохвальное, служившее примером для всех князей российских» [125]. Далее Н. М. Карамзин повествовал о господстве полоцкого князя Владимира до самого устья Даугавы, «власть его над южною Чудскою землею была вообще столь известна, что благочестивый старец Мейнгард, усердный немецкий католик, приехав около 1186 г. с купцами немецкими в Ливонию, просил у него дозволения мирно обращать тамошних язычников в христианство, на что Владимир охотно согласился, не предвидя вредных следствий, которым скоро надлежало открыться для России от властолюбия пап и духовенства римского» [126]. По археологическим находкам и тем отрывочным сведениям, которые можно извлечь из летописей, мы вправе предположить, что православие в Эстонии и Латвии в XI–XII вв. было распространено шире, чем принято думать.

Таким образом, можно сказать, что отношения в религиозной сфере у славян и прибалтийской чуди были очень тесными. Принятие христианства эстами осуществлялось с двух направлений: с востока, из Древнерусского государства, в форме православия (это наиболее ранняя форма христианства, которая стала известна «чуди») и с Запада — в виде католицизма. Католическая форма христианства насильно насаждалась рыцарско-духовными орденами, действующими на территории Восточной Прибалтики. Особенно активной подобная политика стала в XIII в.

В целом можно сделать вывод, что контакты между славянами и «чудью» на протяжении VI–XIII вв. были очень продуктивными как в политической, экономической, так и в культурно-духовной сферах взаимоотношений обоих народов.

Политические отношения славян и «чуди» на протяжении этих веков характеризовались большой активностью. До X в. они развивались в форме межплеменного взаимодействия, совместного участия в организации и функционировании торговых путей, противостоянии общей внешней опасности. Со времени образования Древней Руси характер их изменился: большая часть чудских племен находилась в составе государства, тогда как собственно «чудь» — прибалтийские племена эстов — оказались на периферии политического влияния Руси. Последующие политические отношения эстов и Древней Руси характеризовались многочисленными конфликтами, вызванными стремлением государства ввести «чудь» в сферу своего непосредственного политического влияния, утвердить свою власть. Методы, которыми пытались решить эту задачу древнерусские князья, были в целом малоэффективны, что неоднократно отмечали авторы того времени. Во многом из-за этого борьба за Прибалтику Древнерусским государством была проиграна. С середины XIII в. этот регион прочно вошел в область политического, экономического и культурно-религиозного влияния немецких духовно-рыцарских орденов и скандинавских государств.

В отличие от политических взаимоотношений, культурные контакты чуди и славян, зародившись с момента миграции последних на северо-восток Восточной Европы, не прерывались никогда. Исследование словарного состава эстонского языка выявило огромный пласт славянских заимствований, которые касаются всех сфер взаимного общения двух народов. Финно-угорский словарный пласт в русском языке тоже достаточно значителен. Тесное взаимодействие этих народов нашло отражение в как материальной, так и в духовной культуре.

Все вышеизложенные контакты между славянами и «чудью» в период VI–XIII вв. не могли не оказать влияние на последующее развитие Древнерусского государства, все они стали фактором, во многом определившим ситуацию в Циркумбалтийском регионе [127] в последующее время, заложив основы многовекового добрососедского общения русского и эстонского народов.

---

[1] *Хвощинская Н.В.* Славяне и финны на Северо-Западе древнерусского государства: автореф. дисс... д-р. ист. наук. СПб., 2008.
[2] *Лебедев Г.С.* Культурная стратиграфия северо-запада европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984, С. 47, 200.
[3] *Шадыро В.И., Овчинникова Р.И.* О финно-угорском субстрате на севере Белоруссии (гидрология и археология) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992. С. 60–62.
[4] *Топоров В.Н.* Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Вопросы географии. № 58. Географические названия. М., 1962. С. 41–49.
[5] *Манаков А.Г.* Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002.
[6] *Топоров В.Н.* Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М., 1999. С. 277.
[7] *Седов В.В.* Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 127–137; *Он же.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995; *Лебедев Г.С.* О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
[8] *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.,1985.
[9] Новгородская Русь: рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012. С. 14.
[10] Там же. С. 37.
[11] *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье...
[12] *Давидан О.И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX веков // АСГЭ. Вып. 27. Л., 1986. С. 99–105.

[13] *Седов В. В.* Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 74–80.
[14] Цит. по: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В XII томах. М., 1989. Т. 1. С. 200.
[15] Там же.
[16] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. С. 181.; *Castren M.F.* Bemerkungenuber sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleiner Schriften. VII. SPb. 1862.
[17] *Sjogren A.J.* Historisch — ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch — russischen Norden. SPb., 1861.
[18] *Шахматов А.А.* Разыскание о древнейших русских в летописных сводах. СПб., 1908; *Он же.* Очерк древнейшего периода истории русского языка (репринтное издание). М., 2002.
[19] *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.,1974; *Конецкий В.Я.* Чудь и славяне в контексте древнейшего периода русской истории // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Ч. 1. Великий Новгород, 2002*; Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997; *Седов В.В.* Происхождение славян и местонахождение их прародины // Очерки истории культуры славян. М., 1996; *Хвощинская Н.В.*Славяне и финны...
[20] *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск–М., 1995, С. 2.
[21] *Агеева Р.А.* Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970.
[22] См.: *Конецкий В.Я.* Чудь и славяне... С. 3.
[23] Сами эстонцы долгое время называли себя maarahvas (народ нашей земли), а имя eestlasec (эсты) стало общепринятым в эстонском языке лишь с середины XIX в., в период формирования эстонской нации, хотя употреблялось уже и в XVII–XVIII вв.
[24] Пруссов, сембов, литовцев, латышей, куршей, ливов. См.: *Браун Ф.А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб. 1899. С. 249–251.
[25] См.: *Labuda G.* Źródła, sagi I legendy donajdawniejszyc hdziejów Polski. Warszawa, 1960. S. 68.
[26] См.: *Седов В.В.* Происхождение славян и местонахождение их прародины // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 56–57; *Он же.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 209–210.
[27] *Топоров В.Н.* Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М.,1999. Прим. С. 277– 278.
[28] Там же.
[29] Это расселение вызвало целый ряд этнических конфликтов и привело к изменению племенных и этнических границ. См.: Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002.
[30] Скандинавы обладали весьма специфическими представлениями об ориентации в пространстве. Об этом см.: *Джаксон Т. Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С. 54–66; *Она же.* Austr í Görðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 20–21.
[31] *Хвощинская Н.В.* Славяне и финны...
[32] *Тацит Карнелий.* Сочинения. Л.,1969; *Иордан.* О происхождении и деяниях готов. М.,1960; Эйнхард. Жизнь Карла Великого // История эпохи Каролингов. М., 1999; *Бременский Адам.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия, IX – первая половина XII вв. М.–Л., 1989.
[33] *Хвощинская Н.В.* Славяне и финны...
[34] *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 4. С. 612.
[35] В.О. Ключевский писал даже об ироничном отношении славян, почувствовавших свое превосходство, к «чуди», что и зафиксировано в названии. См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории в 5 тт. М., 1987. Т. 4. Лекция XVII.
[36] В частности Э.Ю. Попова утверждает, что «доказательства того, что слово чудь происходит от «чудо», «чудно», «чужой» и т.д. — неубедительны». См.: *Попова Э.Ю.* Этнонимика Русского Севера: дисс... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. С. 49.
[37] См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. 4. С. 378; *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М., 1996 и др.
[38] *Иордан.* Указ. соч. С. 265. Прим. Е.Ч. Скржинской.
[39] См.: *Агеева Р.А.* Об этнониме чудь (чухна, чухарь)..., 1970. С. 194–203; *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 68–72.
[40] *Попов А.И.* Указ. соч. С. 71.
[41] См.: Предания и легенды Урала. Свердловск,1991.
[42] *Castren M.A.* Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. SPb., 1862.
[43] *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. С. 17.
[44] *Эйхвальд* в «Вестнике естественных наук» 1855 г. № 7–9 «Записках Императ. Русского Археологического Общества» т. IX, с. 269–370 по кн.*: Дмитриев. А.* Пермская старина. Вып. 1. Гл. 1.
[45] *Sjogren A.J.* Historisch — ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch — russischen Norden. SPb., 1861.
[46] *Европеус Д.* К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП, 1868. Т. 139.
[47] *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия.... С. 35.
[48] *Петренко В.П.* Классификация сопок Северного Поволховья // Средневековая Ладога: Новые археологические исследования и открытия. Л., 1985.
[49] *Теплоухов А.Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1880. Вып. 1. Т. 6. С. 1–31.
[50] *Овчинникова Б.Б.* У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 8. С. 24.
[51] *Спицын А.А.* Древности камской чуди. СПб., 1902.
[52] *Хвощинская Н.В.* Славяне и финны...
[53] *Рябинин Е.А.* Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 97.
[54] См.: *Хвощинская Н.В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004.
[55] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 13–14 «имаху дань Варѧзи приходѧще изъ заморьæ. на Чюди. и на Словѣнехъ. и на М(е)рѧхъ. и на всѣхъ Кривичахъ. и а Козаре имахуть на Полѧне^х. и на Сѣверехъ. и на Вѧтичихъ. имаху по бѣлѣ. и вѣверици. тако ѿ дыма». Т. III. М., 2000. С. 106. «Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: СловенѢ свою волость имѢли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владяше; а Чюдь своимъ родом; и дань даяху Варягомъ от мужа по бѢлѢи вѢверици ; а иже бяху у них, то ти насилье дѢяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди»
[56] Там же. Т. III. С. 106 «И въсташа СловенѢ и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѢти сами собѢ и городы ставити».
[57] Там же. Т. II. Стб. 14 «и не бѣ в нихъ правды. и въста родъ на ро^д. и быша оусобицѣ в ни^х. и воєвати сами на сѧ почаша»; Т. III. М., 2000. С. 106 «И въсташа сами на ся воеватъ, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не бѢше в нихъ правды».
[58] Там же. Т. II. Стб. 14 «и ркоша поищемъ сами в собѣ кнѧзѧ. иже бы володѣлъ нами и рѧдилъ . по рѧду по праву . идоша за море к Варѧго^м. к Руси. сіце бо звахуть. ты Вар^ѧгы Русь. æко се друзии зовутсѧ Свеє. друзии же Оурмани. Аньглѧне. инѣи и Готе. тако и си ркоша . Русь. Чюдь. Словенѣ. Кривичи. и всѧ землѧ наша велика. и ѡбилна. а нарѧда въ неи нѣтъ. да поидете кнѧжи^т и володѣт нами. и изъбрашасѧ. триє брата. с роды своими. и поæша по собѣ всю Русь. и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣє. и срубиша горо^д Ладогу. и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ. а другии Синєоусъ на Бѣлѣѡзерѣ. а третѣи Труворъ въ Изборьсцѣ. и ѿ тѣхъ Варѧгъ. прозвасѧ Рускаæ землѧ»; Т. III. С. 106 «И рѢша к себѢ: «князя поищемъ, иже бы владѢлъ нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море к Варягомъ и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѢту; да поидѢте к намъ княжить и владѢть нами». Изъбрашася З брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу

и предивну, и приидоша к Новугороду. И сѢде старѢишии в НовѢгородѢ, бѢ имя ему Рюрикъ; а другыи сѢде на БѢлѢозерѢ, Синеусъ; а третеи въ ИзборьскѢ, имя ему Труворъ. И от тѢх Варягъ, находникъ тѢхъ, прозвашася Русь, и от тѢх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго днн от рода варяжьскаъ».

[59] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 134.

[60] Славяне и скандинавы: сборник статей. М., 1986. С. 286–287.

[61] *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 189.

[62] Там же. С. 190.

[63] ПСРЛ. Т. II. Стб. 16. «лѣто[6390 (882)] Поиде Ѡлгъ поємъ вои свои многы . Варѧгы Чюдь. Словѣны. Мѣрю. Весь. Кривичи. и приæ городъ и посади в нє^{м} мужь свои. ѿтуда поиде внизъ. и пришєдъ взѧ Любечь. и посади мужь свои. и пр^{и}доста къ горамъ Києвьскымъ».

[64] *Манаков А.Г.* Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002.

[65] *Зутис Я.Я.* Русско-эстонские отношения в IX–XIV вв. // Историк-марксист, 1940, № 3. С. 40.

[66] *Хвощинская Н.В.* Славяне и финны...

[67] *Манаков А.Г.* Геокультурное пространство... С. 47.

[68] ПСРЛ. Т. II. Стб. 21 «В лѣто[6415 (907)] Іде Ѡлег(л)ъна Грѣкы Игорѧwставивъ Кыєв^{ѣ} поæ же множьство Варѧгъ и Словѣнъ и Чюди и Кривичи и Мерю и Полѧны и Сѣверо и Деревлѧны и Радимичи. и Хорваты и Дулѣбы и Тиверци æже суть толковины си вси звахуть^{с} Великаæ Скуфь. и сь сѣми всеми поиде Ѡлегъ на конѣхъ и в кораблѣ^{х} и бѣ числомъ кор^{а}блии ≠в҃ и приде къ Ц^{с}рюгра$^{д...}$».

[69] *Зутис Я.Я.* Указ. соч. С 40.

[70] ПСРЛ. Т. III. С. 125–126 «В лѢто 6488 [980] **...**Володимиръ же собра воя многы, Варягы, СловенѢ, Чюдь, Кривици, и поиде на Рогъволода; в се же время хотяху РогънѢдь вести за Ярополка. Иде Володимирь на Полтескъ, и уби Рогъволода и два сына , а дщерь его РогнѢдь поня себѢ женѢ»-.

[71] Там же. С. 159. «В лѢто 6496 [988] ...Володимиръ... нача ставити городы по ДеснѢ и по Въстри и по Трубежю и по СулѢ и по СтругнѢ, и нача порубати мужи лучьщии от Словенъ и от Кривиць и от Чюди и от Вятиць и от всѢх град; бѢ бо рать от Печенигъ; и бѢ бьяся с ними и одоляя имъ».

[72] *Зутис Я.Я.* Указ. соч. С. 40.

[73] ПСРЛ. Т. III. С. 224. «В лѢто 6684 [1176]... Того же лѢта , зимѢ, приходиша вся Чюдьская земля къ Плескову, и бишася с ними, и убиша Вячеслава и Микиту Захарьиница, и Станимира и Иванца и инѢхъ, а Чюди множество избиша...».

[74] Там же. С. 225. «В лѢто 6687 [1179]... на зиму иде Мьстиславъ с новгородци на Чюдь, на Очелу, и пожьже всю землю их, а сами отбѢгоша къ морю, нь и ту много их падоша».

[75] *Зутис Я.Я.* Указ. соч. С. 42.

[76] ПСРЛ. Т. III. С. 230. «В лѢто 6698 [1190]... Избиша плесковици Чюдь поморьскую: пришли бо бяху въ 7 шнекъ и оболочилися около порога въ озеро; и удариша на нѢх плесковици и не упустиша ни мужа, а шнекѢ привезоша въ Плесковъ...».

[77] Там же. С. 231. «В лѢто 6699 [1191]... И бысть на зиму , иде князь Ярославъ с новгородци и со плесковици и со всею областью своею на Чюдь и взя город Гюргевъ, и пожгоша землю их и полона бещисла приведоша; а сами приидоша въ Новъгород вси здрави...».

[78] Там же. С. 231 «В лѢто 6700 [1192]... Иде князь Ярославъ къ Плескову на Петровь день, и новгородци вмалѢ; и самъ сѢде въ ПлесковѢ, а дворъ свои посла съ плесковици воеватъ, и шедши, взяша город МедвѢжию голову и пожгоша, и възвратишася вси здрави...».

[79] *Латвийский Генрих.* Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. 2-ое изд. М.-Л., 1938.

[80] ПСРЛ. Т. III. С. 113. «В лѢто 6455 [947]... Иде Олга к Новугороду, и устави по МьстѢ погосты и дань; и ловища ея суть по всеиземли, и знамение и мѢста по всеи земли, и погосты; а санхи ея стоять во ПьсковѢ и до сего дни; по ДнѢпру перевѢсища и села, и по ДеснѢ есть село ея и доселѢ. И възвратися къ сыну своему Кыеву, и пребываше с нимъ въ любви».

[81] Новгородская Русь: рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. Под ред. Е. Н. Носова. СПб., 2012. С. 21.

[82] *Зутис Я.Я.* Указ. соч. С. 45.

[83] См.: *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

[84] *Беляев И.* История города Пскова. М., 1867. С. 3.

[85] *Рожков Н.* Русская история. Т. II. С. 294.

[86] ПСРЛ. Т. III. С. 196–197. «В лѢто 6580 [1072] Пренесоша святая страстотерпца Бориса и ГлѢба. Совокупившеся Ярославци: Изяславъ, Святославъ, Всеволод, митрополитъ же бѢ в то время Георгии, и епископи: Петръ переяславьскыи, Михаилъ юрьевьскыи,.... И отпѢвше литургию, обѢдаша братья вси на купъ, коиждо съ бояры своими, и с любовию великою. БѢ тогда Вышегород держа Чюдинъ, а церковь Лазарь. Посемь разидошася въ своя сы».

[87] *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. С. 106–107.

[88] *Казьмина О.Е.* Динамика численности национальных групп Эстонии в XX в. // Расы и народы. 21. М.,1991. С. 79–99.

[89] *Зутис Я.Я.* Указ. соч. С. 54.

[90] Там же. С. 55.

[91] Там же.

[92] См.: *Панченко А.А., Петров Н.И.* К проблеме взаимодействия язычества и христианства в Северной Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 10–12 ноября 1992 г. Новгород, 1992. и др.

[93] См.: Грамота Новгородскаго архиепископа Макария в Вотскую пятину, об искоренении языческих требищ и обрядов и проч. 25 марта 1534 г., Грамота новгородского архиепископа Феодосия в Воцкую пятину, /в Чюдь, в Ижору, в Корельский и др. уезды / о разрушении мольбищь и искоренении языческих обрядов. 8 июня 1548 г.

[94] *Бременский Адам.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия, IX – первая половина XII вв. М.-Л., 1989.С. 89 *Адам* 90.

[95] См.: *Ülle Tamla.* Scandinavian influences on the Estonian silver ornaments of the 9th-13th centuries // Archaeology East and West of the Baltic. Papers from the Second Estonian-Swedish Archaeological Symposium. Sigtuna, 1991. P. 91–99.

[96] *Латвийский Генрих.* Хроника Ливонии... XIII. 1: «После этого епископ со всеми пилигримами и своим войском отправился в Кукенойс и, найдя самую гору покинутой; но, по нечистоплотности прежних жителей кишащей червями и змеями, велел и поручил очистить ее заново и укрепить прочным валом».

[97] НПЛ старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 195.

[98] *Гуревич Ф.Д.* Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского // СЭ. 1948. №4. С. 77.

[99] Там же. С. 71.

[100] *Латвийский Генрих.* Хроника Ливонии... XX. 2.

[101] Там же. XIX. 7.

[102] Как замечено уже Грубером, не что иное, как воззвание к богу Тару на эстонском языке: «Tar, abita!» или «Tar, awita», то есть: «Тар, помоги». Возможно также и форме: «Таг abitaja» или «awitaja», что значит «Тар, помощник».

[103] *Латвийский Генрих.* Хроника Ливонии... XXIII. 9.

[104] Там же. XXVIII. 3.

[105] Там же. XXIII. 9.

[106] *Гуревич Ф.Д.* Древние верования... С. 71.

[107] Этот обычай зафиксирован и в более поздние времена и у других народов. Еще в конце XIX в. у марийцев было не менее шестидесяти четырех священных рощ. Такие же рощи, называемые луд, были и у удмуртов. См.: *Пенник Н., Джонс П.* История языческой Европы. СПб., 2000, С. 320.

[108] Описание земель. Анонимный географический трактат второй половины XIII в. // СВ. Вып. 56. М., 1993.
[109] *Латвийский Генрих*. Хроника Ливонии... XIX. 6.
[110] Там же. XII. 6.
[111] Там же. XXV. 1.
[112] *Трусман Ю*. Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884. С. 134–135.
[113] *Пенник Н., Джонс П.* История языческой Европы. С. 317.
[114] Там же. С. 318.
[115] См. *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.
[116] *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.-Л., 1959. С. 43.
[117] *Латвийский Генрих*. Хроника Ливонии... XVII. 3.
[118] Князь псковский в Хронике — это брат Мстислава, Владимир.
[119] НПЛ старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 250.
[120] Вопрошание Кириково: Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908. (*Павлов А.С.* Русская историческая библиотека. Т. VI). С. 33.
[121] *Трусман Ю*. Указ. соч. С. 136.
[122] Там же. С. 171.
[123] История Эстонской ССР. В 3-х тт. Таллин, 1961. Т. 1 С. 29.
[124] *Казакова Н.А., Шаскольский И. П.* Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.). М.-Л., 1950. С. 15.
[125] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 12.
[126] Там же. Т. 3. С. 39.
[127] Термин Г.С. Лебедева. См: *Лебедев Г.С.* Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья (к постановке проблемы) // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1986.

Т.Д. Панова, С.А. Никитин

Князь Дмитрий Шемяка: убийство, раскрытое спустя пятьсот лет

Деятельность последнего из галицко-звенигородских князей Дмитрия Шемяки прослеживается в ряде исторических сочинений, посвященных сложному периоду борьбы за московский стол в середине XV столетия. Полная трагических событий ситуация 1430–1440-х гг. затронула судьбы многих потомков Дмитрия Донского. Но наиболее тяжкие последствия этой борьбы выпали на долю сыновей звенигородского князя Юрия Дмитриевича — самых активных участников династического кризиса первой половины XV в. Притязания князя Юрия Дмитриевича на московский стол после смерти великого князя Василия I стали причиной многолетней гражданской войны, с переменным успехом тянувшейся более двух десятков лет.

Уже не было в живых самого князя Юрия Дмитриевича и его жены княгини Анастасии (Рис. 1), был ослеплен и сошел с исторической сцены его сын Василий, в 1441 г. неожиданно умер совсем молодым младший сын Дмитрий Красный (он был, вероятно, отравлен), но продолжал бороться за великокняжеский стол князь Дмитрий Юрьевич Шемяка.

Его сторонникам удалось в феврале 1446 г. захватить в Троице-Сергиевом монастыре великого князя Василия II Васильевича, приехавшего с маленькими сыновьями и небольшой охраной на поклон к останкам святого Сергия Радонежского. Для великого князя это паломничество закончилось плохо – его захватили и увезли в Москву. И здесь Дмитрий Юрьевич, помня о судьбе старшего брата Василия, в отместку приказал ослепить своего двоюродного брата Василия II: «...ослепиша князя великого и сослаша его на Угличе Поле с его княгинею, а матерь его великую княгиню Софью послаша на Чюхлому» [1]. Но Василий II не смирился со своим поражением и увечьем, что свидетельствует о сильном характере этого человека. Битва за московский стол продолжилась вплоть до 1450 г., ее перипетии мы опустим. Отметим только, что в январе 1450 г. великий князь Василий II окончательно покорил себе Галич и вынудил Дмитрия Шемяку бежать «к Новгороду Великому». Этот город, как и вся Новгородская республика, еще сохранял остатки былой независимости и принял князя Шемяку по принципу «враг моего врага – мой друг».

Борьба с мятежными родственниками, ослепление, ссылка и другие негативные события феодальной войны повлияли на и без того жесткого по характеру великого князя Василия Темного (так стали называть его после потери зрения). Он не смог простить всего этого Дмитрию Шемяке – единственному из остававшихся в живых сыновей звенигородского князя Юрия, своего дяди. И действительно, Шемяка прожил после бегства в Новгород недолго. В 1453 г. он умирает (Рис. 2). Сообщения об этом в большинстве летописных сводов не содержат никаких подробностей, но все же в них присутствуют утверждения о том, что смерть Шемяки была «напрасной» и «нужной». Это означало, что умер князь Дмитрий Юрьевич насильственной, а не естественной смертью. И этот факт некоторые русские хронисты обходить молчанием не стали. В четырех сводах они указали причину смерти князя Дмитрия — «скончался от отравы князь Дмитрий Юрьевич». В нескольких списках Новгородской IV летописи также записано, что мятежный князь «умре с отравы в Великом Новегороде июля 17» [2].

Рис. 1. Портрет-реконструкция по черепу княгини Анастасии, матери Дмитрия Шемяки. Автор эксперт-криминалист С. А. Никитин. Бронза

Рис. 2. Смерть князя Дмитрия Шемяки в Новгороде. 1453 г. ЛЛС. Шумиловский том. Факсим. изд. М., 2007. Кн. 14. С. 472

Анализ летописных свидетельств показывает, что они отражают чрезвычайно редкий для русского средневековья случай, когда в письменных источниках организация преступления описана во всех деталях. В результате нам становится известен как заказчик убийства, так и посредники, и непосредственные его исполнители. Не назван лишь яд. Но и это удалось выяснить во второй половине XX в., хотя со дня гибели князя Шемяки прошло уже более 500 лет.

Наиболее подробный рассказ об убийстве князя Дмитрия Шемяки дошел до нас в Львовской летописи. И рассказ этот начинается с прямого указания на того, кто хотел его смерти: «...посла великий князь Стефана Бородатого в Новгород со смертным зелием уморити князя Дмитрея»[3]. Речь идет о Василии II как заказчике этого убийства. Естественно, чтобы совершить его, был необходим посредник, через которого можно было нанять исполнителя непосредственно в ближайшем окружении князя Шемяки. Здесь в летописных сводах называют разные имена новгородских людей-посредников, и это единственный момент, по поводу которого в хрониках есть расхождения. В Львовской летописи сообщается, что Стефан Брадатый договорился «с боярином» самого князя Дмитрия Юрьевича по имени «Иван Нотов» (или Котов)[4]. По записям в Ермолинской летописи, эту посредническую миссию взял на себя новгородский посадник «Исаак Богородицкий», он же Исаак Борецкий[5]. Но члены семьи Борецких относились к наиболее непримиримым и последовательным противникам власти московских великих князей. И поэтому первый вариант развития событий 1453 г., через приближенного самого галицкого князя Дмитрия Шемяки, более логичен.

«Иван Нотов» взялся выполнить поручение Василия II Темного и «призва повара» князя Дмитрия. Повар и стал непосредственным исполнителем задуманного в Москве убийства. В один из дней начала июля месяца 1453 г. князь Дмитрий Шемяка приказал подать себе курицу — «захотел ести о полудни». Заговорщики воспользовались этим: «Они же окаяннии смертным зелием доспеша его (курицу — *Т.П.*) и принесоша его пред князь; и яде не ведый мысли их». Признаки отравления проявились быстро: «Тут же разболелся и лежа 12 дней преставися»[6]. Дмитрий Шемяка скончался 17 июля 1453 г., во вторник. В одном из летописных сводов (Ермолинском) даже названо прозвище княжеского повара, на удивление характерное, учитывая его «деяния», — Поганка. В этой летописи также отмечено, что согласился этот человек на преступление за деньги: «а Исаак деи подкупил княжа Дмитреева повара, именем Поганка»[7]. Мы еще встретим упоминание об этом человеке в письменных документах XV в. и сможем представить, как сложилась жизнь Поганки впоследствии и как повлияло на нее участие в столь неприглядном деле. В «Степенной книге» по поводу смерти Дмитрия Шемяки также есть указание на участие в отравлении князя кого-то из ближайшего его окружения: он погиб «от домашних от своих»[8], но конкретные имена не названы.

Рис. 3. Группа исследователей в Софийском соборе Новгорода возле мумии Дмитрия Шемяки. 1987 г. Слева направо: С. А. Никитин, акад. В. Л. Янин и др. Фото из личного архива С. А. Никитина

Сообщение о смерти князя Дмитрия Юрьевича стало огромной радостью для Василия II Темного. Человек, прискакавший из Великого Новгорода в Москву с этим сообщением, подъячий Беда, тут же получил повышение по службе: «а оттоля быть дьяк». Кстати, весть о гибели своего заклятого врага великий князь Василий Темный получил во время вечерней службы, которую он слушал в московской церкви великомучеников Бориса и Глеба. Думается, что Василий II тут же вознес благодарственную молитву – с ненавистным ему человеком, виновником его увечья, с угрозой его власти, было покончено навсегда.

Неожиданная и весьма язвительная реакция на, скорее всего, лицемерную «скорбь» Василия II по поводу смерти двоюродного брата Дмитрия сохранилась в одной из летописей: «...князь Дмитрий Шемяка в Новеграде в Великом приат кончину от отравы... О нем же великий князь благоутробным нравом братолюбно поскорбе, яко же Давид о Сауле» [9].

Отголоски этой трагической истории попали и на страницы «Повести о житии Михаила Клопского». В ней описано, как Дмитрий Шемяка приезжал в Клопский монастырь, дабы получить благословение у старца Михаила. Но на все слова князя, который плакал и сожалел об утраченной великокняжеской власти и планировал вернуть себе московский стол, старец пророчески говорил: «Князь, добьешься трехлокотного гроба!» [10]. После очередного военного поражения Дмитрий Шемяка вновь приехал в Клопскую обитель (под Новгородом Великим) «братию кормить и у Михайлы благословиться. Накормил и напоил старцев, а Михайле дал шубу с себя сняв. Когда стали князя провожать из монастыря, то Михайла погладил князя по голове да промолвил: „Князь, земля по тебе стонет“. И трижды повторил это. Так и случилось — накануне Ильина дня князь преставился» [11].

Посмертная судьба останков князь Дмитрия Шемяки также представляет значительный интерес. Он был похоронен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря под Новгородом. Но в 1616 г. его останки были перенесены и перезахоронены в некрополе Софийского собора этого города. Как и почему это произошло, можно узнать из книги В. Л. Янина [12]. Проводя натурные исследования захоронений в соборе, В. Л. Янин в 1987 г. решил проверить сообщение Новгородских и других летописей об отравлении князя Дмитрия Юрьевича (Рис. 3). Для изучения останков князя были привлечены эксперты-криминалисты Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления здравоохранения г. Москвы — патологоанатом С. А. Никитин и химик И. С. Козлова, которую консультировала доктор фармакологических наук А. Н. Крылова.

Сегодня детали этого интереснейшего исследования можно услышать только из уст некоторых его участников, подробно опубликованных описаний этих работ нет. В исторической литературе (в упомянутой выше книге академика В. Л. Янина) опубликованы протоколы осмотра захоронения князя Дмитрия Шемяки и изъятия фрагментов его останков для специальных анализов в лабораторных условиях, а также акт судебно-медицинской экспертизы этих фрагментов, проведенных химиками. Но книгу В. Л. Янина сегодня можно найти только в крупных библиотеках, т. к. она вышла в свет давно и не очень большим для нашей страны тиражом. Поскольку она стала уже библиографической редкостью и малодоступна, стоит рассказать о том, что же увидели историки и эксперты-криминалисты, вскрыв древнее захоронение.

Останки князя Дмитрия Шемяки оказались мумифицированы — сохранились не только мышечные ткани, но и кожные покровы на значительной части его тела (Рис. 4, 5). Кожа имела темно-коричневый цвет, а местами была черной и темно-серой. Она хорошо сохранилась в переднем и боковых отделах туловища, на руках и бедрах умершего мужчины. На спине кожа отсутствовала, но мумифицированные мышцы просматривались отчетливо. Эксперт-криминалист С. А. Никитин определил примерный возраст человека по степени изношенности зубов и зарастания швов черепа — в пределах 45–50 лет. При обследовании останков Дмитрия Шемяки выяснилось также, что мумифицировались и некоторые внутренние его органы — печень и правая почка с окружающими тканями. Поскольку именно эти органы человека служат своеобразным депо — накопителями вредных веществ и путями (по мочеполовой системе) вывода их из организма, они были взяты для химического изучения. Для этих же анализов были также изъяты часть грудной стенки размером 30 × 10 см (мышцы и кости) и часть пылеобразного содержимого брюшной полости князя. Затем в работу включились московские эксперты-химики. Они исследовали полученные образцы

Рис. 4. Мумия князя Дмитрия Шемяки. Фото из личного архива С. А. Никитина

Рис. 5. Череп Дмитрия Шемяки. Фото из личного архива С. А. Никитина

из захоронения на предмет наличия в них мышьяка, ртути, сурьмы и свинца. И должны были сказать, в результате чего наступила смерть князя Дмитрия Шемяки.

Мы опустим подробное описание методик, по которым проводились анализы экспертами-химиками (они опубликованы в книге В. Л. Янина). Нам же важен результат работы исследователей. И химики оправдали надежды историков. Полученные данные показали, что в останках Дмитрия Шемяки не зафиксированы такие минералы, как ртуть, сурьма и свинец. А вот мышьяк в образцах — печени, почке и других материалах из захоронения — присутствовал. И более всего его оказалось в правой почке князя Дмитрия — 0,21 мг на 100-граммовую навеску этого органа. В печени мышьяка содержалось 0,013 мг, в мышцах груди — 0,019 мг / 100 г, в костях — 0,022 мг / 100 г., в массе из брюшной полости — 0,033 мг на 100 г образца. Опираясь на эти результаты, эксперты сделали вывод о «возможности наступления смерти ... в результате развития желудочно-кишечной формы отравления соединениями мышьяка». Специалисты отметили, что для такой формы отравления характерно в том числе и резкое обезвоживание человеческого организма, «обусловленное обильной потерей воды, и как следствие, выведение из него и большей части яда. Резкое обезвоживание организма в период, предшествующий смерти, может значительно способствовать мумификации трупа» [13].

Очень важно указание письменных источников на срок болезни князя Дмитрия, т. к. при желудочно-кишечной форме отравления человек умирает в срок до двух недель. Хронисты отметили, что князь Дмитрий Юрьевич Шемяка проболел двенадцать дней. Эксперты-криминалисты всегда осторожны в своих заключениях, но в данном случае весьма существенным фактом, кроме результатов анализов, явилась и мумификация трупа — по указанным выше причинам. Так через пять с лишним веков удалось доказать, что смерть князя Дмитрия Шемяки стала результатом отравления соединениями мышьяка — одного из самых распространенных ядов Средневековья.

История эта наделала тогда, в середине XV в., много шума и попала не только на страницы летописей. О ней совершенно неожиданно свидетельствует и «Житие» Пафнутия Боровского (1394–1477 гг.). На его страницах есть такой эпизод из жизни преподобного: «Некоторый инок пришел в обитель преподобного. Подвижник, увидав его, тихо сказал своим ученикам: „Видите ли, что и ради иноческого чина, не очистился от крови“. Ученики очень удивились этим речам, но боялись спросить преподобного о значении этих слов. Впрочем, после сам старец объяснил их: „Этот инок — сказал святой, — будучи мирянином, отравил в Новгороде князя, которому служил. Мучимый совестью, он принял монашество“» [14]. Скорее всего, это был именно непосредственный исполнитель отравления — повар Поганка. Дурная слава закрепилась за ним, и тень его преступления не оставляла его. Хотя, видимо, человек действительно мучился угрызениями совести, раз принял постриг, решив остаток жизни посвятить искуплению своей вины.

Таковы были методы борьбы Василия II Темного за власть, что, несомненно, нашло осуждение в среде его современников. Сообщения о смерти великого князя в 1462 г. были занесены не только на страницы летописных сводов. До наших дней сохранилась Триодь Постная XV в. из Воскресенского монастыря, на одной из страниц которой переписчиком книги — современником великого князя Василия II — сделана запись о его смерти. С очень краткой, но яркой и эмоциональной оценкой этой исторической фигуры в конце сообщения: «Июда душегубец, рок твой при-

шед». Оценка жесткая, но точная. И подтверждением этого служат судьбы представителей семьи звенигородских князей — двоюродных братьев Василия Темного. Иван Юрьевич ушел в монахи, Василий Юрьевич был ослеплен (кстати, причина его смерти в возрасте около сорока лет неизвестна), Дмитрий Красный и Дмитрий Шемяка — отравлены[15]. О самом князе Дмитрии Шемяке напоминает сегодня хранящаяся в Новгородском музее плащаница — его вклад в Юрьев монастырь (во вкладной надписи на этом шитом произведении упоминается его жена Софья Дмитриевна и сын Иван) — да захоронение самого Шемяки и его дочери Марии в Софийском соборе Великого Новгорода.

После гибели князя Дмитрия Шемяки его жена и сын бежали в Литву, где князь Иван получил в кормление от короля Казимира город Новгород-Северский. Иван Дмитриевич «отъехал» из Новгорода весной 1454 г. В Псковских летописях отмечено, что 9 апреля он уже был во Пскове[16]. Вдова Шемяки «княгиня великая Софья Дмитриева видев ту скорбь Великому Новугороду, и убояся князя великого, и побеже из Новгорода в Литву, к сыну своему, князю Ивану, февраля в 7 день, в субботу сыропустную» 1456 г.[17] У князя Ивана было четверо сыновей — бездетные Семен, Владимир и Иван и Василий, который в начале XVI в. смог вернуться в Россию[18]. В 1500 г. Василий перешел на службу великим московским князьям. Это был наиболее успешный год для великого князя Ивана III в борьбе за присоединение русских территорий, оказавшихся в составе Великого княжества Литовского. Тогда же на службу Москве «отъехали» князья Семен Бельский и Семен Можайский. Имя Василия Шемячича упоминается среди воевод во время военных действий на западных рубежах России в 1501, 1502 и 1512 гг.[19] и в схватках с крымскими татарами в 1518 г.[20]

В начале 1520-х гг. великого московского князя Василия III перестала устраивать позиция Василия Шемячича в отношениях с крымскими ханами, слишком самостоятельная, а порою, на его взгляд, и предательская[21]. После крымского набега 1521 г. Василий III решил ликвидировать Новгород-Северское княжество. В апреле 1523 г. Василий Шемячич прибыл в Москву, где даже «охранные грамоты» великого князя и митрополита не спасли его от опалы и заточения: «Тое же весны Щемячичь поиман бысть»[22] и «поиман с женою и детми»[23]. Он провел в заточении в московском Кремле долгих шесть лет и умер летом 1530 г.: «...августа преставися князь Василей Шемячич в тюрьме на Москве»[24]. О месте его заключения известно из летописного свидетельства за 1534 г., когда был посажен под стражу брат великого князя Василия III — Андрей: «посажен в полату на дворце, где сидел князь Василей Шемячич»[25]. В родовой усыпальнице московских князей — Архангельском соборе Московского Кремля — места для его захоронения не нашлось. Жена Василия Дмитриевича стала постриженицей Покровского монастыря в г. Суздале, как и две его дочери. Из сохранившейся до наших дней льготной грамоты, видимо, еще великого князя Василия III, вотчина этих женщин в Суздальском уезде была освобождена от податного сбора. Эту указную грамоту «с прочетом» в 1547 г. (17 января) подтвердил и царь Иван IV Васильевич: «в Суздаль городовым приказчикам Нечаю Васильеву сыну Тумского, Алексею Климентьеву сыну Перешникова и данщику Нечаю Семенову сыну Тумского о ненарушении льготной грамоты княгини Евфимии, вдовы князя Василия Ивановича Шемячича, с дочерьми и невзимании податей с их вотчины с. Глядково в Суздальском уезде»[26]. Княгиня инокиня Евфимия и княжны инокини Евфросиния и Марфа (Марта?) были погребены в усыпальнице Покровского собора соименного монастыря в Суздале. Даты их смерти неизвестны[27].

К удивительной истории о раскрытии преступления, совершенного в отношении князя Дмитрия Шемяки несколько веков назад, хочется добавить еще одну — в свете выше описанных событий она весьма интересна и показательна. Итальянским ученым в начале XXI в. также удалось раскрыть одно убийство периода средневековья, спустя четыреста лет после того, как оно было совершено. Историки всегда подозревали, что Франческо Медичи, великий князь Тосканы, и его вторая жена Бьянка Капелло, были отравлены. Хотя официальной версией их смерти в 1587 г. считалась малярия. Правда, и заболели они, и умерли в один день с разницей в несколько часов, что не могло не насторожить современников княжеской пары.

Останки Франческо и Бьянки изъяли из семейной крипты для проведения тестов в медицинском центре Флоренции. Краткая информация об исследованиях токсикологов позволяет понять, что тело Франческо Медичи частично мумифицировалось, т. к. кроме волос из его бороды была взята проба его печени (анализы проводила доктор Донателла Липпи из университета Флоренции). Исследование печени показало значительное превышение количества мышьяка по сравнению с фоновым содержанием его в организме человека. По письменным источникам хорошо известно, что Франческо Медичи и его жена умерли через одиннадцать дней после начала заболевания — 11 октября 1587 г. Этот факт говорит о том, что доза яда была смертельной, но дала возможность имитировать длительное заболевание — дабы отвести подозрение в отравлении.

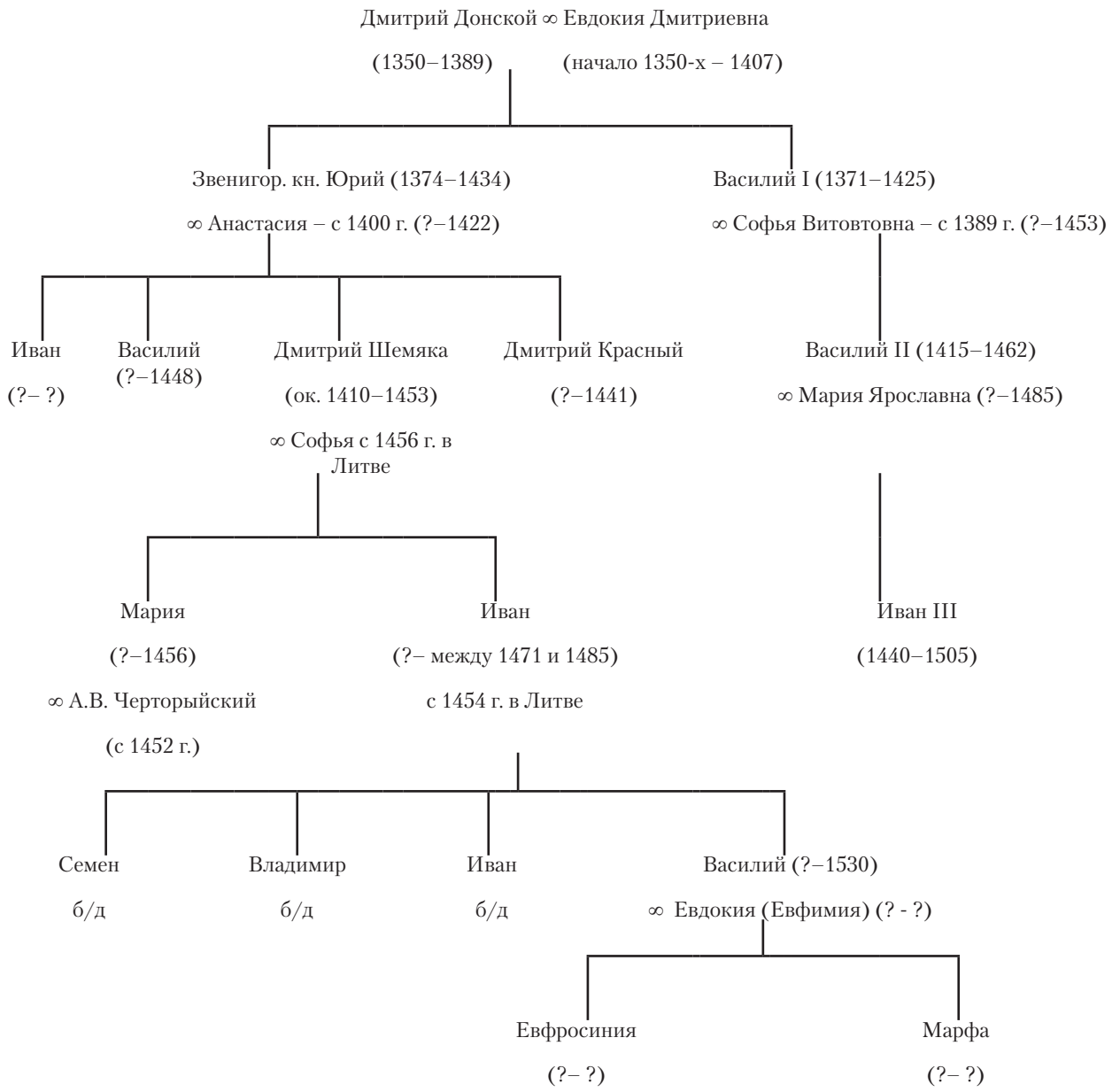
И здесь, как и в случаях с Дмитрием Красным и Дмитрием Шемякой, смерть наступила в срок до двух недель. Отмечена и частичная мумификация тела и внутренних органов Франческо Медичи, как и у Шемяки. В описании симптомов его «болезни» есть указание и на бредовое состояние, как и у князя Дмитрия Красного, брата Дмитрия Шемяки.

Итальянские историки высказали разные версии по поводу этого преступления, но на первом месте и здесь стоит борьба за власть в герцогстве Тоскана. И среди претендентов на власть в герцогстве называют имя родного брата Франческо Медичи — кардинала Фердинандо. Нам во всей этой истории важен факт сходства посмертного состояния останков князя Франческо Медичи после воздействия на его тело соединений мышьяка.

И в заключение приведем еще один пример действия этого ядовитого минерала на организм человека, и весьма необычный. В Японии префектуру Ямагата называют еще и краем мумифицированных монахов — до наших дней сохранилось несколько десятков таких мумий. Эти люди следовали в своей жизни специальному ритуалу очищения, известному как «Испытание тысячи дней». Интересующий нас случай связан с XVIII столетием. Монах Дайдзюку Бо-

сацу Синекай Сенин был строгим аскетом, питался только ягодами, корой деревьев и орехами. В семьдесят шесть лет он полностью отказался от пищи, считая, что дни его сочтены, и сосредоточился на идее смерти от голода и самопожертвования. Этот монах стал пить чай из сока дерева уруси (из него делали лак для мебели), а перед смертью пил только воду из горячего источника, не подозревая, что в ней повышенное содержание мышьяка. Сок дерева уруси — очистительное средство — приводил к обезвоживанию организма, иссушая тело монаха. Мышьяк к тому же уничтожал бактерии, провоцирующие процесс разложения тканей человеческого организма. Умер и был похоронен Дайдзюку Босацу в 1783 г. в возрасте девяноста шести лет! Через три года могилу вскрыли, и выяснилось, что тело монаха словно покрылось лаком, а хорошо сохранившаяся кожа плотно обтягивала кости. И сегодня тело этого монаха хранится в храме Дайнитибо — в позе медитации, иссушенное принятым ядом и временем. И служит подтверждением мумифицирующего воздействия мышьяка на организм человека, как и в случае с останками Дмитрия Шемяки.

Генеалогическая таблица



[1] Московский летописный свод // РЛ. Рязань, 2000. Т. 8. С. 361.
[2] Новгородская IV летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 464.
[3] Львовская летопись // РЛ. Рязань, 1999. Т. 4. С. 338.
[4] Там же. С. 338.
[5] Ермолинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 155.

[6] Львовская летопись // РЛ. Рязань, 1999. Т. 4. С. 338.
[7] Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 155.
[8] Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. XXI. Вторая половина. СПб., 1913. С. 471.
[9] Книга Степенная царского родословия. М., 2008. Т. 2. С. 147.
[10] Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 345.
[11] Там же. С. 345.
[12] *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 210–217.
[13] Там же. С. 216–217.
[14] Житие преподобного Пафнутия Боровского. Боровск-Пафнутьев монастырь. 1994. С. 15.
[15] *Панова Т.Д.* Яды в борьбе за власть. Россия. XI – начало XVII в. М., 2017. С. 33–52.
[16] Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 52.
[17] Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 196.
[18] *Кром М.М.* Между Русью и Литвой. М., 2010. С. 72, 75.
[19] Там же. С. 207–214.
[20] Русский хронограф. М., 2005. С. 518.
[21] *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 254.
[22] Воскресенская летопись // РЛ. Рязань, 1998. Т. 3. С. 356.
[23] Русский хронограф. М., 2005. С. 519.
[24] Там же. С. 522.
[25] Там же. С. 523.
[26] АИ. СПб., 1841. Т. I. 145. С. 210.
[27] *Курганова Н.М.* Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. С. 58–59.

Н.Е. Персов, В.В. Солдатенкова

«...ИДУЧИ ПО ТЬМАКЕ ПО БЕРЕГУ...»
(археологические и письменные свидетельства о двух усадьбах тверского Затьмачья)

В июле – августе 2005 г. отряд Тверской археологической экспедиции ТГОМ под руководством Н.Е. Персова провел охранные археологические исследования на территории бывшего Затьмацкого посада города Твери[1]. Раскоп № 71 площадью 339 кв. м находился на пересечении ул. Брагина и набережной р. Тьмаки, примерно в 32 м от левого берега реки и в 700 м от впадения её в р. Волгу. Средневековая застройка появилась здесь на рубеже XIII–XIV вв. Наибольшая интенсивность хозяйственной деятельности в позднесредневековое время падает на XV–XVI вв.

В это же время юго-западнее, в непосредственной близости находились храм Алексея Человека Божия и кладбище при нём, упомянутые в писцовой книге 1685 г.: «...кладбища пусто, что была приходцкая церковь Алексея, Человека Божия...»[2]. Значительная часть этого некрополя XV – начала XVIII в. была изучена в 1995 г. раскопками ТНИИР–Центра[3]. Судя по всему, раскоп № 71 располагался «...Позад того кладбища», где жил «во дворе архиепископлев церковной сторож Андрюшка Непряха ...Земля владычня»[4]. В писцовой книге 1626 г. храм не упоминается. По-видимому, в описании дворов «Отъ Мины Великаго идучи тою жъ дорогою назадъ къ Варваре Святой» речь идёт о нескольких владениях за храмом и кладбищем: «а место изстари каменщиково и владеютъ старые каменщики по Государеве грамоте; место пусто поповское второе Микитина, а земля владычня»[5]. Причём на предыдущей странице этот же Ивашка Микитин назван владычным келейником[6]. Можно предположить, что и ранее, в XVI в., эти земли были владычными и здесь жили люди, так или иначе связанные с архиерейским двором. Неподалёку от этого места в средневековье располагался мост через р. Тьмаку, который соединял Затьмацкий посад с Загородским в непосредственной близости от Благовещенских ворот тверского кремля[7].

В направлении с севера на юг раскоп пересекает система канавок и расположенных рядом с ними больших глубоких столбовых ям. Ширина этой системы — 1,5–2 м (Рис. 1). К сожалению, большинство ям не поддаётся датировке. Всё же на основании имеющихся данных, можно предположить, что описанная система относится к XV–XVI вв. Не исключено, что это была поднятая на столбах мостовая, которая позволяла функционировать проходу между усадьбами, т.к. во время весеннего паводка из-за близости к р. Тьмаке он мог превращаться в ручей. В южной части раскопа расположена промоина или овраг (яма № 64), засыпанный в XIX в.

Несколько частокольных канавок пересекает раскоп с запада на восток перпендикулярно проходу. Но они сохранились настолько фрагментарно, что не ясно, разделяли эти канавки усадьбы или являлись частью внутриусадебной планировки.

Участок к западу от «проулка» можно условно обозначить как **«усадьба А»**, а к востоку от него — **«усадьба Б»**.

«Усадьба А» значительно повреждена перекопами. Ко 2-й половине XV – началу XVI вв. здесь можно отнести яму № 46 (к сожалению, комплекс датирован в основном по массовому керамическому материалу). Это подпол постройки, от которого сохранилась примерно половина площади и часть заполнения. По периметру дна идёт канавка, в которой закреплялась обшивка стенок подпола. Следов самих деревянных конструкций не сохранилось.

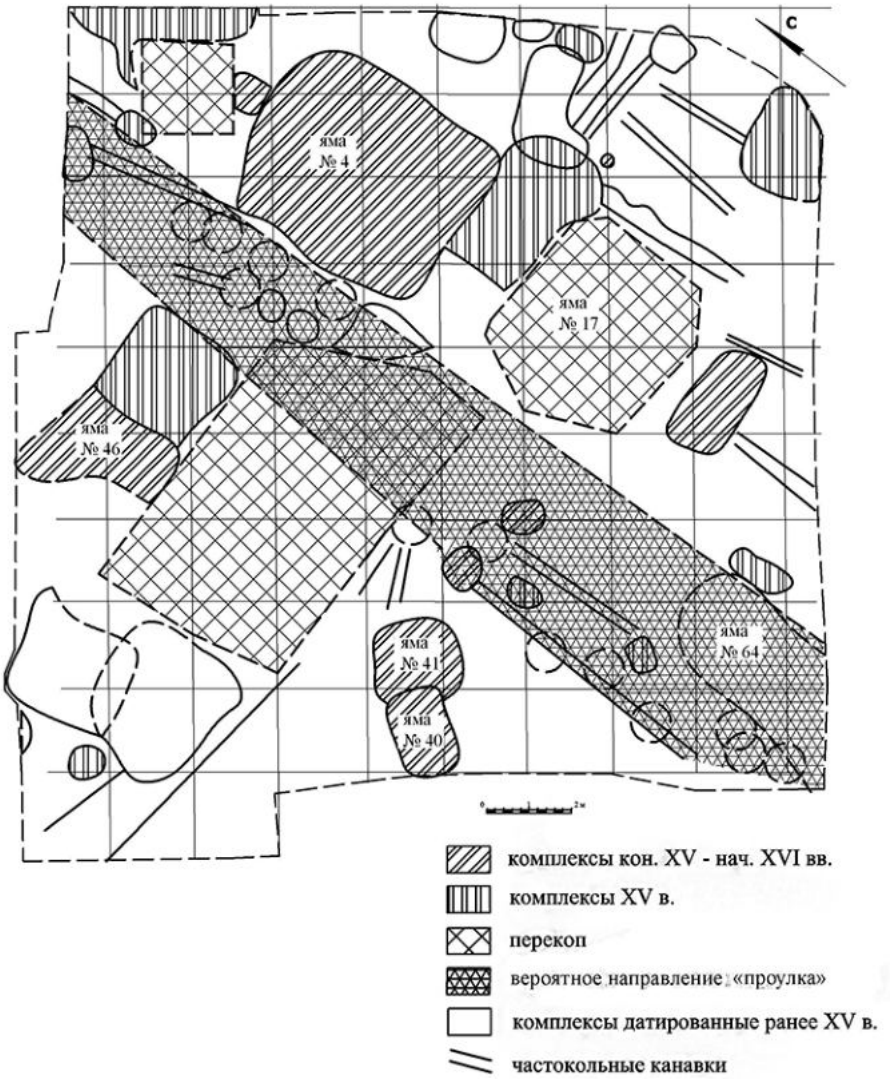


Рис. 1. Схема раскопа № 71

Рис. 2. Терракотовые изразцы: 1 – реконструкция изразца первого типа (выполнена В. В. Солдатенковой); 2 – фрагмент изразца второго типа

В нижней части заполнения — развал керамических плиток пола, квадратных и треугольных (последние представляют собой те же квадратные, распиленные по диагонали уже после обжига). Под ними — остатки сгоревших деревянных конструкций, возможно — пола постройки.

Среди плиток пола было обнаружено 16 фрагментов терракотовых изразцов[8]. Изображения на них двух видов.

Фрагменты изразцов с изображением первого вида (Рис. 2: 1) находили в Твери и ранее, в районе кремля и на Загородском посаде. Они имеют аналогии в материалах Ферапонтова монастыря, типологически близки другим образцам архитектурной керамики последней четверти XV в., украшающей храмы Москвы, Углича, Троице-Сергиевой лавры, Спасо-Каменного и Кирилло-Белозерского монастырей[9].

Фрагменты с изображением второго вида (Рис. 2: 2) относятся к последней четверти XV – началу XVI в. Аналогичные изразцы найдены при исследовании Успенского собора тверского Отроча монастыря. Использованы они были и в убранстве построек в Селижарово, Москве, Коломне, Николо-Песношском монастыре, Волоколамске[10]. Возможно, совпадение тут чисто случайное, но тверской епископ Акакий (занимал Тверскую кафедру в 1522–1567 гг.), освятивший в 1564 г. расположенный поблизости вновь построенный каменный храм Святой Троицы («Белая Троица»), был тесно связан с Иосифо-Волоколамским монастырём (монашеский постриг принял от самого Иосифа Волоцкого).

А. М. Салимов считает, что все эти изразцы могли изготавливаться в Твери, возможно, даже поблизости, где «место изстари каменщиково»[11]. Косвенным доказательством подобного предположения может являться также плохой обжиг найденных фрагментов.

В южной части **«усадьбы А»** исследованы две ямы (№ 40 и 41), являвшиеся, по всей видимости, подпольной и подпечной ямами какой-то наземной постройки. Из ямы 41 происходит 3 резных костяных предмета (Рис. 3: 1–3). А рядом, в столбовых ямах, связанных с оградой и вымосткой «проулка», найдено 16 пиленых костей. Вероятно, это говорит о занятии кого-то из обитателей усадьбы косторезным ремеслом.

Еще больше отходов и полуфабрикатов косторезного производства встречено в яме № 4 на **«усадьбе Б»**. Это очень большой и глубокий (5,26 × 4,25 × 1,69 м) подпол жилища 1-й половины XVI в. После того, как постройка прекратила своё существование, яма достаточно долго (судя по материалам верхней части заполнения — до 2-й половины XVIII в.) простояла в виде незасыпанной западины, постепенно заполняясь землёй и мусором.

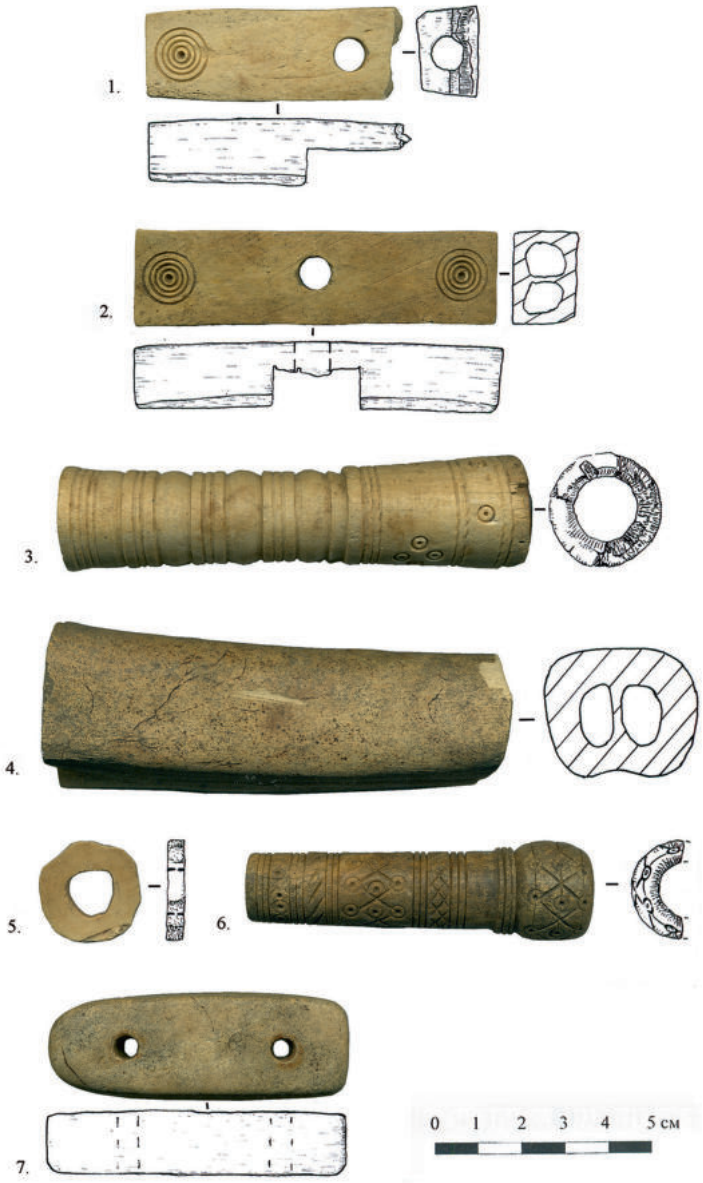


Рис. 3. Костяные изделия и заготовки: 1–3 – из ямы № 41; 4–6 – из ямы № 4; 7 – из ямы № 17

Рис. 4. Белоглиняный поливной сосуд

Постройка была ориентирована по сторонам света, по всему периметру дна шла канавка, в которой крепились нижние части обшивки стенок подпола. Последние представляли собой, судя по всему, вертикальные столбики или поставленные вертикально выпуклой стороной внутрь подпола плахи. На дне — несколько ямок различных размеров и глубины.

В заполнении встречаются пережжённые камни и печина, на дне — несколько крупных камней, керамические плитки пола (вероятно, использовавшиеся в конструкции подов печей), глиняные орнаментированные фрагменты оформления устья печи. Судя по всему, печь в постройке была глинобитная с использованием камней, однако сказать что-либо более определённое о её конструкции трудно.

Из 150 индивидуальных находок ямы № 4 наиболее массовые категории — предметы из железа и их фрагменты (всего 41), пилёные кости — отходы косторезного ремесла (36 штук). Найдено несколько предметов из кости: 3 заготовки изделий, фрагмент орнаментированной пуговицы (?) и богато орнаментированная рукоять (Рис. 3: 4–6). Рядом, в заполнении ямы колодца XVIII в., представляющем собой переотложенный слой более раннего времени, найдены заготовка рукояти, идентичная заготовке из ямы № 4, и целая рукоять (Рис. 3: 7).

В яме № 4 найдено 8 медных пул (3 пула Г-360 [12], 2 пула Г-358, одно Г-413, одно большое — Г-236, одно не определяется). Все, кроме одного, — малые, в том числе те, которые найдены в нижних слоях заполнения. Начало чеканки некоторых типов малых пул можно отнести к 90-м гг. XV в., а основное время хождения — к XVI в. [13]

О статусе и благосостоянии владельца усадьбы свидетельствует значительное количество фрагментов глиняных сосудов с зелёной, жёлтой и коричневой поливой (всего 16 обломков). Среди последних следует отметить полный профиль поливного белоглиняного сосуда с золотисто-коричневой поливой и аналогичный целый сосуд с зелёной поливой (Рис. 4). Эти сосуды в форме усечённого конуса (размеры 9 × 12 см) имеют носики-сливы и несъёмные крышки, составляющие единое целое с сосудом. Единственная ручка — только на крышке. На перемычке между туловом и носиком — по два сквозных отверстия.

Рис. 5. Перстень-печатка с надписью

Есть вероятность, что за отверстия в носике и ручке изделие могло привешиваться так же, как рукомой.

Впервые опубликовавшая их Е. А. Романова атрибутирует эти предметы как «поильники» для детей или больных[14]. С другой стороны, смущает, что дорогая парадная посуда могла использоваться для указанных целей. Малый объём предполагает какое-то редкое или дорогое содержимое, например, оливковое масло. Однако отсутствие ручек на тулове сосудов делает их не очень удобными в качестве столовой посуды. Нам не удалось подобрать какие-либо убедительные аналогии ни в археологических, ни в этнографических материалах, так что своей версии использования найденных сосудов у нас пока нет.

Пожалуй, самой интересной находкой в заполнении ямы № 4 является позолоченный перстень-печатка из белого металла (серебра?) с надписью: «БОГА БОЙСЯ ПРАВДЫ ДЕРЖИСЯ» (Рис. 5). Эта находка ещё больше подчеркивает высокий статус владельца усадьбы. Надпись является перефразированным вариантом строки из книги Екклесиаста «бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека» (12: 13). Вероятно, на этом же изречении основана русская пословица: «Богу молись, а добра ума держись». Такая печатка вполне могла использоваться келейником или казначеем архиерейского двора и в то же время служить напоминанием, своего рода девизом в борьбе с немалыми искушениями в его нелёгкой службе.

Находки последней четверти XV–XVI вв. с раскопа 71 на Затьмачье свидетельствуют о процветании города после присоединения Твери к Московскому княжеству вплоть до разгрома войсками Ивана Грозного во время похода на Новгород в 1569 г. Здесь, на берегу Тьмаки, рядом с мостом, поблизости от кремля жили в достатке тверские ремесленники и служилые люди архиерейского двора.

---

[1] *Персов Н. Е.* Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Брагина, 2 на территории б. Затьмацкого посада г. Твери в 2005 г. Раскоп № 71. Тверь, 2006. Архив ИА РАН. Р-1.

[2] Тверь. Книга писцовая и межевая письма и межевания Лариона Шишкова да подъячего Алексея Челюскина 193 и 194 годов (1685 г.) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 470. Л. 220.

[3] *Щенков А. С.* Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 28. М., 1980. С. 29–36; *Новиков А. В.* Отчет об охранных археологических раскопках на Затьмацком посаде г. Твери в 1995 г. Архив ИА РАН. Р-1; *Хохлов А. Н.* О местоположении церкви Алексея — Человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь. 1997. С. 257–261.

[4] Тверь. Книга писцовая и межевая письма и межевания Лариона Шишкова да подъячего Алексея Челюскина 193 и 194 годов (1685 г.) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 470. Л. 220.

[5] Выпись из тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь. 1901. С. 107.

[6] Там же. С. 106.

[7] *Щенков А. С.* Указ. соч. С. 30.

[8] Вся коллекция находок Раскопа № 71 хранится в фондах ГБУК ТГОМ.

[9] *Салимов А. М., Персов Н. Е., Солдатенкова В. В.* О вновь отрытых терракотовых изразцах // Архитектурное наследство. Вып. 50. М., 2009. С. 117–118.

[10] Там же. С. 118.

[11] Там же. С. 117.

[12] Г-... – вариант по П. Г. Гайдукову. См.: *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М., 1993.

[13] *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. С. 72, 178, 193, 204.

[14] *Романова Е. А.* Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // НиНЗ ИА. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 322, 324, 325.

Д. А. Петров

Вино в составе даров новгородцев великому князю Ивану III, поднесенных во время походов 1475–1476 и 1478–1479 гг.

В русской истории есть эпизод, давно и неоднократно описанный исследователями[1], — это подношение даров новгородцами (владыкой, боярами, житьими) Ивану III во время «похода миром» в Новгород зимой 1475–1476 гг. на встречах и пирах. Во всех исследованиях упоминания об этих дарах сопровождают изложение событий политической истории Новгорода. Только В. Н. Бернадский заинтересовался ценностью некоторых даров, сравнив их с реальным монетарным и материальным эквивалентом[2]. Недавно мы попытались идентифицировать некоторые из этих даров с конкретными типами произведений западноевропейского прикладного искусства[3].

Однако, как нам кажется, летописные рассказы содержат достаточно разнообразный и уникальный материал для истории материальной культуры (включая историю русской гастрономии), истории искусства, истории дипломатического церемониала и дворцового делопроизводства. Ниже мы попытаемся несколько более детально разобрать указанные вопросы.

Сведения о походах Ивана III в Новгород (2 сентября 1475 – 8 февраля 1476 гг. и октябрь 1478 – февраль 1479 гг.) содержатся в нескольких источниках: в повести «О поезде великого кн(я)зя в Великии Новъгородъ», содержащейся в СПЛ, и летописной статье 6986 г. там же[4], и в летописных статьях 6984 и 6986 г. в тексте НПЛ[5], и в ряде других летописей. Статья 6984 г. НПЛ очень близка к этой повести, но имеет сокращения в объеме (в ней содержится только отчет о пирах и полученных на них дарах).

Объем настоящей работы не позволяет проанализировать все категории даров, поднесенных великому князю: поставы ипрского сукна (1 постав камки), золотые монеты («корабельники» и «угорские»), новгородские серебряные рубли, напитки (вино красное и белое в бочках и мехах, бочки меда), лошади (жеребец и лошаки), охотничьи птицы (кречеты и сокол), «рыбий зуб», «сорока» соболей, произведения прикладного искусства (панагия, цепь, пояс, рог, посуда). Мы хотим ограничиться обсуждением только одной формы даров — напитков, т. е. красного и белого вина и меда.

Состав летописей, в которых имеются разные варианты рассказа о «походе миром», достаточно обширен. В свое время И. В. Лепко попыталась проанализировать и разделить их на категории, в том числе и по степени точности и достоверности изложения событий[6]. Однако, на наш взгляд, ясной картины ей создать не удалось. Важнейшим вопросом здесь, наверное, является происхождение источников этого рассказа. Автор летописных статей, вероятно, воспользовался описями приема даров, которые должны были составлять служащие дворцового ведомства. Об этом свидетельствует форма описания даров с характерным обязательным указанием точного веса изделия из драгоценного металла. Такого рода документы, происходившие из великокняжеской канцелярии, хорошо известны с середины XIV в.[7] Делопроизводственные документы Казны и Дворца конца XV в. не сохранились[8]. Для вина мы можем предполагать следующую схему учета. По более поздним источникам конца XVI–XVII вв. хорошо известно, что учет перемещения продуктов и напитков велся раздельным делопроизводством по Сытенному, Кормовому и Хлебенному Дворцам, что неоднократно отмечается в документах. Несомненно, что среди служащих Двора великого князя, шедших с ним в такие грандиозные походы, находились соответствующие чиновники, отвечавшие за стол великого князя и составлявшие такого рода документы.

Предполагать вслед за И. В. Лепко, что в основе записей о пирах разных летописей лежит новгородский источник[9], на наш взгляд, совершенно невозможно. Мы видим четкую фиксацию разных по характеру даров (от изделий весом в несколько килограммов серебра и хрустальных дарохранительниц до блюда с яблоками), поднесенных совершенно разными людьми в разных обстоятельствах и в разное время одному человеку — великому князю. Очевидно, что оказаться в одном списке они могли только в одном месте — в документе вроде «приходно-расходной книги» великокняжеской Казны или Дворца (ср., например: «А что даровъ отпущено отъ великого князя великому князю Александру Литовскому, ...и то записано на казенномъ дворе»[10]). Ведь все изделия взвешены и описаны, а это ординарный признак учета. Вероятно, такими записями и воспользовались составители летописей. Рассмотрим сообщения летописей (упоминания о вине и меде выделены нами курсивом) о подаренных великому князю напитках.

1. (1475 г.) «В 17, в пяток, на усть Волмы стоял князь велики во Влуком ... А изо Влукова стоял князь велики в Рыдыне на реце на Холове, ту его стретил Великого Новагорода архиепископъ Феофил от города за 90 верстъ, а с ним князь Василеи Васльевич Шюискои да посадник степеннои Василеи Онаньин, посадник Иван Офонасов, посадник Кирил Яковль, тысяцкои степеннои Василеи Есипов, Василеи Микифоров, Исак Семенов сынъ Шенкурскои да архимандрит Юрьева монастыря Федосеи, игумен хутинскои Нафанаил, да вежецкои Варлам, да казначеи Сергеи, да духовникъ Еуфимеи. От владыки *две бочки вина, красного едина, а белого другая* (ср.: «Пировал у архиепископа Феофила... а проводного бочка вина красного, а другая белого»[11]; «Пиръ у архиепископа Феофила... а проводнаго бочка вина красного, а друга белого»[12] — *Д. П.*), а от тех ото всех *по меху вина*. По тех ударили челом великому князю Василеи Глазоемцов, Родивон Норов да бояре новугородцкии и житьи люди Кирил да Михаило Ивановы дети Мокарьева, Микифор Хмелев, Самоило Деревяшкин, Алексеи Скокухин, Микифор Степановъ, Александръ Климентьев, Иван Офремов, Михаило Богуславль, Никита Григорьевъ, Матфеи Костянтиновъ сынъ Домажиров, Василеи Филипов *по меху все*, Лука да Василеи Полинарьины *мех*, Киприянъ Григорьевъ з двемя сыны *два меху*, Иван Онаньинъ, Александръ Луких Сляковых мехъ, Василеи Анфимов подвоискои *мех*. И того дни у великого князя архиепископъ и князь Василеи, и вси прежеречении

с ними на обеде его ели и пили, и отпусти их от себе. И по тех приидох к нему два старосты улици Славковы Иван Кузминъ да Трофим Гигорьевъ, а Никитины улици два же, Григореи Кирпиянов сын Арзубьева да Василеи Фомин, а явили обеих улиц *бочка вина красного*» [13].

На этой встрече, шестой по счету и состоявшей из первой части, по-видимому, официальной, протокольной (на ней присутствовали все высшие руководители Новгородского государства — владыка, новгородский служилый князь, степенный посадник, степенный тысяцкий, посадники, новгородский архимандрит, игумены крупнейших монастырей, высшие служащие Владычного двора), второй и третьей, статус которых не совсем ясен (в последней участвовали действующие новгородские «административные» руководители — старосты двух улиц), московский князь получил 2 бочки красного вина, бочку белого вина и 17 (29?) мехов вина.

2. «А из Рыдина стоял князь велики ноября 19, в неделю, на Лытне на реце Мсте за 50 верстъ, и ту стретили его бояре и житьи люди Мосеи Федоров, Лука Афонасов, Костянтинъ Богдановъ сын Бабкыны, Яким Онаньинъ, Дементеи Андреевъ сынъ Емецкои, по меху. Мнози же от старостъ купецких и купци мнози, житьи люди стретоша его *вси с вином...*» [14]. На этой промежуточной встрече Иван III получил не менее 5 мехов, хотя, скорее всего, их было намного больше. Заметим, что на предыдущих 6 встречах (5, 7, 14, 15 и 16 ноября), несмотря на участие в них достаточного количества людей и упоминание о «поминках», в том числе от наместника и дворецкого великого князя, представителя владыки, подвойского, «старых» посадников и тысяцкого, житьих, вручавших поминки «от всего Новгорода» (т.е. официально), вино ни в каком виде не упоминается.

3. «В 20, в понедельник, стоял князь велики въ Плашкине за полтретьятцеть верстъ, и ту стретоша его посадници Фома Андреевич Курятник, Федор Окинфов сынъ Глазоемцовъ, Яков Слизень, Никита Федоров, тысяцкои Олфереи Михалков, Никита Кирилов, посадничь сынъ и бояре новугородстии Климентии Филипов сынъ, Савел Семеновъ, Лука Остафьевъ, Матфеи Онаньинъ, Захарья Григорьевъ, а житьи Степан Железцов, Фалелеи Остафьевъ, *все по меху вина*. Да староста городищецкои Ивашко Обакумов со всеми городищаны *бочку вина белого*, полтретьяста яблок, блюдо ягод винных» [15]. 13 мехов великий князь получает от разных новгородцев, а бочка белого вина дарится старостой княжеской резиденции — Городища. Не совсем понятно, был ли он подчинен Великому Новгороду или находился в юрисдикции великого князя.

4. «Ноября 23, в четверг ... поиде князь велики на обед къ архиепископу и яде у него и питьи весело, а архиепископъ многими дары одари великого князя. И князь велики, веселився, поеде к себе на Городище. Архиепископъ же еде по нем великою честью и с вином, *а проводного бочка вина красного, а другая белого*» [16].

Бочки красного и белого вина были, судя по контексту летописной статьи, вручены великому князю после или в конце пира. Этот дар назван «проводным».

5. «Ноября 24, в пятницу, таже и въ прочаа дни посадници и тысяцкие, и бояре, и житьи люди, и известники, и все поидоша к великому князю челом ударити с поминки *и с вином*, и всякие манастыри, и изо всех властеи новугородцких старосты и лутчие люди...» [17].

Вино не исчисляется, но, думаем, можно предположить, что это было вино в мехах.

6. «Декабря 14 князь велики пировал у владыки ... а проводного *бочка вина, две меду*» [18]. (ср.: «Декабря 14 пировалъ князь велики у архиепископа; ...а проводного бочка вина, 2 меду» [19]; «Декабря въ 14 день. пировалъ князь велики у архиепископа... а проводного бочка меду, 2 вина» [20] — *Д.П.*).

Не совсем понятно, какому из источников следует доверять больше: 2 бочки вина (красного и белого?) и бочка меда или бочка вина, 2 бочки меда. Хотя две летописи (НIVЛ и СIЛ) говорят о 2 бочках меда и 1 бочке вина, вариант НIIЛ больше соответствует характеру дарения вина в других случаях. Этот дар назван «проводным».

7. «Месяца генваря 1 день. Пиръ у Якова у Коробова... а отъ внука его отъ Ивана Дмитреева сына Исакова: ... *да 2 бочки вина*[21]». (ср.: «Месяца генваря в 1 день пиръ у Якова у Коробова... да отъ внка его Ивана Дмитревича сына Исакова... *2 бочки вина*» [22] — *Д.П.*).

Непонятно, почему сведений об этом пире нет в нашем основном источнике – СIЛ, но мы знаем о дарении 2 бочек вина (возможно, красного и белого?).

8. «Генваря 6 пир у посадника у Фомы... 2 *бочки вина белого*»[23] (Ср.: «Въ 6 день. Пиръ у посадника у Фоме... *2 бочки вина белого*» [24]; «В 7 пиръ у посадника у Фомы... *2 бочки вина белого*» [25] — *Д.П.*).

Несмотря на путаницу в дате пира, понятно, что речь идет о 2 бочках белого вина.

9. «Месяца Генваря 19 пиръ у архиепископа Феофила третий на великого князя былъ... а на проводы челомъ ударилъ архиепископъ великому князю три бочки вина белого да две бочки вина красного да две бочки меда старого» [26]. Это уникальное известие Никоновской летописи, не имеющее аналогов в других летописных текстах. Здесь упомянуты три бочки белого вина, две бочки красного вина и две бочки меда «старого».

При описании событий 1478–1479 гг. летопись не содержит детальных рассказов о пирах великого князя, которых, возможно, и не было, либо они имели бытовой, неофициальный характер. Мы знаем только о последних встречах великого князя с владыкой и новгородцами в феврале 1479 г. «Февраля 17, во вторник, рано выехал князь велики из Новагорода, а был ему 1 стан въ Ямнах. А на тот стан приехал за ним владыка проводити его, явил *бочку вина* ... А бояре новугородцкие и житьи явили мехи *вина и меду*, да ели у него все и пили с ним...» [27].

Бочка вина, подаренная новгородским владыкой, приехавшим проводить великого князя, по-видимому, может считаться «проводным» в терминологии рассказа 1476 г. Мехи вина и мехи с медом вручаются, как и в предыдущем визите московского государя, боярами и житьими.

За период с 18 ноября по 7 января 1476 г. великий князь получил в Новгороде в подарок не менее 16 бочек вина, в т.ч. достоверно — 8 бочек белого и 5 бочек красного. 10 или 11 бочек было подарено архиепископом, 4 бочки – боярами, 2 бочки — уличанскими старостами. Вино в мехах (не менее 35/65 шт., но реально их было значительно больше) великий князь получал на станах, в похо-

Рис. 1. Пир 14 декабря 1475 г. у новгородского владыки. Миниатюра. ЛЛС. Шумиловский том. Л. 145 об.

Рис. 2. Пир 1 января 1476 г. у Якова Федорова. Миниатюра. ЛЛС. Шумиловский том. Л. 149 об.

Рис. 3. Пир 6 января 1476 г. у посадника Фомы. Миниатюра. ЛЛС. Шумиловский том. Л. 151 об.

Рис. 4. Изготовление бочек. Hausbücher der Nürnberger Zwölfbrüderstiftungen. Stadtbibliothek Nürnberg. mb. 317.2° Folio 97 recto (Mendel I). 1478 г.

де (характерно, что и в 1479 г. меха дарили на стане), но не на пирах. Вино в такой «таре», по-видимому, дарили новгородцы, не занимавшие высоких официальных должностей. 24 ноября дары с вином были переданы великому князю, возможно, без пира, т.к. в источнике об этом не упоминается. Белого вина больше, но для статистических выводов информации недостаточно. Отметим, что мед мы встречаем только два раза в виде «бочек», хотя в рассказе 1479 г. упоминаются и «мехи меду». Интересно упоминание «меда старого».

Получение великим князем Московским даров от новгородского владыки и бояр в форме «бочек вина» хорошо коррелирует с требованием новгородцев предоставлять бочку красного и бочку белого вина в дар великому князю от ганзейцев: «Столь же спорными сделались подарки великому князю, которые по обычаю Немцы давали ему во время посещения им Новгорода; Немцы называют эти подарки „visiteringhe“, т.е. плата за визит, что как раз соответствует древнерусскому подъездному или подъезду, который брали великие князья при посещении волости, или владыки при объезде эпархии» (ср.: дары вином при объезде архиепископа Трирского своих владений — *Д.П.*)[28]. Любопытные сведения об этих подарках находим в отчете послов, бывших в Новгороде в 1436 г.; на заседании 30 мая новгородские уполномоченные стали жаловаться ганзейским послам, что Немцы в недавнее посещение великаго князя не оказали ему надлежащаго почета: «вам бы следовало, — говорили уполномоченные, — выехать на встречу великому князю, да позвать его к себе в гости во двор, подарить ему кусок ипскаго сукна, да две бочки вина, бочку белаго и бочку краснаго; вам бы нужно было послать бочку краснаго вина посаднику, чтобы он мог подарить великаго князя, если бы он пожаловал к нему в гости, а также и тысяцкому; между тем когда великий князь прибыл в Новгород и мы послали к вам во двор за подарками, вы необратили на это никакого внимания; вследствие того Новгород заплатил из-за Немцев 200 гривен серебра, и только тем успокоил великаго князя, который очень разгневался на Немцев и хотел силой вытребовать от них следующие ему подарки»[29].

К сожалению, никаких дополнительных источников по интересующей нас теме нам не известно. Миниатюра Лицевого летописного свода, иллюстрирующая рассказ о пире у новгородского архиепископа 14 декабря 1475 г., не дает никакой новой информации. На ней в верхнем углу изображена сцена проводов великого князя, за спиной которого показаны две «розовых» и одна «зеленая» бочки, стянутые многочисленными перетяжками.

Вино являлось продуктом импорта и, очевидно, поставлялось только ганзейскими купцами[30], хотя есть небольшая вероятность, что им могли торговать те немногочисленные голландские купцы, которые иногда попадали в Новгород[31]. Вино хранилось на Немецком дворе у алтаря церкви и в «Морвенговой комнате»[32]. Вероятно, вино употреблялось на самом Немецком дворе, о чем свидетельствуют фиксация в описи кувшинов для вина в 1494 г. и сведения о наличии на территории двора в XV в. корчмы[33].

Многочисленные «меха вина», поднесенные Ивану III, указывают на форму розничной торговли вином. Вряд ли многие новгородцы могли позволить себе держать в погребе бочку вина. Скорее всего, основной торговой единицей при продаже вина был мех.

Проблему для винной торговли немцев представляли три обстоятельства — слив вина из бочки, разбавление вина и уменьшение размера бочки от принятого стандарта[34]. По-видимому, неполное заполнение бочки было обычной практикой и требовало постоянного контроля. IV редакция Скры прямо требует в параграфе 113: «С. Далее, города постановили, что никто на должен продавать вино или какие-нибудь напитки кроме как полными бочками [под угрозой] штрафа 50 марок и лишения прав двора»[35]. Недостаточное выполнение этого требования привело к появлению в V редакции Скры[36] должности «weinfinder» («винного дознавателя»). По-видимому, бочки затыкались обыкновенными пробками, и вероятность «слива» ценного продукта была высока[37].

Вино было настолько ординарным продуктом продажи ганзейцами в Новгород, что даже входило в условный «перечень» «русских товаров» (см., например, письмо от 8 августа 1471 г. Любека ревельскому городскому совету о закупке нарвским ратманом «меда, вина и других русских товаров»[38]). Хотя, по мнению А.Л. Хорошкевич, торговля вином ганзейских купцов в самом Новгороде не имела больших объемов[39], мы знаем о его распространении не только в самом Новгороде (например, по остаткам бочек с владельческими ганзейскими знаками на самых богатых новгородских усадьбах[40]), но и в новгородских пригородах, о чем свидетельствует старорусская берестяная грамота № 39, относящаяся к рубежу XIV–XV вв. («Поклон от Григория Ермоле и Озекею. Я послал тебе шесть бочек вина, [уровень] как палец достанет, так что ты это хорошенько проверь. А продай как и те, на тех же условиях; а продал, так ты это [полученное] отошли. А моим ребятам (?) денег не давай, пошли вместе с долгом»[41]). Очевидно, что бочки с вином, посылаемые в Русу, — это импортное вино, привезенное ганзейскими купцами в Новгород и перепродаваемое в новгородском пригороде через торгового агента. Шесть бочек – это, видимо, довольно большой объем для такого маленького в конце XIV в. города, как Руса.

С высокой степенью достоверности мы можем предполагать, что это было сладкое вино. «Van zoeten vijne de velke de russen plegen to kopene» («сладкое вино, которое обыкновенно привозят русским»), — написано в распоряжении г. Брюгге о запрете разбавления вина (1406 г.)[42]. Вероятно, здесь мы видим реакцию на обращение съезда ливонских городов в Дерпте в 1402 г., где говорится о разбавлении сладких вин, на что жаловались новгородские и псковские купцы[43].

Торговые книги купца Гильдебранда Фекингузена, учредившего с братом в Брюгге в 1401 г. компанию «Nawgarder Reise» («Новгородский путь») и торговавшую через Кельн, Любек и ливонские города с Новгородом, так описывают вина, отсылаемые в 1406–1408 гг. в Ливонию: «За неделю до Михайлова дня [22 сентября] послал я в Ревель половину из десяти бочек сладкого вина, половина эта стоила 17 ливров 8 шиллингов 3 грота... Затем послал я в Ревель 12 бочек сладкого вина; это стоило вместе с 6 английскими нобелями 30 ливров. Еще послал я в Ревель 1 большую бочку [bote... ? quites] вина, оно стоило 5 ливров... Послал я еще в Ревель с кораблем Гуннингена

16 больших бочек [bote] сладкого вина, они стоили вместе 31 ливр 16 шиллингов 11 грот, часть вина была на корабле Арнта фон Гассельте...» [44].

По мнению А.Л. Хорошкевич, Ганзейский союз импортировал французские, испанские, рейнские и греческие вина [45]. Однако она опирается на работу Х. Хартмаера, где нет точного указания на конкретные вина, привозимые в Новгород [46]. Большинство вин, кроме рейнских, которые можно было через Кельн и Любек отправлять в Балтийский регион, минуя промежуточные пункты [47], перевозились в Ливонию в два этапа. Средиземноморские вина (греческие, испанские) доставлялись во Фландрию (см., например, торговую привилегию епископа Утрехта 1453 г. для мальвазии, греческого вина и рейнвейна [48]) или вендские города и оттуда — в Ригу и Ревель. Португальские могли привозиться ганзейцами на своих кораблях в Любек и Данциг. Французские вина в определенных случаях могли доставляться прямо в Данциг. Однако, насколько мы знаем, известий о прямых поставках в ливонские города и оттуда в Новгород, нет [49].

К сожалению, ясно определить ассортимент вин, поставляемых в Ливонию, мешает фрагментированность и бедность источников. Мы имеем только отрывочные сведения, разновременные и случайные. Но, например, известно, что в 1490–1492 гг. в Данциг, Ревель и Ригу привозились «Poitouwein», (французское вино), «Bastart» (испанское вино), «Romanie», «Malvasier» (вина средиземноморской Романии) [50].

Наиболее близкий по времени к событиям 1475 г. «русский» источник, мемуары С. Герберштейна, говорит нам только о «Мальвазии» и «Греческом вине» [51]. Возможно, что под «греческим вином» имеется ввиду «романея».

Более поздние источники конца XVI – начала XVII вв. называют приблизительно один набор вин. Наиболее ранний сохранившийся реестр импортных вин, датируемый временем после 1572 и до 1610 гг., показывает нам следующие сорта вина: «Алкат», «Бастр», «Конарское», «Красное», «Мушкатель», «Ренское», «Романею», «Шпанское» [52].

Новгородские таможенные документы 1610-х гг. знают такие вина: «Алкан» («Алкант», «Аликанч»), «ишпанское вино Бастр», «Ковитово вино», «Коньячное» («Коньякьское», «Коянское») вино», «Красное вино», «Красное питье», «Крилгелия», «Пардие (?) вино», «Ренское вино», «Франское вино» («Вранское вино», «Фряское вино»), «Шпанское вино» [53]. Однако вряд ли следует принимать их во внимание, ведь за прошедшие со времени присоединения Новгорода 100 лет принципиально изменилась структура мирового производства вина, торговых агентов и торговых путей.

Возможно, белое вино новгородских даров – это немецкое белое вино («ренское» источников XVI–XVII вв.), производившееся на Верхнем Рейне и, вероятно, бывшее крепленым, сладким (даже в начале XVIII в. в России пили такое вино, известно о «ренском сладком», которое подавали царице Прасковье Федоровне на обеде в Донском монастыре 14 июня 1723 г. [54]) и ароматизированным специями [55].

Красное вино летописного рассказа — это, вероятно, мальвазия («мальмазея» поздних русских источников), красное греческое сладкое вино, производившееся на Пелопоннесе в XIII–XV вв. до захвата турками, которое венецианцы вывозили из византийской Моневмасии [56]. Оно экспортировалось в Европу. Это было широко известное и, по-видимому, очень популярное вино. Достоверно известно, например, о потреблении мальвазии в Англии в последней трети XV в. [57] Известно, что мальвазия имела три сорта («Malvasia dolce» — сладкая, «ликерная», «Malvasia tonda» — мягкая, «Malvasia garba» — сухая и кислая) [58]. Только «Malvasia dolce» подходила для транспортировки на далекие расстояния.

Возможно также, что «красное вино» летописного рассказа — это «романея» более поздних русских источников («vini di Romania», «Romenie» или «Rumenie»), вино, производившееся в средиземноморской «Романии» — т.е. на берегах Средиземноморского, Ионического морей, на Кипре, Крите, на Ионических островах и даже в ливанском Тире [59]. Впрочем, для столь раннего времени (второй половины XV в.) детальной информации по этому вопросу мы не располагаем.

Оба этих экспортных вина («мальвазия» и «романея»), в дальнейшем реэкспортировавшихся в Северную Европу, итальянцы выделяли в особую группу — «Vini Navigati» [60]. Из-за своей сладости и крепости эти вина могли перевозиться на дальние расстояния. Красное вино теоретически также могло быть рейнвейном, но такое вино не пользовалось популярностью. О потреблении французских вин на Руси до второй половины XVI в. нам ничего не известно.

Дарение вина трудно отнести к какой-то категории даров. Летопись тщательно избегает как-либо определять это дарение («дар», «поминок», «посул» и т.д. [61]). Для вина употребляется только термин «проводное», т.е. подаренное на дорогу. И если остальные дары совершенно «встраиваются» в ряд последующих посольских даров XVI–XVII вв., то вино никак не соотносится с этой категорией даров. Вино имеет большое значение в собственно церемониале пира [62], но дарение бочек прямо к этому не относится. Поэтому для истории посольского обычая описанные в летописи акты дарения московскому государю новгородцами вина, на наш взгляд, значения не имеют. Для истории же русской гастрономии как части материальной культуры эти сведения, несомненно, представляют большой интерес.

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 2. Т. VI. Стб. 63–65; *Лепко И.В.* Поход Ивана III «миром» в 1476 г. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Кафедра истории СССР. Л., 1948. Т. 78. С. 133–165; *Алексеев Ю.Г.* Поход «миром» и Городищенское стояние 1475–1476 гг. // НИС. СПб.-Новгород. Вып. 4(14). С. 97–115; *Борисов Н.* Иван III. М., 2000. С. 253–256.

[2] *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961. С. 151–153.

[3] *Петров Д.А.* Серебряные изделия, принадлежавшие новгородским архиепископам и боярам в казне Великого князя Московского (в печати).

[4] ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 241–251, 284–285.

[5] Новгородския летописи. СПб., 1870. С. 55, 57.

[6] *Лепко И.В.* Поход Ивана III «миром» в 1476 г. С. 136–140.
[7] (Около 1339 г.) Духовная грамота Великого князя Ивана Даниловича Калиты; (Около 1358 г.) Духовная грамота великого князя Ивана Ивановича; (Около 1389 г. апреля 13 – мая 16.); Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича; (Около 1417 г. июля. Духовная грамота (вторая) великого князя Василия Дмитриевича; (1433 г., около февраля) Духовная грамота князя галицкого Юрия Дмитриевича. Духовная грамота князя углицкого Дмитрия Ивановича, брата в. кн. Василия Ивановича. 1521 г. ранее февраля 14 // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 411; 1494 г. август – ноябрь – 1495 г. января 15. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны, отправленное с нею в Великое княжество Литовское. Отрывок // *Хорошкевич А.Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны // Советские архивы. 1984. № 4. С. 32–34.
[8] *Хорошкевич А.Л.* Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. С. 30, прим. 4.
[9] *Лепко И.В.* Указ. соч. С. 136–140.
[10] Запись о свадьбе Московской великой княжны Елены Иоанновны с Литовским великим князем Александром, в 1495 году / *Сахаров И.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Часть третья, книга вторая. СПб., 1837. Дополнения. С. 11.
[11] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 514.
[12] Новгородския летописи. СПб., 1878. С. 55.
[13] ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 242–243.
[14] Там же. Стб. 243.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же. Стб. 247
[19] Там же. Т. IV. Ч. I. С. 514.
[20] Новгородския летописи. С. 55.
[21] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 514.
[22] Новгородския летописи. С. 55.
[23] ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 250.
[24] Там же. Т. IV. Ч. I. С. 514.
[25] Новгородския летописи. С. 55.
[26] ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 166–167.
[27] ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 285.
[28] *Бойцов М.А.* Архиепископ Трирский объезжает свои владения // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 317–359.
[29] *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879. С. 223–224, прим. 222.
[30] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 330; *Петров Д.* Упоминания о вине, меде, пиве, солоде и хмеле в древнерусских берестяных грамотах // Fontes Slavia Orthodoxa III. Православная культура: История и современность. «Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie». Olsztyn, 2016. С. 37–70.
[31] *Казакова Н.А.* Ранние русско-нидерландские торговые контакты // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 81–88.
[32] *Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза. М., 2009. С. 142, 276.
[33] *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 61, 66.
[34] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой... С. 332.
[35] *IV Скра.* Пер. И.Э. Кляйненберга // *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы в Новгороде... Приложения. С. 167.
[36] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой... С. 330; *Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза. С. 150.
[37] *Зализняк А.А., Торопова Е.В., Янин В.Л.* Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 7.
[38] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой ... С. 227.
[39] Там же. С. 330.
[40] *Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза. С. 157–160.
[41] *Зализняк А.А., Торопова Е.В., Янин В.Л.* Указ. соч. С. 6–8.
[42] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой... С. 330; См. также: *Лесников М.П.* Торговая книга ганзейского купца начала XV века // Исторический архив. 2. Март – апрель. М., 1958. С. 147–149; Е. Р. Сквайерс переводит это место несколько иначе: «сладкое вино, которое обычно покупают русские».
[43] *Hartmeyer H.* Der Weinhandel im Gebiete der Hanse im Mittelalter. Volkswirtschaftliche und wirtschaftsgeschichtliche. Neue Folge 3. Jena. 1905. S. 47.
[44] *Лесников М.П.* Торговая книга ганзейского купца // Исторический архив. 1958. № 2. С. 148–149.
[45] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой... С. 330.
[46] *Hartmeyer H.* Der Weinhandel im Gebiete der Hanse im Mittelalter. – URL: http://www.lexikus.de/bibliothek/Der-Weinhandel-im-Gebiete-der-Hanse-im-Mittelalter
[47] О ганзейской торговле винами и путях экспорта рейнских и эльзасских вин в ливонские города и Новгород см.: *Hartmeyer H.* Der Weinhandel im Gebiete der Hanse im Mittelalter // Volkswirtschaftliche und wirtschaftsgeschichtliche. Abhandlungen NF 3. Jena 1905. S. 38–40; *E. Spies-Hankammer.* Lübecker Weinhandel. Kultur- und wirtschaftsgeschichtliche Studien. Veröffentlichungen des Senats der Hansestadt Lübeck. Reihe B 6. Lübeck, 1985; *Militzer K.* Handel und Vertrieb rheinischer und elsässischer Weine über Köln im Spätmittelalter // Weinbau, Weinhandel und Weinkultur. Stuttgart, 1993. S 162–169.
[48] *Hartmeyer H.* Der Weinhandel im Gebiete der Hanse im Mittelalter. S. 24.
[49] *Rolf Sprandel.* Von Malvasia bis Kötzschenbroda. Die Weinsorten auf den spätmittelalterlichen Märkten Deutschlands. Stuttgart, 1998. S. 53–54.
[50] *Hartmeyer H.* Der Weinhandel im Gebiete der Hanse im Mittelalter. S. 46–47.
[51] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 561.
[52] *Сахаров Ив.* Торговая книга // Записки Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Археологического Общества. СПб., 1851. Т. I. С. 129.
[53] *Коваленко Г.М.* Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 466–469; *Селин А.А.* Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 475–482.
[54] *Забелин И.* Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865. С. 143.
[55] *Scott T.* German History / (Robinson J., Harding J.) The Oxford Companion to Wine (Oxford Companions). Oxford. 2014 (4 ed.) Электронная версия; См. также: *Scott T.* Medieval viticulture in the German-speaking lands // German History. Vol. 20. 2002. P. 95–115.

[56] См.: *Kalligas H.* «Monemvasia, seventh-fifteenth centuries» // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, 2002. P. 889; *Shea J.* The late bizantine city social, economic and institutial profile. Thesis submitted to The University of Birmingham for the degree of DPн. The University of Birmingham. 2010. P. 69.
[57] *Harris J.* «More Malmsey, your grace?» The export of Greek wine to England in the Later Middle Ages // Eat, Drink and be Merry (Luke 12: 19) — Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A. A. M. Bryer, 2007. P. 249–254.
[58] *Dal Borgo M., Riponti D.* Malvasia: un vino tra legislazione, commercio e diffusione nella Repubblica di Venezia (secoli XIII–XVIII) // Il vino nella storia di Venezia. Vigneti e cantine nelle terre dei Dogi tra XIII secolo e XXI secolo, 2014. P. 218–229.
[59] *Pini A. I.* Il vino del ricco e il vino del povero // La civiltà del vino. Fonti, temi e produzioni vitivinicole dal Medioevo al Novecento. Atti del convegno (Monticelli Brusati, Antica Fratta, 5–6 ottobre 2001). «Centro culturale artistico di Franciacorta e del Sebino». Brescia. P. 585–598.
[60] *Buonanno I.* Drinking in the Scene: Wine History in Theater // Food Studies: An Interdisciplinary Journal. Vol. 6, Issue 4. December 2016, P. 43–58.
[61] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 141–146; *Седов П. В.* Подношения в Московских приказах XVII века // ОИ. 1996. № 1. С. 139–150; *Кондратьева Т.* Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М., 2006.С. 32–44.
[62] *Петров Д. А.* «Питье» на приеме царя Алексея Михайловича в честь английского посла Чарльза Ховарда, графа Карлайла 19 февраля 1664 г. Ч. I. Вино. Церемониал подачи. Ассортимент вин. Снабжение винами Дворца. Хранение вин // Valla. 2017. № 3(3). С. 23–36.

Л. В. Покровская, Е. А. Тянина

Полая птицевидная привеска с Троицкого XV раскопа (находка 2017 года)

Археологические работы на Троицком раскопе, расположенном в Людином конце средневекового Новгорода, были начаты в 1973 г. и продолжаются до настоящего времени.

Богатейшая информация, накопленная за годы исследований, характеризует разные стороны жизни и быта жителей усадеб, открытых на Троицком раскопе, и каждый год коллекция археологических находок пополняется новыми материалами, которые расширяют круг проблем, заставляют рассматривать заново некоторые, казалось бы, уже изученные вопросы.

Рис 1. Полая птицевидная привеска. Троицкий XV раскоп. Находка 2017 г.

Птицевидная привеска-амулет (Рис. 1) найдена на Троицком XV раскопе в 2017 г. (пласт 4, квадрат 1883, полевой № 34, глубина — 70–77 см). Она имеет гладкое объемное неорнаментированное тулово, к которому на восьмеркообразных цепочках прикреплены лапчатые подвески, на голове — гребешок.

Среди зооморфных привесок (около 200 экз.), найденных в Новгороде, только 26 экземпляров можно отнести к группе птицевидных (9 — полых; 17 — пластинчатых). Их небольшое количество свидетельствует о том, что они не имели широкого распространения в Новгороде. Поэтому причины их появления в городе и их интерпретация требуют детального анализа. Также весьма редкой находкой в Новгороде являются подвески в виде утиных лапок. На Троицком раскопе полая птицевидная привеска с гребешком и с подвесками лапчатой формы зафиксирована впервые. Наличие подвесок в виде утиных лапок позволяет связывать ее с культом водоплавающей птицы (утки), характерным для финно-угорской традиции. В то же время гребешок на голове позволяет предполагать ее принадлежность к группе птицевидных привесок, изображающих петуха. Петух почитался у славян как символ света, а пластинчатые привески-петушки могли изготавливаться в древнерусских городских центрах[1]. Полые птицевидные привески, сочетающие в себе эти признаки, довольно хорошо известны и за пределами Новгорода. По классификации Е. А. Рябинина — это XVIII тип, 3 вариант[2], у Л. А. Голубевой привески этого типа относятся к группе полых подвесок с шумящими привесками (4-й тип)[3], а В. Н. Кузнецова объединяет такие привески в группу — А–1. II. 1 (с восьмерковидными цепочками, расположенными вдоль тулова)[4]. Не вдаваясь в подробности различий и особенностей этих типологий, следует отметить, что все исследова-

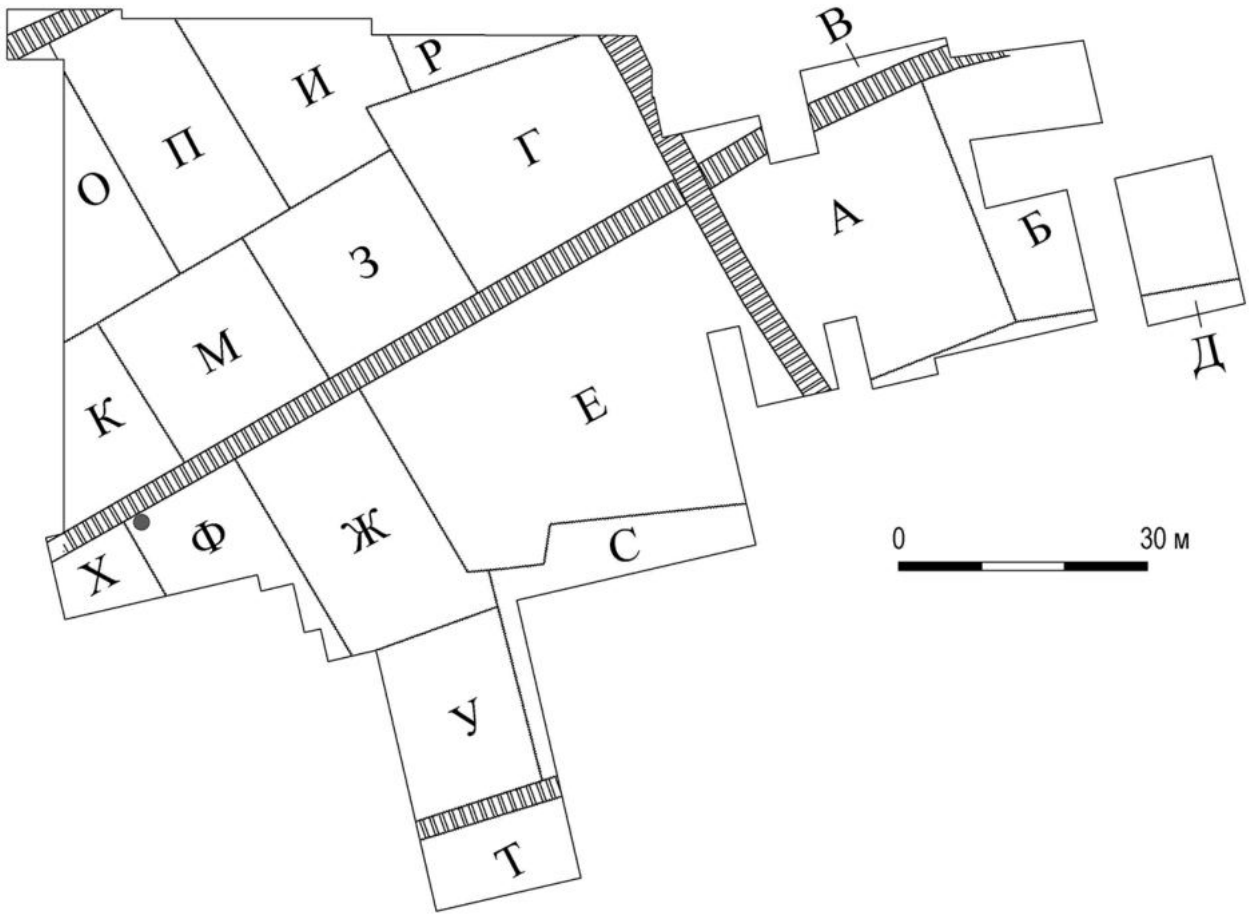


Рис. 2. Поусадебный план Троицкого раскопа с указанием места находки птицевидной привески

тели называют основным отличительным признаком этих привесок наличие гребешка и выделяют их основной район распространения. По сведениям Е. А. Рябинина, 10 привесок XVIII типа, 3 варианта происходят из Приладожья, одна — с северо-запада Новгородской земли, 8 — из Вологодской, Архангельской и Костромской областей. За пределами территории Древней Руси они найдены в Перми, на р. Сысоле и Ветлуге[5]. Л. А. Голубева считает, что этот тип привесок характерен для приладожской и белозерской веси. По ее мнению, из района расселения веси они проникали в ивановское и костромское Поволжье, Среднюю Волгу, Вагу, Прикамье и в области Коми АССР[6]. По мнению В. Н. Кузнецовой, в зооморфных привесках X–XIV вв. прослеживается уже не этническое, а региональное своеобразие[7]. За последние несколько десятилетий коллекция привесок этого типа пополнилась новыми экземплярами[8].

Полые птицевидные привески-амулеты XVIII и XIX типов происходят в основном с Троицкого раскопа, из слоев второй половины XII – первой половины XIII в. (6 экз.). Крупномасштабные археологические исследования в Новгороде проводились только на Неревском и Троицком раскопе, что делает выборку археологического материала достаточно представительной и позволяет сравнивать материалы этих двух крупнейших новгородских раскопов. Поэтому отсутствие полых птицевидных привесок второй половины XII – первой половины XIII вв. на Неревском раскопе (Неревский конец) позволяет предполагать, что их находки на Троицком раскопе являются особенностью вещевых комплексов усадеб, открытых в процессе археологического исследования Людина конца. Все полые птицевидные привески происходят с усадеб, которые расположены к западу от Пробойной улицы (Рис. 2). Распространение полых привесок XVIII и XIX типов в районах, расположенных далеко за пределами Новгорода, в том числе и на северных окраинах, позволяет предположить их привозной характер. Вероятно, их появление на новгородских усадьбах отражает экономические (даннические) связи владельцев усадеб, открытых в процессе археологических исследований на Троицком раскопе, с отдаленными районами Новгородской земли. С этих усадеб происходит комплекс предметов и берестяных грамот, которые фиксируют стабильные и длительные связи их владельцев с северо-востоком Новгородской земли и Восточноевропейским Севером. Так, в слоях XII в. на усадьбах перекрестка Черницыной и Пробойной улиц (усадьбы А и Г) найдены предметы, связанные с Восточноевропейским Севером (антропоморфная привеска, деревянное антропоморфное навершие, изображение моржей на камнях, рисунок на бересте человека в чуме)[9]. В берестяной грамоте № 548, которая датируется второй половиной XII – началом XIII в., упоминается участник похода 1193 г. воеводы Ядрея на Югру Моислав Попович. Другая грамота (№ 589) подписана Жилой, хорошо известным по грамоте Великого князя Ивана Калиты печерским сокольником[10]. Свидетельством тех же связей служит и церковь Троицы на Редятиной улице, построенная в 1365 г. по заказу

«югорцев» (новгородских купцов, торговавших с Югрой). В более ранний период (XI в.) эти связи подтверждаются находками деревянных замков на мешки с данью (цилиндров). На них упомянуты северные промысловые районы Новгородской земли, в которых осуществлялся сбор дани. Например, районы рек Ваги и Пинеге, притоков северной Двины, пункт Устье Ваги и др.[11] Следует также отметить находки последних лет, происходящих с усадьбы Ж (Троицкий XIII раскоп), расположенной рядом с участком, где была найдена в 2017 г. полая птицевидная привеска. Здесь в напластованиях XII в. был обнаружен комплекс грамот Якима, который, вероятно, был управляющим крупным боярским поместьем и вел деловые записи, в том числе и об оплате пушнины (грамота № 1021)[12]. С этой же усадьбы происходит комплекс свинцовых пломб, которыми могли опечатывать связки шкурок пушных зверей, поступающих в Новгород из восточных и северных районов Новгородской земли, и деревянный замок (цилиндр) с надписью «Иване»[13].

Птицевидная привеска-амулет с Троицкого XV раскопа по своей хронологии и топографии хорошо вписывается в эту картину. Она относится к комплексу усадеб, расположенных к югу от Черницыной улицы, была найдена в срубе, в северной части раскопа (Рис. 2). Его северная стена в раскапываемую площадь не попала, но по исследованной части понятно, что сруб имел небольшие размеры и располагался рядом с частоколом, выходящим на Черницыну улицу. Стратиграфически сооружение соотносится с пожаром начала XIII в. (1207 г.), связанного с разгромом усадеб боярского клана Мирошкиничей. Интенсивные следы этого пожара зафиксированы на том же уровне, в основном к востоку от описываемого сооружения. Это соотношение было подтверждено и дендрохронологическим анализом. С венца сруба был получен спил, давший дату 1190 г.[14], т. е. сруб можно отнести к последнему ярусу застройки перед разгромом боярских усадеб. На Троицком XV раскопе в слоях XIII–XIV вв. исследовались две усадьбы — Ф и Х. Однако определение принадлежности данной постройки к конкретной усадьбе вызывает трудности, так как после пожара 1207 г. усадебная планировка этой части Людина конца существенно изменилась. Уточнить эту принадлежность можно будет после исследований нижележащих горизонтов культурного слоя. В срубе, помимо указанной привески, прослежена концентрация находок. В основном это обычные бытовые предметы (ножи, ножницы, веретёна, личина замка, детали кожаной обуви, обрывки ткани), но среди них есть такие находки как обломок лука и наконечник стрелы. Но наиболее значимой находкой была деревянная бирка с надписью «Устье Емца», предназначенная для «маркировки» дани, поступающей в Новгород из отдалённых северных владений. Эта находка, обнаруженная рядом с птицевидной привеской-амулетом, служит ещё одним подтверждением гипотезы о привозном характере этих редких для Новгорода находок, отражающих связи владельцев ряда усадеб Людина конца с северными окраинами Новгородской земли.

Таким образом, полая птицевидная привеска, найденная на Троицком XV раскопе в полевом сезоне 2017 г., органично вписывается в комплекс находок, характеризующих взаимоотношения владельцев усадеб, открытых в процессе археологического исследования Людина конца, с Заволочьем. В этой связи важны находки аналогичных привесок в Вологодской и Архангельской областях[15]. Распространение привесок этого типа из районов их концентрации в эти и другие районы, видимо, демонстрирует экономические, культурные связи и миграционные потоки[16], а в новгородском материале отражает не прямую связь с Приладожьем и Белозерьем, а опосредованную, через северные окраины Новгородской земли, с которыми жители этой части средневекового Новгорода были связаны.

---

[1] *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. САИ. Вып. Е1-60. Л., 1981. С. 57.
[2] Там же. С. 37
[3] *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров. САИ. Вып. Е1-59. М., 1979. С. 19.
[4] *Кузнецова В.Н.* Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы X–XIV вв.: автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2016. С. 13.
[5] *Рябинин Е.А.* Указ. соч. С. 37.
[6] *Голубева Л.А.* Указ. соч. С. 19.
[7] *Кузнецова В.Н.* Указ. соч.
[8] *Макаров Н.А.* Население русского севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990. Табл. XIII: 9, XIV: 20; *Лесман Ю.М.* Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 33–74. Рис. 1: 8; Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. Т. 1. Поселения и могильники. М., 2007. Рис. 202: 6; Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. Т. 2. Материальная культура и хронология. М., 2008. Рис. 125: 1
[9] *Янин В.Л.*Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 321–327.
[10] *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.) М., 1986. С. 18–20, 49–50; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... С. 321.
[11] *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 66–67.
[12] *Зализняк А.А., Янин В.Л., Гиппиус А.А., Рыбина Е.А.* Берестяные грамоты из раскопок 2012 г. // НиНЗ ИА. Вып. 27, Великий Новгород, 2013. С. 115–116
[13] *Янин В.Л., Рыбина Е.А., Степанов А.М., Покровская Л.В., Сингх В.К., Тянина Е.А.* Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий XIII раскоп, участки Г и Г-1) // НиНЗ ИА. Вып. 27, Великий Новгород, 2013. С. 18–19.
[14] Дендрохронологический анализ произведён к. и. н. О. А. Тарабрдиной.
[15] *Рябинин Е.А.* Указ. соч. С. 37.
[16] *Голубева Л.А.* Указ. соч. С. 19.

Т. А. Пушкина

Ножи редкой формы из Гнёздова

Одну из наиболее многочисленных групп находок, обнаруженных при раскопках как курганов, так и Центрального поселения в Гнёздове, образуют ножи. В коллекции их насчитывается более 500 экземпляров, целых или в виде обломков. Анализ формы и размеров целых предметов позволяет утверждать, что среди них преобладают орудия, присутствующие на многих памятниках Руси, в материалах которых отмечены элементы скандинавской культуры — это ножи так называемой IV группы по Р. С. Минасяну. На территории Древней Руси они впервые отмечены в нижних слоях Старой Ладоги (вторая половина VIII – IX вв.). Менее представительны ножи II группы, наиболее распространенные на славянских памятниках VIII–XI вв. на широкой территории от Польши до Поднепровья и Северо-Запада Руси [1]. Считается, что обе группы ножей обычно имели деревянные или, реже, костяные рукояти.

На общем фоне этих находок в гнёздовской коллекции резко выделяются 4 ножа с фигурным завершением железной же рукояти (Рис. 1: 1–4), известные в литературе как «ножи с волютообразными навершиями». В отечественной историографии на такие ножи впервые обратил внимание Р. С. Минасян 40 лет назад. Тогда автору были известны два десятка находок, происходившие из 22 памятников с обширной территории от Польши и Подунавья до Левобережья Днепра и Приильменья, которые он датировал VI–X вв. [2] В настоящее время количество находок увеличилось почти в четыре раза, соответственно, расширился и список памятников [3]. По мнению В. В. Седова, железные ножи с волютообразным завершением рукояти в VI–VIII вв. бытовали в Дунайско-Карпатской области, а в VIII–X вв. они известны на нижнедунайских территориях и на Восточно-Европейской равнине, и их распространение связано с расселением славян [4].

Характерной особенностью этих ножей является то, что они представляют собой плоскую узкую пластину длиной от 8 до 21 см и шириной 0,8–1,5 см, нижний конец которой переходит в однолезвийный клинок, верхний же, раздваиваясь, приобретает S-видную форму или вид симметрично расположенных обычных спиралей. Переход рукояти в клинок не всегда заметен на фотографиях и редко отмечается на рисунках, но почему-то считается, что его длина составляет не более трети от общей длины изделия. Подавляющее большинство из известных по публикациям ножей имеют волютообразное навершие, а S-видная форма встречается исключительно редко. Во всяком случае, на памятниках роменской и боршевской культур, а также на территории Карпато-Днестровского региона отмечены находки ножей только с волютообразным навершием рукояти [5]. В лесной зоне Восточной Европы, не столь богатой интересующими нас находками, наряду с волютообразными навершиями известны единичные экземпляры с S-видными спиралями [6].

Как правило, железная пластина остается гладкой, но иногда та часть, что служила рукоятью, оказывается украшенной геометрическим узором. Как полагал словацкий исследователь С. Шишка, орнаментированные ножи с волютами (тип А) относятся к наиболее ранней группе находок [7]. В связи с этим обращает на себя внимание то, что именно неорнаментированные ножи найдены в Словакии в комплексах, надежно датированных временем не ранее IX в. и даже рубежом IX–X вв. [8]

Гнёздовские находки легко вписываются в круг охарактеризованных предметов (Таблица 1).

Особенности деталей оформления наверший, послужившие ряду авторов для систематизации нескольких десятков находок, позволяют предложить следующую группировку ножей из Гнёздова. Три ножа, рукояти которых имеют волютообразное завершение, относятся к ножам вида А (тип III), а один экземпляр с S-видными симметричными спиралями соответствует виду Б того же типа согласно типологии, предложенной В. Б. Перхавко для материалов Днепро-Неманского междуречья [9]. В соответствии с более поздней типологией Л. В. Корольковой все четыре ножа входят в тип II «бараний рог», но при этом первый и третий экземпляры относятся к варианту 1, второй экземпляр – к варианту 3, а последний, четвертый, — к варианту 6. Отметив бытование выделенных типов одновременно в VII–X вв., исследовательница предположила, что указанные ею признаки вариантов являются хронологическими индикаторами (крутизна завитков волют, направление спирали, форма спирали) [10]. Согласно этим признакам, ножи 1 и 3 вариантов могли бы быть датированы VIII–X вв., а нож, отнесенный к 6 варианту, – VIII в. Источником для классификации послужили прорисовки,

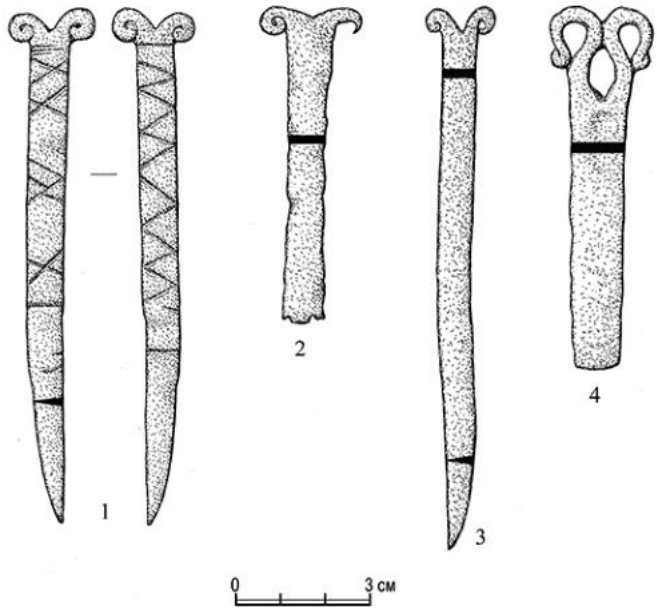


Рис. 1. Ножи с волютообразным навершием из Гнёздова:
1 – нож из раскопок Центрального городища, раскоп ЦГ-XXVI/2012, раскопки Т. А. Пушкиной;
2, 4 – ножи их раскопок Центрального городища, раскоп ЦГ-II / 1953, раскопки Д. А. Авдусина;
3 – случайная находка на Западном селище (1, 2, 4 – хранение музея кафедры археологии МГУ; 3 – хранение ГИМ)

Таблица 1.
Размеры ножей из Гнёздова

Рисунок	Общая длина (см)	Ширина пластины (см)	Толщина пластины рукояти (см)	Длина клинка (см)	Примечания (форма завершения)
1: 1	11, 2	0, 8	0, 2	3, 7	Волютообразная Геометрический орнамент с обеих сторон пластины
1: 2	7	1	0, 2	обломан	Волютообразная
1: 3	13, 1	1	0,25	3 ?	Волютообразная
1: 4	8	1, 2	0, 2	обломан	S-видная

фотографии, информация из публикаций и отчетов. Видимо, в большинстве случаев автор не имел возможности непосредственно работать с находками, качество же прорисовок или фотографий далеко не всегда позволяет правильно увидеть все детали, тем более в случаях с нерасчищенными находками. Поэтому опубликованную Л. В. Корольковой классификационную схему можно принять лишь условно и считать предварительной.

Все гнёздовские ножи происходят из культурного слоя Центрального поселения и найдены во время археологических раскопок (3 экземпляра) или случайно (1 экземпляр). Представляется важным рассмотреть контекст находок. Один из ножей с волютообразным навершием (Рис. 1: 3) представляет собой случайную находку, происходящую из перепаханного культурного слоя западной части селища [11].

Три остальных найдены в 1953 и 2012 гг. во время раскопок юго-западной части площадки Центрального городища в нижних пластах культурного слоя [12]. Культурный слой участка, откуда происходят ножи, характеризуется большой примесью угля и следами пожара, однако без отчетливых признаков каких-либо сооружений. При разборке слоя найдены стеклянный рубленый бисер, преимущественно желтого и синего цветов, но отмечено несколько экземпляров зеленого и белого; из того же слоя происходит 4-частная «серебростеклянная» пронизка (мелкая), синяя, желтая и «золотостеклянная» бусины-лимонки, глазчатая темно-красная бусина, хрустальная многогранная и шарообразная бусины, сердоликовая призматическая бусина. Набор бисера и стеклянных бус может быть датирован достаточно широко в рамках IX–X вв., но бисер желтого цвета более характерен для X в. [13] Такие находки, как ланцетовидный наконечник стрелы с упором и маленькая проволочная спиралеконечная подковообразная фибула, никак не могут уточнить датировку слоя, другое дело — находки пряслиц. Слой, из которого происходят три описанных ножа, содержал только глиняные пряслица, что достаточно важно — широкое производство пирофиллитовых пряслиц датируется второй половиной X в., более того, в Киеве эти пряслица широко представлены в слоях 70–80-х гг. [14] Решающим оказывается процентное соотношение фрагментов лепной и раннекруговой керамики — последняя насчитывает не более 20 % найденной в этом слое. Наиболее вероятно, что гончарный круг в Гнёздове появляется во второй четверти X в. [15] Интересующий нас слой, исходя из этих наблюдений, можно датировать временем не ранее середины X в.

Для лесной зоны в рамках VIII–X вв. находки ножей с волютообразным завершением рукояти достаточно редки. Две находки с обломанными концами клинков происходят с территории Поволховья – это ножи, завершения которых имеют вид плоских симметричных спиралей (вид А по типологии В. Б. Перхавко) [16]. Первый нож найден в пахотном слое селища Васильевское-1, основная часть комплексов которого датирована X в. на основе керамического материала и данных радиоуглеродного анализа, причем, как пишут авторы раскопок, «скорее всего даже его второй половиной» [17]. Второй обнаружен в культурном слое городища Георгий, датированном IX–X вв. [18]

Наиболее близкие Гнёздову места находок — это Заозерье в Днепро-Двинском междуречье и Ярцево (Таблица 2).

Три ножа (два целых и третий с отломанной верхней частью пластины) обнаружены при раскопках курганов могильника в Заозерье [19]. Однако ни один из них не связан с погребением. Первый происходит из перемешанного культурного слоя, из которого сооружена насыпь кургана 4, второй и третий — из подстилающего насыпи курганов 4 и 52 и частично нарушенного культурного слоя селища с материалами тушемлинского и более позднего времени [20]. Первый нож из кургана 4 имел S-видное завершение (вид Б по В. Б. Перхавко) (Рис. 2: 1), верхняя часть второго обломана, и форму его завершения определить невозможно. Нож из кургана 52 (Рис. 2: 3) с волютообразным навершием отнесён к виду А (по В. Б. Перхавко). Все ножи, по мнению автора раскопок, имеют следы сработанности.

Е. А. Шмидт считал курган 52 одним из поздних в составе могильника и отметил, что культурный слой под его насыпью содержал находки VIII – начала X вв., в то же время могильник в целом им датирован VIII – серединой X вв. [21] В одной из своих более ранних работ Е. А. Шмидт на основе характера керамического материала из культурного слоя предлагал датировать заозерские находки ножей VII в., а возможно, самым началом VIII в. [22] Это подтверждали, по мнению автора, находки аналогичных ножей на памятниках банцеровской культуры третьей четверти I тыс. н. э. на территории Белоруссии, среди которых есть один экземпляр с S-видным завершением пластины — это находка из Ревячек [23].

Еще один нож с S-видным завершением пластины, аналогичный гнёздовской и заозерской находкам, найден в районе Ярцево (Рис. 2: 4). Однако условия этой находки неизвестны — предмет был получен В. И. Сизовым во время раскопок им курганов в 1898 г. на р. Вопь в дар от местной помещицы [24].

Может создаться впечатление, что даты приведенных материалов из Заозерья и с территории Белоруссии всту-

Таблица 2.
Размеры ножей из Заозерья (Рис. 2: 1–3) и Ярцево (Рис. 2: 4)

Рисунок	Общая длина (см)	Ширина пластины (см)	Толщина пластины рукояти (см)	Длина клинка (см)	Примечания (форма завершения)
2: 1	16	1, 1	0, 2	6, 5	S-видная
2: 2	17	1, 2 – 1,5	0, 2 – 0, 3	8?	Верхняя часть обломана
2: 3	16, 2	1, 3	0, 2	7, 7	Волютообразная
2: 4	16	1, 2	0, 2	4	S-видная

пают в противоречие с предлагаемой датой гнёздовских находок. Однако это не так. Дата вполне согласуется с рассмотренными выше датами находок из Поволховья. Аналогии найденным в Гнёздове ножам с волютообразным завершением пластин-рукоятей на территории южнее Смоленского Поднепровья, на памятниках роменской или боршевской культур к востоку от Днепра относятся к IX–X вв. Так, подобный нож длиною около 12 см (длина клинка чуть более 1/3 общей длины) найден в верхней части культурного слоя на окраине Новотроицкого городища, вне жилых или хозяйственных сооружений [25]. Период существования городища был определен в рамках рубежа VIII–IX/конца IX – начала X вв. [26] На селище около Выползовского городища (нижнее Подесенье) нож с волютообразным навершем обнаружен в постройке, связанной с так называемым III горизонтом, вещевой комплекс которого не позволяет датировать его ранее середины X в. — среди находок пиррофилитовые пряслица и обломок подвески, относящейся к одному из поздних вариантов так называемых подвесок гнёздовского типа, украшенных стилизованной антропоморфной маской на ушке в стиле Борре [27].

Практически все авторы, упомянувшие о находках ножей с волютообразным навершием рукоятей или посвятившие им специальные исследования, писали, что эти интересные предметы имели ритуальное назначение или являлись предметами жреческого культа [28]. Пожалуй, только И. И. Ляпушкин счел возможным предположить иное назначение этих ножей — он отнес новотроицкий нож к сапожным. Ритуальный характер использования этих ножей вызывает некоторые сомнения. Ни одна из известных находок не связана с каким-то особым характером места обнаружения, например, со святилищем [29]. Некоторая часть наиболее ранних ножей происходит из погребений, как правило, женских, и при этом все находки VII–X вв. с памятников Восточной Европы связаны с культурным слоем либо славянских поселений, либо поселений культуры Тушемли-Банцеровщины. Один из последних исследователей предложил рассматривать ножи с волютообразным завершением рукояти «как обыкновенный бытовой инвентарь, необходимый в хозяйстве» [30].

Длинная рукоять, незначительность размеров клинка и его форма ассоциируются с современным скальпелем – специальным медицинским ножом для рассечения мягких тканей. Почему бы и нет?

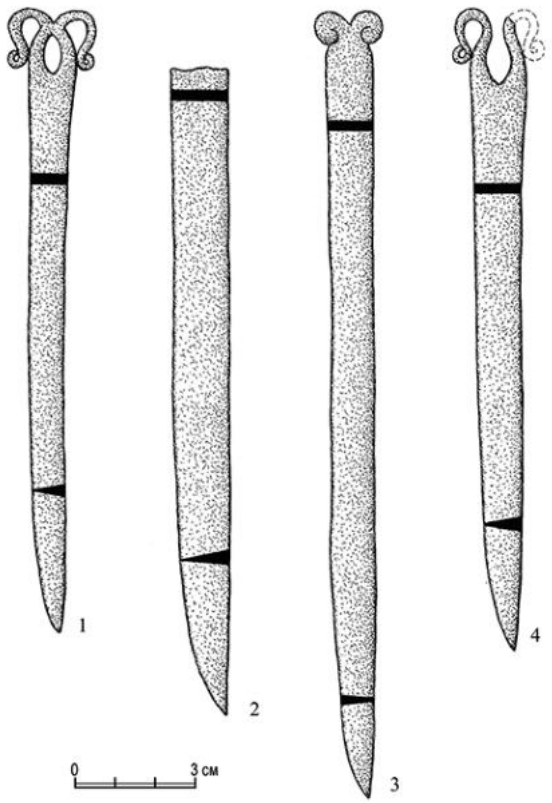


Рис. 2. Ножи с волютообразным навершием из Заозерья и Ярцево:
1, 2 – ножи из насыпи и основания кургана 4, Заозерье, раскопки Е. А. Шмидта;
3 – нож из культурного слоя под насыпью кургана 52, Заозерье, раскопки Е. А. Шмидта;
4 – нож из окрестностей Ярцева, случайная находка (1–3 – хранение Смоленского областного музея-заповедника; 4 – хранение ГИМ)

[1] *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л., 1980. С. 69–70, 72–73.
[2] *Минасян Р. С.* Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии. Сб. статей в память профессора М. И. Артамонова. Л., 1978. С. 148–152.

[3] *Мысько Ю.В., Пивоваров С.В.* Находки ножей с волютообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Поднестровье // Stratum plus. 2010. № 5. С. 310. В этой статье содержится достаточно полный список работ, посвященных находкам этих предметов на широкой территории, проблеме их атрибуции и датировкам.
[4] *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 543–545.
[5] *Рабинович Р.* Ножи с волютообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический контекст // Revista archeologică. Serie Nouă. Chişinău. 2005. Vol. 1. № 2. С. 351–359. Рис. 1; *Мысько Ю. В., Пивоваров С. В.* Указ. соч. С. 311; *Ковалевский В.Н.* Еще раз о ножах с волютообразным навершием // Вопросы истории славян. Археология и этнография. Сб. научных трудов Воронежского государственного университета. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 16–17. Рис. 2.
[6] *Перхавко В.Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. 1979. № 4. С. 47. Следует заметить, что тогда автору были известны только две находки — теперь их не менее пяти.
[7] *Šišка S.* Nože s volútvým ukončením rukoväti v hradištnej culture //Archeologické rozhledy. 1964. XVI. № 3. S. 400, obr. 128: A. На памятниках Подунавья и на территории Польши известны ножи только с волютообразным навершием, что определило и принцип систематизации находок словацкого исследователя.
[8] *Šišка S.* Slovanské sídliskové objekty v Hnojnom, okres Michalovce // Archeologické rozhledy. 1964. XVI. № 3. S. 393; *Šišка S.* Nože s volútvým ukončením... .S. 397–398.
[9] *Перхавко В.Б.* Указ. соч. С. 47. Рис. 4 А, 4 Б.
[10] *Колькова Л.В.* Вопросы интерпретации ножей с волютообразным навершием // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 236. Рис. 2.
[11] Благодарю С. Ю. Каинова, обратившего мое внимание на эту находку и предоставившего рисунок ножа.
[12] Две находки 1953 г. (Рис. 1, 2*:* 4) не публиковались, но были учтены в сводке В. Шиманьским (см. *Szymański W.* Noże z rękojeściami zakończonymi wolutami — zagadkowe komponenty kultury słowiańskiej i awarskiej // Studia nad etnogenezą słowian. Wrocław. 1980. T. II. Tab. 2. Str. 148).
[13] *Львова З.А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. 1 // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 71, 78, 84, 88.
[14] *Томашевский А.П.* Изучение системы заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 58–59.
[15] *Каменецкая Е.В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1977. С. 28.
[16] *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 175, рис. 65, *4, 5*.
[17] *Носов Е.Н., Плохов А.В.* Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // *Носов Е.Н., Горюнова Е.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб, 2005. С. 135.
[18] Там же. С. 138.
[19] *Шмидт Е.А.* Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск, 2008. С. 66. Табл. 13, *6, 8;* 66, *6*.
[20] Там же. С. 68, 101.
[21] Там же. С. 32, 102.
[22] *Шмидт Е.А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. тушемлинская культура. Смоленск, 2003. С. 67.
[23] *Перхавко В.Б.* Указ. соч. С. 47. Рис. 4, *2*.
[24] *Нефёдов В.С.* Коллекция из раскопок В.И. Сизова и М.Ф. Кусцинского на западе Смоленской губернии (Опыт восстановления вещевых комплексов) // Археологический сборник памяти М.В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 108. Уточнение, сделанное В.С. Нефёдовым, очень важно, поскольку некоторые авторы считали нож происходящим из погребения. Благодарю В.С. Нефёдова за разрешение использовать сделанные им ранее в фондах ГИМ и Смоленского музея рисунки ножей из Ярцево и Заозерья. Все рисунки данной статьи выполнены А.С. Дементьевой.
[25] *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое // МИА СССР. № 74. М.-Л., 1958. С. 24, рис. 10, *7*.
[26] Там же. С. 188.
[27] *Моця О. П., Ситий Ю. М., Скороход В. М.* Виповзівський археологічний комплекс у світлі нових досліджень 2009–2013 рр. // Міста Давньої Русі. Київ, 2014. С. 30. Рис. 3, *14*.
[28] Одними из первых о ритуальном назначении ножей высказались С. Шишка (см.: *Šišка S.* Nože s volútvým… S. 395–400) и В. Шиманьский (см.: *Szymański W.* Przyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu występowania noży z rękojeściami zakończonymi wolutami // Wiadomosci Archeologiczne. T. XXX, z. 3–4. S. 221–228).
[29] *Ковалевский В.Н.* Указ. соч. С. 20.
[30] Там же. С. 21.

М.В. Рождественская, Т.В. Рождественская

Три «Софии» (из комментария к трем стихотворениям)

Елене Александровне Рыбиной свойствен не только строго научный, но и особый, поэтический, взгляд на любимый древний Новгород, вне которого нам трудно ее представить. Ее глазами мы смотрим и на прекрасные фотоснимки вечернего, утреннего, зимнего, весеннего и осеннего Новгорода и окрестностей. В них, как и во всем облике Елены Александровны, соединяются молодость души и ее мудрость. Вот почему авторы настоящей заметки выбрали тему Святой Софии Премудрости Божией, как она преломилась в русской поэтической традиции XX в. Мы остановимся на одном стихотворении Осипа Мандельштама и двух — Всеволода Рождественского о храмах, связанных общим посвящением Святой Софии. Это Айя-София в Константинополе (Царьграде), Св. София в Великом Новгороде и Св. София в Киеве. Таким образом, в поэтическом контексте прошедшего столетия, а не только архитектурно и богословски, эти три храма оказываются также связаны между собой. Причем, если О. Мандельштам представляет расцвет новой поэтической школы — акмеизма 1910-х гг., и входит в круг первого «Цеха Поэтов», то Вс. Рождественский, младший его современник, принадлежит уже к ученикам акмеистов (Н.С. Гумилева), входивших в так называемый второй «Цех Поэтов» начала 1920-х гг. Несмотря на дальнейшую классическую пушкинскую традицию, акмеистической «выучке» в своем творчестве Вс. Рождественский оставался верен до конца дней.

Стихотворение О. Мандельштама «Айя-София» датируется 1912 г.,[1] оно вошло в первоначальной редакции в его первый сборник «Камень» (1913). Это стихотворение

обычно приводят в качестве образца акмеистического понимания поэзии как ремесла и поэта как строителя [2]. В том же 1912 г. поэт пишет известную статью «Утро акмеизма», опубликованную чуть позднее в журнале «Аполлон», своеобразный литературный манифест, в котором четко обозначает задачи нового поэтического течения: «Острие акмеизма — не стилет и не жало декадентства. Акмеизм — для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы. Зодчий говорит: я строю — значит, я прав» [3]. Главное в акмеизме, по словам его главы, Н. С. Гумилева, написанным в 1913 г., это «достойные одежды безупречных форм» [4]. Итак, поэт — мастер, строитель, зодчий. Поэтическое произведение — архитектура, точно рассчитанная по всем техническим правилам и нормам. С этой точки зрения и следует рассматривать три стихотворения о храмах Святой Софии — византийском и древнерусских в сопоставлении друг с другом. Обратимся сначала к О. Мандельштаму:

Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.
.....
Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на Запад и Восток?

Образ Константинопольской Софии с изображениями четырех Архангелов «под куполом, на парусах», которые «прекраснее всего», в сознании поэта — это не только географическая и геополитическая точка, соединившая Азию и Европу, но центр, в богословском плане соединивший мудрость Востока с *ratio* Запада. Купол, подвешенный к небесам, соединяет небо и землю и обращен одновременно горе и долу. Вот почему

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

В другом стихотворении О. Мандельштама, также посвященном архитектурному памятнику («Notre Dame») и также написанном в 1912 г., поэтически провозглашается сказанное им в статье: «и всюду царь — отвес». Только имея «тайный план» и точно выверяя параметры массы и силы этих двух физических величин, можно выстроить легкое на взгляд здание, основанное на точном расчете:

Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Заканчивается стихотворение знаменитой мандельштамовской сентенцией:

«Из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам».

Для Мандельштама слово, как и камень, является строительным материалом, только поэт «строит» не здание, а поэтический текст. И образцом для него служит искусство зодчих. Превратить «тяжесть» словесного материала в «легкость» поэтического слова, в «прекрасное» — в этом видит свою задачу акмеизм, возникший как оппозиция символизму, при этом хорошо усвоивший его уроки. «Акмеистом труднее быть, чем символистом, — писал Н. С. Гумилев, – как труднее построить собор, чем башню [5]. А один из принципов нового направления — всегда идти по линии наибольшего сопротивления» [6].

Известно, что, закладывая храм Святой Софии в Киеве, согласно летописному тексту в 1037 г., князь Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) ориентировался на архитектурный образ Константинопольского храма, символизирующий связь империи и церкви. Киевская София, Премудрость Божия, дала свое прозвание и князю. Мозаичное изображение пресв. Богородицы на стене апсиды объединило идею Святой Девы Марии с идеей Премудрости, которая, согласно Ветхому Завету, «созда себе храм (дом)». Н. П. Сычев возводил это изображение напрямую к античности, минуя византийский этап: «Так, античный образ Афины-Девы, защитницы города и государства, перешел на киевскую почву и, вылившись в грандиозном мозаичном образе „Нерушимой стены“, занял конху центрального алтаря киевской Софии, повторяя в себе античную идею величия воплотившейся Мудрости и сливая образ Афины-Девы с образом Девы Марии из Палестины» [7]. Обратившись теперь к стихотворению Вс. Рождественского «Киевская София», написанному в 1930-х гг., заметим в нем некоторую перекличку с приведенным высказыванием историка древнерусского искусства Н. П. Сычева. Рождественский избегает слова «Богородица» по понятным цензурным соображениям своего времени, он употребляет слово «Дева»:

Суровых веков забывая обиды,
Пожары нашествий и вихри войны,
Лазурная Дева Софийской апсиды,
Простершая руки, летит со стены [8].

Описывая вторжение в храм воинов Батыя, поэт пишет:

Все та же лазурная Дева летела,
Большими глазами сияя в упор.
....
Но было бессильно пожарище гнева, —
Пусть рушатся камни, от гари черны,
Все так же глядела бессмертная Дева
Богинею Мира с померкшей стены.

«Богиня Мира» — это, несомненно, скрытый «сычевский» образ Афины-Паллады, защитницы своего полиса-государства. Как и Богоматерь, защитившая храм Святой Софии от сожжения завоевателями. В известной статье, посвященной надписи над образом Богородицы на конхе апсиды Киевской Софии, С. С. Аверинцев задался

вопросом: «что могло означать в первой половине XI столетия имя Софии, „Премудрости Божией“, которому был посвящен в 1037 году киевский храм — как ровно за пять веков до того, в 537 году константинопольская Айя-София, а через несколько десятилетий после того соборы Новгорода и Полоцка?» [9]. Он проанализировал связь греческой богини с ветхозаветной темой Премудрости, воплощенной в образе царя Соломона — строителя храма Святая Святых, и мозаичным изображением Девы Марии на «нерушимой стене» киевского собора. «Мы можем констатировать, — писал ученый, — в мифологическом образе богини мудрости уже четыре взаимосвязанных и переливающихся друг в друга свойства: 1) девственность, 2) материнство, 3) любовь к устроенным, „благозаконным“ городам людей и 4) готовность заступиться за эти города перед гневающимся верховным богом и тем спасти их, оправдывая свое наименование „Градохранительницы“. В скобках заметим на будущее: каждое из этих четырех свойств войдет в византийское представление о Богородице, так что в целом общность между языческой и христианской „Градохранительницами“ греческого народа окажется весьма выразительной» [10].

«Нерушимая стена» киевской Софии освящена не только изображенной на ней Богоматерью, но и укреплена точным архитектурным расчетом. Красоту и одновременно расчет видит Вс. Рождественский также и в храме Святой Софии Новгородской, которому посвящено его стихотворение 1939 г., прямо названное «Новгородская София» [11]. Стихотворение это в целом написано о Новгороде, каким он тогда явился поэту:

Всю ночь березы да болота,
Разлив апрельских сизых вод,
Косящий дождь — и с поворота,
Как сёмга розовый, восход.
Мой Новгород! Навоз в соломе,
Заборы, яблони, грачи,
Герань на окнах в каждом доме
И каша пшенная в печи.
.....
Еще и холодно и рано
Здесь, на Софийской стороне,
Но Волхов блещет сквозь туманы
И гонит зайчиков в окне.

И вот среди этой бесприютности в мерцающем свете раннего утра появляется очертание храма:

Еще Детинца тусклы ризы,
А даль сквозиста и пуста,
София — голубь мутно-сизый —
В лазурных лужах пролита.

Как и в стихотворении о Киевской Софии, Вс. Рождественский употребляет эпитет «лазурный». Но если там он обращен к образу Девы-Богородицы, то здесь лазурный, т. е. голубой, цвет — это цвет рассветного неба, которое отражается в лужах. Оппозиция «земное-небесное» максимально снижена и связана с реальной новгородской повседневностью. Софийский собор в стихотворении превращается в живое существо. Он словно сам «дивно вырос из земли». И он весь, а не только одна его часть («нерушимая стена»), в отличие от Киевского храма, является защитником города, его воином:

И не парчою ветхой славы,
Он белой схимою покрыт,
Он словно шлем, надвинул главы
И стены выставил, как щит.
Он весь — тугая соразмерность,
Соотношение высот,
Асимметрия, тяжесть, верность
И сводов медленный полет.

Софийский собор в этом стихотворении проступает сквозь туман, холод, тусклую и сквозистую даль. Он отражен в лазурном небесном свете луж. Синонимом самого храма становится в стихотворении Рождественского «голубь мутно-сизый». Это образ связан, с одной стороны, с выкованной фигурой голубя на верхушке центрального купола новгородской Софии, а с другой, — с более глубокими значениями голубя как символа возрождения к жизни после всемирного потопа и как евангельского Святого Духа. Новгородская София видится поэту в отражении в воде, она, сказано у Рождественского, «в лазурных лужах пролита». Так возникает уже знакомая по ранним стихам Рождественского тема Китежа — утонувшего города, скрывшегося от полчищ Батыя в озере Светлояр [12]. С ним ассоциировал поэт и послереволюционную Россию, исчезнувшую, как казалось тогда многим, навсегда. В 1923 г. он опубликовал маленькую неоконченную поэму «Китеж» из шести частей, [13] в которой писал: «Бог поможет отыскать мне Родину, ту, которую я потерял». И еще: «России нет! По бездорожью даны ей буйные пути». Прежняя Россия скрылась, ушла до поры в глубину, на дно: «Что ж! Когда к родному дому позовут с полей земных, Загляни в *мой черный омут, В говор струек ключевых*» — написано в одной из частей этой поэмы. В стихотворении «Новгородская София» снова звучит, правда, неявно, тот же «китежский» мотив. Он воплощает в себе образ родины, ее вечных ценностей, ее историческое прошлое. Стихотворение завершается следующими строфами:

А день восходит ясноликий,
А Ильмень-озеро светло.
Но терпким привкусом брусники
Мне все же сердце обожгло.
Над потонувшею Россией
Стою в каком-то смутном сне,
И сизый шлем святой Софии
Мне ясно виден в глубине.

Обратим внимание на знакомый эпитет «сизый», связанный в стихотворении и с голубиным оперением, и со шлемовидным куполом храма. И все же стихотворение не оставляет грустного впечатления от новгородского пейзажа. За туманным рассветом наступает «ясноликий день». Да и шлем Святой Софии уже «ясно виден» поэту. В отличие от изображения киевской Софии, в этом стихотворении появляется тема Византии, связывающая констан-

тинопольский храм с новгородским, а Константинополь с Новгородом:

Пчелиный разум Византии
Лепил апсиды и притвор,
Чтоб грозным именем Софии
Остановил он праздный взор.

Так Рождественский подхватывает мандельштамовский образ Айя-Софии. Вернемся к тексту О. Мандельштама об Айя-Софии и к высказываниям его и Н. Гумилева о принципах акмеизма. Последний писал о том, что акмеизм, в отличие от символизма, требует «большего равновесия сил»[14]. Автор оперировал понятиями «мировой ритм», «иерархия», «удельный вес» по отношению к произведениям искусства. У Мандельштама «камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем потенциально способность динамики, — как бы попросился в „крестовый свод“ участвовать в радостном взаимодействии себе подобных»[15]. Поэт настаивал на близости эпохи средневековья своим единомышленникам по «Цеху поэтов». Средневековье, писал он, «дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством грани и перегородок. Благородная смесь рассудочности и мистики и ощущение мира как живого равновесия роднит нас с этой эпохой»[16]. Мандельштамовские «своды», «подпружные арки», «тяжесть недобрая», из которой когда-нибудь будет создано прекрасное, появляются и в стихотворении Рождественского о соборе новгородской Софии, который «весь — тугая соразмерность, соотношение высот, ассиметрия, тяжесть (sic!), верность и сводов медленный полет». Таково акмеистическое и — шире — поэтическое видение и восприятие поэтом величественного новгородского храма.

Великий Новгород сыграл в судьбе В.А. Рождественского особую роль. Во время Великой Отечественной войны он в качестве военного корреспондента участвовал в боях Волховского фронта и был в тех воинских частях, которые освобождали Новгород. В письме к жене от 23 января 1944 г. он писал о первом впечатлении от разоренного города, когда советские войска только входили в него: «Город — груда развалин. Трудно себе представить большее варварство. Населения не осталось ни единого человека. Все угнаны в рабство, если не считать тех, которых удалось отбить по дороге. Кремлевские башни разбиты и поломаны, но все еще стоят. Все еще высится Кукуй. София цела — но в каком виде! Главный купол (золотой) ободран и пробит во многих местах, стены поцарапаны и местами обнажили кирпичи. Но *соотношение архитектурных пропорций и общее очертание силуэта* (курсив наш — *М.Р., Т.Р.*) в неприкосновенности. „Корсунские врата“ были увезены нами еще до прихода немцев в надежное место. Внутри – мерзость запустения <.... > Я не знаю, как и когда будет восстановлен Новгород, но у меня есть твердая уверенность, что он может быть восстановлен...» и т.д.[17]

Так архитектурно-историческое восприятие всех трех софийских соборов в Константинополе, Киеве и Новгороде как символов Премудрости Божией соединилось в русской литературе XX века с их поэтическим восприятием и связало воедино Византию и Древнюю Русь с веком двадцатым. Пройдя через опыт прошедшего столетия, поэт написал в 1965 г.:

Великий Новгород и древний Псков,
Нас от врага спасавшие твердыни –
Вот что в искусстве старых мастеров
Пленяет нас и радует поныне.
Был точен глаз их, воля их крепка,
Был красоты полет в дерзаньях отчих.
Они умели строить на века.
Благословим же труд безвестных зодчих![18]

---

[1] В дальнейшем цитируется по изд.: *Мандельштам О.* Стихотворения. М.-Л., 1928. С.40–41.
[2] Учитывая, что о творчестве О.Э. Мандельштама существует большая научная литература, мы отсылаем читателя к ней и не будем подробно останавливаться здесь на истории написания стихотворения и его подробном анализе, предоставив это специалистам-мандельштамоведам. Стихотворение «Айя-София» интересует нас в данном случае как сопоставительный текст «софийской» темы.
[3] Литературные манифесты (от символизма к Октябрю). Сб. материалов. Подг. Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. М. 1929. С. 46.
[4] *Гумилев Н.С.* Наследие символизма и акмеизм // *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. Изд-во «Мысль». Пг., 1923 г. С. 42.
[5] Намек на знаменитую «Башню» — квартиру Вячеслава Иванова в Петербурге на Таврической ул., один из важнейших центров художественной жизни Серебряного века.
[6] *Гумилев Н.С.* Наследие символизма... С. 42
[7] *Сычев Н.П.* Искусство Киевской Руси // *Сычев Н.П.* Избранные труды. М., 1976. С. 241 (ротапринт).
[8] Здесь и далее цитируется по изданию: *Всеволод Рождественский.* «Я в этой книге жил когда-то...». Избранное. Стихотворения. Из писем военных лет. СПб., 2005. С. 201–202.
[9] *Аверинцев С.С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство и художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 25–49.
[10] Там же.
[11] *Рождественский Всеволод.* Окно в сад. Книга лирики. Л., 1939. С.75–77. Опубликованный здесь текст имел более ранний вариант, вошедший в издание стихотворений и писем В. А. Рождественского 2005 г. См. сн. 8. Цитируем текст по данному изданию. Впоследствии поэт создал еще несколько вариантов отдельных строф этого стихотворения, не меняющих его основного смысла. Здесь мы их не приводим.
[12] См., напр.: *Рождественская М.В.* Мотив «града Китежа» в поэзии Вс. Рождественского // Slavica. XXIV. Annales Instituti Philologiae Slavonicae Universitatis. Debrecen.1990. P. 233–243; *Она же.* «Неоконченная поэма» о граде Китеже // Филологические записки. Воронеж,1995. С. 188–197.
[13] Записки Передвижного театра. Пг., 1923. № 56.
[14] *Гумилев Н.С.* Наследие символизма... С. 37.
[15] Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Литературные манифесты. С. 47.
[16] Там же. С.49–50.
[17] *Всеволод Рождественский.* «Я в этой книге жил когда-то...». С. 353–354
[18] *Всеволод Рождественский.* Стихотворения. (Библиотека поэта. Большая серия). Л.,1985. С. 269.

Н.В. Рындина, И.Г. Равич

Уникальный меч Майкопской культуры: результаты аналитического исследования

По заключению многих исследователей, самый яркий и многообразный металл Евразии эпохи раннего бронзового века связан с памятниками майкопской культуры Северного Кавказа, датируемой ныне IV – началом III тыс. до н.э. В майкопских коллекциях массовыми сериями представлены бронзовые орудия, предметы вооружения, бытовые и культовые объекты. Ряд изделий отличается специфическими формами, типичными только для Северного Кавказа (мотыги, котлы, массивные желобчатые кинжалы «кишпекского типа», двузубые «вилки», крюки и пр.). Подобные находки служат выразительным свидетельством местного металлопроизводства. Нет сомнения, что с его продукцией связан и уникальный меч, обнаруженный при раскопках погребения 5 кургана 31 в могильнике «Клады», расположенном в Майкопском районе республики Адыгея. Этот меч является древнейшим экземпляром подобного вида оружия (Рис. 1). Погребение 5, в котором найден меч, было впущено в земляную насыпь кургана новосвободненского варианта культуры. Оно представляло собой мегалитическую двухкамерную гробницу, перекрытую двумя покровными каменными плитами. В одной из камер гробницы было обнаружено двое погребенных — ребенок в возрасте 7 лет и взрослый [1]. Автор раскопок А.Д. Резепкин отмечает, что сохранность костяков была очень плохой. По его заключению, оба костяка лежали скорченно, на правом боку, головой на юго-восток. Возраст и пол взрослого захоронения определить не удалось. Однако обилие и богатство погребального инвентаря позволило А.Д. Резепкину прийти к выводу, что это захоронение вождя или лица, принадлежащего к высшему слою общества [2]. Итак, обе камеры погребения 5 заполняли десятки вещей, лежавших в 2–3 слоя друг над другом. Среди них были представлены проушные бронзовые топоры, тесла, долота, шилья, многочисленные кинжалы, статуэтки двух собачек из бронзы и серебра и много других предметов [3]. Меч находился в северо-восточном углу большой погребальной камеры. Он был положен в могилу в согнутом состоянии. Скорее всего, это была ритуальная порча вещи, связанная с особенностями погребального обряда.

Клинковая часть меча имеет четкие параллельные контуры лезвий, постепенно сужающиеся к окончанию (Рис. 1). По центру клинка проходит двустороннее ребро жесткости, возникшее за счет его ромбовидного профиля. Покатые плечики меча плавно перерастают в длинную прямоугольных очертаний рукоять. На ее конце пробито округлое отверстие для заклепки. Общая длина изделия достигает 63,5 см, длина черенковой рукояти составляет 12 см. Ширина клинка на середине его высоты — 5,5 см, ширина плечиков — 4,4 см, ширина рукояти — 1,5 см, ее толщина — 0,7 см. Вес меча – 900 г. Комплекс погребения, в котором он найден, датируется временем 3700–3400 гг. до н. э. [4]

Химический состав металла, из которого изготовлен меч, исследовался дважды. Вначале, в 1991 г., он был изучен с помощью полуколичественного спектрального анализа в лаборатории Ленинградского отделения ИА РАН [5]. Повторно, по инициативе авторов статьи, он был определен с помощью микрорентгеноспектрального анализа на сканирующем электронном микроскопе Camebax в лаборатории кафедры минералогии геологического факультета МГУ. Исследование проводил аналитик И.А. Брызгалов. По данным этих исследований, меч отформован из низкомышьяковой бронзы. Содержание мышьяка в ней составляет 0,48–0,5 % (Таблица 1) [6].

Технология изготовления меча изучена по данным микроструктурного анализа его металла. На шлифе, полученном подполировкой треугольного среза с клинка изделия, зафиксировано два вида структур. Вдали от лезвия клинка обнаружена крупнодендритная литая структура, которая лишь слегка нарушена ковкой (Рис. 2: 1). В непосредственной близости от кромки лезвия (Рис. 2: 2) зафиксированы остаточные дендриты, сильно вытянутые в процессе заключительной деформации, сопровождаемой высокой степенью обжатия металла (порядка 60–80 %). Деформация была связана с холодной ковкой литой заготовки меча, направленной на ее уплотнение и вытяжку в районе лезвия. Ковка сопровождалась отжигами металла до 400–500 ^{0}C (полиэдрические зерна и двойники на фоне вытянутых дендритов). Следы заключительного упрочняющего наклепа на изделии отсутствуют. Наличие полос скольжения в некоторых зернах не связано с преднамеренным упрочнением лезвия, т.к. твердость лезвийной кромки меча оказалась весьма низкой и составила всего 98 кг/кв.мм. Таким образом, микроструктурный анализ показал, что основные контуры формы меча были получены в результате отливки специализированной заготовки. Сразу возникает вопрос: какая литейная изложница могла быть использована для ее получения? Очевидно одно: она была двусторонней, причем в каждой из двух створок симметрично размещалась половинная полость будущего

Таблица 1.
Химический состав металла меча

Метод анализа	Название элемента												
	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	S
ОЭСА	осн.	Не опр.	0,025	Не опр.	0,008	0,018	0,07	0,50	0,05	0,08	0	0,013	Не опр.
Микро-зонд	97,36	0,02	0,04	0,093	0,023	0,12	0,21	0,48	0,033	0,28	0	0,263	0,044

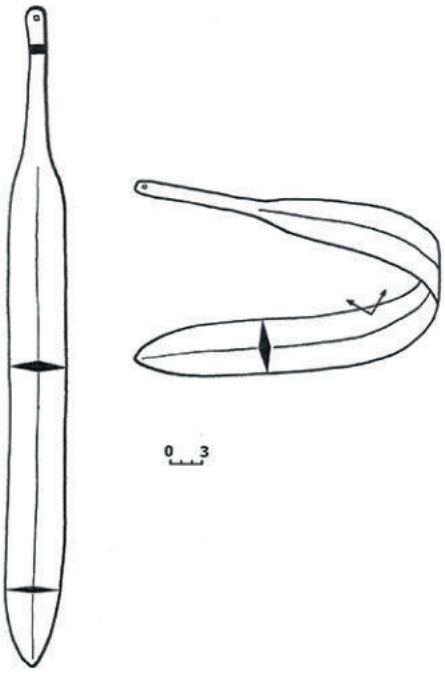


Рис. 1. Меч из погребения 5 кургана 31 могильника «Клады» (мышьяковая бронза). Хранение ГЭ. Место среза металла для изготовления шлифа показано стрелками

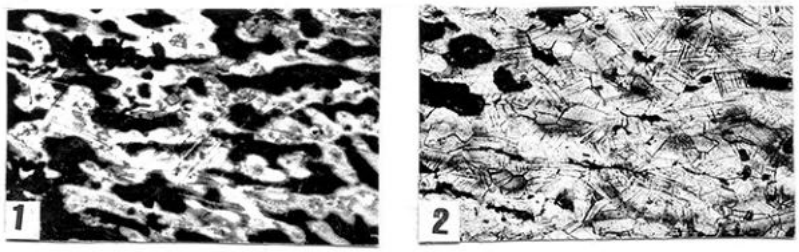


Рис. 2. Микроструктура меча (увеличение 400): 1 – вдали от лезвия; 2 – у кромки лезвия

изделия. Наибольшая сложность возникает при решении проблемы положения створок при заполнении металлом. Наименее вероятным кажется их вертикальный разъем. Большой объем металла, необходимый для отливки меча, при движении его сверху вниз вдоль оси формы неизбежно создавал бы высокое давление металла. По заключению профессора кафедры технологии литейных процессов Института Стали и Сплавов М. В. Пикунова, такое давление потребовало бы сильного сжатия стенок формы с помощью ремней или штифтов. Такое сжатие нежелательно для вывода газов, поглощенных расплавом в жидком состоянии. Отсутствие газовых раковин в микроструктуре изделия заставляет отказаться от такой версии литья. Скорее всего, створки формы для получения его заготовки имели горизонтальный разъем. Открытая полость для поступления металла располагалась в верхней полуформе, в районе рукояти. При этом высота щели — полости, по заключению М. В. Пикунова, составляла не менее 10 см. Только такая ее конструкция могла обеспечить жидкотекучесть сплава, достаточную для заполнения всей длины изложницы до начала его кристаллизации. Успех литья был предопределен и сильным прогревом формы перед ее заполнением расплавом. Об этом говорит вышеупомянутая крупнодендритная литая структура, прослеженная вдали от лезвия меча.

По заключению М. В. Горелика, меч с прямым обоюдоострым коротким клинком длиной 60–70 см предназначался прежде всего для рубящего удара в процессе пешего боя с противником[7]. Его колющая функция, предполагаемая С. Н. Кореневским[8], в данном случае маловероятна. Об этом свидетельствуют не только форма и размеры меча, но и весьма низкая твердость его лезвийной кромки.

---

[1] *Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника «Клады». Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 172–173.

[2] *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012. С. 107–108.

[3] *Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника «Клады». С. 173–182.

[4] Там же. С. 91.

[5] *Галибин В. А.* Особенности состава находок из цветного и благородного металла из памятников Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 63.

[6] Незначительное расхождение в составе меча, полученное в результате его изучения различными методами, предопределено двумя обстоятельствами. С одной стороны, это обусловлено методическими особенностями проведения каждого из анализов. С другой стороны, существенную роль может играть неоднородность строения металла находки, обусловленная процессом его коррозии.

[7] *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока. М., 1993. С. 27–28.

[8] *Кореневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004. С. 43.

А. И. Сакса

Выборг в конце эпохи Средневековья — начале Нового времени

Выборг является самым восточным средневековым городом бассейна Балтийского моря. Он находится в оконечности Финского залива на Карельском перешейке. Его возникновение связано с постройкой шведами в 1293 г. на месте будущего города замка. Эта территория была ими отвоевана у Новгорода в результате так называемого третьего крестового похода в Карелию. По Ореховскому мирному договору Новгорода со Швецией 1323 г. эти три западных карельских погоста Новгородской земли остались за шведами, и все попытки новгородцев вернуть их не принесли успеха. На противоположном от замка материковом мысу возник городской посад, первое упоминание которого в письменных источниках относится к 1343 г., а наличие городского Совета отмечено в 1393 г. Известно, что Выборг получил городские привилегии от короля Эрика Померанского в 1403 г.

Выборг в силу своего географического и геополитического расположения, а также особенностей первоначального рельефа имеет свои особенности в сложении городской структуры и торгово-экономическом развитии на различных этапах свой истории. Находясь в самой восточной части региона Балтийского моря, он также является и восточным продолжением городской цивилизации Балтики эпохи Средневековья и Нового времени, составной ее частью. Эти обстоятельства, как и чрезвычайно хорошо сохранившийся культурный слой города XV – первой половины XVIII в., определяют важность археологического изучения города и, с точки зрения исследователей остальных исторических городов региона, связей между ними, включая также северо-западные городские центры Руси и, прежде всего, Великий Новгород.

Археологическое изучение Выборга впервые было предпринято в конце XIX в. и продолжается с перерывами различной длительности до настоящего времени[1]. И если на первом этапе финские исследователи основное внимание уделяли средневековой архитектуре города, то с конца 1970-х гг. российскими учеными проводится изучение городского культурного слоя, средневековой гражданской архитектуры, в том числе и в связи с реставрацией сохранившихся объектов[2]. С 1998 г. в городе проводятся планомерные охранные и исследовательские археологические раскопки, в ходе которых изучены остатки деревянных сооружений XV – первой половины XVIII вв. и собрана богатая коллекция предметов материальной культуры из керамики, металла, стекла, дерева, бересты и кости. Толщина культурного слоя достигает трех и более метров. Раскопки охватили восточную, западную и центральную часть ограниченной каменной городской стеной 1470-х гг. территории Выборга (Рис. 1: 2)[3].

В истории Выборга есть этапы, которые радикально влияли на развитие города. Наиболее известные из них — это строительство каменной городской стены в середине 1470-х гг. и начатое в 1640 г. осуществление регулярного плана города. На формирование основных направлений градостроительства в Выборге влияли также такие характерные для средневековых городов обстоятельства, как пожары и осады неприятелем.

Выборг получил городские привилегии в 1403 г., а уже в 1411 г. его сожгли новгородцы. После этого город, как показали раскопки последних лет, был отстроен практически заново. Проявляющийся в археологическом материале начальный период роста города относится к 1410–1420-м гг. В последней четверти XV – начале XVI вв. Выборг предстает уже как сложившийся средневековый европейский город, в котором была развитая городская структура, действовали городская церковь и ратуша, монастыри доминиканцев и францисканцев, церкви которых также были построены из камня. Остальные дома Выборга еще в большей своей части были деревянными. У города были налаженные и оживленные торговые связи с метрополией (Швецией), со многими городами Балтийского побережья от Германии до Таллинна[4]. Оттуда получали керамические изделия, предметы из металла, кожи и дерева, монеты из серебра и меди, другие, не нашедшие отражения в археологическом материале, продукты. На рубеже XV и XVI столетий Выборг, таким образом, достаточно быстро, при жизни одного поколения горожан видоизменился в город, который сопоставим с Турку, Ригой, Тарту и другими городами Ганзейского союза по степени развития городского хозяйства и торговли. Средневековый Выборг, не будучи членом этого союза городов, по своей материальной культуре фактически не отличался от них.

Развитие Выборга в Средние века не происходило равномерно по всей окруженной городской стеной территории. Направления и зоны его строительной истории определялись в решающей степени сложным рельефом первоначальной поверхности города, для которой были характерны крутые скальные выступы и наклонные участки, значительные заполняющиеся водой углубления. Первые проведенные нами в 1998–2001 гг. в восточной части города раскопки (около 230 кв. м.) продемонстрировали, насколько строительная история уже на начальном ее этапе может быть сложна даже на небольшом участке городской территории. Первые жители выбирали ровные участки для строительства своих небольших по размерам домов и хозяйственных построек, но уже в следующем поколении вынуждены были засыпать ранее не используемые низменные участки землей с культурным слоем предшествующего времени и щепой от становившегося все более интенсивным строительства. Проживание на них вызвало необходимость развивать дренажную систему, состоявшую из соединенных деревянными желобами вкопанных в землю бочек. Она уже функционировала в городе начиная со второй половины XV в. Городская территория еще не представляла единого целого, и наиболее освоенные ее участки располагались под склонами центральной городской возвышенности, с ее восточной, северо-восточной, западной и северо-западной сторон. Южную сторону занимала скальная возвышенность на берегу залива. Участок берега пролива напротив замка был занят северным пологим склоном центральной городской возвышенности. В основе этих ядер зарождающегося города, как нам представляется по итогам проведенных раскопок,

Рис. 1. Карта Выборга 1939 г. с нанесением средневековой планировки и построек и обозначением мест раскопок

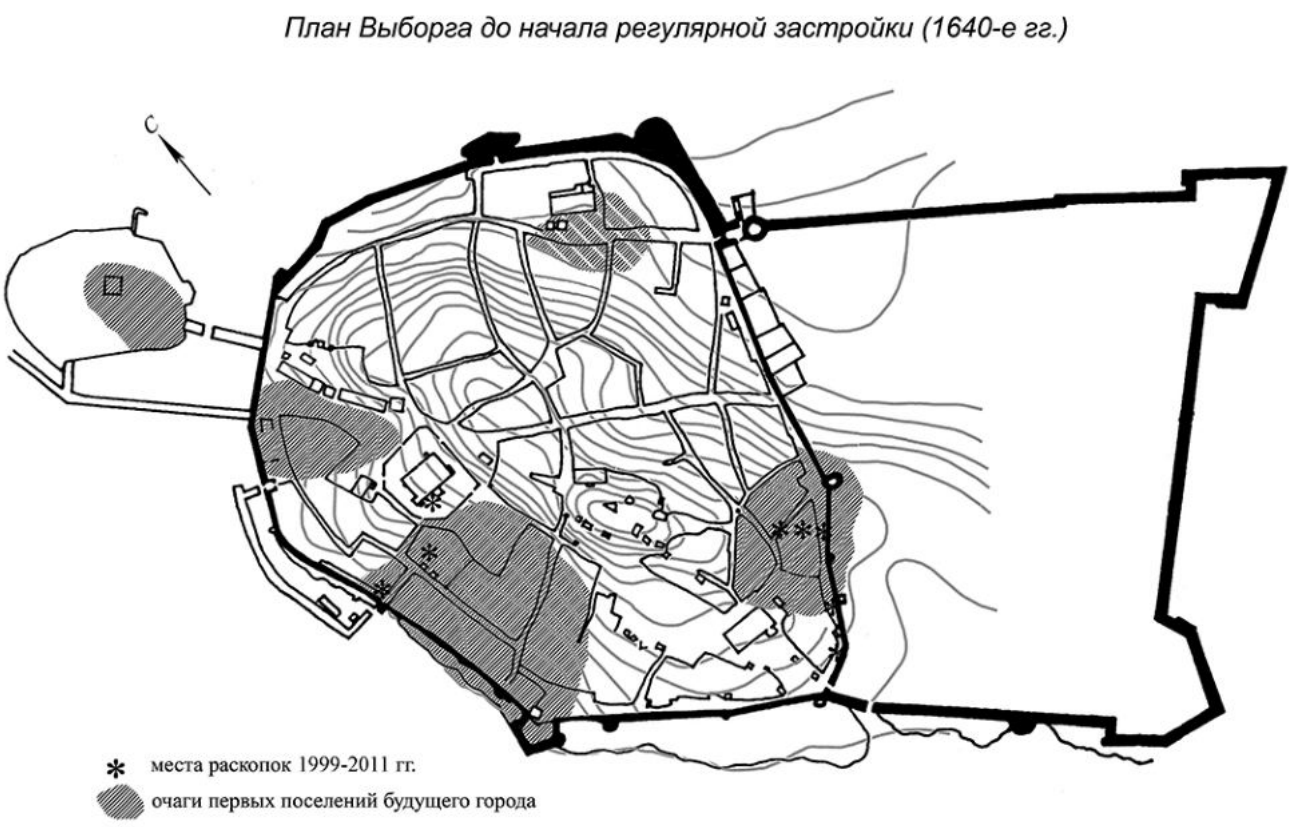


Рис. 2. Средневековый Выборг (до начала регулярной застройки в 1640-х гг.) с нанесением мест археологических раскопок

были карельские поселения предшествующего появлению здесь шведов времени с общим укрепленным городищем на будущем Замковом острове.

Эта необходимость создавать мощные до 0,5 м подсыпки и бревенчатые платформы под дома сохранялась в восточной части города до второй половины XVI – начала XVII вв., когда по этой территории проходила одна из отмеченных на самой ранней карте Выборга, фиксирующей ситуацию на начало XVII в.[5] (Рис. 2, 3). Датировка этого 2-го строительного яруса раскопа 2001 г. (92 кв. м.) произведена по восьми шведским монетам из верхней части слоя и по бересте бревен платформ под постройки, датированной радиоуглеродным методом. Вкопанные из расположенного выше горизонта в культурный слой бочки датируются по бересте на их поверхности второй половиной XVII – началом XVIII вв. Непосредственно под бревнами платформ 2-го яруса вскрыта конструкция 3-го строительного яруса из ранее бывших в употреблении бревен, уложенных в том же направлении запад–восток и север–юг (Рис. 4). Они составляют конструктивное единство с верхним «горизонтом улицы» и датируются по бересте бревен XVI – началом XVII в.

Подобная картина развития строительной истории от отдельных гнезд небольших по размерам жилых и хозяйственных построек к уличной планировке и более крупным постройкам наблюдается в центральной части города в раскопах 2004, 2006, 2011 и 2012 гг. на улице Выборгская у дома № 8[6]. В общей сложности раскопано 310 кв. м. площади. Этот участок расположен всего в 120 м к югу от средневековой городской церкви (с 1554 г. кафедрального собора). И на этом месте масштабной строительной деятельности XVI в. сопутствовала нивелировка скальной поверхности с резкими высотными перепадами и глубокими ямами между выходами скалы (Рис. 5, 6). Подобные высотные перепады, скальные «лбы» и углубления встречаются практически везде на территории будущего города за исключением небольших, уже ранее освоенных площадок в восточной «равнинной» части города, а также в западной, северо-западной и северо-восточной у берегов Выборгского залива и внутреннего залива Салаккалахти.

Строительная история рассматриваемого участка сложна и многообразна. На нее влияли регулярно происходившие в городе пожары, после которых зачастую не просто восстанавливали сгоревшие в огне дома, но и использовали такую возможность для проведения назревшей перепланировки. Новое строительство на участке предпринималось и в связи с новыми экономическими потребностями, изменениями в его использовании, продиктованными в том числе и расположением его в центральной части города. Масштабы его были различны — от перестроек в различных частях участка и в случае с отдельными постройками до полной перепланировки всего участка, после чего остаются не только целые горизонты остатков деревянных сооружений, но и мощные слои древесной щепы.

На раннем этапе освоения этого участка в конце первой – третьей четверти XV в. здесь на поверхности скалы или заполнявшего выемки в ней песка были поставлены четыре небольшие постройки с деревянным полом, в одной из которых могла быть печь. Их площадь составляла около 10 кв. м. Это горизонты 10 2004 г., 7 2006 г., 9 2011 г. и 8 2012 г.[7] Весь участок делился выступом скалы на две части, западную и восточную. Через его центральную часть в направлении ССЗ–ЮЮВ проходила к южному краю вы-

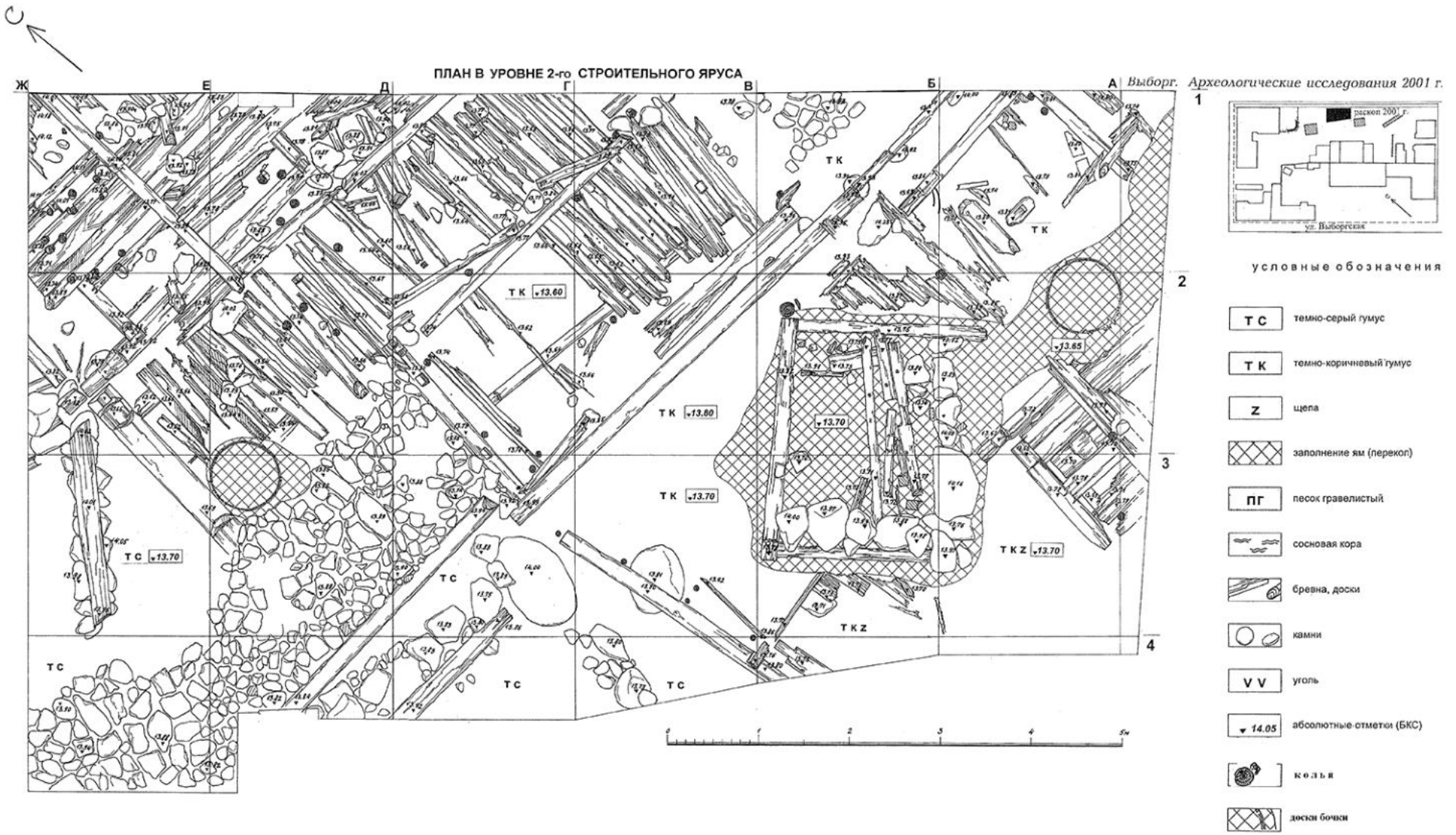


Рис. 3. План 2 яруса раскопа 2001 г. на перекрестке улиц Титова и Сторожевой башни

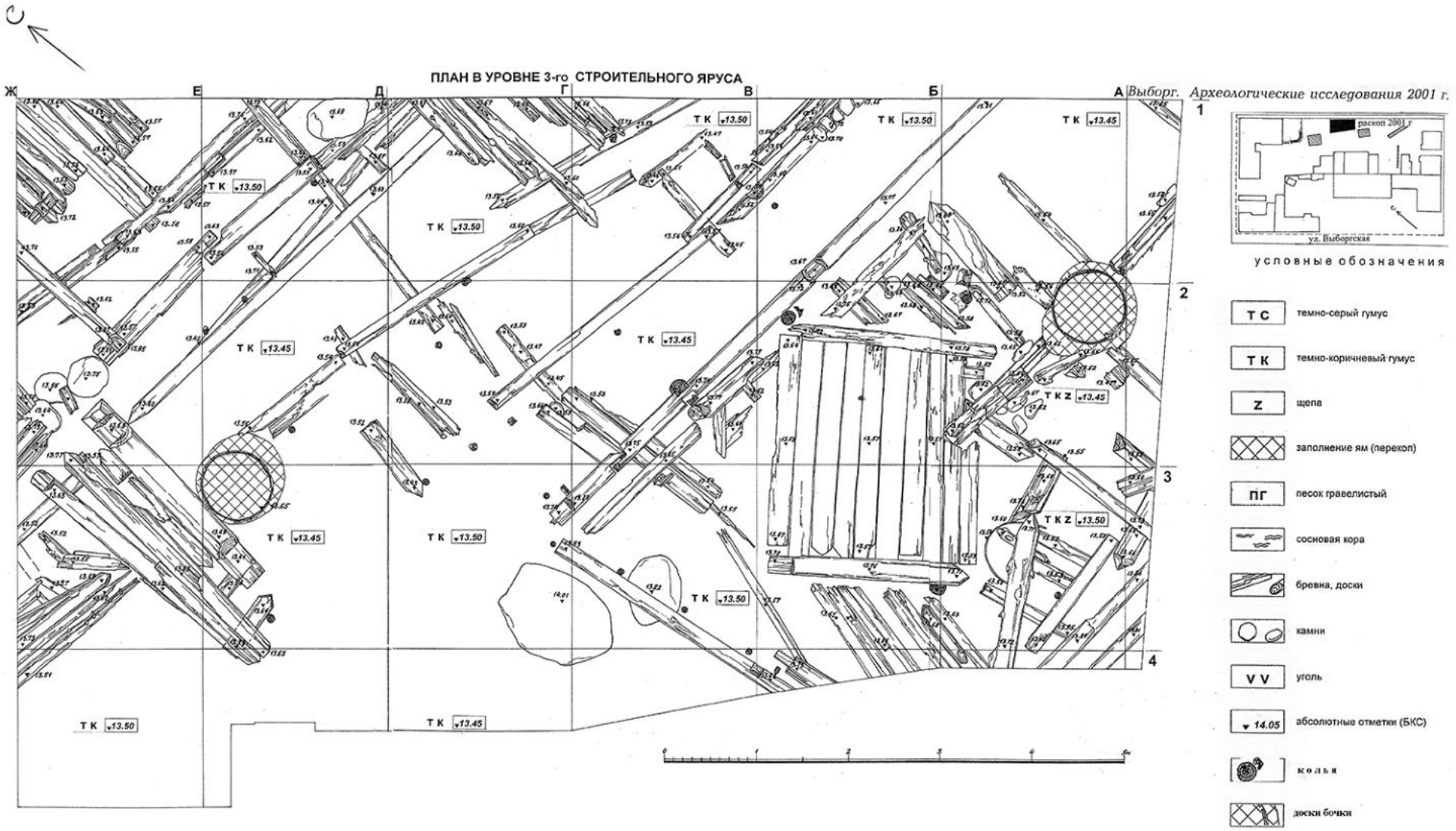


Рис. 4. План 3 яруса раскопа 2001 г. на перекрестке улиц Титова и Сторожевой башни

Рис. 5. Горизонт 9 раскопа 2011 г. на улице Выборгская, 8. Вид с востока

Рис. 6. Горизонт 7 раскопа 2012 г. на улице Выборгская, 8. Вид с запада

ступа скалы уличная деревянная мостовая шириной около 2 м, от которой сохранилось около 3 м ее длины.

Подобные постройки, видимо, были обычны для города в это время, поскольку аналогичный сруб был найден в нижней части раскопа 2003 г. на улице Южный Вал. Находки представлены главным образом грузилами и поплавками от сетей, деталями деревянных и кожаных изделий, ножами. Деревянные сооружения этого времени погибли в пожаре, видимо, 1477 г., что подтверждается находками шести прибалтийских и двух шведских монет в слое (Рис. 5)[8].

После пожара на участке разворачивается новое масштабное строительство. Практически всю его восточную часть к востоку от выступа скалы занимает бревенчатое основание большой постройки с развалом каменной печи в ее северо-восточном углу и устроенным между крайними восточными бревнами водоотводным желобом. Его ширина по линии запад–восток составляет около 6,5 м, а длина превышает эти размеры. Она не определяется, поскольку концы бревен западной и восточной стен скрыты в стенках раскопа. Приблизительные размеры этого деревянного сооружения можно определить как 50 кв. м. Внутри его зафиксирован слой навоза толщиной до 20 см, из чего можно сделать вывод, что данная постройка была конюшней. Площадь поверхности скалы в раскопе уменьшилась. С юга к ней подходит улица, сохранившаяся длина которой составляет 7,5 м, а ширина — 22 м. В северо-западной части раскопанного участка расчищен бревенчатый частокол, отделявший его северную часть в самостоятельный участок. На противоположном южном краю раскопа открыто бревенчатое основание еще одной большой постройки с развалом камней от печи в ее юго-восточном углу. Она состояла из двух частей, восточная из которых была с полом из досок. Это, по-видимому, была жилая часть дома, поскольку именно в ней находилась печь. Длина бревна ее северной стены составляла 5,5 м. Длина дома по линии север–юг не определяется, т. к. южный край постройки скрыт за стенкой раскопа. Исходя из сложившихся представлений по домостроительству в средневековом Выборге, согласно которым постройки в плане близки квадратным, можно предположить, что площадь дома составляла около 25 кв. м. Постройки на этом горизонте существовали недолгое время, т. к. находившееся в южной части раскопа двухкамерное строение, видимо, пострадало в пожаре, о чем свидетельствуют обгоревшие доски пола и интенсивно окрашенная в черный цвет поверхность земли.

На следующем этапе жизни на месте большой двухкамерной постройки южной части раскопа возвели новую, еще более крупную, также двухкамерную постройку. Ее сдвинули к востоку, освободив место в юго-восточном углу раскопа для нового бревенчатого дома с печью-каменкой. В раскоп попала лишь северо-восточная часть дома, поэтому размеры его не поддаются точному определению (Рис. 7). Исходя из того, что печь-каменка занимала значительную площадь открытой в раскопе части его основания, они были значительными. Длина видимой в раскопе части нижнего бревна восточной стены сруба составляет 4 м, а северного, большая часть которого скрыта в западной стенке раскопа, — 2,5 м. Следовательно, размеры дома составляли не менее 16 кв. м.

Размеры большой двухкамерной постройки приблизительно можно определить по длине сохранившихся нижних бревен ее западной стены и серединного бревна, делящего это сооружение на северную и южную половину. Это отличает ее от конструкции более ранней двухкамерной постройки, где деление происходило на восточную (видимо, жилую с полом из досок) и западную (хозяйственную) часть. В рассматриваемом случае пол, доски которого обгорели сверху, находился в северной половине постройки. В обоих случаях были зафиксированы развалы камней в углах срубов, соответственно в юго-восточном (второй этап) и юго-западном (рассматриваемое сооружение). Обе постройки, как и все деревянные сооружения рассматриваемого горизонта и более раннего строитель-

Рис. 7. Горизонты 6, 7 раскопа 2011 года на улице Выборгская 8. Вид с востока

ного этапа, были ориентированы по линии ССЗ–ЮЮВ, в то время как жилой дом в юго-западном углу раскопа по линии север–юг. Относительно размеров этого сооружения можно отметить, что длина его западной стены составляла не менее пяти метров, а длина центрального, разделявшего его на две половины бревна, была также пять метров. Таким образом, площадь постройки составляла не менее чем 25 кв. м. Эти размеры соответствуют площади постройки предыдущего уровня. В метре к северу от дома с печью-каменкой расчищено основание небольшого квадратного сруба, заполненного внутри глиной. Его размеры — 1,8 × 1,8 м, и это, вероятнее всего, нижняя часть печи. У северо-западного угла сруба найдена хлебная лопатка. При дальнейшей расчистке этого сооружения выяснилось, что оно являлось восточной частью конструкции — платформы из бревен в один слой, большая часть которой скрыта за западной стеной раскопа. К северу от нее у западной стенки раскопа расчищен выступающий из нее северо-восточный угол еще одного бревенчатого сруба. Можно предположить, что как жилой дом в юго-восточном углу раскопа, так и находившиеся к северу от него остатки бревенчатых сооружений выходили своим западным краем на одну из магистральных городских улиц, зафиксированную на плане Выборга конца 1630-х гг. и проходившую в этой части города на месте современной улицы Выборгской. В северной части раскопа расчищен верх частокола, бревна которого на этом уровне полностью сгорели в пожаре. В восточной части раскопа продолжает существовать большая постройка, как и сохраняется верхний ярус уличной мостовой, проходившей через центральную часть раскопа по линии ССЗ–ЮЮВ.

Четвертый этап строительной истории на данном участке (горизонты 6, 7 2004 г., 4 2006 г., 5, 6 2011 г. и 5, 6 2012 г.) отмечен масштабными строительными работами, в очередной раз изменившими его планировку. Они оставили мощный, толщиной до 30 см слой плотной темно-коричневой земли с большим количеством щепы, существенно сократив площадь выступа скалы до небольшого участка в северной части восточной половины раскопа. Начало подготовки участка к следующему этапу строительства хорошо прослеживается в его восточной половине. Здесь, под будущей уличной мостовой, повторяющей линию более ранних улиц, на месте достаточно резкого падения восточного склона выхода скалы, была сооружена дополнительная подпорная конструкция. Она состояла из своего рода рамы из продольных и поперечных бревен (горизонт 7 2004 г.). В целом после разборки большой постройки предыдущего этапа уровень поверхности в этой части раскопа был поднят ее остатками и слоем темно-коричневой земли со щепой на 50–60 см (Рис. 8). Основным в строительной деятельности на этом этапе была, следовательно, подготовка новой планировки участка, которая была реализована на следующем этапе. Этот принципиально новый этап строительства связан с необходимостью восстановления сгоревших на предыдущем этапе в разрушительном пожаре построек, очевидным свидетельством которого являются полностью сгоревшие бревна частокола в северной части раскопа и обгоревшие доски пола большой постройки в южной части раскопа. На пожар также указывает и интенсивно окрашенная в черный цвет поверхность земли, на которой были поставлены рассматриваемые новые постройки. Этот пожар можно соотнести с большим пожаром 1530-х гг., в котором сгорела третья часть города. Этому не противоречат и монетные находки из слоя, которые по датам чеканки (правителей) попадают на это время (все одновременно бытовали между 1521 и 1534 гг.).

Центральное место на всем участке на этом этапе занимала новая, проходящая через его восточную часть улица, имевшая ширину 6 м (Рис. 9). Она проходила через весь раскоп, продолжаясь за северной стенкой раскопа в сторону кафедрального собора, а за южной стенкой раскопа — в сторону монастыря доминиканцев. К этому времени в результате интенсивной строительной деятельности, при которой накапливалось большое количество щепы по всей площади раскопа, уровень поверхности земли поднялся выше поверхности выхода скалы, и весь участок стал

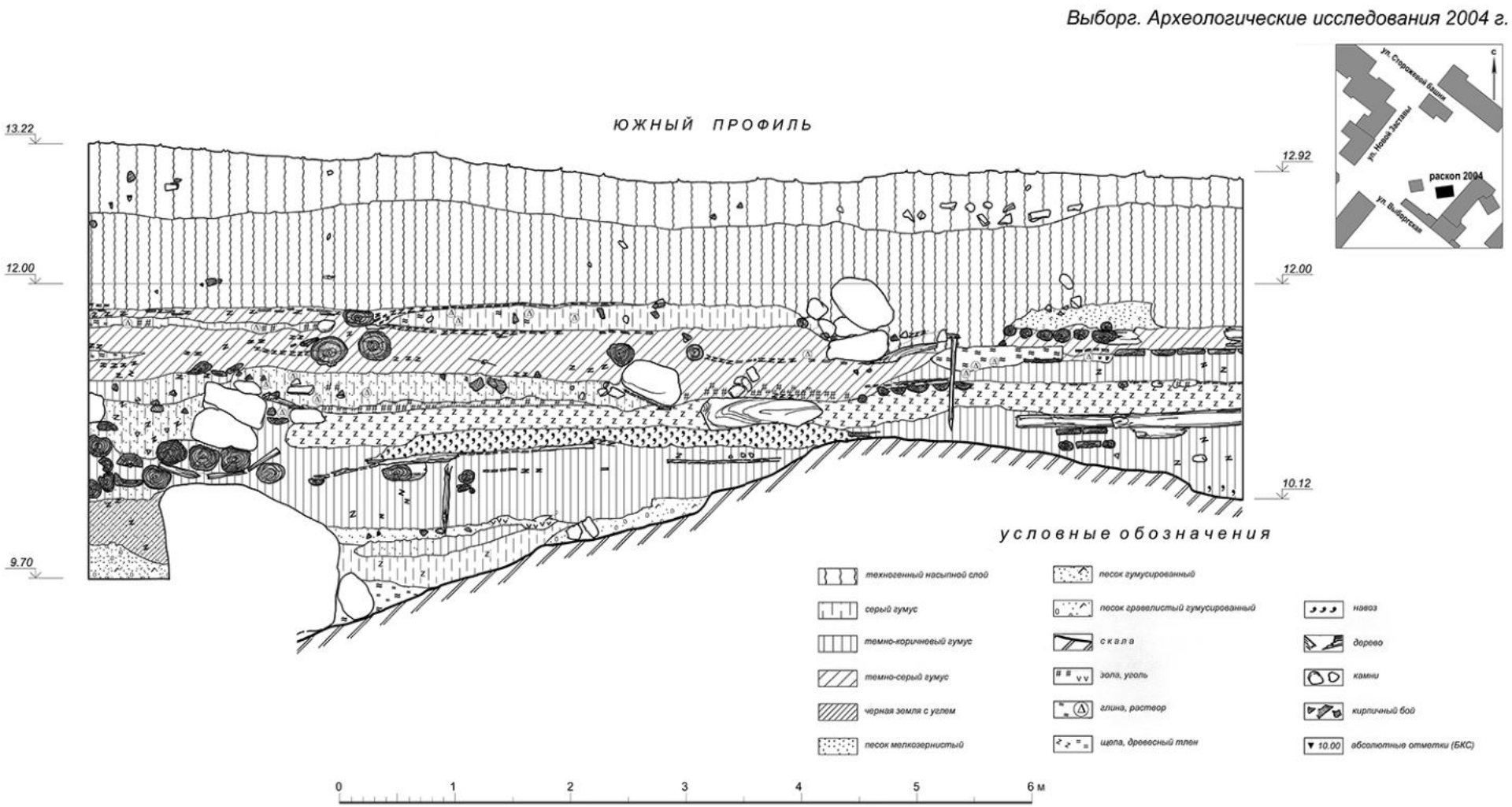


Рис. 8. Раскоп 2004 г. на улице Выборгская, 8. Южный профиль

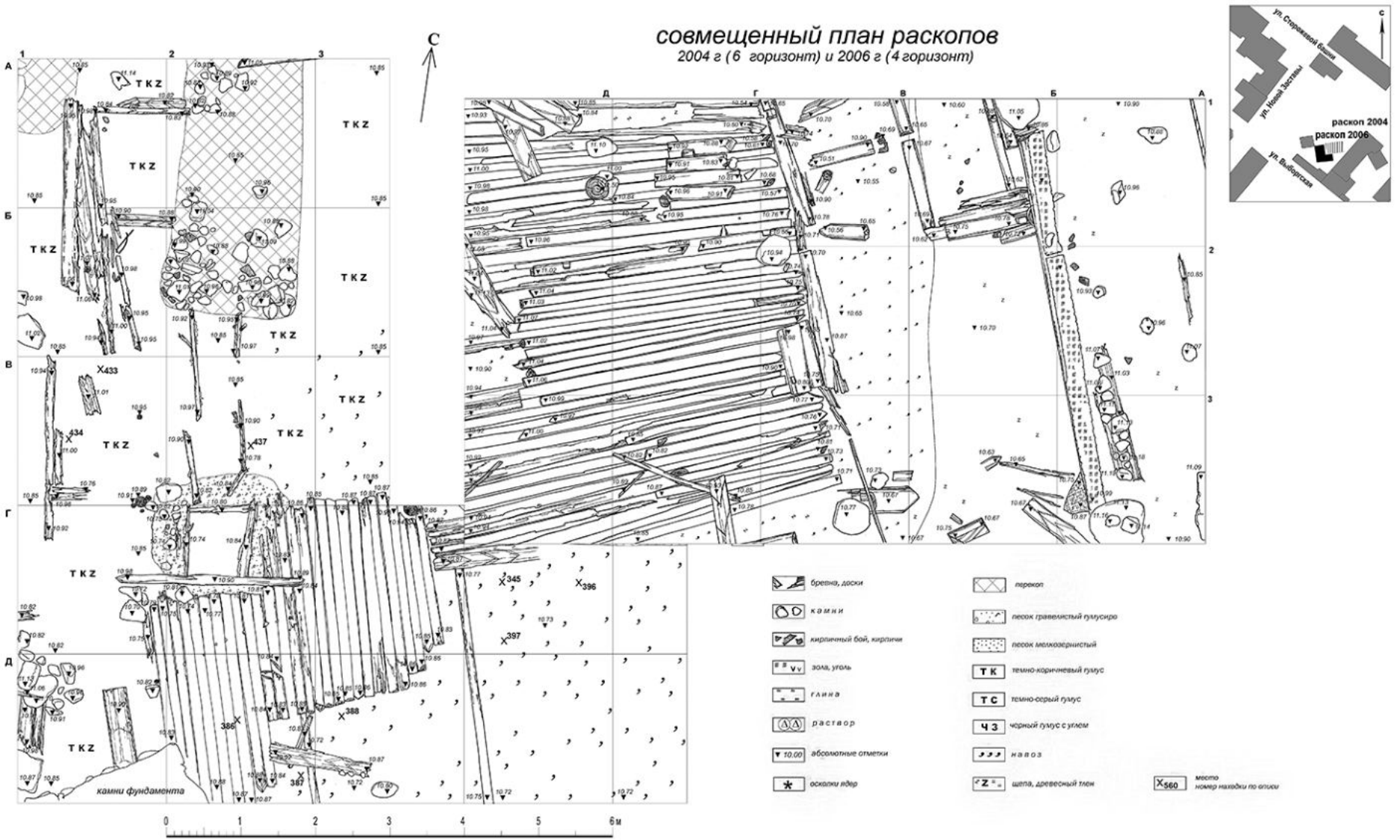


Рис. 9. Совмещенный план раскопок у дома № 8 по улице Выборгская, 8, горизонт 6 2004 г. и горизонт 4 2006 г.

Рис. 10. Горизонт 5 раскопа 2011 г. на улице Выборгская 8. Вид с юго–юго-востока

пригодным для строительства. Улица проходила именно через место выхода скалы на предыдущих горизонтах и являлась составной частью новой планировки участка. В 2,2 м к западу от нее был выкопан колодец, бревенчатый сруб которого размерами 1 × 1 м сохранился на всю высоту. К колодцу от улицы вела обширная платформа из 28 одинаковых бревен длиной до трех метров, уложенных по линии север–юг.

Основная же строительная деятельность сосредоточилась в южной части раскопа и определялась нуждами обитателей нового дома в юго-западном углу раскопа на все время его существования. Вскоре после постройки с восточной стороны дома была сооружена пристройка, своего рода крыльцо с дощатым полом. К востоку от него было построено характерное для домостроительства средневекового Выборга большое двухкамерное сооружение, от которого хорошо сохранилось его бревенчатое основание и две широкие доски пола в северной его части. Южная половина была укреплена в основании еще одним проходящим через его центральную часть бревном. Открытые в раскопе размеры этой второй бревенчатой конструкции с учетом пола из досок составляли 2,6 м по линии запад–восток и 3 м по линии север–юг (по западному крайнему бревну). С северной стороны от основания жилого дома и отмеченной выше печи с обгоревшим глиняным заполнением вдоль западной стенки раскопа фиксируются другие деревянные сооружения в виде выступающего из западной стенки раскопа северо-восточного угла еще одного сруба и платформ из разных по толщине бревен в самой северной части раскопа. Расположение открытых в одну линию по западной стенке раскопа нижних частей бревенчатых построек подтверждает высказанное нами выше предположение о вероятном нахождении в это время на месте современной улицы Выборгской еще одной городской магистрали, зафиксированной на карте Выборга 1639 г.

По каким-то не понятным до конца причинам через непродолжительное время планировка участка на шестом этапе опять подверглась изменениям, и улица была перенесена с центральной части за западный край исследованной площади, где она видна лишь в северо-западном углу раскопа на длину в 3,4 м (Рис. 10). Большая ее часть скрыта за стенкой раскопа. К сожалению, ее ширина осталась неизвестной. Мостовая из одинаковых по толщине тонких бревен перекрыта, как в случае и с более ранними уличными мостовыми, продольным бревном. У торца этого бревна в одну линию с ним положено второе, уходящее своим северным концом в северную стенку раскопа под ныне существующий каменный «дом купеческой гильдии». На нем в одну линию с улицей положены четыре широкие плахи, отличающиеся от бревен основной части мостовой. Если не исключать, что они являются продолжением улицы в ее втором ярусе, то за ширину мостовой можно принять их длину, равную 1,3 м. Окончательный ответ на вопрос о ширине улицы могут дать только новые археологические раскопки. Таким образом, наше предположение о возможном наличии улицы за западной стенкой раскопа, на которую могли выходить открытые в этой части бревенчатые постройки, подтвердилось. Эта улица была ориентирована, как и их сохранившиеся нижние части, по линии север–юг.

На месте более ранней широкой улицы в восточной половине участка построили большую конюшню площадью не менее 90 кв. м (Рис. 11). Южнее конюшни у самой южной стенки раскопа 2012 г. на уровне горизонта 6 выявлен фундамент большого двухкамерного дома, камни которого положены на основание из толстых бревен. В раскопе выявлена только часть фундамента северной стены постройки длиной 4,2 м и северная часть ряда камней фундамента разделительной стены дома, делящей его на две части (Рис. 12). Мы интерпретируем эту постройку как здание купеческой гильдии на том основании, что народная тра-

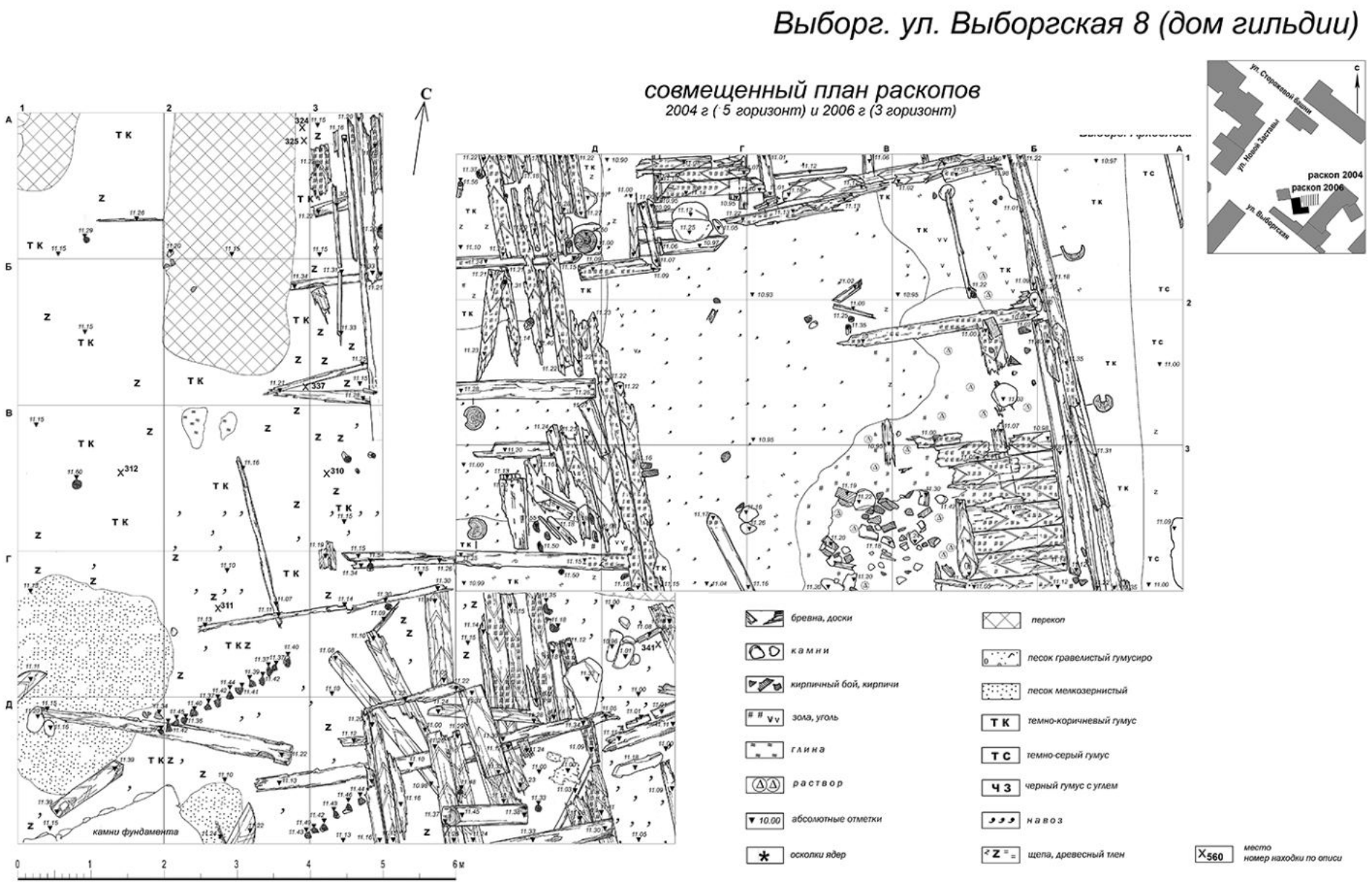


Рис. 11. Совмещенный план раскопок у дома № 8 по улице Выборгская, 8, горизонт 5 2004 г. и горизонт 3 2006 г. (конюшня)

Рис. 12. Горизонт 5 раскопа 2012 г. на улице Выборгская, 8. Вид с востока–северо-востока

диция в Выборге сохранила за стоящим на этом участке доме № 10 название «церковь», что может относиться именно к гильдии — ведь известно, что здания гильдий использовались также и для богослужений. Состав находок, к которым наряду с обломками украшенных разноцветным рисунком западноевропейских тарелок, мисок и кувшинов, торговыми пломбами, монетами, замками и великолепными, с украшенными фигурными бронзовыми окончаниями рукоятями, столовыми ножами относятся и бронзовые книжные застежки, также говорит в пользу особого назначения находившегося на этом участке дома (Рис. 13–16). Вероятно, что и постройка конюшни вызвана потребностями приема торговых компаньонов выборгских купцов.

Изменения коснулись и территории восточнее жилого дома в юго-западном углу раскопа. На месте пристройки-крыльца у восточной стены дома вдоль нее была проведена узкая «дорожка» из тонких бревен. За этой дорожкой была поставлена новая большая постройка, от которой сохранились бревна основания и часть досок пола. Севернее дома фиксируется уже рассмотренное нами выше квадратное основание печи с глиняным заполнением. Среди развала камней печи-каменки собственно жилого дома много обломков кирпичей, которые стали использоваться в Выборге в XVI в. В культурном слое почти по всей раскопанной площади наблюдается большое количество навоза, представленного также в чистом виде слоями и линзами толщиной до 20 см.

Сделанные в культурном слое обоих рассмотренных этапов монетные находки подтверждают наши наблюдения, основанные на анализе стратиграфии относящихся к ним построек о достаточно быстрой по времени их смене. К пятому этапу относится 15 монет. Они датируются временем от 1521 до 1592 гг. и относятся ко времени правления Густава I Ваза (1521–1560) (3 монеты), Эрика IV (1560–1568) (1 монета), Юхана III (1568–1592) (14 монет). Время их единовременного хождения попадает на 1560–1568 гг., что означает завершение к этому времени строительных работ, функциональное использование всех построенных сооружений и наличие полноценной городской жизни на данном межевом участке. Часть из найденных в культурном слое шестого этапа 12 монет попадает на этот период. При этом следует учесть, что шестой этап на значительной площади раскопа (горизонты 5 2004 и 2006 гг.) представлен остатками сгоревшей конюшни. Поэтому большая часть предметов из цветного металла представлена спекшимися кусками меди.

В связи с тем, что найденные в непосредственно предшествующем пожару уровне культурного слоя монеты датируются временем не позднее 1590-х гг., возникают сомнения в правомочности отнесения уничтожившего конюшню и другие постройки пожара ко времени пожаров 1627 и 1628 гг. Известно, что не менее разрушительный пожар произошел в городе в 1594 г. При нем пострадали кафедральный собор, ратуша, городская школа и даже строящиеся укрепления Рогатой крепости (Горнверка). Окончательный ответ на этот вопрос могут дать более детальный анализ всего археологического материала и новые раскопки. Мы же будем исходить из уже введенной нами в научный оборот даты, которая предложена с использованием той же аргументации – все найденные выше слоя пожара монеты относятся уже ко времени правления Густава II Адольфа (1611–1632), Кристины (1632–1654) и Карла XI (1660–1697). Обе даты, следовательно, одинаково хорошо попадают в образовавшийся между двумя строительными этапами временной зазор.

Этот пожар уничтожил также и все постройки в уровне горизонта 4 раскопа 2011 г., в котором фиксируется лишь сгоревшая нижняя часть жилого дома в юго-восточном углу раскопа. Такое же запустение и черный от углей слой земли вплоть до колодца в северной части раскопа наблюдается и в нижней части горизонта 3. И лишь начиная с верхнего уровня горизонта 3 фиксируется начало восстановления этого дома — на этом этапе уже на каменном

Рис. 13. Характерные для средневековых торговых центров стран Балтийского побережья находки в Выборге: керамика

Рис. 14. Характерные для средневековых торговых центров стран Балтийского побережья находки в Выборге: керамика

Рис. 15. Характерные для средневековых торговых центров стран Балтийского побережья находки в Выборге: торговые пломбы и счетные жетоны

фундаменте. В этом горизонте открыта нижняя часть хлева с хорошо сохранившимся полом, который полностью расчищен в уровне горизонта 2 2011 г. Хлев, как и другие постройки конца этого последнего строительного этапа (горизонты 2 и 3 2004 г., 1 и 2 2006 г., уровень 1 горизонта 3 и горизонт 2 2011 г. и горизонты 1, 2 2012 г.), был разрушен во время осады Выборга в июне 1710 г.

Тем самым закончился шведский период в истории Выборга. В начале российского периода на участке были поставлены отдельные деревянные постройки, которые, в свою очередь, также сгорели в огне пожара, который можно соотнести по монетным находкам с городским пожаром 1738 г. Дальнейшая история участка связана уже с каменным строительством.

[1] *Сакса А.И.* Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Страницы выборгской истории. Выборг, 2004. С. 569–584; Древний Выборг. Становление средневекового города // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 510–514; Раскоп на ул. Южный Вал в Выборге. Стратиграфия культурных напластований средневекового города // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород–

Рис. 16. Характерные для средневековых торговых центров стран Балтийского побережья находки в Выборге: книжные застежки

Санкт-Петербург–Москва, 2009. С. 473–484; Новые данные по городской стене Выборга 1470-х гг. // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных территорий. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М., 2010. Т. 2. С. 238–252; Современное состояние археологических исследований в Выборге: результаты и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 257–258; Археологические раскопки в Выборге: исследование средневекового межевого участка на улице Выборгская, 8 («дом купеческой гильдии» начала XVII века) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 323–327; Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. Москва–Вологда, 2015. С. 256–271; *Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Полякова Н.Ю.* Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии Калининград, 2003. С. 129–140; *Saksa A.I.* Archaeological Cronology of Medieval Vyborg – preliminary results of the excavations of 1998–2000 // Fenno-ugri et slavi 2002. Dating and Chronology. Saarijärvi, 2004. S. 98–109; Baugeschichte und kulturhistorische Stratigraphie des mittelalterlichen Wyborgs (nach Materialien der Ausgrabungen 1998–2008) // The Hansa town Riga as mediator between east and west. Riga. Proceedings of an international scientific conference dedicated to 70 years of archaeological research in Riga held in Riga, Latvia, on 23–25 September 2008. Riga, 2009. S. 152–162; Kaupunkiarkeologia Viipurissa. Kaupungin alkuvaiheen ongelma // Maasta, kivestä ja hengestä. Markus Hiekkanen Festschrift. Saarijärvi, 2009. S. 226–239; Vyborg.: New Evidence of the city's Fortifications // Castella Maris Baltici X. Archaeologia Medii Aevi Finlandiae XVIII (Finland 24–29.08.2009). Saarijärvi, 2012. P. 161–172; The early stages of the history of Vyborg: The results of Archaeological Research 1998–2012 // New Sites, new Methods. Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium. Helsinki, 19–21 November, 2014. Editors: Pirjo Uino & Kerkko Nordqist. Suomen Muinaismuistoyhdistys ty – Finska Fornminnesföreningen rf – The Fiinish Antiquarian Society. Iskos 21, 2016. Helsinki, 2016. P. 246–261; *Saksa A, Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M.* New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia archaeologica XIX. Helsinki, 2002. S. 37–64; *Тюленев В.А.* Старый Выборг. Санкт-Петербург, 1995. 83 с.; *Tjulenev V.A.* Entisajan Viipurin uusista arkeologisista tutkimuksista. Teoksessa: Viipurin kaupungin historia. I osa. Lappeenranta, 1982. S. 25–34.

[2] *Saksa A., Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M.* Ibid. S. 37–64; *Saksa A., Taavitsainen J.-P.* Viipuri (Sw. Viborg, Ru. Vyborg) // De første 200 årene – nytt blikk på 27 skandinaviske middelalderbyer. UBAS – Universitetet i Bergen Arkeologiske Skrifter. Nordisk 5, Bergen, 2008. S. 393–400; *Hiekkanen Markus.* Suomen keskiajan kivikirkot. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1117. 2 painos. Helsinki, 207. S. 544–551.

[3] *Сакса А.И.* Новые данные по ранней истории средневекового Выборга.. С. 569–584; Новые данные по городской стене... С. 238–252; Современное состояние... С. 257–258; *Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Полякова Н.Ю.* Указ. соч. С. 129–140; *Saksa A, Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M.* Ibid. S. 37–64.

[4] *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 87–93, 99–100; *Сакса А.И.* Выборг и новгородская торговля на Балтике во второй половине XV–XV вв. // НиНЗ ИА. Вып. 30. Великий Новгород, 2016. С. 232–238; *Ruuth J. W.* Viipurin kaupungin historia, I osa. Vuoteen 1617. Kirjoittanut J. W. Ruuth ja uudistaneet R. Rosén, E. Kuujo, G. Kerkkonen, A.-V. Koskivirta, V. Nissilä, V. A. Tjulenev. Torkelin Säätiö. Lappeenranta, 1982. S. 150–157; *Korpela Jukka.* Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia II. Gummerus. Jyväskylä, 2004. S. 142–149.

[5] *Сакса А.И.* Средневековый Выборг как восточное продолжение... С. 256–271; *Saksa A.I.* The early stages of the history of Vyborg: The results of Archaeological Research 1998–2012... P. 246–261; Baugeschichte und kulturhistorische Stratigraphie des mittelalterlichen Wyborgs (nach Materialien der Ausgrabungen 1998–2008)... S. 152–162; Kaupunkiarkeologia Viipurissa. Kaupungin alkuvaiheen ongelma... S. 226–239; *Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Полякова Н.Ю.* Указ. соч. С. 129–140; *Saksa A, Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M.* Ibid. S. 37–64.

[6] *Сакса А.И.* Археологические раскопки в Выборге: исследование средневекового межевого участка... С. 323–327; Средневековый Выборг как восточное продолжение... С. 256–271; «Дом купеческой гильдии» (Гильдия Святого Духа) в Выборге: к вопросу о локализации // В камне и бронзе. Сб. статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб., 2017. С. 511–524; Abstract: *Saksa A. I.* «House of Merchant's Guild» (Guild of the Saint Spirit) in Viborg. Problem of Localization. P. 645.

[7] Несоответствие в нумерации горизонтов разных лет раскопок вызвано различной интенсивностью строительной деятельности в разных частях раскопанного участка и неровностью первоначальной скальной поверхности.

[8] Монетные находки из раскопок у «дома купеческой гильдии» были определены Татьяной Берга (Рига), Ю. Талвио (Хельсинки) и В. Н. Седых (Санкт-Петербург).

Вл. В. Седов, А. В. Андриенко, М. В. Вдовиченко, А. А. Кудрявцев

Бронзовые гвоздики с изображением льва с новгородского Городища

В 2016 г. во время раскопок церкви Благовещения на Городище, проводимых Новгородским архитектурно-археологическим отрядом НАЭ ИА РАН под руководством члена-корреспондента РАН Вл. В. Седова, в темно-сером культурном слое, отложившемся после 1103 г., когда на этом месте по заказу новгородского князя Мстислава Владимировича (Великого) был построен каменный храм Благовещения, рядом с южным профилем раскопа (рядом с южной стеной каменной церкви 1103 г., но уже вне ее пределов (кв. 8, пл. IX–XI) был найден бронзовый гвоздик с заостряющимся концом и круглой шляпкой с изображением зверя (Рис. 1: 1–2). Длина самого гвоздика — примерно 23 мм, он имеет квадратное сечение ножки с толщиной у основания чуть менее 2 мм. Шляпка его плоская, толщиной около 1 мм и диаметром 17 мм. Отлитая отдельно шляпка и сам гвоздик (выкованный?) были сварены (спаяны) между собой.

На шляпке находится рельефное изображение, особенно хорошо проявившееся после реставрации, проведенной М. П. Гайдуковым (ГосНИИР) (Рис. 1: 3–4). Изображение на круглой верхушке шляпки обведено круглым ободком, ободка касаются лапы и хвост заключенного в круг льва.

Лев изображен в геральдической застылой (или, скорее, остановленной) позе, его фигура повернута влево. Вся фигура зверя умело вписана в круг. Хорошо видны когтистые лапы зверя: левая лапа стоит на ободке, правая поднята вверх и также касается ободка; ободка же касаются и полусогнутые задние лапы. Хвост животного пропущен под левой ногой и поднят вверх, касаясь веерным кончиком (метелкой) верхней части ободка. Несколькими углублениями-штрихами передана грива. Голова льва повернута к хвосту, зверь отвернулся от направления предполагаемого движения влево. Оскаленная пасть обращена к хвосту, различается круглый глаз и отставленное, наклоненное ухо. Абрис фигуры льва полон сдержанного движения и грации, детали очень обобщены, но последовательно развивают образ царственного зверя.

Точно такой же гвоздик с идентичным изображением был найден во время сборов на Городище в 1974 г. (НГМ КП 25402/319, инв. А-26-319). Он имеет точно такую же шляпку со львом и такой же припаянный к шляпке гвоздик квадратного сечения (с отломанным кончиком, но предполагаемой общей длиной 23 мм; Рис. 2). Изображение, сильно корродированное, после реставрации, которой подвергся предмет, стало несколько смутным, как будто оплавленным, но детальное сравнение шляпок двух гвоздиков говорит о том, что они были украшены абсолютно одинаковыми львами.

Присутствие двух одинаковых предметов на Городище наводит на мысли о том, что этих гвоздиков было много и что они украшали один предмет или одну поверхность.

По общему абрису и мягкой трактовке деталей лучше сохранившегося изображения на гвоздике из раскопок 2016 г. мы предположили, что этот гвоздик — скорее, изделие одной из ремесленных мастерских Византии, где львы отличаются грациозностью и подчеркнутым изяществом поз. Возможно также изготовление этого предмета в мастерской одного из древнерусских городов (речь идет прежде всего о шляпке). В этом случае изображение на литейной форме могло быть скопировано с византийского предмета.

Сходные приемы изображения льва в византийском прикладном искусстве видим в нескольких примерах: на рельефах в соборе св. Марка, на одной из серебряных чаш [1].

Менее вероятно происхождение этого предмета и его изображения из Западной Европы, где в XII в., когда в землю Городища отложился этот гвоздик, господствовал романский стиль, в котором общий образ часто становится более ощутимым, вещественным, чем в Византии, а детали приобретают натуралистический характер. Этих примет западноевропейской романики мы не видим в изображении на шляпке гвоздика из раскопок 2016 г.

Каким могло быть назначение публикуемых гвоздиков? Изготовление их из дорогостоящей бронзы, а также их шляпки с детализированным, практически ювелирным по качеству изображением, свидетельствуют в пользу использования их в обиходе знати. Шляпки должны были быть видны и удерживать ткань или, что вероятнее, кожу на какой-то (скорее всего — деревянной) основе. Мы можем предположить, что предметом, который мог быть отделан кожей или тканью, прикрепленной к деревянной основе, мог быть ларец или сундук. Можно думать, что этот предмет был изготовлен там же, где и державшие обивку гвоздики. Однако есть некоторая вероятность того, что перед нами гвоздики, фиксировавшие обивку мебели (трона, скамьи) или даже обивку стен. В любом случае перед нами предметы светского убранства, что хорошо вписывается в контекст новгородского (Рюрикова) Городища, которое в XII в. было резиденцией новгородских князей, сначала самовластных, а с 1136 г. — приглашаемых новгородским боярством.

[1] *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975. С. 25, 189.

Рис. 1. Гвоздик бронзовый из раскопок НААО НАЭ 2016 г. Церковь Благовещения на Городище. Уч. IV, инд. находка № 34: 1 – вид с боку до реставрации; 2 – вид на шляпку до реставрации; 3 – вид на шляпку после реставрации; 4 – прорись (выполнила А. С. Диденко)

Рис. 2. Гвоздик бронзовый (из сборов на Городище 1974 г.). НГОМЗ

Д. С. Сережникова

Западноевропейские перстни из раскопок Великого Новгорода

Древнерусские перстни хорошо изучены археологами и достаточно подробно освещены в литературе. Теме перстней и колец посвящены работы Н. В. Жилиной [1], Т. И. Макаровой [2], М. В. Седовой [3].

Кольца и перстни являлись важной составляющей древнерусского костюма и часто фигурируют в археологическом материале. Поражает количество типов и видов различных колец и перстней, которые изготавливали древнерусские ювелиры, впитавшие славянские, античные, финно-угорские и другие ремесленные традиции. В полной мере это многообразие находит отражение в новгородской археологической коллекции, в которой насчитывается около 400 перстней, включая обломки. Исследователи русского средневекового ювелирного дела выделяют среди всех экземпляров импортные образцы. Как правило, речь идет о хорошо отличимых восточных изделиях раннего средневековья. Вместе с тем почти ничего не известно о кольцах западных типов и их встречаемости в новгородской коллекции. Иные категории средневековых украшений из обихода древних новгородцев обнаруживают ощутимое, хоть и не довлеющее, присутствие западноевропейских изделий.

М. В. Седова подробно описала и систематизировала все кольца, найденные в Великом Новгороде. Она выделила шесть типов перстней: витые, дротовые, плетеные, пластинчатые, щитковосерединные, печатные, а также перстни со вставками. Среди всех изделий М. В. Седова обращает внимание на один, несомненно, западноевропейский перстень с изображением сомкнутых рук, найденный на Готском раскопе [4]. В статье этот перстень учитываться не будет, т. к. принадлежал он, скорее всего, ганзейскому купцу, проживавшему на дворе Св. Петра.

Также М. В. Седова выделяет группу овальнощитковых перстней с изображением раскрытой ладони, указывая на то, что перстни с изображением рук встречаются и среди западноевропейских древностей [5].

В данной работе ставится цель выявить в новгородской коллекции перстней изделия западноевропейских ювелиров.

Традиция украшения пальцев рук кольцами является не только очень древней, уходящей корнями в дописьменную эпоху, но и крайне распространенной во всей Евразии. В культурах Востока и Запада кольцо несет на себе глубокую смысловую нагрузку. Кольца, выполненные из различных материалов, маркировали социальный и имущественный статус владельца, были символами власти, этнической и религиозной идентичности.

Как было сказано выше, в новгородской археологической коллекции насчитывается более 400 экземпляров перстней. Из них 73 экземпляра украшены различными вставками.

Одно кольцо, определенно относящееся к западноевропейским изделиям, сделано из золота и представлено фрагментом с яшмовой вставкой, которую держат головы драконов (Рис. 1: 1). М. В. Седова датирует это кольцо поздним XII в. [6]

Кольца с изображением драконов или драконьих голов, держащих вставку, известны во многих странах Западной Европы. Так, например, в денежно-вещевом кладе из Кольмара (Франция) среди сотен изделий ювелирного ремесла XIII–XIV вв. есть золотое кольцо с головами драконов, держащими в пасти небольшой сапфир квадратной формы [7].

Также в коллекции музея искусства и археологии Оксфордского Университета хранятся несколько таких колец, найденных в составе клада венецианских вещей из Халкиса. Одно из них состоит из овальной в плане дужки, которая сходится двумя плечиками в виде головок дракона. Из их пастей вырастают побеги виноградной лозы, увенчанные пятью жемчужинами (Рис. 1: 3). Второе кольцо, найденное также в составе этого клада, очень похоже на первое, но украшают его не жемчужины, а крупный рубин (Рис. 1: 2).

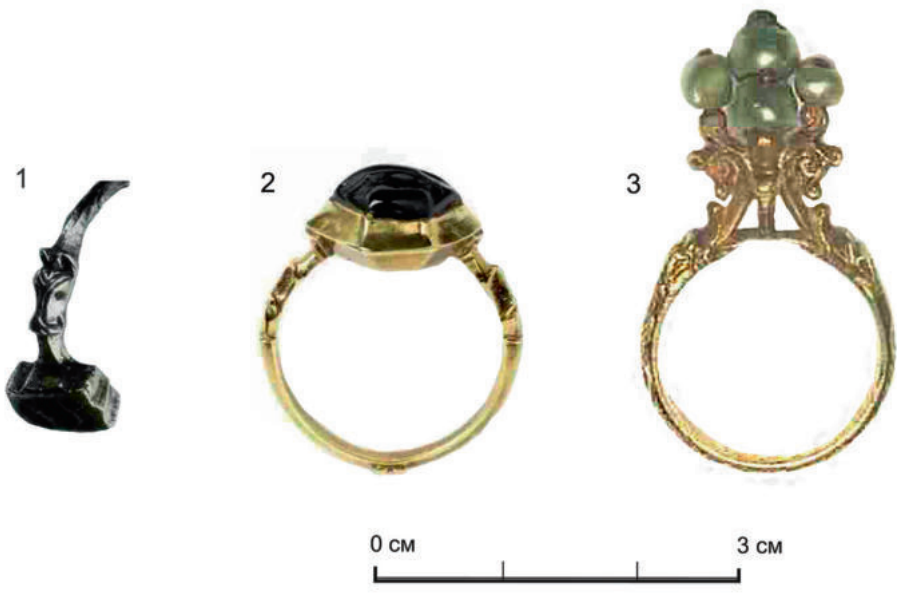


Рис. 1. 1 – золотой перстень, XII в. Великий Новгород. Фото, см.: Древний Новгород – прикладное искусство и археология. М., 1985; 2 – золотой перстень, XIV в. Остров Эвбея. Фото из картотеки Оксфордского музея археологии; 3 – золотой перстень, XIV в. Франция. Фото из картотеки Музея Виктории и Альберта

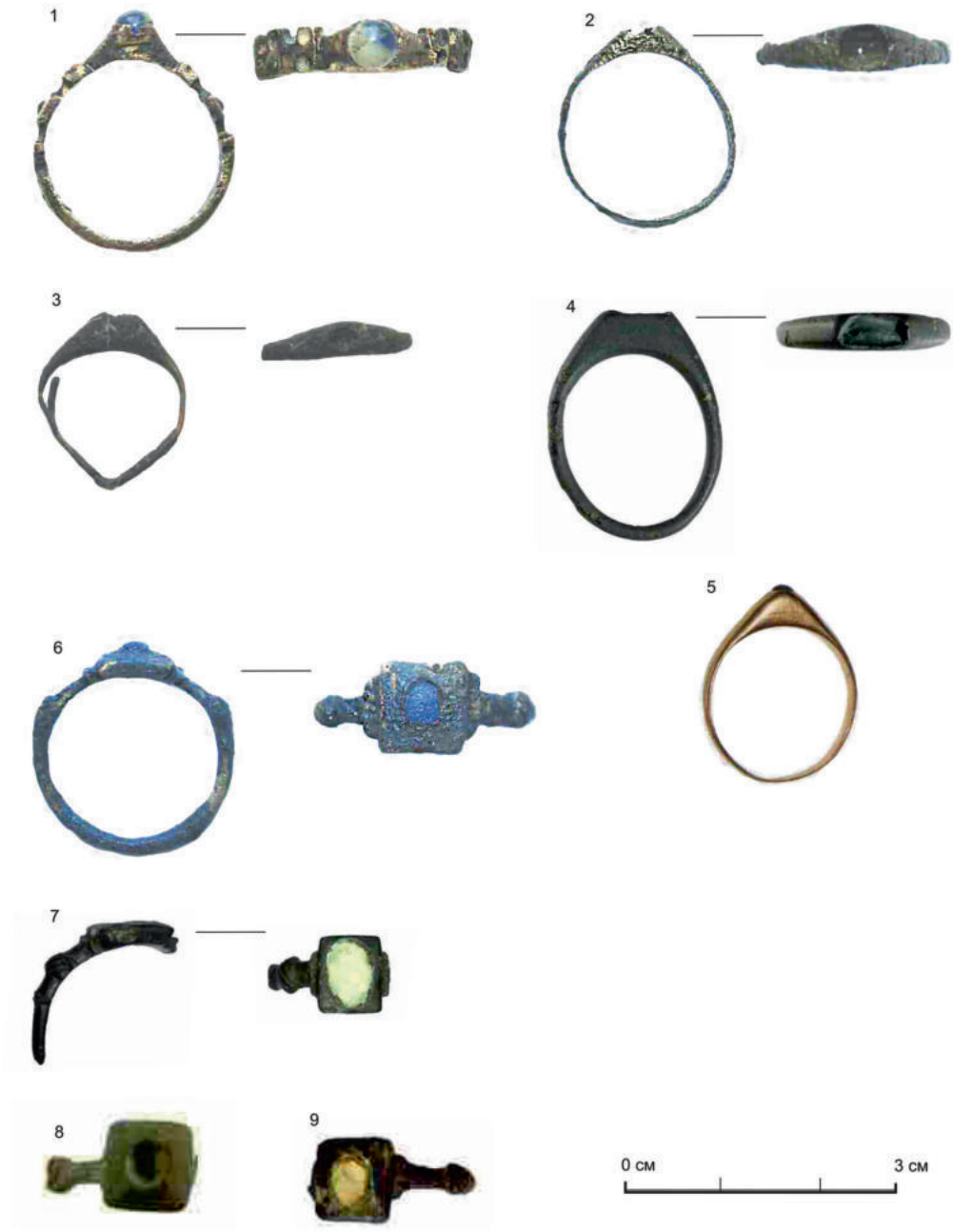


Рис. 2. 1, 2, 3 – стремявидные кольца, вторая пол. XII–XIV вв., Великий Новгород;
4, 5 – стремявидные кольца, XIII–XIV вв., Великобритания;
6 – перстень, XII в. Великий Новгород;
7, 8, 9 – перстни – XII–XIV вв. Великобритания

Еще одно подобное кольцо, также золотое, состоит из многоугольной в разрезе дужки, на плечиках которой изображены два дракона, сидящие в коронах и держащие рубиновую вставку. Кольцо происходит из Венеции и датируется второй половиной XIV в.

Пятое кольцо подобного типа, найденное во Франции, сделано из золота, шестиугольное ложе для вставки, которое держат две головы дракона, увенчано сапфиром. Датируется кольцо XIV в.

Шестое подобное кольцо происходит с территории Западной Европы. Плоская дужка венчается двумя головами драконов, держащими ложе для вставки, в которое вставлен овальный изумруд. Датируется это кольцо XIV в., хранится в Кельнском музее в Германии[8].

Седьмой перстень, украшенный головами драконов, сделан из золота и увенчан крупным сапфиром-кабошон. На дужке перстня выгравирована надпись «Amor vincit omnia» („любовь побеждает все“). Кольцо хранится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, датируется второй половиной XIII в.[9]

Подобные перстни бытовали на территории Западной Европы как минимум на протяжении шести веков. Кольца с изображением драконьих голов встречаются и в Новое время. В музее Оксфордского университета хранится золотое

Рис. 3. 1 – перстень, XIV в. Великий Новгород;
2 – перстень, XIV в. (?) Самарская область;
3 – перстень, XIV в. (?) Поволжье;
4 – перстень, XIV в. Германия

кольцо, украшенное сапфиром в виде сердца, которое держат две головы дракона. Перстень датируется XVII в.

Мотив драконов и драконьих голов часто использовался средневековыми европейскими ювелирами. Драконьими головами украшали не только кольца, но и другие элементы костюма. В Скандинавии часто встречаются фибулы с подобными декоративными элементами. В Новгородской коллекции тоже есть такая фибула, и датируется она XII в. Еще более широко тема драконов использовалась при производстве акваманилов. Например, в коллекции европейского изобразительного искусства Эрмитажа можно увидеть водолеев из Германии, датированных XV в., ручки которых выполнены в виде драконов[10].

Еще три перстня из Новгородской археологической коллекции можно объединить в одну группу стремявидных колец[11]. Названы они так по форме дужки — она вытянута вверх, образуя на верху кольца треугольник, вершину которого венчает вставка из камня или стекла.

Два перстня из трех очень просты в исполнении, они отлиты из бронзового сплава, вставки у обоих утеряны. (Рис. 2: 3). Один перстень датируется первой половиной XIII в., другой – XIV в.

Третий подобный перстень также отлит из бронзового сплава. Прямоугольная в сечении дужка украшена двенадцатью парными стеклянными круглыми вставками диаметром 1 мм, по шесть на каждом плече дужки, центральное ложе венчает шарообразная стеклянная вставка бело-синего цвета, диаметром 6 мм. Найден перстень в слоях второй половины XII в. (Рис. 2: 1)

Стремявидные перстни были широко распространены на территории Англии со второй половины XII в. и до XV в. На территории Лондона найдено два подобных перстня, один сделан из свинцово-оловянистого сплава с ложной вставкой, отлитой воедино с дужкой. Второе кольцо, отлитое из бронзового сплава, украшено стеклянной вставкой. Оба датируются XIII в.[12]

На интернет-портале Portable Antiquities Scheme, где жители Великобритании регистрируют предметы, найденные при помощи металлодетекторов или раскопанные в частных владениях, зарегистрировано более 150 колец этого типа, найденных на территории Англии (Рис. 2: 5). Сделаны они как из драгоценных металлов со вставками из настоящих камней, так и из свинцово-оловянистых и бронзовых сплавов со стеклянными вставками.

Золотое стремявидное кольцо с сапфировой вставкой хранится в Музее Виктории и Альберта и датируется XIII в.[13]

Еще два кольца, найденных в Новгороде, можно с большой долей вероятности отнести к западноевропейским. Эти кольца отлиты из бронзового сплава, круглая проволочная дужка украшена двумя плечиками в виде трехчастных бусин, в центре квадратное ложе, украшенное синей стеклянной вставкой (Рис. 2: 6).

Точно такие же кольца встречаются по всей территории Англии. На интернет-портале Portable Antiquities Scheme зарегистрировано четыре таких кольца, три из них отлито из свинцово-оловянистого сплава с синими стеклянными вставками. Одно золотое с рубиновой вставкой. Датируются они второй половиной XII–XIII вв. (Рис. 2: 7, 8).

В Лондоне при раскопках также найдено одно такое кольцо, отлитое из бронзы, украшенное желтой стеклянной вставкой. Датируется оно второй половиной XII в.[14] (Рис. 2: 9).

На данном этапе исследования только вышеперечисленные перстни из новгородской археологической коллекции можно отнести к западноевропейским изделиям.

При раскопках в Новгороде найдены 15 овальнощитковых перстней с изображением человеческой руки (Рис. 3: 1). М. В. Седова датирует второй половиной XII–XIV вв. и относит их к вещам западноевропейского облика[15].

Перстни с изображением руки известны в Западной Европе, это так называемые епископские перстни, обычно круглощитковые, на которых изображена «Благословляющая рука» (Benedicton Hand). Один такой перстень хранится в Баварском национальном музее в Мюнхене (Рис. 3: 4). Кроме того, изображение руки в благословляющем жесте присутствовало также на некоторых средневековых монетах европейских правителей (Эдельред I, Болеслав Храбрый и другие). На перстнях из Новгорода изображена раскрытая ладонь, которая сильно отличается от благословляющей руки западноевропейских колец.

Перстни с изображением руки-пятерни, аналогичные новгородским, встречаются в Нижегородской области (Рис. 3: 3). А. К. Станюкович и А. Г. Авдеев говорят о том, что аналогии таким перстням известны и на территории Золотой Орды, и в регионах, находившихся под ее культурным влиянием. Изображение пятерни символизирует пять основных заповедей ислама — ежедневное испове-

дание веры (шахада), паломничество (хадж), милостыню (закят), ежедневную пятикратную молитву и войну с неверными (джихад)[16]. У современных шиитов сохранилась традиция воздвигать изготовленную из металла или другого материала руку ладонью вверх на шесте над особо почитаемыми могилами праведников и в торжественных случаях. Такая рука называется «панчжа» (от «панч» — пять, т. е. *пять пальцев, пятерня*)[17].

Таким образом, в раскрытой ладони, изображенной на новгородских перстнях, просматривается скорее восточная традиция.

На данный момент из всей массы перстней, найденных в Великом Новгороде, к западноевропейским можно отнести лишь шесть, все они относятся к типу перстней со вставками и датируются концом XII–XIV вв. Одно из колец отлито из золота и украшено вставкой из яшмы, что свидетельствует о принадлежности данного кольца состоятельному знатному новгородцу. Четыре кольца отлиты из бронзового сплава, у двух стремявидных вставки утеряны, а два украшены стеклянной вставкой. Одно кольцо отлито из свинцово-оловянистого сплава и украшено стеклянными вставками.

---

[1] *Жилина Н.В.* Стили в древнерусском ювелирном искусстве IX–XIII вв. // Знание. Понимание. Умение. 2012. С. 92–105.
[2] *Макарова Т.И.* Черневое дело Древней Руси. М.,1986. С. 39–48.
[3] *Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М.,1981. С. 121–143.
[4] Там же. С. 138.
[5] Там же. С. 135.
[6] Там же. С. 141.
[7] Die mittelalterliche Judische kultur in Erfurt. B. 1. Der schatzfund archaologie — kunstgeschichte — siedlungsgeschichte. Weimar, 2010. S. 275.
[8] Ibid. P. 274.
[9] *Campbell M.* Medieval jewellery in Europe 1100–1500. London, 2009. P. 93.
[10] Государственный Эрмитаж. Ф-1586, Ф-1587.
[11] *Egan E., Pritchard F.* Dress accessories c. 1150-c.1450. London, 1991, 2002. P. 328
[12] Ibid. P. 326
[13] *Campbell M.* Ibid. P. 72.
[14] *Egan E., Pritchard F.* Ibid. P. 328.
[15] *Седова М.В.* Указ. соч. С. 135
[16] *Ирвинг В.* Альгамбра. М., 1979. С. 52–54.
[17] *Станюкович А.К., Авдеев А.Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII вв. М. 2007 г.

И.А. Стерлигова

Новгородский след в истории древнерусских золотых ряс

Художественные особенности и типология древнерусских ряс[1] (драгоценных подвесок к венцу, восходящих к византийским перпендулиям) известны по археологическим памятникам домонгольского периода; о рясах второй половины XIII–XV в. мы почти ничего знаем; позднесредневековые жемчужные рясы, сохранившиеся среди «приклада» к почитаемым богородичным иконам, по своему устройству и используемым материалам принадлежат к совершенно иной традиции.

Важным звеном, позволяющим восполнить пробел в истории украшений этого типа, оказались две найденные в Великом Новгороде, в слое XIV в., золотые ажурные пронизки в виде трубочек, их размер 2,2 × 0,6 и 1,6 × 0,5 см[2]. Они спаяны из очень тонкой витой неплющеной проволоки (Рис. 1), каждая состоит из шести петелек скани, расходящихся от сканных колечек на концах и образующих своего рода розетки, между которыми — по четыре ряда крошечных колечек, на бóльшей бусине дополнительно разделенных горизонтальными рядами проволоки. Тщательность работы и высокое качество припоя, позволившие при малом расходе металла добиться художественного эффекта, свидетельствуют о работе высококвалифицированного ювелира.

В древнерусских кистеобразных золотых и серебряных рясах домонгольского периода[3] такие пронизки не применялись, свисающие цепочки перемежались там с шаровидными или каплевидными бусинами, лунницами,

Рис. 1. Золотые бусины в виде трубочек, найденные в Великом Новгороде. XIV в. НМЗ

Рис. 2. Реконструкция подвески из бусин, экспонируемая в витрине Грановитой палаты среди деталей золотых домонгольских ряс, найденных в Великом Новгороде

Рис. 3. Богоматерь Одигитрия. Икона в чеканном окладе. Византия, первая треть XIV в.

Рис. 4. Богоматерь Одигитрия. Деталь: золотые рясы. Ближний Восток, XIV в.

розетками, кружками (Рис. 2). И оглавия, и пронизки ряс украшались тончайшей сканью, но объемных деталей, выполненных только из проволоки, не было. Использование жемчуга известно лишь на одной золотой подвеске, найденной в 1958 г. в Чернигове — жемчужная обнизь украшает ее колоколовидное оглавие[4]. Зооморфные элементы в декоре домонгольских кистеобразных ряс не применялись. Они станут характерными для ряс XVI–XVII вв., где часто встречаются украшенные накладной филигранью колодки в виде птиц — «орликов», а также маленькие птички-пронизки в составе жемчужных прядей, благодаря чему и сами такие рясы или серьги стали называть *орлички* или *орлики*. Происхождение украшений такого рода исследователями не обсуждалось.

В этой связи особый интерес представляют золотые рясы с оглавиями-орликами, жемчужными нитями и пронизками в виде ажурных трубочек, аналогичных двум найденным в Новгороде. Эти рясы, длина которых — 9,5 см, «приложены»[5] к драгоценной византийской иконе «Богоматерь Одигитрия» (Рис. 3), которая была написана и украшена среброзлащеным чеканным окладом в первой трети XIV столетия в Константинополе или Фессалониках[6]. На Руси оклад этой иконы был тщательно поновлен. Судя по палеографии кириллической надписи клейма «Ласкание Богородицы»[7], выполненного на окладе взамен утраченного, и точному воспроизведению иконы в древнерусском списке последней четверти XV в., она почиталась в московской великокняжеской семье уже в XV в.[8] Закрепленные у венца Богоматери рясы, как мы увидим, могут служить еще более ранним свидетельством этого почитания (Рис. 4). В старейшей сохранившейся Описи великокняжеского домового храма — Благовещенского — они описаны следующим образом: «Рясы жемчуг кафимской на орликах золотых, сканных, с кольцы, меж жемчугу по трубочке золотой, сканные»[9]. Их оглавия действительно представляют собой полностью ажурные фигуры орлов, боковые части которых выполнены из широких золотых ленточек, по их краям напаяны тончайшие сканные нити, из таких же выполнены и детали фигурок. В центральной части орликов — ажурные полусферы, выложенные из сегментов сдвоенной витой проволоки; они завершены золотыми шариками и окружены жемчужной обнизью[10]. К трем петелькам на нижних частях крыльев и хвоста орликов прикреплены низки из жемчужин, перемежающихся с колечками, спаянными из золотых шариков и вытянутыми ажурными трубочками; завершаются рясы большими кистями из сложно соединенных жемчужных нитей. Трубочки по устройству аналогичны новгородским, но на их концах «розетки» из восьми петелек, между которыми — по три ряда из «восьмерок», разделенных горизонтальными рядами скани. Технологическое и стилистическое сходство не оставляет сомнений, что и новгородские трубочки являлись частями аналогичных украшений, выполненных в том же художественном центре.

Роскошные рясы кремлевской иконы — исторически сохранившийся уникум, аналогий среди византийских украшений они не имеют, лишь для полусфер в центральной части фигурок орлов можно найти параллели в ювелирном искусстве средневизантийского периода[11], но также в древнерусских украшениях XIII в.[12] и балканских XIV в. Полностью ажурные объемные элементы, выполнен-

Рис. 5, 6. Золотые детали подвесных украшений, найденные в 2010 г. в Булгаре. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник

ные из тончайшей витой проволоки, были распространены в ювелирном искусстве Египта, Сирии и Ирана, как и украшения в виде трубочки с полусферическими концами. Такие драгоценности встречаются в золотоордынских кладах XIV в., к новгородским и московских золотым трубочкам по конструкции, технологии и отдельным деталям близки сферические ажурные бусины Симферопольского клада[13].

Изображения птиц, относящихся к древнейшим мотивам ушных украшений, есть и на византийских серьгах. Но объемные ажурные фигурки птиц характерны для ювелирного искусства Ближнего Востока и Монгольской империи. Две чрезвычайно близкие рясам кремлевской иконы подвески в виде птиц были найдены в Поволжье, на месте Булгарского улуса Золотой Орды. Одна золотая птичка и золотая ажурная трубочка — в Булгарском кладе 2010 г. (раскопки В.С. Баранова), который датируется 1310–1380 гг. (Рис. 5, 6), вторая фрагментированная птичка является старой случайной находкой[14]. Они также выполнены из тонкой неплющеной проволоки, но гладкой, а не витой, и из золотых лент, аналогичных лентам боковой стороны кремлевских

Рис. 7. Монгольская ханша. Миниатюра китайского художника XIII–XIV в.

Рис. 8. Золотые рясы с неизвестной иконы Богоматери. XIV в. Музеи Московского Кремля

орликов, хотя и менее тщательно, чем последние, и также имеют петельки для крепления жемчужных низок. Как и две новгородские трубочки, булгарские золотые детали не имеют аналогий среди изделий местных ювелиров и являются предметами восточного импорта[15]. Источник этого импорта не ясен, согласно К. А. Руденко, в XIV в. к монгольским наместникам в Булгар поступало много ювелирных украшений из Средней Азии и Ирана. Ясно лишь то, что рясы кремлевской иконы дают возможность реконструировать первоначальный облик украшений, в которые входили найденные в Булгаре детали.

Единичность и фрагментарность всех находок оставляет вопрос о точном происхождении хранящихся в Московском Кремле ряс открытым. Однако связанная с ними типология более поздних русских височных подвесок вполне определенно указывает на моду, появившуюся и распространившуюся на Руси в золотоордынский период ее истории. Здесь, как и в других землях, завоеванных Джучидами, произошла «достаточно быстрая смена ведущих элементов элитной моды»[16]. В XIV в. русские князья входили в элиту Золотой Орды и подолгу находились в ханских ставках. «Принадлежность к знати ордынского государства четко определяло наличие внешних атрибутов: зависимому владетелю выдавался ярлык, который подтверждал ханское пожалование, выраженное в преподнесении колчана, меча/сабли, головного убора, халата/кафтана, пояса»[17]. В дары и пожалования входили и женские украшения. Уже во второй половине XIII в. среди археологических находок в завоеванной монголами Волжской Булгарии встречаются статусные древнерусские драгоценности, не только серебряные бармы[18], но и женские золотые и серебряные височные украшения. Исследователи связывают их появление в Булгаре с приездами в Ставку Батыя русских князей. Таким же образом попадали в русские земли ордынские украшения. И хотя известно только о шести браках русских князей со знатными ордынками, жемчужные подвески могли входить в ханские дары великим княгиням; за первую половину XIV в. источники фиксируют 69 поездок в Орду, совершенных 26 князьями»[19].

В эту эпоху в Золотой Орде распространилась пришедшая из Китая мода на статусные серьги и подвески, обильно украшенные жемчугом, считается, что они восходят к символически значимым украшениям китайских императриц. Ношение серег и подвесок к головному убору ханшами династии Юань (1271–1368 гг.) отражено в миниатюрах китайских художников того времени (Рис. 7).

Небольшие золотые рясы, аналогичные изображенным на миниатюре, несколько столетий украшали одну из икон домового Благовещенского храма московских князей и царей[20] (Рис. 8), их ажурные пронизки по технологии близки новгородским и к пронизкам ряс на иконе. Такие же есть на рясах, снятых с несохранившейся драгоценной иконы-пядницы XIV в. «Богоматерь Боголюбская», до 1812 г. находившейся в Благовещенском соборе на аналое[21]. Несколько пронизок-трубочек, чрезвычайно схожих с новгородскими и найденной в Биляре, сохранились в составе еще одних небольших золотых ряс, украшавших еще одну богородичную икону Благовещенского собора[22] (Рис. 9). Судя по описанию убора этой иконы, ее «серебряных басемных золоченых венцов» с простыми камнями в Переписной книге собора, он мог быть выполнен еще в XIV в. и относился к сугубо чтимым, на что указывает «цата золотая, гладкая, узкая (древней формы — *И. С.*), по ней Деисус чеканный, в середине достокан, да две раковины, да две бирюзы, да два достоканчика малых»[23]. И пронизки, и оглавия ряс с этой иконы, как и пронизки ряс византийской иконы, украшены «восьмерками» из тонкой проволоки. Все эти рясы являлись прикладом к моленным богородичным иконам московской княжеской семьи, перенесенным в храм из теремов, и первоначально служили статусными подвесками к венцу княгинь. Такие украшения, появившиеся на Руси в монгольскую эпоху, положили начало моды на пышные жемчужные рясы знатных женщин Московской Руси. Реконструировать темный период в истории этих драгоценностей помогли две найденные в Новгороде золотые пронизки, поистине «мал золотник, да дорог»!

Рис. 9. Золотые рясы с иконы «Богоматерь Боголюбская». XIV–XV в. Музеи Московского Кремля

Рис. 10. Золотые рясы с иконы «Богоматерь Одигитрия». XIV в. Музеи Московского Кремля

[1] В литературе для этих украшений традиционно используется слово «рясны» (возможно, для отличия от названия священнических облачений), тогда как во всех письменных источниках и церковных описях в плоть до XX в. они именуются только «рясами». Старейшие тексты относятся к XII в. Например, в «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери» (1160-е гг.) некая жена Евфимия (VIII чудо) послала к иконе «усеряжи и рясы златые», см.: Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери / Публ. В. А. Кучкина, Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.; Мартис, 1996. С. 507. Необходимо вернуться к историческому наименованию. Нашу позицию разделяет С. С. Рябцева, см.: *Рябцева С. С.* Древнерусские женские головные уборы с рясами и колтами // В камне и в бронзе: Сб. статей в честь Анны Песковой / Ред.-сост. А. Е. Мусин и О. А. Щеглова. СПб., 2017. С. 499–500.

[2] НГМ КП 40618–19 (Лукинский раскоп, 1993 г.); КП 45652–172, (Троицкий раскоп, 2001 г.)

[3] Речь идет о рясах, «не связанных с колтами» (*Рябцева С. С.* Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 207), или, по классификации Н. В. Жилиной, «ряснах-подвесках»: с объемным верхом различной формы (колоколовидным, сионцевидным, кубическим) и свисающими цепочками или низками жемчуга (*Жилина Н. В.* Зернь и скань Древней Руси. М,. 2010. С. 66–81). Данные определения не совсем корректны: согласно источникам, к «рясам» относились подвески всех типов.

[4] Золота скарбниця України. Київ, «Акцент», 1999. № 105. С. 157 (с датой «XII – начало XIII в.»).

5 О прикладе древнерусских икон см.: *Стерлигова И. А.* Драгоценный убор русских икон XI–XIV веков: Происхождение, символика, художественный образ. М., 2000. С. 53–547 9 с указ. лит.

[6] Музеи Московского Кремля. Инв. № Ж–1759/1–2, размер 38 × 29,52 см. Описание и библ. см.: Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М., 2013. Кат. № 82. С. 340–346 (авт. кат. оп. И. А. Стерлигова, Л. А. Щенникова). Рясы были опубликованы в каталоге как «Византия или Балканы, XV в.»

[7] Надпись датирована XV в. А. А. Туриловым.

[8] *Щенникова Л. А.* Византийские иконы Богоматери, почитавшиеся в Московском Кремле, и их влияние на сложение иконографических типов Одигитрии в московском искусстве второй половины XV–XVI вв. // Византия и византийское наследие в России и мире: Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 3–6 июня 2013 г. М., 2013. С. 290–293.

[9] Переписная книга Московского Благовещенского собора, XVII века, по спискам Архива Оружейной палаты и Донского монастыря // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1873. Вторая пагинация. С. 12.

[10] Рясы незначительно деформированы, на правой — прорыв с утратой металла; в 1980 г. реставратором Музеев Московского Кремля Т. В. Усачевой на них был перенизан жемчуг.

[11] *Bosstlmann-Ruickbie A.* Byzantinischer Schmuck des 9. bis frühen 13. Jahrhunderts. Wiesbaden, 2011. Kat. N 217, 220; *Albani J* . Elegance Over the Borders: The Evidence of Middle Byzantine Earrings //"Intelligible Beauty": Recent Research on Byzantine Jewellery (British Museum Research Publication). London, 2010. P. 207. Pl. 24.

[12] Золотое очелье первой трети XIII в., найденное в 1998 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве. См.: *Pekarska L.* Jewellery of Princely Kiev (Monographien des RGZM, Vol. 92. 2011). P. 213. Pl. 8.3.

[13] Датируются первой половиной XIV в. См.: Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки. СПб.; Славия, 2000. № 403–409. С. 309.

[14] См.: Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск / Сост.: Р. Р. Валиев, А. Г. Ситдиков, З. Г. Шакиров. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 15, рис. 2; *Руденко К. А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Заман, 2015. Т. II. С. 110. Ил. 209; С. 222. Ил. 366. Все три предмета хранятся в Билярском государственном историко-культурном музее-заповеднике. За предоставленные фотографии и консультации сердечно благодарю Константина Александровича Руденко.

[15] Беспошлинная торговля и отсутствие границ внутри Золотой Орды активизировали приток в булгарские земли восточной торевтики. Согласно исследованиям К. А. Руденко, собственно булгарская ювелирная продукция была мало конкурентоспособна, «при наличии очень дорого эксклюзива, как правило импортного, и подражаний ему, ассортимент массовых изделий был эклектичен.... Сбыт ювелирных булгарских изделий в этот период был ограничен территорией улуса, за исключением некоторых типов серебряных серег...» — *Руденко К. А.* Центры изготовления и пути распространения ювелирных изделий в XIII–XVI вв. в Предуралье и Зауралье // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 25–29 октября, 2016 г. Ижевск, 2016. С. 345.

[16] Там же.

[17] *Селезнев Ю.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: «Ломоносовъ», 2017. С. 178.

[18] *Макарова Т. М.* Черневое дело Древней Руси. М.; Наука, 1986. С. 109, 110, № 299–307.

[19] *Селезнев Ю.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. С. 153.

[20] Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-2643/1-2, дл. 11 см.; МР-6200/1-2, дл. 9 см.

[21] МР-6200/1-2, дл. 9 см. См.: Царский храм: Святыни Благовещенского собора в Кремле. М.: Изд. дом Максима Светланова, 2003. № 12. С. 104.

[22] № МР-9026/1-2, дл. 10,5 см. Связь с иконой установлена И. А. Бобровницкой. См.: Там же. № 23. С. 126–127.

[23] Переписная книга Московского Благовещенского собора XVII века, по спискам: Архива Оружейной палаты и Донского монастыря. С. 12.

А. Н. Сорокин

Неизвестные улицы древнего Новгорода (материалы к исследованиям по исторической топографии)

В летописных сообщениях о строительстве церквей, в описаниях пожаров и других событий, происходивших в древнем Новгороде, нередко приводятся названия улиц. Некоторые из них упоминаются также в государственных и частных актах, в писцовых описаниях Новгорода XVI–XVII вв. На планах XVIII в. не только отражена сложившаяся к тому времени развитая уличная структура Новгорода (почти полностью измененная в результате перепланировки, начавшейся в 30-х гг. XVIII столетия), но и в экспликациях к этим планам приводятся названия улиц, известных по письменным источникам. При проведении археологических исследований, земляных работ, а также в ходе геологического бурения, предшествующего строительству, обнаруживаются многоярусные деревянные мостовые древних улиц. По данным разнообразных источников, в древней новгородской агломерации, ядром которой являлась территория, обнесенная в XIV в. валом Окольного города, и примыкавшие к нему заполья и слободы, в общей сложности насчитывается около 100 улиц и переулков.

Первым, кто приступил к изучению топографии улиц древнего Новгорода, был митрополит Евгений (Евфимий Болховитинов). В начале XIX в., будучи епископом Старорусским и викарием Новгородским, на основании писцовой книги 1623 (7132) г. он составил список улиц и определил их местоположение на современном плане Новгорода [1]. В середине XIX в. значительный вклад в решение этой проблемы внес И. И. Красов, использовавший материалы не только писцовых книг, но также летописей и один из планов Новгорода XVIII в. [2] На рубеже 50–60-х годов XX в. важные наблюдения, касающиеся топографии улиц южной части Торговой стороны Новгорода, были сделаны А. И. Семеновым, который в своих исследованиях опирался на письменные источники и планы Новгорода XVIII в. [3] В 60-х годах XX в. С. Н. Орлов, длительное время осуществлявший археологический надзор за земляными работами в Новгороде, для установления топографии древних улиц и привязки их к современному плану города предпринял попытку объединить археологические материалы, данные письменных и картографических источников [4]. В начале текущего столетия Э. А. Гордиенко на той же основе составила план и каталог улиц древнего Новгорода в пределах вала Окольного города XIV в. для энциклопедического словаря Новгорода, сопроводив их краткими историческими справками по каждой улице [5]. Однако до сих пор остаются улицы, не имеющие четкой топографической привязки. Между тем, данное упущение можно частично исправить.

«УГЛО́ВА/УГО́ЛЬНАЯ». В пожаре, произошедшем на Софийской стороне 6 июня 1194 (6702) г., «загореся *в Чьглове (Чеглове, Чеулове) улке*, и погоре дворов с 10» [6]. В Новгородской второй летописи название этого проезда и его статус представлены в несколько измененном виде — «загореся в *Чиххове улици*» [7]. Поскольку городской проезд ни с одним из этих или сходных названий больше никогда и нигде не упоминается, то может показаться, что нельзя установить его местоположение на плане древнего Новгорода. Возможно, именно поэтому в исследованиях по исторической топографии древнего Новгорода Чьглова (Чеглове, Чеулова, Чиххова) улица даже не упоминается. Данная проблема решается, если допустить, что в летописных текстах была допущена ошибка, и в названии улицы вместо начальной буквы «Ч» в слове «Чьглове» следует читать «У». В древнерусских текстах и новгородских берестяных грамотах начертание этих букв имеет несомненное сходство [8]. В таком случае улица, вероятно, должна была называться *«Угло́ва»*. В Переписной книге Новгорода 1707 г. дьяка Дмитрия Якимова и подьячего Федосея Евстафьева на Софийской стороне между дворами по Чудинцевой и Легощей улицам перечислено 16 дворов на улице *«Уголки»* [9]. Кроме того, уличный проезд с таким же названием и в том же самом месте присутствует в экспликациях к планам Новгорода XVIII в., на которых отражена древняя уличная планировка: так, на «Плане Новгороцкой крепости с хоромным строением» 1746 г. между «Легощей» (№ 20) и «Чединцевой» (№ 23) обозначены *«улица Уголки»* (№ 22) и «переулок *Угольской*» (№ 24); на плане 1762 г. из «Кабинетской архивы», на плане из собрания карт и планов Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е.Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге и на плане, подписанном П. Калачевым, между теми же улицами – «Легощей» (№ 24) и «Чюдинцовой (Чудинцева)» (№ 26) – под № 25 значатся соответственно *«переулок Угольний»*, *«улица Уголки»* и *«переулок Уголик»* [10]. Очевидно, с летописной улицей «Угло́ва» можно идентифицировать улицу «Уголки» на планах Новгорода XVIII в., которая имела направление от Златоустовской башни Кремля к церкви св. Флора и Лавра [11].

Другая проблема, связанная с летописной улицей «Угло́вой/Уго́льной», заключается в определении ее принадлежности к Загородскому или Неревскому концу. И. И. Красов, скрупулезно исследовавший топографию древнего Новгорода, заметил, что согласно Описи 1623 г. в Загородском конце пространство между Легощей и Чудинцевой улицами, т. е. там, где проходила «Угло́ва/Уго́льная» улица, занимал Владычный (Митрополичий) Остров, не принадлежавший ни одному из концов [12]. В Писцовой книге 80-х гг. XVI в. к Загородскому концу относится не только Легоща, но также располагавшиеся к северу от нее Фревков переулок, Росткина, Янева и Щиркова (Щеркова) улицы [13]. В более древней, так называемой «Семисоборной росписи» новгородских церквей, датированной В. Л. Яниным 1466–1508 гг., церковь «на Легощи улице Фрол Святый» приписана к соборному участку церкви Архангела Михаила на Прусской улице, т. е. к Загородскому концу [14]. Поэтому можно предположить, что во времена независимости Новгорода улица «Угло́ва/Уго́льная» входила в состав Загородья (Загородского конца).

Происхождение названия этой улицы неоднозначно. «Угловой» или «уго́льный» означает «к углу относящий-

ся», «стоящий на углу», «находящийся на углу, угловой или в углу» [15]. Возможно, название улицы «Углóва/Угóльная» объясняется особенностями ее топографии, т. к. она пересекалась с Легощей улицей под острым углом, что не характерно для уличной планировки древнего Новгорода. Вместе с тем нельзя исключать, что жители «Углóвой/Угóльной» улицы были каким-то образом связаны с местностью, называвшейся «Угол»: например, в новгородских писцовых книгах, составленных в 30-х гг. XVI в., за жителем Легощей улицы (NB!) значилась «пожня в Луском пути в Вязовом Углу», а за церковью св. Петра и Павла из Неревского конца — «пожня за Веряжею в Луском пути на Березне у Вязового Угла»; три деревни «Угол» были отмечены в Обонежской пятине «в Рождественском погосте на Сяси» и «в Михайловском погосте в Озерах»; в Белозерской уставной грамоте 1488 (6996) г. и Белозерской таможенной грамоте 1497 (7005) г. упоминается волость «Угла», где проводился торг «по старине» [16].

«КОБЫЛЬЯ». В Новгородскую первую, вторую и четвертую летописи, а также в летопись Авраамки включено известие о пожаре на Софийской стороне, произошедшем «тои же осене» 1394 (6902) г., в результате которого «погоре владычен двор и околоткы (Околоток), и за городом много улиц погоре, а у святеи Софеи маковица огоре (полатная), а церквии каменых 8 огоре, а древяных две церкви сгореша» [17]. Примечательно, что в Новгородской третьей летописи, в статье, помеченной 6911 г., при описании пожара под № 11 почти дословно повторяются те же самые урочища: «Погоре владычень двор, и Околоток, и Загородок (за городом), и много улиц погоре, а у святей Софии маковица погоре полатная, что в которой лествица в Софии на полати; а церквей каменных погоре 7 (8), а древяных две церкви сгоре» [18]. Если сравнить охваченную огнем территорию и ущерб, причиненный пожарами в 6902 и 6911 гг., то окажется, что это, вероятнее всего, разные варианты описания одного и того же чрезвычайного происшествия [19]. Кроме того, в контексте с этим пожаром, случившимся, по всей вероятности, в 6902 г., необходимо рассматривать пожар под № 10, о котором сообщается в Новгородской третьей летописи под 6903 г.: «Бысть [пожар] в Великом Новеграде на Софийской стороне, загореся у святаго Спаса в Кобыльи улицы, и погоре каменный град Детинец весь, и владычень двор, и святыя Софии верх палатный обгоре, и Неревский конец до Борковой улицы; а церквей згоре 12» [20]. Не подлежит сомнению, что описание данного пожара представляет собой особую версию пожара, произошедшего в 6902 г. Такое предположение подтверждается тем, что в Новгородской четвертой летописи под 6902 г. почти дословно повторяется описание пожара из Новгородской третьей летописи: «Пожар. Того же лета загореся в Кобыльи оулкы, и погоре Околоток, и владычнь двор, и в святои Съфеи и полатнои верх, и Неревскыи конец до Борковы оулицы» [21]. Наконец, к рассматриваемому пожару, вероятно, относится известие Новгородской второй летописи о том, что в 6902 г. «у святей Софии маковица огорела, да церквей 8 (50) огорело, а деревеных 2» [22].

Поскольку рассматриваемый пожар случился осенью 6902 г., то в переводе на современное летоисчисление он может датироваться 1393 или 1394 гг. [23] Между тем, имеется возможность уточнить хронологию пожара. В Новгородской первой летописи в статье под 6903 г. сообщается о том, что «тои же *осени* князь Витовт Литовьскыи взя город Смолнеск и наместник свои посади» [24]. По сведениям Новгородской четвертой летописи «се же первое взятие Смоленьское от Витовта приключися *в осенине, сентября 28, в вторник*», что соответствует 1395 г. [25] Следовательно, пожар в Новгороде, случившийся за год до этого события, датируется осенью 1394 (мартовский 6902) г. [26] В большинстве летописей описание пожара помещено после известия о том, что «поставиша даньслалце церковь камену святого Дмитриа, и свяща ю архиепископ владыка Иван на праздник его», т. е. 26 октября [27].

Итак, пожар 1394 (6902) г. начался с того, что «загореся у святаго Спаса на Кобыльи улицы (в Кобыльи оулкы)» [28]. Хотя улица или переулок с таким названием больше нигде и никогда не упоминается, ее местоположение на плане древнего Новгорода можно установить по стоявшей на ней Спасской церкви. Д. И. Прозоровский поместил ее в Неревском конце на Козмодемьянской улице, но церковь Спаса Преображения, впервые упоминаемая как «Христова церковь» под 1299 (6807/08) г., располагалась на соседней улице Розваже [29]. В одном из списков Новгородской третьей летописи указано, что в 1394 (6902) г. сгорел «Загородок» [30]. Вероятно, именно поэтому Б. А. Рыбаков утверждал, что пожар охватил Загородье – местность к западу от Детинца, на западной окраине которой стояла церковь Вознесения Христова на Прусской улице, известная с 1175 (6683) г. [31] Однако в данном случае топоним «Загородок», по всей видимости, представляет собой парафраз слов «за городом» из описания пожара в других летописях. Кроме того, по данным всех летописцев вектор распространения пожара был направлен с юга на север, т. к. сгорел «Каменный град детинец весь», в том числе «погоре Околоток (околотки)», а огонь дошел «до Борковы улицы» в Неревском конце [32]. Хотя исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о местоположении Околотка, тем не менее все сходятся на том, что Околоток занимал южную половину Детинца [33]. Примечательно, что к югу от Детинца в Людином конце между Спасской башней Детинца и берегом Волхова стояла церковь Образа Спаса Нерукотворного, известная с XII в. по жалованной грамоте князя Изяслава Мстиславича [34]. В Писцовой книге, датируемой 80-ми годами XVI в., в этой части Людина конца отмечено несколько безымянных переулков [35], один из которых мог быть летописной «Кобыльей улицей (улкой)». Однако более вероятно другое объяснение. Как известно, Спасская башня получила свое название по надвратной церкви Спаса Преображения, примыкавшей к ней с внутренней стороны Детинца. В. Л. Янин установил, что действительная дата появления Спасской надвратной церкви — 18 мая 1264 (6772) г. — содержится в Росписи построек Владычного двора 1694 г., составленной С. Л. Елфимовым [36]. При раскопках у Спасской башни были открыты многоярусные деревянные мостовые безымянной улицы, которая, по мнению авторов этих раскопок, соединяла Спасскую и Борисоглебскую башни Детинца [37]. Однако, по наблюдениям М. Х. Алешковского, на древних изображениях «планировка южной части кремля сохранила направление улицы от Спасской башни к Пречистенской» [38]. По-видимому, именно эта улица

называлась в древности «Кобыльей», которую, согласно «Уставу о мостех» (XIII в.), следовало «с прусы до Бориса и Глеба мостити»[39]. Для установления этимологии названия улицы, может быть, следует обратить внимание на сообщение Комиссионного списка Новгородской первой летописи о том, что зимой 1339 (6846) г. «прислаша послы из немечкого городка из Выбора о миру в Новгород от Петрика воеводе, ркуще, яко князь свеискыи того не ведает, что учинилося розмерье с Новымгородом... а про *Кобыличкую Корилу* послати к свеискому князю»[40]. В одной из новгородских Писцовых книг 80-х гг. XVI в. в районе улицы Досланя также упоминается «Корилская улка (Корелка)»[41]. Однако название улицы «Кобылья» могло быть образовано от антропонима — имени или прозвища «Кобыла», которое встречается в древнерусском ономастиконе: например, в 1347 (6855) г. «князь велики Семен Иановичь, внук Данилов, женился втретьи; взял за себя княжну Марью, дщерь великого князя Александра Михаиловича Тверскаго; а ездил по нее в Тверь *Андрей Кобыла* да Алексей Босоволков»[42].

«КИЛАВАЯ». В Новгородской первой и четвертой летописях, а также в Рогожском летописце под 1371 (6879) г. сообщается о пожаре на Торговой стороне, который начался «с Ильине улици (от Ильины улицы)», а затем распространился «в Плотничькыи конець», в результате чего «Подол всь погоре, и (Плотничьскый, Плотницкой) конець до Килавои (Киловои) улици», причем «у Килавые улици ту преста и кончася»[43]. В летописном описании этого пожара наиболее проблемной является локализация «Килавой» улицы, название которой в других источниках не встречается. И. И. Красов вслед за Н. Н. Муравьевым настаивал на том, что это была Кироиванская (Кирова) улица, а разницу в названиях объяснял ошибкой летописца, т. к. «вместо Кировой нетрудно написать Киловой». При этом И. И. Красов локализовал Кироиванскую улицу вблизи церкви св. Ильи в Славне. Это, как он полагал, подтверждается, во-первых, ее упоминанием в Писцовой книге 1623 г. между Павловой и Славной улицами, во-вторых, существованием в церкви св. Ильи придела во имя св. Кира и Иоанна, а также тем, что в XVIII в. между Воскресенским переулком, трасса которого совпадала с древней Павловой улицей, и церковью св. Ильи проходил безымянный переулок, который «мог быть на месте Кироиванской улицы»[44]. Однако из летописного текста описания пожара однозначно следует, что в противоположность Кироиванской улице «Килавая» находилась не в Славенском, а в Плотницком конце, т. к. огонь распространился к северу от Ильиной улицы «в Плотничькыи (Плотничьскый) конець» вплоть «до Килавои (Киловои) улици». При этом особого внимания заслуживает тот факт, что именно здесь пожар самопроизвольно «преста и кончася», очевидно, вследствие того, что полностью выгорела вся дворовая застройка. Вероятно, пожар остановился и прекратился перед «Килавой» улицей не случайно. Такое могло произойти, если за «Килавой» улицей имелась преграда, которую огонь не мог преодолеть. По всей вероятности, это был Федоровский ручей, ширина русла которого составляла около 17 м[45]. Однако на планах Новгорода XVIII в. вдоль его южного берега обозначена улица под названием «Коржева (Коржова, Коржавая, Коржевая)»[46]. Хотя первое упоминание о Коржевой улице относится к 1499/1500 г.[47], это не исключает ее существования в более древнее время, т. к. имеется множество подобных примеров. Показательно также, что ситуация с пожаром 1371 (6879) г. повторилась дважды: в 1633 (7141) г., когда на Торговой стороне «горе до Коржовы», а в 1709 г. — «до Федо(ро)вского ручья»[48]. Из всего сказанного можно сделать вывод, что «Килавая» и «Коржева» — разновременные названия одной и той же улицы. Это тем более справедливо, что слова «корж» и «кила» являются синонимами[49]:

«кила»	«корж»
«грыжа... холодная опухоль разного рода»	«нарост от порчи всякого рода»
«шишка на дереве», «килавое дерево, с болонами, наростами»	«шершавая поверхность, неровности, например на коре дерева»; «коржавый» — «неровный, шероховатый»
«выплав»	«налет и окисление», «окалина, железный сок или шлак»

Вместе с тем нельзя исключать, что «Килавой» называлась часть Коржевой улицы, проходивший через Подол, который «всь погоре» в 1371 (6879) г. Основанием для такого предположения может служить то, что на плане Новгорода 1756 г. в обработке Н. Н. Муравьева под № 12 обозначена длинная «Коржева» улица, а под № 14 — проходившая по волховскому побережью более короткая, но с похожим названием «Коржавая» улица, причем в месте их соединения они образовали колено, как будто это — две разные улицы[50].

Значение слов «килава» и «корж» позволяет понять этимологию названия Килавой/Коржевой улицы. Дело в том, что Федоровский ручей, по всей вероятности, был искусственным образованием — рвом, вырытым для отвода паводковых вод, затоплявших Торговую сторону после того, как было засыпано русло древнего «Ручья» — протоки между Волховом и Волховцом[51]. Улицу, вероятно, проложили по мощному выбросу грунта из рва под Федоровский ручей, образовавшему на поверхности «корж», «килу», или вдоль него.

«КОНЧАНСКИЙ МОСТ». В «Рукописании князя Всеволода» (XII в.) при определении границ буевища «Петрятино дворище» с церковью Иоанна на Опоках на Торговой стороне Новгорода в качестве одного из топографических ориентиров указан Кончанский мост: «А буевище Петрятино дворище от прежних дверей Святаго Великого Ивана до погреба, от погреба до Концаньского мосту»[52].

В. С. Передольский подразумевал под «Кончанским мостом» инженерное гидротехническое сооружение «на Федоровском ручье», не имевшее постоянного места, а название «Кончанский» объяснял тем, что «обязанность содержать этот мост в порядке возлагалась не на те лица, которые перечислены в Ярославовом Уставе, а на управление Плотенского конца или его обитателей»[53]. Однако «Кончанский мост», по утверждению В. Л. Янина, «вполне соответствуя своим назначением наименованию Кончанский», находился «в единственно возможном месте — на

Пробойной улице», которую «безусловно» пересекал некий «ручей», служивший «границей между Славенским и Плотницким концами». Поэтому мост «может быть локализован в непосредственной близости к южной оконечности стоявших на поземе Ивана Предтечи каменных лавок», отмеченных в новгородской Оброчной (Лавочной) книге, составленной в 80-х гг. XVI в.[54] Основанием для такого вывода послужило наблюдение В.С. Передольского над «желобиной» — понижением современного рельефа, по которому, как он полагал, «пробегала речка», являвшаяся «продолжением» ручья Трясовец (Тарасовец), выходившего из Жилотуга (протоки Волхова к востоку от Новгорода). По данным В.С. Передольского, эта «желобина» начинается «против Филипповской церкви», огибает с северо-востока «Славенский холм» и церковь Иоанна Предтечи, а затем «склоняется в берег Волхова, примерно, где Буяновская улица», т.е. к северу от «Петрятина дворища»[55]. И.И. Кушнир, изучавший первоначальный рельеф Новгорода по материалам буровых скважин, утверждал, что ему «удалось проследить русло впоследствии засыпанного ручья, имевшего название Козий брод или Козья Бородка»[56]. Однако, по мнению В.Л. Янина, так назывался не ручей, а переправа через него «против церкви Успения» на Торгу, местоположение которой в «Семисоборной росписи» (1466–1508) определено «на Ильине улице, на козе бороке»[57]. Между тем, в летописных описаниях пожаров Торговой стороны упоминаются «Ручей» и «Плотницкий ручей», которые, вероятно, следует идентифицировать с «желобиной» В.С. Передольского[58]. О расположении «Петрятина дворища» на берегу ручья, по мнению В.Л. Янина, свидетельствует также название местности «Опоки», где по Описи Новгорода 1615 г. числились три церкви: «На Опоках храм камен Иоанн Предтеча, придел пророк Захарья; храм Дмитрий великомученик, придел Богоявленье Господне, храм камен Борис и Глеб»[59]. Летописный «Ручей» не сохранился. А. И. Семенов, исследовавший топографию Торговой стороны, предположил, что ручей в древности осушили, о чем свидетельствует топоним «Труба», упоминаемый в источниках конца XVI–XVII вв. именно в том месте, где как раз проходила «желобина» В.С. Передольского[60].

Вместе с тем утверждение о расположении «Петрятина дворища», южная сторона которого находилась «вблизи течения этого несуществующего ныне ручья»[61], вызывает сомнения. Прежде всего, по наблюдениям В.С. Передольского, «следы желобины едва заметны, начиная от Знаменской улицы, которую она пересекает близ Московской», и «обрывается» в районе Предтеченской церкви[62]. По данным письменных источников и археологических наблюдений С.Н. Орлова, направление «Трубы» также может быть надежно прослежено только от вала Окольного города до Немецкого двора[63]. Кроме того, не объясняется существование на небольшом удалении друг от друга (около 120 м) двух переправ через ручей — брода в районе Успенской церкви и моста у Предтеченского храма. Наконец, треугольная конфигурация «Петрятина дворища» в интерпретации В.Л. Янина противоречит тому, что дворы в древнем Новгороде, как правило, имели прямоугольную или квадратную в плане форму[64].

Однако не это самое главное. В древнерусское время словом «мост» обозначали не только инженерные сооружения, предназначенные для перевода дорог через естественные или искусственные препятствия. «Мостами» называли также межэтажные перекрытия в жилых и хозяйственных постройках, церквах, крепостных башнях[65]. Термин «мостец» применялся к сооружениям, имевшим отношение к торговле и, вероятно, представлял собой небольшие мощеные площадки, например, «у креста на Опоках же мостец»; «лавка... перед нею мостец, торгуют рыбою»; «у двора мостец пуст»; «перед лавками мосты»[66]. Под «мостами» понимали также гати, проложенные на дорогах, проходивших через топкие места. Так, в царской грамоте от 22 апреля 1599 (7107) г., отправленной на имя верхотурского воеводы Василия Головина, отмечено плохое качество ремонта дороги между Солью Камской и Верхотурьем: после того, как на ней «мостов мостили... через речки и через бояраки и через грязные места... а на грязех и на болотах мосты изпроломались, и выбои по той дороге великие»[67]. И самое важное — под мостами, в том числе в Новгороде, подразумевалось деревянное уличное мощение. Например, во время наводнения 1421 (6929) г. «разбишася от воды и уличнии мосты»[68]; в купчей Никольского Островского монастыря, датируемой серединой XV в., упоминается «межа от улици от Рогатицкого мосту... к улицы к Рогатици межа до мосту... подле улицкои мост»[69]; в 1470 (6978) г. «мостиша мост нов от Лубянке во весь конець Плотницкой»[70]; под 1543 (7051) г. в летописях сообщается, что «уличане мост исправиша по старому месту и учиниша его выше старого, а стал мост в пятнатцать рублев, иже бысть мост от Буянкы мимо улиц к Николе»[71]; в 1547 (7055) г. «на Ильине улици мостили новым мостом улицу»[72]; в 1645 (7153) г. новгородский воевода князь Урусов, отвечая на запрос Посольского приказа о местоположении и размерах двора, отведенного «свейским торговым людем», отметил, что «по третью сторону от Большой Пробойной улицы от мосту до того дворового места 8 сажен»[73].

Таким образом, если согласиться с тем, что «Кончанский мост» в «Рукописании князя Всеволода» представлял собой улицу, то «Петрятино дворище» получает обычную для новгородских дворов прямоугольную конфигурацию. В одной из новгородских писцовых книг 80-х годов XVI в. на Торговой стороне действительно упоминается «Кончанская» улица[74], но ее местоположение не имеет однозначного определения. Евгений Болховитинов и А. И. Семенов помещали ее в южной части Славенского конца у Ильинской церкви, Н. Н. Муравьев – на границе между Славенским и Плотницким концами в районе Торга, И. И. Красов – в южной части Ярославова дворища[75]. В связи с проблемой локализации «Кончанской» улицы следует обратить внимание на сведения Оброчных (Лавочных) книг, в которых рядом с церковью Иоанна Предтечи на Опоках указана Иванская улица, представлявшая собой проход к «Большей к Плотенской улице»[76]. На плане части Торговой стороны, составленной Григорием Охлопковым в 1732 г., обозначена «Иванская улица», проходившая от берега Волхова в восточном направлении с северной стороны церкви Иоанна Предтечи[77]. Примечательно, что в списке «Рукописания» из сборника XVII в. контекст, в котором говорится о границах «Петрятина дворища», имеет несколько иной вид: «А буевище Петрятино дво-

рище от прежних дверей святого Иоанна до погреба, а от погреба до конца *Иванского мосту*»[78]. Таким образом, можно предположить, что «Кончанскую» улицу переименовали в «Иванскую», а ее название присвоили другой улице, вероятно, располагавшейся в южной части Славенского конца. Такое переименование не является чем-то исключительным для Новгорода: например, «Черницына» улица стала «Варваринской», а «Гончарский» конец изначально назывался «Людин»[79].

РЯДЯТИНА (РЯДИТИНА, РЕДЯТИНА). При археологических исследованиях в Людином (Гончарском) конце на Троицком раскопе были обнаружены деревянные мостовые четырех древних улиц, три из которых удалось идентифицировать: это – Черницына (Варваринская), Пробойная и Ярышева. Четвертая улица располагается к югу от Черницыной. В летописных описаниях пожаров, в писцовых материалах и на планах Новгорода XVIII в. на этой позиции упоминается исключительно Рядятина улица, многоярусные мостовые которой были вскрыты в строительных траншеях, а также в двух археологических шурфах, заложенных в 10,5 м к северу от Троицкой церкви[80]. Примечательно, что и в этих шурфах, и на Троицком раскопе первый сохранившийся ярус деревянной мостовой залегал примерно на одной и той же глубине от современной дневной поверхности. Следовательно, имеются достаточно веские основания полагать, что в южной части Троцкого раскопа открыта древняя Рядятина улица.

---

[1] *[Евгений Болховитинов].* Исторические разговоры о древностях Великого Новагорода. М., 1808. С. 71–77; Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 167.
[2] *Красов И.И.* О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851; Великий Новгород... С. 253.
[3] *Семенов А.И.* Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959 С. 55–73; Он же. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1962. С. 137–159.
[4] *Орлов С.Н.* К топографии древнего Новгорода // СА. 1961. № 4 С. 212–217; *Он же.* К топографии Новгорода X–XVI вв. // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964 С. 264–285; *Он же.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода // Ученые записки Новгородского головного государственного педагогического института. Некоторые вопросы истории СССР. Т. I. Вып. 1. Новгород, 1965. С. 3–55; Великий Новгород ... С. 372.
[5] Великий Новгород... С. 459–465.
[6] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 41, 233; Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 591; Т. XV. М., 1965. Стб. 283.
[7] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 12; ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 184.
[8] *Пронштейн А.П., Кияшко В.Я.* Вспомогательные исторические дисциплины М., 1973. С. 101, 103, 106; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. Табл. 21, С. 188–189; Табл. 29. С. 202–203.
[9] Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв. Сб. документов. Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. XII, 274–283.
[10] *Янин В.Л.* Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М., 1999. С. 106, Рис. 26, 30, 32, 33.
[11] По мнению Э.А. Гордиенко, «Угольная» улица «выходила к Росткину монастырю», причем ошибочно провела ее трассу по «Угольскому» переулку», обозначенному на плане 1746 г. См.: Великий Новгород... С. 460, 462.
[12] *Красов И.И.* Указ. соч. С. 124; Великий Новгород... С. 253.
[13] *Майков В.В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // Летопись занятий археографической комиссии за 1911 год. Вып. 24. СПб., 1912. С. 88–158.
[14] *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 398–399, 401.
[15] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Репринтное издание. М., 1991. С. 468.
[16] Писцовые книги Новгородской земли. Т 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К.В. Баранов. М., 1999. С. 344, 313; Писцовые книги Новгородской земли. Т 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К.В. Баранов. М., 1999. С. 80, 128; Российское законодательство X–XX веков. В девяти тт. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 193, 203.
[17] НПЛ. С. 386–387; Новгородские летописи. С. 37; ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 134; Т. IV. СПб., 1848. С. 100, 140; Т. IV. Ч. I. Вып. 2. Л., 1925. С. 375; Т. IV, 1929. С. 604; Т. XVI. СПб., 1889. Стб. 137.
[18] Новгородские летописи. С. 249; ПСРЛ. Т. III, 1841. С. 234.
[19] Архимандрит Макарий и Д.И. Прозоровский вслед за летописцами рассматривали эти пожары как два отдельных происшествия. См.: *Макарий (Миролюбов)* Архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. Репринт. издание. СПб., 1860. М., 2003. С. 46; *Прозоровский Д.И.* Новгород и Псков по летописям с дополнениями по другим источникам. СПб., 1887. С. 165.
[20] Авторы публикаций летописи волевым решением исправили принятый ими за ошибку 6903 г. на 6902 г. См.: Новгородские летописи. С. 247, 249; ПСРЛ. Т. III, 1841. С. 233.
[21] ПСРЛ. Т. IV, 1929. С. 604.
[22] Там же. Т. III, 1841. С. 134; Т. XXX, 1965. С. 173.
[23] *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944. С. 26–32; *Пронштейн А.П.* Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками. Учебно-методическое пособие для студентов–заочников исторических факультетов государственных университетов. М.,1972. С. 13.
[24] НПЛ. С. 387.
[25] ПСРЛ. Т. IV, 1848. С. 101.
[26] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 26–32.
[27] НПЛ. 1950. С. 386; ПСРЛ. Т. IV. 1848. С. 100, 140; Т. IV. 1925. С. 375; Т. IV. 1929. С. 604; Т. XVI. 1889. Стб. 137. В Новгородской третьей летописи пожар предшествует этой церемонии. См.: ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 233–234; Новгородские летописи. С. 247, 249–250.
[28] Новгородские летописи. С. 247; ПСРЛ. Т. III, 1841. С. 233; Т. IV. 1929. С. 604.
[29] *Прозоровский Д.И.* Указ. соч. С. 33; НПЛ. С. 23, 90, 329; Новгородские летописи. С. 23; ПСРЛ. Т. IV, 1848. С. 46; Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915. С. 251; Т. IV. Ч. II. Вып. 1. Пг., 1917. С. 237; Т. XXX. 1965. С. 191; *Янин В.Л.* Указ. соч., 2004. С. 399; Великий Новгород... С. 460, 528.
[30] Новгородские летописи. С. 249; ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 234.
[31] НПЛ. С. 34, 223; ПСРЛ. Т. IV. 1929. С. 589; *Рыбаков Б.А.* К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей // Советская археология. № 4. 1959. С. 97; Великий Новгород... С. 521.

[32] НПЛ. С. 386; Новгородские летописи. С. 37, 247, 249; ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 134, 233–234; Т. IV. 1848. С. 100, 140; Т. IV. 1925. С. 375; Т. IV. 1929. С. 604; Т. XVI. 1889. Стб. 137.
[33] *Красов И.И.* Указ. соч. С. 19; *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. 1959. С. 97; *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 37; Великий Новгород... С. 367.
[34] Великий Новгород... С. 526.
[35] *Майков В.В.* Указ. соч. С. 171–175.
[36] *Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А.* Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997. С. 22–23; Великий Новгород... С. 528.
[37] *Строков А.А., Богусевич В.А.* Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (Южная часть кремля) // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 3–4.
[38] *Алешковский М.Х.* Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. Сб. 14. М., 1962. С. 18.
[39] *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 120–121.
[40] НПЛ. С. 349.
[41] *Майков В.В.* Указ. соч. С. 25, 40.
[42] ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 210; Т. X. СПб., 1885. С. 218; Т. XXXIV. М., 1978. С. 110.
[43] НПЛ. С. 371; ПСРЛ. Т. IV. 1848. С. 66; Т. XV. 1965. Стб. 97.
[44] *Красов И.И.* Указ. соч. С. 102.
[45] *Орлов С.Н.* К топографии и истории... С. 27.
[46] По свидетельству новгородского краеведа В. С. Передольского Федоровский ручей назывался «в старину Коржевый», см.: *Передольский В.С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 51. По всей вероятности, такое утверждение основывалось на местном предании, поскольку в письменных источниках топоним «Коржевый ручей» не встречается, см.: *Янин В.Л.* Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1999. С. 76, 80, 82, 105. Рис. 26, 28, 30, 31–33.
[47] Великий Новгород. История и культура... С. 463
[48] ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 276; Новгородские летописи. С. 382; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 278; Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М., 1986. С. 60–61.
[49] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. Репринтное издание. М., 1881/1989. С. 108, 164.
[50] *Муравьев Н.Н.* Описание древней новгородской серебряной гривны и ее рублей с некоторыми понятиями о древности, величии и богатстве Новагорода. М., 1826. Вклейка; *Янин В.Л.* Планы Новгорода Великого... С. 76–77, 80. Рис. 28.
[51] *Сорокин А.Н.* Федоровский ручей в древнем Новгороде (вопросы топографии) // История и культура древнерусского города. М., 1989.
[52] НПЛ. С. 508–509, 560.
[53] *Передольский В.С.* Указ соч. С. 333. Здесь имеется в виду «Устав от мостех» новгородского князя Ярослава Ярославича, датируемый 1265–1267 гг. См.: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. С. 116.
[54] *Янин В.Л.* Средневековый Новгород... С. 195–196.
[55] *Передольский В.С.* Указ. соч. С. 104.
[56] *Кушнир И.И.* К топографии древнего Новгорода // Советская археология. 1975. № 3. С. 179.
[57] *Янин В.Л.* Средневековый Новгород.... С. 195, 400–401.
[58] *Сорокин А.Н.* Указ. соч.
[59] В «Семисоборной росписи» значится только «соборнаа церковь Рожество Предотечи на Опоках» с двумя приделами. См.: *Янин В.Л.* Средневековый Новгород... С. 195, 400; Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 329.
[60] *Семенов А.И.* Древняя топография... С. 67–68; *Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А.* Микротопоним «Труба» и его локализация на плане Новгорода // НиНЗ ИА. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 149–150.
[61] *Янин В.Л.* Средневековый Новгород... С. 195.
[62] *Передольский В.С.* Указ. соч. С. 104, 108.
[63] *Орлов С.Н.* К топографии Новгорода... С. 282–283. Рис. 2, вклейка; *Он же.* К топографии и истории... С. 31. Рис. 2; *Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А.* Указ. соч. С. 148. Рис. 1.
[64] *Сорокин А.Н.* Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 19; *Он же.* Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию Д. А. Авдусина / Отв. ред. В.Л. Янин. Ред.-сост. Т. А. Пушкина. М., 1998. С. 251.
[65] ПСРЛ. Т. III. 1841. С. 160, 248; Т. VI. СПб., 1853. С. 195; Т. XII. СПб., 1901. С. 196; Новгород Великий, 1986. С. 274; *Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А.* Указ. соч. С. 82–93.
[66] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930. С. 96, 105–106; Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. Том двенадцатый. СПб., 1872. № 82. С. 386.
[67] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Том второй. 1598–1613. СПб., 1841. № 26. С. 24.
[68] ПСРЛ. Т. VI. 1853. С. 141–142; Т. XXIV. Пг., 1921. С. 181; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 245; Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 95, 261.
[69] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 176.
[70] ПСРЛ. Т. IV. 1848. С. 127; Т. IV. 1925. С. 446.
[71] Там же. 1929. С. 617.
[72] Там же. Т. III. 1841. С. 152; Т. XXX. 1965. С. 149–150; Новгородские летописи. С. 76.
[73] Русско-шведские экономические отношения. М.; Л., 1960. № 90. С. 125.
[74] *Майков В.В.* Указ. соч. С. 273.
[75] *Красов И.И.* Указ. соч. С. 91–92; *Семенов А.И.* Древняя топография южной части... С. 68–69; *Он же.* Древняя топография средней части... С. 140–141.
[76] Лавочные книги... С. 94.
[77] *Янин В.Л.* Планы Новгорода Великого.... Рис. 25.
[78] Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. Том первый. СПб., 1846. № 3. С. 5.
[79] *Красов И.И.* Указ. соч. С. 24–25.
[80] *Орлов С.Н.* К топографии Новгорода... С. 274; *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 8.

К.В. Трубицын

Удила индивидуальных типов из раскопок Великого Новгорода

Удила[1] являются основной деталью конского снаряжения. Именно благодаря им осуществляется управление конем. Они состоят из грызла (единого или составного) и либо боковых колец, к которым крепится повод и щечные ремни оголовья, либо боковых подвижных прищечных ограничителей — псалиев. Как бы ни различались детали конструкции удил, их действие всегда одинаково — они воздействуют прямым давлением на язык и беззубый край челюсти лошади.

Удила были универсальным предметом, они характерны как для лошади, которая использовалась под седлом, так и для лошади, которая использовалась в упряжи. Об этом свидетельствуют находки удил в погребениях, не содержавших предметов вооружения и, следовательно, не являвшихся воинскими[2].

Удилам присущи единство и симметричность конструкции и относительная бедность художественной отделки. Выделение различных типов удил связано не с конструктивными различиями, а с несходством отдельных деталей, в основном, псалий и деталей крепления к удилам уздечки и повода. Форма грызла, как правило, остается неизменной — цельное или составное из двух или трех звеньев. Строгость грызла определяется его сечением, наиболее строгими вариантами является витая и прямоугольная формы грызла.

Удила по способу воздействия на лошадь делятся на трензельные и мундштучные. Трензельные удила состоят из грызла и двух колец, за которые трензель крепится к ремням оголовья и к которым пристегивается повод[3]. Мундштучные удила — это удила со специальными боковыми щечками (ветвями)[4]. Следует отметить, что мундштук является «строгим» видом снаряжения и применяется для сверхтонкого управления и выездки лошади, а также приведения ее в состояние сбора — уравновешивания[5]. Через щечки, как через рычаги, передается усиленное воздействие на беззубый край челюсти лошади. Действие мундштука усиливается мундштучной цепочкой. Мундштучные удила в Восточной Европе не применялись[6], поэтому все нижеперечисленные удила относятся к трензельному типу.

При раскопках в Великом Новгороде найдено более 130 экз. удил[7]. При их систематизации была использована типология удил, разработанная А.Н. Кирпичниковым[8]. В данной статье рассматриваются удила индивидуальных форм, которые по ряду признаков отличаются от типовых.

1. Эти удила по форме грызла и псалиев похожи на удила I типа, но имеют иную конструкцию крепления псалиев[9]. Звено грызла имеет квадратное сечение, в последней четверти длины резко сужается, что препятствует движению крепившегося в этом месте псалия. На окончании грызла расположена петля, к которой крепится кольцо для повода. Псалии имеют характерные для типа III щитки в виде фигурной скобки.

2. Интересные удила типа V обнаружены на Рогатицком раскопе[10]. Это удила с восьмеркой, на которой находится цилиндрический вращающийся элемент (Рис. 1). Он стимулирует язык лошади, побуждая её к жевательным движениям, а также усиливает слюноотделение лошади, и она охотнее берёт в рот удила и не сжимает челюсти. По всей видимости, как и вышеупомянутые удила с Троицкого раскопа, это удила, изготовленные по индивидуальному заказу для владельца лошади, имевшей проблемы со ртом. Подобные удила используются и сейчас.

3. Удила, похожие на тип V по типологии А.Н. Кирпичникова (кольчатые удила, грызло которых состоит из трех звеньев. Центральное звено выполнено в виде восьмерки или винтообразно перекручено)[11]. Найденные на Троицком раскопе удила (Рис. 2) обладают грызлом из трех звеньев (как у кольчатых удил типа V). Но есть важное отличие — здесь обломок кольца находится лишь на одном из окончаний грызла, на втором находится стержневидный псалий с кольцом, как у типа II. Аналогичные удила, у которых псалий присутствует лишь на одной стороне грызла, обнаружены в Москве при раскопках Тушинского лагеря и датируются началом XVII в.[12] Они отличаются от вышеупомянутых только тем, что имеют двусоставное грызло.

Такая интересная конструкция иногда используется и в современном коневодстве. В том случае, если лошадь по какой-либо причине плохо управляется с одной из сторон (в качестве возможной причины можно привести какой-либо дефект челюсти), то владельцу приходится прибегать к помощи специального снаряжения. Видимо, данные удила применялись аналогичным образом и были изготовлены специально для конкретной лошади.

4. На Троицком раскопе обнаружен 1 экз. удил индивидуальной формы. Это кольчатые удила с грызлом из двух звеньев, похожие по форме на удила типа IV по А.Н. Кирпичникову (удила, не имеющие псалий, с грызлом из двух звеньев, т.е. обыкновенные трензельные удила). Наход-

№	Раскоп	Тип, к которому близки удила	Датировка
1	Троицкий	I	Середина XI – начало XII вв.
2	Рогатицкий	V	Рубеж XI – XII вв.
3	Троицкий	V	Вторая пол. XII в.
4	Троицкий	IV	XIII в.
5	Неревский	IV	XVI–XVII вв.
6	Неревский	–	XVI–XVII вв.

Рис. 1. Удила с Рогатицкого раскопа

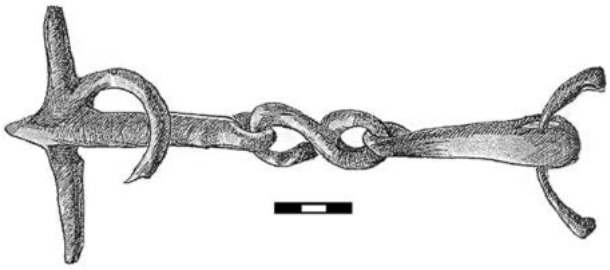


Рис. 2. Удила с одним псалием с Троицкого раскопа

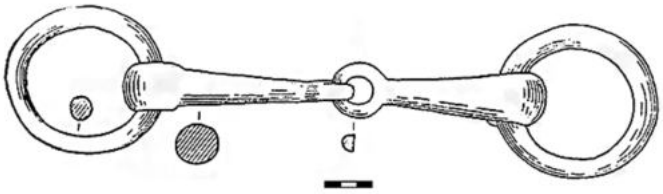


Рис. 3. Удила с Неревского раскопа (по А. Ф. Медведеву)

ка датируется XIII в. Обнаруженные удила имеют более толстое грызло, чем обычные удила, и этим отличаются от широко распространенных удил данного типа. Толстое грызло существенно смягчает их воздействие. В современном конном деле данный тип удил называется «дутый трензель» и используется для работы с лошадьми, обладающими чувствительным ртом [13].

5. Аналогичные удила (Рис. 3) обнаружены на Неревском раскопе. А. Ф. Медведев датировал эти удила XVI–XVII вв. [14]

6. Также на Неревском раскопе были обнаружены еще одни удила индивидуальной формы. По мнению А. Ф. Медведева, эти удила относятся к XVI–XVII вв. [15] Они представляют собой кольчатые трензельные удила с грызлом из витой проволоки. Такой тип конского железа встречается и на других памятниках, например на городище Земляной Струг [16], в Тимеревском могильнике [17], также удила с витым грызлом (правда, состоящим из трех частей) обнаружены в Изборске [18]. Есть примеры находок не только на территории Древней Руси. Например, аналогичные удила найдены на территории Волжской Булгарии [19].

Подобные удила используются до сих пор и считаются наиболее строгим из всех существующих вариантов удил [20]. Такими удилами можно нанести серьезные увечья ротовой полости и языку лошади, ее губам. В руках неопытного всадника такие удила будут бесполезны, поскольку постепенно от постоянного давления десны немеют, лошадь привыкает к боли и перестает подчиняться управлению.

Таким образом, находки данных экземпляров удил в Новгороде свидетельствуют о развитой традиции коневодства. Как следует из конструкции удил, владельцы лошадей пытались тем или иным способом компенсировать проблемы, возникающие при езде верхом или в санях на их лошади. Строгие удила, удила для лошадей с чувствительным ртом и т. д. — все это было призвано исправить ситуацию, решить проблему, несмотря на то, что порой проще было отказаться от лошади и пробрести новую.

---

[1] Удила — общее название трензелей, мундштуков, пелямов, применяемых для взнуздывания лошади и управления ею при помощи поводьев или вожжей. В современном конном деле термин практически не употребляется, вместо него используется термин «железо».
[2] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. С. 11.
[3] *Гуревич Д. Я.* Справочник по конному спорту и коневодству. М., 2001. С. 283.
[4] Там же. С. 160.
[5] *Рыбин Г. Л., Свешников Н. Г.* О русской школе верховой езды. М., 1998. С. 84.
[6] Немногочисленные обнаруженные экземпляры относятся к западноевропейским импортам. См.: *Рябинин Е. А.* Снаряжение верхового коня из Старой Ладоги (к истории русско-западноевропейских связей в московскую эпоху) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. СПб.–Псков, 1997. Т. 2.
[7] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959; *Андриенко А. В.* Находки предметов снаряжения верхового коня и всадника (по материалам Троицкого раскопа) // НиНЗ ИА. Вып. 20. Великий Новгород, 2006; Отчеты Новгородской археологической экспедиции.
[8] *Кирпичников А. Н.* Указ. соч.
[9] *Андриенко А. В.* Указ. соч. С. 143, 145.
[10] *Хорошев А. С.* Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 192
[11] *Андриенко А. В.* Указ. соч. С. 143.
[12] *Двуреченский О. В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 271.
[13] *Кизимов М. И.* «Железо»: его разновидности, подгонка и применение. СПб., 2007 С. 11.
[14] *Медведев А. Ф.* Указ. соч. С. 185.
[15] Там же. С. 185.
[16] *Челяпов В. П.* Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли // Великое княжество Рязанское. М., 2005 С. 416. Рис. 3.
[17] *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 171. Рис. 5, 1.
[18] *Седов В. В.* Изборск в раннем Средневековье. М., 2007 С. 109, 111.
[19] *Руденко К. А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань, 2001. С. 153.
[20] *Кизимов М. И.* Указ. соч. С. 15.

Н.Н. Фараджева

Новгородские берестяные грамоты как источник для изучения средневекового домостроительства

В настоящее время основной источниковедческой базой для представления о формах древнерусских построек является археологический материал. Хорошая сохранность органики в культурном слое ряда древнерусских городов позволила получить богатую и разнообразную информацию для изучения средневекового домостроительства. Особое место среди них отведено Новгороду, сохранившему остатки до 30 датированных ярусов застройки, последовательно менявшейся на протяжении пяти столетий (начиная со второй четверти X и до середины XV вв.). Однако, несмотря на многочисленность и хорошую сохранность остатков деревянных построек, интерпретационные возможности для их реконструкции ограничены особенностями источника. Сохраняются лишь остатки оснований и нижних частей построек: фундаментные конструкции, остатки стен на высоту, как правило, одного-четырех венцов, полы, печи, привходные настилы и крыльца, изредка — дверные проемы. Материалы, позволяющие судить о верхней части строений, фрагментарны и недостаточны для обоснования однозначных реконструкций. Определение назначения каждого из строений в составе дворовой застройки опирается на совокупный анализ планировочной структуры и конструктивных особенностей строения, его размеров, позиции на усадьбе, состава находок. Поэтому для создания представлений о формах построек и их назначении исследователи вынуждены обращаться к значительно более поздним этнографическим материалам, а также к конструктивной логике.

Важная роль для формирования представлений об облике раннесредневековой застройки принадлежит письменным источникам.

До недавнего времени в качестве наиболее ранних источников выступали в основном летописные тексты. Названия построек или их частей, упоминаемые в летописных текстах, использовались для понимания археологического и этнографического материала, а также при создании словарей древнерусского языка, целью которых была в том числе, этимологическая трактовка терминов. Г.В. Борисевич, занимавшийся реконструкцией древнерусских построек, так писал о ценности летописных свидетельств: «для истории архитектуры очень важны даже простые упоминания частей и деталей жилища, названия помещений, построек и служб. Многие слова и термины строительного дела, употребляемые в настоящее время, уходят своим происхождением к тем временам, когда зарождалось деревянное зодчество, и появлялись соответствующие типы сооружений» [1].

Однако дошедшие до нас в разновременных и зачастую довольно поздних списках летописные тексты, как правило, несколько запаздывают по отношению к изображаемым событиям [2], поэтому могут содержать лексику, относящуюся ко времени обновления текста (замена отдельных слов), или привносить более позднее смысловое наполнение терминов.

В этой связи огромную ценность представляет собой такой «прямой» источник, как новгородские берестяные грамоты [3], корпус которых к настоящему моменту насчитывает более 1090 документов. Анализу сведений о средневековом домостроительстве, содержащихся в текстах берестяных грамот, и посвящена настоящая статья [1].

Несравненное преимущество данного источника состоит в том, что тексты большинства берестяных грамот имеют точную хронологическую привязку: документы извлечены из стратифицированного слоя и датированы в соответствии с датой строительного яруса дендрохронологическими методами с точностью до 20–25 лет; даты документов, в свою очередь, уточнены при помощи палеографических наблюдений.

Тем не менее источниковедческие возможности берестяных документов применительно к нашей задаче весьма ограничены, поскольку сведения, касающиеся построек и строительного дела, приводятся не специально, а встречаются в виде отдельных упоминаний, детализирующих тексты. Сведения эти разрозненны и кратки. Отчасти этим объясняется относительно скудная лексика, используемая при обозначении построек различного назначения, заметно уступающая по разнообразию летописным свидетельствам.

Встреченные в берестяных грамотах термины, так или иначе связанные со строительством, постройками или их размещением, можно разделить на следующие группы:

– обобщающие термины, обозначающие владение, на котором стоят постройки (двор), а также сами строения (хоромы).

– названия строений, в том числе, отражающие их конструкцию или назначение (сруб, изба, клеть, погреб, сенник, житница, хлев, вежа, гумно);

– названия помещений или частей построек (подклеть, сенник); а также отдельных деталей (дверь).

– обозначение строительных процессов (поставити, переставливати, присекивати, наряжати), или строительных материалов (жерди).

Оговоримся сразу, что сведения по домостроительству, содержащиеся в корпусе новгородских берестяных грамот, связаны не только с Новгородом, но и с его округой и рядом других городов, поэтому они касаются как городской, так и сельской застройки.

В рамках предлагаемой статьи рассмотрим лишь некоторые из перечисленных терминов.

ДВОР

Термин *двор* встречается в 13 новгородских берестяных грамотах. Грамоты, в которых упомянуты дворы, хронологически распределяются следующим образом:

[1] Настоящая статья базируется на анализе новгородских берестяных грамот № 1–1063 из раскопок 1951–2014 гг., опубликованные в серии «Новгородские грамоты на бересте».

Количество / Датировка	Количество БГ с упоминанием термина «двор»	№ берестяных грамот
Первая половина XII в.	2	424, 831
Середина XII – начало XIII вв.	4	82[II], 847, 796, 1017
Первая половина XIII в.	1	784
Вторая половина XIII в.	–	–
Начало-первая половина XIV в.	2	466, 415
Середина – вторая половина XIV в.	1	490
Рубеж XIV\XV– первая пол. XV в.	3	157, 520, 496
Всего	13	

В двух берестяных документах говорится о продаже дворов: «...продавъше *дворъ* (курсив здесь и далее мой — *Н.Ф.),* идите...» (№ 424)[4], «...*дворъ* продаи...» (№ 1017)[5]. Одна из грамот (№ 520) носит завещательный характер: «...А *дворъ* мои в городе, а пожня на Глушици...»[6] (цитирую частично).

В грамотах № 415, 466, 490, 496 двор обозначает место, где разворачиваются разнообразные по содержанию события, в том числе куда приглашают получателя письма (берестяная грамота № 82): «кланяюся, братъ, прихожяи во *дворо*, ожь ти приедя вьрьшь, а водаи...» (перевод: «кланяюся, брат, захаживай во двор, если же приедешь верхом, то дай...»)[7].

Представляет интерес текст грамоты № 157 (I половина XV в.), содержащей прошение от крестьян к господину: «...чо еси, господине, велелъ намъ перест(а)вливати *дворъ*, и ключникъ велитъ пер(е)ставливати...» (текст привожу частично)[8]. «Переставливати *дворъ*» означает перенесение двора на другое место, причем под двором в данном случае понимается не только изменение местонахождения дворового участка, но, скорее всего, и перенесение стоящих на площади двора строений, именно поэтому в документе употреблен термин «переставливати». Перенос срубных построек (как правило, с места рубки и первоначальной сборки к месту строительства) — операция хорошо известная по данным этнографии. Событие, нашедшее отражение в грамоте № 157, происходит в сельской местности. Постройки же средневекового Новгорода, как правило, рубились и собирались непосредственно на площади усадеб, лишь единичные срубы сохранили зарубки, указывающие на порядок расположения бревен, необходимые при сборке срубов.

Картина хронологического распределения грамот, в которых встречен термин *двор* демонстрирует устойчивое употребление данного термина, используемого по отношению к усадебному участку и усадьбе как месту обитания. Косвенным образом на это указывают тексты грамот о продаже дворов, которые, хотя и не содержали никаких пояснений, скорее всего, подразумевали владение целиком, включая стоящие на площади дворов строения. Именно в таком, широком смысловом значении термин *двор* употребляется как в летописных текстах, так и в более поздних документах. В заключение отметим, что берестяные документы демонстрируют нам самый ранний случай употребления термина *двор* в прямом источнике: (грамота № 424 начала XII в).

ХОРОМЫ

Срезневский определяет *хоромъ* (*хоромы* — мн.) как *дом, строение*[9]. Судя по летописным текстам, термин хоромы применялся, в зависимости от контекста, по отношению к отдельным постройкам, к дворовой и даже городской застройке.

В современном русском языке единственное число данного существительного практически не используется. Самое раннее летописное упоминание связано с текстом, относящимся к 1016 г., в котором новгородцы охарактеризованы следующим образом: «...А вы плотници суще. А приставимъ вы *хоромомъ* рубити нашимъ...»[10].

Упоминания хором в берестяных грамотах встречается дважды. Они связаны с сюжетами покупки или обмена построек преимущественно жилого назначения. В грамоте № 772 (начало XIV в.) говорится о покупке хором, внесении платы в размере 17 гривен, что является основанием для того, чтобы в вышеупомянутых хоромах поселиться: «...мною про *хороме* 17 грвно. Тако поусти [м]н(е)...»[11].

Текст грамоты № 300, датированной первой половиной XV в., гласит: «...Терохъ возилесь быле (т.е. вселился) в ... имове *хороме*. А (Ти)мошка в Терохо(ве)...»[12]. Отметим, что и в том, и в другом случаях речь идет о жилых строениях.

Тексты берестяных документов не содержат пояснений относительно того, что собой представляют упомянутые жилища, поэтому допустимы разные варианты для истолкования: хоромами могли называться как отдельно стоящие жилые дома, так и комплексы из нескольких строений. Датировка берестяных грамот, в которых встречен искомый термин (начало XIV в. и первая половина XV в.), и множественное число, в которых он употреблен, не противоречит пониманию хором как многокомпонентной жилой связи, состоящей из нескольких звеньев, что подтверждается археологическим материалом. В конце XIII – начале XIV в. на новгородских усадьбах получает распространение застройка из близко поставленных сооружений, объединенных в хоромные комплексы[13].

[II] Даты берестяных грамот даны в соответствии с датировками публикаций в сводах НГБ; дата грамоты № 82 пересмотрена, документ, первоначально датированный концом XI – началом XII в., впоследствии отнесен к концу XII в. (НГБ, 1986. С. 189).

Любопытно, что в обоих текстах речь идет не о покупке дворов, а о покупке жилых построек. Это может объясняться по-разному. Можно допустить, что покупка хором означала одновременно и покупку участка, на котором они стояли. Однако, учитывая то обстоятельство, что термин хоромы применялся в документах для обозначения жилых домов, более вероятной представляется другая версия. Можно предположить, что обмен или покупка, о которых говорится в берестяной грамоте № 300, имели место внутри одной усадьбы. Неоднородный состав обитателей усадьбы (владелец усадьбы, зависимое население, неразделенная семья и т. д.) не исключают возможности для осуществления подобных операций. Этому не противоречат и археологические данные: известны усадебные комплексы не только с одним, но и с двумя жилыми домами.

ИЗБА, ИСТЕБКА, ИСТЕПКА

Роль основных жилых построек на усадьбах средневековой Руси исполняли срубные строения с печами. Такие постройки традиционно именовались избами. Данный термин известен по ряду письменных источников, в том числе ранних. Среди них — летописные тексты и берестяные грамоты. В берестяных документах термин *изба* и его производные *(истебка, истепка)* встречается трижды.

Грамота № 134 (датирована по особенностям письма XIV в.) сохранила следующий текст: «Приказо от Григорие ко Домоне и ко Репеху. Наряжя *истебку* и клете, а Недана пошли во Лугу ко Илину дни»[14]. Распоряжение могло касаться архитектурного декорирования, однако в данном случае, скорее всего, подразумевало наведение порядка и подготовку жилых помещений к празднику (слово *наряжя* употреблено здесь, вероятно, в значении украсить, обустроить, прибрать). Несмотря на крайнюю лаконичность текста, документ дает основания считать избу, упомянутую наряду с клетью, в соответствующем контексте, одним из основных звеньев жилого комплекса.

Фрагментарно сохранившаяся грамота № 283 второй половина XIV в. содержит упоминание истепки: «..да купи ми *[ис]ме[п]ку*...»[15] (цитирую частично)[III]. Текст грамоты косвенным образом подтверждает археологические данные, согласно которым постройки, начиная с XIV в. становятся объектом рыночной торговли, на что указывает массовая стандартизация размерного ряда срубов, исследованных на новгородских усадьбах этого времени.

Интересен текст берестяной грамоты № 610 (середины – конца XIV в.):

«Поклон от Роха ко г(оспод)ну моему к Феофилату. Что бы еси, г(осподи)не, дали месце (*т.е. место*) мне на доре (*т. е. на земле, расчищенной под пашню*), и язъ быхъ, г(оспди)не, собе *избу* поставиле...»[16] (цитирую частично). Текст грамоты также может рассматриваться как свидетельство в пользу того, что *изба* — основная жилая постройка.

Все три упоминания относятся ко времени не ранее XIV в., хотя данный термин был известен гораздо раньше. Термин *изба* встречается в летописных текстах, относящихся к более раннему времени (945 г.– Радзивилловская и Ипатьевская летописи[17]; 1092 — Новгородская I летопись[18]). Отметим, что на основании документов раннего времени первоначальное назначение *избы* и дальнейшая трансформация смыслового значения данного термина трактуются по-разному. Так, например, в словаре древнерусского языка приводится такое определение избы: «деревянная срубная постройка, использовавшаяся первоначально в качестве бани, помещения хозяйственного назначения, а позже для жилья»[19]. Данное предположение опирается в основном на летописный рассказ, приведенный в «Повести временных лет» о событиях 945 г., где повествуется о расправе княгини Ольги над древлянами: «Деревляном же пришедшим и повеле Олга мовьню строити, рекуще сице: „Измывшес(я), приидит(е) ко мне“. Они ж(е) прежгоша *истьбу* и влезоша деревляне и нача ся мыти..»[20]. Однако, скорее всего, в приведенном отрывке имеется в виду не возведение новой постройки: в этом случае вместо глагола *строити* был бы использован глагол *ставити*. Летописный текст, видимо, подразумевает организацию (или устройство) помывки в уже существующей *истьбе*. Утрата начальной буквы в слове [*у*]*строити* могла произойти при обновлении летописного текста. Использование же для мытья изб — явление широко распространенное и хорошо известное, в том числе по этнографическим данным.

Таким образом, термин *изба (истобка, истопка* и проч.*)*, обозначающий отапливаемую срубную постройку, отражал конструктивные особенности строения, в значительной мере определившие его первоначальную и основную роль. По мере усложнения форм хозяйственной жизни и развития ремесла функции отапливаемых строений становятся более многообразными, а термин *изба* снабжается необходимыми пояснениями.

Из документов более позднего времени, относящихся к XVI–XVII вв., следует, что термин *изба* мог обозначать не только жилые дома, но и отапливаемые срубы различного назначения. Характерно, что в случаях, когда изба использовалась в дополнительных целях, даются соответствующие пояснения: изба скотная, поваренная, сапожная, конная, сторожевая и т. д.[21] В то же время при упоминании изб в описаниях дворовой застройки, в том числе в составе многокомпонентных связей, в которых избы по-прежнему используются в качестве жилищ, дополнительные уточнения отсутствуют. Это является косвенным подтверждением того, что основной и, вероятнее всего, первоначальной функцией избы было ее использование в жилых целях.

Многочисленные уменьшительные варианты термина изба, фиксируемые как в берестяных документах (истебка, истепка), так и в документах XVI–XVII вв. (избенка избушка, избенцо), скорее всего, используются для передачи дополнительных характеристик, в числе которых — малые размеры строения или состояние дома. Многообразие жилых построек на средневековых усадьбах, их различие в размерах, отделке, социальном статусе владельцев, вполне вероятно, нашло отражение и в терминологии, характеризующей жилые строения. Следует от-

[III] Первоначально слово было прочтено как *истевка* и имела иной смысл, но затем А. А. Зализняком предложен новый вариант прочтения, где слово прочтено как *[ис]ме[п]ка* (НГБ, 2015. С. 220). Однако предложенная трактовка *истепки* в качестве *изопки — пристройки* весьма сомнительна. *Изба-изопка-истопка-истебка-истепка* — понятия одного ряда и являются синонимами.

метить в этой связи, что в эпоху позднего средневековья жилые помещения в срубных домах, стоящих на высоких подклетах, именуются горницами. Отличие их от изб, поставленных на подклеты или подъизбицы, заключалось в способе обогрева помещения: горницы отапливались «белыми» печами.

В описи новгородских усадеб начала XVII в. почти на половине дворов изба оставалась ядром или составной частью основной связи. При этом известно значительное количество дворов, на которых избы либо отсутствуют вовсе, либо их нет в составе основного жилого комплекса. На таких усадьбах роль основных жилых строений выполняют горницы на подызбицах или подклетах[22]. Вероятно, со временем появления горниц термин *изба* приобретает дополнительную смысловую нагрузку, отражая невысокий социальный статус ее владельца.

Таким образом, можно говорить о постепенном расширении смыслового значения термина *изба*, изначально обозначавшего срубные жилые постройки с печами (основные жилые строения), что подтверждается текстами берестяных грамот; позднее — небогатое жилище и отапливаемые срубы различного назначения, а в новое и новейшее время используемый не только в первоначальном значении, но и в качестве синонима слов *дом(а), постройка(и)* по отношению к сельским домам или застройке.

СРУБ

Термин *сруб* встречается в берестяных документах лишь единожды: в тексте грамоты № 847, относящейся к середине XII в.: «...дворъ шьдъ наряди жо ... ...ове *[сор] оубе* ед...»[23] (текст привожу частично). Грамота сохранилась фрагментарно, поэтому можно лишь предполагать, что термин *наряди* употреблен в значении *отделай, укрась*, т.е. в близком контексте, что и в берестяной грамоте № 134, в которой содержалось распоряжение *наряжя* жилые помещения *(истебку и клете)*. Текст грамоты № 847 сохранился не полностью, поэтому предложенный вариант прочтения условен. Однако, поскольку речь идет о срубе, можно предположить, что распоряжение касается не столько украшения и приведения в порядок, сколько отделки дома. Отметим в этой связи, что использование различных обозначений для жилых построек и тех, что находились в процессе строительства, вполне оправдано. Судя по данным этнографии, различные этапы строительных работ, а тем более вселение в новый дом, сопровождались определенными, строго соблюдавшимися ритуалами и обрядами[24]. В этом случае номинативное значение термина *сруб*, употреблявшегося для обозначения неотделанной, возможно, еще не подведенной под крышу срубной постройки, сохранилось до наших дней в практически неизменном виде.

КЛЕТЬ, КЛИТЬ.

Согласно данным археологических исследований, срубные бревенчатые постройки являлись основным элементом застройки средневековой Руси. Отапливаемые срубы именовались *избами*, а неотапливаемые — *клетями*. В Словаре древнерусского языка этимология этого слова несколько шире: клеть обозначала не только срубные, но и дощатые постройки[25], однако использование данного термина в эпоху средневековья применительно к дощатым постройкам не представляется надежно обоснованным.

Отметим, что в составе усадебной застройки уже с X в. присутствуют различные по назначению и способу возведения срубные строения. Назначение неотапливаемых построек определяется по их конструктивным особенностям, расположению на усадьбах и составу находок. Достаточно хорошо идентифицируются клети, входящие в состав основных жилых комплексов (при их определении учитывается позиция по отношению к основному жилому дому и размер). На основании особенностей конструкции полов и крылец легче всего опознаются житницы и складские клети. Многочисленные неотапливаемые строения, располагавшиеся в хозяйственной зоне дворов, чаще всего объединяются собирательным термином «хозяйственные постройки», и их назначение устанавливается по составу находок лишь в отдельных случаях.

Термин *клеть (клете, клить)* встречен в шести новгородских берестяных документах (не учитывается грамота № 358 очень плохой сохранности), которые хронологически распределяются следующим образом:

№ 854 – середина XII в.; № 714 – первая четверть XIII в.; № 134 – XIV в.; № 266 + 275 – вторая половина XIV в.; № 363, № 569 – рубеж XIV–XV вв.

Большинство из этих текстов лаконичны, некоторые из них недостаточно хорошо сохранились. Лишь два документа дают более полное представление о специфике и назначении клетей. Один из них — уже упоминавшаяся ранее грамота № 134, содержащая распоряжение «наряжя истебку и *клете*». Можно предполагать, что клеть в данном случае являлась дополнительным жилым помещением, входящим в состав единого жилого комплекса в составе простой (изба–сени–клеть) или более сложной связи, что в XIV в. было весьма распространено.

В грамоте № 266, составляющей единый документ с № 275, клеть характеризуется в качестве хранилища, в данном случае для зерна: «А про верешь, вели Максимцю брати да сыпль съби в *кли[тъ]*» (текст приведен частично. Перевод: «...А что касается зерна — вели Максиму его брать и сыпать себе *в клить...»)*[26].

Несмотря на то, что внутри усадьбы выполнялся многокомпонентный хозяйственный цикл, предполагавший наличие построек различного назначения, что хорошо подтверждается данными археологии, ассортимент их наименований, даже учитывая летописные свидетельства, был относительно небольшим. Можно предположить, что термин *клеть*, обозначающий, прежде всего, срубную постройку без печи, был универсальным, а при необходимости снабжался дополнительными пояснениями. Например, в документах XVI в. наряду с амбарами упоминаются *клети житны*[27]. Этому не противоречит использование данного термина в эпоху развитого средневековья и в более позднее время по отношению не только к холодным срубным строениям (в том числе, к монастырским кельям, клетским храмам), но и к опорным срубным конструкциям в основании построек, церквей и даже мостов.

ПОДКЛЕТ, ПОТКЛЕТ, ПОДОКЛИТЬ

Под подклетом принято понимать незаглубленное, развитое в высоту нижнее помещение срубной постройки, возникшее за счет укладки от 3 до 8 (и более) дополнительных нижних венцов: «подклетом... условно называется помещение между полом избы и уровнем земли (подклет,

подклеть, подполье, подызбица)»[28]. Судя по этнографическим данным, высота подклетов сильно различается, в зависимости от чего подклеты могли представлять собой либо относительно невысокое хозяйственное помещение, либо практически полноценный этаж[29]. В зависимости от конструкции, различают также глухие (незаглубленное подполье, в которое спускались сверху) и неглухие подклеты (с самостоятельным входом).

Время появления развитых в высоту подклетов, используемых в качестве полноценных помещений преимущественно хозяйственного назначения, — вопрос достаточно дискуссионный и крайне важный для представления об облике застройки средневекового Новгорода и ее развитии во времени. Согласно мнению П. И. Засурцева, высокие подклеты и двухэтажные дома существовали в Новгороде начиная с момента его возникновения, т. е., согласно датировке древнейшего строительного яруса Неревского раскопа, с середины X в.[30] Данное утверждение прочно вошло в археологическую литературу, хотя варианты реконструкций развитых по высоте построек имеют значительные отличия. Например, Ю. П. Спегальский предпочитает делить на этажи только меньшее помещение пятистенных домов[31]. Учитывая количественное соотношение жилых построек с печами на уровне первого этажа в разновременных строительных ярусах и изменения в конструкции фундаментов, мы склонны связывать появление подклетов на новгородских усадьбах со второй пол. XII в, а массовое распространение — с XIII в.[32], хотя признаем возможность их существования у отдельных построек более раннего времени.

В новгородских берестяных грамотах подклеты упоминаются четыре раза. Самая ранняя из них (№ 411) датируется концом XIII – началом XIV в. Две относятся ко второй половине XIV – рубежу XIV–XV вв. (№ 266 + 275, № 363), одна – к XV в. (№ 40).

Грамота № 411 повествует о событиях в селе. Текст привожу в переводе: «От Микифора(?) к Оксенье. Если поймал (не указано кто) Матфейца, хорошенько его закуйте, а цепей [уж] сумейте раздобыть. [Да] прикуйте в пивном *подклете*[IV]. И поручи его Кснятиньцу, пусть стережет до моего приезда... Сразу же иди в село...»[33]. Интересно, что название подклета (пивной) указывает на его назначение (хранение и, возможно, изготовление напитков). Данное сообщение может быть использовано при интерпретации новгородских построек с отопительным устройством в центре, особенно, крупных построек без сеней конца XII – первой половины XIV вв., которые, вероятно, являлись подклетами. Видимо, подклеты, так же как клети, а позднее — избы, служили для разных целей и в этих случаях снабжались необходимыми пояснениями.

Грамота № 266 + 275 (один документ из двух частей), относящаяся к второй половине XIV в., в переводе звучит следующим образом: «Наказ от Сидора к Григорию. Что касается [вещей, лежащих] в *подоклити*, — оленьи шкуры отдай сторожу в церковь, а Сидоровы две коробьи и [берестяной короб(?) прибери к] рукам до меня и до Остафии...» (цитирую частично)[34]. Таким образом, подклеты используются в качестве складов для хранения многообразных предметов и запасов.

Грамота № 363 также содержит сведения об использовании подклетов для хранения продуктов: «Поклонъ от Смена к невестъке мое. Аж[е] будешь не помина[л]а , ино у тебе солоду было, а солодъ ржаныи в *потклете*, и ты возми колобью, а муке колко надобь, и ты испеки в меру...»[35] (цитирую частично). Характерно, что по своему назначению данный подклет близок по использованию к складским клетям: в приведенном тексте подклет используется для хранения ржаного солода и муки, а в грамоте № 266+275 упоминается клеть для хранения зерна. Оба документа датируются одним и тем же временем.

Текст частично сохранившейся грамоты № 40 гласит: «...неи гвозду, а стоять во *потклете*, кто придетъ з берестомъ» и переведен А. В. Арциховским следующим образом: «люди, приходящие с берестяными грамотами, должны ожидать в нижнем этаже[36]. При данной трактовке документа его текст свидетельствует о значительной высоте подклета, а также может указывать на немногочисленность и даже единичность на территории усадьбы построек, развитых по высоте — упоминания подклета достаточно для определения точного местонахождения. Кроме того, данный подклет, видимо, имел самостоятельный вход, т. е. не был глухим[V].

Итак, берестяные грамоты содержат ценную информацию, прежде всего о самом факте существования подклетов; в ряде случаев позволяют судить об их конструкции (значительно развитые по высоте подклеты с самостоятельным входом) и характере использования (в качестве хозяйственных, преимущественно складских, помещений: тексты трех грамот из четырех указывают на складское назначение подклетов, в которых хранили разнообразные предметы и запасы, упоминается также пивной подклет). Берестяные письма, в которых упоминаются подклеты, датируются временем не ранее конца XIII / начала XIV–XV вв. Несмотря на немногочисленность, указанные датировки хорошо укладываются в предложенную нами схему, согласно которой массовое распространение развитых по высоте построек относится именно к этому времени.

Таким образом, несмотря на отрывочность и фрагментарность текстов берестяных документов, в которых содержатся термины, связанные с домостроительством, они позволяют дополнить археологические данные и представляют собой ценный источник для формирования представлений об облике как отдельных построек и усадеб, так и средневековой застройки в целом. Учитывая то обстоятельство, что многие термины остались за пределами данной работы, исследование планируется продолжить.

[IV] Здесь *подклет* при переводе был заменен на *погреб* (В. Л. Янин. НГБ. 1986. С. 205, 206).

[V] Можно обсуждать и другой вариант прочтения, согласно которому, в тексте уточняется местоположение предмета, стоящего в подклете, за которым придет посланник с письмом.

[1] *Борисевич Г.В.* Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 270, 271.
[2] *Гиппиус А.А.* Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской Первой летописи: автореф. дисс.... канд. фил. наук М., 1996; *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. Вып. 7(17). СПб., 1999. С. 18–47.
[3] *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 11.
[4] *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 годов. М., 1978. С. 32, 33; *Зализняк А.А.* Поправки и замечания к ранее опубликованным берестяным грамотам // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–89 годов. М., 1993. С. 164; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 272.
[5] *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 2001–2014 годов. Т. XII. М., 2015. С. 115, 116.
[6] НГБ, 1978. С. 114, 115; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 653.
[7] *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 81,82; *Янин В.Л.* Берестяные грамоты № 540–614 // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–83 годов. М., 1986. С.189; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 430.
[8] *Арциховский А.В.* Грамоты 137–194 // *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 года. М., С. 38–41. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 666.
[9] *Срезневский И.И.* Словарь древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Стб. 1387.
[10] ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 142; ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000, С. 15.
[11] *Зализняк А.А.* Поправки и замечания к ранее опубликованным берестяным грамотам // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984-89 годов. С. 163,164; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 годов. Т. X. М., 2000. С. 66;. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 567.
[12] *Арциховский А.В. и Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956–1957 года. М., 1963. С. 131,132; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 667; НГБ., 2015. С. 222.
[13] *Фараджева Н.Н.* Постройки Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицких I–XI раскопов): дисс... канд. ист. наук [рукопись]. М., 2010. С. 205.
[14] *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 годов. М., 1958. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. С. 600.
[15] НГБ. 1963. С. 110–111; НГБ, 2015 С. 220.
16 НГБ. 1986. С. 73, 74; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 571.
[17] ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 29; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 218.
[18] НПЛ. С. 18, 202.
[19] Словарь русского языка. XI–XVIII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 92.
[20] ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. С. 29.
[21] Словарь русского языка. Вып. 6. 1979. С. 93–94.
[22] Ingegerd Nordlander. 1987. Real estate Transfer deeds in Novgorod 1609–1616 //Acta universitatis stockholmiensis Stockholm slavik studies. 18. Stockholm. С. 1–171.
[23] *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте Из раскопок 1997–2000 годов. Т. XI . М., 2004. С. 60, 61; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 341.
[24] *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 25–124.
[25] Словарь русского языка XI–XVIII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 168.
[26] НГБ. 1963. Из раскопок 1956–1957 года. С. 93, 94; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. С. 603.
[27] Словарь русского языка Вып. 7. 1980. С. 168.
[28] *Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А.* Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 131. Определение подклета, приведенное авторами, не охватывает всех вариантов подклетов, поскольку, судя по документам конца XVI – начала XVII в. на подклетах могли стоять не только избы, но клети, горницы и повалуши.
[29] *Ганцкая О.А.* Строительная техника русских крестьян // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 176.
[30] *Засурцев П.И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV; Жилища древнего Новгорода. М., 1963. С. 61, 71, 109 и др.
[31] *Спегальский Ю.П.* Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972. С. 182–196.
[32] *Фараджева Н.Н.* Постройки Людина конца... С. 105, 106, 207.
[33] *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 годов. М., 1978. С. 16,17; НГБ, 1986. С. 205–206; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. С. 411–412.
[34] НГБ. 1963. Из раскопок 1956–1957 гг. С. 93–95,101; НГБ. 1986. С. 199; *Зализняк А.А.* НГБ. 1993. С. 149–150; *Он же.* Древненовгородский диалект... С. 603.
[35] *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958–1961 годов. М., 1963. С.58,59. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 606.
[36] *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 39, 40.

Ю.Л. Щапова

Археологическое время: числовое и вербальное моделирование

Древние греки различали три класса времени: *эон* — вечное время богов и героев, *хронос* — обыденное время и *кайрос* — время-мгновение.

Время — это одна из Аристотелевых категорий Сущего [1], которая обозначает *положение* явлений, событий и т.д. бытия относительно друг друга, их движение (направление, скорость, ускорение и т.д.), длительность, последовательность, взаимосвязь и динамику состояния материи и бытия. Время неповторяемо, необратимо и незримо. Оно *проявляет себя* в смене дня и ночи, в смене времён года, в звёздных, лунных и солнечных циклах, в благоденствии и катастрофах. *Положение* каждого события проявлено и должно быть зафиксировано на шкале времени. Положение каждого события уникально: из двух одновременных событий одно всегда старше. Установить положение события на шкале и выразить его в специальных единицах измерения времени и означает датировать событие, т.е. присвоить событию собственную уникальную дату (набор цифр, описывающий время появления, существования, исчезновения события [2]). Таким образом, всякое датированное событие становится историческим. Такой результат можно считать главным достижением Доктрины времени, которая как наука о времени существует с XVII в. [3]

Расположение событий строго по времени — предмет хронографии, науки, являющейся частью хронологии. Синхронистические таблицы — пример хронографического исследования, объект или доминанта которого — дата исторического события. Информация о дате или хронологическом диапазоне имеет собственное научное значение и ценность. Результаты датирования, опубликованные отдельно, становятся предметом исследования, как, например, хронология бронзового века, которая стала основой не только его периодизации, но и дала жизнь парадигме бронзового века и археохронологии [4].

Подобная работа — одна из немногих, когда предмет исследования — некое свойство артефактов, взятое вне контекста. Появление исследований такого типа — это выражение действия второго закона диалектики: «перехода количества в качество». Это «качественно новое» становится очередным эволюционным шагом. Действительно, будучи отличным, т.е. иным, несходным, это качественно новое сохраняет своё родство со старым по линии предок–потомок.

Соотношение качественно нового и его предшественника в терминах *родство (неродство) — сходство (несходство)* могут соотноситься следующим образом: сходное — родственное; сходное — неродственное; несходное — родственное; несходное — неродственное. Таким образом, непрерывное увеличение объёма информации (археологического знания) естественно сопровождает его разделение на части по сходству-подобию или по различию-разнообразию. В конце концов, как очевидная «примета времени», наступает момент упорядочивания возросшего знания.

Увеличение информационного разнообразия и укрупнение единиц познания рождает новые темы, проблемы, понятия, новые теории и парадигмы. Например, словосочетанию «археологическая эпоха» придано значение термина с дефиницией «отрезок времени, в течение которого звероподобный предок человека, принадлежавший Биосфере, превратился в собственно человека».

Появление новых направлений в археологии наших дней столь же закономерно и перспективно, как и появление «новых археологий» в середине XX в., таких как процессуальная, аналитическая, дескриптивная, теоретическая, охранная, и др. Поиск новизны касался преимущественно содержания, и это был своего рода контент-анализ, который предполагает обновление ответа на вопрос ЧТО и КАК [5].

Интересные результаты, полученные в ответах на вопрос ЧТО и КОГДА, подталкивали к проблематике, связанной с датированием, периодизацией, шкалированием, с разномасштабной хронологией и с проблемой времени. В настоящее время она более актуальна, чем древние производства, изобразительное искусства, антропологические тонкости, материальная, социальная, духовная и археологические культуры в целом.

Идея, что всякое датированное событие становится историческим, всё глубже проникает в археологию. Опыт работы с историческим временем как своего рода пример, прецедент и алгоритм вряд ли можно переоценить. Субъект истории — Человек, и с его существованием связан свойственный истории образ Времени-2. Субъект истории создал искусственную среду обитания цивилизационного уровня с государственной властью, военной и церковной элитой, с промышленным и сельскохозяйственным производствами, с письменной культурой, наукой, образованием и т.д.

Не столько человек, сколько его глубокие предковые формы, начиная с *H. habilis*, создавали и создали рукотворную среду обитания, специфика и опыт которой позволил, во-первых, именовать такую эпоху археологической и, во-вторых, предполагать существование образа Времени-3, археологического времени, отличного и от исторического, и от физического образа Времени-1 [6].

Крайности свойств этих образов Времени можно было бы соотнести, поскольку археологическая эпоха располагается между ними [7]. Применение ряда Фибоначчи (1170–1240 гг.) к археологическому времени делает **хронологию и периодизацию абсолютной**: такова сила математической природы этого ряда.

Модели хронологии и периодизации археологической эпохи, построенной на его основе [8], свойственны гармония, надёжность и точность. Иллюстрируем это утверждение примером. Числа ряда Фибоначчи (с дополнительной размерностью тысячелетий до н. э.), относящиеся к археологической эпохе: **6765–4181–2584–1597**–987–610–377–233–144–89–55–34–21–13–8–**5–3–2–1–0***–*1 тыс. л. н.э.*

Заметим, что числа этого ряда удобно различать по количеству знаков в числе. Четырёхзначные числа (в мас-

штабе тысячелетий) описывают мегасемантические процессы, исчисляемые в миллионах лет. Масштаб всех остальных процессов, исчисляемых в тысячах лет, одинаково макросемантический, различающийся внутренне на три порядка: крупный (987–144), средний (89–13) и малый (8 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э.). Детальный анализ хронологии событий малого масштаба показывает, что с уровня 5 тыс. л. до н. э. малый масштаб событий необходимо оценивать по-разному: будучи измеренными *в тысячах лет,* они считаются макросемантическими, измеренные *в сотнях лет* — мезосемантическими, именно так их расценивают в общем масштабе времени [9]. Самый же главный вывод, к которому подводит проведённое сопоставление: время событий археологической эпохи — уникально, конкретно и реально, хронология событий — результат научных изысканий (поэтому может быть дискуссионной).

Числовой ряд Фибоначчи, имея рекуррентную систему счёта, более всего пригоден для описания событий, метрика которых связана с золотым сечением и гармонией (следовательно, если ряд Фибоначчи применим, то система гармонична закономерно). Исследования показывают, что золотое сечение и гармония, буквально пронизывая археологическую эпоху, лежат в основе её хронологии и периодизации [10], более продуктивной и надёжной в отличии от десятеричной системы счёта археологического времени, лежащего в основе традиционной хронологии и деления на «века» и отделы [11].

Встаёт вопрос: как долго археологическое время длилось? Эта проблема тесно связана хронологией и датированием с частью Доктрины времени, а именно — с историзмом и историко-культурным подходом. История — это Деяния Человечества (его активность). Археология — это история Деятельности Человечества. Несмотря на разные содержание, форму и речевую стилистику, слова «деяние» и «деятельность» выражают единую *суть*: *созидание*.

Сравнительно-исторический анализ известных свойств времени и построение модели, в основе которой так называемая решётка Пеннета, описывает путь превращения сходно-родственных форм в несходные с сохранением родства [12].

Обозначим свойства физического времени строчными буквами латинского алфавита abcd, а свойства исторического — прописными ABCD, введя следующие обозначения:

a – статика –A – динамика,

b – гомогенность – B – гетерогенность,

c – дискретность – C – континуальность,

d – нейтральность – D – эффективность,

и построим модель их комбинации и рекомбинации (Таблица 1):

Таблица 1.

Хронология и периодизация развития археологического времени

	Периодизация процесса				
	1	2	3	4	5
1	abcd	Abcd	ABcd	ABCd	ABCD
2		aBcd	AbCd	ABcD	
3		abCd	AbcD	AbCD	
4		abcD	aBCd	aBCD	
5			aBcD		
6			abCD		
даты (тыс. лет до н. э.)	1597	377	89	21	5
Хронология (в тыс. л.) истории Образа времени-3					

Рис. 1. Синтез-схема: объединение «Фибоначчиевой» модели хронологии и периодизации археологической эпохи с хронологической шкалой информатико-кибернетической модели системы Человечества

Примечания. Нумерация столбцов: I — начальные условия возникновения и эволюции археологического времени, II–IV эволюционные шаги, V — финальный результат. Первая строка содержит эволюционные шаги по линии «предок–потомок». Строки № 2–6 содержат эволюционные шаги по «сестринским линиям». Строка «Даты» — «узловые моменты» археологической эпохи, выступают как начало очередного эволюционного шага.

Интервал (диапазон) — это эволюционный шаг археологического времени, согласно Таблице 1, длина каждого равна 1597–377; 377–89; 89–21; 21–5 соответственно (единица измерения – одна тысяча лет). Разнообразие – ещё одна характеристика археологического времени, оно возрастает с «течением времени». *По построению* пик развития археологического времени находится на средней линии, что очевидно и при рассмотрении распределения, выраженного в *логарифмическом масштабе*.

Комментируем Таблицу 1:

1. Становление и развитие археологического времени, включая начальные условия, произошло за 5 эволюционных шагов;

2. Каждый эволюционный шаг по горизонтали различает только один признак. Таково развитие по линии «предок–потомок»;

3. Каждый эволюционный шаг по вертикали уникален и отличен от соседних на один новый признак. Таково развитие по сестринской линии;

4. Каждая ячейка в таблице описывает содержание, свойственное одному эволюционному шагу.

Обобщённые наблюдения эволюции и развития археологического времени выявили его устойчивые и независимые от чего-либо свойства. Речь идёт о симметрии восходящей и нисходящей ветвей, об одинаковом числе отрезков вправо и влево от средней линии и о самой средней линии как медиане процесса. Именно эти свойства, выявленные *по построению,* присущи хорошо известному нормальному распределению (Гауссово распределение)[13]. Разнообразие индивидуальных форм в эволюции по сестринской линии (сочетание признаков) возрастает равномерно и симметрично. Примерно так выглядит этот процесс, представленный в *логарифмическом масштабе*.

Датирование становления и развития археологического времени не только делает этот *процесс* историческим. Оно, как будет показано далее, существенно меняет представление, основанное на чистом анализе содержания процесса. Этот анализ создаёт чрезвычайно необходимое – сущностно-вневременное — представление об изучаемом процессе. Однако представление должно быть и необходимым, и достаточным, именно по этой причине строка «Дата» была введена в Таблицу 1.

Рассмотрим археологическое время как исторический, надёжно *датированный* процесс, общая продолжительность которого *по построению* равна 1592 тыс. лет (1597–5 до н.э.).

Длительность «эволюционных шагов» археологического времени *разная*: первый шаг (1597–377) равен 1220 тыс. лет, второй (377–89) равен 288 тыс. лет, третий (89–21) равен 68 тыс. лет, наконец, четвёртый (21–5) равен 16 тыс. лет. Столь разные числа объединяет один и тот же коэффициент, равный 4,2... (этому равно коэффициент «золотого сечения» 1,618... в кубе), на который они уменьшаются (1597 : 377 = 4,2...; 377 : 89 = 4,2...; и т.д.).

Разнообразие в проявлении археологического времени возрастает с «течением времени» несимметрично: «длина восходящей ветви» равна 1220 + 288 = 1508 тыс. лет, «нисходящей» — 68 + 16=84 тыс. лет. Пропорция 1508 : 84 оказывается кратной 19 (18,9). Округлив результат, получим без малого двадцатикратную (огромную, на мой взгляд) разницу его длительностей. Опишем этот процесс в терминах синтеза «Фибоначчиевой» и информатико-кибернетической моделей археологической эпохи[14] (Рис. 1). Синтез-схема: объединение «Фибоначчиевой» модели хронологии и периодизации археологической эпохи[15] с хронологической шкалой информатико-кибернетической модели системы Человечества.

Эта модель, точнее, её числовая основа, где каждая строка взята в рамку, выступает в роли «*Шкалы времени*». Дополнительная информация, которую содержит модель, раскрывает и уточняет её содержание как предмета исследования.

В формировании археологического времени принимали участие разные археоантропы. Располагая разным поисковым и адаптивным «инструментарием»[16] и доречевыми информационными технологиями мимики/жестов (тоже, можно сказать, первого «человеческого» уровня сложности), они обитали на *всех* территориях ашеля[17]. Таким образом, самые первые проявления археологического времени можно считать явлением, если не глобальным в пределах ашеля, то межконтинентальным, афро-евроазийским[18].

Таблица 1 и модель (Рис. 1) позволяют распространить этот вывод на всю первобытность, на археологию в самом строгом её понимании (в пределах 1597–5 тыс. л. до н.э.), т.е. на каменный век без археолита[19]. Выше, на примере ряда Фибоначчи, была выявлена принадлежность *Homo habilis* Биосфере. Крупный масштаб событий археолита замечен давно, кстати, он на порядок крупнее масштаба археологической эпохи в целом и объемлет все разновидности его субъекта *Homo habilis*, создававшего на уровне 2584 тыс. л. до н.э. древнейшие артефакты. Эти артефакты можно полагать первыми проявлениями археологического времени. Нельзя забывать, что и археолит, и его субъекты (степень приближения ранних хабилисов к H sapiens-3 не превышает 0,02)[20] принадлежат Биосфере и Предыстории археологической эпохи. Малый масштаб цивилизационных процессов, о которых речь шла выше, меньше основных археологических на порядок.

Археологическое время как явление имеет природу, которая обнаружила себя в исследовательском поле археологии недавно, и разговор о которой возник, видимо, впервые. Действительно, материальное производство и материальная культура возникают из активного отношения человека к природе как реальный продукт неких физических преобразований; всё социальное — результат взаимоотношения людей, духовное — это отношение человека к миру, родившемуся в его воображении. Время — это явление и понятие, в основе которого — знание, открывшееся человеку в результате наблюдений, не преобразований, а взгляда со стороны, в результате дистанционного контакта и непосредственного чувственного соотношения человека

с окружающим миром. Знание — это лишь начальный результат такого взаимодействия, за которым следует умение, превращающееся в действие, в умение делать что-то.

Триада «знать-уметь-делать» — сложное знание. Однако народная мудрость — расширила триаду до тетрады, и ввела ещё одно условие «в любое время». Таким образом, артефакт как проявление времени есть не что иное, как удачный производственный опыт, выросший из обобщения тысячи тысяч удачных примеров использования знания и умения, полученного непосредственно, благодаря собственному опыту.

Древние греки, чей научный опыт — самый высокий эталон античности, различали три класса знаний: *гнозис* – знание, полученное путём наблюдений, *матема* — знание, полученное путём рассуждений, и *эпистема* — знание, полученное в результате дискуссии, обсуждения, спора[21]. Для нас важно другое: в мире артефактов имеет место контекст, который позволяет представить себе и прямой путь к действию-результату, но и более сложный — от знания к умению и действию, алгоритм которого можно активизировать в любое нужное время. Он в форме обобщённого знания хранится в памяти индивидуальной как части памяти коллективной, которая, преодолев сопротивление кратковременной жизни индивидуума, удлиняется и расширяется, становясь похожим на время. Прошедшее время — это память о прошлом, будущее время — это надежда и опасение.

Философы правы, полагая реальной триаду: знание — человек — коммуникация[22]. Более того, В.А. Лекторский выделил «начальные условия теории познания», которые представляют наибольший интерес для темы «археологическое время». Начальные условия — это ещё не самое явление, это то, что англичане называют anticipation — предчувствие, предвкушение, предшествующие явлению ощущение, восприятие, представление и опыт. «Опыт — такое знание, которое непосредственно *дано сознанию* субъекта *(*здесь и далее курсив мой — *Ю.Щ.)* и сопровождается чувством *прямого контакта с познаваемой реальностью* — будет ли это реальность внешних субъекту предметов и ситуаций (*восприятие*) или реальностью состояний самого сознания (*представлений*, восприятий, переживаний и т.д.)[23].

Таким образом, ощущение и опыт, который основан на чувственных ощущениях, менее глубоких, не достигающих сознания и не сопровождаемых чувством прямого контакта впечатления и представления, — это крайности начальных условий: последнее — самое старшее и всегда истинное знание, его можно считать не просто первым, а «первоначальным» знакомством с археологическим временем, которое способно существовать и развиваться гармонично. В свою очередь, «проявление времени» – это учащающиеся и усиливающиеся реальные признаки его присутствия[24].

Тетраду «ощущение — впечатление — представление — опыт» можно, на мой взгляд, соотнести с четырьмя «эволюционными шагами» археологического времени, в диапазоне 1597–5 тыс. лет до н.э.

Выводы

Время — Аристотелева категория Сущего — обозначает *положение* явлений и других событий Бытия на шкале Времени. Время измеряемо, неповторяемо, необратимо. Проявленное *положение* каждого события фиксируют на шкале времени в единицах его измерения.

Два образа Времени, вечное и бренное, *физическое* и *историческое*, соответственно, выделяют, сообразуясь с постоянными качественными признаками-свойствами времени: статика-динамика, гомогенность-гетерогенность, континуум-дискретность, пустота-наполненность.

Образ времени-1. *Физическое время* — не имеет ни начала, ни конца; вечная бесконечность.

Образ времени-2. *Историческое время* — имеет начало и не имеет конца; луч. Всякое датированное событие становится *историческим*.

Образ времени-3. *Археологическое время* — имеет и начало, и конец; отрезок.

Археологическое время выделено недавно в отдельный образ времени, первоначальные свойства которого те же, что и у времени физического, финальные — противоположные ему и те же, что у времени исторического. Археологическое время – последовательное превращение физического времени в историческое, длительность процесса 1,5 млн. л., разделена на четыре эволюционных шага 1597–377–89–21–5 тыс. л. до н.э.

Археологическое время вырастает из времени Биосферы. Оно топографически чётко разделяет время Биосферы, биологическое, и время Истории, историческое. Столь же чётко, как посредник, оно связывает оба времени в логически единую ветвь.

Археологическое время предваряет время Историческое. Оно в своё время на уровне 6765 тыс. л. до н.э. отделилось от биосферного, которое, в свою очередь, отделилось не от вечного, а от конкретного (как представляется, на уровне 2,5 млрд. л. до н.э.).

Открытие характеристик археологического времени породило идею о возможном существовании других видов времени, масштабно равновеликих времени историческому и археологическому.

Эволюция и развитие археологического времени связаны с эволюций и развитием субъекта археологической эпохи настолько, что они представляются одинаковыми и на первый взгляд, и в общих чертах, и в деталях. Главный аргумент в пользу этого утверждения – одинаковая форма обеих моделей: лестница внахлёст.

Сильная эволюционная связь «субъект археологической эпохи — археологическое время» позволяет считать последнее открытием или знанием, которое субъект археологической эпохи получил путём наблюдения.

Следуя модели, можно реконструировать начальные этапы становления исторического времени. В V тыс. до н.э. появились признаки древнейших цивилизаций разного уровня сложности на ограниченных территориях Старого Света. На огромных территориях, находившихся за пределами цивилизаций и на периферии этого мира, я думаю, археологическое время сохранялось вплоть до появления там государственности. Субъект археологической эпохи этой поры осваивал посильною новизну исторического времени: культуру наблюдения звёздного неба, растительного и животного мира, обсерватории, календари и многое другое в знаковом, образно-графическом, фольклорном и в иных дописьменных — на этих территориях — вариантах.

Археологическое время за период своего явного существования (1597–5 тыс. л. до н. э.) если и могло быть как-то названо, то его свойства и особенности вряд ли были поняты и определены. История показывает, что решение такой задачи оказалось посильным великим грекам: Сократу, Платону и Аристотелю.

---

[1] Аристотелевы категории сущего: количество — качество — отношение; пространство — время — положение; активность — пассивность — состояние (существование).

[2] В археологии, как, впрочем, и в других гуманитарных науках, кроме числового, возможно вербальное датирование (когда может быть указано название памятника, археологической культуры или словесное добавление, уточнение числовой даты: вторая четверть X в. н. э. и т. п.).

[3] *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997. Фронтиспис; Время в координатах истории. Тезисы Междунар. науч. конф. М., 2008. 226 с.

[4] Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. Матер. Всеросс. науч. конф. Москва, ИА РАН, 8–11 декабря 2015. М., 2015. 160 с.

[5] Вопросительное слово «что» существует в контексте с «где» и «когда». Если поиск ответа на вопрос «где» был актуален для новых археологий прошлого века, то для ответа на вопрос «когда» речь шла о точности самых дат и о способе их получения. Обе проблемы хронологии и периодизации специального внимания, видимо, не требовали. Оценивая прорыв и порыв в археологии того времени, следовало признать их непреходящее значение: они серьёзно упростили работу с хронологией и периодизацией древностей, которая обрела некоторую самодостаточность.

[6] *Щапова Ю. Л.* Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М., 2005. 192 с.

[7] Прямой ход, вернее: перескок от археологического времени к физическому слишком велик. Предки человека принадлежат биосфере, разного уровня сложности, корни которой уходят с более древнюю геологическую сферу, но исследовательский опыт историков иной, и более мягкие переходы от одного образа Времени к другому, видимо, избыточны.

[8] В её основе обратный числовой ряд Фибоначчи, в котором каждое следующее число есть сумма двух предыдущих. Главное свойство ряда — в его стремлении соотношения смежных чисел в этом ряду к золотому сечению, что особенно хорошо выполняется, начиная с числа 5. Настоящая модель многократно верифицирована, её сходимость с общепринятой эмпирической хронологией +/– 1,5 %.

[9] Перечисленные условности соблюдать несложно, но выгодно для адекватного понимания и оценки изучаемых процессов и событий.

[10] *Гринченко С. Н., Щапова Ю. Л.* Пространство и время в археологии. Ч. 1. Хронология и периодизация археологической эпохи в Старом Свете // Пространство и время. 2013б. № 2. С. 72–81; Ч. 2. Разветвления в модели периодизации археологической эпохи // Пространство и время. 2013в. № 3. С. 54–65; Ч. 3. Метрика базисной археологической структуры // Пространство и время. 2014а. № 1. С. 78–89; Ч. 4. Доминанты деятельности субъектов в структуре археологических субэпох // Пространство и время. 2014б, № 3(17), С. 144–156; Ч. 5. Археологические культуры каменного века // Пространство и время. 2015а. № 1–2 (19–20). С. 136–150; Ч. 6. Археологические культуры бронзового и железного веков // Пространство и время. 2015б. № 3 (21). С. 146–156; Ч. 7. От археологии классической — к мультидисциплинарной // Пространство и время. 2015в. № (22). С. 137–160.

[11] Перечисленные условности соблюдать несложно, но выгодно для адекватного понимания и оценки изучаемых процессов и событий.

[12] *Щапова Ю. Л.* Естественнонаучные методы в археологии. М., 1988. С. 118–122.

[13] Отступление распределения археологического времени от эволюционного процесса, по Гауссу, признак скрытого своеобразия рассматриваемого процесса.

[14] *Гринченко С. Н.* Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М., 2007. 456 с.; *Гринченко С. Н., Щапова Ю. Л.* История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. 2010. № 12. С. 1076–1084; *Гринченко С. Н., Щапова Ю. Л.* Информационные технологии в истории Человечества. М., 2013а. 32 с. (Приложение к журналу «Информационные технологии», № 8 / 2013).

[15] *Щапова Ю. Л.* Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель.

[16] *Растригин Л. А.* Случайный поиск. М., 1979. 64 с.

[17] *Носевич В. Л.* На пути к модели общества как самоорганизующейся системы // Математические модели исторических процессов. М., 1996. С. 202–223.

[18] *Christian D.* Maps of Time. An introduction to Big History. Berkely–Los Angeles–London: Univ. of California Press, 2004. 643 p.

[19] *Гринченко С. Н., Щапова Ю. Л.* Пространство и время в археологии. Ч. 7. От археологии классической – к мультидисциплинарной // Пространство и время. 2015в. № 4 (22). С. 137–160.

[20] *Щапова Ю. Л.* Материальное производство в археологическую эпоху. СПб., 2011. С. 113, таб. 15.

[21] Греко-российский словарь, составленный профессором Казанского Университета Грацинскимъ. М., 1878. 1221 с.

[22] *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.

[23] Там же. С. 103–135.

[24] Появление солярных, лунарных, астральных символов в первобытной культуре можно считать приметой измерения времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзФАН – Азербайджанский филиал Академии наук СССР
АИ – Акты исторические
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
Вестник МГУ – Вестник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГБУК ТГОМ – Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской государственный объединённый музей
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.,1950.
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИГЕМ РАН – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЛС – Лицевой летописный свод
ЛСА – Сфрагистический альбом Н.П. Лихачева
МАБ – Материалы по археологии Беларуси
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
НААО НАЭ – Новгородский архитектурно-археологический отряд НАЭ
НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция
НГОМЗ – Новгородский государственный объединённый музей-заповедник
НИС – Новгородский исторический сборник
НиНЗ ИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы конференции
НОЭ – Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН
НПЛ – Новгородская первая летопись
ОСЭА – Оптический эмиссионный спектральный анализ
ПВЛ – Повесть временных лет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГ – Рюриково городище
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РЛ – Русские летописи
РФА – Ренгтгенофлюоресцентный анализ
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СВ – Средние века
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ – Советская этнография
ТНИИР-Центр – Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
BAR – British Archaeological Reports

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андриенко Алексей Владимирович, зав. отделом хранения и изучения археологических коллекций, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Великий Новгород, e-mail: av_andrienko@mail.ru
Асташова Наталия Ивановна, кандидат исторических наук, Москва, e-mail: solovei50@mail.ru
Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет, Казань.
Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом археологии Московской Руси, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: labeliaev@bk.ru
Болдырева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел археологических памятников, Государственный исторический музей, Москва, e-mail: embold@mail.ru
Буйнова Майя Романовна, выпускница (специалист) кафедры археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, e-mail: kizlaya@yandex.ru
Вдовиченко Марина Викторовна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Москва, e-mail: zakomara@yandex.ru
Гайдуков Пётр Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зам. директора Института археологии РАН, Москва, e-mail: russianchange@yandex.ru
Гиппиус Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, e-mail: agippius@mail.ru
Доброва Ольга Павловна, Центр палеоэтнологических исследований, Москва, e-mail: russa-dolya@mail.ru
Дорофеева Татьяна Семёновна, научный сотрудник, отдел славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail: vesti@archeo.ru
Дубровин Геннадий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: gendub@yandex.ru
Егорова Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, e-mail: tvegorova@yandex.ru
Ениосова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, e-mail: eniosova@gmail.com
Житенёв Владислав Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, e-mail: macober@mail.ru
Завьялов Владимир Игоревич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория естественнонаучных методов, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: v_zavyalov@list.ru
Зайцева Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: izaitseva@yandex.ru
Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru
Зозуля Сергей Сергеевич, младший научный сотрудник, отдел археологических памятников, Государственный Исторический музей, Москва, e-mail: sergi_z@mail.ru
Зубкова Елена Сергеевна, старший научный сотрудник, отдел приема и хранения археологических экспедиционных коллекций, Псковский государственный музей-заповедник, Псков, e-mail: zuba.pskov@gmail.com
Каинов Сергей Юрьевич, старший научный сотрудник, отдел археологических памятников, Государственный исторический музей, Москва, e-mail: skainov@mail.ru
Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, e-mail: kantorovich@mail.ru
Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, зав. отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: kovaloka@mail.ru
Кочкуркина Светлана Ивановна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, зав. сектором археологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, e-mail: svetlana.kochkurkina@yandex.ru
Кудрявцев Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-отраслевой архив, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru
Кузина Инна Николаевна, младший научный сотрудник, отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: kuzina.i@gmail.com
Курмановский Владимир Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: kurmanovskiy@mail.ru
Малыгин Пётр Дмитриевич, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН, Москва, Россия, e-mail: Malygin.PD@tversu.ru
Макаров Николай Андреевич, доктор исторических наук, академик РАН, директор Института археологии РАН, Москва, e-mail: nmakarov10@yandex.ru
Матехина Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург, e-mail: matekhina@mail.ru
Медынцева Альбина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: medyntc@gmail.com
Муренцева Татьяна Юрьевна, специалист, отдел сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: murenceva86@mail.ru

Никитин Сергей Алексеевич, главный специалист, Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Москвы, Москва.
Носов Евгений Николаевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, зав. кафедрой археологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, e-mail: nosov.evg@gmail.com
Овчинникова Бронислава Борисовна, кандидат исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, e-mail: bovchinnikova@mail.ru
Олейников Олег Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: olejnikov1960@yandex.ru
Осипов Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, отдел археологических памятников, Государственный исторический музей, Москва, e-mail: dmitriyosipov@mail.ru
Панова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Москва, e-mail: panova@kremlin.museum.ru
Персов Николай Евгеньевич, научный сотрудник, Автономная некоммерческая организация по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба» (АНО «ТАС»), Тверь, e-mail: persovnik@yandex.ru
Петров Дмитрий Аркадьевич, генеральный директор ООО «Архитектурные мастерские – Классика», Москва, e-mail: dpetrovsr@yandex.ru
Покровская Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: pokrovska-ja@yandex.ru
Пушкина Тамара Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: tapush@mail.ru
Равич Ирина Григорьевна, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, отдел исследования, консервации и реставрации металла, Государственный научно-исследовательский институт реставрации (ГосНИИР), Москва, e-mail: ravich41@mail.ru
Рождественская Милена Всеволодовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории русской литературы, филологический факультет, Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, e-mail: milena.rozh@gmail.com
Рождественская Татьяна Всеволодовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, филологический факультет, Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, e-mail: tat.rozhd@gmail.com
Рындина Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: nvryndina@yandex.ru
Сакса Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail: saksa@mail.natm.ru
Седов Владимир Валентинович, доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник, отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: sedov1960@mail.ru
Серёжникова Дарья Сергеевна, выпускница (специалист) кафедры археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: serezhnikova@yandex.ru
Сингх Виктор Кашмирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: arxeolog@gmail.com
Солдатенкова Варвара Викторовна, младший научный сотрудник, Автономная некоммерческая организация по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба» (АНО «ТАС»), Тверь, e-mail: varya.sold@mail.ru
Сорокин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: alsorokin2110@gmail.com
Степанов Андрей Михайлович, старший научный сотрудник, Центр по организации и обеспечению археологических исследований, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Великий Новгород, e-mail: sam0464@mail.ru
Стерлигова Ирина Анатольевна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Москва, e-mail: irinasterligova@mail.ru
Трофимов Фёдор Валерьевич, выпускник (магистр истории), Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург.
Трубицын Кирилл Владимирович, выпускающий редактор, федеральный портал «Российское образование», Москва, e-mail: trubitsyn@inbox.ru
Тянина Елена Анатольевна, специалист по учебно-методической работе, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: vyla@yandex.ru
Фараджева Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел средневековой археологии, Институт археологии РАН, Москва, e-mail: fnn1@yandex.ru
Хвощинская Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail: kottimoshka85@mail.ru
Шарганова Ольга Львовна, кандидат исторических наук, специалист по учебно-методической работе, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: olsharganova@yandex.ru
Щапова Юлия Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, e-mail: y_schapov@mail.ru

Научное издание

«НЕСКОНЧАЕМОЕ ЛЕТО».
СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ ЕЛЕНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ РЫБИНОЙ

Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Макет, верстка Л. Л. Ивановой
Дизайн обложки Л. Л. Ивановой
Корректор Н. С. Хиврич
Технический редактор Т. М. Воронина

Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная 130 г/м2,
Печать офсетная, гарнитура PeterburgC. Объем 31 усл. п.л.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика.
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
194044, Россия, Санкт-Петербург,
Б. Сампсоньевский пр., д.60, литера «У»
Тираж 500 экз.